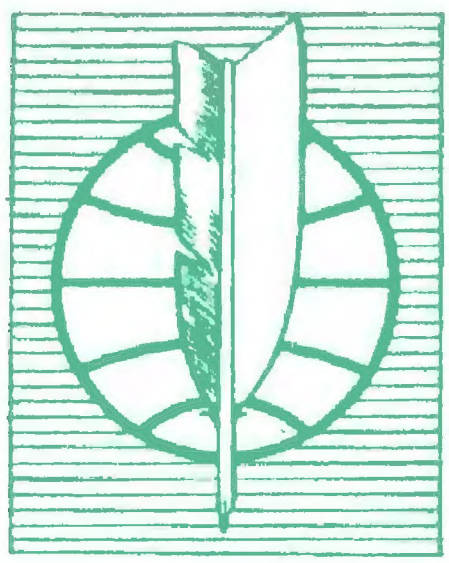
БИБЛИОТЕКА
МИРОВОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
ДЛЯ ДЕТЕЙ

Джеймс Фенимор
КУПЕР
Джеймс Оливер
КЕРВУД

Scan Kreyder - 17.10.2014
STERLITAMAK



БИБЛИОТЕКА
МИРОВОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
ДЛЯ
ДЕТЕЙ

Джеймс Фенимор
КУПЕР

Последний из Могикан,
или
Повествование
о 1757 годе

Роман

●

Джеймс Оливер
КЕРВУД

Бродяги Севера

В дебрях
Севера

Повести

●

МОСКВА

«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1992

ББК 84.7США
К92

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
«БИБЛИОТЕКИ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ»

Алексеев С. П.
Алексин А. Г
Барабаш Ю. Я.
Верейский О. Г.
Гамзатов Расул
Гончар Олесь
Дехтерев Б. А.
Коржев Г. М.
Леонов Л. М.
Лихачев Д. С.
Ломунов К. Н.
Марков Г. М.
Межелайтис Э. Б.
Миршакар Мирсаид
Михалков С. В.
Мотяшов И. П.
Мустай Карим
Новожилова З. Г
Прилежаева М. П.
Свиридов Н. В.
Стукалин Б. И.
Танк Максим
Шатунова Т М.

Автор предисловия
А. П. САРУХАНЯН

Автор комментариев
Ю. КОНДРАТЬЕВА

Оформление серии
Б. А. ДЕХТЕРЕВА

Оформление тома и рисунки
Л. ФАЛИНА

К $\frac{4804040100—263}{M101(03)-92}$ Без объявл.

ISBN 5—08—002568—9

© Предисловие. Комментарии.
Оформление. Иллюстрации.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1979

АМЕРИКА КУПЕРА И КЕРВУДА

Географическое открытие Американского континента произошло намного раньше открытия художественного.

С конца XV века, когда сюда приплыл на своих каравеллах Колумб, и вплоть до XVIII века «старая» Европа удовлетворяла свой интерес к Новому Свету по большей части из хроник и дневников, книг путешествий и политических трактатов. Его художественное освоение началось на рубеже XVIII — XIX веков, прежде всего в поэзии и новеллистике. Но без особого преувеличения можно сказать, что национальная жизнь в ее своеобразии, Америка нерубленых лесов и бескрайних прерий, Америка пионеров-первопроходцев и коренных жителей — индейцев, по-настоящему открыта Джеймсом Фенимором Купером (1789—1851), которого по праву называют создателем американского романа. Именно так он был воспринят своими знаменитыми современниками: Гете, Вальтером Скоттом, Теккереем, Жорж Санд, Бальзаком, Лермонтовым, Белинским.

Наследие Купера велико и многообразно: более тридцати романов, исторические сочинения, публицистические памфлеты. Он бороздил моря на торговых и военных судах, более семи лет прожил в Европе. В результате родились увлекательные «морские романы», поучительные книги путешествий, исторические романы из европейской жизни. Он писал об американской революции и земельной проблеме, создавал семейные хроники,

сатирические и утопические произведения. Но из всего, что написал Купер, особую любовь читателей всего мира заслужили его пять романов, объединенных одним героем по имени Натти Бампо. Долгую жизнь именно этих романов предвидел и сам писатель: «Если какому-либо произведению, вышедшему из-под этого пера, суждено пережить себя, то это, бесспорно, будет серия «романов о Кожаном Чулке», она переживет некоторые или все произведения, созданные теми же самыми руками».

В этих романах (действие их происходит с 1745 по 1805 год) Купер обратился к тому периоду истории Северо-Американского континента, когда здесь еще шла борьба за его землю между коренными жителями, индейцами, и европейскими колонистами, между англичанами и французами, которые в своей захватнической войне коварно использовали разобщенные индейские племена. Это было время, когда фронтир — граница между колонизованными землями и первозданными лесами, населенными индейцами, еще проходила очень близко от Атлантического океана, постепенно отодвигаясь на Запад, оттесняя индейцев в сторону «заходящего солнца». Результаты этого процесса, который вместе с цивилизацией нес уничтожение коренных жителей материка, хищническое расхищение его природных богатств были уже хорошо видны Куперу.

Он родился через тринадцать лет после провозглашения независимости североамериканских штатов, через два года после принятия первой конституции (1787). Три десятилетия, на которые приходится его творчество, уже обнаружили противоречия молодой американской демократии.

История, к которой он обратился, была совсем недавней, как все в тогдашней Америке, недавней и уже принесшей горькие плоды. Купер изучал ее по историческим и экономическим трактатам. Но он знал ее и по устным рассказам очевидцев, своих старших современников. Да и сам он по впечатлениям детства мог составить себе представление о жизни пионеров. Ведь линия фронтира, разделяющая «цивилизованный» и «дикий» край, лежала в штате Нью-Йорк, там, где на берегу озера Отсего прошло детство будущего писателя. В этом поселке, теперь уже скорее в городе, он поселился после возвращения из Европы, здесь же написал большинство своих романов.

От этих мест начинает свое продвижение на Запад и любимый герой Купера Натаниэль Бампо. Суровая жизнь фронтира родила свои легенды и сказки. Едва ли не самым популярным их героем был лесоруб Поль Баньян, обладавший гигантской силой и неиссякаемым весельем. Но Купера привлекали совсем другие герои — охотники и следопыты, люди лесов, а не лесорубы. Таким и был Натти. Вы познакомитесь с ним в романе «Последний из могикан», где рассказан один из эпизодов его

жизни. Но чтобы узнать его поближе, попробуем вместе с Купером проследить его путь начиная с того времени, когда он совсем еще юношей появляется в «Зверобое». Мы видим его в расцвете сил в «Последнем из могикан», человеком среднего возраста в «Следопыте», ему уже шестьдесят восемь в «Пионерах» и за восемьдесят в «Прерии». Охотник, следопыт, зверолов, Натти Бампо больше известен под множеством прозвищ. Индейцы, среди которых он долго жил, отмечали в них природные качества Натти. Они звали его «Прямой язык» за то, что он никогда не лгал, «Голубь» — за быстроту, «Вислоухий» — за собачье чутье, «Зверобой» — за охотничье искусство. Но особенно Натти гордился прозвищем «Соколиный Глаз», полученным от побежденного в честном бою врага, оценившего его меткость и благородство. Под этим именем он действует в романе «Последний из могикан». Но не все прозвища нравились Натти — на «Длинный Карабин» он не любил отзываться. Это имя дали ему враги, напуганные его умением стрелять без промаха. Но ведь он не убийца и стреляет только по крайней необходимости, да и «оленебой», по его собственному замечанию,— охотничье ружье, а вовсе не карабин.

Обитатели пограничной полосы, поселенцы перенимали у индейцев обычай давать прозвища. Но они не обладали поэтическим воображением индейцев, и прозвища у них выходили прозаическими — в них отмечался не природный дар человека, а, скорее, какой-то внешний признак. Натти Бампо обычно носил гетры из оленьей кожи — за эти-то гетры поселенцы и прозвали его Кожаным Чулком. Проходили годы, десятилетия, другие прозвища забывались: они больше подходили молодости, силе, ловкости, в то время как «Кожаный Чулок» закреплялся прочнее и дал название всей серии романов о Натти Бампо. Образ этот имел своих прототипов в жизни, ему предшествовали фольклорные образы пионеров-первопроходцев. Но Купер определил ему особое место в американской истории. Неграмотного и неимущего Натти Бампо он ставит рядом с Дж. Вашингтоном, главнокомандующим в Войне за независимость, первым президентом Соединенных Штатов Америки, называя их «двумя подлинно великими людьми своего времени».

Подчеркивая демократичность своего героя, Купер наделяет его самой обыкновенной, казалось бы, даже заурядной внешностью, но тем отчетливее видна его внутренняя красота. Представляя своего героя читателю, Купер спешит обратить внимание на лицо Натти Бампо, скорее некрасивое, на его простую и грубую одежду. Но стоит ему поднять ружье, готовясь к состязанию по стрельбе, весь он преображается, и тут уже писатель не скупится, описывая его благородную осанку, стройную фигуру, естественную грацию движения.

Гораздо большее значение в характеристике Натти писатель придает его душевным качествам, особенно выделяя простодушие, чистосердечность, преданность. Его чувства, помогавшие четко разграничивать правду и ложь, добро и зло, сравниваются со свежестью девственного леса.

Создавая свой «идеальный образ фронтирсмена», Купер противопоставляет его корыстолюбивым и жадным скваттерам, спешившим захватить новые участки земли. У Натти Бампо нет собственного клочка земли, зато он чувствует себя владельцем всех ее богатств. Собака да ружье — вот и все его имущество, они и составляют его «знак», известный во всех ближайших поселениях: буква «Н», ухо гончей и замок ружья.

Натти Бампо не похож и на другой тип фронтирсмена, того, кто, участвуя в сражениях, легко становится убийцей, хотя именно таким его пытаются изобразить некоторые американские литературоведы. В доказательство «кровожадности» Натти даже приводятся такого рода «убедительные» доводы: на страницах «Последнего из могикан» слово «кровь» встречается девяносто пять раз. Но кровь льется, когда Натти спасает своих друзей. А о том, как претит ему само убийство, лучше всего говорит он сам в романе «Следопыт»:

«Я всего-навсего простой охотник, разведчик и проводник. Мой настоящий промысел — охота за дичью для армии как в военное время, когда я участвую в ее походах, так и в дни мира... не война и кровопролитие — мое призвание в жизни, а милосердие и мир». Он помогает английской армии, ведущей войну с французами, но мечтает о мире, «чтобы по-прежнему можно было бродить по лесам, не встречая никаких врагов, кроме зверей и рыб».

В среде поселенцев нередко давал о себе знать религиозный фанатизм. И здесь положение Натти особое. Он — христианин, о чем постоянно сам напоминает с наивной гордостью. Но в его нравственных убеждениях очень мало того, что связывало бы его с христианскими догмами, и очень много общечеловеческого, гуманистического. Поэтому ему так легко не только с терпением, но и с пониманием и искренним уважением относиться к верованиям его друзей-индейцев: Бог или Великий дух властвует над человеком, главное, чтобы ему не изменяло чувство чести и справедливости.

Купер называет своего героя «философом-отшельником». Но это вынужденное одиночество. Натти бежит от людей, от тех, кто ненавистен ему своей жестокой жадностью, но он не покинет друзей и всегда готов ради них пожертвовать жизнью. Мы видим его постоянно в кругу друзей. Рядом с ним до самой своей смерти верный друг Джон Могиканин и его сын Ункас, и все люди, которые обязаны своей жизнью его бескорыстной и самоотвер-

женной помощи. И умирает он, окруженный друзьями-индейцами и белыми («Прерия»).

Вот семью свою он действительно не создал, «не оставил после себя никого, кто продолжал бы носить его имя в краю, где он так долго прожил». Когда-то он сам не ответил на призыв девушки, которая не только оценила его по достоинству, но и предпочла красавцу Гарри Марчу («Зверобой»). На вопрос, где его возлюбленная, он ответил, как мог бы это сделать поэт: «Она в лесу, она падает с древесных ветвей вместе с каплями дождя, она росой ложится на траву, она плывет с облаками по голубому небу, она поет вместе с птицами, она течет звонкими ручьями, из которых я утоляю жажду, она во всех прекрасных дарах, которыми мы обязаны благому провидению».

Когда же он встретил девушку, которую хотел бы назвать женой, ему пришлось пережить страдания, больно терзавшие его сердце. В романе «Следопыт» писатель вводит нас во внутренний мир Натти, показывает его в трудный час, когда радужные надежды сменяются горьким разочарованием. Но и на этот раз в нем побеждает душевное благородство, уважение к правам и чувствам других людей, которое было неотъемлемой частью его великодушной натуры — он добровольно отказывается от Мейбл, которая готова из чувства долга выйти за него замуж, хотя и любит другого.

Грустно видеть, как стареет Натти. Все больше морщин на его загорелом лице, все более тощим становится его мускулистое тело, он уже не может положиться на свой тонкий слух и острое зрение.

«Я не траппер»,— с гордостью говорил молодой охотник. Но проходят годы — ослабло зрение, дрожит рука,— и он им становится. Уже не «оленебоем», а капканами приходится добывать себе средства к жизни. Стук топора прогнал его из любимых лесов, убежищем ему уже служит прерия.

Но духовные качества Натти остаются теми же. Он по-прежнему безошибочно различает добро и зло, в нем все та же честность и искренность, то же простодушие и сердечная прямота. И как ни изменилась его внешность, он все так же смеется «своим странным беззвучным смехом, выражавшим веселое торжество и насмешку». Любитель веселой шутки, он с годами выработал в себе привычку смеяться беззвучно, зная, что громкий смех в лесу небезопасен.

И поза все та же: прощаясь с друзьями, снова оставшись один, он стоит, опершись на свое любимое ружье длиною в шесть футов — в его собственный рост.

Купер говорит о своем герое, как о человеке «не знавшем пороков, честном и искреннем, как сама природа». Таким он и остается до глубокой старости: «... его исхудалое тело держа-

лось, как ствол векового дуба, который стоит сухой, оголенный, потрепанный бурями, но несгибаемый и твердый, как камень».

От «Зверобоя» и до «Прерии» проходит перед нами славная жизнь Натти Бампо, но не в таком порядке писались романы, составившие пятитомный цикл. Складывался он постепенно. Работая над «Пионерами» (1823), первым по времени написания романом, где мы встречаемся со старым Натти, писатель еще не думал о продолжении. В «Последнем из могикан» (1826) он показал своего героя в пору мужественных подвигов. После «Прерии» (1827), завершающейся смертью Натти, писатель считал серию законченной. И лишь через тринадцать лет Купер вновь возвращается к своему герою и пишет еще два романа о его юности и зрелости: «Следопыт» (1840) и «Зверобой» (1841).

Если развернуть романы в том порядке, в котором они писались, то будет видно, как менялось отношение Купера к американской действительности, отрицательные стороны которой становились для него все более очевидными и как в связи с этим усложнялась и героизировалась судьба центрального персонажа. Писатель оставался патриотом своей страны, но теперь он и ее критик, со страхом и отвращением наблюдающий путь, по которому она пошла — власть денег, хищническое уничтожение природных богатств, истребление индейцев, обреченность таких дорогих ему героев, как Натти Бампо.

В романе «Прерия» Натти Бампо произносит горестный монолог: «К чему идет Америка? И к чему приведут хитрые выдумки ее народа? Только богу известно! В молодые годы мне довелось увидеть одного индейского вождя, который в свои молодые годы увидел, как первый христианин ступил злою своею ногой на землю Йорка! Как обезображена за две короткие жизни красота пустынного этого края!» Это были раздумья и самого писателя, который спустя несколько лет в одном из своих писем с горечью признавался: «Я разошелся со своей страной. Пропасть между нами огромна. Кто кого опередил — покажет время».

От романа к роману ширился замысел писателя, образ Натти Бампо приобретал все более героические масштабы. Вначале ему отводилась роль скорее связующего персонажа, чем центрального героя. Но уже в первых трех книгах Натти Бампо из чудаковатого старика в «Пионерах» вырастал в трагическую фигуру в «Прерии».

В 40-е годы, когда у Купера все меньше оставалось веры в гармоническое развитие США, он все более стремится противопоставить своего героя воцарившемуся в стране торгашескому духу. Жизнь Натти раскрывается в обратном порядке. Последний по написанию роман «Зверобой» воскрешает самый ранний эпи-

зод его биографии. Здесь он представлен во всей своей славе — в ореоле молодости, мужества, благородства. Здесь же впервые прозвучала тема «внутренних врагов». Натти Бампо не страшит встреча с врагом на «тропе войны», но он становится задумчив, когда размышляет о тех, что укрылись за стенами английских крепостей, о поселениях, где «все полно противоречий». Более того, именно в этом романе, где все дышит молодостью и энергией, Натти Бампо оказывается в кругу людей внутренне ему чуждых и враждебных, таких, как белые охотники за скальпами Томас Хаттер и Гарри Марч. И именно им он вынужден помогать, их спасать от мести индейцев. Это единственный роман, в котором рядом с Натти нет ни одного друга — белого. Пожалуй, здесь он более одинок, чем во всех других книгах цикла.

Образ Натти Бампо разрастается до трагических масштабов. Не только индейцам, но и таким, как он, не было места в новой Америке. В его горьких словах о том, что он не оставил никого, кто носил бы его имя, заключен символический смысл. Натти Бампо — один из тех простых американцев, которые прокладывали новые пути, он вынес на себе все тяготы кочевой жизни, плодами же его трудов воспользовались другие. Он прокладывал путь тем, кто искал легкую добычу на неосвоенных просторах новой земли. Но, как и коренные жители страны, он стал жертвой ее новых хозяев. Трагическое противоречие его роли в том, что он бежит от буржуазной цивилизации и сам же прокладывает ей путь.

Эту противоречивую роль Натти Бампо отметил А. М. Горький: «Он всю жизнь бессознательно служил великому делу географического распространения материальной культуры в стране диких людей и оказался неспособным жить в условиях этой культуры, тропинки для которой открыл. Такова — часто — судьба многих пионеров-разведчиков — людей, которые, изучая жизнь, заходят глубже и дальше своих современников. И с этой точки зрения безграмотный Бампо является почти аллегорической фигурой, становясь в ряды тех истинных друзей человечества, чьи страдания и подвиги так богато украшают нашу жизнь».

С темой пионерства у Купера неразрывно связана индейская тема. Все романы цикла говорят о том, что истребление индейцев отнюдь не было исторической неизбежностью, как пытались это изобразить апологеты американского пути развития. Мирное сосуществование белых пришельцев и краснокожих туземцев было бы возможным, если б не хищническая, разбойничья позиция колонизаторов. Дружба белых и индейцев в романах Купера — это его мечта о том, как могла бы сложиться жизнь на континенте, мечта неосуществившаяся, обернувшаяся трагедией истребления народа. Своим изображением индейцев Купер

противостоял расистским теориям, получившим крайнее выражение в циничной поговорке: «Хороший индеец — мертвый индеец». Он не только не считает индейцев «низшей» расой, он видит в них то, что возвышает их над «бледнолицыми» победителями, вполне заслужившими прозвище «Длинных Ножей». Вместе со своим героем Купер убежден, что человека «надо судить по его делам, а не по цвету кожи».

Натти Бампо называет себя братом индейцев, но при этом часто повторяет, что в нем нет ни капли индейской крови. О «чистоте крови» говорит и Ункас, последний представитель могикан. Но следует ли из этого, что Купер придерживался идеи несовместимости рас, предопределенности их вражды? В том, что это не так, более всего убеждает сама система художественных образов, их расстановка, взаимоотношение и судьба. Глубокий смысл заключен в положении Натти Бампо между белыми и индейцами, положении не промежуточном, а связующем. Купер не случайно в его внешности и одежде подчеркивает то, что делает его таким похожим на его краснокожих друзей. Загорелое, обветренное лицо, платье, представлявшее причудливую смесь костюмов двух наций,— все это при первой встрече у многих вызывало сомнение в его национальной принадлежности. Натти вырос в среде индейцев, у них обучился мастерству охотника и следопыта, в их поселении, окруженный любовью и почтением, кончает свои дни. Не имея собственных детей, он питает отцовские чувства к Ункасу, своим сыном называет молодого индейского вождя «Твердое Сердце» («Прерия»). Натти Бампо научился понимать не только язык индейцев, но и их образ жизни, обычаи, натуру. Он соглашается, что краснокожие любят похвастать, но видит в этом не порок, а «прирожденный дар», который сродни их поэтическому воображению. Натти не может примириться с диким обычаем скальпировать побежденного врага. Но резонно замечает, что одно дело обычай, другое, когда им пользуются англичане и французы, назначая плату за скальпы и тем разжигая кровожадные чувства. И не случайно Купер обращает внимание читателя, что скальпировальный нож в руках индейцев был английского производства.

Натти Бампо особенно дорог его создателю тем, что соединил в себе все добрые свойства двух народов. Он ведет свое происхождение от европейских пришельцев, но обрел столь прочное родство с землей Америки, с ее природным миром, что Купер считает себя вправе назвать его «коренным жителем», находя еще одну линию, связывающую его с аборигенами. В самой судьбе Натти Бампо много общего с участью индейцев. Вместе с ними он обречен утверждающейся буржуазной цивилизацией. В той же жизни, которая с ней приходит, им всем уже не будет места.

С особенным драматизмом расовая проблема воплотилась в «Последнем из могикан», самом «индейском» романе Купера. Натти Бампо, хотя и здесь его роль велика, как бы слегка отступает в сторону, чтобы оставить больше места его главному герою, молодому индейцу Ункасу, на трагическую и одновременно героическую судьбу которого указывает заглавие книги. Его рыцарственная любовь к Коре и положение самой этой девушки-полукровки говорят о том, что Купер верит в сближение рас на основе естественных человеческих чувств. Изображая их гибель, описывая торжественный ритуал погребения, признавая неосуществимость этой мечты, Купер поднимает своих героев на идеальную высоту. Он обращает внимание на сохранившуюся в них первобытную величавость, естественное достоинство. В их среде воинская доблесть и мудрость ценятся в равной степени. Чтобы стать вождем, надо быть не только знаменитым воином, но и советником своего народа.

Перед читателем романов Купера неизбежно возникает вопрос: сколь реальны в них образы индейцев? Их воинственные пляски и боевые кличи, диковинная раскраска тела, томагавки и заткнутые за пояс скальпы поверженных врагов — для последующих поколений все это представлялось не менее фантастическим, чем доблестные подвиги и невероятные похождения мушкетеров французского короля. Истории, рассказанные Купером и Дюма, прочно вошли в детское чтение, они будили воображение, по ним затевали увлекательные игры «в индейцев» или «мушкетеров» мальчишки самых разных стран.

И все же можно с определенностью сказать, что в куперовских индейцах воображение романиста вполне согласовывалось с исторической правдивостью. Во времена Купера индейцы оттеснялись за Миссисипи — там, вдали от мест, где жил писатель, разыгрывались новые трагедии, продолжалась война на истребление. Купер сам писал: «Я никогда не был среди индейцев. Все, что мне известно о них, взято из книг и рассказов моего отца». Но книги и рассказы, к которым обращался писатель, были свидетельствами очевидцев, и он имел основания отнестись к ним как к авторитетным источникам, ссылкой на один из них, отвечая своим критикам в предисловии к циклу романов о Кожаном Чулке: «Автора этих книг упрекали в том, что в них краснокожие изображаются с большей симпатией, чем они этого заслуживают. Автор понимает, что большинство из этих упреков проистекает от привычек людей, высказавших их. После того как вышло первое мое произведение, где был нарисован образ индейца, один из критиков заметил, что это «индейцы по Хекуэлдеру, а не взятые из жизни». Уже в самом этом упреке кроется зерно справедливого ответа на него. Хекуэлдер был ревностным, доброжелательным миссионером, склонным различать хорошее в

краснокожем, видеть в нем существо, наделенное душой, разумом и всеми свойствами такого же, как и мы, человека».

Купера нередко упрекают в идеализации индейцев на том основании, что они-де изъясняются в его романах на таком возвышенном языке, на котором вряд ли могли говорить «дикари». Но Купер видел в них не примитивных дикарей, а наследников, возможно, некогда великой цивилизации, исчезнувшей под натиском европейских колонизаторов. Они не оставили литературных памятников, но в их обычаях и легендах, в ораторском красноречии воскресало утраченное наследие. Конечно, Куперу не могли быть известны позднейшие исследования культуры американских аборигенов, добытые в их ходе скупые факты и выросшие из них щедрые гипотезы. Но, работая над романами, он внимательно изучал все доступные для того времени материалы — записки путешественников, дневники миссионеров — свидетельства достаточно авторитетные, так как принадлежали они людям, подолгу жившим среди индейцев, изучавшим их нравы, языки, предания. И сравнение романов Купера с этими источниками говорит о том, что созданные им образы индейцев вовсе не были подобиями древних кельтских героев, шотландцев Скотта или пиратов Байрона. Он не имитировал европейские образцы, а старался правдиво изобразить своеобразие американских индейцев, придавал большое значение точности деталей, касающихся их жилища, одежды, языка. Подсчитано, что более трех четвертей всех образных выражений и метафор, рассыпанных по страницам романов Купера, взяты им из исторических источников, остальные созданы им самим в том же поэтическом ключе.

Первые переводчики, служившие посредниками между белыми и индейцами, не умели, да и неспособны были оценить их изысканные обороты, риторические длинноты, торжественную велеречивость обращений. То, что казалось безвкусным орнаментом, бесполезным украшением вроде убора из перьев, на самом деле передавало образное восприятие мира, свойственное индейцам, их понятие о вежливости, представление о чести, что отнюдь не исключало мужественную решимость, быстроту реакций. Эта особенность превосходно передана в романах Купера. Длинные, расцвеченные метафорами речи индейских вождей заканчиваются веским лаконизмом фразы: «Я всё сказал». За неспешными приготовлениями к бою, ритуальными плясками и песнями следует бешеный темп самого сражения.

Образный строй языка индейцев определялся связью с природой. В предисловии к «Последнему из могикан» Купер писал, что «их источником метафор были движущиеся облака, сменяющиеся времена года, мир птиц, животных, растений». Созданные им индейцы ведут счет дням по «солнцам», месяцам — по

«лунам», годы исчисляются «зимами» или «снегами», направление определяют как путь к «восходящему» или «заходящему солнцу».

«Раздвоенный язык» означает у них предательство, «поющая птица» — лжец, «уши» указывают на внимание. Даже слово «тропа» употребляется не только в его прямом, но и в переносном значении. Герои Купера в непроходимом лесу умеют найти едва заметную тропу. «Следопыт», если перевести слово с английского буквально, означает — «находящий тропу». Но запомнилась и вошла в язык связанная с ним метафора «тропа войны». То же происходит и с томагавком — оружием индейцев. До прихода колонизаторов так называлась деревянная палица с каменным наконечником, ее сменили железные топорики, которыми европейцы снабдили индейцев, как и ружьями, куда более «совершенными» орудиями убийства. Но в словах «зарыть томагавк», означающих конец войны, как и в «костре совета» или «трубке мира» конкретный предмет вытеснился символическим смыслом, и в таком обобщенном значении эти сочетания сохранились для последующих поколений. В разговорный язык вошло и название куперовского романа «Последний из могикан». Оно уже ассоциируется не столько с индейским племенем, с гибелью его последнего представителя, сколько с несгибаемой волей, верностью благородной цели. Эти и подобные им слова стали столь прочной частью нашей речи, что порой уже приобретают оттенок ходульности, штампа. Но при этом не стоит забывать, что так впервые в литературный язык с помощью Купера вошли индейские образные обороты. В предисловии к «Последнему из могикан» Купер характеризует индейцев, как народ «на войне — отважный, кичливый, коварный, беспощадный, готовый к самопожертвованию; в мирное время — справедливый, великодушный, гостеприимный, мстительный, суеверный, скромный и обычно целомудренный». В этом сложном наборе казалось бы взаимоисключающих качеств и запоминаются индейцы Купера.

Сейчас трудно поверить, что еще двести лет назад менее чем в трехстах километрах от теперешнего многомиллионного Нью-Йорка можно было восторгаться «торжественными сумерками американских нерубленых лесов». Но уже и через несколько десятилетий, когда Купер писал об этом, в его родных местах леса были вырублены, озера обмелели, исчезла дичь, рыба. Пионеры уходили дальше, за Миссисипи. К концу XIX века о дикой природе Соединенных Штатов можно было узнать только по книгам. Движение на Запад остановилось — фронтир достиг Тихоокеанского побережья и перестал существовать.

Природа в ее первозданности, безлюдье лесов, ущелья, куда

не ступала нога человека, безмолвные заснеженные пустыни сохранились лишь на севере континента — в Канаде и Аляске. Эти места влекли к себе американских писателей, которых интересовала романтика суровой, трудной жизни золотоискателей и охотников, жизнь лесов, тундры и всего того, что в них обитает.

Сюда обратил свое внимание и Джеймс Оливер Кервуд (1878—1927). Он родился в штате Мичиган, неподалеку от границы с Канадой — страной, с которой связано все его творчество.

С юности Кервуд увлекся охотой. Но любовь к природе победила в нем охотничью страсть. Он много путешествовал по Канаде, жил среди эскимосов, бывал на Аляске. Способы передвижения были разными: лыжи, каноэ, собачья упряжка, лошади да и просто пешком. Но цель одна: изучать жизнь природы, повадки животных. Первый роман Кервуда появился, когда ему было уже тридцать лет. С тех пор он писал неустанно: двадцать шесть книг за девятнадцать лет.

Наибольший успех имели его повести о животных, дар рассказчика сочетался в них с познаниями натуралиста. Сам писатель большое значение придавал фактической достоверности этих своих произведений: «В жизни диких зверей, как и в человеческой жизни, есть свой трагизм, свой особый юмор, свой пафос. Есть множество необыкновенно интересных фактов, действительных событий и действительных персонажей, написать о которых просто необходимо, и вряд ли кому-нибудь нужно, чтобы при этом что-то выдумывали».

Кервуд любит показывать поведение необычных пар животных. В «Казане» (1914) — это собака с примесью волка и слепая волчица; в «Гризли» (1917) — огромный медведь-самец и беспомощный, оставшийся без матери медвежонок; в «Бродягах Севера» (1919) — щенок и медвежонок. Их дружба не предусмотрена природой. Но сведенные вместе неожиданными обстоятельствами, приспосабливаясь к ним, они вырабатывают новые формы поведения. Они становятся необходимыми друг другу, так как иначе могут погибнуть, а инстинкт сохранения жизни у животных очень силен. Ощутив эту необходимость, они трогательно сохраняют верность дружбе. Преподанный урок очевиден: не вражда, а дружба, взаимовыручка помогают избежать верную гибель.

В создании книг о животных писатель видел свою особую миссию: на свои прошлые охотничьи подвиги он смотрит теперь как на преступление и своими книгами хочет хотя бы отчасти искупить нанесенный им ущерб. Он выступал в них с «исповедью человека, который много лет охотился и бил зверя, прежде чем ему открылось, что дебри могут предоставить более захваты-

вающее развлечение, чем убийство». И выражал надежду, что написанное им, «возможно, заставит и других почувствовать и понять, что больше всего охота захватывает не тогда, когда бьешь зверя, а когда оставляешь ему жизнь». О том, как свершается это превращение, Кервуд рассказал в повести «Гризли». В ее герое, охотнике и искателе приключений Джиме Ленгдоне, легко угадывается сам автор. Как и Кервуд, он «половину своей жизни проводил в диких местах, а все остальное время писал об увиденном».

Этот неутомимый путешественник наслаждается видом каждой новой долины, стремится открыть ее тайны, узнать ее особую жизнь. Направляя бинокль на раскинувшиеся перед ним просторы, куда еще не заглядывал ни один охотник, он уже мысленно готовится к путешествию по другим, столь же прекрасным местам: «Сколько же всего таких вот долин в Канадских горах, которые простерлись с запада на восток от моря до прерии и на тысячу миль с севера на юг?.. Сотни, тысячи... И в каждой — целый мир, свой особый мир. В каждой — своя жизнь, свои ручьи, озера, леса, свои радости и свои трагедии».

Бывалый охотник, он уже давно не стреляет зверей ради спортивного интереса. Временами ему «кажется, что ходить с ружьем вообще преступление». Но, напав на след огромного горного медведя гризли, самого большого из всех, которых он когда-либо видел, Ленгдон не может устоять от искушения, уж очень ему хочется заполучить его шкуру. Он поддается охотничьему азарту и две недели безуспешно гоняется за медведем. Но в тот день, когда, безоружный, он лицом к лицу встретился с ним, свершилась «великая перемена». Это была встреча со смертью. Но огромное чудовище, «Король Гор» не тронул его — человек не угрожал ему, а Тэр не убивал ради удовольствия убить. Сам того не ведая, зверь преподал урок человеку. Теперь Ленгдон не может его убить. Более того, он стреляет в собственных собак, чтобы медведь успел скрыться за горной грядой, и называет это «самой удачной охотой в своей жизни».

Подобного рода персонажи появляются почти во всех повестях Кервуда. В «Казане» — это молодой зоолог Поль Уэймен, собирающий материал для своей книги под названием «Разум диких животных». Он не расстается с фотоаппаратом, а его единственное оружие — перочинный нож.

Чэллонер, с которым вы познакомитесь в повести «Бродяги Севера», охотник по профессии, убивает зверей и продает их шкуры. Он привык к своей работе, хотя выполняет ее без особого азарта, скорее по необходимости. И медведицу он выслеживает не ради удовольствия, а чтобы пополнить необходимый ему запас

мяса и жира. Но жалобный вопль медвежонка, лишившегося матери, вызвал у этого охотника-профессионала «такое ощущение, словно он совершил преступление».

Да и Роджер Мак-Кей, более известный под кличкой «Веселый Роджер» («В дебрях Севера», 1922), всегда внушал своему другу, щенку Питеру, что «существует огромное различие между охотой для пропитания и бессмысленными убийствами ради забавы». Не правда ли, как похожи эти слова на те, что любил повторять Натти Бампо, когда обращался к своим согражданам: «Мне неприятно смотреть, как вы попусту истребляете живность, словно вам неведомо, что и самое малое существо сотворено не для истребления, а на пользу человеку».

Читать Кервуда не только увлекательно, но и радостно. И люди, и животные в его книгах встречаются со множеством опасностей, порой им угрожает гибель. Напрягая все свои силы, делая более того, что казалось возможно, они в конце концов преодолевают опасности и выходят победителями. Вместе с ними побеждает доброта, верность, мужество.

Романы Кервуда обычно заканчиваются счастьем хороших и гибелью плохих персонажей. В жизни так случается далеко не всегда. Но счастливые концовки в них звучат не фальшиво. Ведь приходят они не по воле провидения, не в силу той или иной необыкновенной случайности. В них есть своя внутренняя логика, отвечающая «закону морального тяготения», по которому особой притягательной силой обладает добро, тогда как зло только отталкивает. А в таком случае именно так все и должно было произойти, как это показывает писатель.

К сожалению, моральный закон не действует с такой же безупречностью, как закон природы, и тогда случаются столкновения, удары, падения. Но ведь так не должно быть. Тем более, что природа, в несравненно суженном, но и приближенном к нам смысле — все, что окружает нас здесь, на земле,— тоже зависит от соблюдения морального закона, запрещающего истребление — будь то леса, животные или люди.

Во времена Купера слово «экология» еще не было изобретено. При Кервуде оно уже было известно, хотя и не в том смысле, какой вкладывают в него теперь. Его ввел немецкий естествоиспытатель Э. Геккель в 1866 году для обозначения науки о местообитании. Сейчас этот термин у всех на устах, а наука, которая им названа, включает уже всю систему взаимоотношения организмов с окружающей средой. Угроза экологического кризиса никого не оставляет равнодушным. Охрана природной среды стала делом всего человечества. О том, что дикая природа в опасности, извещает Красная книга, обращенная к совести людей в защиту исчезающих животных. Все настойчивее говорят, что в защите уже нуждаются не только редкие, но

и все виды животных. Например, для сохранения медведей гризли, оленей карибу, о которых Кервуд в начале нашего века писал как о самых распространенных обитателях Северной Америки, сейчас, в наше время, уже необходимы специальные меры — численность их резко сокращается.

Но и Куперу еще не рано было говорить об угрозе истребления природных ресурсов. И он говорил об этом страстно, предупреждая своих сограждан о преступности хищнического отношения к ним. Вместе с Натти Бампо, который, живя в лесу, готов скорее посадить шесть деревьев, чем срубить одно, он всегда выступал в защиту леса.

Предупреждения Купера нередко поражают своей дальновидностью, как, например, в случае с американскими странствующими голубями. Читатели «Пионеров» помнят возмущение Натти Бампо так называемой охотой на голубей, когда все жители поселка высыпали на равнину, чтобы стрелять из ружей, палить из пушки по огромной сбившейся стае перепуганных птиц. Глядя на землю, устланную их трупами, Натти с горечью говорит: «Каждую весну, сорок лет подряд, я видел, как пролетают здесь голуби, и, пока вы не начали вырубать леса и распахивать поляны, никто не трогал несчастных птиц. Я любил смотреть из них, они составляли мне веселую компанию — ведь они никому не приносили никакого вреда, они были безобидны, как ужи. Но теперь мне становится не по себе, как только я заслышу свист их рассекающих воздух крыльев,— я знаю, что сейчас же сбегутся озорники поселка и поднимут стрельбу».

Действие романа, как мы помним, отнесено к самому концу XVIII века, писался он в двадцатых годах следующего. Американские странствующие голуби существовали тогда в огромном количестве. Они гнездились в лиственных лесах от Южной Канады до северных районов штатов Виргиния и Миссисипи. Вымирание странствующего голубя началось через пятьдесят лет, а в 1900 году была убита последняя птица. Вид этот исчез окончательно. То же едва не произошло с американскими бизонами, которые до появления в Америке белых исчислялись миллионами, а в конце XIX века их оставалось всего восемьсот. Только вмешательство правительства спасло их от уничтожения.

Повести Кервуда не менее естественно включаются в современные дискуссии по нравственным аспектам охоты, которые направлены на изменение общественного сознания. Его стремление написать о жизни животных так, чтобы у людей пропало желание стрелять в них, чтобы человек с фотоаппаратом вызывал бóльшее уважение, чем человек с ружьем,— это и наша сегодняшняя забота.

Купер вел за собой читателя по просторам центральной части

Северо-Американского континента, с Востока на Запад. В другую эпоху и другую часть континента переносятся читатели Кервуда. Самыми близкими предшественниками Кервуда были его старшие современники — Джек Лондон с его северными рассказами, Э. Сетон-Томпсон, автор книг о животных. Но, прочитав его повести вслед за романом Купера, нельзя не увидеть, что он близок и к Куперу. У него одна с ним любовь — к природе, общий идеал человека — ее хранителя и мечта о гармоническом союзе человека и природы. В этом и еще одна причина особенной созвучности этих писателей нашему времени.

А. Саруханян

Джеймс Фенимор

КУПЕР

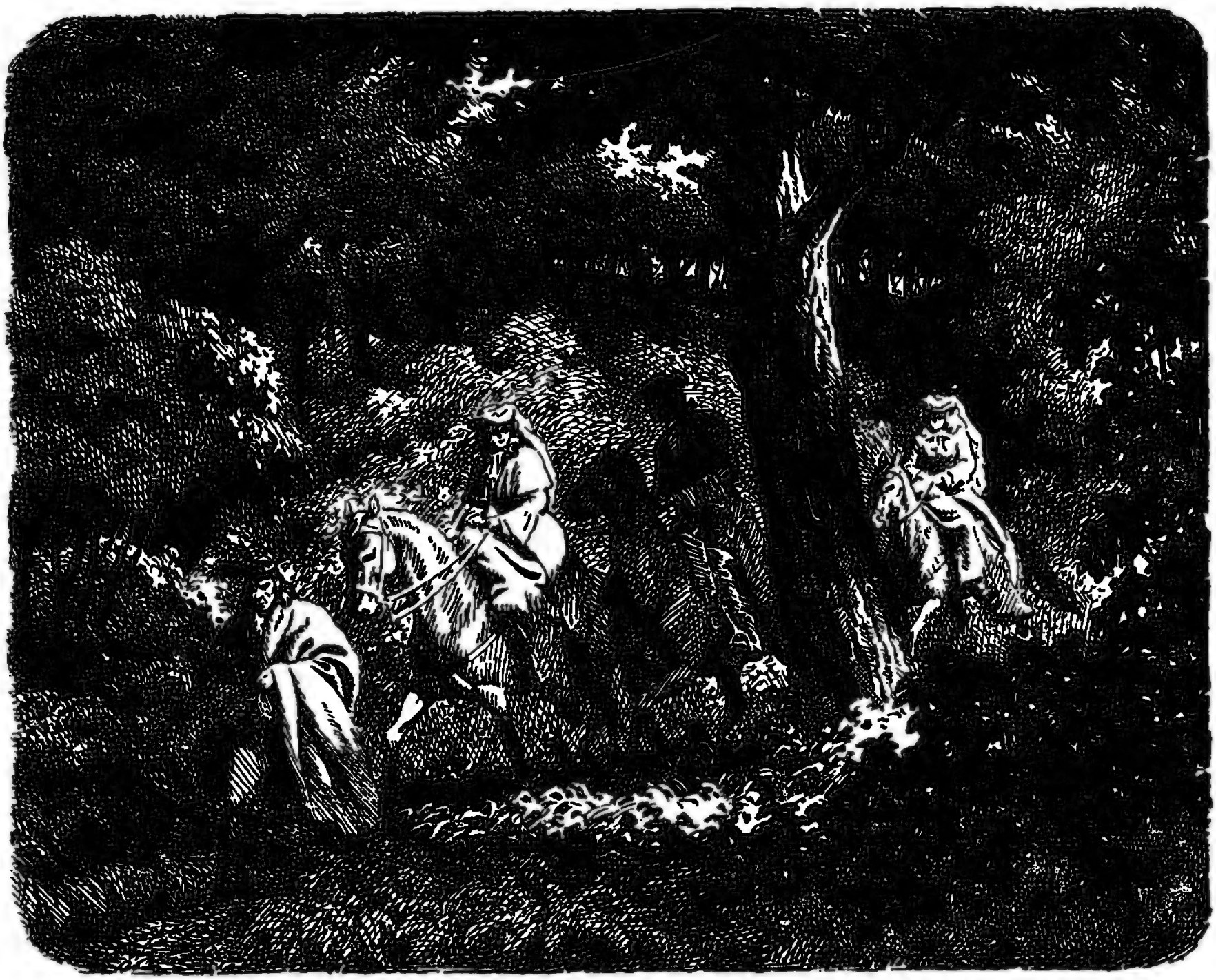
Последний из Могикан,
или
Повествование
о 1757 годе

Роман

James Fenimore Cooper

THE LAST OF THE MOHIKANS
1826

Перевод Е. М. Чистяковой-Вэр



Глава I

Готов узнать я самое плохое
И страшное, что ты мне мог принесть,
Готов услышать тягостную весть:
Ответь скорей — погибло ль королевство?

Шекспир

Может быть, на всем огромном протяжении границы, которая тделяла владения французов от территории английских колоний Северной Америки, не найдется более красноречивых памятников жестоких и свирепых войн 1755—1763 годов, чем в области, лежащей при истоках Гудзона и около соседних с ними озер.

Эта местность представляла для передвижения войск такие удобства, что ими нельзя было пренебрегать.

Водная гладь Шамплейна тянулась от Канады и глубоко здавалась в колонию Нью-Йорк; вследствие этого озеро Шамплейн служило самым удобным путем сообщения, по которому рранцузы могли проплыть до половины расстояния, отделявшего их от неприятеля.

Близ южного края озера Шамплейн с ним сливаются хрустально ясные воды озера Хорикэн — Святого Озера.

Святое Озеро извивается между бесчисленными островками, и его теснят невысокие прибрежные горы. Изгибами оно тянется далеко к югу, где упирается в плоскогорье. С этого пункта начинался многомильный волок, который приводил путешественника к берегу Гудзона; тут плавание по реке становилось удобным, так как течение свободно от порогов.

Выполняя свои воинственные планы, французы пытались проникнуть в самые отдаленные и недоступные ущелья Аллеганских гор и обратили внимание на естественные преимущества только что описанной нами области. Действительно, она скоро превратилась в кровавую арену многочисленных сражений, которыми враждующие стороны надеялись решить вопрос относительно обладания колониями.

Здесь, в самых важных местах, возвышавшихся над окрестными путями, вырастали крепости; ими овладевала то одна, то другая враждующая сторона; их то срывали, то снова отстраивали, в зависимости от того, чье знамя взвивалось над крепостью. В то время как мирные земледельцы старались держаться подальше от опасных горных ущелий, скрываясь в старинных поселениях, многочисленные военные силы углублялись в девственные леса. Возвращались оттуда не многие, изнуренные лишениями и тяготами, упавшие духом от неудач.

Хотя этот неспокойный край не знал мирных ремесел, его леса часто оживлялись присутствием человека.

Под сенью ветвей и в долинах раздавались звуки маршей, и эхо в горах повторял то смех, то вопли многих и многих беззаботных юных храбрецов, которые в расцвете своих сил спешили сюда, чтобы погрузиться в глубокий сон долгой ночи забвения.

Именно на этой арене кровопролитных войн развертывались события, о которых мы попытаемся рассказать. Наше повествование относится ко времени третьего года войны между Францией и Англией, боровшимися за власть над страной, которую не было суждено удержать в своих руках ни той, ни другой стороне.

Тупость военачальников за границей и пагубная бездеятельность советников при дворе лишили Великобританию того гордого престижа, который был завоеван ей талантом и храбростью ее прежних воинов и государственных деятелей. Войска англичан были разбиты горстью французов и индейцев; это неожиданное поражение лишило охраны бóльшую часть границы. И вот после действительных бедствий выросло множество мнимых, воображаемых опасностей. В каждом порыве ветра, доносившемся из безграничных лесов, напуганным поселенцам чудились дикие крики и зловещий вой индейцев.

Под влиянием страха опасность принимала небывалые раз-

меры; здравый смысл не мог бороться с встревоженным воображением. Даже самые смелые, самоуверенные, энергичные начали сомневаться в благоприятном исходе борьбы. Число трусливых и малодушных невероятно возрастало; им чудилось, что в недалеком будущем все американские владения Англии сделаются достоянием французов или будут опустошены индейскими племенами — союзниками Франции.

Поэтому-то, когда в английскую крепость, возвышавшуюся в южной части плоскогорья между Гудзоном и озерами, пришли известия о появлении близ Шамплейна маркиза Монкальма и досужие болтуны добавили, что этот генерал движется с отрядом, «в котором солдат что листьев в лесу», страшное сообщение было принято скорее с трусливой покорностью, чем с суровым удовлетворением, которое следовало бы чувствовать воину, обнаружившему рядом с собою врага. Весть о наступлении Монкальма пришла в разгар лета; ее принес индеец в тот час, когда день уже склонялся к вечеру. Вместе со страшной новостью гонец передал командиру лагеря просьбу Мунро, коменданта одного из фортов на берегах Святого Озера, немедленно выслать ему сильное подкрепление. Расстояние между фортом и крепостью, которое житель лесов проходил в течение двух часов, военный отряд, со своим обозом, мог покрыть между восходом и заходом солнца. Одно из этих укреплений верные сторонники английской короны назвали фортом Уильям-Генри, а другое — фортом Эдвард по имени принцев королевского семейства. Ветеран-шотландец Мунро командовал фортом Уильям-Генри. В нем стоял один из регулярных полков и небольшой отряд колонистов-волонтеров; это был гарнизон, слишком малочисленный для борьбы с подступавшими силами Монкальма.

Должность коменданта во второй крепости занимал генерал Вебб; под его командованием находилась королевская армия численностью свыше пяти тысяч человек. Если бы Вебб соединил все свои рассеянные в различных местах отряды, он мог бы выдвинуть против врага вдвое больше солдат, чем было у предприимчивого француза, который отважился уйти так далеко от своего пополнения с армией не намного большей, чем у англичан.

Однако напуганные неудачами английские генералы и их подчиненные предпочитали дожидаться в своей крепости приближения грозного неприятеля, не рискуя выйти навстречу Монкальму, чтобы остановить французов у Декеснского форта, дать им сражение и остановить их.

Когда улеглось первое волнение, вызванное страшным известием, в лагере, защищенном траншеями и расположенном на берегу Гудзона в виде цепи укреплений, которые прикрывали самый форт, прошел слух, что полуторатысячный отборный от-

ряд на рассвете должен двинуться из крепости к форту Уильям-Генри. Слух этот скоро подтвердился; узнали, что несколько отрядов получили приказ спешно готовиться к походу. Все сомнения по поводу намерений Вебба рассеялись, и в течение двух-трех часов в лагере слышалась торопливая беготня, мелькали озабоченные лица. Новобранец тревожно сновал взад и вперед, суетился и чрезмерным рвением своим только замедлял сборы к выступлению; опытный ветеран вооружался вполне хладнокровно, неторопливо, хотя строгие черты и озабоченный взгляд ясно говорили, что страшная борьба в лесах не особенно радует его сердце.

Наконец солнце скрылось в потоке сияния на западе за горами, и, когда ночь окутала своим покровом это уединенное место, шум и суета приготовлений к походу смолкли; в бревенчатых хижинах офицеров погас последний свет; сгустившиеся тени деревьев легли на земляные валы и журчащий поток, и через несколько минут весь лагерь погрузился в такую же тишину, какая царила в соседних дремучих лесах.

Согласно приказу, отданному накануне вечером, глубокий сон солдат был нарушен оглушительным грохотом барабанов, раскатистое эхо которых далеко разносилось во влажном утреннем воздухе, гулко отдаваясь в каждом лесном углу; занимался день, безоблачное небо светлело на востоке, и очертания высоких косматых сосен выступали на нем все отчетливей и резче. Через минуту в лагере закипела жизнь: даже самый нерадивый солдат и тот поднялся на ноги, чтобы видеть выступление отряда и вместе с товарищами пережить волнения этой минуты. Несложные сборы выступавшего отряда скоро закончились. Солдаты построились в боевые отряды. Королевские наемники красовались на правом фланге; более скромные волонтеры, из числа поселенцев, покорно заняли места слева.

Выступили разведчики. Сильный конвой сопровождал повозки с походным снаряжением; и, прежде чем первые лучи солнца пронизали серое утро, колонна тронулась в путь. Покидая лагерь, колонна имела грозный, воинственный вид; этот вид должен был заглушить смутные опасения многих новобранцев, которым предстояло выдержать первые испытания в боях. Солдаты шли мимо своих восхищенных товарищей с гордым и воинственным выражением. Но постепенно звуки военной музыки стали замолкать в отдалении и наконец совершенно замерли. Лес сомкнулся, скрывая от глаз отряд.

Теперь ветер не доносил до оставшихся в лагере даже самых громких, пронзительных звуков; последний воин исчез в лесной чаще.

Тем не менее, судя по всему, что делалось перед самым крупным и удобным из офицерских бараков, еще кто-то гото-

вился двинуться в путь. Перед домиком Вебба стояло несколько великолепно оседланных лошадей; две из них, очевидно, предназначались для женщин высокого звания, которые не часто встречались в этих лесах. В седле третьей красовались офицерские пистолеты. Остальные кони, судя по простоте уздечек и седел и привязанным к ним вьюкам, принадлежали низшим чинам. Действительно, совсем уже готовые к отъезду рядовые, очевидно, ждали только приказания начальника, чтобы вскочить в седла. На почтительном расстоянии стояли группы праздных зрителей; одни из них любовались чистой породой офицерского коня, другие с тупым любопытством следили за приготовлениями к отъезду.

Однако в числе зрителей был один человек, манеры и осанка которого выделяли его из числа прочих. Его фигура не была безобразна, а между тем казалась донельзя нескладной. Когда этот человек стоял, он был выше остальных людей; зато сидя он казался не крупнее своих собратьев. Его голова была чересчур велика, плечи слишком узки, руки длинные, неуклюжие, с маленькими, изящными кистями. Худоба его необыкновенно длинных ног доходила до крайности; колени были непомерно толсты. Странный, даже нелепый костюм чудака подчеркивал нескладность его фигуры. Низкий воротник небесно-голубого камзола совсем не прикрывал его длинной худой шеи; короткие полы кафтана позволяли насмешникам потешаться над его тонкими, длинными ногами. Желтые узкие нанковые брюки доходили до колен; тут они были перехвачены большими белыми бантами, истрепанными и грязными. Серые чулки и башмаки довершали костюм неуклюжей фигуры. На одном башмаке чудака красовалась шпора из накладного серебра. Из объемистого кармана его жилета, сильно загрязненного и украшенного почерневшими серебряными галунами, выглядывал неведомый инструмент, который среди этого военного окружения можно было ошибочно принять за некое таинственное и непонятное орудие войны. Высокая треугольная шляпа, вроде тех, какие лет тридцать назад носили пасторы, увенчивала голову чудака и придавала почтенный вид добродушным чертам лица этого человека.

Группы рядовых держались в почтительном отдалении от дома Вебба; но та фигура, которую мы только что описали, смело вмешалась в толпу генеральских слуг. Странный человек без стеснения осматривал лошадей; одних хвалил, других бранил.

— Вот этот конек не доморощенный, его, вероятно, выписали из-за границы... может быть, даже с острова, лежащего далеко-далеко, за синими морями,— сказал он голосом, который поражал своей благозвучной мягкостью, так же как удивляла вся

его фигура своими необычными пропорциями.— Скажу без хвастовства: я могу смело рассуждать о подобных вещах. Я ведь побывал в обеих гаванях: и в той, которая расположена при устье Темзы и называется по имени столицы старой Англии, и в той, что зовется просто Нью-Хейвен — Новой гаванью. Я видел, как бригантины и барки собирали животных, точно для ковчега, и отправляли их на остров Ямайка; там этих четвероногих продавали или выменивали. Но такого коня я никогда не видывал. Как это сказано в Библии? «Он нетерпеливо роет копытами землю долины и радуется своей силе; он несется навстречу воинам. Среди трубных звуков он восклицает: «Ха, ха!» Он издали чует битву и слышит воинский клич». Это древняя кровь, не правда ли, друг?

Не получив ответа на свое столь необычное обращение, которое было высказано с такой полнотой и силой звучного голоса, что заслуживало некоторого внимания, он обернулся к молчаливо стоявшему человеку, который явился его невольным слушателем, и новый, еще более достойный восхищения объект предстал перед взором чудака. Он с удивлением остановил свой взгляд на неподвижной, прямой и стройной фигуре индейца-скорохода, который принес в лагерь невеселые вести.

Хотя индеец стоял точно каменный и, казалось, не обращал ни малейшего внимания на шум и оживление, царившие вокруг, черты его спокойного лица в то же время выражали угрюмую свирепость, которая непременно бы привлекла к себе внимание и более опытного наблюдателя, чем тот, кто разглядывал его теперь с нескрываемым удивлением. Индеец был вооружен томагавком и ножом, а между тем не был похож на заправского воина. Напротив, во всем его облике сквозила небрежность, происходившая, возможно, от какого-то большого недавнего напряжения, от которого он еще не успел оправиться. На суровом лице туземца военная окраска расплылась, и от этого его темные черты невольно выглядели еще более дико и отталкивающе, чем в искусных узорах, наведенных для устрашения врагов. Лишь глаза его, сверкавшие, словно яркие звезды между туч, горели дикой злобой. Только на одно мгновение пристальный, мрачный взгляд скорохода поймал удивленное выражение глаз наблюдателя и тотчас же, отчасти из хитрости, отчасти из пренебрежения, обратился в другую сторону, куда-то далеко-далеко в пространство.

Вдруг засуетились слуги, послышались нежные женские голоса, и все это возвестило о приближении тех, кого ожидали, чтобы вся кавалькада двинулась в путь. Человек, любовавшийся конем офицера, внезапно отступил к своей собственной низкорослой, худой лошади с подвязанным хвостом, которая пощипывала сухую траву; одним локтем он оперся на шерстяное

одеяло, заменяющее ему седло, и стал следить за отъезжающими. В это время с противоположной стороны к его кляче подошел жеребенок и принялся лакомиться ее молоком.

Юноша в офицерском мундире подвел к лошадям двух девушек, которые, судя по их костюмам, приготовились отправиться в утомительное странствие через леса.

Вдруг ветер откинул длинную зеленую вуаль, прикрепленную к шляпе той из них, которая казалась младшей (хотя они обе были очень молоды); из-под вуали показались ослепительно белое лицо, золотистые волосы, блестящие синие глаза. Нежные краски неба, которые все еще разливались над соснами, не были столь ярки и прекрасны, как румянец ее щек; начинавшийся день не был столь светел, как ее оживленная улыбка, которой она наградила молодого человека, помогавшего ей сесть в седло.

Офицер с таким же вниманием отнесся и ко второй всаднице, лицо которой заботливо скрывала вуаль. Она казалась старше сестры и была немного полнее.

Как только девушки сели на лошадей, молодой человек легко вскочил в седло. Все трое поклонились генералу Веббу, вышедшему на крыльцо, чтобы проводить путников, повернули лошадей и легкой рысью двинулись к северному выезду из лагеря. Несколько нижних чинов поехали вслед за ними. Пока отъезжающие пересекали пространство, отделявшее их от большой дороги, никто из них не произнес ни слова, только младшая из всадниц слегка вскрикнула, когда мимо нее неожиданно проскользнул индеец-скороход и быстрыми плавными шагами двинулся по военной дороге. Старшая из сестер при появлении индейца-скорохода не проронила ни звука. От удивления она выпустила складки вуали, и ее лицо открылось. Сожаление, восхищение и ужас мелькнули в ее чертах. Волосы этой девушки были цвета воронова крыла. На незагорелом лице ее играли яркие краски, хотя в нем не было ни малейшего оттенка грубости. Ее черты отличались тонкостью, благородством и поразительной красотой. Словно сожалея о своей забывчивости, она улыбнулась, блеснул ряд ровных зубов, белизна которых могла соперничать с лучшей слоновой костью.

Потом, поправив вуаль, она опустила голову и продолжала свой путь в молчании, подобно человеку, чьи мысли были далеки от всего окружающего.

Глава II

О-ла! О-ла! Где вы? О-ла?

Шекспир, «Венецианский купец»

В то время как одна из двух очаровательных девушек, которых мы так бегло представили читателю, была поглощена собственными мыслями, младшая, быстро оправившись от мгновенного испуга, засмеялась над своим страхом и сказала офицеру, который ехал рядом с ней:

— Скажите, Дункан, такие привидения часто встречаются в здешних лесах или это представление было организовано в нашу честь? Если так, то мы должны быть благодарны, но в ином случае нам с Корой понадобится все наше мужество, раньше чем мы встретимся со страшным Монкальмом.

— Этот индеец — скороход при нашем отряде и, по понятиям своего племени, герой,— сказал молодой офицер.— Он вызвался проводить нас до озера по малоизвестной тропинке, которая сильно сокращает путь. Благодаря этому мы явимся на место скорее, чем следуя за нашим отрядом.

— Он мне не нравится,— ответила девушка и притворно вздрогнула, хотя в душе ей было также страшно.— Вы хорошо знаете его, Дункан? Ведь в противном случае вы, конечно, не доверяли бы ему.

— Скорее я бы не доверился вам, Алиса. Я знаю этого индейца, иначе я не выбрал бы его проводником, особенно в такую минуту. Говорят, Магуа — уроженец Канады, а между тем служит нашим друзьям мохокам, которые, как вам известно, принадлежат к числу шести союзных племен[1]. Мне говорили, что он попал сюда по какой-то странной случайности, имевшей отношение к вашему отцу. Кажется, генерал жестоко поступил с этим индейцем... Впрочем, я позабыл эту досужую болтовню. Достаточно, что теперь он наш друг.

— Если он был врагом моего отца, тем хуже для нас,— заметила девушка, встревожившись не на шутку.— Майор Хейворд, пожалуйста, заговорите с ним, мне хочется услышать звук его голоса. Может быть, это глупо, но я всегда сужу о человеке по его голосу.

— Если я заговорю с ним, это, по всей вероятности, ни к чему не поведет,— проговорил Хейворд.— Он ответит мне каким-либо односложным восклицанием. Мне кажется, Магуа понимает по-английски, но делает вид, что не знает нашего языка.

---

[1] Союз шести племен — мохóки, онáйды, сенéки, кайюги, онондáги и тускарóры, родственные племена, враждовавшие с племенами ленáпов (могикáн и делавáров). Эти шесть племен носили различные прозвища. Их часто называли макуáсами, мúнгами или ирокéзами.

Кроме того, он вряд ли пожелает вести со мной разговор теперь, когда военное время требует от него всех признаков высшего воинского достоинства... Но смотрите, наш проводник остановился. Очевидно, тут начинается та тропинка, на которую нам придется свернуть.

Дункан был прав. Когда всадники подъехали к индейцу, который неподвижно стоял, указывая на чащу кустов, окаймлявших военную дорогу, они разглядели тропинку, настолько узкую, что по ней можно было ехать только гуськом.

— Мы должны свернуть на эту дорожку,— шепотом сказал Хейворд.— Не выражайте никаких опасений, не то вы навлечете на себя именно ту опасность, которой боитесь.

— Кора, как ты думаешь, не безопаснее ли ехать вместе с отрядом? — спросила сестру златокудрая Алиса.— Хотя это будет более утомительно...

— Алиса, вы плохо знаете обычаи и привычки дикарей, а потому не понимаете, в каких случаях следует бояться,— возразил Хейворд.— Если неприятель уже дошел до волока, что совершенно невероятно, так как наши разведчики донесли бы нам об этом, он стал бы, очевидно, окружать наш отряд, надеясь добыть большое количество скальпов. Путь отряда известен всем, наша же дорожка еще составляет тайну, так как мы решили ехать по ней всего какой-нибудь час назад.

— Неужели мы не должны верить этому человеку только потому, что его движения и повадки не похожи на наши, а цвет его лица темнее кожи белых? — холодно спросила Кора.

Алиса перестала колебаться; она ударила хлыстом своего нарраганзета[1], первая раздвинула ветви и поехала вслед за скороходом по темной, узкой лесной тропинке. Хейворд с восхищением смотрел на Кору; он не заметил даже, что ее белокурая спутница одна углубилась в чащу. Слуги, повинуясь полученному заранее приказанию, не последовали за ними, а двинулись вдогонку за отрядом. Хейворд объяснил девушкам, что это было сделано из осторожности, по совету их хитрого проводника: индеец желал уменьшить количество следов на случай, если бы сюда забрели разведчики канадских племен. Сложный путь не располагал к разговору; вскоре путники миновали широкую опушку густого леса и очутились под темными сводами больших деревьев. Дорога стала удобнее; скороход, заметивший, что молодые всадницы теперь лучше управляли своими лошадьми, прибавил шагу, и Коре с Алисой пришлось пустить нарраганзетов иноходью. Хейворд обернулся было, чтобы сказать что-то черноглазой Коре, но в эту минуту раздался отдаленный звук копыт, стучавших по корням на тропинке. Это заставило мо-

[1] Нарраганзе́т — лошадь очень выносливой породы.

лодого человека остановить своего коня. Кора и Алиса тоже натянули поводья. Все трое хотели узнать, в чем дело.

Через несколько мгновений они увидели жеребенка, который, точно олень, несся между стволами сосен; вслед за тем появилась нескладная фигура, описанная нами в предыдущей главе. Неуклюжий незнакомец приближался со всей скоростью, на которую была способна его тощая лошадь. До настоящего мгновения эта фигура выпала из поля зрения путешественников. Если он обычно привлекал любопытных своим высоким ростом, то его грация как наездника заслуживала еще большего внимания.

То и дело одной ногой шпорил он свою клячу, но добивался только того, что ее задние ноги шли легким галопом, тогда как передние делали какие-то неопределенные, постоянно изменявшиеся движения, похожие на хромую рысь. Частая смена рыси галопом создавала оптический обман, вследствие которого казалось, будто лошадь движется быстрее, нежели это было на самом деле; во всяком случае, знаток коней Хейворд никак не мог решить, каким аллюром двигалось бедное животное, подгоняемое шпорой настойчивого всадника.

Все движения как всадника, так и коня были необычны. При каждом шаге лошади незнакомец приподнимался в стременах и, то слишком выпрямляя, то непомерно сгибая ноги, внезапно вырастал, а потом съеживался так, что положительно никто не мог бы судить о его росте. Если к этому прибавить, что под действием его шпоры одна сторона лошади, казалось, бежала скорее, чем другая, а движения ее косматого хвоста беспрестанно указывали, который ее бок страдает от шпоры, мы довершим изображение клячи и ее наездника.

Морщинки, которые легли было на красивый, открытый, мужественный лоб Хейворда, постепенно разгладились, и он слегка улыбнулся. Алиса не сдержала смеха. И даже в темных задумчивых глазах Коры блеснула усмешка.

— Вы хотите видеть кого-нибудь из нас? — спросил Дункан, когда странный всадник подъехал и задержал лошадь.— Надеюсь, вы не привезли нам дурных известий?

— Вот именно,— ответил незнакомец, размахивая своей треугольной шляпой, чтобы привести в движение душный лесной воздух, и предоставив слушателям решать, к какой части вопроса относится его замечание. Однако, освежив свое разгоряченное лицо и отдышавшись, чудак прибавил: — Говорят, вы едете в форт Уильям-Генри. Я направляюсь туда же, а потому решил, что всем нам доставит удовольствие совершать этот переезд в приятном обществе.

— Вы, кажется, присвоили себе право решающего голоса,— возразил Хейворд.— Но нас трое, вы же посоветовались только с одним собой.

— Вот именно. Самое главное — это узнать свои собственные желания, а когда это уже известно, то остается только выполнить свое намерение. Поэтому-то я и догнал вас.

— Если вы едете к озеру, вы ошиблись доро́гой,— высокомерно заметил Дункан,— большая дорога осталась по крайней мере на полмили позади вас.

— Вот именно,— ответил странный всадник, нимало не смущенный холодным приемом.— Я прожил всего неделю в Эдварде и не спросил бы, по какой дороге мне нужно ехать, только в том случае, если бы онемел, а немой я погиб бы для избранной мною профессии.— Он слегка хихикнул, словно скромность не позволяла ему открыто восхищаться своим остроумием, которое было совершенно непонятно слушателям, и потом продолжал: — Со стороны человека моей профессии неосторожно слишком запросто держаться с людьми, которых он должен поучать; вот причина, по которой я не поехал вслед за отрядом. Кроме того, я считаю, что такой джентльмен, как вы, конечно, лучше всех других может руководить путниками. Это соображение заставило меня присоединиться к вашему обществу. И, наконец, с вами мне будет веселее ехать: мы можем беседовать.

— Какое самовольное и необдуманное решение! — ответил Хейворд, не зная, дать ли волю раздражению или расхохотаться в лицо незнакомцу.— Но вы говорите о поучениях и о профессии. Кто вы? Не учитель ли, преподающий благородную науку обвинений и защиты? Или вы один из тех, что вечно чертят прямые линии да углы, говоря, будто они занимаются математикой?

Незнакомец с явным удивлением посмотрел на Хейворда, потом без самодовольства — напротив, с величайшим торжественным смирением — ответил:

— Надеюсь, ни о каких обвинениях речь не идет; о защите я не помышляю, так как, по милости божией, не совершил никакого великого греха. Вашего намека на линии и углы я совершенно не понял; дело обучения ближних я предоставляю тем, кто избран совершать это святое дело. Я предъявляю только притязания на светлое искусство псалмопения, на умение возносить хвалы и славословия.

— Это, очевидно, ученик Аполлона,— смеясь, воскликнула Алиса,— и я принимаю его под свое особое покровительство!.. Полно, Хейворд, перестаньте хмуриться. Вообразите, что мой слух жаждет нежных звуков, и позвольте этому чудаку остаться с нами. Кроме того,— прибавила она, торопливо и искоса взглянув на опередившую их Кору, которая медленно ехала вслед за мрачным индейцем,— в случае нужды у нас окажется лишний друг и союзник.

— Неужели, Алиса, вы думаете, что я решился бы вести по

этой неизвестной тропинке тех, кого люблю, если бы мог предполагать, что нас ждет какая-нибудь опасность?

— Нет, нет, я этого не думаю. Но этот странный человек забавляет меня, и, если действительно в его душе звучит музыка, не будем грубо отталкивать его.

Она повелительно указала хлыстом на дорогу. Хейворд встретился глазами с Алисой и хотел было продлить этот взгляд, но, подчиняясь воле девушки, пришпорил коня и через несколько прыжков очутился рядом с Корой.

Алиса зна́ком подозвала к себе незнакомца и пустила своего нарраганзета легкой иноходью.

— Я рада, что встретила вас, друг мой. Пристрастные родственники утверждают, что я недурно пою в дуэтах,— шутливо сказала она.— Значит, мы могли бы скрасить путешествие, предаваясь нашему любимому искусству. Кроме того, было бы приятно услышать мнение маэстро о моем голосе.

— Действительно, псалмопение освежает и дух и тело,— ответил учитель пения, подъехав поближе к Алисе,— и, конечно, как ничто на свете, успокаивает взволнованную душу. Однако для полной гармонии нужны четыре голоса. Очевидно, у вас приятное, богатое сопрано; я, при известном усилии, могу брать самые высокие теноровые ноты. Но нам не хватает контральто и баса. Конечно, офицер королевской армии, так долго не желавший принять меня в свое общество, мог бы петь басовую партию... Судя по тонам, звучавшим в его разговоре, у него бас.

— Не судите опрометчиво по внешним признакам: они обманчивы,— улыбаясь, возразила молодая девушка.— Правда, майор Хейворд иногда говорит на низких нотах, но, поверьте, его обыкновенный голос гораздо ближе к сладкому тенору, чем к тому басу, который вы слышали.

— Много ли он упражнялся в искусстве псалмопения? — спросил Алису ее простодушный собеседник.

Алиса была склонна рассмеяться, но ей удалось подавить свое веселье, и она отвечала:

— Мне кажется, что Хейворд отдает предпочтение светским песням. Условия солдатской жизни мало располагают к степенным занятиям.

— Благозвучный голос, как и все другие таланты, даруется человеку для того, чтобы он употреблял его на пользу своим ближним и не злоупотреблял им. Меня никто не может упрекнуть в том, что я давал своему таланту неверное направление.

— Вы занимаетесь только духовным пением?

— Вот именно. Как псалмы Давида превосходят все другие поэтические произведения, так и мелодии, на которые они переложены, стоят превыше всех светских песен. Где бы я ни останавливался, по каким бы странам ни путешествовал — ни во

время сна, ни в минуты бдения я не расстаюсь с любимой книгой, изданной в Бостоне в 1744 году, под заглавием «Псалмы, гимны и священные песни Ветхого и Нового завета, переведенные английскими стихами для поучения и утешения истинно верующих в общественной и частной жизни, преимущественно в Новой Англии».

При этих словах чудак вынул из кармана книжку и, надев на нос очки в железной оправе, открыл томик с такой осторожностью и почтением, которых требует обращение со священными предметами. Потом, без дальнейших рассуждений и объяснений, он вложил в рот какой-то странный инструмент. Послышался пронзительный, высокий звук. Вслед за тем псалмопевец взял голосом ноту октавой ниже и наконец запел. Понеслись нежные мелодичные звуки: даже беспокойное движение лошади не помешало пению.

О, как отрадно это —
Жить в братстве и труде,
Как будто благовония
Текут по бороде!

Псалмопевец все время отбивал такт правой рукой. Опуская ее, он слегка касался страниц книги; поднимая же, размахивал ею с особым искусством. Его рука не переставала двигаться, пока не замер последний звук.

Тишина леса была нарушена.

Магуа повернулся к Дункану и пробормотал несколько слов на ломаном английском языке, а Хейворд, в свою очередь, заговорил с незнакомцем, прервав его музыкальные упражнения:

— Сейчас, по-видимому, не предвидится никакой опасности, но все же ради простой осторожности нам следует ехать без шума. Мне придется, Алиса, лишить вас удовольствия и просить этого джентльмена отложить пение до более благоприятного времени.

— Действительно, вы лишаете меня большого удовольствия,— с лукавой усмешкой ответила девушка.— Право, мне еще никогда не случалось слышать, чтобы так превосходно пели такие бессмысленные слова! Я уже собиралась спросить нашего спутника о причинах такого странного несоответствия, но ваш громовой бас, Дункан, прервал нить моих размышлений.

— Не понимаю, почему вы называете мой голос громовым басом? — произнес Хейворд, слегка обиженный ее словами.— Я знаю только одно, а именно: что безопасностью вашей и Коры дорожу несравненно больше, нежели всей музыкой Генделя![1]

---

[1] Ге́нделъ Гео́рг-Фридрих (1685—1759) — великий немецкий композитор.

Молодой офицер замолчал и посмотрел в сторону чащи, потом искоса и подозрительно взглянул на Магуа, который шел по-прежнему спокойно и невозмутимо. Увидав это, молодой человек улыбнулся, потешаясь над собственными тревогами: разве не принял он только что блики света на каких-то блестящих лесных ягодах за горящие зрачки притаившегося в листве индейца! Теперь майор ехал спокойно, продолжая разговор, прерванный мелькнувшими в его уме опасениями.

Но Хейворд сделал великую ошибку, позволив своей юной гордости заглушить голос осторожности.

Едва спутники проехали несколько шагов, как ветви кустов осторожно и бесшумно раздвинулись, и из них выглянуло свирепое лицо в грозной боевой раскраске.

Злобное торжество осветило темные черты жителя лесов, провожавшего взглядом маленький беззаботный отряд.

Легкие и грациозные всадницы то исчезали, то появлялись среди ветвей; за ними двигался отважный майор на своей превосходной лошади, а позади всех — нескладный учитель пения. Наконец и его фигура скрылась среди темных стволов глухого леса.

Глава III

А раньше здесь пестрел ковер
Возделанных и тучных нив,
Стеной стоял дремучий бор,
И бурных рек гремел разлив,
И мчал поток, и пел ручей,
И бил фонтан в тени ветвей.

Брайант

Предоставим ничего не подозревавшему Хейворду и его доверчивым спутникам углубляться в дремучий лес, населенный вероломными жителями, и, используя свое авторское право, перенесем место действия нашего рассказа на несколько миль к западу от того места, где мы их видели последний раз.

В этот день два человека сидели на берегу небольшого, но очень быстрого потока, протекавшего на расстоянии одного часа пути от лагеря Вебба. По-видимому, они ждали появления какого-то человека или начала каких-то событий.

Могучая стена леса доходила до самого берега речки, ветви густых деревьев свешивались к воде, бросая на нее темную тень.

Солнце уже не жгло с такой силой, дневной зной спал, и прохладные испарения ручьев и ключей легкой дымкой висели в воздухе. Нерушимая тишина, царившая в этом лесном уголке,

прерывалась по временам ленивым постукиванием дятла, резким криком пестрой сойки или глухим однообразным гулом отдаленного водопада, доносимым ветром.

Но эти слабые обрывки звуков были хорошо знакомы жителям лесов и не отвлекали их внимания от беседы. Красный цвет кожи одного из собеседников и его одежда обличали в нем воина-индейца. Загорелое лицо другого, одетого тоже в очень простое и грубое платье, было гораздо светлее: он казался несомненным потомком европейских переселенцев.

Краснокожий сидел на краю мшистого бревна и спокойными, но выразительными движениями рук подчеркивал свои слова. Его почти обнаженное тело являлось ужасной эмблемой смерти: оно было расписано черной и белой красками, что придавало человеку вид скелета. На бритой голове индейца была только одна прядь волос[1], украшением же служило лишь орлиное перо, спускавшееся на левое плечо. Из-за пояса виднелись томагавк и скальпировальный нож английского производства. На мускулистом колене небрежно лежало короткое солдатское ружье, одно из тех, какими англичане вооружали своих краснокожих союзников. Все в этом воине — его широкая грудь, прекрасное телосложение и горделивая осанка — доказывало, что он достиг полного расцвета жизни, но еще не начал приближаться к старости.

Судя по фигуре белого, можно было сказать, что он с самой ранней юности познакомился с лишениями и невзгодами. Он был мускулист, скорее худощав, чем толст; каждый напряженный нерв и стальной мускул его тела говорили о том, что жизнь этого человека проходила в беспрестанном риске и тяжелом труде; одежда его состояла из охотничьей рубашки зеленого цвета, окаймленной желтой бахромой; голову прикрывала летняя кожаная шляпа. За поясом охотника торчал нож, но томагавка у него не было. По обычаю краснокожих его мокасины украшала пестрая отделка, кожаные штаны были зашнурованы по бокам, а выше колен перевязаны оленьими жилами. Кожаная сумка и рог с порохом довершали его снаряжение; у ствола соседнего дерева стояло его очень длинное ружье. В небольших глазах этого охотника или разведчика светились живость, проницательность и ум. Во время разговора он оглядывался по сторонам, то ли высматривая дичь, то ли опасаясь какого-нибудь скрытого нападения. Несмотря на обычную подозрительность, лицо его было не только бесхитростным, но в тот момент, о котором идет речь, оно было преисполнено безукоризненной честности.

— Предания твоего племени, Чингачгук, говорят за меня,— сказал он.

---

[1] Североамериканские индейцы бреют голову, а на макушке оставляют прядь волос, взявшись за которую враг может легко снять скальп.

Беседа велась на том наречии, которое было знакомо всем туземцам, занимавшим область между реками Гудзоном и Потомаком, и мы будем для удобства читателя давать лишь вольный перевод, стараясь, однако, сохранить некоторые особенности речи собеседников.

— Твои отцы пришли из страны заходящего солнца, переправились через большую реку[1], сразились с местными жителями и завладели их землями. Мои предки пришли от красной утренней зари, переплыли через Соленое Озеро и поступили так же, как твои родоначальники. Не будем же спорить об этом и попусту тратить слова.

— Мои праотцы сражались с обнаженными краснокожими людьми,— сурово ответил индеец на том же языке.— Скажи, Соколиный Глаз, разве ты не видишь разницы между стрелой с каменным острием и свинцовой пулей, которой ты приносишь смерть?

— Природа дала индейцу красную кожу, но у него есть разум,— сказал белый, покачав головой, словно человек, которому этот призыв к его справедливости не прошел впустую. На мгновение показалось, что ему пришло в голову только слабое доказательство, но потом, собравшись с мыслями, он ответил на возражение своего соперника наилучшим образом, насколько ему это позволяли его скудные знания: — Я неученый человек и не скрываю этого; однако, судя по тому, что я видел во время охоты на оленей и белок, мне кажется, что ружье в руках моих дедов было менее опасно, нежели лук и хорошая кремневая стрела, которую послал в цель зоркий глаз индейца.

— Все это ты слышал от твоих отцов,— холодно ответил краснокожий, махнув рукой.— Но что говорят ваши старики? Разве они говорят воинам, что бледнолицые были встречены краснокожими в военной раскраске, с каменными топорами и деревянными ружьями в руках?

— У меня нет пристрастий, я не хвастаюсь преимуществами своего рождения, хотя мой злейший враг — макуас — не посмеет отрицать, что я чистокровный белый,— ответил охотник, с тайным удовлетворением разглядывая свою потемневшую жилистую, костлявую руку.— Но я охотно сознаюсь, что не одобряю многих и очень многих поступков моих соотечественников. Один из обычаев этих людей — заносить в книги все, что они видели или сделали, вместо того чтобы рассказать обо всем в поселениях, где всякая ложь трусливого хвастуна немедленно обнаружится, а храбрый солдат сможет призвать в свидетели собственным правдивым словам своих же товарищей. И поэтому многие ничего не узна́ют о настоящих делах отцов своих и не

---

[1] Имеется в виду Миссисипи.

будут стараться превзойти их. Что касается меня, то в обращении с ружьем у меня прирожденные способности, и это, наверное, передается из поколения в поколение, ибо, как говорят наши священные заповеди, хорошее и плохое наследуется. Впрочем, я бы не хотел отвечать за других. Каждую историю можно рассматривать с двух сторон. Скажи мне, Чингачгук, что говорят предания краснокожих о первой встрече твоих дедов с моими?

Наступило молчание. Индеец долго не говорил ни слова; наконец, полный сознания важности того, что он скажет, он начал рассказ, и в его тоне зазвучала торжественная искренность.

— Слушай, Соколиный Глаз, и твои уши не воспримут лжи! Вот что говорили мои отцы, вот что совершили могикане! Мы пришли оттуда, где солнце вечером прячется за необъятные равнины, на которых пасутся стада бизонов, и безостановочно двигались до великой реки. Тут мы вступили в борьбу с аллигевами и бились, пока земля не покраснела от их крови. От берегов великой реки до Соленого Озера мы не встретили никого, только одни макуасы издали следили за нами. Мы сказали, что весь этот край наш. Мы мужественно завоевали этот край и охраняли его, как сильные и смелые мужи. Мы прогнали макуасов в леса, полные медведей, и они добывали для себя соль только из ям пересохших соленых источников. Эти псы не выловили ни одной рыбы из Великого Озера, и мы бросали им одни кости...

— Обо всем этом я уже слыхал и всему верю,— сказал белый охотник, видя, что индеец замолчал.— Но ведь все, о чем ты рассказываешь, случилось задолго до того времени, когда пришли англичане.

— Тогда сосны росли там, где теперь поднимаются каштаны. Первые бледнолицые, пришедшие к нам, говорили не по-английски. Они приплыли в большой пироге. Это случилось в те дни, когда мои отцы вместе со всеми окрестными племенами зарыли свой томагавк[1]. И тогда...— произнес Чингачгук, и глубокое волнение выразилось только в тоне его голоса,— тогда, Соколиный Глаз, мы составляли один народ. Мы были счастливы! Соленое Озеро давало нам рыбу, леса — оленей, воздух — птиц. У нас были жены, которые приносили нам детей. Мы поклонялись Великому Духу, и макуасы боялись наших победных песен...

— А ты знаешь, что было в то время с твоими предками? — спросил белый.— Должно быть, они были храбрыми, честными воинами и, сидя в советах, вокруг костров, давали соплеменникам мудрые наставления.

---

[1] Торжественный обряд, означающий окончание войны.

— Мое племя — прадед народов, но в моих жилах нет ни капли смешанной крови, в них кровь вождей — чистая, благородная кровь, и такой она останется навсегда... На наши берега высадились голландцы. Белые дали моим праотцам огненную воду; они стали пить ее; пили с жадностью, пили до тех пор, пока им не почудилось, будто земля слилась с небом. И они решили, что увидели наконец Великого Духа. Тогда моим отцам пришлось расстаться со своей родиной. Шаг за шагом их оттесняли от любимых берегов. И вот теперь я, вождь и сагамор[1] индейцев, вижу лучи солнца только сквозь листву деревьев и никогда не могу подойти к могилам моих праотцев.

— Могилы внушают благоговейный трепет,— заметил собеседник индейца, растроганный благородной и сдержанной печалью Чингачгука,— и они часто помогают человеку в его благих начинаниях; правда, что касается меня, то я бы хотел, чтобы мои кости остались белеть в лесах или были разодраны на части волками. Но скажи, где живут представители твоего рода, потомки людей, которые пришли в делаварскую землю много весен назад?

— Ответь мне, куда исчезли, куда скрылись цветы давно улетевших летних дней? Они упали, осыпались. Так погиб и весь мой род: все могикане, один за другим, отошли в страну духов. Я стою на вершине горы, но скоро придет время спускаться вниз. Когда же и Ункас уйдет вслед за мною, тогда истощится кровь сагаморов: ведь мой сын — последний из могикан!

— Ункас здесь,— послышался мягкий молодой голос.— Кто упомянул об Ункасе?

Белый охотник поспешно вынул свой нож из ножен и невольно потянулся за ружьем. Чингачгук же, заслышав голос, остался спокойно сидеть и даже не повернул голову.

В следующее мгновение показался молодой индеец; беззвучными шагами он проскользнул между двумя друзьями и сел на берегу быстрого потока. Ни одним звуком не выразил индеец-отец своего удивления. В течение многих минут не слышалось ни вопросов, ни ответов; каждый, казалось, ждал удобного мгновения, чтобы прервать молчание, не выказав любопытства, свойственного только женщинам, или нетерпения, присущего детям. Белый охотник, очевидно подражая обычаям краснокожих, положил ружье и тоже сосредоточенно молчал.

Наконец Чингачгук медленно перевел взгляд на лицо своего сына и спросил:

— Не осмелились ли макуасы оставить следы своих мокасин в этих лесах?

---

[1] Сагамо́р (буквально: мудрый, могучий) — почетное звание старейшин племени.

— Я шел по отпечаткам их ног,— ответил молодой индеец,— и узнал, что число их равняется количеству пальцев на моих обеих руках. Но ведь они трусы и прячутся в засадах.

— Мошенники залегли в чаще и ждут удобной минуты, чтобы добыть скальпы и ограбить кого-нибудь,— сказал Соколиный Глаз.— Этот француз Монкальм, конечно, послал своих шпионов в лагерь англичан и во что бы то ни стало узнает, по какой дороге движутся наши.

— Довольно! — сказал старший индеец, взглянув в сторону заходящего солнца.— Мы выгоним их из кустов, как оленей... Соколиный Глаз, закусим сегодня, а завтра покажем макуасам, что мы настоящие мужчины.

— Я согласен. Но для того чтобы разбить ирокезов, прежде всего нужно отыскать, где прячутся эти хитрые плуты, а чтобы поесть, нужно найти зверя... Да вот он, тут как тут? Посмотри-ка, вон самый крупный олень, какого я встречал в течение нынешнего лета! Видишь, он бродит внизу в кустах?.. Послушай, Ункас,— продолжал разведчик, понизив свой голос до шепота и смеясь беззвучным смехом человека, привыкшего к осторожности,— я готов прозакладывать три совка пороха против одного фунта табака, что попаду ему между глаз, и ближе к правому, чем к левому.

— Не может быть! — ответил молодой индеец и с юношеской пылкостью вскочил с места.— Ведь над кустами видны только его рога, даже только их кончики.

— Он — мальчик,— усмехнувшись, сказал Соколиный Глаз, обращаясь к старому индейцу.— Он думает, что, видя часть животного, охотник не в силах сказать, где должно быть все его тело.

Он прицелился и уже собирался показать свое искусство, которым так гордился, как вдруг Чингачгук ударил рукой по его ружью и сказал:

— Ты, верно, хочешь сразиться с макуасами, Соколиный Глаз?

— Эти индейцы точно чутьем узнают, что кроется в чаще,— произнес охотник, опуская ружье и поворачиваясь к Чингачгуку, как бы признавая свою ошибку.— Ну что делать! Предоставляю тебе, Ункас, убить оленя стрелой, не то, пожалуй, мы действительно свалим животное для этих воров-ирокезов...

Чингачгук одобрил предложение белого, выразительно кивнув головой. Ункас бросился на землю и стал осторожно подползать к оленю. Когда молодой могиканин очутился всего в нескольких ярдах от кустов, он бесшумно наложил стрелу на тетиву лука. Рога шевельнулись: казалось, их обладатель почуял в воздухе близость опасности. Еще секунда — и тетива зазвенела. Стрела блеснула в воздухе. Раненое животное выскочило из

ветвей прямо на своего скрытого врага, грозя нанести ему удар рогами. Ункас ловко увернулся от взбешенного оленя и, подскочив к нему сбоку, быстро пронзил его шею ножом. Олень ринулся к реке и упал, окрашивая воду своей кровью.

— Дело сделано с ловкостью индейца,— с одобрением сказал Соколиный Глаз, беззвучно смеясь.— Приятно было смотреть! Но все же стрела хороша лишь на близком расстоянии, и в помощь ей нужен нож.

— У-у-ух! — произнес его собеседник и быстро повернулся, точно собака, почуявшая дичь.

— Клянусь богом, кажется, сюда идет целое стадо! — заметил Соколиный Глаз, и его глаза заблестели.— Если олени подойдут на расстояние ружейного выстрела, я все-таки пущу в них пулю-другую, хотя бы весь союз шести племен услышал грохот ружья! Что ты слышишь, Чингачгук? Для моего слуха лесные чащи молчат.

— Вблизи только один олень, да и тот убит,— сказал индеец и наклонился так низко, что его ухо почти коснулось земли.— Но я слышу звуки шагов.

— Может быть, волки гнали этого оленя и теперь бегут по его следам?

— Нет. Приближаются кони белых,— ответил Чингачгук, горделиво выпрямился и принял прежнюю позу.— Соколиный Глаз, это твои братья. Поговори с ними.

— Хорошо. Я обращусь к ним с такой английской речью, что самому английскому королю не было бы стыдно ответить мне,— сказал охотник на том языке, знанием которого он гордился.— Но я ничего не вижу и не слышу: ни шагов животных, ни топота человеческих ног... Ага! Вот треск сухого хвороста! Теперь и я слышу, как зашелестели кусты. Да-да, шум шагов! Я его принял за отголосок рева водопадов. Но вот и люди. Боже, спаси их от ирокезов!

Глава IV

Ты не уйдешь из леса раньше,
Чем за обиду я не отомщу

Шекспир, «Сон в летнюю ночь»

Едва разведчик замолчал, как показался первый всадник небольшого отряда. Его-то шаги и уловил настороженный слух индейца.

Через полянку бежала одна из тех извилистых тропинок, которые протаптывают олени на своем пути к водопою; она

упиралась в речку подле того места, где отдыхали белый охотник и его краснокожие товарищи. По тропинке медленно двигались путешественники, появление которых в глубине этих непроходимых лесов казалось весьма странным. Соколиный Глаз сделал навстречу им несколько шагов.

— Кто идет? — спросил разведчик, как бы нечаянно подняв левой рукой ружье и приложив указательный палец правой к курку; в то же время он старался, чтобы в этом движении не было угрозы.— Кто идет сюда по опасной и дикой тропе зверей?

— Друзья закона и короля,— ответил всадник, ехавший впереди остальных.— С восхода солнца мы едем в тени этого леса и жестоко измучены усталостью, голодом и своим трудным странствием...

— Вы, наверное, заблудились,— прервал его Соколиный Глаз,— и настолько беспомощны, что не знаете, ехать ли вам направо или налево.

— Вот именно. Не знаете ли вы, как далеко отсюда до королевского форта Уильям-Генри?

— О! — воскликнул белый охотник и расхохотался, но быстро подавил неосторожный громкий смех, опасаясь привлечь внимание врагов.— Вы потеряли дорогу, как собака теряет след оленя, когда между нею и зверем расстилается озеро Хорикэн. Уильям-Генри!.. Боже мой! Если вы друзья короля и у вас есть дела с королевской армией, лучше поезжайте по течению реки к форту Эдвард и скажите о том, что вам нужно, Веббу, который спрятался в этой крепости, вместо того чтобы пробиться в теснины и прогнать дерзкого француза в его берлогу за Шамплейном.

Путник ничего не ответил на это странное предложение, потому что другой всадник выехал из рощи и, обогнав его, сказал, обращаясь к охотнику:

— Сколько отсюда до форта Эдвард? Из того места, куда вы теперь советуете нам отправиться, мы выехали сегодня утром, а направляемся в верховье озера.

— Значит, вы раньше потеряли зрение, а потом уже заблудились, потому что дорога через волок, шириной по крайней мере в две сажени, просторней, пожалуй, чем лондонское шоссе, и шире дороги перед самим королевским дворцом.

— Мы не будем оспаривать достоинства военной дороги,— с улыбкой возразил Хейворд, ибо, как, наверное, догадался читатель, это был он.— Полагаю, в настоящую минуту достаточно сказать вам, что мы доверились проводнику-индейцу, который обещал провести нас ближайшей, хотя и очень глухой тропинкой. Но оказалось, что он плохо знал ее, и теперь совсем непонятно, где мы очутились.

— Индеец, заблудившийся в лесу? — сказал охотник и с

сомнением покачал головой.— Он заблудился в такое время, когда солнце жжет вершины деревьев, а ручьи полны до краев, когда мох каждой березы может сказать, в какой стороне неба загорится вечером северная звезда? Леса полны оленьих троп, которые сбегают или к рекам, или к соляным ямам,— словом, к местам, известным каждому. Кроме того, и гуси не все еще улетели к канадским водам. Странно, необыкновенно странно, что индеец сбился с пути между Хорикэном и излучиной реки! Не мохок ли он?

— По рождению нет, хотя это племя приняло его к себе. Мне кажется, его родина севернее и он принадлежит к индейцам, которых вы называете гуронами.

— У-у-ух! — в один голос вскрикнули краснокожие товарищи белого охотника.

До сих пор они сидели неподвижно и, по-видимому, бесстрастно относились ко всему происходящему, но в эту минуту могикане вскочили: удивление, видно, взяло верх над их выдержкой.

— Гурон? — повторил суровый разведчик и снова, не скрывая недоверия, покачал головой.— Это предательское, вороватое племя. Гурон остается гуроном, кто бы ни принял его к себе. Никакими средствами вы ничего не сделаете из него, он всегда останется трусом и бродягой. Раз вы отдали себя в руки одного из этих людей, надо только удивляться, что он еще не заставил вас наткнуться на целую шайку.

— Этого нечего бояться, так как форт Уильям-Генри всего в нескольких милях от нас. Кроме того, вы забыли, что наш проводник теперь мохок, что он служит нашей армии и стал нашим другом.

— А я говорю вам, что тот, кто родился гуроном, гуроном и умрет,— уверенно ответил Соколиный Глаз.— Мохок!.. Если хотите видеть честных людей, ищите их среди могикан или делаваров. Да. Они честно дерутся, хотя не все из их племени соглашаются идти в бой, так как многие позволили макуасам превратить себя в слабых женщин. Но уж если они дерутся, то это настоящие воины.

— Довольно об этом! — нетерпеливо заметил Хейворд.— Я не буду собирать сведения о хорошо знакомом мне человеке, который совершенно неизвестен вам. Вы еще не ответили на мой вопрос: на каком расстоянии мы находимся от главного отряда, расположенного в форте Эдвард?

— Это зависит от того, какой проводник поведет вас. А на таком коне, как ваш, можно покрыть это расстояние между восходом и заходом солнца.

— Я не хочу тратить слова попусту,— сказал Хейворд, подавляя свое недовольство и продолжая разговор в более миролюбивом духе.— Если только вы скажете мне, сколько миль

осталось до форта Эдвард, и согласитесь проводить нас туда, вы получите вознаграждение за труды.

— А кто поручится, что, сделав это, я не провожу врага и шпиона Монкальма в наши укрепления? Не всякий говорящий по-английски — честный и верный человек.

— Если вы действительно служите разведчиком, то, конечно, знаете шестидесятый королевский полк?

— Шестидесятый? Как не знать? Не многое скажете вы мне об американских сторонниках короля, чего я сам не знал бы, хотя на мне и не красный мундир, а охотничья куртка.

— Тогда вам известно имя майора этого полка...

— Майора? — прервал его Соколиный Глаз и выпрямился с видом человека, гордящегося своей репутацией.— Уж если в колониях есть человек, знающий майора Эффингэма, то он перед вами.

— В шестидесятом полку не один майор. Эффингэм — старший из них, а я говорю о самом младшем, о том, который командует гарнизоном форта Уильям-Генри.

— Да-да, слыхал, что это место занял какой-то молодой и богатый джентльмен из южных провинций. Но он слишком молод для такого поста, не следовало поручать начальство над седеющими людьми юному офицеру. А между тем, говорят, он отлично знает свое дело и очень храбр.

— Кто бы он ни был, что бы ни говорили о нем, он теперь разговаривает с вами, и, конечно, вы не должны опасаться его.

Разведчик с удивлением посмотрел на Хейворда, потом, сняв шляпу, ответил тоном менее самоуверенным, но все же выражавшим сомнение:

— Я слышал, что один отряд должен был сегодня утром выступить из форта Эдвард к озеру.

— Вам сказали правду. Но я выбрал кратчайшую дорогу и доверился опытности того индейца, о котором уже упоминал.

— А он обманул вас и потом бросил?

— Он не сделал ни того, ни другого — во всяком случае, второго, так как он находится здесь.

— Хотелось бы мне взглянуть на этого человека! Если он настоящий ирокез, я узна́ю его по хитрому взгляду и по раскраске,— сказал разведчик.

Пройдя мимо лошади Хейворда и клячи псалмопевца, около которой уже примостился сосать молоко жеребенок, он двинулся вдоль кустов и вскоре подошел к девушкам, с нетерпением и некоторой тревогой ожидавшим конца переговоров.

Позади Коры и Алисы стоял индеец-скороход; прислонившись к дереву, он бесстрастно встретил впившийся в него взгляд разведчика. Лицо индейца выражало такую мрачную свирепость, что невольно внушало чувство страха.

Удовлетворенный своим осмотром, Соколиный Глаз отошел от краснокожего, остановился на мгновение, любуясь красотой девушек, и радушно ответил на улыбку и ласковый кивок Алисы, затем подошел к лошади псалмопевца, кормившей своего жеребенка, с минуту смотрел на ее всадника, напрасно стараясь угадать, кто он, и наконец, покачав головой, снова вернулся к Дункану.

— Минг всегда останется мингом, и ни мохоки и никакое другое племя не изменят его,— сказал он, занимая свое прежнее место.— Если бы вы были одни и согласились отдать в жертву волкам вашего благородного коня, я в один час довел бы вас до форта Эдвард, потому что эта крепость находится всего на расстоянии часа пути отсюда. Но с вами женщины, для которых такой переход невозможен.

— Почему? Правда, они устали, но могут проехать еще несколько миль.

— Немыслимо,— повторил разведчик.— После того как стемнеет, я и мили не прошел бы с этим скороходом, хотя бы за то мне обещали лучшее ружье во всех колониях. Здесь, в чаще, скрываются ирокезы, и ваш мохок слишком хорошо знает, где прячутся они, чтобы я согласился пуститься с ним в путь.

— Неужели? — сказал Хейворд, наклоняясь вперед и понижая голос почти до шепота.— Сознаюсь, у меня тоже явились некоторые сомнения. Правда, я старался скрыть их и притворялся спокойным, но я делал это только для успокоения моих спутниц. Потому-то я не позволил индейцу идти вперед, а заставил его следовать за нами.

— С первого же взгляда видно, что это обманщик,— сказал охотник, притронувшись пальцем к носу в знак предостережения.— Вон этот вороватый минг прислонился к стволу молодого клена, там, за кустами, правая нога мошенника приходится на одной линии со стволом...— Соколиный Глаз многозначительно дотронулся до своего ружья.— Я могу попасть в него между щиколоткой и коленом, и после этого он по крайней мере на месяц лишится возможности двигаться. Подойти ближе нельзя: хитрая тварь заподозрит меня и кинется в кусты, как испуганный олень.

— Нет-нет, это не годится. Может быть, он ни в чем не виноват, и мне не хочется, чтобы вы ранили его. Хотя если бы я вполне удостоверился, что он предатель...

— Ну, в этом нечего сомневаться: ирокез всегда готов изменить и обмануть,— сказал Соколиный Глаз. Говоря это, он вскинул ружье и навел его дуло на Магуа.

— Погодите,— остановил его Дункан,— не стреляйте. Придумайте какой-нибудь другой способ от него избавиться, хотя я имею основание предполагать, что негодяй обманул меня.

Соколиный Глаз отказался от намерения перебить ногу индейцу-скороходу; он на минуту задумался, потом сделал рукой знак своим друзьям-могиканам, которые тотчас же подошли к нему.

Все трое вполголоса заговорили на делаварском наречии. С серьезным выражением они сосредоточенно и тихо совещались о чем-то. Судя по движениям рук белого охотника, который часто указывал в сторону поднимавшегося над кустами молодого деревца, он, очевидно, говорил о предателе.

Его товарищи скоро сообразили, чего он ждет от них, и, отложив свои ружья, ичезли в чаще. Один пошел направо, другой — налево.

Они прятались в чаще и скользили в кустах совершенно бесшумно.

— Теперь вернитесь к вашим спутницам,— обращаясь к майору, сказал Соколиный Глаз,— и заговорите с индейцем. Могикане схватят его, не попортив даже раскраски.

— Нет,— гордо ответил Дункан,— я сам хочу его схватить!

— Ну скажите, что сделаете вы, сидя на лошади, когда вашим противником окажется индеец, скользящий среди кустов?

— Я сойду с коня.

— А вы думаете, что, увидав, как вы освобождаете из стремени одну ногу, он будет терпеливо стоять и дожидаться, чтобы вы спрыгнули на землю? Всякий, кто вступает в эти леса и собирается иметь дело с туземцами, должен перенять обычаи индейца, если желает удачи... Итак, вперед! Заговорите с этим злодеем и сделайте вид, будто вы считаете его верным другом.

Хейворд согласился подчиниться, чувствуя сильное отвращение к делу, которое ему предстояло выполнить. Однако с каждой минутой в нем усиливалось сознание опасности, которая нависла над его спутницами из-за их доверчивости. Солнце село, и сгустившиеся тени придавали лесу мрачный вид. Очертания деревьев расплывались, и тьма ясно напоминала Дункану, что приближались часы, в которые дикари совершали свои самые кровавые деяния — деяния мести или вражды. Эти опасения заставили Хейворда расстаться с Соколиным Глазом. Разведчик немедленно завязал очень оживленный и громкий разговор с певцом, который так бесцеремонно присоединился с утра к маленькому обществу. Проезжая мимо девушек, Дункан бросил им несколько ободряющих слов и с удовольствием заметил, что они бодры, несмотря на усталость, и что остановка не встревожила их. Сказав Коре и Алисе, что ему нужно переговорить с индейцем о дальнейшей дороге, Хейворд пришпорил своего коня и снова натянул поводья, когда благородное животное очутилось в нескольких ярдах от Магуа, все еще стоявшего подле дерева.

— Вот, Магуа, ты сам видишь,— начал Хейворд, стараясь

говорить спокойным и дружеским тоном,— наступает ночь, а до форта Уильям-Генри не ближе, чем было, когда на восходе солнца мы выходили из лагеря генерала Вебба. Ты сбился с дороги, да и я оплошал. К счастью, мы столкнулись с охотником — слышишь, он разговаривает с певцом,— с охотником, который хорошо знает все оленьи тропы, все дорожки глухого леса и обещает проводить нас в такое место, где мы в безопасности отдохнем до следующего утра.

Блестящие глаза индейца впились в лицо Хейворда, и он спросил на ломаном английском языке:

— Он один?

— Один? — с легким колебанием повторил Дункан, с трудом заставляя себя сказать неправду.— О, не совсем один, Магуа· ведь с ним мы, его спутники!

— В таком случае, Хитрая Лисица уходит,— произнес индеец и хладнокровно поднял с земли свою сумку.— С бледнолицыми останутся только люди их племени.

— Хитрая Лисица уходит? Но кого ты называешь Хитрой Лисицей, Магуа?

— Это имя дали Магуа его канадские отцы,— ответил скороход, и по его лицу было заметно, что он гордится данным ему прозвищем.— Для Хитрой Лисицы, когда Мунро ждет его, ночь равняется дню.

— А что скажет Лисица начальнику форта Уильям-Генри, когда старик спросит его о своих дочерях? Осмелится ли он объяснить начальнику, что его дочери остались без проводника, хотя Магуа обещал охранять их?

— Правда, у седовласого начальника громкий голос и длинные руки, но в глубине лесов Лисица не услышит его крика и не почувствует его ударов.

— А что скажут люди твоего племени? Они сошьют для Лисицы женское платье и велят ему сидеть в вигваме с женщинами, так как ему нельзя больше доверять дела мужественных воинов.

— Хитрая Лисица знает путь к Великим Озерам, сумеет он отыскать и прах своих отцов,— прозвучал непреклонный ответ индейца.

— Довольно, Магуа, довольно! — сказал Хейворд.— Разве мы с тобой не друзья? Зачем нам говорить друг другу жестокие и горькие слова? Мунро посулил наградить тебя, когда ты выполнишь свое обещание. Я тоже в долгу перед тобой. Итак, ляг, дай отдых усталому телу, открой свою сумку и подкрепись пищей. Мы недолго останемся здесь. Не будем же тратить коротких минут привала и спорить, точно вздорные женщины Когда всадницы отдохнут, мы снова двинемся в путь.

— Бледнолицые превращают себя в покорных собак белых

женщин,— пробормотал индеец на своем наречии.— Когда женщинам хочется есть, белые воины покорно бросают свои томагавки, чтобы исполнить желание ленивиц.

— Что говоришь ты, Лисица?

— Хитрая Лисица говорит: «Хорошо».

Проницательный взгляд индейца был прикован к лицу майора, но, когда Хейворд тоже взглянул на Магуа, скороход быстро отвел глаза в сторону, уселся на землю, осторожно и медленно оглянулся и наконец вынул из сумки остатки съестных припасов.

— Отлично! — продолжал Дункан.— Пища придаст Хитрой Лисице сил, увеличит его проницательность, и он утром найдет тропинку.

Дункан на мгновение замолчал, услышав треск переломившейся сухой ветки и шелест листьев в соседних кустах, но, быстро овладев собой, продолжал:

— Нам нужно двинуться до восхода солнца, не то мы, пожалуй, встретим Монкальма и он отрежет нам доступ в крепость.

Поднятая рука Магуа застыла, и, хотя его глаза не отрывались от земли, он повернул голову; его ноздри расширились, и даже уши его, казалось, вытянулись, придавая ему вид статуи, изображавшей напряженное внимание.

Хейворд следил за каждым его движением и с притворной небрежностью вынул одну ногу из стремени, а руку положил на чехол из медвежьей шкуры, скрывавшей его пистолеты.

Глаза Магуа ни на мгновение не останавливались на одном каком-либо отдельном предмете, хотя лицо было неподвижно.

Майор не знал, на что решиться. Между тем Лисица поднялся на ноги, но так медленно и осторожно, что при этом не было слышно ни малейшего шороха. Хейворд почувствовал, что ему следует начать действовать; он перекинул ногу через седло и соскочил с лошади, твердо решив схватить предателя, во всем остальном полагаясь на свою силу и смелость.

Однако, не желая без нужды пугать своих спутниц, майор все же постарался сохранить наружное спокойствие и дружески заговорил с Магуа.

— Хитрая Лисица не ест,— сказал он, называя индейца тем именем, которое, по-видимому, казалось ему особенно лестным.— Его хлебные зерна недостаточно прожарены и жесткие? Дай-ка я посмотрю — может быть, в моих запасах найдется что-нибудь по его вкусу.

Магуа подал майору свою сумку, по-видимому желая воспользоваться предложением офицера. Их руки встретились; при этом индеец не выказал ни малейшего смущения, и его напряженное внимание не ослабело ни на миг. Но когда он почувствовал, что пальцы Хейворда тихо скользнули по его обнажен-

ному локтю, он отбросил руку майора, пронзительно вскрикнул, увернулся и исчез в чаще. В следующую секунду из-за кустов появилась фигура Чингачгука, раскраска которого придавала индейцу вид скелета. Могиканин кинулся за схороходом. Послышались крики Ункаса. Лес озарился вспышкой; вслед за тем прогремел выстрел ружья охотника.

Глава V

В такую ночь
Ступала робко Фисба по росе
И, устрашась не льва, а львиной тени,
Бежала в ужасе.

Шекспир, «Венецианский купец»

Внезапное бегство проводника-индейца, дикие крики его преследователей, шум и смятение — все это вместе ошеломило Хейворда; на мгновение он остолбенел, потом, вспомнив о необходимости захватить беглеца, кинулся в кусты, которые окаймляли маленькую поляну, и побежал в лес на помощь преследователям. Однако через сотню ярдов он столкнулся с охотником и его двумя друзьями, которые возвращались, не поймав беглеца.

— Почему вы так скоро отчаялись в успехе? — спросил их Дункан.— Конечно, этот мошенник спрятался где-нибудь в чаще, и его можно поймать. Пока он на свободе, мы не можем считать себя в безопасности.

— Разве облако может догнать ветер? — ответил Соколиный Глаз.— Я слышал, как этот бес шуршал в сухих листьях, пробираясь ползком, точно черная змея. Я видел его вон за той сосной и пустил в него пулю... Куда там! А между тем я хорошо целился и могу сказать, что в этих делах я мастер. Взгляните на то дерево. Его листья красны. Но всякий знает, что в июне оно цветет желтым цветом!

— Это кровь Лисицы, он ранен. И, может быть, еще упадет.

— Нет-нет! — решительно ответил охотник.— Я только задел его, и он убежал. Ружейная пуля, которая лишь слегка царапнет,— это те же шпоры: она заставляет ускорить бег, оживляя тело, вместо того чтобы отнять жизнь.

— Нас четверо здоровых, сильных людей, а наш противник один и ранен.

— Вам, верно, надоела жизнь? — спросил разведчик.— Эта Лисица подведет нас под удары томагавков своих соплеменников раньше, чем погоня успеет разогреть вашу кровь. Неблагоразумно поступил я, когда выстрелил так близко от засады гуронов. Но как было тут удержаться?.. Ну, друзья, снимемся с

лагеря и постараемся сделать это так, чтобы хитрый минг пошел по ложному следу; не то завтра в этот час наши скальпы уже будут сохнуть перед лагерем Монкальма.

Страшное предупреждение, которое Соколиный Глаз произнес с хладнокровием человека, не боящегося смотреть опасности прямо в глаза, напомнило Дункану о важности принятой им на себя обязанности. Он огляделся кругом, стараясь пронизать взглядом тьму, которая сгущалась под сводами леса. Ему уже чудилось, что его беспомощные спутницы скоро очутятся в руках диких врагов, которые, точно хищные звери, ждут только тьмы, чтобы с уверенностью и без помехи напасть на них.

Его возбужденное воображение, обманутое неверным светом, превращало в человеческую фигуру каждый колеблющийся куст, каждую корягу. Ему казалось, будто страшные, свирепые лица выглядывают из-за ветвей и следят не отрываясь за каждым их шагом. Хейворд посмотрел на небо: легкие облачка-барашки, которые вечер разбросал по небу, утрачивали понемногу свой розовый цвет; а реку, которая плавно несла свои воды совсем рядом, можно было проследить уже только по темной границе ее лесистых берегов.

— Что делать? — спросил Дункан, чувствуя страшную беспомощность в такой тяжелый момент.— Не бросайте меня, друзья, останьтесь, чтобы защитить девушек, которых я сопровождаю! И не стесняйтесь: требуйте от меня какой вам угодно награды.

Но ни Соколиный Глаз, ни индейцы не обратили внимания на этот горячий призыв. Они разговаривали между собой на своем наречии.

Правда, их беседа велась тихо, почти шепотом, но Хейворд без труда отличал взволнованный голос младшего воина от спокойной речи его старших собеседников. Они, очевидно, обсуждали какую-то меру, касавшуюся безопасности путешественников. Дункана, конечно, интересовал предмет их разговора, и в то же время его беспокоило промедление; он подошел ближе к своим спутникам, чтобы еще раз предложить этим людям награду, когда белый охотник махнул рукой, словно уступая в споре, и сказал по-английски, как бы говоря себе самому:

— Ункас прав: недостойно поступили бы мы, оставив беспомощных девушек на произвол судьбы, хотя наше вмешательство может навсегда лишить нас надежного тайного убежища. Если вы хотите спасти эти нежные цветы от ядовитых зубов самых опасных змей, джентльмены, не теряйте времени и перестаньте колебаться.

— Можно ли сомневаться в том, что я хочу их спасти! Разве я не обещал вам награду?..

— Обратите свои молитвы к всевышнему, чтобы он даровал

нам мудрость перехитрить этих дьяволов, которые наводнили лес, и не предлагайте мне денег,— спокойно прервал его Соколиный Глаз.— Может быть, вы не доживете до того, чтобы исполнить свое обещание, а я — чтобы воспользоваться им. Могикане и я — мы сделаем все, что только может придумать человек, чтобы спасти от зла эти благоухающие цветы, не созданные для такого дикого места. Но прежде вы должны дать мне два обещания — от своего имени и от лица ваших друзей. В противном случае мы не поможем вам и только повредим себе.

— Скажите, каких обещаний вы требуете?

— Первое: что бы ни случилось — молчите, подобно этим спящим деревьям. Второе: сохраните в тайне от всех, где помещается убежище, в которое мы вас отведем.

— Я исполню ваши условия.

— Тогда — за мной! Мы даром тратим время, такое же драгоценное для нас, как для раненого оленя капли крови его сердца.

В темноте наступившего вечера Хейворд различил нетерпеливый жест охотника и быстро двинулся вслед за ним к тому месту, где их ожидали остальные спутники.

Хейворд быстро подошел к своим спутницам, вкратце объяснил Коре и Алисе условия их нового проводника и прибавил, что они должны отбросить всякие опасения. Хотя сообщение Хейворда наполнило страхом сердца сестер, его серьезный и решительный тон, а может быть, также мысль о грозной опасности придали девушкам силы приготовиться к какому-то неожиданному и необыкновенному испытанию; молчаливо и без всяких промедлений они с помощью Дункана соскочили с седел и быстро спустились к реке.

Соколиный Глаз молча, жестами, пригласил туда всех остальных.

— А что делать с этими бессловесными созданиями? — пробормотал он.— Если мы зарежем лошадей и трупы бросим в реку, мы потеряем время. Оставив же лошадей здесь, ясно покажем мингам, что владельцы коней недалеко.

— В таком случае, отпустите их в лес,— попытался предложить Хейворд.

— Нет, лучше обмануть врага. Пусть они вообразят, будто им нужно гнаться за нами бегом. Да-да, это обманет их, конечно... Чингачгук, что это шелестит в кустах?

— Жеребенок.

— Вот его придется убить,— сказал охотник и протянул руку к холке молоденького создания, которое быстро отскочило в сторону.— Ункас, твои стрелы!

— Стойте! — воскликнул хозяин обреченного на смерть жеребенка, не обращая внимания на то, что остальные говорили

шепотом.— Пощадите жеребенка моей Мириам! Это красивый отпрыск верной лошади, и он никому не делает зла.

— Когда люди борются за свою жизнь, даже собственные их собратья значат для них не больше, чем лесные звери. Если вы скажете еще хоть одно слово, я отдам вас в руки макуасов... Будь метким, Ункас! Для второй стрелы у нас нет времени.

Глухой, угрожающий голос еще не замолк, когда раненый жеребенок вскинулся на дыбы, потом упал на колени, а Чингачгук быстрее мысли полоснул его ножом по горлу и столкнул свою жертву в реку; жеребенок поплыл вниз по течению.

Этот поступок, по всей видимости жестокий, но, в сущности, вызванный крайней необходимостью, наполнил души путешественников унынием.

Все происходящее казалось путникам странным предвестием опасности, и чувство это усилилось при виде спокойной, но непоколебимой решимости, сквозившей в каждом движении охотника и могикан. Кора и Алиса, дрожа, прижались друг к другу, а рука Хейворда сама собой легла на один из пистолетов, вынутых из кобуры; он занял место между девушками и темной стеной леса.

Индейцы, не теряя времени, взяв под уздцы испуганных, упирающихся лошадей, ввели их в реку.

Невдалеке от берега могикане повернули коней и скоро скрылись под нависшими берегами, пустив нарраганзетов против течения. Между тем разведчик вывел сделанную из березовой коры пирогу из тайника, где она была скрыта под ветвями низких кустов, касавшихся воды, и молча, жестом, предложил девушкам сесть в эту лодку.

Они повиновались без колебаний, пугливо оглядываясь на сгущающийся мрак, который теперь, точно темная ограда, лег вдоль берегов потока.

Едва Кора и Алиса очутились в пироге, разведчик предложил Хейворду войти в воду и поддержать один край утлого челна, а сам взялся за челн с другой стороны. Таким образом они некоторое время тащили пирогу по воде против течения. Вслед за ними шел опечаленный и унылый хозяин убитого жеребенка. Тишина вечера нарушалась только журчанием воды, весело разбивавшейся о пирогу и о ноги осторожно шагавших людей. Хейворд предоставил разведчику свободу действий, и тот, по мере надобности, то приближал лодку к берегу, то отдалял, избегая торчащих из воды камней или водоворотов; каждое его движение доказывало, как хорошо знал он путь. Время от времени Соколиный Глаз останавливался; тогда среди полного безмолвия доносился глухой, постепенно усиливающийся гул водопада. Напрягая слух, разведчик старался уловить звуки в дремлющем лесу Удостоверившись в полной тишине

и не уловив никаких признаков приближения врага, он снова, по-прежнему осторожно, двигался вперед.

Наконец взгляд Хейворда упал на что-то черневшее в особенно густой тени, которую высокий берег кидал на воду. Майор указал Соколиному Глазу на темное пятно.

— Да,— спокойно произнес разведчик,— индейцы скрыли тут лошадей. На воде следов не остается, и даже глаза совы оказались бы слепы в этой темноте.

Скоро небольшой отряд снова был в сборе. Охотник устроил совет, на котором путешественники, чьи судьбы зависели теперь от преданности и изобретательности этих незнакомых лесных жителей, подробно обсудили свое положение.

Реку теснила стена высоких зубчатых скал; один из утесов свешивался над тем местом, где стояла пирога. На скалах возвышались высокие деревья, которые, казалось, готовы были упасть в пропасть. Все было черно под этими скалами и деревьями, чьи очертания смутно вырисовывались на фоне темно-синего, усыпанного звездами неба. Река делала здесь излучину, а впереди, и, по-видимому, невдалеке, вода словно громоздилась к небу и ниспадала в глубокие пещеры, из которых неслся грозный гул, наполнявший вечерний воздух. Казалось, что место это создано для уединения, и сестер охватило успокаивающее чувство безопасности, когда они созерцали эту романтическую, несколько страшную красоту. Движение среди проводников оторвало девушек от размышлений о дикой красоте, которую ночь придавала этим местам, и вернуло их к горестному сознанию опасной действительности.

Лошади были привязаны к редким кустам, которые росли в трещинах камней; они стояли в воде, и им предстояло провести целую ночь в этом месте.

Соколиный Глаз предложил Дункану и его спутникам сесть в носовую часть пироги, сам же поместился на корме и стоял так прямо, будто под его ногами была палуба большого корабля, сделанного не из древесной коры, а из гораздо более прочного материала. Индейцы осторожно отошли в сторону. Соколиный Глаз с силой уперся шестом в прибрежную скалу и оттолкнул пирогу от берега на середину бешеного потока. Несколько долгих минут шла ожесточенная борьба между утлым челном и бурлящим потоком. Путешественники с лихорадочным напряжением смотрели на воду, не решаясь шевельнуть рукой или вздохнуть поглубже, чтобы не опрокинуть хрупкую пирогу.

Раз двадцать им казалось, что водоворот увлечет их к гибели, но умелая рука кормчего легко направляла и поворачивала пирогу. Долгая, упорная и, как иногда начинало казаться девушкам, безнадежная борьба завершилась успешно.

Как раз в то мгновение, когда Алиса в ужасе закрыла глаза,

думая, что водоворот унесет их к подножию водопада, пирога подплыла к плоской скале, еле выдававшейся из воды.

— Где мы? И что делать дальше? — спросил Хейворд, поняв, что Соколиный Глаз достиг своей цели.

— Это Гленн,— громко ответил разведчик, зная, что при грохоте воды ему незачем понижать голос.— Прежде всего нам нужно умело причалить, чтобы не опрокинуть пирогу, не то вас понесет вниз по течению туда же, откуда мы только что приплыли, только гораздо быстрее. Трудно идти против течения, когда река бурлит; да и маленькой пироге из березовой коры, смазанной смолой, нелегко нести пятерых человек. Высаживайтесь на эту скалу, а я привезу могикан и съестные припасы. Лучше спать без скальпа, нежели страдать от голода при изобилии.

Путешественники с радостью согласились с указаниями Соколиного Глаза.

Едва последний из них ступил на скалу, высокая фигура охотника скользнула над водой и тотчас исчезла в непроницаемой тьме, которая окутывала реку. Несколько минут путешественники, оставшиеся без своего руководителя, беспомощно колебались, не зная, на что решиться, боясь сделать хотя бы шаг по неровным камням, опасаясь при первом неверном движении упасть в глубину одной из пещер, в которые вода с ревом низвергалась со всех сторон.

Однако им пришлось ждать недолго: пирога снова подошла к низкой скале, и, как показалось ожидающим, раньше, нежели Соколиный Глаз мог добраться до могикан.

— Теперь у нас тут и крепость, и гарнизон, и провиант,— весело крикнул Хейворд,— и нам не страшны ни сам Монкальм, ни его союзники! Скажите же мне, бдительный страж, что вы думаете о тех, кого называете ирокезами?

— Ничего хорошего я не скажу об ирокезах! Если Вебб желает видеть честного и верного индейца, он должен позвать к себе делаваров, а французам отдать жадных, лживых мохоков и онайдов вместе с шестью племенами их союза.

— Но в таком случае нам пришлось бы заменить воинственных людей бездействующими друзьями. Я слыхал, что делавары бросили томагавки и страшатся войны, как робкие женщины.

— Да, стыдно голландцам[1] и ирокезам, которые своими дьявольскими хитростями заставили их заключить такой союз. Но я знаю делаваров двадцать лет и назову лгуном всякого, кто скажет, что в жилах делавара течет кровь труса. Вы оттеснили эти племена от морских берегов, а теперь готовы верить их

[1] Нью-Йорк был основан голландцами.

врагам, которые клевещут на них, чтобы вы могли спокойно спать.

— Во всяком случае, я отлично вижу, что ваши товарищи — храбрые и осторожные воины. Скажите, не успел ли кто-нибудь из них заметить врагов или узнать что-нибудь о них?

— Индейца прежде почуешь, а потом увидишь,— ответил Соколиный Глаз, поднимаясь на скалу и сбрасывая на землю убитого оленя.— Выслеживая мингов, я доверяю не глазам.

— А слух не говорит вам, что они напали на путь к нашему убежищу?

— Мне было бы очень грустно думать, что это случилось, хотя место нашей стоянки может послужить отличной крепостью для мужественных и смелых людей. Впрочем, не отрицаю, что, когда я проходил мимо лошадей, они дрожали и жались, точно чуя приближение волков; а ведь волки часто рыщут близ засады индейцев, надеясь поживиться остатками мяса убитых оленей.

— Но вы забыли оленя, лежащего у ваших ног! И разве звери не могли почуять убитого жеребенка?.. О, что это за шум?

— Бедная Мириам! — бормотал Давид Гамут (так звали псалмопевца).— Бедный жеребенок был обречен стать добычей диких зверей!

Вдруг голос Давида присоединился к неумолкаемому грохоту воды, и он запел псалом:

Первенцев Египта убил он,
Первенцев людей и зверей.
О фараон! Поразил он
Тебя десницей своей!

— Смерть жеребенка тяжело гнетет сердце его хозяина. Впрочем, если человек заботится о своих бессловесных друзьях, это говорит в его пользу. Может быть, вы правы,— продолжал Соколиный Глаз, отвечая на последнее предположение Дункана.— Тем скорее нам нужно срезать мясо оленя с костей и бросить остатки в реку. Не то, пожалуй, здесь скоро раздастся вой дикой стаи, и волки, стоя на окрестных утесах, будут с завистью и жадностью следить за каждым проглоченным нами куском. Ирокезы хитры и отлично разберут по волчьему вою, в чем дело.

Говоря это, Соколиный Глаз, заботливо собрав необходимые вещи, прошел мимо группы остальных путников. Могикане двинулись за ним; можно было подумать, что индейцы угадали намерения своего белого товарища. Скоро все трое исчезли один за другим; казалось, они вошли в темную отвесную стену, которая поднималась в нескольких ярдах от берега.

Глава VI

Напев прекрасный, что звучал в Сионе,
Он растоптал своей заботой здравой
И тотчас же торжественно сказал:
«Восхвалим господа со славой!»

Бёрнс

Хейворд и его спутницы с некоторой тревогой смотрели на непонятное исчезновение своих проводников.

Хотя поведение белого человека до сих пор не вызывало никаких опасений, но его грубая одежда, резкая речь, глубокая ненависть к врагам и его молчаливые товарищи — все вместе рождало недоверие у людей, встревоженных недавним предательством индейца.

Только Гамут не обращал внимания на происходившее вокруг него. Он сидел на выступе скалы, и его присутствие не было бы заметно, если бы волнение души псалмопевца не выражалось частыми глубокими и тяжелыми вздохами.

Вот послышались заглушенные голоса, словно люди перекликались где-то далеко-далеко в недрах земли. И вдруг яркий свет ударил в глаза путешественникам, расположившимся на камнях. Перед ними открылась тайна убежища, в котором скрывались разведчик и могикане.

В дальнем конце узкой глубокой пещеры стоял разведчик, держа в руке связку пылающих сухих сосновых ветвей. Отсвет огня, падавший на его суровое, обветренное лицо и на его лесной наряд, придавал оттенок романтической дикости этому человеку, хотя при обыкновенном свете дня он поразил бы глаз только своеобразной одеждой, железной неподвижностью своего стана да настороженностью и простосердечием, которые отражались на его лице. Недалеко от разведчика, ближе к выходу из пещеры, стоял Ункас. Путешественникам видны были гибкие и непринужденные движения молодого индейца. Хотя его фигура была закрыта зеленой, обшитой бахромой охотничьей рубашкой, но голова оставалась непокрытой, так что ничто не мешало наблюдателям с тревогой следить за блеском его глаз, пугающих и вместе с тем спокойных, смелыми очертаниями гордого лица, не обезображенного красками, благородной высотой его лба и изящной формой обритой головы, на макушке которой красовалась длинная прядь волос. Впервые Дункан и его спутники получили возможность разглядеть своих проводников-индейцев, и путешественники вздохнули с облегчением, когда увидели гордое, решительное, хотя и дикое выражение лица молодого воина; чувствовалось, что он не способен на гнусное предательство. Алиса с интересом разглядывала его открытое лицо и

гордую осанку, как она рассматривала бы драгоценную статую, изваянную резцом древних греков и чудом ожившую; а Хейворд, хотя и привык наблюдать совершенство форм, столь распространенное среди туземцев, открыто выражал свое восхищение при виде такого безупречного образца благороднейших пропорций человека.

— Я могла бы спокойно заснуть,— шепотом произнесла Алиса,— зная, что такой бесстрашный и, по-видимому, великодушный часовой охраняет меня. Я уверена, Дункан, что жестокие убийства и мучительные пытки, о которых мы так часто слышим и читаем, не могут совершаться в присутствии людей вроде Ункаса.

— Я согласен с вами, Алиса,— ответил Хейворд.— Мне тоже кажется, что такой лоб и такие глаза способны внушать страх, но не обманывать... Однако не будем заблуждаться: мы должны ждать от него только проявления тех достоинств, которые считаются добродетелями среди краснокожих. Впрочем, встречаются замечательные люди и среди белых и среди индейцев. Будем же надеяться, что этот молодой могиканин не разочарует нас и докажет, что его наружность не обманчива, что он действительно храбрый и преданный друг.

— Теперь майор Хейворд говорит, как подобает майору Хейворду,— заметила Кора.— Кто, глядя на это создание природы, может вспомнить о цвете его кожи!

Наступило короткое, как бы неловкое молчание, которое прервал разведчик, предложив путникам войти в пещеру.

— Огонь разгорается слишком ярко,— сказал он,— того и гляди, укажет мингам наш приют. Ункас, опусти-ка одеяло — это скроет огонь... Угощайтесь! Конечно, перед вами не такой ужин, какого имеет право ожидать майор королевской армии, но я видывал, как многие военные с удовольствием глотали сырое мясо, даже без всякой приправы. А у нас есть соль, и мы можем быстро зажарить мясо. Вот свежие ветки сассафраса[1]. Пусть дамы присядут на них, хоть это и не стулья из красного дерева. Ну, друг,— обратился он к псалмопевцу,— не печальтесь о жеребенке: это было невинное создание и еще не успело узнать печалей. Смерть спасла его от многих неприятностей, от ссадин на спине, от натруженных ног...

Между тем Ункас исполнил приказание разведчика.

Голос Соколиного Глаза замолк, и грохот водопада зазвучал, точно раскат отдаленного грома.

— Не опасно ли оставаться в этой пещере? — спросил Хейворд.— Не грозит ли нам здесь внезапное нападение? Ведь, стоя

---

[1] Сассафра́с — дерево из семейства лавровых.

подле выхода, один вооруженный человек может держать нас в своих руках.

В темноте из-за спины разведчика вынырнула какая-то фигура, похожая на воплощение смерти, и, взяв горящую головню, осветила ею отдаленный конец узкого грота. Алиса вскрикнула, и даже смелая Кора вскочила при появлении страшного существа. Но Хейворд успокоил девушек, сказав им, что это только их проводник, Чингачгук. Приподняв второе одеяло, индеец показал, что в пещере был еще один выход. Потом, держа в руках пылающую головню, он проскользнул через узкий проход в утесе в другой грот, совершенно сходный с первым.

— Таких опытных лисиц, как мы с Чингачгуком, не часто ловят в норе с одним выходом! — со смехом заметил Соколиный Глаз.— Это отличное место! Скалы — черный известняк, а это очень мягкая порода. Прежде водопад находился на несколько ярдов ниже, чем теперь, и, думаю, в свое время представлял собой такую же спокойную и прекрасную гладь, какие вы встречаете в лучших местах Гудзона. Но годы уносят красоту — это еще суждено вам узнать, молодые девушки. Местность эта сильно изменилась со временем. В скалах и утесах появилось множество трещин. В одних местах камни мягче, чем в других, и вода проточила в них большие выбоины; одни скалы свалила, другие изломала, и теперь эти водопады не имеют ни красоты, ни силы.

— Где же мы находимся? — спросил Хейворд.

— Близ того места, где когда-то низвергался водопад. С обеих сторон от нас порода оказалась мягкой, поэтому мятежная вода вырыла вот эти две маленькие пещеры, устроив для нас отличный приют, и отхлынула вправо и влево, обнажив середину своего русла, которое стало сухим островком.

— Значит, мы на острове?

— Да, по обеим сторонам от нас водопады, а река и выше и ниже нас. При дневном свете вам стоило бы подняться на скалу и посмотреть на причуды воды. Она падает безумными прыжками. Иногда скачет, иногда течет гладко; тут она кувыркается, там тихо струится; в одном месте бела как снег, в другом кажется травянисто-зеленой; то журчит и поет, как кроткий ручей, то вдруг начинает крутиться водоворотом и размывает каменные скалы, как мягкую глину. Да, леди, тонкая ткань, паутинкой обвивающая вашу шею, покажется грубым неводом в сравнении с узорами речных струй. После того как река набушуется вволю, она спокойно течет дальше, чтобы слить свои воды с морской волной.

Такое описание гленнских водопадов внушило путешественникам уверенность в недоступности их убежища, но им было не

до того, чтобы замечать красоты природы. Потом все решили заняться необходимым, хотя и более низменным делом — ужином.

Ункас оказывал Коре и Алисе все услуги, какие только были в его силах.

Сочетание гордости и радушия на его лице забавляло Хейворда, который знал, что такая услужливость — не в обычаях индейцев. Однако правила гостеприимства считались священными, а потому незначительное отступление от строгих законов воинского достоинства не вызвало, по-видимому, порицания со стороны Чингачгука.

При этом внимательный наблюдатель мог бы заметить, что Ункас не совсем одинаково относится к девушкам. Например, подавая Алисе флягу с водой или кусок оленины на деревянном блюде, он только соблюдал вежливость; оказывая же подобные услуги ее темноволосой сестре, молодой могиканин устремлял долгий взгляд на ее красивое, выразительное лицо. Раза два ему пришлось заговаривать с сестрами, чтобы привлечь их внимание. И каждый раз в таких случаях он говорил по-английски — правда, на ломаном языке, но все же понятно. Его глубокий гортанный голос придавал особую музыкальность английским словам. Кора и Алиса обменялись с ним несколькими фразами, и благодаря этому между ними установилось нечто похожее на дружеские отношения.

Ничто не нарушало важного спокойствия Чингачгука; он сидел в свете костра, и путешественники, беспокойно поглядывая на старого индейца, увидели наконец истинное выражение его лица, которое проступало сквозь наводящую ужас военную раскраску. Сестры находили между отцом и сыном большое сходство, с той лишь разницей, которую накладывают возраст и пережитые невзгоды. Свирепое выражение лица Чингачгука смягчилось, и от него веяло теперь ясным спокойствием, которое отличает обычно индейского воина, когда для него нет необходимости напрягать все свои способности, защищая жизнь. Легко было заметить по теням, которые иногда пробегали по смуглому лицу индейца, что вспышки гнева было достаточно, чтобы вступила в силу та страшная эмблема, которая на страх врагам была изображена на теле Чингачгука.

В отличие от него Соколиный Глаз не знал покоя. Живой взгляд разведчика постоянно блуждал, не останавливаясь ни на мгновение. Он ел и пил с удовольствием, но бдительная осторожность ни на минуту не покидала его. Раз двадцать фляга или кусок жареного мяса замирали в руке охотника, и он поворачивал голову то в одну, то в другую сторону, как бы прислушиваясь к отдаленному шуму.

— Друг,— заговорил Соколиный Глаз, вынимая из-под по-

крова листьев небольшой бочонок с вином и обращаясь к певцу, который отдавал должное его поварскому искусству,— попробуйте-ка этого виноградного сока — он прогонит все мысли о жеребенке и оживит вашу душу. Я пью за нашу дружбу и надеюсь, что бедная лошадка не послужит причиной ненависти между нами. Как ваше имя?

— Гамут, Давид Гамут,— ответил учитель пения, собираясь залить свои печали глотком вкусного и сильно приправленного пряностями напитка.

— Отличное имя, и, полагаю, оно передано вам хорошими, честными предками. Я люблю такие имена, хотя изобретательность христиан в этом случае значительно отстает от остроумных обычаев индейцев. Самого большого труса, какого я когда-либо знал, звали Львом, а его жена носила имя Пейшенс (терпение), между тем эта особа успевала наговорить множество неприятных слов в течение меньшего времени, чем нужно оленю, чтобы промчаться сажень. У индейца имя — дело чести. Индеец обыкновенно принимает какое-нибудь подходящее для себя прозвище. Конечно, имя Чингачгук, что значит «Великий Змей», не означает, что он и в самом деле змея; нет, его имя говорит, что ему известны все извороты, все уголки человеческой природы, что он молчалив и умеет наносить своим недругам удары в такие мгновения, когда они совсем этого не ожидают. Каково же ваше призвание?

— Я — недостойный преподаватель благородного искусства псалмопения.

— О!

— Я преподаю пение юным новобранцам Коннектикута[1].

— Вы могли бы выбрать занятие получше. Эти щенки и так слишком много хохочут и поют в лесах, когда им следовало бы сидеть затаив дыхание, как лисице в засаде. Умеете ли вы, по крайней мере, обращаться с ружьем?

— Слава богу, мне еще никогда не приходилось иметь дело со смертоносным оружием.

— Может быть, вы умеете находить путь по компасу, наносить на бумагу направление вод, обозначать на ней горы и пустыни так, чтобы люди сумели отыскать эти места?

— Нет, этим я не занимаюсь.

— У вас такие ноги, которые могут превратить длинную дорогу в короткую. Я полагаю, генерал посылает вас с поручениями?

— Никогда. Я следую только моему высокому призванию, то есть обучаю людей церковной музыке.

— Странное призвание,— произнес Соколиный Глаз и ус-

---

[1] Конне́ктикут — местность, граничившая с колонией Нью-Йорк.

мехнулся.— Всю жизнь повторять, как пересмешник, все высокие и низкие ноты, которые вырываются из человеческого горла! Впрочем, друг, пение — ваш талант, и никто не имеет права его хулить, как никто не смеет порицать искусство стрельбы или какое-нибудь другое умение. Покажите-ка ваше искусство. Пусть это будет наше дружеское прощание на ночь. Ведь девушкам предстоит набраться сил перед долгой дорогой, в которую мы отправимся на рассвете, пока еще не зашевелились макуасы.

— С великим удовольствием,— сказал Гамут. Поправив очки в железной оправе, он вынул свой излюбленный томик и немедленно передал книгу Алисе.— Что может быть более подходящим и успокаивающим, чем вечерняя молитва после дня, полного опасности и риска!

Алиса улыбнулась. Она взглянула на Хейворда и вспыхнула, не зная, как ей поступить.

— Не стесняйтесь,— шепнул ей молодой офицер.

Алиса приготовилась петь. Давид выбрал гимн, отвечавший положению беглецов. Кора тоже пожелала поддержать сестру.

Давид, который всегда придерживался в пении строгих правил, предварительно дал певцам тон, пользуясь своим камертоном.

Полился торжественный напев; иногда молодые девушки склонялись над книгой и усиливали свои звучные голоса, иногда понижали их, так что шум воды превращался в глухой аккомпанемент песен. Природный вкус и верный слух Давида руководили певицами. Он соразмерял силу голосов с размерами узкой пещеры, каждая трещина, каждая впадина которой наполнялась задушевными звуками. Индейцы с таким пристальным вниманием смотрели на скалы, что, казалось, они сами превратились в камни.

Разведчик сначала сидел, равнодушно опершись подбородком на руку, но мало-помалу его суровые черты смягчились. Может быть, в уме охотника воскресли воспоминания детства, тихие дни, когда ему приходилось слышать такие же псалмы из уст матери. Задумчивые глаза жителя лесов увлажнились, слезы покатились по его обветренным щекам, хотя он скорее привык к житейским бурям, чем к проявлениям душевного трепета. Пронесся один из тех низких, замирающих звуков, которые слух впивает с жадным восторгом, точно сознавая, что это наслаждение сейчас прервется... И вдруг раздался вопль, не похожий ни на человеческий крик, ни на вопль другого земного существа; он потряс воздух и проник не только во все уголки пещеры, но и в самые укромные тайники человеческих сердец. Вслед за этим

наступила полная тишина; чудилось, будто даже воды Гленна остановились, пораженные ужасом.

— Что это? — прошептала Алиса, очнувшись от столбняка.

— Что это? — громко спросил Дункан.

Ни Соколиный Глаз, ни индейцы не ответили. Они слушали, очевидно ожидая повторения вопля, и молчанием выражали свое изумление. Наконец они быстро и серьезно заговорили между собой на делаварском наречии.

По окончании их беседы Ункас осторожно выскользнул из отдаленного выхода пещеры.

Когда он ушел, разведчик снова заговорил по-английски:

— Никто из нас не может сказать, что это было, хотя двое из нас в течение тридцати с лишком лет изучали леса. Я думал, что моему слуху знакомы все крики индейцев, все звериные голоса, но теперь вижу, что я был просто тщеславным, самонадеянным человеком.

— Разве это не военный клич воинов, не вой, которым они стараются испугать врагов? — спросила Кора, спокойно опуская на лицо вуаль, в то время как ее младшая сестра заметно волновалась.

— Нет-нет, сейчас раздался зловещий, потрясающий звук, и в нем было что-то неестественное. Если бы вы хоть раз слышали боевой клич индейцев, вы никогда не приняли бы его за что-нибудь другое... Ну что же, Ункас? — снова по-делаварски обратился разведчик к возвратившемуся в пещеру молодому могиканину.— Что ты видел? Не просвечивает ли наш огонь сквозь завесы?

Послышался короткий и, по-видимому, отрицательный ответ на том же наречии.

— Ничего не видно,— продолжал по-английски Соколиный Глаз, с неудовольствием покачивая головой.— Но наша стоянка все еще остается тайной. Перейдите в другую пещеру, леди, и постарайтесь заснуть: вы нуждаетесь в отдыхе. Мы поднимемся задолго до восхода солнца, и нам придется торопиться, чтобы дойти до форта Эдвард, пока минги будут спать.

Кора повиновалась с таким спокойствием, что более робкая Алиса была принуждена последовать ее примеру. Однако, выходя из пещеры, она шепотом попросила Дункана пойти вместе с ними.

Ункас откинул для сестер завесу из одеяла. Повернувшись, чтобы поблагодарить его за внимание, девушки увидели, что разведчик снова уселся над потухающими углями, закрыв лицо руками, и, по-видимому, весь ушел в раздумье о непонятном звуке, который прервал вечернее пение.

Хейворд захватил с собой горящую сосновую ветку, и этот факел слабо осветил узкую пещеру, где девушкам предстояло провести ночь. Дункан укрепил свой светильник в трещине камня и подошел к сестрам; они остались с ним наедине в первый раз после отъезда из форта Эдвард.

— Не уходите, Дункан! — попросила его Алиса.— Мы не заснем в этом страшном месте, особенно теперь, когда ужасный вопль еще звучит у нас в ушах.

— Прежде всего осмотрим, достаточно ли безопасна наша крепость,— ответил Хейворд,— а потом поговорим об остальном.

Он прошел в самый дальний угол пещеры, к выходу, тоже закрытому тяжелым одеялом, и, отодвинув его, вдохнул полной грудью свежий, живительный воздух, веявший от водопадов. Ближайший рукав реки стремился по узкому глубокому ущелью, прорытому течением в мягком камне. Вода неслась у самых ног молодого офицера и, как ему казалось, образовала отличную защиту с этой стороны.

— Природа создала неодолимую преграду,— продолжал он, указав на черный поток под обрывом, и опустил завесу,— и вы сами знаете, что честные, верные люди охраняют вас. Поэтому почему бы вам не воспользоваться советом Соколиного Глаза? Я уверен, Кора согласится со мной и скажет, что вам обеим необходимо заснуть.

— Кора может согласиться с вашим мнением, но не сможет последовать вашему совету,— проговорила старшая из девушек, устроившись рядом с Алисой на ложе из ветвей сассафраса.— Если бы мы даже не слышали непонятного, страшного крика, нам все равно было бы трудно заснуть. Скажите-ка сами, Хейворд, могут ли дочери позабыть о том, как должен тревожиться их отец, не знающий, где они и что с ними случилось в этой глуши среди стольких опасностей?

— Он воин. Правда, ему известны опасности, но известны и преимущества лесов.

— Но он — отец, и от чувств отцовских он не сможет отречься.

— Как снисходительно, как терпеливо переносил он мои глупые затеи! С какой любовью исполнял все мои желания! — со слезами произнесла Алиса.— Кора, мы поступили неблагоразумно, предприняв эту рискованную поездку.

— Может быть, я необдуманно настояла на том, чтобы отец позволил нам приехать к нему в такое беспокойное время, но я хотела доказать ему, что если на других он не может положиться, то его дети остались ему верны.

— Когда он услыхал о вашем решении приехать в форт Эдвард,— ласково сказал Хейворд,— в его душе произошла же-

стокая борьба между страхом и любовью, и любовь одержала победу. «Я не хочу останавливать их, Дункан,— сказал он.— Дай боже, чтобы все защитники нашего короля выказали половину той смелости, которую проявила Кора».

— А обо мне он ничего не сказал, Хейворд? — с ревнивой нежностью спросила Алиса.— Я уверена, что папа не мог совсем позабыть о своей маленькой Эльси...

— Конечно, нет,— ответил молодой человек.— Он осыпал вас множеством ласковых слов, которые я не осмелюсь повторить, чувствуя, однако, их справедливость. Раз он сказал...

Дункан вдруг умолк; глаза его были прикованы к Алисе, которая в порыве дочерней любви повернулась к нему, чтобы услышать слова отца, когда снова пронесся тот же ужасный вопль, и вслед за тем наступило долгое мертвое молчание. Все переглядывались, со страхом ожидая повторения дикого воя. Наконец медленно отодвинулось одеяло, и в отверстии пещеры показалась фигура разведчика; суровая твердость его лица сменилась неуверенностью при мысли о таинственных звуках, казалось предвещавших неминуемую опасность, перед которой были бессильны и ловкость его и опытность.

Глава VII

Они не спят.
И вижу я на скалах тех —
Всей дикой бандой они сидят.

Грей

— Если мы останемся здесь,— сказал Соколиный Глаз,— мы пренебрежем предупреждением, которое дается нам для нашего же блага. Пусть нежные создания побудут в пещере, но мы, то есть я и могикане, пойдем на скалу сторожить. И, полагаю, майор шестидесятого полка присоединится к нам.

— Разве близка опасность? — спросила Кора.

— Только тот, кто издает эти странные вопли, знает о грозящей нам опасности. Я буду считать себя недостойным человеком, если стану прятаться в нору, слыша такое знамение в воздухе. Даже слабая душа, которая проводила свои дни в псалмопении, взволнована этими звуками и говорит, что «готова идти вперед на битву». Но если бы нас ждала только битва, то с этим мы бы успешно справились. Но я слышал, что, когда между небом и землей разносятся подобные крики, это предвещает не совсем обычную войну.

— Если вы считаете, мой друг, что эти звуки вызваны сверхъестественными причинами, то нам не стоит слишком вол-

новаться,— продолжала невозмутимая Кора.— Но не думаете ли вы, что наши враги хотят запугать нас и этим своеобразным путем без труда одержать над нами победу?

— Леди,— торжественным тоном ответил разведчик,— больше тридцати лет прислушивался я ко всем лесным звукам, как прислушивается человек, жизнь и смерть которого зависят от чуткости его слуха! Меня не обманут ни мурлыканье пантеры, ни свист пересмешника, ни крики дьявольских мингов. Я слыхал, как лес стонал, точно человек в жестокой печали; слыхал я и треск молнии, когда от ее огненных стрел разлетались сверкающие искры. Теперь же ни могикане, ни я — мы не можем объяснить себе, что́ это был за вопль. И потому мы думаем, что это — знамение неба, посланное для нашего блага.

— Странно...— сказал Хейворд и взял свои пистолеты, которые, входя в пещеру, положил на камень.— Все равно: знамение ли это мира или призыв к бою — нужно выяснить, в чем дело. Идите, друг мой, я следую за вами.

Все почувствовали прилив отваги, когда, выйдя под открытое небо, вдохнули не душный воздух грота, а бодрящую прохладу, которая стояла над водопадами и водоворотами. Сильный ветер реял над рекой и, казалось, относил рев воды в глубину гротов, откуда слышался непрерывный гул, напоминающий раскаты грома за отдаленными горами. Луна поднялась, ее свет кое-где играл на поверхности воды; тот же край скалы, на котором они стояли, окутывала густая мгла. За исключением гула падающей воды да сильных вздохов порывистого ветра, все было так тихо, как только бывает ночью в полной глуши. Напрасно глаза всматривались в противоположный берег, стараясь уловить там малейшие признаки жизни, которые могли бы объяснять, что значили страшные звуки. Неверный свет луны обманывал напряженное зрение встревоженных людей, и их взгляд встречал только обнаженные утесы да неподвижные деревья.

— Среди тьмы и покоя прелестного вечернего затишья ничего не видно,— прошептал Дункан.— Как любовались бы мы картиной этого уединения в другое время, Кора! Представьте себе, что вы в совершенной безопасности, быть может...

— Слушайте! — прервала его Алиса.

Но ей незачем было останавливать майора: снова раздался тот же звук. По-видимому, он доносился с реки и, вырвавшись из узких, стеснявших ее утесов, колеблясь, прокатился по лесу и замер где-то далеко-далеко.

— Как можно назвать такой вопль? — спросил Соколиный Глаз, когда последний отзвук страшного вопля затерялся в лесной глуши.— Если кто-нибудь из вас понимает, в чем дело, пусть скажет. Я же считаю, что это нечто сверхъестественное.

— В таком случае, здесь найдется человек, который может

K c τ ρ. 51

разубедить вас,— сказал Дункан.— Эти вопли хорошо знакомы мне, так как я часто слыхал их на поле сражения при обстоятельствах, которые нередко встречаются в жизни солдата. Это крик лошади. Иногда боль вырывает этот звук из ее горла, а иногда ужас. Вероятно, мой конь сделался добычей хищных зверей или же он видит опасность, которую не в силах избежать. Я мог не узнать этих воплей, пока был в пещере, но на открытом воздухе не могу ошибиться.

Разведчик и его товарищи слушали это простое объяснение Дункана с интересом людей, которых новые понятия заставили отказаться от некоторых старых убеждений.

— У-у-ух,— произнесли могикане, когда истина стала им ясна.

Соколиный Глаз подумал немного и ответил:

— Я не могу отрицать справедливость ваших слов, потому что плохо знаю лошадей, хотя их здесь немало. Вероятно, на берегу вокруг них собрались волки, и теперь испуганные животные зовут на помощь человека, как умеют звать... Ункас,— на языке делаваров обратился он к молодому индейцу,— сойди-ка в пирогу и спустись по течению, швырни в стаю волков горящую головню, иначе страх сделает то, чего не в силах сделать волки, и мы останемся без лошадей. Между тем завтра нам нужно двигаться быстро.

Молодой туземец спустился уже к воде, чтобы исполнить приказание разведчика, когда на берегу реки раздался протяжный громкий вой, который скоро стал удаляться; казалось, охваченные внезапным ужасом волки бросили свои жертвы.

Ункас поспешно вернулся обратно. И трое друзей снова стали совещаться.

— Мы напоминали собой охотников, потерявших указания звездного неба и несколько дней не видевших скрытого от них солнца,— сказал Соколиный Глаз, делая несколько шагов в сторону.— Теперь мы снова начинаем видеть приметы пути, и он, слава богу, очищен от многих препятствий. Сядьте-ка в тени берега, здесь темнее, чем в тени сосен. Говорите только шепотом, хотя, быть может, нам лучше и благоразумнее в течение некоторого времени беседовать только с собственными мыслями.

Стало ясно, что тревога Соколиного Глаза исчезла; теперь он был снова готов к борьбе. Было очевидно, что с открытием тайны, которой его собственный опыт не мог объяснить ему, исчез его мгновенный страх и, хотя он ясно представлял, в каком положении они находятся, он был готов встретить любую опасность со всей отважностью своего мужественного характера. Его чувства, казалось, разделяли и туземцы. Они стояли на скале, с которой открывался вид на оба берега; в то же время сами они были скрыты от глаз врага. Хейворд и его спутницы нашли

нужным последовать примеру своих благоразумных проводников. Дункан собрал большую груду веток сассафраса и положил ее в расселину, которая разделяла две пещеры. Кора и Алиса спрятались в эту расселину. Стены скал могли предохранить сестер от вражеских выстрелов; в то же время майор успокоил встревоженных девушек, сказав им, что никакая опасность не застигнет их врасплох. Сам Хейворд поместился недалеко от Коры и Алисы и мог разговаривать с ними вполголоса. Между тем Давид, подражая обитателям леса, спрятался между камнями так, что его неуклюжего тела не было видно.

Шли часы. Ничто не нарушало тишины и спокойствия ночи. Луна поднялась до зенита, и ее отвесные лучи освещали двух сестер, которые мирно спали, обняв друг друга. Дункан прикрыл сестер большой шалью Коры, тем самым спрятав от себя зрелище, которое он с такой любовью созерцал, потом опустил голову на обломок камня. Со стороны Давида неслись такие звуки храпа, которые в минуту бдения, конечно, возмутили бы его же собственный слух. Словом, кроме разведчика и могикан, всех победил сон, все утратили сознание действительности. Но бдительные стражи не знали ни сонливости, ни усталости. Неподвижные, как камни, они лежали, сливаясь с очертаниями утесов, беспрестанно окидывая взглядом темные ряды деревьев, которые окаймляли противоположный берег узкого потока. Ни один звук не ускользал от их слуха, и самый тщательный наблюдатель не мог бы сказать, дышат они или нет. Было очевидно, что такую осторожность породила долгая опытность и что самая тонкая хитрость врагов не могла бы обмануть ее. Однако все было спокойно. Наконец луна закатилась; над верхушками деревьев у излучины реки появилась розовая полоска и возвестила о наступлении нового дня.

Тогда Соколиный Глаз впервые пошевелился, пополз вдоль утеса и разбудил крепко спавшего Дункана.

— Пора в путь,— прошептал охотник.— Разбудите девушек и, когда я подведу пирогу к удобному месту, приготовьтесь спуститься к реке.

— А ночь прошла спокойно? — спросил Хейворд.— Меня сморил сон и помешал мне караулить.

— Да, и теперь все тихо, как было в полночь. Но тише! Молчите и торопитесь! — И разведчик пошел к пироге.

Окончательно проснувшись, Дункан приблизился к спящим девушкам и, откинув шаль, прикрывавшую их, сказал:

— Кора! Алиса! Проснитесь, пора в путь!

Кора подняла руку, точно отталкивая кого-то. Алиса же пролепетала своим нежным голоском:

— Нет-нет, дорогой отец, нас не покинули, с нами был Дункан!

— Да, Дункан здесь,— с волнением прошептал юноша,— и, пока он жив и пока грозит опасность, он тебя не покинет!.. Кора! Алиса! Вставайте! Пора в путь!

Вдруг Алиса пронзительно вскрикнула, а Кора вскочила и выпрямилась во весь рост. Не успел майор выговорить слова, как раздались такие страшные завывания, что даже у Дункана вся кровь прихлынула к сердцу. С минуту казалось, будто все демоны ада наполнили воздух, окружавший путешественников, и вились около них, изливая свою лютую злобу в диких криках.

Ужасный вой несся со всех сторон.

Испуганным слушателям чудилось, что нестройные вопли раздавались в чаще леса, в пещерах подле водопадов, среди скал, неслись с русла реки, падали с небес. Под звуки этого адского шума и гама Давид выпрямился, зажал уши и вскрикнул:

— Откуда эта какофония? Может быть, разверзлись адские своды? Человек не решился бы издавать такие звуки!

Его неосторожное движение вызвало залп выстрелов с противоположного берега. Несчастный учитель пения без чувств упал на камни, служившие ему ложем во время его долгого сна. Могикане смело ответили криками на военный клич своих врагов, которые при виде падения Гамута завыли торжествуя. Началась быстрая перестрелка; но обе враждующие стороны были так опытны, что ни на миг не покидали прикрытия. С величайшим напряжением Дункан прислушивался, надеясь уловить звук весел; он думал, что осталось только одно средство спасения — бегство. Река по-прежнему катила свои волны мимо утесов, но пироги не было видно на черной воде. Хейворд уже начал думать, что разведчик безжалостно бросил их, как вдруг на скале под его ногами блеснуло пламя, и свирепый вой доказал, что посланница смерти, отправленная из ружья Соколиного Глаза, отыскала себе жертву. Даже этот слабый отпор заставил нападающих отступить. Мало-помалу крики дикарей замолкли, и Гленн снова окутала та же тишина, которая обнимала его дикие скалы до начала смятения и шума.

Дункан, пользуясь благоприятной минутой, подбежал к распростертому Гамуту и отнес его в узкую расселину, служившую убежищем обеим сестрам.

— Скальп бедняка уцелел,— спокойно заметил Соколиный Глаз, проводя рукой по голове Давида.— Вот человек, у которого слишком длинный язык! Это было безумием — показаться дикарям на незащищенной скале во весь свой огромный рост. Удивляюсь, что он остался жив!

— Разве он не умер? — спросила Кора голосом, в котором зазвучали хриплые нотки, выдававшие происходившую в ней борьбу между ужасом и желанием сохранить наружное спокойствие.— Можем ли мы помочь этому несчастному?

— Он жив, сердце бьется. Дайте ему отдохнуть немного — он придет в себя, станет благоразумнее и доживет до назначенного ему конца,— ответил Соколиный Глаз, снова искоса посмотрев на неподвижное тело певца и в то же время с изумительной быстротой и ловкостью заряжая свое ружье.— Ункас, внеси его в пещеру и положи на ветки сассафраса. Чем дольше он проспит, тем будет лучше для него, так как вряд ли ему удастся найти достаточно хорошее прикрытие для своей длинной фигуры, а пением он не защитит себя от ирокезов.

— Значит, вы думаете, что атака повторится? — спросил Хейворд.

— Могу ли я думать, будто голодный волк насытится одним кусочком мяса? Макуасы потеряли одного из своих, и после первой потери, даже после неудачного нападения они всегда отступают. Но злодеи вернутся и придумают новое средство получить наши скальпы. Мы должны,— продолжал он, подняв свое лицо, омраченное тенью тревоги,— продержаться здесь, пока Мунро не пришлет нам на помощь солдат. Дай бог, чтобы это случилось поскорее и чтобы вел солдат тот, кто знает обычаи индейцев.

— Вы слышите, Кора, что́, по всей вероятности, нас ожидает? — спросил Дункан.— Мы можем надеяться только на заботливость вашего отца. Войдите же обе в пещеру, там вы будете, по крайней мере, в безопасности от выстрелов наших врагов, и позаботьтесь о нашем несчастном товарище.

Молодые девушки прошли вслед за ним во внутреннюю пещеру, где лежал Давид, все еще неподвижный, но его вздохи показывали, что к нему возвратилось сознание. Передав раненого на попечение девушек, Хейворд пошел было к выходу, но его остановили.

— Дункан...— дрожащим голосом сказала Кора.

Майор обернулся и посмотрел на девушку. Ее лицо смертельно побледнело, губы дрожали, а в устремленных на него глазах было такое напряжение, что майор мгновенно вернулся к ней.

— Помните, Дункан, как необходима ваша жизнь для нашего спасения! Помните, что отец доверил нас вашим заботам; помните, что все зависит от вашей осторожности,— сказала она, и красноречивый румянец покрыл ее черты.— Словом, помните: вами дорожат все носящие имя Мунро.

— Если что-нибудь может увеличить мою привязанность к жизни,— сказал Хейворд, бессознательно глядя на молчавшую Алису,— то именно такая уверенность. Как майор шестидесятого полка я должен принять участие в обороне. Но нас ожидает нетрудная задача: нам придется только короткое время отбивать нападение дикарей.

Не дожидаясь ответа, он заставил себя уйти от сестер и присоединился к разведчику и могиканам, которые всё еще лежали в узкой расселине между двумя пещерами.

— Повторяю тебе, Ункас,— говорил охотник, когда к ним подошел Хейворд,— ты даром тратишь порох — из-за этого ружье отдает и мешает пуле лететь как следует. Небольшое количество пороха, легкая пулька и долгий прицел — вот что почти всегда вызывает предсмертный вопль мингов... Идемте, друзья, спрячемся, потому что никто не в силах сказать, в какую минуту и в каком месте макуас нанесет удар.

Индейцы молча поместились так, что могли видеть всех, кто приблизится к подножию водопадов. Посредине маленького островка росло несколько низких, чахлых сосен, которые образовали рощицу. Сюда с быстротой оленя бросился Соколиный Глаз; энергичный Дункан побежал за ним. Здесь они постарались спрятаться между деревьями и обломками камней, рассеянных в роще. Над ними высилась округленная скала, по обеим сторонам которой играла и бурлила вода, низвергаясь в пропасть. Теперь, когда рассвело, противоположный берег был отчетливо виден; Соколиный Глаз и майор вглядывались в чащу, различая все предметы под навесом мрачных сосен.

Долго тянулось тревожное ожидание; однако караульные не замечали признаков нового нападения. Дункан уже надеялся, что выстрелы его товарищей оказались успешнее, чем они сами предполагали, и что дикари окончательно отступили, но, когда он сказал об этом разведчику, Соколиный Глаз недоверчиво покачал головой:

— Вы не знаете макуасов, если думаете, что их так легко прогнать. Ведь им не удалось добыть ни одного скальпа. Если бы в это утро там вопил лишь один дьявол, а ведь их там было около сорока,— сказал он.— Они слишком хорошо знают, как нас мало, чтобы отказаться от преследования... Тсс! Посмотрите-ка на реку, вверх по течению, туда, где струи разбиваются о камни! Дьяволы переправились в этом месте! Им повезло: смотрите, они добрались до того края острова... Тсс! Тише, тише, не то волосы в одну секунду слетят с вашей головы!

Хейворд выглянул из-за своего прикрытия и увидел то, что ему по справедливости показалось верхом ловкости и отваги. Бурные струи сточили угол скалы, с которой свергалась река, и первый уступ камня стал менее отвесным. И вот, руководствуясь только легкой рябью, видневшейся там, где поток ударялся о край маленького острова, несколько гуронов решились броситься в поток и поплыли к этому месту, зная, что оттуда легко будет взобраться на остров и настичь намеченные жертвы.

Едва шепот разведчика замолк, четыре человеческие головы показались над бревнами, прибитыми течением к обнаженным

скалам. В следующее мгновение в зеленой пене показалась пятая фигура; она плыла и боролась с водой. Индеец изо всех сил старался добраться до безопасного места. Стремительное течение несло его; вот он уже протянул руку своим товарищам, но бурлящий поток снова отбросил его от них. Вдруг гурон как бы взлетел на воздух, вскинул руки и исчез в зияющей бездне. Из пучины раздался отчаянный вопль. Потом все смолкло; наступила минута страшного затишья...

Первым искренним желанием Дункана было кинуться на помощь погибающему существу, но железные тиски рук охотника приковали его к месту.

— Вы хотите обнаружить наше укрытие и навлечь на всех нас верную смерть? — сурово спросил Соколиный Глаз.— Это сберегло нам один заряд. А боевые припасы так же дороги нам, как минутная передышка утомленному оленю. Перемените-ка порох в ваших пистолетах. Над водопадом поднимается такая водяная пыль, что селитра, пожалуй, отсырела. Приготовьтесь к борьбе врукопашную, я же буду стрелять.

Разведчик вложил палец в рот и громко, протяжно засвистел. Могикане, сторожившие скалы, ответили ему тем же. Дункан успел заметить, что головы над бревнами, прибитыми к берегу, мгновенно поднялись, но так же быстро исчезли из виду. Вскоре он услышал шорох, повернул голову и в нескольких шагах от себя увидел Ункаса; молодой индеец ловко полз по земле. Соколиный Глаз сказал могиканину несколько слов на языке делаваров, и Ункас необыкновенно осторожно и спокойно занял новую позицию. Хейворд переживал минуты лихорадочного и нетерпеливого ожидания, а разведчик нашел это время подходящим для лекции о благоразумном и осторожном обращении с ружьями и пистолетами.

— Из всех видов оружия,— начал он свои наставления,— в опытных руках самое действенное — длинноствольное ружье, хорошо отполированное и сделанное из мягкого металла. Однако для обращения с таким ружьем нужны сильные руки, верный глаз и хороший прицел; только при таких условиях ружье покажет все свои достоинства. Я считаю, что оружейные мастера плохо знают свое ремесло, когда изготовляют короткие ружья и кавалерийские...

Тихое, но выразительное восклицание Ункаса прервало его речь.

— Вижу, вижу, друг,— продолжал Соколиный Глаз.— Они готовятся напасть, не то не стали бы поднимать над бревнами свои спины... Ну и отлично! — прибавил он, оглядывая свое ружье.— Первый из них, конечно, встретит верную смерть, будь то сам Монкальм.

Из леса донесся новый взрыв диких криков, и по этому

сигналу четыре дикаря выскочили из-за прикрывавших их бревен. Ожидание было до того мучительно, что Хейворд почувствовал жгучее желание броситься им навстречу, но его остановило спокойствие Ункаса и разведчика. Гуроны перескочили через черные гряды скал, которые возвышались перед ними, и с диким воем кинулись вперед.

Когда они очутились в нескольких саженях от разведчика и его товарищей, ружье Соколиного Глаза медленно поднялось над кустами, и из длинного ствола вылетела роковая пуля. Передний гурон подпрыгнул, как подстреленный олень, и упал между утесами.

— Теперь, Ункас, твоя очередь,— приказал Соколиный Глаз и, сверкая глазами, вынул из-за пояса свой длинный нож.— Последний из этих бесов — твой. С остальными справимся мы, о них не заботься.

Хейворд отдал Соколиному Глазу один из своих пистолетов и вместе с разведчиком стал быстро спускаться навстречу врагам. Разведчик и майор выстрелили одновременно, но оба неудачно.

— Я так и знал, так и говорил! — прошептал Соколиный Глаз и презрительно кинул маленький пистолет в водопад.— Ну, подходите, кровожадные адские псы!

И тотчас же перед ним выросла исполинская фигура индейца с жестоким, свирепым лицом. В то же время между Дунканом и другим краснокожим начался рукопашный бой. Соколиный Глаз и его противник с одинаковой ловкостью схватили друг друга за поднятые руки, сжимавшие страшные ножи. С минуту они неподвижно стояли, напрягая свои мускулы и силясь одолеть один другого. Вздувшиеся мышцы белого одерживали победу над менее изощренными мускулами гурона; руки дикаря уступали усилиям разведчика. Вдруг Соколиный Глаз окончательно освободился от врага и одним ударом ножа пронзил его грудь.

Между тем Хейворд ожесточенно боролся со своим врагом, и смерть грозила молодому офицеру. В первой же схватке индеец выбил из рук Хейворда его тонкую шпагу, и майор остался без защиты; все спасение Дункана зависело только от его силы и ловкости. У него не было недостатка ни в том, ни в другом, но он встретил противника, который не уступал ему. К счастью, Хейворду удалось обезоружить гурона, и нож индейца со звоном упал на камень.

С этого мгновения началась отчаянная борьба: вопрос шел о том, кто из противников сбросит другого с головокружительной высоты.

С каждой минутой они приближались к обрыву; здесь предстояло сделать окончательное, последнее усилие. Оба вложили всю свою решимость в это усилие, и оба, шатаясь, остановились над пропастью. Хейворд чувствовал, как пальцы дикаря впи-

ваются в его горло, душат его, видел злобную улыбку гурона, который надеялся увлечь с собой в пропасть врага и заставить его разделить свою страшную участь. Тело майора медленно уступало страшной силе краснокожего, но вдруг перед глазами Хейворда мелькнула темная рука, сверкнуло лезвие ножа. Пальцы гурона мгновенно разжались, и спасительные руки Ункаса оттащили Дункана от края пропасти. Но молодой майор все еще не мог оторвать взгляда от страшного лица индейца, который теперь покатился в пропасть.

— Под прикрытие! — закричал Соколиный Глаз, только что покончивший со своим противником.— Если вам дорога жизнь, спрячьтесь за камни. Дело еще не окончено.

Из горла молодого могиканина вырвался победный клич, и он в сопровождении Дункана быстро поднялся на откос, с которого майор сбежал перед началом боя; оба скрылись среди камней и кустов.

Глава VIII

Мстители родины
Все еще медлят.

Грей

Предостережение разведчика было своевременно. Пока происходила описанная нами борьба, ни человеческий голос, ни шум шагов не нарушали однообразного гула водопада. Гуроны с таким напряжением следили за исходом схватки, что, казалось, не могли сойти с места. Быстрые движения сражающихся мешали им стрелять во врагов, потому что их выстрелы могли оказаться гибельными и для друзей. Но когда все окончилось, поднялся свирепый вой, и один за другим стали вспыхивать ружейные выстрелы, посылая свинцовых вестниц целыми залпами, как будто нападающие изливали злобу на бесчувственные скалы.

Ружье Чингачгука отвечало им неторопливым, но метким огнем. Старший могиканин с бесстрастной твердостью не покидал своего поста в продолжение всей предыдущей сцены. Только когда победный клич Ункаса долетел до его слуха, отец ответил молодому человеку радостным восклицанием, но тотчас же снова замер, и теперь лишь его выстрелы доказывали, что он с непоколебимым усердием охраняет свой пост.

Так с быстротой мысли пролетело много минут. Нападающие стреляли то залпами, то врассыпную. И хотя окружающие скалы, деревья и кусты были все изрешечены пулями, до сих пор единственным пострадавшим из всего маленького отряда был бедный Давид, так надежно оказалось убежище осажденных.

— Пусть жгут свой порох,— спокойно сказал Соколиный Глаз, слушая, как свистят пули, пролетая мимо скалы, за которой он скрывался в безопасности.— Тем лучше: когда дело окончится, мы подберем пули. И, думаю, забава надоест этим бесам раньше, чем камни попросят у них пощады... Ункас, мальчик, ты даром тратишь порох и засыпаешь его слишком много. Ружье отдает, и пуля летит плохо. Я говорил тебе: целься в этого злодея так, чтобы угодить ему под белую черту, ну, а твоя пуля попала на два дюйма выше. Жизнь у мингов запрятана глубоко, а опыт учит нас быстро расправляться со змеями.

Спокойная улыбка осветила черты молодого могиканина, обнаружив его знание английского языка, однако Ункас ничего не ответил.

— Напрасно вы упрекаете Ункаса в недостатке искусства,— произнес Дункан.— Он спас мне жизнь самым разумным, отважным образом. Теперь я его друг навеки и никогда не забуду, чем ему обязан.

Ункас приподнялся и протянул Хейворду руку.

В момент этого дружеского рукопожатия молодые люди понимающе взглянули друг на друга, и Дункан позабыл и про характер и про общественное положение своего дикого товарища. Тем временем Соколиный Глаз, который спокойно и доброжелательно смотрел на это проявление юношеских чувств, сказал:

— В пустынях и лесах друзья часто оказывают друг другу такие услуги. И мне случалось выручать Ункаса из беды, и я отлично помню, что он пять раз заслонял меня от смерти: три раза при столкновении с мингами, раз при переправе через Хорикэн и...

— Эта пуля была пущена лучше остальных! — вскрикнул Дункан и невольно отшатнулся от скалы, в которую попал выстрел.

Соколиный Глаз поднял сплющившуюся пулю, покачал головой и сказал:

— Свинец, падающий на излете, никогда не расплющивается. Это могло случиться, только если пуля свалилась с облаков.

Ункас поднял ружье, и глаза всех остальных устремились вверх. Загадка мгновенно открылась. На правом берегу реки поднимался могучий дуб; дерево это так наклонилось вперед, что его верхние ветви нависли над рекой. Посреди листвы, едва прикрывавшей узловатые ветви старого дуба, приютился гурон; он то прятался за ствол, то выглядывал из-за ветвей, желая увериться, попал ли в цель его выстрел.

— Эти бесы готовы забраться на самое небо, чтобы только погубить нас,— сказал разведчик.— Держи его под прицелом, мальчик, пока я заряжу свой «оленебой». Потом мы сразу выстрелим в дерево с обеих сторон.

Ункас дожидался сигнала разведчика. Наконец вспыхнули два выстрела. Кора́ и листья дуба полетели в воздух, и ветер разнес их в разные стороны. Дикарь ответил своим врагам только насмешливым хохотом и послал новую пулю, которая сбила шляпу с головы Соколиного Глаза. И снова из лесных чащ вырвался дикий, свирепый крик и свинцовый град засвистел над головами осажденных; казалось, будто дикари хотели заставить своих врагов не двигаться с места, чтобы облегчить прицел воину, взобравшемуся на высокий дуб.

— Нужно защититься от пуль,— сказал разведчик.— Ункас, позови-ка отца: нам нужны все ружья, чтобы справиться с хитрым чертом и выбить его из гнезда.

Прозвучал сигнал, и не успел Соколиный Глаз зарядить свое ружье, как Чингачгук был уже рядом. Когда Ункас показал опытному воину положение, занятое противником, с губ старого могиканина сорвалось только обычное восклицание «у-у-ух»; больше он ничем не выразил ни своего удивления, ни тревоги. Соколиный Глаз и могикане несколько секунд оживленно совещались на делаварском наречии, а потом каждый из них спокойно занял свое место, готовясь выполнить намеченный план.

С тех пор как осажденные заметили воина, скрывавшегося среди ветвей, его выстрелы стали беспорядочны, потому что, едва он показывался из-под прикрытия, ружья врагов грозили ему. Все же его пули иногда долетали до них. Мундир Хейворда был пробит в нескольких местах. На одном рукаве его показалась кровь, выступившая из легкой раны.

Наконец, ободренный терпеливым ожиданием врагов, гурон попытался прицелиться получше. Быстрые взгляды Чингачгука и Ункаса тотчас же уловили его намерение. Сквозь скудную листву в нескольких дюймах от ствола дуба мелькнули ноги дикаря, и ружья могикан мгновенно выстрелили. Гурон присел на раненую ногу, и все его тело показалось из-под прикрытия. С быстротой мысли Соколиный Глаз воспользовался этим и выстрелил из своего рокового «оленебоя». Листья дуба заволновались, ружье гурона упало с высоты, и после короткой напрасной борьбы тело дикаря закачалось в воздухе, хотя он все еще отчаянно цеплялся за обнаженный сук дерева.

— Во имя милосердия, пустите в него пулю! — воскликнул Дункан, с ужасом отводя взгляд от несчастного.

— Не истрачу ни одной дробинки,— твердо произнес Соколиный Глаз.— Он все равно погиб, а у нас нет лишнего пороха, между тем бой с индейцами иногда длится по нескольку дней. Вопрос идет о том, сохранят ли они свои скальпы или уцелеют наши.

Никто не мог возражать против такого сурового и непоколебимого решения.

Крики в лесу смолкли, выстрелы ослабли; взгляды друзей и врагов не отрывались от несчастного, висевшего между небом и землей. Ветер раскачивал тело, и, хотя из уст погибающего не вырвалось ни стонов, ни ропота, он по временам мрачно оглядывался на своих противников, и тогда, несмотря на расстояние, они читали в его чертах лица му́ку отчаяния. Три раза разведчик поднимал свое ружье, три раза осторожность останавливала его, и длинное дуло прославленного «оленебоя» медленно опускалось. Наконец одна рука гурона разжалась и, обессилев, повисла вдоль тела. Отчаянно, но бесплодно пытался он снова овладеть веткой — рука судорожно хватала пустоту. Молния не была быстрее выстрела Соколиного Глаза; труп дикаря дрогнул и, точно свинцовый, упал в пенящиеся волны реки.

Ни один победный клич не огласил воздух после этого события, и даже суровые могикане с ужасом молча переглянулись между собой. Из леса снова донесся страшный вопль. Только один Соколиный Глаз сохранил способность рассуждать; он покачал головой и укоризненно пробормотал:

— Это был последний заряд пороха, последняя пуля из сумки... Я поступил, как мальчишка,— сказал он.— Ну не все ли мне было равно, живой или мертвый он свалится в воду!.. Ункас, мальчик мой, пройди-ка к пироге да принеси оттуда большой рог. Там весь запас нашего пороха. К сожалению, мы, вероятно, скоро истратим его до последней крупинки. Если я ошибаюсь, пусть скажут, что я совсем не знаю макуасов.

Молодой могиканин быстро пошел исполнить приказание разведчика. Соколиный Глаз уныло и бесполезно перебирал содержимое своей сумки и напрасно старался выскрести порох из пустой пороховницы. Его занятие скоро прервал громкий и пронзительный крик Ункаса. Даже для неопытных ушей Дункана восклицание молодого могиканина показалось сигналом нового, нежданного бедствия. Хейворд быстро вскочил, совершенно позабыв об опасности, которую мог на себя навлечь, встав во весь рост. Точно поддаваясь его побуждению, все остальные тоже кинулись в узкий проход между двумя пещерами. Они двигались так быстро, что выстрелы их врагов пропали впустую. Крик Ункаса заставил сестер и раненого Давида выйти из своего приюта, и скоро все поняли, какое несчастье привело в ужас молодого индейца.

Невдалеке от утеса виднелась легкая пирога разведчика; она неслась по реке, очевидно под управлением какого-то невидимого пловца. Когда Соколиный Глаз увидел это, он мгновенно вскинул ружье и спустил курок; сверкнула искра кремня, но ствол не ответил выстрелом.

— Поздно! Слишком поздно! — воскликнул Соколиный Глаз и с отчаянием уронил ружье на землю.— Этот злодей

миновал быстрину, и, даже если бы у нас был порох, я не мог бы остановить его пулей.

Между тем предприимчивый гурон приподнял голову из-за борта пироги и, скользя по течению, взмахнул в воздухе рукой. Из его груди вылетел победный клич; из леса ему ответили завывания, смех и свирепые крики.

— Смейтесь, дети сатаны! — пробормотал разведчик, садясь на выступ скалы.— Самые меткие ружья, лучшие три ружья в этих лесах, теперь не опаснее прошлогодних оленьих рогов!

— Что же теперь делать? — спросил Дункан.— Что с нами будет?

Вместо ответа Соколиный Глаз только провел пальцем вокруг темени, и это движение было до того красноречиво, что никто из видевших жест разведчика не мог усомниться в его значении.

— Нет-нет, наше положение не может быть так безнадежно! — воскликнул молодой майор.— Гуроны еще не здесь, у нас есть возможность укрепить пещеры и помешать им высадиться.

— А какими средствами, спрошу я вас? — послышался вопрос Соколиного Глаза.— Стрелами Ункаса или слезами девушек? Нет-нет, вы молоды, богаты, у вас есть друзья, и я понимаю, что в ваши лета тяжело умирать. Но,— прибавил он и перевел взгляд на могикан,— не следует забывать, что мы с вами белые. Покажем жителям этих лесов, что белые так же бесстрашно проливают свою кровь, как и краснокожие, когда наступает их последний час!

Дункан посмотрел по направлению взгляда разведчика; поведение индейцев подтвердило его самые ужасные опасения.

Чингачгук в гордой позе сидел на обломке скалы; он положил на камень нож и томагавк, снял с головы орлиное перо и приглаживал единственную свою прядь волос, как бы приготовляя ее для последнего, ужасного назначения. Лицо индейца было спокойно, хотя и задумчиво; его темные глаза мало-помалу теряли воинственный блеск и принимали выражение бесстрастия и готовности к смерти.

— Я не верю, чтобы наше положение было совсем безнадежно,— повторил Дункан.— Каждую секунду может подойти помощь, и я не вижу ни одного врага. Им надоела борьба, во время которой они подвергаются слишком большой опасности, не видя впереди достаточных выгод.

— Может быть, через минуту... через час эти змеи подкрадутся к нам. В это самое мгновение они способны лежать и слушать нас,— сказал Соколиный Глаз.— Чингачгук,— прибавил он на языке делаваров,— брат мой, мы с тобой вместе бились в последний раз... Теперь макуас будет торжествовать при мысли

о смерти мудрого могиканина и его бледнолицего друга, чьи глаза видят ночью так же, как и днем.

— Пусть жены мингов плачут над своими убитыми! — с непоколебимой твердостью и гордостью ответил индеец.— Великий Змей могикан свернул свои кольца в их вигвамах, отравил их победные клики плачем и стонами детей, отцы которых не вернулись домой. С тех пор как растаял последний снег, одиннадцать воинов уснули навеки вдали от могил своих праотцев, и никто не скажет, где они пали, после того как язык Чингачгука замолкнет навеки. Пусть обнажатся острые ножи макуасов, пусть взовьются в воздух их самые быстрые томагавки, потому что величайший враг мингов попался в их руки... Ункас, последний побег благородного дерева, позови этих трусов, прикажи им поторопиться.

— Они отыскивают своего умершего соплеменника там, среди рыб,— ответил тихий, мягкий голос молодого вождя.— Гуроны плывут вместе со скользкими угрями. Как спелые плоды, падают они с ветвей деревьев, а могикане смеются.

— Ого! — пробормотал Соколиный Глаз, который с глубоким вниманием слушал речь туземцев.— Пожалуй, их насмешки ускорят месть макуасов. Но я белый, без примеси индейской крови, а потому мне подобает умереть смертью белого, то есть без брани на устах и без горечи в сердце.

— Да зачем же умирать? — произнесла Кора, отступая от скалы, к которой ее приковало чувство ужаса.— Путь открыт со всех сторон. Бегите в лес и просите бога помочь нам. Идите, храбрые люди, мы и так уж слишком многим обязаны вам и не должны заставлять вас делить с нами несчастье.

— Плохо вы, леди, знаете хитрых ирокезов, если думаете, что они не отрезали все пути к отступлению в лес,— ответил Соколиный Глаз и тотчас же простодушно прибавил: — Конечно, если бы мы пустились вплавь вниз по реке, течение скоро унесло бы нас на расстояние, не доступное ни для их выстрелов, ни для звуков их голосов.

— Попытайтесь же спастись вплавь! Зачем оставаться здесь и увеличивать число жертв! — в порыве великодушия сказала Кора.

— Зачем? — повторил разведчик, гордо оглядываясь кругом.— Затем, что человеку лучше умереть со спокойной совестью, чем до конца жизни мучиться раскаянием. Что скажем мы Мунро, когда он спросит нас, где мы оставили его дочерей?

— Подите к нему и скажите, что вы пришли за помощью для них,— сказала Кора и подошла к разведчику.— Скажите, что гуроны ведут его дочерей к северным пустыням, но что их можно еще спасти, если поторопиться. Если же, несмотря на все это, господу будет угодно, чтобы помощь опоздала, принесите от-

цу...— голос Коры задрожал, и она с трудом подавила слезы,— наше благословение, последние молитвы, привет, полный любви...

По суровому, обветренному лицу разведчика пробежала судорога, и, когда Кора замолчала, он оперся подбородком на руку, как бы в глубоком раздумье над ее словами.

— В этих речах есть некоторая доля смысла,— сорвалось наконец с его дрожащих губ.— Чингачгук, Ункас! Слышите вы, что говорит черноглазая девушка?

И он заговорил со своими товарищами на делаварском наречии. Хотя речь разведчика текла медленно, спокойно, в его тоне звучала твердая решимость. Старший могиканин слушал в глубоком молчании и, по-видимому, взвешивал слова своего товарища, точно осознавая их огромное значение. После минутного колебания Чингачгук в знак согласия махнул рукой и сказал по-английски «хорошо» с такой выразительностью, которая свойственна только голосу индейцев. Потом, засунув за пояс свой нож и томагавк, воин медленно подошел к краю скалы, наименее заметному с берегов реки. Тут он постоял мгновение, многозначительно указал на лес внизу, произнес несколько слов на своем языке, точно определяя намеченный им путь, бросился в воду, нырнул и скрылся из глаз наблюдателей.

Разведчик немного задержался, чтобы сказать несколько слов Коре, которая с облегчением вздохнула, увидев, как подействовали ее слова.

— Иногда в юной душе проявляется такая же мудрость, как и в старой,— сказал он.— Если вас уведут в леса, то есть тех из вас, кого временно пощадят, заламывайте по пути ветки кустов и деревьев и старайтесь двигаться так, чтобы оставался широкий след. Тогда, поверьте, найдется друг, который не покинет вас, хотя бы ему пришлось идти за вами на край света!

Он ласково пожал руку Коре, поднял ружье, печально посмотрел на него, снова осторожно положил свой «оленебой» на камень, наконец спустился к тому месту реки, где исчез Чингачгук. Соколиный Глаз на мгновение повис на скале, озабоченно оглянулся и с горечью произнес:

— Если бы у меня остался порох, не было бы такого несчастья и позора!

Наконец он разжал руки и очутился в воде; струи сомкнулись над его головой, и он скрылся.

Теперь взоры оставшихся обратились к Ункасу, который неподвижно стоял, прислонясь к утесу. Кора сказала ему:

— Враг не заметил наших друзей, и они теперь, вероятно, уже в безопасности. Не пора ли и вам последовать за ними?

— Ункас останется,— спокойно по-английски ответил молодой могиканин.

— Это только сделает наш плен еще тяжелее и уменьшит для нас возможность спасения,— произнесла Кора.— Идите, великодушный юноша,— продолжала она, опуская глаза под взглядом могиканина и смутно угадывая свою власть над ним.— Идите к моему отцу, как я уже говорила другим, и будьте самым верным из моих гонцов. Скажите ему, чтобы он дал вам денег для выкупа его дочерей из неволи. Идите! Я желаю этого! Я прошу вас идти!

На спокойном лице молодого вождя отразилась печаль, но он перестал колебаться. Неслышными шагами Ункас пересек скалистую площадку и скользнул в бурный поток. Почти не дыша, смотрели на реку оставшиеся, пока его голова не показалась над водой довольно далеко от островка. Набрав воздуха, Ункас снова скрылся под водой.

Этот быстрый и, по-видимому, удачный маневр трех жителей лесов занял всего несколько минут. Посмотрев в последний раз вслед Ункасу, Кора повернулась к Хейворду и произнесла дрожащими губами:

— Я слыхала, что вы тоже славитесь искусством плавать. Итак, за ними! Последуйте благоразумному примеру этих простосердечных людей!

— А разве Кора Мунро требует именно такого доказательства верности от своего защитника? — с печальной улыбкой ответил Дункан, и в его тоне прозвучала горечь.

— Теперь не время спорить,— ответила девушка.— Настал момент, когда долг каждого — проявить себя лучшим образом. Здесь от вас не будет пользы, но ваша драгоценная жизнь может быть спасена для других, более близких друзей.

Дункан не ответил, а только посмотрел на прелестную Алису, которая с детской доверчивостью прижималась к его руке.

— Подумайте,— продолжала Кора после короткого молчания, во время которого она, видимо, изо всех сил старалась заглушить в себе боль, еще более острую, чем страх,— ведь смерть — самое худшее, что может ждать нас, а смерти никто не минует.

— Бывают несчастия хуже смерти,— резко, как бы досадуя на ее настойчивость, ответил Дункан,— но человек, готовый умереть ради вас, может отвратить их.

Кора перестала уговаривать его и, закрыв лицо шалью, увлекла почти потерявшую сознание Алису в глубину второй пещеры.

Глава IX

Будь весела, моя любовь,
Не бойся.
Улыбкой светлой тучи прогони ты,
Что омрачили нежное чело.

«Смерть Агриппины»

Шум и волнение боя, точно по волшебству, сменились тишиной, и возбужденному воображению Хейворда все это показалось каким-то страшным бредом. То, что произошло, глубоко запечатлелось в его памяти, а между тем он с трудом мог уверить себя в действительности недавних событий. Не зная, какая судьба постигла людей, вверившихся быстрому потоку, Дункан внимательно прислушивался, ожидая каких-нибудь сигналов или звуков тревоги, по которым он мог бы узнать, удался ли рискованный побег. Но напрасно напрягал он свое внимание: ничто не говорило о судьбе этих смелых людей. В этот миг горестного сомнения Дункан забыл о необходимости прятаться за скалу, к чему совсем недавно надо было прибегать для безопасности. Однако каждая попытка обнаружить хотя бы малейший намек на приближение врагов была такой же бесплодной, как и поиски уплывших друзей. Казалось, все живое снова покинуло лесистые берега реки. Ястреб-рыболов, наблюдавший за боем издали, сидя на верхних сучках сухой сосны, теперь слетел со своего высокого насеста и, описывая широкие круги, парил над добычей. Сойка, крикливый голос которой был заглушен диким воем индейцев, снова оглашала воздух нестройными криками, точно считая, что к ней вернулось владычество над лесной глушью. Эти звуки воскресили в Дункане слабое мерцание надежды; он собрался с силами к предстоящей борьбе, и в нем ожила уверенность в победе.

— Гуронов не видно,— сказал он Давиду, который все еще не оправился от удара, ошеломившего его.— Спрячемся в пещеру. В остальном да будет воля провидения!

— Помнится, я вместе с двумя прелестными девушками воссылал всевышнему славословия и благодарение,— в полубессознательном состоянии заговорил Давид,— но меня постигла жестокая... впрочем, справедливая кара за мои грехи. Я как бы заснул, но это был ненастоящий сон. Резкие, нестройные звуки сражения раздирали мой слух. Это был хаос. Казалось, наступил конец света, и природа забыла о гармонии.

— Бедный малый! Вы действительно были на волосок от смерти. Но встаньте, идите за мной. Я отведу вас в такое место, где вы не услышите других звуков, кроме псалмопений.

— В шуме водопада звучит мелодия, и журчание вод слад-

ко,— сказал Давид, прижав руку к своей полной смятения голове.— Только не звучат ли в воздухе взвизгивания и такие вопли, что кажется, будто души осужденных...

— Нет-нет,— нетерпеливо прервал его Хейворд,— крики смолкли. Все тихо и спокойно, кроме воды... Итак, идите туда, где вы можете спокойно распевать песни, которые вы так любите.

Давид печально улыбнулся, но при упоминании о его любимом деле на лице псалмопевца мелькнул луч удовольствия. Без колебаний позволил он отвести себя в пещеру, надеясь там успокоить мелодией свой измученный слух. Опираясь на руку Дункана, Гамут пошел к сестрам, а Дункан схватил охапку сассафраса, завалил ароматными ветвями вход в пещеру и замаскировал его. Позади этой хрупкой преграды он повесил брошенные лесными жителями одеяла; таким образом, во внутреннюю пещеру не мог проникнуть свет, во внешнюю же вливался легкий отблеск из узкого ущелья, по которому один рукав реки мчался вперед, чтобы там, ниже по течению, слиться с другим водяным потоком.

— Мне не по душе правило туземцев, которое принуждает их покориться несчастью без борьбы,— сказал Дункан, продолжая укладывать ветви.— Наше правило: «Пока не иссякла жизнь — не исчезла надежда» — гораздо утешительнее и более отвечает характеру воина. Вас, Кора, я не стану утешать, у вас достаточно мужества. Но не можете ли вы осушить слезы бедняжки, которая, дрожа, прижимается к вашей груди?

— Я стала спокойнее, Дункан,— отвечала Алиса, отстраняясь от сестры и стараясь, несмотря на слезы, казаться твердой,— гораздо спокойнее. Конечно, здесь, в этой закрытой пещере, мы в безопасности: нас не найдут, нам не сделают зла, и мы можем надеяться на помощь смелых людей, которые ради нас уже подвергались страшным опасностям.

— Вот теперь и наша кроткая Алиса говорит, как подобает дочери Мунро,— сказал Хейворд и, подходя к внешнему входу в пещеру, остановился, чтобы пожать ей руку.— Имея перед собой два таких образца мужества, позор быть трусом.

Дункан сел посредине пещеры и судорожно сжал уцелевший пистолет; суровые глаза майора говорили о мрачном отчаянии.

— Если сюда и придут гуроны, они займут эту позицию не так-то просто,— пробормотал он и, прислонив голову к скале, стал терпеливо ждать дальнейших событий, не спуская взгляда со входа в грот.

Когда замолк звук его голоса, наступила продолжительная, глубокая, почти мертвая тишина. Свежий утренний воздух проникал в пещеру. Минута проходила за минутой, ничто не нарушало покоя; в душе ожидавших помощи зародилось чувство надежды.

Один Давид не разделял общего волнения. Он сидел безучастно. Луч, заглянувший в отверстие пещеры, осветил его изнуренное лицо и упал на страницы томика, который певец стал снова перелистывать, точно отыскивая там песнь, наиболее подходящую к этой минуте. Скоро старания Гамута увенчались успехом; он громко произнес: «Остров Уайт», извлек протяжный нежный звук из своего камертона и собственным, еще более музыкальным голосом пропел вводные модуляции к тому гимну, название которого только что объявил.

— А это, может быть, опасно? — спросила Кора, и ее темные глаза вопросительно взглянули на майора.

— Голос певца так слаб, что его заглушит грохот и рев водопада,— был ответ.— Кроме того, пещера поглотит звук. Пусть же он отдастся влечению своего сердца, это не может быть опасно.

— «Остров Уайт»! — повторил Давид и оглянулся с тем важным видом, который помогал ему подавлять шепот своих учеников.— В этом гимне прекрасная мелодия и торжественные слова. И нужно петь его с должным уважением.

После короткого молчания послышался голос певца, понеслись тихие рокочущие звуки, наконец мелодия наполнила узкую пещеру. Все с глубоким волнением слушали, как льется чарующая мелодия, все забыли о бессмысленности произнесенных слов. Алиса бессознательно отерла слезу и мягко посмотрела на бледное лицо Гамута, не скрывая своего восторга. Кора одобрительно улыбнулась, а Хейворд отвел свой напряженный взгляд от входа в пещеру, глядя то на Давида, то на Алису, глаза которой светились восторгом. Сочувствие слушателей тронуло душу поклонника музыки; его голос приобрел прежнюю полноту и силу. Певец сделал новое усилие, и полились протяжные мощные звуки. Вдруг снаружи раздался страшный крик. Священный гимн мгновенно прервался; певец замолк, точно сердце несчастного подступило к его гортани и сразу задушило псалмопевца.

— Мы погибли! — вскрикнула Алиса, бросаясь в объятия Коры.

— Нет еще, нет еще! — ответил взволнованный, но неустрашимый Хейворд.— Крик донесся от середины острова и вырвался у дикарей при виде убитых товарищей. Они не открыли нашего убежища, и для нас еще не угасла надежда.

Как ни была слаба возможность спасения, слова Дункана не пропали даром: его замечание оживило энергию девушек настолько, что они нашли в себе силу молча ждать дальнейших событий.

Вскоре послышалось завывание, потом в различных местах острова зазвучали голоса; сначала они слышались в его дальнем конце, потом стали приближаться к пещере.

Наконец среди смятения и шума пронесся торжествующий, победный клич в нескольких ярдах от замаскированного входа в пещеру. Хейворд решил, что их убежище найдено, и остаток надежды погас в его душе. Но он снова немного успокоился, услыхав, что крики раздаются близ камня, на который Соколиный Глаз с таким сожалением положил свое ружье. Майор ясно различал говор индейцев; он слышал не только отдельные слова, но и целые фразы, произнесенные на канадском жаргоне, в основу которого положен французский язык. Вдруг хор голосов повторил: «Длинный Карабин!» Эти слова раздались эхом в соседнем лесу, и Хейворд вспомнил, что это имя было дано врагами охотнику и разведчику английской армии; только теперь Дункан понял, кто был его спутник.

«Длинный Карабин, Длинный Карабин...» — переходило из уст в уста, и вот вся шайка, по-видимому, собралась около военного трофея, который как бы доказывал смерть его страшного владельца. Затем гуроны снова рассеялись по острову, оглашая воздух именем врага, чье тело, как это понял Хейворд из восклицаний гуронов, они думали отыскать в какой-нибудь расселине.

— Теперь,— шепнул Хейворд девушкам,— все скоро решится. Если гуроны не найдут нашего приюта, мы уцелеем. Во всяком случае, судя по фразам, которые мне удалось понять, наши друзья спаслись, и скоро мы можем ждать помощи от Вебба.

Прошло несколько минут страшного затишья. Хейворд понимал, что в это время гуроны производят новые, более тщательные поиски. Он различал шаги гуронов, задевающих за ветки сассафраса; слышал, как шуршали сухие листья и с треском ломались сучки. Наконец груда ветвей слегка подалась, один угол одеяла упал, и слабый свет заиграл в отдаленном углу пещеры. Кора в ужасе прижала Алису к своей груди. Дункан вскочил. Прозвучало восклицание из глубины внешней пещеры, и это означало, что в нее вошли враги. Через минуту многочисленные голоса дали понять затаившимся, что все дикари собрались около их убежища.

Так как лишь небольшое расстояние разделяло внутренние проходы обеих пещер, Дункан понимал, что бегство невозможно. Он прошел мимо Давида и обеих девушек и остановился подле входа, ожидая страшной встречи. Теперь всего несколько футов отделяло его от беспощадных преследователей. Майор прижал лицо к отверстию и с равнодушием отчаяния выглянул наружу, следя за движениями гуронов.

Он мог бы дотронуться до мускулистого плеча исполина-индейца, повелительный и властный голос которого направлял действия всех его товарищей. Под сводом другой пещеры толпа

дикарей переворачивала и перетряхивала вещи, составлявшие скромное имущество разведчика. Кровь из раны Давида окрасила листья сассафраса; видя это доказательство успешности своих действий, индейцы схватили ароматные ветви, устилавшие пол пещеры, втащили их в расселину и стали разбрасывать, точно подозревая, что они скрывают тело ненавистного и опасного для них человека. Воин свирепого вида поднял целую охапку ветвей, с ликованием указал на темные пятна крови на листьях и закричал что-то. Хейворд мог понять смысл его слов только потому, что он несколько раз повторил имя «Длинный Карабин». Торжествующие голоса гуронов замолкли; воин бросил ветку на груду, сложенную Дунканом перед входом во вторую пещеру, и таким образом закрыл отверстие, через которое смотрел майор. Остальные дикари подражали ему: вытаскивая ветки из пещеры разведчика, они бросали их на груду ветвей сассафраса, не предполагая, что таким образом сами же прятали людей, которых искали.

Когда под давлением новых охапок зелени одеяла подались, а ветви от собственной тяжести забились в трещины камней, образовав плотную массу, Дункан, вздохнув свободно, вернулся на середину пещеры и остановился на своем прежнем месте, с которого мог видеть второй выход, обращенный к реке. В ту минуту, когда он отступал от груды сассафраса, индейцы, как бы поддаваясь общему побуждению, очистили проход между двумя пещерами, и теперь было слышно, как они снова побежали по острову к тем камням, на которые недавно высадились. Их новый жалобный вопль доказал, что они опять собрались подле тел своих убитых товарищей.

Теперь Дункан решился посмотреть на своих спутниц, потому что в течение опасных минут он боялся своим встревоженным лицом еще больше испугать девушек.

— Они ушли, Кора,— шепнул он.— Алиса, они вернулись на то место, на котором появились впервые, и мы спасены.

— Тогда я поблагодарю небо! — произнесла Алиса, освобождаясь из объятий Коры и преклоняя колени.— Я поблагодарю небо, которое избавило от слез нашего седого отца и спасло жизнь тех, кого я люблю больше всего в мире...

Дункан и Кора наблюдали искреннее чувство с горячей симпатией. И Дункан подумал, что никогда еще молитва не исходила от существа более прекрасного, чем юная Алиса.

Глаза Алисы сияли светом благодарности, прелестный румянец залил ее щеки; но, когда ее губы уже раскрылись для молитвы, слова, которые они собирались произнести, внезапно замерли, румянец сменила смертельная бледность, нежный блеск ее глаз потух, черты лица исказились от ужаса, судорожно сведенные пальцы указали на что-то. Хейворд повернулся и,

взглянув на плоскую скалу, которая составляла как бы порог открытого отверстия пещеры, увидел злобные, свирепые черты Хитрой Лисицы.

Несмотря на неожиданность, самообладание не покинуло Дункана. По выражению лица индейца майор понял, что Магуа еще ничего не успел разглядеть в полумраке пещеры. Он уже хотел было отступить за выступ стены, которая все-таки могла скрыть его и его спутников, но в эту минуту понял, что отступать поздно.

Выражение глубокого торжества в чертах дикаря вывело Дункана из себя; забыв обо всем в мире и поддаваясь только побуждению гнева, Хейворд прицелился и выстрелил. Вся пещера загудела, точно от звуков извержения вулкана; когда же ветер, дувший из ущелья, рассеял клубы дыма, извергнутые гротом, на месте, где только что было видно злобное лицо предателя-проводника, никого не оказалось. Хейворд бросился к выходу и увидел темную фигуру дикаря — он крался вдоль низкого выступа скалы и скоро окончательно исчез из виду.

После грома выстрела среди дикарей воцарилось страшное молчание, но, когда раздался продолжительный и понятный для них крик Лисицы, топот ног и вопли стали снова приближаться, и, раньше чем Дункан успел оправиться от потрясения, хрупкая преграда из ветвей была разбросана во все стороны. Индейцы хлынули в пещеру с обоих концов. Хейворда и девушек вытащили из убежища в пещере, и их окружила толпа торжествующих гуронов.

Глава X

Боюсь, что утром так же мы проспим,
Как незаметно за ночь засиделись.

Шекспир, «Сон в летнюю ночь»

Едва это внезапное несчастье обрушилось, Дункан стал наблюдать за действиями победителей. Краснокожие дергали украшения его мундира, в их глазах горело желание завладеть шитьем и галунами. Но грозные окрики исполина останавливали дикарей, и это убедило Хейворда, что его и Кору с Алисой решили щадить до какого-то особого момента.

Пока молодые гуроны выказывали признаки алчности, более опытные воины продолжали обыскивать обе пещеры со вниманием, которое доказывало, что они не удовлетворены достигнутым успехом. Не находя иных жертв, усердные мстители подступили к Дункану и Давиду, повторяя имя «Длинный Карабин» и произнося эти слова с таким злобным выражением, что

нельзя было усомниться, о чем они спрашивали. Дункан притворился, будто он не понимает значения их вопросов, Давид же действительно не знал французского языка. Наконец настойчивость гуронов утомила Хейворда; кроме того, он боялся раздражать своих победителей упрямым молчанием. Он оглянулся кругом, отыскивая глазами Магуа, который мог перевести его ответы на вопросы гуронов; их голоса звучали все более настойчиво и грозно.

Поведение Магуа резко отличалось от образа действий его товарищей. Пока все остальные старались удовлетворить свою ребяческую склонность к грабежу, присваивая жалкое имущество разведчика, Хитрая Лисица спокойно стоял поодаль от пленников; он был, по-видимому, доволен, как будто уже достиг главной цели своего предательства. Когда глаза Хейворда впервые встретили взгляд его недавнего проводника, майор невольно с ужасом отвернулся от зловещего, хотя и спокойного лица Магуа. Однако, победив отвращение, он заставил себя говорить с ним.

— Хитрая Лисица слишком мужественный воин,— неохотно сказал Дункан,— чтобы отказаться объяснить безоружному человеку, что говорят победители.

— Они спрашивают, где охотник, знающий лесные тропинки,— на ломаном английском языке ответил Магуа и со свирепой усмешкой положил руку на листья, которыми была прикрыта и перевязана рана у него на плече.— Ружье Длинного Карабина превосходно, его глаза никогда не мигают, а между тем это ружье, так же как и короткий ствол белого вождя, бессильно отнять жизнь у Хитрой Лисицы.

— Лисица слишком храбр, чтобы помнить о ранах, полученных в битве, или о руках, которые нанесли их.

— А разве шла война, когда индеец отдыхал под сахарным деревом и хотел поесть хлеба? Кто наполнил кустарники подползающими врагами? Чей язык говорил о мире, когда мысли его были кровожадны? Разве Магуа сказал, что томагавк вынут из земли и что его рука выкопала боевой топор?

Дункан не решился напомнить врагу о его предательстве, не хотел он также увеличить его злобу какими-либо оправданиями и потому промолчал. Магуа, казалось, тоже решил прервать дальнейшие разговоры; он снова прислонился к скале, от которой на минуту отошел во время вспышки гнева. Когда нетерпеливые дикари заметили, что короткий разговор между белым и Лисицей окончился, снова раздались крики: «Длинный Карабин!»

— Слышишь? — равнодушно сказал Магуа.— Гуроны требуют жизни Длинного Карабина, и, если их не удовлетворить, они убьют тех, кто прячет его.

— Он ушел. Они не могут схватить его.

Лисица холодно улыбнулся и презрительно ответил:

— Когда белый умирает, он думает, что для него наступила минута покоя, но краснокожие умеют мучить даже призраки своих врагов. Где его тело? Пусть гуроны увидят его скальп.

— Он не умер, он бежал.

Магуа недоверчиво покачал головой:

— Разве он птица и может расправлять крылья? Разве он рыба и умеет плавать, не дыша воздухом? Белый вождь считает гуронов глупцами!

— Правда, Длинный Карабин не рыба, но он умеет плавать. Когда весь его порох был сожжен, а глаза гуронов закрыло облако, он уплыл вниз по течению.

— А почему же белый вождь остался? — все еще недоверчиво спросил Магуа.— Разве он камень, который падает на дно? Или скальп жжет ему голову?

— Я не камень, это мог бы сказать твой убитый товарищ, который упал в водопад! — раздраженно ответил Дункан, в припадке досады употребляя те хвастливые выражения, которые могли возбудить уважение индейца.— Но белый считает, что только трусы бросают женщин.

Магуа пробормотал сквозь зубы несколько невнятных слов и продолжал вслух:

— А делавары плавают так же хорошо, как ползают в кустах. Где Великий Змей?

Судя по этим канадским прозвищам, Дункан понял, что гуроны гораздо лучше знали его недавних товарищей, нежели он сам, и неохотно ответил:

— Он тоже уплыл по течению.

— А Быстроногий Олень?

— Я не знаю, кого ты называешь так,— ответил Дункан, пользуясь возможностью затянуть разговор.

— Ункаса,— ответил Магуа, произнося делаварское имя с еще большим трудом, нежели английские слова.

— Ты говоришь о молодом делаваре? Он тоже уплыл по течению.

Магуа сразу поверил сказанному и этим доказал, как мало думает он о беглецах. Но его товарищам эти-то беглецы и были нужны.

Они с характерным для индейцев терпением, в полном молчании ждали, пока кончится беседа офицера и Лисицы. Когда Хейворд замолчал, дикари устремили глаза на Магуа. Лисица указал им на реку и объяснил все немногими жестами и словами.

Поняв случившееся, дикари подняли страшный крик, который показал все их разочарование. Одни бросились к берегу реки, яростно размахивая в воздухе руками; другие стали плевать в воду, точно мстя ей за то, что она изменнически лишила их несомненных прав победителей. Некоторые, наиболее свире-

пые, бросали на пленников исподлобья взгляды, горящие сдержанной яростью. Двое-трое даже выразили злобные чувства угрожающими движениями рук; очевидно, ни красота, ни женская слабость обеих сестер не могли бы защитить их от ярости индейцев. Молодой офицер отчаянно порывался броситься к Алисе, когда один из гуронов схватил своей темной рукой прядь ее роскошных волос, которые густыми волнами упали ей на плечи, и провел ножом в воздухе вокруг ее головы. Но едва Хейворд сделал первое движение, как почувствовал, что индеец, распоряжавшийся всеми дикарями, точно клещами сжал его плечо. Он понял, что бесполезна была бы борьба с такой подавляющей силой, и подчинился своей судьбе, только тихо сказав девушкам, что дикари часто произносят угрозы, которых не выполняют.

Но, стараясь прогнать страх Коры и Алисы, Дункан и не думал обманывать себя. Он хорошо знал, что авторитет индейского вождя был весьма условным и поддерживался скорее физическим, чем моральным превосходством. И поэтому опасность возрастала с количеством окружающих дикарей. Сохраняя наружное спокойствие, Хейворд чувствовал, как его сердце замирало, когда кто-нибудь из индейцев подходил к беспомощным сестрам или мрачно оглядывал хрупкие фигуры девушек.

Однако его опасения значительно ослабели, когда он увидел, что вождь созвал на совет всех воинов. Их споры длились недолго, и, судя по молчанию большей части индейцев, скоро было принято единогласное решение. Немногие из говоривших часто указывали в сторону лагеря Вебба, очевидно опасаясь нападения с этой стороны. Мысль об отряде англичан, вероятно, заставила их быстро на что-то решиться и ускорила все последовавшее за этим.

Дикари перенесли легкую пирогу к тому месту реки, которое находилось близ выхода из внешней пещеры. Едва это было сделано, предводитель гуронов зна́ком приказал пленникам спуститься к нижним камням и сесть в пирогу.

Сопротивляться было невозможно, поэтому Дункан показал пример покорности, направившись к пироге, и вскоре уже сидел в лодке вместе с обеими сестрами и все еще изумленным Давидом. Хотя гуроны не могли знать узкого фарватера между водоворотами и быстринами потока, но им были слишком хорошо известны общие признаки опасных мест, чтобы они могли совершить какую-либо существенную оплошность. Когда лоцман, выбранный для того, чтобы вести пирогу, занял свое место, индейцы снова кинулись в реку, пирога скользнула по течению, и через несколько секунд пленники очутились на южном берегу реки, почти против той скалы, на которую они высадились накануне.

Тут дикари снова серьезно, но недолго совещались между собой. В то же время они привели из лесу лошадей, которых их владельцы считали причиной своего несчастья. Теперь толпа гуронов разделилась. Главный вождь сел на лошадь Хейворда и двинулся через реку, а вслед за ним бросилась в воду и бóльшая часть его спутников. Скоро все они исчезли в лесу. Пленники остались под присмотром шести дикарей, которыми руководил Хитрая Лисица. С усиливающимся волнением Хейворд наблюдал за действиями дикарей. Видя необыкновенную сдержанность индейцев, Хейворд надеялся, что они отведут его к Монкальму как своего пленника. Мозг попавших в беду людей никогда не дремлет, а надежда, хотя бы и самая слабая, дает пищу воображению, поэтому Дункану уже представлялось, что Монкальм постарается превратить отеческие чувства Мунро в орудие, с помощью которого он попытается заставить ветерана забыть о своей верности английскому королю. И хотя было известно, что французский командующий обладал мужественным и предприимчивым характером, считалось, что он является знатоком всяких политических интриг, которые не требовали проявлений высоких моральных качеств и которые так опорочили европейскую дипломатию того времени.

Но поведение гуронов сразу разрушило все эти соображения Дункана. Та часть индейцев, которая двинулась вслед за краснокожим исполином, направилась к Хорикэну, и Хейворд понял, что его самого и его спутников ждет страшный плен у диких. Желая знать все, даже самое худшее, и решив в крайнем случае попытаться прибегнуть к силе денег, он преодолел свое отвращение к Магуа и обратился к своему прежнему проводнику в самом дружеском, доверительном тоне, который он только мог изобразить:

— Я хотел бы поговорить с Магуа о том, что годится только для слуха такого великого вождя.

Индеец презрительно взглянул на молодого офицера и ответил:

— Говори. У деревьев нет ушей.

— Но гуроны не глухи, а те слова, которые пригодны для великих вождей, могут опьянить юных воинов. Если Магуа не хочет слушать, офицер короля сумеет молчать.

Индеец бросил несколько небрежных слов своим товарищам, которые кое-как седлали лошадей для молодых девушек; потом Лисица отошел в сторону и осторожным движением позвал за собой Дункана.

— Теперь говори,— сказал он,— если твои слова пригодны для Магуа.

— Хитрая Лисица доказал, что он достоин почетного прозвища, данного ему канадскими отцами,— начал Хейворд.—

Я вижу всю его мудрость, понимаю, как много он для нас сделал, и не забуду этого в час благодарности. Да, Лисица не только великий вождь — он умеет обманывать своих врагов.

— Что же сделал Лисица? — холодно спросил индеец.

— Разве он не видел, что лес переполнен спрятавшимися врагами? Разве он не заметил, что даже змея не могла бы незаметно проползти мимо них? Разве он не заблудился умышленно, чтобы ослепить глаза гуронов? Разве Магуа не притворился, будто он возвращается к своему племени, которое так плохо обошлось с ним и, как собаку, выгнало его из своих вигвамов? А мы? Разве, заметив его намерения, мы не помогали ему, чтобы гуроны думали, будто белый человек счел своего друга врагом? Ведь правда? О, когда Хитрая Лисица своей мудростью ослепил глаза гуронов, они позабыли, что когда-то сделали ему много зла и заставили бежать к мохокам! Они оставили Магуа на южном берегу с пленниками, а сами, как безумцы, двинулись к северу. Я знаю: Лисица хочет, как настоящая лиса, повернуться и отвести к седому богатому шотландцу его дочерей. Да, Магуа, я вижу все и уже подумал о том, как следует отплатить тебе за мудрость. Прежде всего глава форта Уильям-Генри даст Лисице то, что обязан дать такой великий вождь за великую услугу: у Лисицы будет золотая медаль, его пороховницу переполнит порох, у него в сумке зазвенит столько долларов, сколько камешков валяется на побережье Хорикэна, и олень станет лизать ему руки, зная, что ему не убежать от выстрела того ружья, которое получит вождь. Я уж не знаю, как превзойти щедрость шотландца... Погоди. Я... да, я тебе...

— Что же даст мне молодой вождь, пришедший от восхода солнца? — спросил гурон, заметив, что Хейворд запнулся.

— С островов, которые лежат на Соленом Озере, он проведет струю огненной воды. Эта жидкость потечет перед вигвамами Магуа и не остановится, пока сердце индейца не станет легче перышка, а его дыхание не сделается слаще аромата дикой медуницы...

Магуа серьезно слушал медленную речь Хейворда. Когда молодой человек упомянул о том, что ему кажется, будто индеец хитро обманул гуронов, лицо его слушателя приняло выражение осторожной сдержанности. Когда Хейворд напомнил об оскорблениях, которые изгнали гурона из вигвамов его племени, глаза Лисицы вспыхнули свирепым блеском, и Дункан понял, что он затронул как раз ту самую струну, которой ему следовало коснуться. Когда же он дошел до фраз, которыми хитро подстрекал и жажду мести дикаря и его алчность, он, во всяком случае, возбудил его глубокое внимание. Лисица задал свой последний вопрос, о награде, спокойно, с обычной важностью индейца, однако, судя по задумчивому выражению его лица, ясно

было, что следовало ответить предусмотрительно хитро. Несколько мгновений гурон молчал, потом, положив свою руку на грубую перевязку, которая прикрывала его раненое плечо, сказал:

— Разве друзья оставляют такие знаки?

— Неужели Длинный Карабин нанес бы такую легкую рану врагу?

— А разве делавары подползают, как змеи, к тем, кого они любят, чтобы нанести удар?

— Неужели Великий Змей позволил бы услышать свое приближение к тому, кого желал бы видеть глухим?

— А белый вождь часто жжет порох перед лицом своих собратьев?

— Промахивается ли он, если действительно намерен убить? — с усмешкой ответил Дункан.

После этих быстрых вопросов и ответов наступило долгое молчание. Дункан заметил колебания Магуа и, желая довершить свою победу, хотел было снова приняться за перечисление наград, но Магуа остановил его выразительным движением руки и произнес:

— Довольно! Лисица — мудрый вождь, а то, что он сделает, будет видно. Иди и не раскрывай губ. Когда Магуа заговорит, ты успеешь ответить ему.

Хейворд заметил, что Лисица с опаской оглядывается на остальных гуронов, и немедленно отошел, чтобы не дать им возможности заподозрить его в сообщничестве с их предводителем. Магуа подошел к лошадям и сделал вид, что он очень доволен усердием своих подчиненных. Затем знáком предложил Хейворду помочь Коре и Алисе сесть на их наррагансетов. Больше не было подходящего предлога для задержки, и Хейворд был вынужден подчиниться. Помогая Коре и Алисе, которые почти не поднимали глаз из боязни увидеть злобные лица гуронов, сесть на лошадей, Дункан шепнул им о своих оживших надеждах.

Индейцы, отправившиеся за исполином, увели с собой лошадь Давида, а потому и Гамут и Дункан были принуждены идти пешком. Однако Хейворд не особенно жалел об этом, так как, двигаясь медленно, он мог задерживать весь отряд. Его взгляд все еще с надеждой обращался в сторону форта Эдвард, и он ждал, что из леса донесется шум, который даст ему знать о приближении избавителей.

Когда все было готово, Магуа двинулся впереди всех. За ним шел Давид, который, по мере того как рана перестала давать себя знать, постепенно начинал осознавать свое истинное положение. Дальше ехали сестры. Хейворд держался рядом с ними, а индейцы шагали по обеим сторонам пленников и замыкали шествие. Бдительность их не ослабевала ни на минуту.

Все молчали, только Дункан время от времени обращался со словами утешения к Алисе и Коре да Гамут изливал свою душу в жалобных восклицаниях. Путники направились к югу по дороге, противоположной той, что вела к форту Уильям-Генри. Несмотря на это, Хейворд все же не допускал мысли, чтобы Магуа так скоро позабыл о предложенной ему награде; к тому же гурону была необходима осторожность.

Миля за милей двигались путники по бесконечному лесу, но конца этому долгому и утомительному переходу не предвиделось.

Хейворд следил за полуденными лучами солнца, пробивавшимися сквозь ветви деревьев, и жаждал того мгновения, когда Магуа пойдет по пути, благоприятному для путешественников.

Кора, помня прощальные наставления разведчика, при малейшей возможности протягивала руку, чтобы заломить ветвь, но бдительность гуронов мешала ей выполнить это трудное и опасное намерение. Встречая настороженные взгляды дикарей, девушка притворялась испуганной чем-то или начинала поправлять свой костюм. Только один раз она заломила ветку; в ту же минуту ей пришло в голову уронить на землю перчатку. Этот знак, предназначавшийся для друзей, был замечен одним из гуронов; индеец подал Коре перчатку и тотчас же измял и изломал все остальные ветви куста, чтобы казалось, будто они были обезображены каким-нибудь животным, запутавшимся в чаще. После этого гурон положил руку на свой томагавк с таким многозначительным видом, что Коре пришлось отказаться от мысли оставлять метки на кустах.

В обоих отрядах индейцев были лошади, а потому пленники лишились надежды, что их найдут по лошадиным следам.

Если бы угрюмый Магуа хоть чем-нибудь ободрил Хейворда, майор, конечно, заговорил бы с ним. Но Лисица редко оборачивался назад и ни разу не произнес ни слова. Руководствуясь только солнцем да теми еле видными приметами, которые известны одним туземцам, Лисица шел по обнаженной почве соснового леса или переправлялся через ручьи; чутье помогало ему двигаться почти по такой же прямой линии, как летит птица. Он ни разу не задумался. Была ли перед ним еле заметная тропинка, пропадала ли она совершенно или тянулась вполне отчетливой торной дорожкой, он ни разу не замедлил и не ускорил шаг. Казалось, что ему неведома усталость. И когда бы глаза путешественников ни отрывались от дороги, устланной опавшими листьями, и ни устремлялись бы вперед — между стволами деревьев все время виднелась темная фигура Магуа. Он шел, не поворачивая головы, и светлые перья в его волосах колебались от его собственных шагов.

Наконец Магуа прошел через низкую ложбину, по которой бежал веселый ручей, и начал подниматься на гору по такому

крутому склону, что Кора и Алиса принуждены были сойти с лошадей. Когда путники достигли вершины холма, они оказались на ровной площадке, скудно поросшей деревьями. Под одним из них распростерлась темная фигура Магуа, которому, очевидно, хотелось воспользоваться отдыхом, необходимым и для всех остальных.

Глава XI

Проклят будь мой род,
Когда ему прощу я.

Шекспир, «Венецианский купец»

Индеец выбрал местом стоянки один из крутых пирамидальных, похожих на искусственные насыпи холмов, которые так часто встречаются на американских равнинах. Вершина этой возвышенности представляла собой ровную площадку, а один из склонов отличался необыкновенной крутизной. Холм казался позицией, исключавшей всякую возможность неожиданного нападения, и, видимо, поэтому хитрый Магуа выбрал его местом стоянки. Хейворд равнодушно и безучастно осмотрел этот холм, не надеясь больше на появление помощи, потом всецело отдался заботам о своих спутницах, стараясь успокоить их, ободрить. Нарраганзетов разнуздали и дали им возможность пощипать ветви деревьев и кустов, рассеянных по вершине холма. Дункан разложил остатки съестных припасов в тени высокого бука, горизонтальные ветви которого, точно большой балдахин, нависли над девушками.

Несмотря на то что путники двигались безостановочно, один из индейцев все же успел пустить стрелу в запутавшуюся в чаще молодую козулю, убил ее и, отрезав наиболее вкусные части животного, терпеливо нес их на своих плечах. Теперь он и его товарищи поедали сырое мясо, разрывая его руками; только Магуа не принимал участия в этом пире; он сидел, по-видимому всецело погруженный в глубокие думы.

Такая воздержанность, странная в индейце, особенно когда он может без труда утолить свой голод, привлекла внимание Хейворда. Молодой человек предположил, что гурон в эту минуту придумывает вернейший способ избавиться от бдительности своих товарищей. Желая помочь гурону придумать ловкий план, подсказав ему какую-нибудь мысль, Дункан вышел из тени бука и как бы без всякой цели направился к Лисице.

— Разве Магуа недостаточно долго шел лицом к солнцу и все еще боится канадцев? — спросил Хейворд, делая вид, что он

вполне уверен в дружеском расположении индейца.— Разве начальник форта Уильям-Генри не с большим удовольствием увидит своих дочерей раньше, чем новая ночь затмит в его сердце печаль о них и он станет менее щедр на вознаграждение?

— Неужели к утру бледнолицые любят детей меньше, чем с вечера? — хладнокровно спросил Магуа.

— Конечно, нет,— ответил Хейворд, желая поправить свою невольную ошибку.— Правда, иногда белые забывают могилы своих праотцев, но привязанность родителей к детям никогда не умирает.

— А мягко ли сердце седовласого отца? Думает ли он, печалится ли о детях, которых ему дали жены? Он жестоко обращается со своими воинами, и у него каменный взгляд.

— Он бывает суров с лентяями и нерадивыми солдатами, но для трезвых и храбрых Мунро — справедливый и человеколюбивый начальник. Я знавал многих ласковых и любящих отцов, но мне никогда не приходилось встречать человека с сердцем, более полным отеческой любви. Конечно, Магуа, тебе случалось видеть старика только во главе воинов, я же видел, как на его глазах выступали слезы, когда он говорил о своих дочерях...

Хейворд оборвал свою речь; он не знал, чем объяснить странное выражение, которое внезапно мелькнуло на лице индейца, внимательно слушавшего его слова. Сперва молодому человеку почудилось, будто в душе дикаря пробудилась мысль о подарках, обещанных ему, но мало-помалу выражение радости сменилось на лице индейца отпечатком свирепого, злобного торжества, порожденного, очевидно, не алчностью, а другой страстью.

— Послушай,— сказал гурон, и лицо его снова застыло в невозмутимом спокойствии,— пойди к темноволосой дочери седовласого и скажи ей, что Магуа хочет с ней говорить. Отец будет помнить, что обещает его дитя.

Дункан подумал, что корыстолюбивый индеец хочет услышать новое подтверждение обещанных наград, и хотя медленно и неохотно, но все же двинулся к тому месту, где теперь отдыхали девушки. Подойдя к ним, Хейворд сообщил Коре о желании Магуа.

— Вам уже известно, чего хочет Магуа,— сказал Дункан, провожая ее к гурону,— поэтому не скупитесь, обещая порох и чепраки. Но помните, что спиртные напитки они ценят больше всего. Хорошо, если вы пообещаете дать ему также что-нибудь и от себя. Помните, Кора, что от вашего самообладания и изобретательности зависит ваша жизнь и жизнь Алисы.

— И ваша, Хейворд!

— Моя жизнь — дело неважное. Меня не ждет отец, не многие друзья пожалеют о моей печальной участи... Но доволь-

но, мы подошли к индейцу... Магуа, вот та, с которой ты хотел говорить.

Индеец медленно поднялся и с минуту стоял молча и неподвижно, потом знáком показал Хейворду, чтобы он отошел, и холодно проговорил:

— Когда гурон беседует с женщинами, его племя закрывает слух свой.

Дункан колебался, не желая повиноваться, но Кора со спокойной улыбкой сказала:

— Вы слышали, Хейворд, чего желает индеец. Подите к Алисе, ободрите ее и расскажите о наших планах.

Кора выждала, пока молодой человек отошел, потом обратилась к гурону и с большим достоинством произнесла:

— Что Хитрая Лисица желает сообщить дочери Мунро?

— Слушай,— ответил индеец, опустив руку на плечо девушки, точно силясь заставить ее с особенным вниманием отнестись к словам, которые он намеревался ей сказать; однако Кора решительно, хотя и совершенно спокойно, отстранилась от дикаря.— Магуа рожден вождем и воином племени красных приозерных гуронов. Он двадцать раз видел, как летнее солнце растопляло снег двадцати зим, обращая сугробы в ручьи, прежде чем встретил первого бледнолицего. Он был счастлив тогда! Потом белые люди ворвались в его леса, научили его пить огненную воду, и он сделался бездельником. Тогда гуроны выгнали Магуа из лесов его отцов и преследовали, как косматого бизона. Он бежал к берегам озера и наконец увидел Город Пушек. Тут он охотился и ловил рыбу, пока местные жители не выгнали его из леса и не ввергли в руки его врагов. Магуа, рожденный вождем гуронов, сделался воином своих врагов мохоков.

— Я уже слышала об этом,— сказала Кора, заметив, что гурон замолчал.

Он старался подавить в себе бурное волнение, которое начало разгораться в нем ярким пламенем при воспоминании о нанесенных ему обидах.

— Но виноват ли Хитрая Лисица, что голова его сделана не из камня? Кто дал ему огненную воду? Кто превратил его в низкого человека? Бледнолицые, люди твоего цвета!

— А разве я виновата, что на свете встречаются бессовестные люди с тем же цветом лица, как у меня? — спокойно спросила Кора.

— Нет. Магуа — воин, а не глупец. Я знаю, такие, как ты, никогда не раскрывают губ, чтобы выпить огненной жидкости. Великий Дух дал тебе мудрость.

— Что же я могу сделать или сказать, чтобы облегчить последствия твоих несчастий или заблуждений?

— Слушай,— повторил индеец, снова приняв спокойный и

горделивый вид.— Когда французские и английские отцы вырыли из земли свои томагавки, Лисица встал в ряды мохоков и выступил против своего собственного племени. Бледнолицые выгнали краснокожих из тех лесов, в которых они охотились, и теперь, когда индейские племена воюют, их ведет белый человек. Великий вождь при Хорикэне, твой отец, стоял во главе нашего отряда. Он приказывал мохокам делать то одно, то другое, и они его слушались. Он объявил: если индеец напьется огненной воды и придет в полотняные вигвамы его воинов, это не будет забыто. Магуа неосмотрительно раскрыл свой рот, и жгучий напиток привел его в хижину Мунро. Пусть дочь седовласого скажет, что сделал вождь.

— Он не забыл своих обещаний и поступил справедливо, наказав виновного,— ответила бесстрашная девушка.

— «Справедливо»! — повторил индеец, бросая злобный взгляд на ее спокойное лицо.— Разве справедливо, сделав зло, наказывать за него? Магуа был сам не свой, говорила и действовала огненная вода, а не он. Не поверил этому Мунро. Вождя гуронов связали при бледнолицых воинах и били, точно собаку!

Кора молчала, не зная, что ответить на эти слова.

— Смотри! — продолжал Магуа, срывая легкий лоскут ситца, который скрывал его раскрашенную грудь.— Смотри: вот рубцы от ран, нанесенных ножами и пулями. Этими шрамами воин может хвалиться перед своими соплеменниками, но, по милости седовласого, на спине вождя гуронов остались знаки, которые он должен скрывать под разноцветными материями белых.

— А я думала,— сказала Кора,— что индейский вождь терпелив, что его дух не чувствует и не знает боли, которую выносит его тело.

— Когда чиппевеи[1] привязали Магуа к столбу и нанесли ему вот эту рану,— ответил краснокожий, показывая пальцем на глубокий шрам,— гурон смеялся им в глаза, говоря, что только женщины способны так нежно колоть. В те минуты его дух был в облаках. Но когда он ощущал удары Мунро, его приниженный дух лежал под березой. Дух гурона никогда не опьяняется и никогда ничего не забывает.

— Но его можно успокоить. Если мой отец несправедливо поступил с тобой, покажи ему, что индеец способен простить оскорбление и вернуть ему его дочерей. От майора Хейворда ты уже слышал...

Магуа сурово покачал головой: он не хотел снова выслушивать то, что в душе презирал.

— Чего же ты требуешь? — продолжала Кора после

---

[1] Чиппевéи — многочисленная индейская народность.

К стр. 156

нескольких минут томительного молчания, чувствуя, что благородный и великодушный Дункан был жестоко обманут хитростью дикаря.

— Я требую того, что в обычаях гурона: добра за добро, зла за зло.

— Значит, ты хочешь отомстить беззащитным дочерям за обиду, нанесенную тебе Мунро? Разве не достойнее храброго мужа пойти прямо к нему и потребовать удовлетворения?

— Руки бледнолицых длинны, их ножи остры,— ответил дикарь и злобно засмеялся.— Зачем Лисице становиться под выстрелы воинов Мунро, когда в руках гурона душа седовласого!

— Скажи, Магуа, что ты хочешь сделать? — произнесла Кора, делая величайшее усилие, чтобы говорить твердо и спокойно.— Хочешь ли ты отвести нас куда-нибудь в лесные чащи или ты задумал еще большее зло? Разве нет таких подарков, которые могли бы загладить нанесенное тебе оскорбление и смягчить твое сердце? Прошу тебя, по крайней мере, освободить мою кроткую сестру, излей на одну меня всю твою злобу. Приобрети богатство, отпустив ее; удовлетвори свою месть, обрушив твой гнев лишь на одну жертву. Если старик потеряет обеих дочерей, он, вероятно, сойдет в могилу. Кто же тогда даст Лисице щедрые дары?

— Слушай,— снова сказал гурон.— Светлоглазая вернется на берег Хорикэна и все расскажет старому вождю, если только темноволосая девушка поклянется именем Великого Духа своих праотцев не солгать.

— А что я должна обещать? — спросила Кора, сдерживая ярость туземца своей женской гордостью и спокойствием.

— Когда Магуа покинул гуронов, его жену отдали другому вождю. Теперь Магуа снова подружился с ними и вернется обратно к могилам своего племени, туда, на берега Великого Озера. Дочь английского вождя должна идти с ним и навсегда поселиться в его вигваме.

Подавляя в себе возмущение, гордая Кора спокойно спросила индейца:

— Приятно ли будет Магуа делить свое жилище с женой, которую он не любит, с женой чуждого его племени бледнолицых? Я думаю, он поступит лучше, приняв золото Мунро и купив своими дарами сердце какой-нибудь гуронской девушки.

С минуту индеец молчал, глядя в лицо Коры с таким выражением, что ее глаза стыдливо опустились. Потом он ответил с особенным злорадством:

— В таком случае, снова почувствовав удары на своей спине, гурон знал бы, где найти женщину, которой он передал бы свое страдание. Красивая дочь Мунро носила бы для него воду, жала его хлеб, жарила пищу. Тело седого вождя спало бы среди

пушек, но Хитрая Лисица держал бы его сердце в своих руках.

— Чудовище! Ты вполне заслуживаешь своего прозвища! — вскрикнула Кора, охваченная порывом негодования.— Только дьявол может придумать такую месть! Но ошибаешься: ты считаешь себя слишком сильным. Правда, в твоих руках сердце Мунро, но оно не побоится твоей злобы, как бы велика она ни была!

Смелые слова девушки вызвали на лице гурона зловещую улыбку, которая обличала непоколебимость его намерений; он зна́ком показал, что переговоры окончились. Кора уже пожалела о своей резкости, но Магуа поднялся с места и пошел к своим товарищам.

Хейворд подбежал к взволнованной девушке и спросил ее, чем окончилась беседа, за которой он внимательно следил.

Не желая тревожить Алису, Кора не дала Дункану прямого ответа, только выражение ее лица показало майору, что переговоры не имели успеха; о том же говорили тревожные взгляды, которые она бросала на индейцев. Алиса засы́пала ее вопросами относительно ожидавшей их участи, но Кора только протянула руку к темной группе краснокожих и в глубоком волнении прошептала, прижав младшую сестру к своей груди:

— Ничего, ничего, успокойся! На их лицах увидишь ответ... Но посмотрим еще, что будет дальше.

Это судорожное движение и прерывистый шепот были красноречивее долгих объяснений. Пленники тотчас же направили все свое внимание туда, где решался вопрос об их жизни и смерти.

Магуа остановился близ остальных дикарей, отдыхавших после своего отвратительного пира. Он заговорил с ними со всей торжественной важностью индейского вождя. Едва он произнес первые слова, его слушатели выпрямились с видом почтительного внимания. Гурон говорил на своем родном наречии, а потому белые только по жестам, которыми обычно индейцы подкрепляют свое красноречие, могли догадываться о содержании его речи.

Сначала, судя по движению его рук и звуку голоса, казалось, что он говорит вполне спокойно. Когда же Магуа вполне овладел вниманием своих товарищей, он стал так часто указывать в сторону Великих Озер, что Хейворду представилось, будто он упоминает о родине гуронов и их племени. Слушатели, по-видимому, одобряли его, постоянно вскрикивая «у-у-ух» и переглядываясь между собой. Лисица был слишком хитер, чтобы не воспользоваться выгодным действием начала своей речи.

Теперь дикарь заговорил о долгом и полном трудностей переходе, который совершили гуроны, покинув свои обширные и богатые дичью леса и приветливые деревни, чтобы сразиться

с врагами «канадских отцов». Он перебирал имена всех воинов отряда, говорил о доблестных подвигах и качествах каждого из них, вспоминал об их ранах, о количестве снятых ими скальпов. И каждый раз, когда индеец произносил имя кого-нибудь из присутствующих — а хитрый гурон никого не позабыл упомянуть,— темное лицо польщенного в своем тщеславии воина вспыхивало от восторга, и восхищенный человек, без излишней скромности и колебаний, подтверждал справедливость слов Магуа одобрительными жестами и восклицаниями. Вдруг голос говорившего понизился; в тоне индейца не чувствовалось торжества, звучавшего в нем, когда вождь перечислял славные подвиги и победы своих собратьев. Он описывал гленнский водопад, недоступный скалистый остров с его пещерами и многочисленные быстрины и водовороты Гленна. Вот он произнес прозвище «Длинный Карабин» и молчал до тех пор, пока в лесу, расстилавшемся близ подножия холма, не замер последний отголосок протяжного воинского крика индейца — крика, которым они встретили это ненавистное для гуронов имя. Магуа указал на молодого пленного офицера и стал описывать смерть воина, свергнутого в пропасть руками Хейворда. После этого вождь упомянул об участи индейца, висевшего между небом и землей, даже изобразил всю страшную сцену его гибели. Он схватился за ветвь одного из деревьев, представил последние минуты, судорожные движения и самую смерть несчастного. Рассказал он также, каким образом погибал каждый из их друзей, упоминая о мужестве и признанных добродетелях убитых. По окончании этого рассказа голос индейца снова изменился — зазвучал тихо, скорбно, жалобно; в нем слышались горловые ноты, не лишенные музыкальности. Магуа говорил о женах и детях убитых, об их одиночестве, о горе и, наконец, напомнил о долге воинов, о мести за нанесенные им обиды. Внезапно повысив голос, придав ему выражение свирепой силы, он закончил свою длинную речь целым рядом взволнованных вопросов:

— Разве гуроны собаки, чтобы выносить все это? Кто скажет жене Минаугуа, что его скальп достался рыбам и что родное племя не отомстило за его смерть? Кто осмелится встретиться с гордой матерью Вассаватими, не обагрив рук вражеской кровью? Что мы ответим нашим старикам, когда они спросят нас, где скальпы врагов, а у нас не окажется ни одного волоса с головы неприятеля. Женщины будут указывать на нас пальцами. На имени гуронов лежит темное пятно; надо смыть его вражеской кровью...

Голос Магуа заглушили бешеные восклицания, наполнившие воздух, словно здесь, в лесу, сидела не маленькая кучка индейцев, а собрались огромные толпы. Все, что говорил Магуа, можно было прочесть на лицах окружавших его индейцев. На

печальные речи его они отвечали сочувствием и грустью. Когда он призывал отстаивать свои права, они поддерживали его жестами одобрения; хвастливые проповеди они встречали дикими восторгами. При упоминании о мужестве взгляды их становились твердыми и суровыми; когда он указывал на потери, которые они понесли, глаза их загорались яростью; когда он заговорил о насмешках женщин, дикари от стыда опустили головы, но его слово о мести задело самую чувствительную струну в душе гуронов; дикари поняли, что месть в их руках, и все поднялись с земли, изливая свою ярость в безумных криках. Они обнажили ножи, подняли томагавки и ринулись к пленникам. Хейворд бросился вперед и заслонил собой Кору и Алису. Он схватил первого из краснокожих, отчаянным усилием сдавил его и тем самым на секунду задержал толпу.

Неожиданное сопротивление дало возможность Магуа принять участие в деле: закричав что-то, он привлек к себе внимание. Хитрыми речами Лисица помешал дикарям немедленно решить участь пленников и быстро уговорил их продлить страдания несчастных жертв. Гуроны встретили его предложение громкими радостными криками.

Двое тотчас бросились на Хейворда, третий схватил неуклюжего преподавателя пения. Однако ни один из белых не сдался без отчаянной, хотя и бесплодной борьбы. Даже слабый Давид свалил на землю своего противника. Хейворда гуроны не могли одолеть, пока третий индеец, управившись с Давидом, не подоспел им на помощь. После этого Дункана скрутили и привязали к стволу того самого дерева, на ветвях которого Магуа разыгрывал пантомиму, изображая смерть гурона. Когда молодой офицер пришел в себя, он увидел, что справа от него стояла, тоже привязанная к дереву, Кора. Она была бледна и взволнованна, но ее твердый взгляд бесстрашно следил за каждым движением врагов. Слева Дункан увидел Алису; только прутья ивы, которыми она привязана была к сосне, поддерживали тонкую фигуру светловолосой девушки; держаться на своих ослабевших ногах она не могла. Давид впервые вступил в борьбу и теперь был погружен в раздумье, не зная, достойно ли это доброго христианина.

Между тем гуроны собирались привести в исполнение свои страшные замыслы. Одни складывали хворост, щепки и коряги в большую груду для костра; другие пригнули вершины двух молодых деревьев к самой земле, собираясь привязать руки Хейворда к этим вершинам и потом отпустить деревца. Однако Магуа придумал еще более мрачную, более жестокую месть, сулившую ему особенное наслаждение.

Пока его товарищи перед глазами пленников приготовляли эти хорошо известные орудия пыток, Хитрая Лисица подошел

к Коре и со злобным выражением лица указал ей на ожидавшую ее неминуемую участь.

— Ну,— произнес он,— что скажет дочь Мунро? Ее голова слишком прекрасна, чтобы покоиться на подушке в вигваме Хитрой Лисицы? Ей больше нравится, чтоб ее голова покатилась с этого холма, как игрушка для волков?

— Что хочет сказать это чудовище? — спросил изумленный Хейворд.

— Ничего,— твердо ответила девушка.— Он дикарь и не ведает, что делает. В его невежестве — для него прощение.

— Прощение? — повторил свирепый гурон, не поняв ее слов.— О нет! Память индейца длиннее рук бледнолицых. Говори, должен ли я отправить светловолосую девушку к ее отцу? Пойдешь ли ты за Магуа к Великим Озерам, чтобы носить для него воду и печь ему хлеб?

Кора зна́ком велела ему отойти: ее охватило непобедимое отвращение.

— Уйди! — сказала она с твердостью, которая на мгновение покорила жестокого дикаря.— Ты ненавистью наполняешь мои последние минуты.

Но он, с насмешкой указывая на Алису, сказал:

— Смотрите! Ребенок плачет! Ей рано умирать! Пошлем ее к Мунро — пусть она расчесывает его седые волосы и поддерживает жизнь старика.

Кора не могла устоять против желания взглянуть на свою младшую сестру, в глазах которой встретила умоляющее выражение, красноречиво говорившее, до чего ей хочется жить.

— Что он говорит, милая Кора? — прозвучал дрожащий голос Алисы.— Кажется, он сказал, что хочет отправить меня к отцу?

Несколько мгновений Кора смотрела на младшую сестру, и на ее лице отражалась борьба сильных и разноречивых чувств. Наконец она заговорила голосом, потерявшим недавнюю резкость; теперь в ее тоне слышалась почти материнская нежность.

— Алиса,— произнесла она,— гурон предлагает нам обеим жизнь... нет, больше: он освободит также и Дункана, нашего бесценного Дункана, и проводит его и тебя к нашим друзьям... к нашему отцу... к нашему несчастному отцу, если я соглашусь...

Голос Коры задрожал и оборвался.

— Договаривай, Кора! — воскликнула Алиса.— Если ты согласишься — на что? Ах, если бы он обратился ко мне! Спасти тебя, дать тебе возможность утешать нашего старого отца, освободить Дункана... О, с какой радостью я пошла бы на смерть!

— Умереть! — с горечью сказала Кора более твердым и спокойным голосом.— Смерть была бы легче того, что предлагает он. Впрочем, может быть, дело окончится смертью... Он

хочет...— продолжала она,— он требует, чтобы я сделалась его женой. Алиса, мое дорогое дитя, любимая сестричка, и вы тоже, майор Хейворд, помогите мне советом. Хотите ли вы спасти ее и себя ценой такой жертвы? Хочешь ли ты, Алиса, принять от меня жизнь, зная, чем она куплена?.. А вы, Дункан? Говорите, помогите мне советом, распоряжайтесь как хотите: я всецело ваша.

— Согласен ли я? — с изумлением и негодованием закричал молодой человек.— Кора, Кора! Вы смеетесь над нашим несчастьем! Нет, не говорите об этом ужасном выборе: одна мысль об этом хуже тысячи смертей!

— Я хорошо знала, что вы ответите именно так! — сказала Кора, и яркий румянец заиграл на ее щеках, а в глазах загорелась горячая искра тайного чувства.— Что скажет моя Алиса? Для тебя я безропотно подчинюсь всему...

Хейворд и Кора ждали ответа девушки, но руки Алисы безжизненно повисли, и только ее пальцы судорожно подергивались; ее красивая белокурая головка опустилась на грудь; она казалась безжизненной, а между тем вся трепетала от волнения. Но вот Алиса попыталась выпрямиться и тихо покачала головой:

— Нет, нет, нет, лучше умрем, как жили, вместе!

— О, так умри! — закричал Магуа и бросил свой томагавк в беззащитную белокурую девушку.

Гурон скрежетал зубами в необузданной ярости, охватившей его при виде твердости и мужества той пленницы, которую он до сих пор считал самой слабой и робкой жертвой. Томагавк просвистел мимо лица Хейворда и, срезав несколько золотистых локонов Алисы, задрожал в стволе дерева над ее головой. Это довело Дункана до безумной ярости. Он собрал все силы, с нечеловеческим усилием разорвал свои путы и бросился на другого индейца, который с громкими воплями целился в Алису, желая нанести ей более меткий удар. Началась борьба; оба упали на землю. Обнаженное тело краснокожего выскользнуло у Хейворда из рук, индеец вырвался из объятий майора, вскочил и наступил коленом на грудь молодого офицера, притиснув его к земле всей тяжестью своего огромного тела. Дункан увидел, как в воздухе блеснул нож. В эту минуту что-то просвистело над ним, а вслед за тем раздался ружейный выстрел. Хейворд почувствовал, что его грудь освободилась от тяжести, и увидел, как ярость на лице его противника сменилась ужасом и индеец мертвым упал рядом с ним на сухие листья.

Глава XII

Шут. Я помчусь и вернусь
Сюда же к вам сейчас.

Шекспир, «Двенадцатая ночь»

Пораженные внезапной смертью одного из своих товарищей, гуроны на мгновение замерли. Но когда они увидели роковую меткость руки, которая решилась пустить пулю во врага, рискуя попасть в друга, имя «Длинный Карабин» вырвалось одновременно из всех уст. В ответ на это донеслось громкое восклицание из небольшого перелеска, в котором неосторожные дикари сложили все свое оружие. В следующее мгновение показался Соколиный Глаз. Он не успел зарядить вновь свое излюбленное ружье, а просто двинулся на гуронов, потрясая им, как дубиной, и быстро приближаясь к ошеломленным краснокожим. Но как ни проворны были его шаги, легкая, сильная фигура опередила разведчика, с невероятной смелостью кинулась в самую середину толпы гуронов и остановилась подле Коры, размахивая в воздухе томагавком и потрясая сверкающим ножом. Раньше чем гуроны успели опомниться, другая фигура очутилась среди них — фигура, походившая на воплощение смерти. Она проскользнула мимо остолбеневших индейцев и с грозным видом стала по другую сторону Коры. Дикие мучители белых невольно отступили перед этими воинственными пришельцами. Прозвучали удивленные восклицания, потом послышались имена, страшные для гуронов:

— Быстроногий Олень! Великий Змей!

Только осторожный и бдительный Магуа не смутился. Зорким взглядом он окинул маленькую площадку, сразу понял, с какой стороны было произведено нападение, и, ободряя товарищей голосом, а также собственным примером, обнажил свой длинный острый нож, потом с протяжным криком кинулся на Чингачгука. Это движение послужило знаком для начала общей схватки. Ни та, ни другая сторона не были вооружены огнестрельным оружием, и борьба велась врукопашную. Ункас, ответив на клич врагов, кинулся на одного из гуронов и метким ударом томагавка разбил ему череп. Хейворд выхватил из ствола томагавк Магуа и тоже вступил в бой. Теперь число сражающихся с обеих сторон было одинаково, а потому каждый боролся один на один со своим противником. Удары сыпались с быстротой молнии и с яростью урагана. Скоро разведчик ударил второго гурона, свалив его на землю.

Хейворд не стал ждать минуты встречи с врагом и с размаху кинул свой томагавк в противника. Оружие попало в лоб ин-

дейца, но тупым концом и только на мгновение ошеломило его. Ободренный такой удачей, молодой офицер без оружия бросился к своему врагу, но в то же мгновение понял всю необдуманность этого смелого поступка: ему пришлось защищаться от ударов ножа, сверкавшего в руке свирепого гурона. К счастью, Дункану удалось обхватить своего противника; железным объятием он прижал ему руки к груди, отстраняя от себя обнаженный клинок. Но силы стали покидать его. Юноша почувствовал, что ему не удастся надолго удержать индейца. В этот миг Дункан услышал громкое восклицание:

— Убивайте бездельников! Не щадите проклятых мингов!

В следующее мгновение приклад Соколиного Глаза с силой опустился на обнаженную голову противника Хейворда; мышцы гурона сразу обмякли, и он замертво упал на землю.

Убив первого противника, Ункас с яростью голодного льва обратился к новой жертве. Пятый гурон, не принимавший участия в первой схватке, постоял мгновение и, увидев, что все кругом него ожесточенно дерутся, решил довершить прерванное дело мести. С громким криком он бросился к беззащитной Коре и издали кинул в нее острый топор. Томагавк задел только плечо молодой девушки, разрезал ивовые прутья, которыми Кора была привязана к дереву, и освободил ее. Ей удалось ускользнуть из рук дикаря; забыв о собственной опасности, она кинулась к Алисе; поспешно, дрожащими пальцами старалась она разорвать прутья, которые держали ее сестру в плену. Такая великодушная преданность тронула бы всякого, но в груди гурона не было и признака сострадания. Он схватил Кору за ее густые распустившиеся волосы, оторвал девушку от Алисы и жестоким рывком швырнул на колени. Дикарь намотал на свою руку черные пряди кудрей Коры и, протянув руку, со злобным хохотом поднял их. Лезвие его ножа скользнуло вокруг ее прелестной головки. Однако ему пришлось расплатиться за это свирепое удовольствие, он потерял удобный случай выполнить задуманное злодеяние. Его увидел зоркий Ункас. Молодой могиканин точно взвился в воздух; он пулей упал на грудь врага, откинул его на далекое расстояние от девушки и свалил на землю. Усилие заставило и самого Ункаса упасть рядом со своим врагом. Оба противника сразу вскочили на ноги, засверкали ножи, и тот и другой обливались кровью. Но скоро поединок окончился. Томагавк Хейворда и приклад Соколиного Глаза опустились на череп гурона в ту самую минуту, когда острый нож Ункаса вонзился в его сердце.

Бой окончился, только между Хитрой Лисицей и Великим Змеем еще происходила борьба. Оба воина доказали, что они достойны своих красноречивых прозвищ. Перед поединком они несколько времени стояли молча и неподвижно, потом каждый

из них пустил в противника свой томагавк, и каждый ловко уклонился от вражеского удара; наконец они внезапно бросились друг на друга и в тесных объятиях упали на землю, извиваясь, точно змеи. Когда победители избавились от своих врагов, только туча пыли и листьев видна была на том месте, где боролись Великий Змей и Хитрая Лисица. Туча эта двигалась от центра маленькой площадки и, будто от дыхания вихря, неслась к одному из ее краев. Хейворд, Соколиный Глаз и Ункас сразу кинулись к облаку пыли. Но напрасно Ункас старался пронизать взглядом этот густой покров, чтобы поразить ножом давнишнего врага своего отца; грозное ружье Соколиного Глаза тщетно целилось, бесплодно силился Дункан схватить гурона своими мускулистыми руками. Покрытые пылью и кровью, противники продолжали душить друг друга в ужасных объятиях, извиваясь так, как будто это было одно тело. Похожая на скелет фигура старого могиканина и темное тело гурона так быстро мелькали, что друзья Чингачгука не могли выбрать подходящего момента, чтобы нанести удар врагу. На мгновение мелькали огненные глаза Магуа, как фантастический взгляд василиска. Лисица, казалось, читал на лицах врагов предсказание исхода этой борьбы; однако раньше чем рука кого-нибудь из его противников успевала опуститься на его голову, вместо нее появлялось хмурое лицо Чингачгука. От центра площадки на вершине холма двое врагов скатились к самому ее краю. Вдруг могиканин нашел возможность нанести гурону сильный удар ножом; руки Магуа внезапно ослабели, и он, по-видимому мертвый, упал на спину. Одним прыжком Чингачгук поднялся на ноги, и под сводами леса пронесся его торжествующий клич.

— Молодцы, делавары! Победа за могиканином! — крикнул Соколиный Глаз, снова подняв приклад своего смертоносного ружья.— Мой последний удар не отнимет у победителя чести победы и не лишит его законных прав на скальп побежденного.

Но в то самое мгновение, когда приклад засвистел, разрезая воздух, хитрый гурон ускользнул, перекинулся через край площадки, покатился по крутому склону, потом вскочил среди зарослей низких кустов и через секунду скрылся. Делавары считали его мертвым; увидев же свою ошибку, они вскрикнули от удивления и с громкими воплями кинулись за ним, точно собаки вслед за оленем. Но пронзительное восклицание Соколиного Глаза остановило их и заставило вернуться обратно на вершину холма.

— Это похоже на него,— сказал разведчик.— Лживый обманщик, низкий хитрец! Честный делавар, побежденный в равной борьбе, остался бы на земле, его убили бы ударом по голове, но эти хитрые макуасы цепляются за жизнь с остервенением дикой кошки. Бросьте его, пусть бежит — ведь у него нет ни

ружья, ни лука, и его французские товарищи далеко. Он, как гремучая змея без ядовитых клыков, уже безвреден. Смотри, Ункас,— на делаварском наречии прибавил охотник,— твой отец уже снимает скальпы. Недурно осмотреть всех бездельников, лежащих на земле, не то, пожалуй, кто-нибудь из них вскочит и скроется в лесу с громким криком и карканьем сойки.

Сказав это, честный, но неумолимый разведчик обошел всех убитых гуронов, вонзая в грудь каждого свой длинный нож с таким спокойствием, словно перед ним лежали жестяные каркасы.

Между тем Чингачгук успел снять с неподвижных голов эмблемы победы — скальпы.

Ункас же бросился к девушкам и быстро освободил Алису.

Встав с колен, Алиса кинулась на грудь Коры и, рыдая, произнесла вслух имя своего отца; в то же время в ее кротких, как у голубки, глазах засверкали лучи ожившей надежды.

— Мы спасены, спасены! — шептала она.— Мы можем вернуться в объятия дорогого отца. Какое счастье! Его сердце не разобьется от горя... И ты тоже, Кора, моя дорогая сестра... ты тоже спасена... а также и Дункан...— прибавила молодая девушка, взглянув на Хейворда с ясной улыбкой.— Наш храбрый и благородный Дункан остался жив!

Кора не отвечала на эти пылкие, бессвязные слова; прижав Алису к своему сердцу, она только нагнулась к ней и осыпала ее ласками. Мужественный Дункан, не стыдясь, плакал, глядя на радость сестер. Покрытый кровью Ункас казался равнодушным зрителем этой сцены, но его глаза, глаза невозмутимого могиканина, сияли радостью и сочувствием.

Между тем Соколиный Глаз настороженно осматривал убитых; убедившись, что все враги мертвы, он подошел к Давиду и разрезал его путы. Бедный псалмопевец не двигался до последней минуты и стоял, терпеливо ожидая освобождения.

— Вот,— заметил разведчик, отбрасывая последний ивовый прут,— вы снова свободны, хотя, по-видимому, даже теперь можете пользоваться вашей свободой не лучше, чем в те минуты, когда впервые появились на свет. Если совет человека, прожившего большую часть своей жизни в диких местах, не обидит вас, я с искренним удовольствием выскажу вам свои мысли. Итак, советую вам расстаться с инструментиком, который вы прячете в кармане жилета. Продайте его первому встречному глупцу и на вырученные деньги купите какое-нибудь полезное оружие, хотя бы самый обыкновенный кавалерийский пистолет.

— Бряцание оружием, трубные звуки сопутствуют битве; хвалебные и благодарственные гимны — победе,— ответил освобожденный Давид.— Друг,— прибавил он и ласково протянул свою тонкую, худую руку охотнику, между тем как его веки

стали быстро моргать, а глаза увлажнились,— я благодарен тебе за то, что мои волосы остались там, куда их поместила природа. Конечно, волосы других людей, может быть, мягче, шелковистее и вьются более красивыми кудрями, однако я всегда находил, что мои волосы вполне пригодны для той головы, которую они покрывают. Я не вступал в борьбу не столько вследствие врожденного отвращения к сражениям, сколько по причине пут, наложенных на меня язычниками. Отважным и искусным оказался ты в борьбе, и я хочу поблагодарить тебя, раньше чем приступить к исполнению других, более важных обязанностей. Я делаю это, ибо ты доказал, что достоин похвалы христианина.

— Моя услуга — пустяк, о котором не стоит упоминать. Если вы останетесь с нами, то увидите много таких же кровавых стычек,— ответил охотник, смягчившийся при виде искреннего выражения благодарности со стороны псалмопевца.— Я вернул себе моего старого товарища и спутника. Вот он, верный «оленебой»,— прибавил Соколиный Глаз, поглаживая приклад своего ружья,— и это одно уже — победа! Ирокезы хитры, но они перемудрили, положив ружья так далеко от места своего отдыха. Если бы только Ункас и его отец обладали обычным терпением индейцев, мы успели бы взять оружие и дружным залпом покончили бы со всей стаей и с мошенником, который убежал от нас.

Разведчик сел на камень и с вниманием принялся обследовать свое ружье.

Гамут тоже опустился на землю и вынул из кармана маленькую книжку, а также очки в железной оправе. Возведя глаза к небу, он произнес:

— Предлагаю вам, друзья мои, вместе со мной вознести хвалы за наше необычайное избавление от варварских рук неверных язычников. Прошу вас, излейте ваши чувства в прекрасной и торжественной песне под названием «Норсгамптон».

После такого выступления он указал страницу и стих, с которого начинались избранные им строфы; поднес к губам свой камертон, совершая все это с той торжественностью, с которой он приступал к подобным приготовлениям под сводами храма. Но на этот раз никто из присутствующих не поддержал его. Кора и Алиса в эту минуту предавались излияниям нежности, а Хейворд не отрывал от них взгляда. Не смущаясь малочисленностью своей аудитории, которая состояла из одного только нахмурившегося разведчика, певец запел и довел священную песню до конца без всяких помех.

Соколиный Глаз слушал хладнокровно, поправляя кремень ружья и заряжая его; гимн не пробудил волнения в душе Соколиного Глаза. Никогда еще певец не проявлял своих талантов перед менее отзывчивой аудиторией.

Охотник покачал головой и прошептал несколько непонятных слов, среди которых были слышны только «горло» да «ирокезы», потом поднялся с места и отошел, чтобы собрать и осмотреть исправность всего арсенала гуронов. Чингачгук, помогая ему, отыскал ружье Ункаса и свое собственное. Вскоре даже Хейворд и Давид получили оружие; в пулях и порохе также не было недостатка. Когда жители лесов подобрали все необходимое и распределили трофеи, Соколиный Глаз объявил, что пора двинуться в путь. К этому времени Давид Гамут окончил пение, а сестры успели прийти в себя. С помощью Дункана и младшего из могикан девушки спустились с крутого, обрывистого холма, на который они так недавно поднимались совсем при других обстоятельствах и чья вершина чуть не явилась свидетелем их гибели. У его подножия они увидели нарраганзетов, которые щипали траву и листья кустов. Алиса и Кора сели на лошадей и двинулись вслед за проводником, который только что еще раз доказал им свою дружбу.

Путешествие длилось недолго. Соколиный Глаз свернул с узкой тропинки, по которой двигались гуроны, погрузился в чащу ветвей, переехал вброд журчащий ручей и остановился в узкой долине, затененной ветвями густых вязов. Путники находились на расстоянии нескольких сот сажен от рокового холма, и кони понадобились им только во время переправы через мелкий поток.

Разведчик и могикане, казалось, хорошо знали уединенное место, в котором они теперь остановились, потому что, прислонив свои ружья к стволам деревьев, принялись разбрасывать сухие листья и скоро вырыли небольшую ямку в синей глинистой почве. Из этого углубления тотчас же брызнул ключ светлой, блестящей, говорливой воды. Соколиный Глаз огляделся, как бы отыскивая что-то, и на его лице мелькнуло удивленное выражение; казалось, он не нашел вещи, которую искал.

— Увы! Эти беспечные черти мохоки со своими братьями тускарорами, конечно, побывали здесь и пили воду,— пробормотал он,— и куда-то затеряли бутыль. Вот и делай после этого добро этим беспамятным собакам! Хорошо же они отблагодарили нас! Здесь, в этой непроходимой глуши, из недр земли бьет ключ, по сравнению с которым самый богатый аптекарский склад — ничто. Смотрите-ка, глупцы истоптали глину, загрязнили, обезобразили прелестное место, точно неразумные звери, а не человеческие существа!

Между тем Ункас молчаливо подал ему бутыль из тыквы, которую Соколиный Глаз не заметил в порыве досады, хотя она висела на ветке вяза. Наполнив ее, разведчик отошел от источника на более сухое и твердое место; тут он спокойно сел, с наслаждением сделал несколько больших глотков и стал вни-

мательно осматривать остатки съестных припасов, сложенных в мешок, который висел у него на руке.

— Благодарю тебя, мальчик,— продолжал он, возвращая пустую бутыль Ункасу.— Теперь мы посмотрим, чем лакомились эти свирепые гуроны, когда прятались в засаде. Видишь, мошенники вырезали лучшие части оленя. Но мясо осталось сырым; ирокезы — настоящие дикари; Ункас, возьми-ка мое огниво да разведи костер; вкусное кушанье поможет нам набраться сил после долгого пути.

Хейворд помог Коре и Алисе сойти с лошадей и сел на траву, с удовольствием предвкушая приятный отдых после недавней ужасной, кровавой сцены.

Пока Соколиный Глаз готовил кушанье, майор завел с ним беседу.

— Как могло случиться, что вы явились к нам так скоро, мой великодушный друг? — спросил он.— И без помощи со стороны гарнизона из форта Эдвард?

— Если бы мы отправились в крепость, то, вернувшись, могли бы лишь забросать сухими листьями ваши тела и нам, без сомнения, не удалось бы сохранить ваши скальпы,— хладнокровно ответил охотник.— Нет-нет, вместо того чтобы понапрасну тратить силы и время на переход в форт, мы решили залечь под нависшими берегами Гудзона, ждать и наблюдать за всеми движениями макуасов.

— Значит, вы видели все, что произошло?

— Нет, конечно, не все. У индейцев слишком острое зрение, и их нелегко обмануть, но мы все-таки были невдалеке от вас. Надо сознаться, трудно было сдерживать вот этого молодого могиканина и заставить его сидеть в засаде... Ах, Ункас, ты вел себя скорее как нетерпеливая и любопытная женщина, чем как мужественный и стойкий воин!

Ункас перевел глаза на суровые черты охотника, но не ответил ему ни слова. Хейворду показалось, будто презрительная усмешка мелькнула на лице молодого могиканина. Тем не менее Ункас сдержал свой гнев, отчасти из уважения к остальным слушателям, отчасти из почтения к своему старшему белому товарищу.

— Вы видели, как нас захватили в плен? — продолжал Хейворд свои вопросы.

— Мы слышали это,— прозвучал многозначительный ответ.— Индейский клич выразителен и понятен для людей, живущих в лесах. Но когда вы очутились на противоположном берегу реки, нам пришлось, как змеям, ползти под густой листвой, и мы скоро совершенно потеряли вас из виду, до той самой минуты, когда вы уже были прикручены к деревьям и, связанные, ждали смерти.

— Чудо, что вы не ошиблись тропинкой! Ведь шайка гуронов разделилась, и в обоих отрядах были лошади.

— Да, мы действительно были сбиты с толку и едва не потеряли ваш след, но нам помог Уикас. Мы двинулись было по тропинке, которая уходила в глубь леса, предполагая, что дикари поведут своих пленников в глушь. Но, пройдя несколько миль и не увидев ни одной сломанной ветки, я начал сомневаться, туда ли мы идем, особенно когда заметил, что на земле были только следы лошадиных копыт и ног, обутых в мокасины.

— Наши победители из предосторожности заставили нас надеть индейские мокасины,— сказал Дункан.

— Да-да, они поступили разумно, это их всегдашний обычай, однако такая заурядная хитрость не могла бы сбить нас с настоящего следа.

— Чему же тогда мы обязаны нашим спасением?

— К стыду моему, я должен признаться: мудрости юного могиканина. Впрочем, даже теперь, когда я вижу, что он был прав, я с трудом верю собственным глазам.

— Не объясните ли вы нам этой загадки?

— Уикас заметил,— продолжал Соколиный Глаз, оглядывая нарраганзетов Коры и Алисы,— что лошади, на которых ехали девушки, одновременно ставят на землю переднюю и заднюю ноги с одной стороны. Ни одно из четвероногих животных, которых я знаю, не делает так, за исключением медведя.

— Такая поступь — главное достоинство нарраганзетов. Но иногда и других лошадей приучают к этой побежке — иноходи.

— Может быть, может быть,— сказал Соколиный Глаз, внимательно выслушав объяснение молодого офицера.— Я лучше сужу об оленях и бобрах, нежели о вьючных животных. Впрочем, какой бы поступью ни ходили лошади — переставляя ли сразу обе ноги с одной стороны или иначе,— во всяком случае, Уикас заметил особенность движения этих животных, и их след привел нас к изломанным кустарникам. Одна ветка близ следов нарраганзета была надломлена и загнута вверх — так женщины срывают цветок со стебля. Все же остальные ветки, жестоко переломанные, измочаленные, свешивались вниз — очевидно, грубая рука мужчины ломала их. Поэтому я и подумал: видно, кто-то из гуронов заметил, что леди сломала ветку, и стал ломать остальные, чтобы нам представилось, будто молодой олень запутался в кусте и старался вырваться из чащи.

— Ваша проницательность не обманула вас: именно так и было.

— Заметить изломанные ветви и догадаться, в чем дело, было легко,— прибавил разведчик, совсем не сознавая, какую тонкую и необыкновенную проницательность выказал он.— Это полегче, чем приметить иноходь по следам коня. Подле изло-

манного куста я сказал себе, что минги двинутся к источнику, потому что они отлично знают достоинства его воды.

— Но разве эта вода так знаменита? — спросил Хейворд, с большим любопытством оглядывая красивую ложбину и журчащий родник.

— Редко кто из индейцев, побывавших южнее и восточнее Великих Озер, не слыхал о качествах этого ключа. Но не хотите ли вы сами отведать воды?

Хейворд взял флягу, сделал несколько глотков и бросил ее, сморщившись. Разведчик рассмеялся своим тихим, но искренним смехом и удовлетворенно покачал головой:

— Ага, вам эта вода не по вкусу, потому что вы еще не привыкли к ней! В свое время и мне она не нравилась, но теперь мне всегда хочется пить из этого источника, как оленю полизать соль. Ваши пряные вина меньше привлекают жителей городов, чем эта вода — краснокожих, в особенности когда они чувствуют себя не вполне здоровыми... Но Ункас развел огонь, и пора подумать об ужине и подкрепить наши силы: нам предстоит еще долгое путешествие.

Неожиданно прервав разговор, охотник осмотрел мясо, оставшееся от обильного ужина гуронов. Приготовили простое блюдо, и охотник со своими краснокожими друзьями принялись за еду со спокойствием и усердием людей, которым предстояло подкрепиться перед серьезным и важным делом.

Когда приятное занятие было закончено, каждый лесной житель наклонился и испил долгий прощальный глоток из этого уединенного источника. Затем Соколиный Глаз объявил, что пора снова двинуться в путь. Сестры сели в седла, Дункан и Давид подняли свои ружья и двинулись вслед за девушками. Соколиный Глаз шел впереди, могикане же составляли арьергард. Маленький отряд избрал узкую тропинку, направляющуюся к северу, предоставив целительным водам сливаться с течением ручья, а телам гуронов лежать на площадке соседнего холма.

Глава XIII

Я буду искать дорогу полегче.

Парнелл

Путь, который избрал Соколиный Глаз, пролегал через песчаные равнины, сменявшиеся по временам зелеными долинами и холмами. Этой же дорогой шли они утром, когда их вел предатель Магуа. Солнце уже село за вершины дальних гор; путешественники двигались лесом, и жара больше не угнетала их.

И задолго до того, как сгустились сумерки, отряд прошел бо́льшую часть своего утомительного пути.

Соколиный Глаз, подобно Магуа, место которого он теперь занял, вел свой отряд, руководствуясь еле приметными признаками. Торопливо, искоса поглядывал он на мох, покрывавший деревья, время от времени поднимал глаза в ту сторону неба, где горело заходящее солнце, или смотрел на течение многочисленных ручьев, которые им приходилось переходить вброд; и этого было достаточно, чтобы уничтожить в нем всякие колебания и сомнения. Между тем оттенки зелени и леса начали изменяться: яркие краски потемнели, что предвещало наступление вечера.

Солнце зажигало золотистые пятна на облаках, украшало багрянцем узкие края туч, скопившихся над западными горами. Соколиный Глаз внезапно повернулся и, указывая рукой на это великолепное зрелище, сказал:

— В эту пору человеку следует подкрепить свои силы и предаться отдыху. Человек поступал бы лучше и мудрее, если бы понимал язык природы и брал пример с птиц и полевых зверей... Впрочем, наша ночь скоро окончится, потому что, едва взойдет луна, мы снова двинемся в путь. Я помню, что именно здесь я сражался с макуасами во время своего первого боя, который заставил меня пролить человеческую кровь. Тогда, спасая свои скальпы, мы сложили из бревен и камней что-то вроде укреплений. Если я правильно вел вас, мы скоро увидим блокгауз: он должен быть где-то здесь, по левую руку.

Не дожидаясь ответа со стороны спутников, суровый охотник смело вошел в густую рощу каштановых деревьев, молодые побеги которых почти скрывали почву. Память не обманула его. Он прошел сквозь чащу кустов и очутился на поляне, окружавшей низкий зеленеющий холмик. На маленькой возвышенности стоял полуразвалившийся блокгауз. Крыша, сделанная из коры, уже давно обвалилась, истлела и смешалась с землей, но громадные сосновые, наскоро сложенные бревна все еще были на месте, хотя один из углов постройки, уступая времени, осел, грозя обвалиться и окончательно разрушить грубое здание.

Хейворд и его спутники опасливо приближались к старому блокгаузу, но Соколиный Глаз и индейцы вошли в низкое строение без страха и с явным любопытством. Пока разведчик осматривал стены со вниманием человека, воспоминания которого оживали с каждой минутой, Чингачгук на делаварском наречии рассказывал Ункасу короткую историю схватки, которая произошла в этом уединенном месте. Когда он говорил о подвигах своей юности, в его лице и осанке сквозила гордость победителя.

Кора и Алиса с удовольствием сошли с седел в надежде отдохнуть среди вечерней прохлады в безопасном месте, тишину

которого, как они думали, могло потревожить только появление лесных зверей.

— Не лучше ли расположиться для отдыха в более скрытом уголке, мой достойный друг? — спросил разведчика осторожный Дункан, заметив, что Соколиный Глаз уже окончил свой короткий осмотр блокгауза.— Может быть, благоразумнее отыскать менее известное, менее посещаемое место?

— Почти все, кому было известно существование этого блокгауза, умерли,— медленно и задумчиво ответил белый охотник.— Не часто пишут книги о стычке вроде той, которая произошла здесь между враждовавшими могиканами и мохоками. Тогда я был еще очень молод и выступил с делаварами, зная, что их племя обижено и угнетено. Сорок дней и сорок ночей дьяволы мохоки, жаждавшие нашей крови, окружали этот бревенчатый сруб. План этой крепости придуман был мною, я же и строил этот блокгауз, хотя сам я не индеец, а белый. Делавары тоже помогали мне работать, и мы скоро возвели отличное строение. Потом сделали вылазку на жестоких псов, и ни один из них не вернулся домой, чтобы рассказать о постигшей их судьбе. Да-да, мне, тогда еще молодому человеку, были в новинку кровавые зрелища, меня ужасала мысль, что существа, одаренные такой же душой, как моя, лежат на обнаженной земле, что их трупы брошены на съедение зверям или останутся гнить под дождями. Я собственными руками похоронил убитых. Они лежат вот под тем самым холмиком, на котором вы расположились. И надо сказать, что сидеть здесь очень удобно, хотя пригорок этот возвышается над грудой человеческих костей.

Хейворд и Алиса с Корой мгновенно вскочили с покрытой травой могилы. Хотя девушки недавно пережили много страшных сцен, они все же не были в силах подавить в себе ужас при мысли о близком соседстве с могилой убитых мохоков. Сероватый свет, унылая поляна, поросшая бурой травой, кайма зарослей и кустов, за которыми чернели высокие сосны, поднимавшиеся, казалось, до самых туч, мертвое молчание леса — все это наводило на мрачные мысли.

— Они умерли, они безвредны,— продолжал Соколиный Глаз, махнув рукой.— Никогда больше не огласят они тишины своим военным кличем, никогда не взмахнут томагавками! Чингачгук да я только уцелели из тех, кто сражался тогда на этой лужайке. Братья и родственники моего друга могиканина составляли наш отряд, а посмотрите, что осталось от его рода!

Слушатели невольно взглянули в сторону своих темнокожих друзей с чувством сострадания к их печальной судьбе. Фигуры могикан еще виднелись в тени блокгауза. Ункас с напряженным любопытством слушал рассказы своего отца о славных подвигах могикан.

— Я думал, делавары отказывались принимать участие в войнах,— сказал Дункан,— и никто из них не брал в руки оружие, доверяя защищать свои земли этим самым мохокам, которых вы побили.

— В этом не вся правда,— ответил охотник.— А по сути дела все это ложь. Много веков назад стараниями голландцев был заключен такой договор, по которому голландцы обезоружили туземцев, чтобы завладеть всей страной, где они обосновались. Могикане, которые были частью племени, но которым пришлось иметь дело с англичанами, никогда не вступали в эту глупую сделку; они защищали свое человеческое достоинство. Так стали поступать и делавары, когда у них открылись глаза на их собственное безрассудство. Вы видите перед собой великого вождя, мудрого могиканина. Когда-то его предки могли преследовать оленя на огромном расстоянии. А что же досталось его потомкам? Когда бог возьмет его к себе, он обретет около шести футов земли и будет спокойно лежать в ней, только если у него найдется друг, который выроет ему могилу поглубже, так, чтобы лемехи не потревожили его.

— Оставим это,— сказал Дункан, чувствуя, что этот разговор может привести к спору, который нарушит добрые отношения между путешественниками.— Мы прошли много миль, но среди нас нет такого сильного человека, как вы, который почти совсем не знает усталости и слабости.

— Человеческие кости и мускулы помогли мне перенести все это,— ответил охотник, разглядывая свои мускулистые руки с простотой, которая выдавала в нем искреннее удовольствие от похвалы, высказанной ему Дунканом.— Есть люди посильнее меня, но вам нужно будет еще хорошенько поискать среди них такого, кто сможет пройти пятьдесят миль, ни разу не остановившись на передышку. И вот потому, что кровь и кости у каждого человека разные, надо полагать, что эти нежные создания хотят отдохнуть после всего, что они пережили за целый день... Ункас, очисть от листьев родник, пока я с твоим отцом сделаю убежище для них под сенью каштана и ложе из травы и листьев.

Между тем совсем стемнело. Соколиный Глаз и его товарищи занялись устройством ночлега для Коры и Алисы. Тот ключ, который за много лет перед тем заставил туземцев избрать эту полянку местом временной крепости, был наскоро очищен от листьев, и хрустально-прозрачный источник заструился быстрее, оросив своими свежими водами зеленеющий холм. Вслед за тем один из углов старого блокгауза покрыли такой крышей, которая могла защитить лежащих под нею от крупной росы, свойственной этой местности; собрали также груду тонких ветвей и сухих листьев, превратив их в постель для Коры и Алисы.

Пока усердные жители лесов хлопотали над устройством

ночлега, молодые девушки подкрепили свои силы ужином, скорее, впрочем, ради необходимости, нежели вследствие пробудившегося голода. Потом они легли на приготовленную для них ароматную постель и тотчас же погрузились в сон.

Дункан решил провести ночь, охраняя их покой, и занял место часового, поместившись подле одной из наружных стен блокгауза, но Соколиный Глаз, указав ему на Чингачгука, сам спокойно улегся на траву и произнес:

— Глаза белого человека слишком слепы для ночного караула. Нашим часовым будет могиканин, мы же можем спокойно спать.

— Прошлый раз я показал себя соней,— сказал Дункан.— Я меньше нуждаюсь в отдыхе, чем вы. Пусть заснут все, кроме меня: я буду стоять на часах.

— Если бы мы были среди белых палаток шестидесятого полка и стояли против такого неприятеля, как Монкальм, я не пожелал бы лучшей охраны,— ответил разведчик,— но в темную ночь в этой дикой глуши вы только даром будете напрягать свое внимание и бдительность. Итак, возьмите-ка лучше пример с Ункаса и с меня самого — засните, и, поверьте, вы будете спать в полной безопасности.

Действительно, Хейворд увидел, что молодой индеец лег на склон холма и, казалось, собирался как можно лучше воспользоваться возможностью отдохнуть. Давид, язык которого буквально прилип к гортани от лихорадки, вызванной раной и усилившейся вследствие трудного перехода, последовал примеру Ункаса. Не желая продолжать ненужный спор, молодой человек полулежа прислонился спиной к бревнам блокгауза, но в душе твердо решил не смыкать глаз, пока не передаст Кору и Алису в руки Мунро. Разведчику показалось, что он убедил молодого офицера, и с этим сознанием он скоро заснул.

Довольно долгое время Дункану удавалось бороться со сном. Он прислушивался к малейшему звуку, доносившемуся из леса. Вечерние сумерки сгустились над его головой, но он все еще различал фигуры лежавших на земле людей и Чингачгука, который сидел, выпрямив стан, так же неподвижно, как деревья, темными стенами поднимавшиеся со всех сторон. Он слышал нежное дыхание сестер, которые лежали в нескольких шагах от него, и ни один шелест листа на ветру не ускользал от его слуха.

Но вот печальные крики выпи стали для Дункана сливаться со стоном совы; в полудремоте он принимал куст за своего товарища — стража, наконец голова его опустилась на плечо, а плечо, в свою очередь, склонилось к земле; все тело его ослабело, и Дункан погрузился в глубокий сон.

Его разбудил легкий удар по плечу. Слабо было прикосно-

вение, но Дункан вскочил, вспомнив о той обязанности, которую он возложил на себя в начале ночи.

— Кто идет? — спросил майор, нащупывая саблю.

— Друг,— ответил тихий голос Чингачгука, и, указав на луну, которая струила свой мягкий свет сквозь листву деревьев, он прибавил на своем ломаном английском языке: — Луна взошла. Форт белого человека еще далеко-далеко. Пора идти, теперь сон смыкает оба глаза французу.

— Да-да, ты прав. Позови своих друзей, взнуздай лошадей, а я разбужу моих спутниц.

— Мы уже проснулись, Дункан,— прозвучал из блокгауза серебристый голосок Алисы,— и после такого сладкого сна готовы ехать, но вы не спали в течение всей этой долгой ночи, да еще после такого дня, который длился, кажется, целую жизнь. И все ради нас!

— Скажите лучше, что я собирался не спать, но глаза мне изменили...

— Нет, Дункан, не отнекивайтесь,— с улыбкой прервала его Алиса, выходя из тени блокгауза на площадку, залитую лунным светом.— Нельзя ли нам еще немного побыть здесь, чтобы и вы отдохнули? Ведь вы так нуждаетесь в этом! Мы с Корой охотно будем караулить, а вы и все остальные храбрецы ложитесь и отдыхайте.

— Если бы стыд мог излечить меня от сонливости, я никогда больше не сомкнул бы глаз,— ответил молодой человек, чувствуя себя очень неловко и боясь насмешки.— После того как я необдуманными действиями вовлек вас в опасность, у меня не хватает сил сторожить ваш сон, как это следовало бы делать солдату...

Его слова были прерваны глухим восклицанием Чингачгука. В то же время фигура Ункаса приняла позу, выражавшую напряженное внимание.

— Сюда идет враг, и могикане слышат это,— прошептал Соколиный Глаз, проснувшись, как и все остальные.— Они чуют опасность в воздухе.

— Сохрани бог! — произнес Хейворд.— Мы видели уже достаточно кровопролитий.

Тем не менее он схватил ружье и выстрелил вперед.

— Здесь бродит какой-нибудь лесной зверь,— шепотом сказал он, когда его слух уловил тихие и, по-видимому, отдаленные звуки, встревожившие могикан.

— Тсс! — отозвался внимательный разведчик.— Это не зверь, а человек. Хотя я слеп и глух по сравнению с индейцами, но теперь даже я различаю шаги человека. Убежавший от нас гурон, вероятно, наткнулся на один из передовых отрядов Монкальма, и французы напали на наш след. Мне и самому не

хотелось бы снова проливать в этом месте человеческую кровь,— прибавил он, тревожно оглядывая смутные очертания блокгауза,— но что суждено, то и будет. Введите лошадей в блокгауз. Ты, Ункас, и вы, друзья, спрячьтесь туда же. Как ни ветхи и ни жалки эти стены, они все же послужат прикрытием — в них уже раздавались ружейные выстрелы.

Его желание было исполнено. Могикане ввели в полуразвалившийся блокгауз нарраганзетов; все путешественники в полном молчании вошли туда же.

Звуки приближающихся шагов слышались до того ясно, что всякие сомнения исчезли. Скоро раздались и голоса. Люди перекликались на индейском наречии, и Соколиный Глаз шепотом сказал Хейворду, что они говорят на языке гуронов.

Когда дикари дошли до того места, на котором лошади свернули в чащу, окружавшую блокгауз, они, по-видимому, потеряли след.

Судя по голосам, можно было думать, что приближалось около двадцати человек; очевидно, они собрались все в одном месте, их голоса слились в громкий гул.

— Видно, эти негодяи знают, что нас немного,— прошептал стоявший рядом с Хейвордом Соколиный Глаз, глядя в щель между бревнами,— иначе они не стали бы поднимать такой шум. Прислушайтесь только! Кажется, будто у каждого из них по два языка и всего одна нога.

Несмотря на всю свою храбрость, Дункан не мог в минуту тягостного ожидания ничего ответить на хладнокровное и меткое замечание разведчика. Крепче сжав ружье, он стал еще пристальнее и тревожнее разглядывать сквозь узкое отверстие в стене поляну, залитую лунным светом. В толпе индейцев послышался громкий и повелительный голос, все остальные замолчали, и эта тишина доказывала, что они с уважением слушают приказания своего вождя. Зашелестели листья, послышался треск сухих ветвей; очевидно, дикари разделились, отправляясь отыскивать потерянный след. К счастью для скрывавшихся в блокгаузе, лунный свет не был настолько ярок, чтобы пронизать густые своды леса. Поиски краснокожих остались бесплодны; путешественники так быстро пересекли небольшое пространство, которое отделяло еле заметную тропинку от чащи, что их слабые следы исчезли в тени.

Тем не менее шелест листьев и ветвей скоро показал, что неутомимые дикари усердно осматривали кустарники и мало-помалу подходили к зарослям молодых каштанов, которые окружали маленькую площадку около блокгауза.

— Кажется, они идут сюда,— прошептал Хейворд, стараясь просунуть ствол своего ружья в щель между бревнами.— Я думаю, когда они будут ближе, мы выстрелим?

— Спрячьте ружье,— возразил Соколиный Глаз.— Стук кремня или хотя бы запах пороха привлечет негодяев сюда. Ну, а уж если господу будет угодно, чтобы мы вступили в борьбу ради сохранения наших скальпов, доверьтесь опытности людей, которые знают нравы и обычаи индейцев и не часто обращаются в бегство при звуках боевого клича.

Дункан оглянулся и увидел, что дрожащие девушки прижались в отдаленном углу блокгауза, а могикане стоят в тени, по-видимому готовясь вступить в борьбу. Молодой офицер, подавив в себе нетерпение, снова выглянул наружу и стал молча ожидать дальнейшего. В это самое мгновение густые ветви чащи раздвинулись, и на площадке показался высокий вооруженный гурон. Он повернулся к тихому блокгаузу, и лунный свет залил его темное лицо, выражавшее удивление и любопытство. С губ индейца сорвалось восклицание изумления, и он что-то тихо сказал. К нему немедленно подошел его товарищ.

Несколько мгновений гуроны стояли рядом, указывая пальцами на полуразвалившееся здание, и совещались о чем-то. Потом они двинулись вперед, однако медленными, осторожными шагами, то и дело останавливаясь и пристально глядя на блокгауз; дикари походили на изумленных оленей, любопытство которых борется с тревогой. Нога одного из гуронов ступила на могильный холмик, и он нагнулся, чтобы разглядеть его. В это мгновение Хейворд увидел, что Соколиный Глаз обнажил нож и опустил дуло своего ружья. Молодой человек последовал его примеру и приготовился к борьбе, которая казалась неизбежной.

Теперь гуроны были так близко, что малейшее движение лошади или человеческий вздох выдали бы присутствие беглецов. Однако, поняв, какой холмик был под их ногами, гуроны оживленно заговорили между собой. Их голоса зазвучали тихо и торжественно; казалось, краснокожих охватило чувство почтения, близкое к страху. Замолчав, дикари осторожно отступили, не спуская глаз с развалин блокгауза, точно ожидали, что из-за молчаливых стен покажутся привидения; наконец они медленно скрылись в молодой роще.

Соколиный Глаз опустил на землю приклад своего «оленебоя» и, глубоко вздохнув, произнес внятным шепотом:

— Ага, они уважают мертвых, и это спасло их собственную жизнь, а может быть, также и жизнь людей получше их.

Хейворд внимательно посмотрел на охотника, но ничего не ответил и снова обернулся в сторону дикарей, которые в эту минуту интересовали его больше всего. Он услышал, как два гурона вышли из кустов, и вскоре понял, что остальные краснокожие окружили своих товарищей и внимательно слушают их

рассказ. Несколько минут они разговаривали серьезно и торжественно; эта беседа не походила на их первое шумное совещание. Вскоре голоса краснокожих стали ослабевать и наконец окончательно затерялись в глубине леса.

Соколиный Глаз подождал, пока Чингачгук дал знать, что гуроны удалились на большое расстояние, и жестом предложил Хейворду вывести лошадей из строения и помочь Алисе и Коре сесть в седла.

Потом маленький отряд в молчании двинулся в путь. Девушки пугливо оглядывались на могилу гуронов и на ветхий блокгауз, и их тревога особенно возросла, когда, оставив позади залитую лунным светом лужайку, они углубились в непроницаемую тьму леса.

С тех пор как путешественники поспешно покинули блокгауз и до того, как их поглотила лесная темень, никто не проронил ни одного слова.

Глава XIV

Часовой. Кто идет?
Жанна д'Арк. Крестьяне, бедные французы.

Шекспир, «Генрих VI»

Соколиный Глаз снова занял место впереди маленького отряда, но теперь, даже после того как между ним и его врагами было достаточно большое расстояние, охотник шел с еще большей осторожностью, чем во время предыдущего перехода; он, видимо, совсем не знал этот участок леса. Не раз он останавливался, чтобы посоветоваться с могиканами, указывал им на луну или же внимательно осматривал кору деревьев. Во время таких коротких остановок Хейворд и Кора с Алисой напрягали свой слух, обострившийся благодаря сознанию опасности, и старались уловить какие-нибудь признаки, которые могли предупредить их о приближении свирепых гуронов. Но вся эта пустынная местность была словно окутана вечным сном; из леса не доносилось никаких звуков, кроме отдаленного, едва слышного журчания ручья. Птицы, звери и люди, если только они скрывались среди ветвей, казалось, спали глубоким, непробудным сном. Слабое, нежное журчание ручейка избавило проводников от немалого затруднения. Соколиный Глаз и могикане немедленно повернули по направлению к потоку.

Близ берега ручья Соколиный Глаз, сделав второй привал, снял с ног мокасины и предложил Хейворду и Гамуту сделать

то же. Потом все вошли в воду, и около часа маленький отряд двигался по руслу ручья, не оставляя после себя следов. Луна уже спряталась за громадные черные тучи, которые громоздились в западной части горизонта, когда путники покинули мелкий извилистый ручей и снова очутились на песчаной, поросшей лесом низменности. Тут охотник, по-видимому, почувствовал себя гораздо спокойнее; теперь он шел с уверенностью и быстротой человека, знающего, что́ он делает. Вскоре тропинка сделалась менее ровной, и путешественники заметили, что ее с обеих сторон теснят горы и что им вскоре придется войти в одно из горных ущелий.

Соколиный Глаз остановился и, подождав остальных, сказал вполголоса:

— Легко изучить лесные тропинки, научиться отыскивать соленые источники и ручьи в лесной глуши. Но кто из видевших это место решится сказать, что целый отряд может скрываться среди молчаливых деревьев и каменных склонов?

— Значит, мы уже невдалеке от форта Уильям-Генри? — спросил Хейворд, делая шаг к разведчику.

— Еще далеко, да вдобавок нам придется идти по очень неудобной дороге. Смотрите,— прибавил охотник, указывая на небольшой водоем, на глади которого неподвижно лежали отражения звезд,— это Кровавый пруд. Я не только частенько бывал здесь, но и дрался с врагами, дрался от восхода и до заката.

— Значит, это и есть могила храбрецов, которые пали во время сражения? Я слыхал название Кровавый пруд, но никогда не видел этого страшного водоема.

— Да, повоевали мы здесь! — продолжал Соколиный Глаз, скорее отдаваясь потоку собственных мыслей, чем отвечая на замечание Дункана.— Немало французов нашло здесь могилу. Собственными глазами я видел, как эти воды покраснели от крови, когда по окончании сражения тела убитых были свалены в пруд.

— Во всяком случае, это покойная могила для солдата,— заметил Дункан.— А вы, значит, долго служили тут, на границе?

— Я? — гордо воскликнул разведчик.— Почти все эти склоны повторяли звуки моих выстрелов, и между Хорикэном и рекой не найдется ни одной квадратной мили, на которой мой «оленебой» не уложил бы врага или лесного зверя... А что касается спокойствия подобной могилы, то существует и другое мнение. Говорят, что души убитых иногда покидают этот водоем и бродят по его берегам... Тсс! Вы ничего не видите на том берегу пруда?

— Вряд ли в этом темном лесу найдется еще такой же бесприютный, как мы.

— Такие создания, как это, мало заботятся о доме или приюте, и ночная роса не увлажнит тела, которое с рассветом погружается в воду,— возразил Соколиный Глаз и уцепился за плечо Дункана с такой судорожной силой, что офицер понял, какой суеверный страх охватил этого обычно бесстрашного человека.— Клянусь небом, это живой человек, и он подходит к нам! Возьмитесь за оружие, друзья, потому что неизвестно, враг или друг идет нам навстречу.

— Кто идет? — по-французски спросил суровый голос.

— Что это значит? — прошептал Соколиный Глаз.— Он говорит не по-английски и не по-индейски.

— Кто идет? — повторил тот же голос.

Вслед за вопросом послышалось щелканье курка, а фигура незнакомца приняла угрожающую позу.

— Франция! — по-французски крикнул Хейворд, выступив из тени деревьев на берег пруда, и остановился в нескольких ярдах от часового.

— Откуда вы и куда идете в такой час? — спросил гренадер с акцентом уроженца старой Франции.

— Возвращаюсь из разведки, иду спать.

— Вы офицер короля?

— Ну конечно, камрад. Неужели не видно сразу? Я капитан стрелкового полка. (Хейворд успел заметить, что солдат принадлежал к одному из линейных полков.) Со мной пленные дочери коменданта английской крепости... Ага! Ты слышал про это? Я их захватил в плен подле форта и везу к генералу.

— Клянусь, сударыня, мне очень жаль, что так случилось,— произнес молодой солдат и любезно приложил руку к козырьку,— но что делать: превратности войны! Вы увидите, что наш генерал — достойный человек и очень вежлив с дамами.

— Таков обычай военных,— по-французски сказала Кора, отлично владевшая собой.— До свидания. Желаю, чтобы вам поручили выполнение какой-нибудь более приятной обязанности.

Солдат вежливо и низко поклонился ей, а Хейворд прибавил: «Покойной ночи, товарищ»,— и все путники снова медленно двинулись в путь, предоставив часовому ходить взад и вперед по берегу молчаливого пруда. Не допуская мысли, чтобы враги могли поступить с такой безумной смелостью, он напевал песенку, которая возникла в его уме при виде девушек и, может быть, при воспоминании о своей любимой далекой Франции: «Vive le vin, vive l'amour!»[1]

— Какое счастье, что вы сумели столковаться с этим мошенником! — прошептал разведчик, миновав пруд.— Он может благодарить бога за то, что любезно обошелся с вами. В про-

[1] «Да здравствует вино, да здравствует любовь!» *(фр.)*

тивном случае среди костей его соотечественников нашлось бы местечко и для его скелета...

Соколиный Глаз не мог продолжать: его прервал протяжный и глухой стон, донесшийся от маленького пруда; казалось, будто души убитых действительно всё еще бродили около своей водяной могилы.

— Не правда ли, это был солдат из плоти? — продолжал разведчик.— Ни один дух не был бы в состоянии так ловко управляться с ружьем.

— Да, это был живой человек, только остался ли бедняк в живых — неизвестно, и в этом можно сомневаться,— ответил Хейворд, оглядываясь кругом и видя, что рядом нет Чингачгука.

Раздался второй стон, слабее первого, потом послышался глухой всплеск воды, и снова воцарилась мертвая тишина.

Маленький отряд стоял в нерешительности, не зная, что делать. В это время из чащи ветвей выскользнула фигура индейца. Вождь могикан подходил к своим спутникам. Одной рукой он привязывал к своему поясу скальп несчастного француза, а другой поправлял скальпировальный нож и томагавк, которые были обагрены кровью молодого солдата. Он спокойно занял свое прежнее место с видом человека, который выполнил похвальную обязанность.

Разведчик опустил приклад ружья на землю, положил руки на его дуло и остановился в глубоком раздумье. Наконец, печально покачав головой, он пробормотал:

— А все-таки жаль, что это случилось с веселым молодым человеком из старой страны, а не с каким-нибудь мингом!

— Довольно! — сказал Хейворд; он боялся, как бы ничего не подозревавшие сестры не поняли причины остановки маленького отряда.— Дело сделано, и хотя было бы лучше, если бы не произошло ничего подобного, но сделанного не переменишь. Однако мы, очевидно, находимся на линии вражеских часовых.

— Да,— произнес, очнувшись от раздумья, Соколиный Глаз,— действительно не стоит больше думать о случившемся. Да-да, как видно, кругом форта собралось много французов, и нам предстоит нелегкая задача.

— К тому же у нас не много времени,— прибавил Хейворд, подняв глаза на туманные облака, которые скрывали заходившую луну.

— Да, не много,— повторил разведчик.— Но мы можем проскользнуть в форт двумя способами.

— Скажите скорее как — ведь время не ждет.

— Первый способ следующий: девушки должны сойти с лошадей и отпустить животных на волю. Мы пошлем вперед

могикан, и тогда нам, может быть, удастся пробиться через линию неприятельских часовых и войти в форт по телам убитых французов...

— Нет-нет! — перебил его Хейворд.— Солдат еще мог бы прорваться таким образом, но с нашими спутницами об этом нельзя и думать.

— Действительно, это был бы слишком кровавый и тернистый путь для их ног,— согласился разведчик,— однако из уважения к собственному мужеству я считал себя обязанным упомянуть о нем. Значит, нам придется повернуть и миновать линию французских укреплений, потом сделать крутой поворот к западу и войти в горы. Там я скрою вас так, что проклятые наемники Монкальма в течение многих месяцев не отыщут наших следов.

— Пусть так и будет, и чем скорее, тем лучше.

Дальнейших рассуждений не потребовалось. Соколиный Глаз сказал только: «Идите за мною» — и двинулся обратно по тому пути, который привел путников к такому опасному положению.

Они были осторожны, их ноги ступали бесшумно: ведь каждую минуту они могли встретить патруль или пикет французов, залегший в засаде.

Снова миновав пруд, Хейворд и разведчик искоса посмотрели на его страшные, унылые воды. Напрасно их взгляд отыскивал тело того, кто недавно расхаживал по молчаливым берегам; только слабая рябь доказала им, что вода еще не совсем улеглась после кровавого дела.

Соколиный Глаз изменил направление и пошел к горам, составлявшим западную границу узкой низменности; теперь он быстрыми шагами вел своих спутников, стараясь держаться в тени высоких зубчатых вершин. Путь сделался труднее: приходилось идти по неровной почве, покрытой камнями, пересеченной рвами, и маленький отряд стал двигаться медленнее. С обеих сторон высились обнаженные черные горы, внушая путникам сознание безопасности. Наконец отряд начал медленно подниматься по крутой дорожке, извивавшейся между камнями и редкими деревьями.

По мере того как путники поднимались в гору, густой туман, обыкновенно предшествующий появлению дневного света, начал рассеиваться. Выйдя из-под ветвей чахлых деревьев, цеплявшихся за обнаженные склоны гор, и ступив на плоскую мшистую скалу, путники увидели, что заря занималась над вершинами зеленых сосен, покрывавших гору на противоположном берегу Хорикэна.

Разведчик предложил Коре и Алисе сойти с лошадей, разнуздал нарраганзетов, снял с усталых животных седла и пре-

доставил им отыскивать себе скудную пищу — щипать листья кустов и тощую траву.

— Идите,— сказал он коням,— постарайтесь отыскать себе пропитание там, где вам его даст природа, да смотрите не попадитесь в зубы хищных волков, которые бродят в этих горах!

— Но разве нам больше не нужны лошади? — спросил Хейворд.

— Смотрите и судите сами,— сказал разведчик, подходя к восточному краю горы и знаком предлагая всем последовать его примеру.— Если бы можно было так же отчетливо видеть сердца людей, как лагерь Монкальма с этого места, мало бы осталось лицемеров, и хитрость мингов потеряла бы силу.

Подойдя к обрыву, путники сразу оценили, насколько были справедливы слова разведчика, и поняли, почему привел он их на вершину этой горы.

Она поднималась примерно на тысячу футов и представляла собой высокий конус, один из отрогов горной цепи, которая на много миль тянулась по западному берегу озера, встречаясь с другими громадами по ту сторону Хорикэна. Вся южная часть Хорикэна лежала теперь перед путниками как на ладони.

На самом берегу озера, ближе к его западному краю, виднелись длинные земляные валы и низкие строения крепости Уильям-Генри. Волны омывали фундамент двух невысоких бастионов, а глубокий ров и большое болото охраняли остальные стороны и углы форта. Вокруг укрепления лес был вырублен, но все остальные части пейзажа природа окутала зеленым покровом, за исключением тех мест, где прозрачные воды ласкали глаз или грозные скалы поднимали свои обнаженные головы. Под крепостной линией стояли часовые; за стенами путники увидели солдат, еще дремавших после бессонной ночи. На юго-востоке, в непосредственном соседстве с фортом, простирался защищенный траншеями лагерь; он был расположен на скалистой возвышенности, которая представляла гораздо более удобное место для крепости. Соколиный Глаз указал своим спутникам тот отряд, который покинул форт Гудзон одновременно с майором. Немного южнее из леса поднимались темные клубы дыма; по-видимому, там засели значительные силы врага.

Однако молодого офицера больше всего занимало то, что он видел на западном берегу озера. На полосе земли, которая ему казалась слишком узкой для большого отряда, но, в сущности, занимала несколько сотен ярдов, простираясь от Хорикэна в сторону подножия гор, белели палатки большого лагеря. Батареи выдвинулись вперед, и как раз в то время, когда путники

смотрели на эту картину, расстилавшуюся, как карта, под их ногами, грохот артиллерии долетел из долины и пронесся вдоль восточных гор, пробуждая в скалах громовые отклики.

— Утренние лучи только что коснулись их там, внизу,— спокойно и как бы в раздумье сказал разведчик,— и часовые вздумали разбудить спящих звуком пушки. Мы опоздали на несколько часов! Монкальм уже наполнил леса своими проклятыми ирокезами.

— Действительно, крепость обложена,— ответил Дункан.— Но разве нельзя придумать способ пробраться в форт? Лучше попасть в плен в стенах форта, чем снова очутиться в руках индейцев.

— Посмотрите! — воскликнул разведчик, невольно заставив Кору обратить внимание на ту часть форта, в которой стоял дом ее отца.— Смотрите, как от выстрела полетели камни комендантского дома! Французы разрушат его быстрее, чем он был построен, хотя здание прочно и стены его толсты.

— Хейворд, мне невыносимо тяжело, что мой отец находится в опасности и я не могу разделить ее! — с волнением сказала бесстрашная Кора.— Пойдемте к Монкальму, попросим его дать мне пропуск. Он не осмелится отказать в этой милости дочери.

— Вряд ли вы подойдете к шатру француза, сохранив волосы на голове,— откровенно сказал разведчик.— Вот если бы у меня была хоть одна из тысячи лодок, которые без пользы стоят там, вдоль берега, мы еще могли бы пробраться в неприятельский лагерь. Но смотрите, скоро стрельба прекратится: надвигается туман, который превратит день в ночь и сделает индейскую стрелу опаснее превосходнейшей пушки. Если вы достаточно сильны, чтобы идти вслед за мной, я двинусь вперед: ведь я жажду войти в форт Уильям-Генри хотя бы ради того, чтобы рассеять этих собак мингов, которые, как я вижу, прячутся на опушке березового перелеска.

— Да, мы чувствуем себя достаточно сильными,— твердо сказала Кора,— и готовы идти на любую опасность.

Разведчик повернулся к ней с улыбкой сердечного одобрения и ответил:

— Откровенно говоря, я хотел бы, чтобы у меня была тысяча мужественных молодцов, которые так же мало боялись бы смерти, как вы. Тогда меньше чем через неделю я оттеснил бы французов в их берлогу... Но,— прибавил Соколиный Глаз, поворачиваясь к остальным спутникам,— туман движется так быстро, что мы едва-едва успеем захватить его в равнине и скрыться в его клубах. Помните же, если со мной случится что-нибудь, держитесь так, чтобы ветер обвевал вашу левую щеку, а еще лучше — идите вслед за могиканами: ни днем ни ночью они не собьются с дороги.

Махнув рукой своим товарищам, разведчик осторожными шагами стал спускаться с крутого склона. Хейворд поддерживал сестер, и вскоре все очутились недалеко от подножия горы, на которую они недавно взбирались с таким трудом.

Следуя направлению, выбранному Соколиным Глазом, путники сошли на равнину против западных ворот форта Уильям-Генри. Крепость была теперь в полумиле; густой туман скрывал путников от глаз неприятеля. Однако тут им пришлось остановиться и выждать, чтобы дымка тумана одела своим влажным покровом вражеский лагерь. Пользуясь остановкой, могикане выскользнули из лесной чащи и стали осматривать окружающую местность. Разведчик шел на небольшом расстоянии от них. Через несколько мгновений Соколиный Глаз вернулся с раскрасневшимся от досады лицом.

— Хитрый француз поставил пикет как раз на нашем пути,— сказал он.— Тут и краснокожие и белые, и в этом тумане мы с таким же успехом можем попасть в руки врагов, как и миновать их.

— Нельзя ли, сделав крюк, обойти пикет, а когда опасность минует, вернуться на тропинку? — спросил Хейворд.

— Но разве можно, покинув в тумане раз выбранное направление, с уверенностью сказать, когда и в какую минуту снова отыщешь свою дорогу? Туманы Хорикэна — не то что дым «трубки мира» или дым, который вьется над кострами, разложенными для защиты от москитов...

Не успел он договорить, как послышался грохот пушки; снаряд пронесся через чащу, ударил в дерево и, отскочив от его ствола, упал на землю.

Вслед за страшным предвестником мгновенно показались индейцы. Уикас оживленно заговорил на делаварском наречии.

— Может быть, и так, мальчик,— пробормотал разведчик, когда молодой могиканин замолчал.— Идемте же, туман надвигается!

— Нет, стойте! — крикнул Хейворд.— Сначала объясните: на что вы надеетесь?

— Объяснить наши планы нетрудно, и знайте, что у нас мало надежды на успех. Однако все же лучше иметь какую-нибудь надежду. Ядро, которое вы видите,— прибавил Соколиный Глаз, отталкивая ногой безвредный снаряд,— по дороге из укрепления взрыло землю, и нам придется отыскать проделанную им борозду, если все другие признаки пути исчезнут... Теперь довольно слов, идите за мной, не то туман может рассеяться, и в таком случае мы, стоя между друзьями и врагами, попадем под их перекрестный огонь.

Хейворд понял, что наступила действительно критическая минута, когда нужно действовать, а не говорить. Он стал между

сестрами и быстро повлек их вперед, не спуская глаз со смутно рисовавшейся в тумане фигуры разведчика.

Вскоре выяснилось, что Соколиный Глаз нисколько не преувеличивал густоты тумана: меньше чем через двадцать ярдов их окружили такие густые клубы, что они с трудом видели друг друга.

Путники сделали небольшой крюк в левую сторону, потом повернули направо. Хейворд полагал уже, что они прошли половину расстояния, которое отделяло их от дружественного укрепления, но вдруг, по-видимому футах[1] в двадцати от них, раздался резкий оклик по-французски:

— Кто идет?

— Вперед! — шепнул разведчик, поворачивая влево.

В эту минуту с десяток голосов повторило этот же вопрос, и в каждом слышалась угроза.

— Это я! — крикнул по-французски Дункан и скорее повлек, чем повел за собой своих спутниц.

— Глупец! Кто «я»?

— Друг Франции.

— А мне кажется, ты больше похож на врага Франции. Стой, не то, клянусь, я превращу тебя в друга дьявола!.. Стреляйте, товарищи! Пли!

Приказание было немедленно исполнено: выстрелы пятидесяти ружей разорвали туман. К счастью, цель была неясна, и пули пролетели мимо; однако они пролетели так близко от беглецов, что неопытному слуху Давида и девушек показалось, будто они прожужжали в нескольких дюймах от их ушей.

Снова послышались окрики, и Хейворд ясно расслышал слова приказа не только продолжать стрелять, но и организовать погоню. Когда он объяснил, что означали крики врагов, Соколиный Глаз остановился и, быстро приняв решение, твердо произнес:

— Выстрелим в них все сразу. Они подумают, что наши сделали вылазку, и отступят или же остановятся, выжидая подкрепления.

Этот прекрасно задуманный план не удался. Едва французы услышали выстрелы, вся равнина ожила, ружья защелкали на всем ее протяжении — от берегов озера и до самой отдаленной опушки леса.

— Мы привлечем на себя весь отряд! — воскликнул Дункан.— Друг мой, ведите нас вперед, к форту, если вам дорога собственная жизнь и наша!

Разведчик был бы рад исполнить его желание, но он и сам не знал теперь, в какой стороне находится форт; напрасно пово-

---

[1] Фут — мера длины, равная 30,479 сантиметра.

рачивал он к ветерку то одну свою щеку, то другую: они обе ощущали одинаковую прохладу. В эту затруднительную минуту Уикас натолкнулся на борозду, прорытую пушечным ядром.

— Пустите меня вперед,— сказал Соколиный Глаз, приглядеался к направлению борозды и быстро двинулся по ней.

Крики, проклятия, ружейные выстрелы сливались воедино и звучали со всех сторон. Но вдруг сильная вспышка света прорезала густой туман, пушечные выстрелы загремели над долиной, и их грохот отдался в горах и пещерах.

— Это из форта! — крикнул, обернувшись, Соколиный Глаз.— А мы, как дураки, бежали к лесу, прямо под нож макуасов!

Выяснив свою ошибку, маленький отряд тотчас же постарался наверстать потерянное время; путники напрягали все свои силы. Дункан охотно поручил Уикасу поддерживать Кору, которая с радостью приняла помощь молодого могиканина. Было ясно, что за беглецами гнались разгоряченные преследованием солдаты, и каждое мгновение им грозили плен и гибель.

— Не давать пощады! — по-французски крикнул один из преследователей, казалось направлявший действия остальных.

— Держитесь! Готовьтесь, мои храбрецы шестидесятого полка! — внезапно раздался голос сверху.— Сначала разглядите врага. Стрелять вниз, когда я отдам команду!

— Отец, отец! — донесся из тумана пронзительный крик.— Это я, Алиса, твоя Эльси! Пощади, спаси нас!

— Стой! — прозвучал прежний голос с такой тревогой и силой, что его звуки достигли леса и отдались эхом.— Это она! Господь вернул мне моих детей! Откройте ворота! Вперед, мои молодцы! Не спускайте курков, чтобы не убить моих овечек! Отбейте французов штыками...

Дункан услышал скрип ржавых петель; он бросился на этот звук и увидел, что из ворот крепости выходят воины в темно-красных мундирах. Он узнал солдат своего собственного батальона и, став во главе их, вскоре заставил врагов отступить.

На мгновение дрожащие Кора и Алиса остановились: они были поражены неожиданным бегством Дункана и не могли понять, почему он покинул их. Но раньше чем девушки успели заговорить или хотя бы собраться с мыслями, из клубов густого тумана внезапно появился высокий статный офицер, чьи волосы поседели от долгих лет военной службы. Он прижал Кору и Алису к своей груди, и жгучие слезы потекли по его бледным морщинистым щекам.

— Благодарю тебя, господи! Пусть теперь надвинется какая угодно опасность — твой слуга готов встретить ее! — громко воскликнул он с шотландским акцентом.

Глава XV

Тогда пойдем, чтобы выслушать посла,
Хоть я заранее сказать могу,
Куда клониться будет речь француза.

Шекспир, «Генрих V»

Французы наступали с такими силами, которым Мунро не мог успешно сопротивляться. Казалось, отряд Вебба спокойно дремал на берегах Гудзона и комендант форта Эдвард совершенно позабыл о тяжелом положении своих соотечественников. Индейцы, союзники французов, по приказанию Монкальма наполнили все леса и перелески; их военные крики раздавались в британском лагере, заставляя леденеть кровь в сердцах людей.

Воодушевленный примером своих начальников, гарнизон форта, несмотря на все лишения, опасности блокады, собрал все свое мужество и держался с упорством, делавшим честь суровому характеру их командира.

Казалось, Монкальм удовлетворился тем, что трудный, утомительный переход по пустынным лесам был завершен. Несмотря на свой большой военный опыт, он не попытался захватить близлежащие горы, с которых он совершенно безнаказанно мог бы разгромить осажденных.

Странное презрение к возвышенностям — вернее, боязнь трудных подъемов — можно было бы назвать главнейшей слабостью ведения военных действий того периода. Эта ошибка была порождена привычкой к несложной борьбе с индейцами, во время которой редко возводились крепости и почти бездействовала артиллерия.

На пятый день осады и на четвертый своего пребывания в крепости майор Хейворд воспользовался переговорами, завязавшимися с неприятелем, и поднялся на стену одного из бастионов, чтобы подышать свежим воздухом, который веял от озера; кроме того, он хотел посмотреть, намного ли продвинулся противник. Хейворд был один, если не считать часового, который расхаживал взад и вперед по валу. Стоял восхитительный, спокойный вечер; от прозрачных вод озера несся свежий, мягкий ветерок. Можно было подумать, что вместе с окончанием грохота орудий и свиста ядер сама природа пожелала показаться в своем самом кротком и привлекательном виде. Солнце обливало землю светом заходящих лучей, но уже без тягостного зноя, который составляет особенность местного климата в летние месяцы. Одетые свежей зеленью горы радовали взгляд, полупрозрачные облака бросали на них легкие тени. Многочисленные островки покоились на лоне Хорикэна; одни, низкие, как бы тонули в воде

или были вкраплены в озеро, другие точно висели над зеркалом вод, похожие на зеленые бархатные холмики. Между этими островками виднелись лодочки рыболовов. Это солдаты из осаждающей армии решили заняться рыбной ловлей. Их лодочки то мирно скользили под веслами по зеркальной глади озера, то стояли неподвижно.

Развевались два маленьких белоснежных флага: один — на выступающем вперед углу форта, другой — на батарее осаждающих; оба служили эмблемой перемирия, благодаря которому наступил перерыв не только в военных действиях, но, казалось, и во враждебности сражающихся по отношению друг к другу. Дальше, то развертываясь, то снова повисая и образуя складки, волновались шелковые знамена Англии и Франции.

Около сотни веселых, беззаботных французов занимались рыбной ловлей; молодежь весело тащила сеть по каменистой отмели в опасном соседстве с мрачной, теперь молчавшей пушкой форта; восточные склоны гор повторяли громкие крики и звонкий смех, сопровождавшие эти занятия. Одни с наслаждением плескались в воде; другие с любопытством, свойственным французам, отправились осматривать соседние возвышенности. Часовые осаждающих наблюдали за осажденными; осажденные же, не принимая участия в этих забавах, следили за ними с видом праздных, но сочувствующих зрителей. Там и сям раздавались песни; некоторые солдаты танцевали, и это привлекло мрачных индейцев, которые выходили из своих лесов, чтобы посмотреть на развлечения белых. Словом, казалось, будто эти люди наслаждались отдыхом праздничного дня, а не короткими минутами перемирия между кровопролитными и жестокими боями.

Дункан несколько минут не отрывал глаз от этих сцен; вдруг он случайно посмотрел в сторону западных ворот. Офицера привлек звук приближающихся шагов. Он вышел на угол бастиона и увидел, что к отряду, охранявшему форт, подвигался разведчик в сопровождении французского офицера. Утомленное лицо Соколиного Глаза выражало озабоченность и растерянность; казалось, он переживал величайшее унижение, очутившись в руках врагов. С ним не было его любимого ружья, и ремни из оленьей кожи стягивали за спиной его руки. В последнее время белые флаги, служившие залогом безопасности парламентеров, появлялись так часто, что Хейворд сперва небрежно взглянул на подходивших, ему казалось, что он увидит вражеского офицера, явившегося с каким-нибудь предложением. Но майор узнал высокую фигуру и гордое, хотя и опечаленное, лицо своего друга, жителя лесов, вздрогнул от изумления и повернулся, чтобы спуститься с бастиона и узнать, в чем дело.

Однако звуки знакомых голосов привлекли внимание Дун-

кана и заставили его на мгновение забыть о своем первоначальном намерении. Огибая один из внутренних выступов вала, он встретил Кору и Алису, которые прогуливались, желая подышать свежим воздухом и отдохнуть от утомительного заключения. Молодой офицер не видел их с той тягостной минуты, в которую ему пришлось оставить девушек перед фортом — впрочем, с единственной целью спасти их. Хейворд в последний раз видел Кору и Алису, когда они были измучены заботами и усталостью; теперь девушки сияли красотой и свежестью, хотя следы тревоги и страха все еще лежали на их лицах. Не мудрено, что при этой встрече молодой человек позабыл на время обо всем остальном и только жаждал поговорить с ними. Но не успел Хейворд произнести и слова, как раздался голосок юной Алисы.

— А-а, изменник! О, неверный рыцарь, который покинул своих дам в беде! — лукаво сказала она.— Долгие дни... нет, многие века ждали мы, что вы броситесь к нашим ногам, прося милосердно позабыть о вашем коварном отступлении — вернее, о вашем бегстве... Ведь, говоря по правде, вы бежали с такой быстротой, с которой не мог бы поспорить раненый олень, по выражению вашего друга-разведчика.

— Вы понимаете, что этими словами Алиса хочет выразить, как мы благодарны вам, как мы вас благословляем,— прибавила серьезная и более сдержанная Кора.— Правда, мы немного удивлены, почему вы так упорно избегаете теперь дома, в котором вас ждет не только благодарность дочерей, но и признательность их отца.

— Ваш отец может подтвердить, что, хотя я и не был с вами, я не совсем забыл о вашей безопасности,— ответил молодой человек.— Все эти дни шла ожесточенная борьба за обладание вон той деревней,— прибавил он, указывая на соседний с фортом и обнесенный окопами лагерь.— Тот, кто завладеет ею, может с уверенностью сказать, что он приобретает и форт и все, что в нем заключается. С минуты нашей разлуки я проводил там все дни и ночи, так как полагал, что в этом заключается мой дом. Но,— продолжал Дункан с печалью, которую тщетно старался скрыть,— если бы я знал, что мой поступок, который я считал долгом солдата, будет истолкован как бегство, конечно, мне совестно было бы показываться вам на глаза!

— Хейворд! Дункан! — воскликнула Алиса и наклонилась, чтобы вглядеться в потупленное лицо майора; один из золотистых локонов упал на раскрасневшуюся щеку девушки и отчасти скрыл выступившие на ее глазах слезы.— Если бы я думала, что моя праздная болтовня так огорчит вас, я предпочла бы онеметь! Кора может сказать, как искренне и высоко мы оценили ваши

услуги, как глубоко... чуть не сказала: как горячо... мы благодарны вам!

— А Кора подтвердит справедливость ваших слов? — спросил Дункан, и улыбка удовольствия согнала мрачное облачко с его лица.— Что скажет Кора? Простит ли она того, кто пренебрег рыцарским долгом во имя долга солдата?

Кора ответила не сразу: она отвернулась и глядела на прозрачные воды озера Хорикэн. Когда же старшая Мунро снова устремила свои темные глаза на молодого человека, в них все еще таилось выражение такой муки, которая сразу заставила Дункана позабыть все на свете, кроме нежного участия к девушке.

— Вы нездоровы, дорогая мисс Мунро? — воскликнул Дункан.— Мы болтаем и шутим, а вы страдаете.

— Ничего,— ответила она сдержанно.— Я не могу быть такой жизнерадостной, как наша Алиса, и это составляет, может быть, несчастье моей жизни. Посмотрите...— продолжала Кора, как бы желая победить свою минутную слабость сознанием долга,— посмотрите кругом, майор Хейворд, и скажите, что должна думать дочь солдата, самое великое счастье которого заключается в сохранении своего честного имени и репутации?

— Ни то, ни другое не может померкнуть из-за обстоятельств, которыми он не в силах управлять! — горячо ответил Дункан.— Но ваши слова напомнили мне о моих обязанностях. Я должен идти к вашему храброму отцу, чтобы узнать, какие решения принял он относительно обороны. Да пошлет бог вам всякого счастья, благородная... Кора! Я могу и должен называть вас так.

Она искренне протянула ему руку, хотя ее губы дрогнули, а щеки побледнели.

— До свидания, Алиса,— прибавил Дункан, и восхищение, сквозившее в его голосе при обращении к Коре, сменилось нежностью.— До свидания, Алиса, мы скоро увидимся, и надеюсь — после победы.

Не дожидаясь ответа, Хейворд спустился с поросших травой ступеней бастиона, быстро пересек плац и через несколько минут очутился перед Мунро.

Полковник огромными шагами ходил взад и вперед по своему тесному помещению; волнение отражалось в его чертах.

— Вы предупредили мое желание, майор Хейворд,— сказал он.— Я только что собирался просить вас прийти ко мне.

— К сожалению, я видел, сэр, что посланец, которого я так горячо рекомендовал вам, вернулся под караулом француза. Надеюсь, нет причин усомниться в его верности?

— Я давно знаю верность Длинного Карабина,— ответил

Мунро,— он вне подозрений, но, кажется, на этот раз счастье изменило ему. Монкальм захватил нашего разведчика и в силу проклятой вежливости своей нации прислал его ко мне со словами, будто он, зная, как я ценю этого человека, не может задержать его у себя.

— Но помощь от генерала Вебба?

— Да разве по дороге ко мне вы ничего не видели? — с горькой усмешкой сказал старик.— Тише, тише вы, нетерпеливый юноша! Нужно ведь дать этим джентльменам время на переход из форта Эдвард к нашей крепости.

— Значит, они идут? Разведчик это сказал?

— Да. Но когда придут? По какой дороге? Этого я не знаю, потому что глупец не сказал мне об этом. Но, кажется, было написано письмо, и в этом заключается единственная отрадная сторона вопроса. Если бы известие было плохое, этот французский месье любезно переслал бы его нам.

— Значит, он оставил у себя письмо, хотя и отпустил гонца?

— Да. Вот оно, хваленое «добродушие» французов!

— А что говорит разведчик? У него есть глаза, уши и язык. Что донес он на словах?

— О, сэр, он обладает всеми органами чувств и может сказать все, что видел и слышал. В общем, из его рассказа явствует следующее: на берегах Гудзона стоит крепость его величества, под названием форт Эдвард, наименованная так, как вам известно, в честь его величества принца Йоркского. Форт этот снабжен надлежащим количеством воинов.

— Но разве там не собираются выступать нам на помощь?

— В крепости производятся утренние и вечерние учения. Когда один из новобранцев просыпал порох над похлебкой, порошинки, попавшие на уголья, просто сгорели...— И вдруг, переменив свой горький иронический тон и заговорив более вдумчиво и серьезно, Мунро прибавил: — А между тем в этом письме могло... нет, должно было быть что-нибудь нужное для нас!

— Нам следует принять быстрое решение,— сказал Дункан, пользуясь переменой настроения своего начальника, чтобы перейти к самой важной цели беседы.— Не могу скрыть от вас, сэр, что лагерь не может долго продержаться, и с грустью прибавлю, что и в самом форте, по-видимому, обстоятельства не многим лучше: более половины орудий взорвано.

— А разве могло быть иначе? Часть пушек мы выловили со дна озера, другие ржавели в лесах со времени открытия этой страны, а третьи никогда и не были орудиями — безделушки, и только. Неужели вы думаете, сэр, что в этой пустыне, на

расстоянии трех тысяч миль от Великобритании, возможно иметь хорошие орудия?

— Стены обваливаются, провизия начинает истощаться,— продолжал Хейворд.— Даже среди солдат замечаются признаки неудовольствия и тревоги.

— Майор Хейворд,— сказал полковник и повернулся с достоинством к своему молодому товарищу,— напрасно прослужил бы я полстолетия, поседев на службе, если бы не знал всего, что вы сказали, и не понимал наших стесненных обстоятельств. Тем не менее мы должны помнить, что честь нашей армии и наша собственная еще не пострадали. До тех пор пока не истощится надежда на подкрепление со стороны генерала Вебба, я буду защищать эту крепость, хотя бы с помощью булыжников, собранных на побережье озера! Сейчас нам важнее всего увидеть письмо начальника форта Эдвард.

— Не могу ли я быть вам полезным?

— Да, сэр, можете. Вдобавок ко всем своим остальным любезностям маркиз де Монкальм просит у меня свидания на поляне между этой крепостью и его собственным лагерем, желая, как он говорит, сообщить нам кое-какие добавочные сведения. Я считаю, неблагоразумно показывать ему чрезмерное стремление повидаться с ним, а потому хотел бы послать к нему вас, одного из высших офицеров, в виде моего заместителя.

Дункан охотно согласился заменить начальника на время предполагавшегося свидания.

Молодой человек получил необходимые наставления и ушел.

Дункан мог действовать только в качестве представителя коменданта форта, а потому торжественность, которая, без сомнения, сопровождала бы свидание двух начальников враждующих сторон, была отменена. Через десять минут после разговора с Мунро Дункан вышел из крепостных ворот под звуки барабанного боя, под защитой маленького белого флага.

Навстречу Дункану выступил французский офицер и с обычными формальностями проводил его до отдаленной палатки Монкальма.

Французский генерал принял молодого посланца из вражеского лагеря, стоя посреди своих офицеров и темнокожей толпы туземных вождей, которые принимали участие в войне, каждый во главе воинов своего племени. Быстро окинув взглядом темную группу краснокожих и неожиданно увидев среди них злобное лицо Магуа, который смотрел на него спокойным, но пристальным взглядом, Хейворд остановился; невольно тихое восклицание сорвалось у него с уст, однако майор быстро подавил все признаки своего волнения и обернулся к вражескому командиру. Монкальм уже сделал шаг к нему навстречу.

В тот период, о котором мы пишем, Монкальм был в расцвете

лет и достиг зенита своей славы. Но даже в этом положении он был приветлив и столько же славился вежливостью, сколько и рыцарским мужеством. Дункан отвел глаза от фигуры злобного Магуа и повернулся к генералу.

— Майор,— начал по-французски Монкальм,— я очень рад... Ба! Где же переводчик?

— Мне кажется, его помощь не нужна,— скромно по-французски же ответил Хейворд,— я немного говорю на вашем языке.

— Ах, я очень рад! — сказал Монкальм и, дружески взяв Дункана под руку, отвел его в глубину своего шатра, подальше от слушателей.— Я ненавижу этих мошенников: никогда не знаешь, как держаться с ними. Итак,— продолжал он,— хотя я очень гордился бы, если бы мне удалось принять вашего начальника, я счастлив, что он нашел уместным прислать сюда такого отличного и, без сомнения, такого любезного офицера, как вы.

Дункан низко поклонился: комплимент доставил ему удовольствие, несмотря на героическое решение не поддаваться хитрым уловкам Монкальма. Монкальм помолчал мгновение, как бы собираясь с мыслями, потом снова заговорил:

— Ваш начальник — храбрый человек, вполне способный отбивать мои нападения. Но скажите, майор, не пора ли вам прислушаться к голосу гуманности, отложив доказательства вашей храбрости, которая и без того бесспорна? Ведь гуманность и храбрость в равной мере характеризуют героя.

— По нашему мнению, оба эти качества связаны неразрывно,— с улыбкой ответил Дункан.— Видя в отваге вашего превосходительства причины, возбуждающие храбрость, мы до сих пор еще не имели случая отвечать вам гуманностью на гуманность.

В свою очередь, Монкальм слегка поклонился, сделав это с видом человека, привыкшего к лести и не обращающего на нее большого внимания. Подумав мгновение, он прибавил:

— Может быть, мои подзорные трубы обманули меня и ваши укрепления лучше выносят канонаду моих орудий, чем я предполагал? Вы знаете наши силы?

— Сведения, которые мы получаем, различны,— небрежно заметил Дункан,— но высшая цифра, доставленная нам, не превосходила двадцати тысяч человек.

Француз закусил губу и впился взглядом в лицо своего собеседника, точно желая прочитать его мысли. Но скоро с характерным для него присутствием духа он продолжал говорить, как бы подтверждая достоверность цифры, вдвое превышающей численность его войска:

— Нелестно для нашей бдительности, майор, что, несмотря

на все усилия, мы никак не сможем скрыть силы нашей армии, а казалось бы, что это легче всего сделать в здешних громадных лесах. Мне сказали, что дочери коменданта проникли в форт уже после начала осады.

— Это правда, маркиз, но они совсем не лишают нас мужества; напротив — сами дают пример смелости и твердости. Если бы только одна решимость была необходима для отражения натисков такого превосходного генерала, как маркиз де Монкальм, я охотно доверил бы защиту форта Уильям-Генри старшей из мисс Мунро.

— Благородные качества переходят по наследству, а потому я охотно верю вам, хотя, как уже сказал раньше, мужество имеет свои границы и не следует забывать о гуманности. Надеюсь, майор, вы явились ко мне с предложением сдать крепость?

— Разве ваше превосходительство нашли нашу оборону до такой степени слабой, чтобы считать эту меру необходимой?

— Мне было бы грустно видеть, что оборона затягивается. Ее продолжительность раздражает моих краснокожих друзей,— продолжал Монкальм и, не отвечая на вопрос Дункана, окинул взглядом группу насторожившихся индейцев.— Даже теперь я с трудом сдерживаю их.

Хейворд промолчал, потому что в его уме воскресли печальные воспоминания о тех опасностях, которых он так недавно избежал, и возникли образы беззащитных существ, разделявших эти страдания.

— Подобные господа,— продолжал Монкальм, пользуясь, как он ясно понимал, выгодами своего положения,— особенно страшны в минуту раздражения, и незачем говорить вам, как трудно сдерживать их злобу. Так что же, майор? Не поговорить ли об условиях?

— Боюсь, что вы, ваше превосходительство, были обмануты относительно состояния крепости Уильям-Генри и численности ее гарнизона.

— Я стою не перед Квебеком — передо мной только земляные укрепления, защищенные двумя тысячами тремястами храбрых воинов,— послышался лаконичный ответ.

— Конечно, нас окружают земляные валы, форт не расположен на скалах мыса Даймонд, но он возвышается на берегу, который оказался таким гибельным для барона Дискау и его отряда. А на расстоянии короткого перехода от наших укреплений стоит сильное войско, которое мы считаем частью наших оборонительных средств.

— Шесть или восемь тысяч человек! — возразил Монкальм, по-видимому, с полным равнодушием.— Предводитель этих сил считает, что его солдаты находятся в большей безопасности за стенами форта Эдвард, нежели в открытом поле.

Теперь Хейворд, в свою очередь, закусил губу, с досадой услышав, как хладнокровно упомянул генерал об отряде, численность которого, как молодой человек знал, была намеренно преувеличена. Оба помолчали в раздумье. Наконец Монкальм возобновил разговор, и опять в таких выражениях, которые доказывали, что он полагает, будто Хейворд явился к нему с единственной целью — переговорить об условиях сдачи крепости; Хейворд же осторожно старался узнать от генерала, какие открытия сделал он, перехватив письмо Вебба. Однако хитрые уловки с той и другой стороны не повели ни к чему, и после продолжительного бесплодного разговора Дункан простился с маркизом, унося с собой приятное воспоминание о вежливости и талантах французского командующего, но так и не узнав, ради чего явился в его палатку. Монкальм провел Дункана до выхода, снова предлагая коменданту форта назначить ему немедленное свидание на равнине между двумя лагерями.

Наконец они простились. Дункан вернулся к передовому посту французов, опять в сопровождении французского офицера, оттуда он немедленно двинулся обратно в форт и сразу направился к своему командиру.

Глава XVI

Прочти письмо, затем иди на битву.

Шекспир, «Король Лир»

Хейворд застал Мунро в обществе Коры и Алисы. Алиса сидела на коленях у полковника, перебирая своими пальчиками его седые волосы; когда отец притворно хмурил брови на ее ребячество, она усмиряла напускной гнев старика, ласково прижимаясь алыми губками к его морщинистому лбу. Кора сидела рядом; со спокойной улыбкой смотрела она на эту сцену, следя за движениями своей младшей сестры с той материнской лаской, которая была характерной чертой ее любви к Алисе. Не только опасности, так недавно пережитые девушками, но и все, что грозило им в будущем, казалось, было забыто во время этой нежной семейной сцены. Точно все спешили насладиться краткими минутами перемирия, покоя и безопасности. Девушки забыли о своих опасениях, а ветеран — о своих заботах. Дункан, который, спеша сообщить о своем возвращении, вошел в комнату без доклада, остановился и несколько мгновений молча любовался прелестной картиной. Но живой взгляд Алисы скоро заметил отражение его фигуры в зеркале. Вспыхнув, она соскочила с колен отца и громко вскрикнула:

— Майор Хейворд!

— Ты хочешь знать, где он? — спросил Мунро.— Я послал его поболтать с французом... Ах, сэр, вы молоды, проворны и уже пришли обратно!.. Ну, озорница, уходи-ка со своей болтовней. Разве здесь не достаточно хлопот для солдата и без твоей трескотни?

Алиса засмеялась и последовала за Корой, которая направилась к двери, понимая, что им оставаться неудобно.

Вместо того чтобы спросить Дункана о результате его миссии, Мунро несколько мгновений ходил взад и вперед по комнате, заложив руки за спину, опустив голову, как человек, глубоко ушедший в свои мысли. Наконец он поднял глаза, полные отцовской любви, и заметил:

— Это прелестные дети, Хейворд! Всякий отец имел бы право похвалиться ими.

— Вам незачем спрашивать мое мнение о них, сэр...

— Правда, молодой человек, правда,— прервал его нетерпеливый старик.— Вы собирались полнее высказать ваше мнение по этому вопросу в тот день, когда вошли в форт, но я счел, что старому солдату незачем говорить о свадебных благословениях и праздниках в такое время, когда враги его короля могут сделаться незваными гостями во время бала. Но я был неправ, Дункан, мой мальчик, я ошибался и в данную минуту готов выслушать вас.

— Несмотря на то удовольствие, которое ваши слова доставляют мне, дорогой сэр, я должен прежде всего передать вам поручение Монкальма...

— Пусть француз и все его полки убираются к черту, сэр! — почти крикнул запальчивый ветеран.— Он еще не овладел фортом Генри, да и не овладеет им, если только Вебб поступит, как он должен поступить. Нет, сэр, мы, слава богу, еще не в таком трудном положении, чтобы кто-нибудь имел право сказать, будто Мунро так озабочен, что не в состоянии подумать о своих семейных обязанностях. Ваша мать была единственной дочерью моего задушевного друга, Дункан, и я выслушаю вас теперь, хотя бы все рыцари ордена святого Людовика стояли у ворот нашей крепости под предводительством самого святого и просили милости поговорить со мной!

Заметив, что Мунро со злобным удовольствием выказывает умышленное презрение к поручению французского генерала, Хейворд решил подчиниться временной прихоти старика, которая, он знал, не могла затянуться надолго, и потому постарался ответить как можно спокойнее:

— Как вам известно, сэр, я осмелился заявить притязание на честь сделаться вашим сыном.

— Да-да, мой мальчик, помню. Ваши слова были достаточно

откровенны и понятны. Но позвольте мне спросить вас: так же ли ясно вы говорили с моей дочерью?

— Клянусь честью, нет! — горячо вскричал Дункан.— Если бы я воспользовался выгодами моего положения и высказался, я нарушил бы ваше доверие.

— У вас понятия истинного джентльмена, майор Хейворд, и это очень похвально. Но Кора Мунро — скромная девушка и не нуждается в чьей-либо опеке, хотя бы в опеке отеческой.

— Кора?..

— Да, Кора. Ведь мы говорим о ваших притязаниях на руку мисс Мунро, сэр?

— Я... я... я... Кажется, я не упоминал имени,— запинаясь, произнес Дункан.

— Так чьей же руки вы просили у меня, майор Хейворд? — спросил старый воин, не скрывая своих оскорбленных чувств.

— У вас есть другая и не менее привлекательная дочь.

— Алиса?..— вскрикнул старик с таким же удивлением, с каким Дункан недавно повторил имя его старшей дочери.

— Да, я люблю ее.

Молодой человек молчаливо ждал, как отнесется к его словам Мунро. Полковник долго ходил по комнате; его суровые черты подергивала судорога, и, казалось, он погрузился в раздумье. Наконец старик остановился против Хейворда и, взглянув ему в глаза, заговорил:

— Дункан, я любил вас ради того, чья кровь течет в ваших жилах; я любил вас за ваши собственные качества, наконец, любил, думая, что вы принесете счастье моей дочери. Но вся моя любовь превратилась бы в ненависть, если бы то, чего я опасаюсь, оказалось истиной.

— Я не могу предположить, чтобы какой-нибудь мой поступок или мысль вызвали такую страшную перемену! — воскликнул молодой человек, глаза которого ни на минуту не опустились под проницательным взглядом Мунро.

Не допуская мысли, что Дункан не понимает чувств, которые волнуют отца, старик смягчился, видя, что Хейворд с твердостью выдержал его взгляд, и уже гораздо более спокойным голосом продолжал:

— Вы желаете сделаться моим сыном, Дункан, а между тем совершенно не знаете истории человека, которого стремитесь назвать отцом. Сядьте, молодой человек, и я в коротких словах открою вам раны моего сердца...

В эту минуту поручение Монкальма было в равной мере забыто и Дунканом, который его принес, и Мунро, которому оно предназначалось. Оба собеседника подвинули стулья, и, пока ветеран несколько мгновений раздумывал о чем-то, очевидно

очень грустном, молодой офицер старался подавить нетерпение, скрывая его под видом почтительного внимания. Наконец Мунро прервал молчание.

— Майор Хейворд,— начал шотландец,— вы знаете, что я родом из старинной и благородной семьи, хотя, может быть, денежные доходы семьи не соответствовали ее высокому положению. Я был ваших лет, когда обменялся словом верности с Алисой Грэхем, единственной дочерью довольно зажиточного шотландского сквайра. Отец Алисы не желал нашего союза, и не только вследствие моей бедности, поэтому я поступил, как требовал долг честного человека: вернул молодой девушке ее слово и покинул родину. Я видел много чужих краев, пролил много крови в различных странах. Наконец воинский долг привел меня на Вест-Индские острова. Там я встретился с девушкой, со временем ставшей моей женой и матерью Коры. Она была дочерью джентльмена, уроженца этих островов, и женщины, которая, на свое несчастье, если можно так выразиться,— с горечью сказал старик,— имела предков, принадлежавших к обездоленной расе людей, бессовестно превращенных в рабов ради благосостояния богатых и праздных. Но если мне когда-либо встретится человек, который решится бросить презрительный взгляд на мою дочь, он испытает всю тяжесть моего гнева! Впрочем, майор Хейворд, ведь вы сами родились на юге, где метисов считают низшей расой.

— К несчастью, да, сэр,— сказал Дункан и невольно в смущении опустил глаза.

— И вы бросаете этот упрек моей дочери? Вы боитесь унизить кровь Хейвордов союзом с таким «низким» существом, хотя Кора привлекательна и полна добродетелей? — раздраженно воскликнул Мунро.

— Никогда у меня не может быть такого недостойного и дикого предубеждения,— ответил Дункан.— Но, полковник Мунро, кротость, красота и обворожительная прелесть вашей младшей дочери могут вполне объяснить мои побуждения, и вам незачем так несправедливо обвинять меня.

— Вы правы, сэр,— ответил старик, и его тон снова сделался спокойным, вернее, мягким.— Эта девочка как две капли воды похожа на свою мать в те годы, когда мисс Грэхем еще не познакомилась с печалью. Когда смерть лишила меня первой жены, я вернулся в Шотландию. И — подумайте, Дункан! — Алиса Грэхем двадцать лет жила в одиночестве, не вступая в брак в память человека, который был способен изменить ей. Больше, сэр: она забыла о моей неверности и, так как все препятствия устранились, согласилась быть моей женой.

— И сделалась матерью Алисы? — воскликнул Дункан.

— Да,— сказал старик.— Всего год прожил я с нею. Это

было недолгое счастье для той, молодость которой увяла среди безнадежной печали.

В унынии старика было что-то величаво-суровое, и Хейворд не осмелился произнести слова утешения. Мунро сидел, позабыв о присутствии Дункана. Он не закрывал лица, искаженного страданием, и тяжелые, крупные слезы катились из его глаз. Наконец полковник шевельнулся. Как бы опомнившись, он поднялся с места, обошел комнату, остановился против Дункана и спросил его сурово:

— Помнится, майор Хейворд, вы должны были передать мне какое-то поручение от маркиза де Монкальма?

В свою очередь, Дункан на мгновение смутился, но, впрочем, скоро овладел собой и сбивчиво начал излагать полузабытое поручение маркиза.

— Вы сказали достаточно, майор Хейворд! — воскликнул рассерженный старик.— Того, что я слышал, довольно, чтобы написать целые тома трактатов о французской любезности. Только подумать: этот джентльмен приглашает меня для переговоров, и, когда я отправляю к нему заслуженного и способного заместителя — несмотря на вашу молодость, Дункан, про вас можно сказать это,— он отвечает мне какой-то загадкой!

— Может быть, маркиз составил себе не такое благоприятное мнение о вашем представителе, сэр! Прошу вас вспомнить, что приглашение, которое он теперь повторяет, было послано коменданту форта, а не его помощнику.

— Но, сэр, разве заместитель не имеет всю власть и значение того, кто дает ему поручение? Француз желает совещаться с Мунро! По совести, сэр, я испытываю большое желание исполнить требование этого человека хотя бы только затем, чтобы показать ему, что мы еще не утратили твердости, несмотря на многочисленность его войска и все его притязания. Я думаю, молодой человек, что такой поступок будет неплохой политикой.

Дункан, считавший, что важнее всего поскорее узнать содержание письма, перехваченного у разведчика, охотно согласился с Мунро.

— Без сомнения, французский генерал не получит большого удовольствия при виде вашей невозмутимости, сэр,— сказал он.

— Никогда вы не высказывали более справедливого замечания!

— Какое же решение примете вы относительно предполагаемого свидания?

— Я встречусь с французом, сделаю это немедленно и без всякого страха. Идите, майор Хейворд! Отправьте вестового, который объявил бы французам, кто направляется в их лагерь. Мы двинемся с маленьким отрядом. И послушайте, Дункан,—

прибавил он почти шепотом, хотя в комнате они были вдвоем,— может быть, в виде предосторожности нам следует поместить под рукой вспомогательный отряд на тот случай, если во всем этом кроется предательство?

Молодой человек вышел из комнаты и, так как день склонялся к вечеру, поспешил сделать все необходимые распоряжения. Через несколько минут он построил солдат в ряды и послал во французский лагерь ординарца с флагом, поручив объявить врагам о приближении коменданта форта. Сделав все это, Хейворд отвел маленький эскорт к западным воротам и там уже застал своего начальника, который был вполне готов отправиться к Монкальму и только ждал майора. Едва закончились обычные церемонии, комендант и его молодой товарищ покинули крепость в сопровождении эскорта.

Они отошли не более ста ярдов от укреплений, когда вдали показалась свита французского генерала, подвигавшаяся по ложбине, которая служила руслом для ручья, отделявшего батареи осаждающих от форта. С того момента, когда Мунро покинул крепость, его осанка стала величавой, а лицо приняло гордое выражение. При виде белого пера, развевающегося на шляпе Монкальма, глаза полковника загорелись, и вся его крупная, сильная фигура, казалось, помолодела.

— Прикажите нашим солдатам быть настороже, сэр,— шепотом сказал Мунро Дункану.

Барабанный бой приближающегося французского отряда прервал речь старика. Англичане мгновенно ответили таким же салютом. Из каждого отряда выехало по ординарцу с белым флагом, и осторожный шотландец остановился. Эскорт поместился близ него. После коротких военных приветствий Монкальм быстро и легко пошел навстречу Мунро. Он обнажил голову перед ветераном, и при этом белоснежное перо его почти коснулось земли.

В манерах Мунро было больше величия и мужества, но в них не замечалось спокойствия и вкрадчивой вежливости француза. Несколько мгновений ни один из них не промолвил ни слова. Они обменивались внимательными взглядами. Наконец, как того требовал высший чин Монкальма и характер свидания, француз первый нарушил молчание. После обычных приветствий он обратился к Дункану и, улыбнувшись ему, сказал по-французски:

— Я очень рад, майор, что вы будете присутствовать при нашем разговоре. Теперь у нас нет необходимости обращаться к помощи переводчика, потому что, я знаю, вы передадите мои слова с такой точностью, будто я сам говорю на вашем языке.

Дункан поклонился.

Монкальм повернулся к своему эскорту, который, подражая

маленькому английскому отряду, держался поближе к нему, и произнес:

— Назад, ребята! Отступите немного!

Раньше чем майор Хейворд успел повторить то же приказание в виде доказательства своего доверия, он обвел глазами долину и с тревогой заметил в лесных чащах много индейцев, которые с любопытством наблюдали за свиданием двух полководцев.

— Маркиз де Монкальм, конечно, видит различие наших положений,— с легким смущением сказал он, указывая в сторону краснокожих, которые виднелись почти со всех сторон.— Отпустив наших телохранителей, мы очутились бы всецело в руках врагов.

— Майор, вам дано слово, оно охраняет вас от опасности,— ответил Монкальм, выразительно прижимая руку к сердцу.— Этого, мне кажется, достаточно.

— Да! Отступите,— прибавил Дункан, обращаясь к офицеру, который стоял во главе английского эскорта.— Отступите так, чтобы вам не был слышен наш разговор, и дожидайтесь приказаний.

С заметной тревогой Мунро увидел, как отходила его охрана, и тотчас же потребовал объяснений.

— Не в наших интересах, сэр, выказывать недоверие,— возразил Дункан.— Маркиз де Монкальм честным словом ручается, что мы в безопасности, и я приказал эскорту отступить, чтобы доказать ему, что мы полагаемся на его уверения.

— Может быть, все это справедливо, сэр, но я не имею большого доверия к словам маркиза.

— Дорогой сэр, вы забываете, что мы говорим с офицером, который прославился и в Европе и в Америке. Нам нечего опасаться человека с такой репутацией.

Старик развел руками, как бы подчиняясь неизбежности, хотя суровое лицо его по-прежнему выражало упрямое недоверие, которое происходило скорее от обычного презрения к врагу, чем от каких-либо других признаков, которые могли бы в тот момент вызвать беспокойство.

Монкальм терпеливо ждал окончания беседы, происходившей вполголоса; наконец он подошел к Мунро ближе и приступил к переговорам.

— Я просил этой встречи с вашим начальником, майор,— сказал Монкальм,— в надежде доказать ему, что он уже сделал все необходимое для поддержания чести своего короля, и уговорить его прислушаться к голосу человеколюбия. Я всегда и повсюду буду утверждать, что он мужественно сопротивлялся и не уступал, пока не исчезла последняя надежда отразить неприятеля.

Дункан перевел это вступление старому коменданту, и Мунро ответил с большим достоинством и достаточно вежливо:

— Как бы ни ценил я свидетельство маркиза де Монкальма, оно, как я думаю, сделается еще более веским, если я в полной мере заслужу его.

Когда Хейворд передал французскому генералу ответ полковника, Монкальм улыбнулся и заметил:

— К сожалению, все, что я до сих пор так охотно обещаю, видя истинное мужество, может быть, станет для меня нежелательно после ненужного и бесполезного упрямства. Не угодно ли вам, полковник, осмотреть наш лагерь, чтобы лично убедиться в нашей многочисленности и в невозможности успешного сопротивления?

— Я знаю, что французскому королю хорошо служат,— ответил непоколебимый шотландец,— однако мой собственный государь обладает такой же сильной и верной армией.

— Но, к счастью для нас, она отсутствует,— сказал Монкальм, не дождавшись, в пылу нетерпения, слов переводчика.— На войне бывают обстоятельства, в которых храбрые воины покоряются с тем же мужеством, с которым они смотрят в лицо врагу.

— Если бы я знал, что маркиз де Монкальм так блестяще владеет английским языком, я бы не стал утруждать его слух таким негодным переводом,— сухо сказал раздосадованный Дункан, вспомнив, как он только что переговаривался с Мунро.

— Прошу прощения, сеньор,— возразил француз, и легкий румянец окрасил его смуглые щеки.— Существует большая разница между правильным пониманием речи и способностью изъясняться на иностранном языке, поэтому прошу вас по-прежнему помогать мне.— И после короткого молчания он добавил: — С этих холмов очень удобно производить разведку ваших укреплений. И я так же прекрасно осведомлен о всех слабостях ваших позиций, сколько и вы сами.

— Спросите, Хейворд, французского генерала, может ли он с помощью своих подзорных труб видеть Гудзон? — надменно сказал Мунро.— А также знает ли он, когда и где мы должны ждать появления сил генерала Вебба?

— Пусть вам ответит сам генерал Вебб,— произнес хитрый Монкальм и неожиданно протянул Мунро развернутое письмо.— Вот отсюда вы узнаете, полковник, что отряд генерала Вебба не потревожит моей армии.

Не дожидаясь, чтобы Дункан перевел слова француза, ветеран схватил бумагу, и по быстроте этого движения было видно, какую важность придавал он содержанию перехваченного письма. Глаза Мунро быстро бегали по строкам, его лицо постепенно теряло выражение воинской гордости, которое сменялось отпе-

чатком глубокой печали. Губы коменданта задрожали, руки выпустили листок, письмо упало на землю, и старик опустил голову с видом человека, все надежды которого погибли от одного удара. Дункан поднял бумагу и, даже не попросив извинения за свою вольность, узнал жестокое содержание письма. Генерал Вебб не советовал Мунро сопротивляться, наоборот — говорил о необходимости быстро сдать форт, объясняя, что он не имеет возможности выслать на помощь коменданту крепости Уильям-Генри ни одного человека.

— Здесь нет обмана,— заметил Дункан, рассматривая бумагу с обеих сторон,— стоит подпись Вебба. Вероятно, это и есть перехваченное письмо.

— Он меня предал! — с горечью произнес Мунро.— Он покрыл бесчестьем дом, в котором еще никогда не знавали позора, он обрушил стыд на мои седины!

— Не говорите этого! — воскликнул Дункан.— Мы еще господа крепости и нашей воинской чести! Продадим же свои жизни за такую цену, чтобы враги сочли покупку чрезмерно дорогой!

— Благодарю тебя, мой мальчик! — сказал старик, очнувшись от столбняка.— Ты напомнил Мунро его долг! Мы вернемся в форт и за нашими укреплениями приготовим себе могилу.

— Господа,— произнес Монкальм и сделал несколько шагов вперед,— плохо вы знаете меня, Луи де Сен-Верана, если считаете, что я способен, пользуясь этим письмом, унизить храбрецов или постараться приобрести сомнительную славу таким неблаговидным путем! Погодите, выслушайте мои условия.

— Что говорит француз? — сурово спросил ветеран.— Уж не хвастается ли он тем, что ему удалось захватить разведчика с письмом из штаба? Сэр, скажите ему, чтобы он лучше снял осаду и пошел к форту Эдвард, если надеется запугать врагов своими словами.

Дункан объяснил полковнику смысл слов Монкальма.

— Маркиз де Монкальм, мы слушаем вас,— спокойнее произнес ветеран, когда Хейворд окончил перевод слов маркиза.

— Удержать в настоящее время форт для вас невозможно,— повторил великодушный враг,— и ради интересов моего государства это укрепление должно быть уничтожено, однако вам лично и вашим храбрым товарищам будут предоставлены такие льготы, чтобы воинская честь солдата не пострадала.

— Наши знамена? — спросил Хейворд.

— Отвезите их обратно в Англию и покажите вашему королю.

— Оружие?

— Останется в ваших руках. Никто не может пользоваться им лучше, чем вы.

— Наше выступление и сдача крепости?

— Все будет сделано самым почетным для вас образом.

Дункан обратился к Мунро и объяснил ему предложения Монкальма. Полковник слушал с изумлением и, казалось, был тронут необыкновенным и неожиданным великодушием.

— Идите, Дункан,— сказал он.— Идите с маркизом в его палатку и там покончите дело. Никогда я не думал, что мне придется увидеть англичанина, боящегося поддержать друга, и француза, слишком честного, чтобы воспользоваться выгодами своего положения.

Проговорив это, ветеран снова опустил голову на грудь и медленно вернулся к форту. Его уныние сразу показало встревоженному гарнизону, что он несет печальные вести.

Мунро уже не было суждено оправиться от этого неожиданного удара. С того мгновения в его твердом характере наметился резкий перелом, который ускорил его смерть.

Дункан остался с Монкальмом, чтобы определить условия капитуляции форта. Во время первых ночных караулов он вернулся в крепость и после короткого совещания с комендантом снова вышел из ее ворот. Когда он вторично ушел, было объявлено о прекращении военных действий и о том, что Мунро подписал договор, в силу которого форт утром должен был перейти в руки врага, гарнизон — сохранить оружие, знамена, снаряжение и, следовательно, согласно воинским понятиям, свою честь.

Глава XVII

Мы ткем, мы ткем,
Прядем мы нить,
Спешим мы
Паутину свить.

Грей

Оба вражеских войска в пустыне близ Хорикэна провели ночь 9 августа 1757 года приблизительно так же, как, вероятно, они употребили бы эти часы, если бы находились на равнинах Европы. Побежденные были молчаливы, мрачны, унылы; победители торжествовали. Но как у печали, так и у радости есть предел: еще до наступления утра все смолкло, тишина безграничных лесов нарушалась только криком какого-нибудь молодого француза с передовых пикетов или угрозой, которая звучала со стен форта и мешала врагам приближаться к бастионам раньше назначенного мгновения. Однако даже и эти случайные отрывистые окрики замолкли в унылый, туманный час, предшествующий рассвету.

И вот среди глубокой тишины полотняные полы одной просторной палатки во французском лагере раздвинулись, и из шатра вышел высокий человек. Он был закутан в плащ, который мог ему служить защитой от холодной лесной росы и в то же время закрывал всю его фигуру. Гренадер, который охранял сон французского командира, свободно пропустил его. Солдат даже отсалютовал ему в знак военного почтения. Офицер быстро прошел через маленький город палаток, направляясь к форту Уильям-Генри.

Когда неизвестный встречал одного из многочисленных часовых, которые загораживали ему дорогу, он давал быстрые и, как казалось, удовлетворительные ответы на их вопросы: по крайней мере, никто не препятствовал ему идти дальше.

За исключением этих часто повторявшихся, но коротких остановок, он непрерывно и молча двигался из середины лагеря к аванпостам; наконец подошел к солдату, который стоял на карауле, оберегая самый ближайший к неприятельскому форту пост. Послышался обычный вопрос:

— Кто идет?

— Франция! — был ответ.

— Пароль?

— Победа,— ответил идущий и подошел к часовому так близко, чтобы солдат мог услышать его громкий шепот.

— Хорошо,— ответил часовой, вскинув ружье на плечо.— Вы очень рано гуляете.

— Необходимая бдительность, дитя мое,— ответил тот. Затем откинул с лица плащ, заглянул в глаза часовому и пошел дальше, по-прежнему направляясь к английской крепости.

Часовой вздрогнул, опустил свое ружье и выставил его вперед, отдавая незнакомцу самый почтительный воинский салют; когда же солдат снова взял ружье на плечо и, сделав поворот, двинулся к своему посту, он невольно пробормотал сквозь зубы:

— Действительно, необходимо быть бдительным! Мне кажется, наш генерал никогда не спит.

Офицер продолжал свой путь, не показав, что он слышал слова удивления, которые вырвались из уст часового, и не останавливался, пока не дошел до низкого берега озера и не очутился в опасном соседстве с западным бастионом Уильям-Генри. Легкие облака заволокли луну, однако ее слабый свет позволял видеть, хотя и не вполне ясно, очертания окружающих предметов. Из предосторожности офицер прислонился к стволу дерева и довольно долго стоял так, по-видимому с глубоким вниманием созерцая темные и молчаливые валы английских укреплений. Он смотрел на крепость не так, как смотрит любопытный или праздный зритель; напротив, его взгляд переходил от одного пункта к другому, доказывая, что человек знает

военное дело. Наконец наблюдения, казалось, удовлетворили человека в плаще, он нетерпеливо поднял глаза к вершине восточной горы, точно в ожидании наступления утра, и уже собирался повернуть обратно, как вдруг какой-то легкий шум над выступом ближайшего бастиона достиг его слуха и заставил снова остановиться.

Как раз в эту минуту высокая фигура подошла к краю бастиона и замерла на месте, очевидно, в свою очередь, глядя на отдаленные палатки французского лагеря. Голова этого человека была обращена к востоку; казалось, он тоже тревожно ждал утра. Потом его темная фигура прислонилась к валу, как бы глядя на зеркальную гладь озера, которая, точно подводный небосклон, блистала тысячами мерцающих звезд. Печальная поза, ранний час, а также очертания фигуры рослого человека, который стоял в раздумье, прислонясь к английским укреплениям, ясно объяснили наблюдателю, кто это был. Чувство осторожности заставило офицера из французского лагеря скрыться; он скользнул за ствол дерева. В эту секунду его внимание привлек новый звук, и он снова замер на месте. До него донесся тихий, еле слышный плеск воды, вслед за тем скрипнули камешки на берегу. Темная фигура вынырнула из озера и стала беззвучно красться к тому месту, где стоял француз. Затем медленно поднялось дуло ружья, но, раньше чем раздался выстрел, рука французского офицера вытянулась и легла на курок.

— У-у-ух! — громко вскричал пораженный индеец, предательский выстрел которого был остановлен таким странным и неожиданным образом.

Вместо ответа французский офицер положил свою руку на плечо индейца и, не произнося ни слова, оттащил его далеко от того места, где их разговор мог сделаться опасным для одного из них и где, по-видимому, индеец отыскивал себе жертву Раскрыв свой плащ и показав свой мундир и орден, висевший на его груди, Монкальм сурово спросил:

— Что это значит? Разве мой сын не знает, что между английскими и канадскими отцами зарыт томагавк?

— А что же делать гуронам? — отвечал индеец по-французски, хотя и неправильно.— Ни один из наших воинов еще не завоевал скальпа, а бледнолицые уже подружились между собой.

— Ага! Хитрая Лисица! Такое рвение излишне со стороны друга, который еще так недавно был нашим врагом. Сколько раз зашло солнце с тех пор, как Лисица покинул лагерь англичан?

— Куда закатилось это солнце? — угрюмо спросил индеец.— За гору, и везде стало темно и холодно. Но когда оно снова покажется, будет светло и тепло. Хитрая Лисица — солнце своего племени. Между ним и его народом стояло много туч, но теперь это солнце сияет и небо ясно.

— Я отлично знаю, что Лисица имеет власть над своим племенем,— сказал Монкальм,— потому что еще вчера он старался добыть скальпы гуронов, а сегодня они слушают его советы, сидя около костров.

— Магуа — великий вождь.

— Пусть он докажет это, научив свое племя правильно вести себя с нашими новыми друзьями.

— Зачем глава канадцев привел своих молодых воинов в леса и стрелял из своей пушки в земляной дом? — спросил хитрый индеец.

— Для того, чтобы завоевать его. Мой господин владеет этой землей, и мне — твоему отцу — было приказано выгнать отсюда английских поселенцев. Они согласились уйти, и он больше не называет их врагами.

— Хорошо. Однако Магуа взял томагавк, чтобы окрасить его кровью. А теперь военный топор Лисицы блестит. Когда он покраснеет, вождь зароет его.

— Но Магуа дал слово не помрачать славы Франции! Враги великого короля, живущие по ту сторону Соленого Озера, также и его враги; его друзья должны быть друзьями Магуа и его племени.

— «Друзьями»! — презрительно повторил индеец.— Пусть мой отец даст руку Магуа.

Монкальм, который чувствовал, что ему легче поддерживать свое влияние на воинственные племена, которые он собрал себе на помощь, путем уступок, нежели силы, исполнил, хотя и неохотно, требование индейца. Магуа приложил палец французского генерала к глубокому шраму на своей груди и ликующим тоном спросил:

— Знает ли мой отец, что это такое? Вот тут, в этом месте.

— Конечно, каждый воин узнает следы ран. Это место было пробито свинцовой пулей.

— А что это значит? — спросил индеец, повернув к Монкальму свою обнаженную спину, против обыкновения не прикрытую плащом.

— Это? Мой сын был жестоко оскорблен. Кто нанес ему такие удары?

— Магуа крепко спал в вигваме англичан, и прутья оставили следы на его спине,— ответил индеец и засмеялся глухим смехом, не скрывая душившей его свирепой злобы. Однако он скоро овладел собой и надменно добавил: — Иди и скажи твоим солдатам, что наступил мир. Хитрая же Лисица знает, как говорить с воинами гуронов.

Не дожидаясь ответа Монкальма, краснокожий взял свое ружье под мышку и медленно пошел к лесу, в котором притаились его соплеменники. В лагере его на каждом шагу окликали

часовые, но он мрачно шагал вперед, не обращая никакого внимания на опросы солдат, которые щадили его жизнь только потому, что знали его походку, фигуру и непоколебимую смелость.

Долго стоял Монкальм на том месте, где его покинул краснокожий, печально размышляя о непокорном характере, обнаружившемся в его диком союзнике.

Наконец, отогнав от себя думы, казавшиеся ему слабостью в минуту такого торжества, он направился обратно к своей палатке и мимоходом приказал караульным разбудить лагерь обычным сигналом.

Раздались первые звуки французских барабанов, лесное эхо повторило их. Вся долина мгновенно наполнилась военной музыкой, звуки которой заглушали аккомпанемент барабанной дроби. Трубы победителей весело и бодро оглашали французский лагерь, пока самый нерадивый солдат не занял своего поста. Но как только прозвучал пронзительный сигнал британцев, французские трубы смолкли.

Скоро французы выстроились, готовясь встретить генерала, и, когда Монкальм осматривал ряды своего войска, лучи яркого солнца блистали на оружии его солдат. Он официально объявил им о тех успехах, которые уже были хорошо известны всем. Тотчас же отделили почетный отряд для охраны форта, и он промаршировал перед своим начальником. Потом прозвучал сигнал, возвестивший англичанам о приближении французов.

Совершенно другие сцены разыгрывались в англо-американской крепости. Едва замолк сигнал, предупреждающий о приближении победителей, как там начались приготовления к быстрому выступлению. Солдаты угрюмо вскидывали на плечи незаряженные ружья и становились по местам с видом людей, кровь которых еще не остыла от недавней борьбы; казалось, они жаждали возможности отомстить за обиду, нанесенную их самолюбию. Тем не менее выступление англичан сопровождалось строгим выполнением военного этикета. Женщины и дети перебегали с места на место; многие собирали остатки своего скудного имущества или отыскивали взглядом своих мужей и отцов.

Солдаты стояли молчаливо, когда перед ними явился твердый, но печальный Мунро. Неожиданный удар, очевидно, поразил его в самое сердце, хотя он силился мужественно вынести обрушившееся на него несчастье.

Спокойное и величавое горе старика тронуло Дункана. Исполнив возложенную на него обязанность, он подошел к полковнику и спросил его, чем он мог бы послужить ему лично.

— Мои дочери,— лаконично, но выразительно ответил Мунро.

— Благое небо! Да разве не сделано все, чтобы облегчить их положение?

— Сегодня я только военный, майор Хейворд,— сказал ветеран.— Все, кто тут есть, имеют одинаковое право считаться моими детьми.

Этого было достаточно для Дункана. Не теряя ни одной драгоценной минуты, он побежал к помещению Мунро, чтобы отыскать Кору и Алису. Но Дункан застал их уже на пороге низкого дома полковника. Они были готовы к отъезду; вокруг них теснились плачущие женщины. Кора была бледна, и в ее чертах выражалась тревога, но она не утратила ни доли своей твердости; глаза же Алисы покраснели, и это доказывало, как долго и горько она плакала. Обе девушки встретили Дункана с нескрываемым удовольствием, и, против обыкновения, первой заговорила Кора.

— Форт погиб,— сказала она, и грустная улыбка тронула ее губы,— но, я надеюсь, наша честь не затронута.

— Она сияет ярче, чем когда бы то ни было. Однако, дорогая мисс Мунро, теперь вам следует меньше думать о других и больше заботиться о самих себе. Военные обычаи требуют, чтобы ваш отец и я некоторое время оставались с солдатами. Скажите же, где мы найдем верного покровителя для вас во время смятения и различных случайностей, которые могут сопровождать выступление?

— Нам никого не нужно,— ответила Кора.— Кто в подобную минуту осмелится оскорбить или обидеть дочерей такого отца, как наш!

— Я не согласился бы оставить вас одних,— продолжал молодой человек, торопливо оглядываясь кругом,— хотя бы за то мне сулили командование лучшим королевским полком! Вспомните, наша Алиса не одарена такой твердостью, как вы, Кора, и один господь знает, что ей предстоит пережить...

— Может быть, вы правы,— ответила Кора, улыбаясь еще печальнее, чем прежде.— Слышите? Случайность уже нам посылает друга в такую минуту, когда мы особенно нуждаемся в нем.

Дункан прислушался и тотчас же понял, что́ она хотела сказать.

До его слуха долетела спокойная, торжественная мелодия священного гимна. Хейворд вошел в соседний дом, уже покинутый его прежними обитателями, и там застал Давида, который изливал свои благочестивые чувства пением — единственным способом, в котором отражались его переживания. Дункан подождал до той минуты, когда по движению руки Гамута ему показалось, что гимн окончен, и, тронув певца за плечо, кратко высказал ему свою просьбу.

— Вот именно,— ответил простосердечный последователь царя Давида,— в этих девушках много привлекательного, гармонического. Мы, связанные пережитыми опасностями, должны

теперь, в минуты мира, держаться друг друга. К моим утренним хвалам нужно прибавить только славословие, и я пойду к ним. Не угодно ли тебе, друг, исполнить второй голос? Размер очень прост, а напев всем известен.

Протянув маленькую книжку и дав тон камертоном, Гамут снова начал гимн с такой решительностью, которая не допускала помехи. Хейворду пришлось выждать окончания священной песни. Наконец, увидев, что Давид снимает очки и снова прячет книжку в карман, Дункан сказал:

— Ваш долг заботиться о том, чтобы никто не осмелился подходить к девушкам, желая оскорбить их или посмеяться над несчастьями их отважного отца. Их слуги помогут вам выполнять эту задачу.

— Вот именно!

— Но все же, может быть, индейцы или какие-нибудь проходимцы из неприятельского войска прорвутся к вам; в таком случае напомните им об условиях капитуляции и пригрозите донести об их поведении Монкальму. Я уверен, что одного вашего слова будет достаточно, чтобы смирить их.

— В противном случае я сумею подействовать на буянов,— самоуверенно ответил Давид, показывая свою книгу.— Если произнести, вернее, прогреметь известный стих с надлежащим увлечением и в соответствующий момент, он успокоит самый буйный нрав. Вот эти слова: «Почему так свирепо бушуют язычники?»

— Довольно,— сказал Хейворд, прерывая Гамута.— Мы понимаем друг друга, и теперь каждому из нас пора заняться выполнением своих обязанностей.

Гамут с готовностью согласился с Хейвордом, и они вместе отправились к сестрам. Кора встретила своего нового и довольно странного покровителя если не радостно, то любезно. И даже бледное личико Алисы снова осветил отблеск ее обычной веселости, когда она благодарила Хейворда за его заботливость. Дункан уверил их, что сделано все для обеспечения душевного спокойствия, опасность же, по его словам, не грозила. Затем он сказал, что намерен присоединиться к ним, едва пройдет несколько миль с передовым отрядом, и наконец простился с Алисой и Корой.

В это время раздался сигнал к выступлению, и передовая часть английской колонны двинулась. Трубный звук заставил вздрогнуть сестер; они огляделись кругом и увидели белые мундиры французских гренадеров, уже занявших ворота крепости. Над их головой пронеслось как бы громадное облако, и, взглянув вверх, они заметили, что остановились под широкими складками французского знамени.

— Идем,— сказала Кора.— Дочерям английского солдата не годится оставаться в этом месте.

Алиса прижалась к сестре, и, окруженные густой толпой, обе покинули плац крепости.

Когда девушки выходили из ворот, французские офицеры низко кланялись им, однако не предлагали никаких услуг, которые, как они понимали, могли быть только неприятны для дочерей Мунро. Все экипажи, все вьючные животные были заняты больными и ранеными, и Кора предпочла испытать все трудности пешего перехода, но не отнимать места у более слабых. Действительно, вследствие недостатка в необходимых средствах передвижения многие изувеченные и больные солдаты принуждены были тащиться на своих слабых ногах позади отряда. Раненые стонали; их товарищи шагали молчаливо и угрюмо; женщины и дети дрожали от ужаса перед неизвестностью. Когда робкая толпа вышла из ворот форта на открытую низменность, перед ней открылась печальная картина: невдалеке, с правой стороны, стояла французская армия, так как, едва солдаты Монкальма заняли укрепление, генерал стянул к форту все свои отряды. Французы молчаливо, но внимательно наблюдали за движением побежденных, отдавая им установленные воинские почести; никто из победителей в сознании своего успеха не бросил врагам ни насмешки, ни оскорбления.

Отряды англичан, численностью около трех тысяч человек, медленно двигались через низменность, стекаясь к оборонному пункту в том месте, где дорога к Гудзону сворачивала в лес. На густой опушке леса показались индейцы. Краснокожие пристально смотрели на своих врагов; некоторые, точно коршуны, двигались вслед за ними и, казалось, не смели броситься на добычу только потому, что присутствие многочисленного французского войска сдерживало их. Некоторые гуроны все-таки замешались в ряды побежденных и с мрачными и недовольными лицами внимательно наблюдали за движущейся толпой, хотя и не смели открыто проявить свою враждебность.

Авангард под предводительством Хейворда дошел до ущелья и постепенно исчез из виду. Вдруг Кора услышала звуки перебранки и повернулась в сторону раздраженных голосов. Один из солдат отстал от своего отряда и был наказан за свое непослушание тем, что кто-то отнял у него подобранные им пожитки.

Это был очень рослый малый, достаточно алчный, для того чтобы не уступить без борьбы захваченное им добро. В дело вмешались посторонние: одни стали на сторону солдата, другие — на сторону его обидчика. Голоса делались всё громче, озлобленней. Явилось около сотни дикарей; они, точно по волшебству, выросли там, где за минуту перед тем было человек двенадцать гуронов. Вскоре Кора заметила, что Магуа скользнул в толпу своих соотечественников и обратился к ним, пользуясь

всеми приемами своего зловещего красноречия. Женщины и дети остановились, сбившись вместе, словно стая испуганных птиц.

Магуа приложил руки к губам: раздался зловещий и устрашающий вопль. Индейцы, рассеянные по лесу, вздрогнули при звуках этого хорошо знакомого им клича. Тотчас же по всей равнине пронесся дикий вой; раздался он и под сводами леса. Это был крик, какой не часто вырывается из человеческого горла.

Он послужил страшным сигналом: более двух тысяч дикарей высыпало из лесу; все они мигом усеяли роковую равнину. Началась страшнейшая кровопролитная резня. Повсюду царила смерть в самом ужасном, отталкивающем виде. Сопротивление только распаляло убийц: дикари продолжали наносить удары даже мертвым. Кровь текла потоками. Гуроны все больше и больше воспламенялись видом этой крови...

Дисциплинированные отряды быстро выстроились в сомкнутые ряды и старались остановить нападающих дикарей внушительным видом военного фронта. Это до известной степени удалось им. Многие солдаты, надеясь усмирить обезумевших дикарей, бросались на них, размахивая прикладами своих незаряженных ружей, однако индейцы выхватывали у них ружья и тем самым лишали их возможности обороняться.

Как всегда, во время таких событий никто не мог дать себе отчета, сколько времени прошло с начала резни. Может быть, страшная сцена продолжалась десять минут, но они показались столетием. Пораженные ужасом, обессилевшие от страха, Кора и Алиса стояли, словно прикованные к одному месту. Толпа женщин, окружавшая сестер, лишала их возможности бежать; потом страх и смерть рассеяли толпу; однако бежать было некуда — девушки попали бы прямо под томагавки своих врагов. Повсюду раздавались крики, стоны, мольбы и проклятия. Но вот Алиса увидела высокую фигуру своего отца. Мунро быстро двигался через низину и, казалось, направлялся к французскому лагерю. Не обращая внимания на опасность, он спешил к вероломному Монкальму, чтобы потребовать от него обещанного и запоздавшего эскорта для женщин. Множество блистающих топоров и украшенных перьями копий были готовы отнять у него жизнь, однако, даже охваченные бешенством, дикари останавливались, видя спокойствие его лица. Все еще энергичная рука ветерана хладнокровно отстраняла от себя страшное оружие, иногда же и сами гуроны, пригрозив ему смертью, казалось, не имели достаточного мужества, чтобы исполнить свою угрозу, и опускали копья и томагавки. К счастью, Магуа искал свою жертву там, где ее уже не было.

— Отец, отец! Мы здесь, здесь! — воскликнула Алиса, когда Мунро проходил недалеко от дочерей, по-видимому не заметив их.— К нам, отец, или мы погибнем!

Она повторяла это восклицание таким тоном, что самое каменное сердце могло бы растаять; но ответа не последовало. Наконец старик, как бы уловив звуки ее голоса, остановился и прислушался; но в эту минуту Алиса без чувств опустилась на землю, а Кора стала подле нее на колени и с нежностью наклонилась над ее безжизненным телом. Мунро с отчаянием покачал головой и пошел дальше, спеша выполнить высокие обязанности командира.

— Леди...— сказал Гамут; беспомощный и бесполезный в эту минуту, он все же не подумал покинуть вверенных его попечению девушек.— Леди, это праздник дьяволов, и христианам не годится оставаться в этом месте. Идемте, бежим!

— Идите,— ответила Кора, не спуская глаз со своей сестры,— спасайтесь, вы мне не можете помочь.

И простое, но выразительное движение руки девушки, сопровождавшее эти слова, доказало Давиду непоколебимость ее решения. Несколько мгновений он смотрел на темные фигуры гуронов, которые совершали свое страшное дело; его стан выпрямился, он глубоко вздохнул, все черты оживились от волнения, красноречиво говоря о чувствах, наполнивших его душу

— В Библии сказано, что слабый мальчик Давид усмирил царя Саула звуками арфы и словами своих песнопений,— сказал он.— И я тоже постараюсь в эту страшную минуту испытать могущество музыки.

И вот, возвысив свой голос, он запел во всю силу с таким напряжением, что священный гимн был слышен даже среди шума и гама, наполнявших кровавое поле. Многие дикари кидались к певцу и девушкам, надеясь ограбить беззащитных и унести с собой их скальпы, но при виде странной неподвижной фигуры вдохновенного певца они останавливались. Их изумление вскоре превращалось в восхищение, и они устремлялись к менее мужественным жертвам, восхваляя твердость, с которой белый воин пел свою предсмертную песню. Ободренный и обманутый этим успехом, Давид повысил голос, чтобы усилить, как он думал, воздействие святого гимна. Но случилось как раз обратное. Звуки его песни обратили на себя внимание пробегавшего мимо индейца. Это был Магуа. Поняв, что его бывшие пленницы снова могут очутиться в его руках, Хитрая Лисица с диким и радостным воплем кинулся к ним.

— Пойдем! — сказал он, хватая окровавленной рукой платье Коры.— Вигвам гурона все еще открыт для тебя. Разве его жилище не лучше этого места?

— Прочь! — крикнула Кора и закрыла рукой глаза, чтобы не видеть свирепого лица.

Индеец, смеясь, поднял свою окровавленную руку:

— На этой руке кровь красная, но она из тела белых!

— Чудовище! Это ты устроил резню!

— Магуа — великий вождь,— самодовольно ответил дикарь.— Пойдет ли темноволосая к его племени?

— Ни за что! Лучше убей меня сразу!

Мгновение Магуа колебался, потом, подхватив, как пушинку, бесчувственную Алису, быстро двинулся к лесу.

— Стой! — пронзительно вскрикнула Кора, бросаясь за ним.— Оставь дитя, злодей! Что ты делаешь?

Но Магуа, казалось, не слышал ее голоса.

— Стойте, леди, стойте! — звал Гамут Кору, не обращавшую на него внимания.— Язычники почувствовали святость песни, и скоро дикое смятение окончится!

Однако, заметив, что Кора не останавливается, верный Давид побежал за нею и снова запел священную песню, отбивая такт своей худой рукой. Таким образом они пересекли долину, минуя бегущих, раненых и мертвых. Свирепый гурон мог отлично защитить себя и свою жертву, лежавшую в его руках. Кора же, конечно, пала бы под ударами дикарей, если бы не странный человек, который шагал позади нее и казался безумным; а безумие, возбуждая чувство страха и почтения в индейцах, служило охраной Гамуту.

Магуа, умевший избегать опасностей и ускользать от преследования, спустился в узкую ложбину и по ней вошел в лес; там он быстро отыскал нарраганзетов, с которыми так недавно расстались путники. Их сторожил такой же свирепый краснокожий, как он сам. Перебросив Алису через седло одной из лошадей, Лисица приказал Коре сесть на другую.

Девушка испытывала ужас при виде своего похитителя, но все же чувствовала некоторое облегчение при мысли, что она скоро будет вдали от места страшного кровопролития. Она вскочила на лошадь и протянула руки к сестре; в этом движении выразилось столько любви и мольбы, что даже свирепый гурон не мог отказать ей. Он перенес Алису на лошадь Коры, схватил нарраганзета за повод и двинулся в путь, погружаясь в глубину леса. Когда Давид увидел, что его бросили, вероятно считая слишком ничтожным даже для того, чтобы убить, он перекинул свою длинную ногу через спину неоседланной лошади, которую оставили индейцы, и поскакал вслед за пленницами.

Скоро дорога пошла в гору. От движения Алиса стала приходить в себя, но Кора была слишком озабочена состоянием сестры, а также воплями, доносившимися с равнины, чтобы заметить путь, по которому они ехали. Но когда они достигли плоской вершины холма и подвинулись к его восточному краю, Кора узнала то место, где она некогда уже побывала в более дружеском обществе охотника. Здесь Магуа приказал девушкам слезть с лошадей. Страх не подавил в девушках любопытства,

и, несмотря на свое положение пленниц, они осмелились взглянуть вниз, где им открылась страшная картина.

Жестокая резня все еще продолжалась. Пленники метались по всей равнине перед своими безжалостными врагами, в то время как солдаты французской армии стояли в бездействии, которое никогда не было объяснено и которое оставило несмываемое пятно на блестящей репутации Монкальма.

Меч смерти не был остановлен, пока алчность не одолела месть. Только тогда крики раненых и вопли убийц стали стихать, когда ужасные звуки потонули в громком, долгом и пронзительном вопле торжествующих дикарей.

Глава XVIII

Все, что угодно.
Скорей всего, что я убийца честный,
Я действовал из чести, не из злобы.

Шекспир, «Отелло»

Третий день после взятия форта подходил уже к концу. На берегах Хорикэна царили тишина и смерть. Запятнанные кровью победители ушли. На месте лагеря, в котором так недавно кипело шумное веселье победоносной армии, виднелся безмолвный ряд покинутых хижин. Крепость представляла собой дымящиеся развалины. Обуглившиеся балки, осколки взорванных артиллерийских снарядов и обломки разрушенных каменных построек в беспорядке покрывали землю.

Погода также сильно изменилась. Солнце, унося с собой тепло, скрылось в тумане, и сотни человеческих тел, почерневших от страшной августовской жары, застыли под порывами холодного, точно ноябрьского, ветра. Волнистые прозрачные туманы, несшиеся прежде над холмами по направлению к северу, возвращались теперь в виде мрачной завесы, гонимой бешеной бурей. Исчезла зеркальная гладь Хорикэна. Зеленые сердитые волны бились о берега, северный ветер ревел над озером.

Одинокие, еле заметные чахлые былинки колыхались под порывами ветра. Резкие очертания его выделялись своей обнаженностью. Глаз напрасно старался проникнуть в безграничную пустоту небес, закрытых от взора серой завесой тумана.

Ветер дул неровно: он то льнул к земле, как будто нашептывая что-то, то разражался пронзительным печальным свистом и врывался в лес, наполняя воздух срываемыми на пути листьями и ветвями. Несколько воронов боролись с сильными порывами бури. Миновав простиравшийся над ними зеленый океан лесов, они с радостью опускались где попало и прини-

мались за свой отвратительный пир. Все вокруг было дико и пустынно; казалось, всякого, кто появлялся здесь, внезапно поражала безжалостная рука смерти. Но теперь владычеству ее как будто пришел конец, и в первый раз, с тех пор как удалились виновники преступлений, человек решился приблизиться к этому месту.

За час до заката солнца пять человек вышли из узкой прогалины между деревьями, где тропинка к Гудзону убегала в лес, и пошли по направлению к развалинам крепости. Сначала они подвигались медленно и осторожно. Впереди двигалась легкая фигура; по настороженности и подвижности ее было видно, что это туземец. Он всходил на каждый холмик, тщательно осматривал каждую кочку и затем жестом указывал своим спутникам путь, по которому следовало идти. Спутники не уступали ему в осмотрительности, необходимой при войне в лесу. Один из них, тоже индеец, отошел немного в сторону и наблюдал за краем леса; его глаза давно привыкли замечать малейший признак опасности. Остальные трое были белые.

Страшные картины, постоянно встречавшиеся по пути к берегу озера, действовали на членов отряда так же различно, как различны были их характеры. Юноша, идущий впереди, бросал украдкой угрюмые взгляды на обезображенные жертвы. Он боялся выразить охватившие его сильные чувства, но был еще слишком неопытен, чтобы подавить их вполне. Его старший краснокожий товарищ был чужд подобной слабости. Он прошел мимо мертвецов с таким спокойствием, какое может быть приобретено только долгой привычкой.

Чувства белых — печальные у всех — также были различны. Человек с седыми кудрями и морщинистым лицом, воинственный вид и походка которого, несмотря на одежду жителя лесов, говорили о том, что этот человек давно привык к военным ужасам, не стеснялся, однако, выражать свои чувства громким стоном при виде какого-нибудь особенно тяжелого зрелища. Шедший рядом с ним молодой человек вздрагивал, но старался подавить свое чувство, по-видимому щадя своего спутника. Только тот, который шел позади всех, громко выражал свои мысли, не боясь, что его услышат, не страшась последствий.

Читатель, конечно, сразу узнал в путниках могикан, их белого друга — разведчика, а также Мунро и Хейворда.

Ункас шел впереди; дойдя до центра равнины, он испустил крик, на который сбежались все его товарищи. Молодой индеец остановился у группы мертвых женских тел, лежавших беспорядочной грудой. Несмотря на весь ужас, вызываемый этим зрелищем, Мунро и Хейворд в порыве любви, которую ничто не могло удержать, бросились туда, чтобы посмотреть, не найдут ли они тех, кого искали. Задумчиво, безмолвно стояли они

вокруг тел, когда к ним подошел разведчик. Смелый обитатель лесов взглянул на грустное зрелище; его лицо выражало гнев.

— Я бывал на многих полях битвы, мне приходилось идти по кровавому следу в продолжение долгих часов,— сказал он,— но я нигде не видел так ясно руки дьявола, как она видна здесь... Мстить — это свойство индейцев. А я — белый человек, но я хочу сказать здесь, перед лицом небес: если когда-нибудь эти французы окажутся на расстоянии выстрела, найдется такое ружье, которое до тех пор будет выполнять свой долг, пока порох горит, а кремень высекает искру! Томагавк и нож я оставлю тем, кому дано от природы владеть ими... Что ты скажешь, Чингачгук? — прибавил он на делаварском наречии.— Думаешь ли ты, что гуроны станут хвастаться этим поступком перед своими женщинами в дни, когда снега покроют холмы?

Негодование мелькнуло на смуглом лице вождя могикан; он вынул нож из ножен и затем задумчиво отвернулся от ужасного зрелища; лицо его приняло выражение такого глубокого покоя, словно ему были вовсе не знакомы сильные чувства.

— У-у-ух! — вскрикнул молодой могиканин, приподнявшись на цыпочках и внимательно вглядываясь вперед.

Звук его голоса и движение спугнули воронов, сидевших неподалеку; они полетели искать другой добычи.

— Что такое, мальчик? — спросил разведчик, пригибаясь, словно пантера, готовая сделать прыжок.

Уикас, ничего не ответив, быстро убежал и через несколько минут так же быстро появился из чащи, с триумфом размахивая куском зеленой вуали со шляпы Коры. Его движения, вид развевающейся вуали и новый крик, вырвавшийся из уст молодого могиканина, немедленно собрали вокруг него всех остальных.

— Мальчик мой! — голосом, полным отчаяния, воскликнул Мунро.— Верните мне мое дитя!

— Уикас попытается,— послышался короткий трогательный ответ.

Простые, но многозначительные слова молодого индейца не дошли до сознания отца. Он схватил обрывок материи и сжал его в руке. Глаза его со страхом блуждали по кустам, как будто он в одно и то же время и боялся и надеялся проникнуть в их тайну.

— Здесь нет мертвых,— сказал Хейворд.— По-видимому, буря прошла мимо.

— Это ясно, как небо над вашей головой,— заметил невозмутимый разведчик,— но или она, или тот, кто ограбил ее, проходили через эту чащу, потому что я помню ткань, закрывавшую лицо, на которое все так любили смотреть... Ты прав, Уикас: темноволосая была здесь, и она убежала в лес, как испуганная лань,— никто из умеющих бегать не стал бы дожидаться, чтобы

его убили. Будем искать следы, оставленные ею. Я иногда думаю, что глаза индейца подмечают даже след колибри в воздухе.

При этом предположении молодой могиканин полетел, словно стрела; не успел разведчик договорить свои слова, как с опушки леса раздался его победный крик. Спутники молодого человека тревожно бросились к лесу и увидели другую часть вуали, развевавшуюся на нижней ветви бука.

— Тише, тише! — сказал разведчик, загораживая своим длинным ружьем дорогу нетерпеливому Хейворду, чтобы удержать его.— Мы знаем теперь, что́ нам делать, не затаптывайте только следов. Один преждевременный шаг может повлечь за собой долгие часы тревоги. Но мы напали на их след — этого никак нельзя отрицать.

— Да благословит вас бог, достойный человек, да благословит вас бог! — воскликнул Мунро.— Куда же бежали они, мои дети?

— Путь, который они избрали, зависит от многих причин. Если они отправились одни, то могли пойти как по кругу, так и по прямой и, возможно, находятся от нас милях в двенадцати. Если же их захватили гуроны или какие-нибудь другие французские индейцы, то, по всей вероятности, они находятся вблизи границ Канады. Но что ж из этого? — продолжал решительный разведчик, заметив тревогу и разочарование слушателей.— Могикане и я на одном конце следа — значит, мы найдем другой, хотя бы он был на расстоянии сотни миль!.. Тише, тише, Уикас! Ты нетерпелив, словно житель селения: забываешь, что легкая походка оставляет слабые следы.

— У-у-ух! — крикнул Чингачгук, который все время внимательно рассматривал проделанный кем-то небольшой проход в низком кустарнике, соприкасавшемся с лесом. Теперь он выпрямился и указывал вниз с видом человека, увидавшего отвратительную змею.

— Здесь ясный след ноги человека! — сообщил Хейворд, наклоняясь над указанным дикарем местом.— Он шел по краю этой лужи, и в следе нельзя ошибиться. Они взяты в плен.

— Это лучше, чем умирать от голода в пустыне,— ответил разведчик.— След станет яснее. Я готов спорить на пятьдесят бобровых шкур против такого же количества кремней, что мы с могиканами войдем в их вигвамы!.. Наклонись-ка, Уикас, и посмотри, не узнаем ли чего по мокасину, так как это, без сомнения, мокасин, а не сапог.

Молодой могиканин нагнулся над следом и, отбросив листья, рассыпанные вокруг этого места, принялся рассматривать его со вниманием, похожим на то, с каким в наши дни банкир рассматривал бы подозрительный чек. Наконец он поднялся с колен, довольный результатом своих исследований.

— Ну, мальчик,— спросил разведчик,— что? Можно узнать что-нибудь по этому следу?

— Это Хитрая Лисица.

— Ага! Опять этот свирепый дьявол! Не будет конца его преступлениям, пока «оленебой» на скажет ему ласковое словечко!

Хейворд выразил скорее свои надежды, чем сомнения, сказав:

— Все мокасины так схожи между собой — может быть, вы ошибаетесь!

— Вы еще скажете, что и все ноги похожи друг на друга! А ведь мы все отлично знаем, что одни ноги велики, другие малы; одни широки, другие узки; у одних высокий подъем, у других низкий; одни люди ходят носками внутрь, другие — наружу. Один мокасин похож на другой не более, чем одна книга на другую... Дай-ка я посмотрю, Ункас. Ни книга, ни мокасины не пострадают, если о них будет высказано два мнения вместо одного.

Разведчик немедленно приступил к делу.

— Ты прав, мой мальчик,— тотчас же сказал он.— Пьющий индеец всегда приучается больше опираться на носки, чем непьющий; пьяница всегда ходит, раздвинув ноги, будь он белый или краснокожий. И именно такова ширина и длина следов! Взгляни, сагамор, ты не раз измерял эти следы.

Чингачгук согласился исполнить желание разведчика; после короткого осмотра он встал и спокойно проговорил только одно слово:

— Магуа.

— Ну, значит, дело решенное: тут прошли темноволосая и Магуа.

— А Алисы не было с ними? — спросил Хейворд.

— Мы еще не видели никаких знаков ее присутствия,— ответил разведчик, пристально оглядывая кусты, деревья и почву.— Что это там такое! Ункас, принеси то, что болтается там, на терновом кусте.

Индеец исполнил просьбу разведчика и передал ему странный предмет.

Тот поднял его высоко и рассмеялся своим беззвучным искренним смехом.

— Это инструмент певца! Ункас, поищи следы сапога, достаточно большого, чтобы поддержать шесть футов и два дюйма человеческого мяса,— сказал он.— Я начинаю питать надежды насчет этого малого; кажется, он бросил орать и занялся чем-то лучшим.

— По крайней мере,— сказал Хейворд,— у Коры и Алисы есть хоть какой-нибудь друг.

— Да,— с презрительной усмешкой сказал Соколиный

Глаз,— он займется пением! Может ли он убить оленя на обед, найти дорогу по тому, с какой стороны на деревьях растет мох, или перерезать горло гурону? Если нет, то любая певчая птица умнее его... Ну что же, мальчик, есть какие-нибудь доказательства нашего предположения?

— Вот тут нечто вроде следа человека в башмаках. Уж не наш ли это друг?

— Осторожнее дотрагивайся до листьев, не то можно стереть очертания следа. Это отпечаток ноги темноволосой. Певец покрыл бы этот след одной пяткой.

— Где? Дайте мне взглянуть на следы ног моей девочки! — сказал Мунро, раздвигая кусты и наклоняясь над еле видными следами.

Прикосновение ноги к земле, хотя легкое и непродолжительное, все же оставило след, ясно видимый и теперь. Старый воин рассматривал его, и глаза его затуманились слезами. Желая отвлечь старика, Хейворд сказал разведчику:

— Так как у нас есть теперь следы, то пустимся сейчас же в путь. В такое время каждая минута кажется веком для пленника.

— Но того оленя, который быстро бегает, труднее поймать,— возразил Соколиный Глаз, продолжая разглядывать следы.— Мы знаем, что здесь прошли разбойник-гурон, темноволосая и певец. Но где же та, у которой золотые локоны и голубые глаза? Хотя и маленького роста и далеко не так смела, как ее сестра, она все же красива и приятна в разговоре. Разве у нее нет друзей и никого, кто позаботился бы о ней?

— Сохрани бог, чтобы ей когда-нибудь недоставало друзей! Разве мы не ищем ее? По крайней мере, я не брошу поисков, пока не найду ее! — воскликнул Хейворд.

— В таком случае нам, вероятно, придется идти разными дорогами, потому что она не проходила здесь: как ни легок ее след, он был бы здесь виден.

Хейворд отошел. Казалось, весь пыл его мгновенно пропал.

Разведчик не обратил внимания на внезапную перемену в настроении своего собеседника и, подумав немного, продолжал:

— Ни одна женщина в этой пустыне не могла оставить такой след, кроме темноволосой или ее сестры. Мы знаем, зто первая была здесь, но где следы второй? Пойдем дальше по этим следам, и, если ничего не найдем, придется вернуться на равнину и пройти по другому пути... Иди вперед, Ункас, и не отрывай глаз от сухих листьев. Я буду наблюдать за кустами, а твой отец будет осматривать землю. Идем, друзья мои: солнце садится за холмы.

— А я ничего не могу сделать? — тревожно спросил Хейворд.

— Вы? — сказал разведчик, который уже пошел вперед со

своими краснокожими друзьями.— Можете. Идите сзади, чтобы не затоптать следы!

Пройдя несколько десятков футов, индейцы остановились и стали рассматривать что-то на земле с бо́льшим, чем прежде, вниманием. Отец и сын говорили быстро и громко, глядя то на предмет их общего восхищения, то друг на друга.

— Они нашли след маленькой ноги? — спросил разведчик, торопясь за ними.— Что это? Здесь была устроена засада?.. Нет, клянусь своим ружьем, здесь были лошади, которые переставляют сразу обе ноги с одной стороны!.. Ну, теперь тайна раскрыта, и все ясно, как северная звезда в полночь. Да, здесь они сели на лошадей. Кони были привязаны к этому вот деревцу, а вон там бежит широкая дорога на север, прямо к Канаде.

— Но все же нет никаких следов Алисы, младшей мисс Мунро,— сказал Дункан.

— Если не считать блестящей безделушки, которую Ункас только что поднял с земли... Подай-ка сюда, мальчик, мы рассмотрим ее хорошенько.

Хейворд сейчас же узнал медальон, который любила носить Алиса. Память любящего человека напомнила ему, что он видел его на шее своей любимой в утро роковой резни.

Он схватил дорогую вещицу, прижал ее к сердцу, и в тот же миг она исчезла из глаз изумленного разведчика, напрасно искавшего ее на земле.

— Эх,— проговорил с огорчением Соколиный Глаз, переставая ворошить листья концом ружья,— когда зрение начинает ослабевать, это верный признак старости! Такая блестящая побрякушка — и не видеть ее! Но все же я вижу достаточно хорошо, чтобы свести счеты с мингом. А все-таки мне хотелось бы найти эту вещицу, хотя бы для того, чтобы отнести ее к законной владелице, а это значило бы соединить два конца длинного-длинного следа, потому что в настоящее время нас разделяет широкий залив Святого Лаврентия, а может быть, и Великие Озера.

— Тем более не следует откладывать, нужно идти дальше,— заметил Хейворд.— Идем же!

— Молодая кровь и кровь горячая — это, говорят, почти одно и то же. Ведь мы отправляемся не на охоту за белками, не оленя нам загонять в Хорикэн. Нам придется бродить дни и ночи и идти по пустыне, по которой редко ступает нога человеческая и где не поможет никакое книжное знание. Индеец никогда не отправляется в подобное путешествие, не выкурив предварительно у огня трубки совета, и, хотя я белый, я уважаю этот обычай, потому что он исполнен благоразумия и мудрости. Поэтому мы вернемся на развалины старой крепости и зажжем там огонь, а завтра утром встанем свежими и готовыми к делу,

как подобает мужчинам, а не болтливым женщинам или нетерпеливым мальчикам.

По тону разведчика Хейворд убедился в бесполезности пререканий. Мунро снова впал в апатию, из которой, очевидно, его могло вывести только новое сильное потрясение. Пришлось покориться необходимости; молодой человек взял под руку ветерана и пошел вслед за индейцами и разведчиком, которые уже повернули на дорогу к равнине.

Глава XIX

> С а л а р и н о. Ну, я уверен, если он и просрочит, не станешь же ты требовать с него фунт мяса. На что оно годится?
>
> Ш е й л о к. Рыбу удить на него! Пусть никто не насытится им, оно насытит месть мою.
>
> *Ш е к с п и р, «Венецианский купец»*

Во мраке ночи еще страшнее казалась местность, когда путники вернулись к развалинам крепости Уильям-Генри. Разведчик и его товарищи сейчас же принялись за приготовления к ночлегу. К почерневшей стене приставили несколько балок; Ункас слегка прикрыл их хворостом, и все удовольствовались этим временным убежищем. Молодой индеец, окончив работу, указал на свою грубую хижину, и Хейворд, понявший смысл молчаливого жеста, мягко предложил Мунро войти туда. Оставив осиротевшего старика предаваться горю, Дункан сейчас же вышел на воздух. Он был слишком взволнован, чтобы отдыхать.

Пока Соколиный Глаз и индейцы разжигали костер и ели скромный ужин, состоявший из вяленого медвежьего мяса, молодой человек пошел в ту сторону разрушенной крепости, которая выходила на Хорикэн. Ветер утих, и волны набегали на песчаный берег размереннее и спокойнее. Тучи, словно устав от бешеной скачки, разрывались; более тяжелые собирались черными массами на горизонте; легкие облака еще носились над водой или кружились среди горных вершин, словно стаи птиц, порхающих вокруг своих гнезд. По временам среди движущихся облаков пробивалась красная огненная звезда, озаряя слабым светом мрачное небо. Среди окрестных гор уже воцарился непроницаемый мрак. Равнина лежала словно большой могильный склеп; ни малейший шорох, никакое дуновение не нарушало мертвой тишины.

Дункан несколько минут стоял, погруженный в созерцание. Он с ужасом вспоминал, что происходило здесь в недавнем прошлом. Глаза его переходили от вала, где жители лесов сидели вокруг яркого огня, к мраку, лежавшему в той стороне, где поко-

ились мертвые. Ему вскоре почудилось, что оттуда доносятся какие-то необъяснимые звуки. Молодому человеку стало стыдно своих страхов. Он повернулся к озеру, стараясь остановить свое внимание на отражениях звезд, слабо сверкавших на поверхности воды. Но слишком напряженный слух продолжал ловить слабые звуки. Наконец ему довольно ясно почудился во тьме топот. Охваченный беспокойством, Дункан тихим голосом позвал разведчика. Соколиный Глаз вскинул на плечо ружье и подошел к Хейворду с невозмутимым видом, говорящим о том, насколько он был уверен в безопасности как своей, так и спутников.

— Прислушайтесь,— сказал Дункан,— на равнине слышны какие-то звуки. Может быть, Монкальм еще не покинул места своей победы.

— Ну, значит, уши лучше глаз,— возразил разведчик все так же невозмутимо; он только что положил в рот кусок медвежьего мяса и говорил неясно и медленно, как человек, рот которого занят двойным делом.— Я видел сам, что он засел в Тэйе со всем своим войском: французы любят после удачного дела возвратиться домой, потанцевать и повеселиться с женщинами.

— Не знаю. Индейцы редко спят во время войны, и какой-нибудь гурон мог остаться здесь ради грабежа. Хорошо бы потушить огонь и поставить часового... Прислушайтесь! Слышите шум, о котором я говорю?

— Еще реже индейцы бродят вокруг могил. Хотя они всегда готовы на убийство, но обыкновенно удовлетворяются скальпом...

— Слышите?.. Опять!..— прервал его Дункан.

— Да-да, волки становятся смелыми, когда у них бывает слишком мало или слишком много пищи,— сказал невозмутимо разведчик.— Будь побольше света и времени, можно было бы добыть несколько шкур этих дьяволов. А впрочем... Что бы это могло быть?

— Это, значит, не волки?

Соколиный Глаз медленно покачал головой и сделал знак Дункану идти за ним к месту, куда не доходил свет костра. Выполнив эту предосторожность, он долго и напряженно прислушивался, не повторится ли тихий звук, так поразивший его. Однако его старания, очевидно, были напрасны, потому что через минуту он шепнул Дункану:

— Надо позвать Ункаса. Индеец может услышать то, что скрыто от нас; я белый и не отрицаю этого.

Молодой могиканин, разговаривавший с отцом, вздрогнул, услышав крик совы, вскочил на ноги и стал вглядываться в темноту, как бы ища места, откуда донесся звук. Разведчик крикнул еще раз, и через несколько минут Дункан увидел

фигуру Ункаса, осторожно пробиравшегося вдоль вала к тому месту, где они стояли.

Соколиный Глаз перемолвился с ним несколькими словами на делаварском языке. Лишь только Ункас узнал, зачем его позвали, он бросился ничком на землю. Дункану показалось, что он лежит совсем спокойно, не двигаясь. Пораженный неподвижной позой молодого воина и любопытствуя узнать, каким образом он добывает нужные сведения, Хейворд сделал несколько шагов и нагнулся над темным пятном, с которого не спускал глаз Он увидел, что Ункас исчез, и разглядел только неясные очертания какого-то возвышения на насыпи.

— Где же могиканин? — спросил он разведчика, в изумлении отступая назад.— Я видел, как он упал здесь, и готов был поклясться, что он остался лежать на одном месте.

— Тсс! Говорите тише. Мы ведь не знаем, чьи уши слышат нас, а минги — лукавое племя. Что касается Ункаса, то он на равнине, и, если здесь есть макуасы, они найдут противника, который не уступит им в хитрости.

— Вы думаете, что Монкальм еще не отозвал всех своих индейцев? Созовем наших товарищей, чтобы взяться за оружие Здесь нас пятеро привычных к бою.

— Никому ни слова, если дорожите жизнью! Взгляните на сагамора. Если здесь притаился кто-нибудь из врагов, он никогда не догадается по лицу сагамора, что мы чуем близкую опасность.

— Но они могут обнаружить его, и это для него смерть Его фигура слишком ясно видна при свете костра, и он станет первой, неизбежной жертвой.

— Нельзя отрицать, что вы говорите правду,— сказал разведчик, выказывая более тревоги, чем обыкновенно,— но что же делать? Один подозрительный взгляд может вызвать атаку прежде чем мы приготовимся к ней. Чингачгук слышал, как мы позвали Ункаса, и знает, что мы напали на какой-то след. Я скажу ему, что это след минга, он уж знает, как поступить.

Разведчик всунул в рот пальцы и издал тихий шипящий звук, заставивший отшатнуться Дункана, который принял его за шипение змеи. Чингачгук сидел в раздумье, положив голову на руки; но как только он услышал предупреждающий звук пресмыкающегося, имя которого он носил, он поднял голову, и темные глаза его быстро и проницательно оглядели все вокруг Выражение удивления или тревоги ограничивалось этим внезапным и, может быть, невольным движением. Ружье лежало так близко, что надо было только протянуть за ним руку. Томагавк выпал на землю из-за пояса, расстегнутого для удобства, и вся фигура дикаря точно опустилась, как у человека, который дает отдых нервам и мускулам. Туземец принял прежнее положение, переменив руку, как будто только для того, чтобы дать отдох-

нуть другой, и стал ожидать событий со спокойствием и мужеством, доступными лишь индейскому воину

Хейворд заметил, что для неопытного глаза вождь могикан показался бы спящим, но на самом деле ноздри его раздувались, голова была немного повернута в одну сторону, а живой, быстрый взгляд беспрестанно переходил с одного предмета на другой.

— Взгляните на сагамора! — шепнул Соколиный Глаз, дотрагиваясь до руки Хейворда.— Он знает, что малейшее его движение или взгляд может нарушить наши планы и отдать нас в руки этих негодяев...

Его прервали внезапная вспышка и ружейный выстрел. Над костром, у которого сидел могиканин, взвились огненные искры. Когда Хейворд взглянул во второй раз, то увидел, что Чингачгук исчез.

Между тем разведчик держал уже ружье наготове и с нетерпением ожидал минуты, когда появится неприятель. Но атака, по-видимому, окончилась этой одной бесплодной попыткой. Раза два до слушателей донесся шелест кустарников — в чащу бросились какие-то фигуры. Вскоре Соколиный Глаз указал на волков, поспешно убегавших от кого-то, кто вторгся в их владения. После нескольких минут нетерпеливого, тревожного ожидания раздался всплеск воды и немедленно за ним выстрел из другого ружья.

— Это Ункас! — сказал разведчик.— У малого славное ружье. Я знаю звук его выстрела так же хорошо, как отец знает язык своего ребенка, потому что сам владел этим ружьем, пока не добыл лучшего!

— Что это значит? — спросил Дункан.— За нами следят, и, по-видимому, мы обречены на гибель!

— Вон те разлетевшиеся головни показывают, что замышлялось что-то недоброе, а этот индеец может засвидетельствовать, что не произошло никакого вреда для нас,— ответил разведчик, опуская ружье и идя к валу вслед за Чингачгуком, который только что опять показался в свете огня.— Что это, сагамор? Минги действительно нападают на нас или это только один из тех подлецов, что примазываются к военному отряду, снимают скальпы с мертвецов и, возвратясь домой, хвастаются перед женщинами своими храбрыми подвигами?

Чингачгук спокойно уселся на свое прежнее место и ответил только после того, как внимательно осмотрел головню, в которую попала пуля, чуть было не оказавшаяся роковой для него. Тогда он удовольствовался тем, что поднял палец и сказал по-английски:

— Один.

— Я так и думал,— заметил, садясь, Соколиный Глаз.—

А так как ему удалось броситься в озеро раньше, чем выстрелил Ункас, то более чем вероятно, что негодяй будет рассказывать всякие небылицы о большой засаде, куда он попал, идя по следам двух могикан и одного белого охотника. Об офицерах он не будет говорить: здесь они не идут в счет. Ну пусть его рассказывает, пусть! В каждом народе найдутся честные люди, которые оборвут нахала, когда он станет говорить что-нибудь неразумное. Негодяй послал пулю так, что она просвистела мимо твоих ушей, сагамор.

Чингачгук снова принял прежнее положение со спокойствием, которого не мог нарушить такой пустячный случай. Ункас присоединился к остальным и сел у огня с таким же спокойным видом, как отец.

Хейворд с глубоким интересом и изумлением наблюдал за всем происходящим перед ним. Ему казалось, что между жителями лесов существует какое-то тайное понимание, ускользающее от его ума. Вместо поспешного пространного рассказа, в котором белый юноша старался бы передать — а может быть, и преувеличить — события, происшедшие на темной равнине, молодой воин довольствовался сознанием, что его дела сами будут говорить за него. Действительно, для индейца в данное время не представлялось случая похвастаться своими подвигами, и, вероятно, не спроси Хейворд, не было бы произнесено ни слова об этом деле.

— Что сталось с нашим врагом, Ункас? — спросил Дункан.— Мы слышали ваш выстрел и надеялись, что вы стреляли не напрасно.

Молодой воин отстранил складки своей охотничьей рубашки и спокойно показал роковую прядь волос — символ своей победы. Чингачгук взял в руку скальп и внимательно рассматривал его в продолжение нескольких минут; потом он бросил скальп, и величайшее отвращение отразилось на его энергичном лице.

— Онайда! — проговорил он.

— Онайда! — повторил разведчик. Он подошел, чтобы взглянуть на кровавую эмблему.— Господи помилуй! Если по нашему следу идут онайды, то эти дьяволы окружат нас со всех сторон! Для глаз белых нет разницы между кожей одного или другого индейца, а вот сагамор говорит, что это кожа с головы минга, и даже называет племя, к которому принадлежал бедный малый, так свободно, как если бы скальп был листом книги, а каждый волосок — буквой. Ну, а что скажешь ты, мальчик? К какому народу принадлежал негодяй?

Ункас поднял глаза на разведчика и ответил:

— Онайда!

— Опять онайда! Если даже один индеец делает какое-нибудь заявление, оно обыкновенно оказывается справедливым; но

когда его поддерживают люди его племени, тут не может быть ошибки.

— Бедняга принял нас за французов,— сказал Хейворд,— он не стал бы покушаться на жизнь друзей.

— Чтобы он принял могиканина в военной раскраске за гурона! Это все равно как если бы вы приняли гренадеров Монкальма в белых мундирах за красные куртки английских гвардейцев,— возразил разведчик.— Нет-нет, змея отлично знала свое дело, да и большой ошибки не было, так как делавары и минги недолюбливают друг друга, на чьей бы стороне ни сражались их племена во время междоусобий белых. Поэтому, хотя онайды служат англичанам, я не задумался бы и сам пристрелить негодяя, если бы счастливый случай свел нас.

— Это было бы нарушением нашего договора.

— Когда человеку приходится часто вступать в сношения с каким-нибудь народом,— продолжал Соколиный Глаз,— и люди там честные, а сам он не мошенник, то между ними возникает любовь. Но любовь между могиканином и мингом очень схожа с приязнью человека к змее.

— Печально слышать это!

— Ну, что касается меня, то я люблю справедливость и поэтому не скажу, чтобы я ненавидел мингов. А все же только ночь помешала моему «оленебою» пустить пулю в этого онайду, который стрелял в нас из засады.

Соколиный Глаз умолк и отвернулся от огня.

Хейворд ушел на вал. Он не привык к военной жизни в лесах и потому не мог оставаться спокойным при мысли о возможности таких коварных нападений.

Дункан достаточно хорошо знал обычаи индейцев, чтобы понять, почему огонь был разведен вновь и почему воины, не исключая Соколиного Глаза, сели на свои места около дымящегося костра так важно и торжественно. Он тоже сел на краю вала, чтобы видеть и бдительно наблюдать за тем, что происходило вокруг.

После короткой многозначительной паузы Чингачгук закурил трубку с деревянным чубуком, выточенную из мягкого камня. Насладившись ароматом успокаивающего зелья, он передал трубку в руки разведчика. Трубка обошла таким образом присутствующих три раза среди полного безмолвия. Никто не проронил ни слова. Потом сагамор, как старший по возрасту и положению, изложил план действий в нескольких словах, произнесенных спокойно и с достоинством. Ему отвечал разведчик. Чингачгук заговорил снова, так как его собеседник не соглашался с его мнением. Молодой Ункас сидел молча, почтительно слушая старших, пока Соколиный Глаз не спросил его мнения из любезности. По выражению лица и жестам отца и сына Хейворд

понял, что они придерживаются одинакового мнения в споре, тогда как белый настаивает на другом. Спор становился все оживленнее. И, несмотря на это, терпению и сдержанности спорящих друзей могли бы поучиться самые почтенные министры на любом совещании.

Слова Ункаса выслушивались с таким же глубоким вниманием, как и полные более зрелой мудрости слова его отца. Никто не выказывал ни малейшего нетерпения, и каждый отвечал только после нескольких минут молчаливого раздумья.

Речь могикан сопровождалась такими ясными, естественными жестами, что Хейворд легко улавливал нить их рассуждений. По тому, как часто индейцы упоминали о следах, обнаруженных ими в лесу, ясно было, что они настаивают на преследовании по суше, тогда как Соколиный Глаз постоянно протягивал руку по направлению к Хорикэну, из чего можно было заключить, что он настаивает на погоне по воде.

Могикане уже, по-видимому, стали брать верх в споре, как вдруг разведчик встал и, преодолев апатию, заговорил со всем искусством туземного красноречия. Он указывал на путь солнца, поднимая руку столько раз, сколько дней необходимо для выполнения его плана. Потом он обрисовал длинный, тяжелый путь среди гор и рек. Старость и слабость спавшего, ничего не подозревавшего Мунро были изображены знаками, слишком понятными, для того чтобы ошибиться в их значении. Дункан заметил, что и о нем говорилось: разведчик протянул ладонь и произнес имя «Щедрая Рука» — прозвище, данное Дункану всеми дружескими племенами за его щедрость. Потом последовало изображение легких движений лодки, в противовес заплетающимся шагам усталого человека. Он закончил указанием на скальп онайда и, по-видимому, настаивал на необходимости отправиться быстро, не оставляя за собой следов.

Могикане слушали внимательно. Речь Соколиного Глаза произвела свое действие, и под конец слова разведчика встречались обычными одобрительными восклицаниями. Короче говоря, Ункас и его отец, вполне убежденные доводами Соколиного Глаза, отказались от мнения, высказанного ими раньше, с такой терпимостью и простотой, что будь они представителями великой и цивилизованной нации, то эта непоследовательность привела бы к краху их политической репутации.

Как только вопрос был решен, все споры и все связанное с ними, кроме принятого решения, мгновенно было забыто. Соколиный Глаз, не обращая внимания на одобрение, выражавшееся в глазах его слушателей, спокойно растянулся во весь свой высокий рост перед потухающим огнем и закрыл глаза.

Могикане, все время занятые чужими интересами, воспользовались этим моментом, чтобы подумать и о себе. Голос су-

рового индейского вождя сразу стал мягче: Чингачгук заговорил с сыном нежным, ласковым, шутливым тоном.Ункас радостно отвечал на дружественные слова отца, и, раньше чем тяжелый храп разведчика возвестил, что он уснул, в облике его спутников произошла полная перемена.

Невозможно выразить музыкальность их языка, особенно заметную в смехе и ласковых словах; диапазон их голосов — в особенности голоса юноши — был поразителен: от самого глубокого баса он переходил к тонам почти женской нежности. Глаза отца с явным восторгом следили за плавными, гибкими движениями сына; он улыбался всякий раз в ответ на заразительный тихий смехУнкаса. Под влиянием нежных отцовских чувств всякий оттенок свирепости исчез с лица сагамора.

В продолжение целого часа индейцы отдавались своим лучшим чувствам; затем Чингачгук объявил о своем намерении лечь спать, укутав голову шерстяным одеялом и растянувшись на сырой земле. ВеселостьУнкаса мгновенно пропала. Юноша старательно сгреб угли так, чтобы их тепло согревало ноги отца, и отыскал себе ложе среди развалин.

Хейворд, проникшись чувством безопасности при виде спокойствия этих опытных жителей лесов, последовал их примеру, и задолго до полуночи люди, лежавшие внутри развалин крепости, уснули крепким сном.

Глава XX

Албания!. Склоняю взор. Привет,
Кормилица крутая непокорных!

Байрон, «Чайльд Гарольд»

На небе еще сверкали звезды, когда Соколиный Глаз разбудил спящих. Мунро и Хейворд вскочили на ноги, как только услышали его голос у входа в убежище, где они провели ночь. Выйдя из своего укрытия, они увидели разведчика, ожидавшего их. Вместо всякого приветствия мудрый проводник сделал многозначительный жест, призывая к молчанию.

— Не говорите ни слова,— шепнул Соколиный Глаз, когда они подошли ближе.— Голос белого редко может приспособиться к тишине леса, как мы видели на примере этого жалкого певца... Ну,— продолжал он, направляясь к защищенному месту крепости,— спустимся в ров с этой стороны. Старайтесь ступать по камням и бревнам.

Спутники исполнили его приказание, хотя причина таких необыкновенных предосторожностей оставалась для них тайной.

Когда они спустились в низкую впадину, окружавшую с трех

сторон земляной форт, то нашли ее почти совсем загроможденной развалинами. Осторожно и терпеливо продвигаясь вслед за разведчиком, они выбрались наконец на песчаный берег Хорикэна.

— Это след, который можно учуять только носом,— сказал разведчик с удовлетворением, оглядываясь на пройденный трудный путь.— Трава — предательский ковер для беглецов, а на дереве и на камне не остается следа мокасин. Будь на вас военные сапоги, можно было бы, пожалуй, опасаться; но в обуви из оленьей кожи, изготовленной как следует, человек может спокойно отправляться в горы... Подтолкни пирогу поближе, Ункас: здесь на песке следы очень заметны... Тише, мальчик, тише! Она не должна прикасаться к берегу, а не то негодяи узнают, каким путем мы ушли отсюда.

Юноша осторожно подъехал к берегу. Разведчик перекинул на корму доску, оставшуюся от развалин крепости, и жестом пригласил офицеров в пирогу. После этого все снова было тщательно приведено в прежний беспорядок. Соколиному Глазу удалось добраться до пироги, не оставив после себя следов. Хейворд молчал, пока индейцы, осторожно гребя веслами, не отплыли на некоторое расстояние от крепости под широкую темную тень, падавшую с гор на зеркальную гладь озера.

— К чему этот тайный поспешный отъезд? — спросил он наконец.

— Если бы кровь онайды могла оставить след на воде, по которой мы плывем, то вам сразу стало бы ясно, почему мы это делаем,— ответил разведчик.— Разве вы забыли, кого убил Ункас?

— Конечно, нет. Но ведь вы говорили, что он один, а мертвецов нечего опасаться.

— Да, он был один в своем дьявольском деле! Но индейцу редко приходится опасаться, что его кровь прольется без того, чтобы вскоре не раздался предсмертный крик кого-либо из его врагов.

— Но наше присутствие, авторитет полковника Мунро, я думаю, послужат достаточной защитой от гнева наших же союзников, особенно в том случае, если индеец ценит свою жизнь. Надеюсь, из-за такого пустяка вы нисколько не изменили намеченный маршрут?

— Неужто вы думаете, что пуля этого негодяя свернула бы в сторону, окажись на ее пути хоть сам король? — упрямо возразил разведчик.— Почему же этот великий француз не помешал гуронам напасть на нашу колонну, если уж так сильно, по-вашему, влияние белых на индейцев?

Ответ Хейворда был прерван стоном Мунро. Помолчав немного, Хейворд сказал:

— Только бог рассудит этот поступок Монкальма.

— Вот-вот. Теперь-то в ваших словах есть смысл, так как вы исходите из религии и честности. Одно дело — направить полк своих солдат утихомирить стычку между индейцами и пленниками, а совсем другое дело — задабривать гнев дикаря, чтобы он забыл свой нож и ружье, называя его своим сыном. Нет-нет! — продолжал разведчик, оглядываясь на скрытые в тумане стены форта Уильям-Генри, и, рассмеявшись своим тихим искренним смехом, сказал: — Нас разделяет теперь вода. И если только эти черти не подружатся с рыбами и не узнают от них, кто ранним утром проплыл по озеру, мы пройдем весь Хорикэн, прежде чем они сообразят, каким путем догонять нас.

— Враги впереди и враги сзади. По-видимому, наше путешествие будет полно опасностей.

— Опасностей? — спокойно повторил Соколиный Глаз.— Нет, оно будет не так уж опасно. Тонкий слух и острое зрение помогут нам перегнать негодяев на несколько часов, а если придется прибегнуть к ружью, то по крайней мере трое из нас умеют управляться с ним так же хорошо, как любой из тех, кого вы можете встретить в этих местах. Нет-нет, об опасности нечего говорить, но, вероятно, придется идти форсированным маршем, как сказали бы вы. Может быть, случится нападение, стычка или иное развлечение в этом роде, но укрыться будет везде удобно, и боевые припасы у нас в изобилии.

Возможно, что понятия Хейворда об опасности несколько отличались от понятий разведчика. Вместо того чтобы ответить охотнику, он сидел молча, пока пирога скользила по воде. На рассвете они приплыли к протокам озера и стали быстро и осторожно пробираться среди бесчисленных островков.

Чингачгук положил свое весло. Ункас и разведчик вели легкое судно по запутанным, извилистым протокам, где каждый лишний фут, сделанный ими, мог приблизить их к какой-нибудь опасности.

Внимательный взгляд сагамора переходил с островка на островок, с одной заросли на другую; когда же перед ним расстилался водный простор, то его острый взгляд устремлялся вдоль обнаженных скал и грозных лесов, нахмурившихся над узкими протоками.

Хейворд, заинтересованный красотой места и в то же время испытывавший тревогу, внимательно следил за всем и только что подумал, что тревога его не имеет достаточных оснований, как весла перестали двигаться по сигналу, данному сагамором.

— У-у-ух! — вскрикнул вдруг Ункас почти в то же мгновение, как легкий удар его отца по борту пироги предупредил о приближении опасности.

— Что такое? — спросил разведчик.— Озеро так гладко,

словно ветры никогда не дули, и я могу видеть на целые мили вперед. И только черная голова чомги вынырнула из воды...

Индеец поднял весло и указал в ту сторону, куда был устремлен его пристальный взгляд.

Дункан взглянул в том же направлении. В нескольких десятках футов от лодки лежал один из низких лесистых островков; он казался таким спокойным и мирным, как будто его уединение никогда не нарушал человек.

— Я ничего не вижу,— сказал он,— кроме суши и воды. Очень красивый вид...

— Тсс! — перебил его разведчик.— Да, сагамор, у тебя есть разумная причина для каждого поступка. Это только тень, но она неестественна... Видите, майор, как бы полоску тумана над островом?

— Это испарения, поднимающиеся над водой.

— Это ясно и ребенку. А вот что за темная полоса окаймляет туман снизу? Ее можно проследить до чащи орешника. Она идет от костра, но уже потухающего.

— Ну так подъедем к этому месту и разрешим наши сомнения,— сказал нетерпеливый Дункан.— Людей, должно быть, немного, если они могут уместиться на таком клочке земли.

— Если вы будете судить о хитрости индейцев по правилам, отысканным в книгах, то это приведет вас к ошибкам, если не к смерти,— возразил Соколиный Глаз, осматривая приметы местности с присущей ему проницательностью.— Если мне дозволено будет говорить, то я сказал бы, что нам остается на выбор: либо вернуться и отказаться от мысли преследовать гуронов...

— Никогда! — вскрикнул Хейворд слишком громким голосом при данных обстоятельствах.

— Ну-ну,— продолжал Соколиный Глаз, делая поспешный жест, чтобы остановить порыв нетерпения молодого человека,— я и сам того же мнения, но полагал, что я должен был сказать все. Значит, мы должны плыть дальше и, если в протоках находятся индейцы или французы, повернуть пирогу и пробиться между теми нависшими скалами. Правду ли я говорю, сагамор?

Индеец вместо ответа опустил весло в воду и быстрее погнал пирогу. Так как он управлял ее ходом, то это движение ясно выражало его решение. Все сильно налегли на весла и через несколько минут доплыли до места, откуда перед ними открывался весь северный берег острова, скрытый до тех пор.

— Вот они,— прошептал разведчик,— две лодки и дым. Негодяи еще не разглядели нас благодаря туману, а не то мы услыхали бы уже боевой клич... Налегайте сильнее, друзья! Мы уходим от них и почти ушли от их пуль...

Хорошо знакомый треск ружья, пуля из которого скользнула по спокойной поверхности пролива, и пронзительный крик, раз-

давшийся с острова, прервали его слова и показали, что их лодка замечена. Через несколько мгновений они увидели, что дикари бросились в лодки, и пустились вслед за беглецами. Насколько мог видеть Дункан, ничто не изменилось ни в выражении лица, ни в движениях трех проводников, только взмахи их весел стали длиннее и ровнее, и маленькая лодка послушно неслась вперед.

— Держи их на таком расстоянии, сагамор,— сказал Соколиный Глаз, хладнокровно оглядываясь через левое плечо и продолжая работать веслом,— именно на таком расстоянии. У этих гуронов во всем племени не найдется ружья, которое могло бы попасть так далеко. Ну, а на моего «оленебоя» можно вполне рассчитывать.

Убедившись, что могикане могут вдвоем поддерживать нужную дистанцию, разведчик решительно положил свое весло и поднял роковое ружье. Три раза он вскидывал его к плечу и три раза, когда товарищи ожидали выстрела, опускал его, требуя, чтобы индейцы дали приблизиться врагам. Наконец его точный и требовательный взгляд, казалось, был удовлетворен, и, положив ствол на левую руку, он начал медленно поднимать дуло, как вдруг восклицание Ункаса, сидевшего на носу лодки, заставило его снова воздержаться от выстрела.

— Что такое, мальчик? — спросил Соколиный Глаз.— Ты спас одного из гуронов от предсмертного крика. Есть у тебя какое-нибудь оправдание для этого?

Ункас показал на каменистый берег несколько впереди их пироги, откуда вылетела другая боевая пирога, как раз наперерез им.

Теперь опасность стала очевидной. Разведчик положил ружье и взял весло. Чингачгук направил нос пироги ближе к западному берегу, чтобы увеличить расстояние между собой и новыми врагами. В то же время нападавшие на беглецов сзади напоминали им о своем присутствии дикими криками. Эта потрясающая сцена вывела из апатии даже Мунро.

— Высадимся на берег,— сказал он с видом опытного воина,— и дадим сражение дикарям.

— Кто желает выиграть в войне с индейцами, не должен быть настолько горд, чтобы отказываться от хитрости,— ответил разведчик.— Держись ближе к берегу, сагамор. Мы обходим плутов, и, может быть, они попробуют пересечь нам дорогу.

Соколиный Глаз не ошибся. Гуроны свернули с прямого пути и потеряли на этом в скорости. Пироги скользили параллельно на расстоянии двухсот ярдов одна от другой. Теперь это стало состязанием на быстроту. Легкие суденышки двигались так быстро, что вода озера вскипала впереди них, и пироги качались на волнах, поднимаемых быстротой их движения. Вероятно, по этой причине и вследствие необходимости всем быть у весел

гуроны не прибегали еще к оружию. Беглецам приходилось делать слишком много усилий, и они начинали уже уставать. Преследователи превосходили их числом. Дункан с беспокойством заметил, что разведчик стал тревожно оглядываться, как будто ища еще каких-нибудь способов помочь бегству.

— Поверни немного в сторону от солнца, сагамор,— сказал упрямый житель лесов,— я вижу, плуты решили принести одного человека в жертву. Поверни дальше от солнца, и мы поставим остров между собой и ними.

Этот маневр оказался удачным. Невдалеке лежал длинный низкий остров.

Пирога беглецов прошла вдоль одного берега, преследователям пришлось плыть вдоль другого. Разведчик и его товарищи воспользовались этим преимуществом и под прикрытием кустов удвоили свои усилия, и без того поразительные. Обе лодки обошли последний, самый низкий пункт острова, словно два рысака, несущиеся во всю прыть; беглецы были впереди.

— Ты не зря выбрал именно эту пирогу, Ункас,— сказал улыбаясь разведчик, кажется радуясь быстроте своей пироги больше, чем открывшейся перед ними возможности спасения.— Дьяволы снова налегли изо всех своих сил на весла, и нам, чтобы отстоять свои скальпы, приходится больше полагаться на куски обструганного дерева, чем на ружья и зоркость глаз... Ну, друзья, шире замах, гребите дружнее!

— Они готовятся стрелять,— сказал Хейворд,— а так как мы на одной линии с ними, то выстрел непременно попадет.

— Так ложитесь на дно лодки,— возразил разведчик.— Вы и полковник — тогда будет меньше мишеней.

Хейворд ответил, улыбаясь:

— Дурной был бы пример, если бы старшие по чину прибегали к увертkам, когда воины находятся под огнем!

— Господи! Господи! Вот оно, мужество белого человека, граничащее с безрассудством, как и многие другие поступки белых! — воскликнул разведчик.— Неужели вы думаете, что сагамор, или Ункас, или даже я стали бы раздумывать, следует ли прибегнуть к уловке, когда нельзя бороться открыто?

— Все, что вы говорите, совершенно верно, мой друг,— ответил Хейворд,— но наши обычаи не позволяют поступать так, как вы желаете.

Залп из ружей гуронов прервал этот разговор. Когда пули засвистели вокруг них, Дункан увидел, что Ункас повернулся и посмотрел на него и Мунро. Несмотря на близость неприятеля и грозившую ему лично опасность, на лице молодого воина не было заметно никакого волнения; оно выражало только удивление, что находятся люди, желающие подвергать себя бесполезному риску. Чингачгук, вероятно, был более знаком с по-

нятием белых людей, потому что ни разу не взглянул в их сторону и не отрывал глаз от предмета, к которому направлял пирогу. Пуля вскоре вышибла из рук вождя легкое гладкое весло: пролетев по воздуху, оно упало в воду далеко от лодки. Гуроны закричали и выстрелили еще раз. Ункас провел по воде дугу лопастью своего весла; пирога вильнула вбок, и Чингачгук поймал свое весло, высоко поднял его, испустил боевой клич могикан и снова принялся за свое важное дело.

Из пирог позади раздались громкие восклицания: «Великий Змей!», «Длинный Карабин!», «Быстроногий Олень!». Казалось, эти возгласы придали еще более рвения преследователям. Разведчик схватил свое ружье и, подняв его над головой, с победоносным видом потряс им в воздухе. Дикари отвечали на оскорбление страшными воплями, и сейчас же раздался новый залп. Пули зашлепали по воде вокруг маленького судна, и одна из них даже пробила его борт. Ни малейшего волнения не было заметно у могикан в эту критическую минуту: их застывшие лица не выражали ни надежды, ни тревоги. Но разведчик снова обернулся и сказал Хейворду со своим беззвучным смехом:

— Плуты любят слышать звуки своих ружей, но между мингами не найти глаза, который мог бы верно прицелиться в пляшущую пирогу! Вы видите, дьяволы сняли с весел одного из людей, чтобы заряжать ружья, а по самому скромному подсчету, мы проходим три фута, в то время как они делают два.

Дункан обрадовался, что их лодка значительно опередила дикарей. Гуроны снова выстрелили, и одна из пуль попала в лопасть весла Соколиного Глаза, не причинив никакого вреда.

— Хватит! — сказал разведчик, с любопытством разглядывая небольшую выбоину.— Это не оцарапало бы и кожи ребенка... Ну, майор, если вы попробуете справиться с этим куском оструганного дерева, я заставлю «оленебой» принять участие в разговоре.

Хейворд схватил весло и принялся за дело с рвением, заменявшим искусство, а Соколиный Глаз проверил, заряжено ли ружье, потом быстро прицелился и выстрелил. Находившийся на носу передней пироги гурон встал, собираясь стрелять, но упал навзничь, и ружье выпало у него из рук в воду. Однако через мгновение он снова вскочил на ноги с дикими, безумными жестами. В ту же минуту его товарищи опустили весла, пироги сгрудились и остановились. Чингачгук и Ункас воспользовались этим, чтобы поставить пирогу по ветру, а Дункан продолжал работать веслом с неутомимой энергией. Отец и сын обменялись спокойными вопросительными взглядами, чтобы узнать, не пострадал ли кто-нибудь из них от выстрелов; оба отлично знали, что ни один не позволил бы себе крикнуть или сказать хоть

слово, если бы что-нибудь случилось с ним. Несколько крупных капель крови стекало с плеча сагамора. Когда он заметил, что глаза Ункаса остановились на этих каплях, он зачерпнул ладонью воды и смыл пятно, дав тем самым понять, что рана незначительна.

— Тише, тише гребите, майор! — сказал разведчик; к этому времени он снова зарядил ружье.— Мы ушли слишком далеко, для того чтобы ружье могло показать все свои качества, а вы видите — минги держат совет. Пусть они подойдут на расстояние выстрела — на мой глаз можно положиться в данном случае,— и я заставлю плутов плыть за нами на протяжении всего Хорикэна, причем обещаю, что, в худшем случае, их пули только поцарапают нам кожу, мой же «оленебой» из трех жизней возьмет две.

— Мы забываем наше дело,— заметил Дункан.— Воспользуемся лучше нашим преимуществом и уйдем подальше от врага.

— Верните мне моих детей! — хрипло проговорил Мунро.— Не шутите с горем отца, отдайте мне моих детей!

Постоянное и привычное уважение к наказу старших приучило разведчика подчиняться, поэтому, бросив последний взгляд на далекие пироги, он отложил ружье в сторону и, сменив усталого Дункана, взялся за весло. Могикане поддержали его усилия, и нескольких минут было достаточно, чтобы между ними и врагами оказалось такое расстояние, что Хейворд снова вздохнул свободно.

Озеро становилось шире, и путь лодки лежал теперь вдоль высокого скалистого берега. Острова встречались редко и на таком расстоянии, что их можно было избегнуть. Удары весел стали медленнее и правильнее; гребцы, уйдя от погони, угрожавшей им смертью, гребли так спокойно, словно перед тем занимались спортом, а не спасали свою жизнь.

Вместо того чтобы, преследуя свою цель, плыть вдоль западного берега, осторожный могиканин направил пирогу к тем холмам, за которые, как было известно, Монкальм увел свои войска, в неприступную крепость Тикондерога. Когда стало совершенно ясно, что гуроны отказались от преследования, исчезли, казалось, все основания для опасений. Но все же маленький отряд еще в течение нескольких часов придерживался этого курса, пока наконец путники не достигли бухты на северном конце озера. Тут пирогу подвели к берегу. Соколиный Глаз и Хейворд взошли на ближайший утес. Разведчик взглянул на расстилавшееся под его ногами пространство воды и указал майору на маленький черный предмет у мыса, лежавшего на расстоянии нескольких миль.

— Видите? — спросил он.— Ну, за что приняли бы вы это пятно?

— Если бы не расстояние и не величина этого предмета, я принял бы его за птицу. Неужели это живое существо?

— Это пирога из хорошей березовой коры, а на веслах свирепые, коварные минги. Плуты делают вид, будто они заняты своим ужином, но, едва только стемнеет, они пойдут по нашим следам, как собаки, чутьем отыскивающие зверя. Нам нужно сбить их с толку, или придется отказаться от преследования Хитрой Лисицы. Эти озера бывают иногда полезны, в особенности когда на воде встречается дичь,— продолжал разведчик, оглядываясь вокруг с озабоченным видом,— но укрыться здесь нельзя никому, кроме рыб. А к тому же мне очень не нравится дымок, ползущий вдоль утеса над пирогой. Готов прозакладывать свою жизнь — это сигнал, который видят еще чьи-то глаза, не только наши... Ну, словами дела не поправишь, пора действовать.

Соколиный Глаз спустился с утеса на берег в глубоком раздумье. Он сообщил на языке делаваров результаты своих наблюдений товарищам; затем последовало короткое серьезное совещание. Поговорив между собой, они подняли пирогу и понесли ее на плечах. Все прошли в лес, стараясь оставлять за собой большие, ясные следы. Они скоро дошли до ручья, перешли через него и продолжали идти вперед до большой обнаженной скалы. С того места, где можно было ожидать, что не останется следов, они пошли назад к ручью, все время старательно пятясь. По руслу ручья они добрались до озера и здесь спустили пирогу на воду. Небольшой пригорок скрывал их от мыса, а край берега был на значительном расстоянии окаймлен густым кустарником, свешивавшимся в воду. Под прикрытием этих природных ограждений путники терпеливо и осторожно подвигались вперед, пока разведчик не сказал, что, по его мнению, следует опять пристать к берегу.

На берегу подождали до тех пор, пока очертания берегов не расплылись в неверном вечернем свете. Тогда беглецы снова пустились в путь. Темнота благоприятствовала им, и они, безмолвно и сильно налегая на весла, понеслись к западному берегу. Суровые очертания горы, к которой они направлялись, не имели никаких отличительных примет в глазах Дункана, но могиканин вошел в избранную гавань с уверенностью и точностью опытного кормчего.

Пирогу снова подняли и отнесли в лес, где старательно спрятали под кучей хвороста. Путешественники взяли свое оружие и поклажу, и разведчик заявил Мунро и Хейворду, что и он и индейцы наконец готовы продолжать путь.

Глава XXI

Если вы найдете там человека, пусть
он умрет смертью мухи.

Шекспир, «Виндзорские проказницы»

Беглецы сошли на берег на границе местности, даже в настоящее время менее известной жителям Штатов, чем Аравийская пустыня или среднеазиатские степи. Это была бесплодная неровная страна, отделяющая область Шамплейна от областей Гудзона, Мохока и Святого Лаврентия. С тех времен, о которых говорится в нашем рассказе, деятельный дух жителей окружил ее целым поясом богатых, процветающих поселений, но в глубину ее даже теперь проникают только охотники и туземцы.

Однако Соколиный Глаз и могикане часто проходили по горам и долинам этой обширной пустыни и потому не замедлили углубиться в нее с уверенностью людей, привычных к этим местам. Много часов пробирались путешественники по тяжелому пути, то руководствуясь звездами, то следуя направлению какого-нибудь ручья. Наконец разведчик предложил остановиться, и после короткого совещания индейцы развели огонь и стали делать все необходимые приготовления, чтобы провести остаток ночи на этом месте.

Роса уже испарилась, и солнце, разогнав туман, осветило лес своими яркими лучами, когда путешественники снова пустились в путь.

Соколиный Глаз шел впереди всех. Пройдя несколько миль, он стал подвигаться осторожнее, часто останавливался, присматриваясь к деревьям, к течению ручьев, к цвету их воды. Так как он не доверял своим наблюдениям, то часто обращался к Чингачгуку и внимательно выслушивал его мнение. Во время одного из этих совещаний Хейворд заметил, что Ункас, стоявший безмолвно и терпеливо, с интересом прислушивался к разговору старших. Ему очень хотелось поговорить с молодым вождем, но по спокойному поведению туземца он решил, что тот, как и сам он, вполне полагается на проницательность и благоразумие старших. Наконец разведчик заговорил по-английски и сразу объяснил затруднительность их положения.

— Когда я увидел, что дорога к поселению гуронов идет на север,— сказал он,— я сразу понял, что они пойдут долинами и будут держаться между вод Гудзона и Хорикэна, пока не наткнутся на истоки канадских рек, которые приведут их в центр французских владений! Но вот мы уже вблизи Скаруна — и не видели ни одного следа! Человеческая природа слаба, и мы, быть может, пошли по неверному следу...

— Избави нас бог от такой ошибки! — воскликнул Дун-

кан.— Пойдем назад по нашим следам и будем осматривать всё как можно пристальнее. Не посоветует ли чего Ункас в таком затруднительном положении?

Молодой могиканин бросил взгляд на отца, но продолжал молчать, сохраняя все тот же спокойный, сдержанный вид. Чингачгук заметил этот взгляд и дал сыну знак рукой, разрешая ему говорить. В то же мгновение спокойное, серьезное лицо Ункаса осветилось радостью. Прыжком, похожим на прыжок оленя, он метнулся к небольшому косогору, находящемуся в нескольких десятках футов впереди того места, где они стояли, и встал с торжествующим видом на холм, где свежая земля, казалось, была только что взрыта каким-то животным. Глаза всех устремились на юношу, и по его радостному лицу путники поняли, что шли по правильному пути.

— Это след! — крикнул разведчик, подходя туда, где стоял Ункас.— У мальчика хорошее зрение и острый ум.

— Почему же он так долго молчал? — тихо проговорил Дункан.

— Было бы удивительнее, если бы он заговорил без разрешения. Ваши молодые люди, которые набираются знаний из книг и исчисляют весь свой опыт страницами, воображают, что их знания, как ноги, опередят в беге ноги отцов. Но там, где учителем является опыт, ученик приучается ценить старших, уважать их годы и знания.

— Взгляните,— сказал Ункас, показывая к северу и югу на очевидные признаки следов по обе стороны от него,— темноволосая ушла в лес.

— Собака никогда не бежала по лучшему следу! — ответил разведчик, бросаясь сразу на указанный путь.— Нам повезло, очень повезло, и мы теперь твердо знаем, куда идти. Да! Вот следы наших обоих иноходцев! Этот гурон путешествует, как генерал. Его постигла божья кара — он сошел с ума!.. Поищи-ка следы от колес, сагамор,— продолжал он, смеясь от удовольствия.— Того и гляди, безумец скоро будет путешествовать в карете, а за ним будут следить три пары самых зорких глаз, какие только есть в Америке.

Хорошее расположение духа разведчика и удивительный успех погони, во время которой они сделали круг примерно в сорок миль, невольно заронили надежду в сердца всего отряда. Индейцы пошли вперед с такой уверенностью, с какой путешественник идет по широкой проезжей дороге. Если случалось, что какая-нибудь каменная глыба, ручей или клочок земли, более твердой, чем окружающая почва, прерывали звенья следа, по которому они шли, зоркий глаз разведчика неизменно находил след на некотором расстоянии, причем для этого редко требовалось промедление более чем на одну минуту. Магуа, однако,

не отказался от уловок, к которым обычно прибегают туземцы, когда отступают от неприятеля. Всюду, где это позволял ручей или характер почвы, встречались ложные следы и неожиданные повороты; но это редко обманывало преследователей, и они всегда замечали ошибку раньше, чем направить свой путь по ложному следу.

К середине дня они перешли через Скарун и двинулись в сторону заходящего солнца. Спустившись с одной возвышенности в низину, где протекал быстрый ручей, они внезапно очутились на месте стоянки Лисицы. Вокруг ручья лежали потухшие головешки; кругом были разбросаны остатки оленины, а деревья были явно ощипаны лошадьми. В некотором расстоянии Хейворд заметил шалаш и с любопытством и нежностью посмотрел на него: вероятно, здесь отдыхали Кора и Алиса. Но хотя земля вокруг была истоптана и отпечатки ног людей и животных были видны вполне ясно, след, казалось, внезапно обрывался.

Легко было найти следы нарраганзетов, которые, по-видимому, бродили сами по себе и без определенной цели, занятые только поисками пищи. Наконец Уикас, вместе с отцом искавший путь, по которому шли лошади, напал на след их недавнего пребывания. Прежде чем отправиться по следу, он сообщил товарищам о своем успехе, и, пока те совещались, юноша появился снова, ведя обоих иноходцев со сломанными седлами и перепачканными попонами; по-видимому, они бегали на свободе в продолжение нескольких дней.

— Что это значит? — спросил Дункан, бледнея и оглядываясь вокруг, словно боясь, что кустарники и листья выдадут сейчас какую-то ужасную тайну.

— Это значит, что наше путешествие подходит к концу,— ответил разведчик.— Если бы негодяя преследовали и слабым женщинам недоставало лошадей, чтобы не отстать от отряда, Магуа мог бы скальпировать пленниц; но, когда неприятель не идет по пятам, Магуа не тронет и волоска на их голове. Тот, кто думает, что минг может дурно обращаться с женщиной, не знает ни индейцев, ни закона леса. Правда, лошади здесь, но гуроны ушли. Надо искать дорогу, по которой они отправились.

Соколиный Глаз и могикане горячо принялись за дело. Провели круг в несколько сот футов в окружности, и каждый из членов отряда взял на себя обязанность исследовать известную его часть. Но исследование не дало никаких результатов. Следов ног было много, но, казалось, они принадлежали людям, бродившим вокруг этого места, не имея намерения удалиться от него. Разведчик и его товарищи еще раз обошли вокруг стоянки, идя друг за другом, и очутились еще раз в центре, не узнав ничего нового.

— Что за дьявольская хитрость! — воскликнул разведчик,

встретив недоумевающие взгляды своих товарищей.— Мы должны добиться толку, сагамор. Надо начать с источника и пройти всю местность, дюйм за дюймом. Пусть гурон не хвастается у себя в племени, что его нога не оставляет следа.

Разведчик сам показал пример и принялся за дело с удвоенным рвением. Ни один лист не остался нетронутым. Были подняты все палки, сдвинуты все камни. Известно, что индейцы часто употребляют эти предметы, с величайшим терпением и ловкостью прикрывая ими свои следы. Но все было тщетно. Наконец Ункас, окончивший раньше других свою часть работы, стал копать землю вокруг мутного ручейка, вытекавшего из источника, и направил его течение по другому руслу. Как только высохло узкое русло под запрудой, Ункас наклонился и стал рассматривать его проницательным, острым взглядом. Восторженный крик сейчас же возвестил об удаче молодого воина. Все бросились к этому месту, и Ункас показал отпечаток мокасина на сырой наносной земле.

— Мальчик принесет славу своему народу и много хлопот гуронам! — сказал Соколиный Глаз, глядя на след с таким восхищением, с каким посмотрел бы любой естествоиспытатель на клык мамонта или ребро мастодонта.— Но это след не индейца! Нога слишком упирается на пятку, и отпечаток носка слишком широк, словно какой-нибудь французский танцор подбадривал своих соплеменников... Беги назад, Ункас, и принеси мне мерку ноги певца. Ты найдешь прекрасный отпечаток ее как раз против вон той скалы.

Пока юноша исполнял поручение, разведчик и Чингачгук внимательно рассматривали следы. Размеры вполне подходили, и Соколиный Глаз, не колеблясь, объявил, что это след ног Давида, которого опять заставили сменить башмаки на мокасины.

— Теперь я могу прочесть все так ясно, как если бы сам видел все проделки Хитрой Лисицы,— прибавил он.— Так как главные достоинства певца заключаются в его глотке и ногах, то его пустили первым, а остальные прошли по его следам.

— Но,— воскликнул Дункан,— я не вижу следов...

— Маленьких следов слабых женщин? — перебил его разведчик.— Плут нашел способ переправить их, надеясь, что таким образом собьет преследователей со следа. Готов прозакладывать свою жизнь, что мы увидим следы их хорошеньких ножек через несколько десятков футов.

Весь отряд пошел вдоль ручейка, тревожно вглядываясь в следы.

Вода скоро вернулась в свое русло, но жители лесов спокойно рассматривали почву с обеих сторон ручья, уверенные в том, что следы находятся под водой. Прошли более полумили, пока ру-

чеек не заструился как раз у основания большого угрюмого утеса. Тут путники остановились, чтобы убедиться, покинул ли гурон воду.

Счастье благоприятствовало им. Живой, деятельный Ункас скоро нашел след ноги на клочке мха, куда, по-видимому, нечаянно ступил один из индейцев. Он прошел по направлению, указанному примятым мхом, вошел в соседнюю чащу и напал на такой же свежий и ясный след, как тот, по которому они шли до источника. Новый громкий крик возвестил товарищам об удаче юноши, и поиски следов сразу закончились.

— Да, это было проделано с большим искусством, как подобает индейцам,— сказал разведчик, когда все собрались вокруг этого места.— Глаза белых ничего бы здесь не обнаружили.

— Мы пойдем дальше? — спросил Хейворд.

— Не спешите. Мы знаем наш путь, но надо все же хорошенько исследовать положение вещей. Все ясно, кроме одного: как удалось плуту переправить женщин вдоль ручья? Даже гурон не допустил бы, чтобы их ноги касались воды.

— Не поможет ли это разъяснить затруднение? — сказал Хейворд, указывая на подобие носилок, грубо сделанных из ветвей, перевязанных ивовыми прутьями и, очевидно, брошенных за ненадобностью.

— Все понятно! — с восторгом крикнул Соколиный Глаз.— Плуты потратили по крайней мере несколько часов, чтобы устроить такую штуку, которая заставила бы потерять их след. Мне случалось видеть, как они теряли целые дни на подобные штуки и с таким же результатом. Вот три пары мокасин и две пары маленьких ног. Удивительно, как человеческое существо может ходить на таких маленьких ногах! Дай-ка мне кожаный ремень, Ункас, чтобы смерить длину этой ноги... Господи боже мой! Не больше ноги ребенка, а ведь девушки высоки и статны...

— Нежные ноги моих дочерей не созданы для таких мучений,— сказал Мунро, смотря с отцовской любовью на легкие отпечатки ног.— Боюсь, мы найдем их едва живыми...

— Этого нечего бояться,— возразил разведчик, покачивая головой,— походка твердая и прямая, хотя и довольно мелкая. Взгляните: пятка еле дотрагивалась до земли. А вот тут темноволосая перепрыгнула с корня на корень. Нет-нет, насколько я вижу, ни одна из них не обессилела! Вот у певца начали болеть ноги, он устал; это ясно видно по его следам. Видите, вот тут он поскользнулся; здесь шел, широко расставив ноги, и споткнулся, а тут опять шел, словно на лыжах. Да-да, человек, который постоянно работает глоткой, не может хорошо владеть своими ногами.

Благодаря всем этим неоспоримым доказательствам опытный житель лесов дошел до истины почти с такой уверенностью

и точностью, словно сам был свидетелем этих событий. Путники, ободренные этими заверениями и удовлетворенные такими ясными и в то же время простыми доводами, присели, чтобы наскоро поесть, и затем отправились дальше.

Разведчик бросил взгляд на солнце, которое уже садилось, и пошел вперед с быстротой, заставившей Хейворда и Мунро напрячь все силы.

Теперь их дорога шла лощиной, о которой уже говорилось раньше. Преследователи двигались уверенно, так как тут гуроны даже не пробовали скрывать свои следы. Однако менее чем через час Соколиный Глаз значительно сбавил шаг; он то и дело поглядывал то в одну, то в другую сторону, как будто чувствовал приближающуюся опасность. Наконец он остановился, поджидая остальных.

— Я чувствую, что гуроны где-то поблизости,— сказал он.— Там видно небо сквозь верхушки деревьев, и мы подходим слишком близко к их лагерю... Сагамор, иди справа, со стороны горы, Ункас пойдет налево, вдоль ручья, а я попробую идти по следу. Если случится что-нибудь, знаком послужит карканье ворона. Три раза. Я видел одну из этих птиц, летавшую как раз над сухим дубом,— вот еще один признак, что мы подходим к лагерю.

Индейцы, ничего не ответив, отправились каждый в свою сторону, а Соколиный Глаз с полковником и молодым офицером пошли осторожно вперед. Хейворд вскоре пошел рядом с проводником; он горел желанием поскорее взглянуть на врагов, которых он так давно и упорно преследовал. Разведчик велел ему пробираться к опушке леса и дожидаться там его прихода, так как он хотел исследовать некоторые подозрительные признаки в окрестностях. Дункан повиновался и вскоре очутился на таком месте, откуда перед ним открылось совершенно новое для него зрелище.

Деревья были срублены на пространстве многих акров, и мягкий летний вечерний свет падал на расчищенную поляну. В недалеком расстоянии от места, где стоял Дункан, поток образовал маленькое озеро, покрывавшее почти всю низменность от горы до горы. Вода вытекала из этого обширного бассейна водопадом так правильно и тихо, что каскад казался скорее произведением рук человека, чем созданием природы. Около сотни построек из глины стояло на краю озера и даже в воде его, как будто озеро вышло из своих обычных берегов. Их круглые кровли, хорошо защищавшие от дурной погоды, показывали, что на устройство этих хижин было положено много труда и стараний — больше, чем обычно тратят туземцы на постройку своих временных жилищ в период охоты или войны. Короче говоря, вся деревня — или город, как бы ни называлось

это поселение,— имела опрятный вид и, казалось, была выстроена по определенному плану, что не соответствует, по мнению белых людей, обычаям индейцев. Но поселение выглядело необитаемым. По крайней мере, так думал Дункан в продолжение нескольких минут; наконец ему показалось, что он видит много человеческих фигур, приближающихся к нему на четвереньках; они тащили какое-то тяжелое и, как почудилось Дункану, страшное орудие. В ту же минуту несколько темных голов выглянуло из хижин, и поляна внезапно ожила, наполнилась существами, которые, однако, проскальзывали от одного прикрытия к другому так быстро, что невозможно было разглядеть ни их действий, ни их самих. Хейворд, встревоженный этими подозрительными и необъяснимыми действиями, только что хотел дать условный сигнал — закаркать вороном,— как вдруг шорох листьев вблизи заставил его оглянуться в другую сторону.

Юноша вздрогнул и отступил на несколько шагов, увидя в нескольких сотнях ярдов какого-то незнакомого индейца. Но он сейчас же опомнился и, вместо того чтобы дать сигнал, который мог бы оказаться для него губительным, остался на месте, внимательно следя за движениями незнакомца.

Еще мгновение — и Дункан убедился, что присутствие его не открыто. Туземец, подобно ему, очевидно, рассматривал низкие строения поселка и бесшумные движения его жителей. Сквозь грубо разрисованную маску невозможно было рассмотреть выражение лица дикаря, но Дункану оно все же показалось скорее печальным, чем свирепым. Голова его была, по обыкновению индейцев, обрита, за исключением клочка волос на макушке; в волосах свободно висели три-четыре соколиных пера. Изорванный ситцевый плащ наполовину прикрывал его тело; нижняя одежда состояла из обыкновенной рубашки, рукава которой заменяли туземцу штаны. Колени его были голы и страшно изранены терновником, на ногах же надеты мокасины из хорошей оленьей кожи. У индейца был печальный и жалкий вид.

Дункан продолжал с любопытством рассматривать своего соседа, когда к нему тихо и осторожно подошел разведчик.

— Вы видите, мы дошли до их поселка,— шепнул молодой человек.— А вот один из дикарей, который, верно, помешает нам пробраться дальше.

Разведчик вздрогнул и чуть не выронил ружье, когда Дункан указал ему на незнакомца. Потом он опустил дуло и вытянул свою длинную шею, разглядывая дикаря.

— Этот негодяй не из гуронов,— сказал он,— и не принадлежит ни к одному из канадских племен, однако по его одежде видно, что он ограбил белого. Это, наверное, Монкальм для набегов собрал банду всяких негодяев. Вам не видно, куда он положил свое ружье или лук?

— У него, по-видимому, нет оружия, да и вообще он, кажется, не имеет дурных намерений. Если только он не даст сигнала своим приятелям, которые, как вы видите, вертятся у воды, нам нечего его бояться.

Разведчик повернулся к Хейворду и смотрел на него несколько времени с нескрываемым удивлением. Потом он широко раскрыл рот и разразился неудержимым беззвучным смехом, к которому его приучила привычка находиться постоянно в опасности.

— Приятели, которые вертятся у воды! — повторил он и прибавил: — Вот оно что значит учиться в школах и жить в городах! Но у этого парня ноги длинные, и ему нельзя доверять. Держите его на прицеле, а я подберусь к нему сзади сквозь кусты и возьму живьем. Не стреляйте ни в коем случае!

Соколиный Глаз уже наполовину скрылся в чаще, когда Хейворд, вдруг протянув руку, остановил его и сказал:

— А могу я выстрелить, если увижу, что вы в опасности?

Соколиный Глаз смотрел на него несколько времени, как будто не зная, как понять его вопрос, потом покачал головой и ответил, смеясь по-прежнему неслышно:

— Стреляйте хоть за целый взвод, майор!

В следующее мгновение он скрылся в листве деревьев.

Дункан провел несколько минут в лихорадочном ожидании, прежде чем снова увидел разведчика. Одежду Соколиного Глаза трудно было отличить от земли. Он полз позади индейца, которого намеревался захватить в плен. На расстоянии нескольких футов от незнакомца он поднялся на ноги медленно и беззвучно.

В эту минуту раздалось несколько громких ударов по воде. Дункан обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как сотня темных фигур сразу бросилась в воду. Он снова схватил ружье и перевел взгляд на стоявшего вблизи него индейца.

Ничего не подозревавший дикарь нисколько не испугался и, вытянув шею, казалось, смотрел на озеро с тупым любопытством. В это мгновение над ним поднялась рука Соколиного Глаза; но вдруг она опустилась без всякой видимой причины, и владелец ее разразился новым припадком смеха. Когда закончился этот взрыв неудержимого смеха, Соколиный Глаз, вместо того чтобы схватить за горло свою жертву, слегка ударил его по плечу и громко крикнул:

— Ну что, мой друг? Уж не собираетесь ли вы учить псалмопению бобров?

— Вот именно,— последовал быстрый ответ

Глава XXII

О с н о в а. Вся ли наша компания в сборе?
П и г в а. Все налицо. А вот и замечательно подходящее местечко для нашей репетиции.

Ш е к с п и р, «Сон в летнюю ночь»

Читатель может скорее представить себе изумление Хейворда, чем мы описать его. Его крадущиеся индейцы внезапно превратились в четвероногих животных, озеро — в пруд бобров, водопад — в плотину, устроенную этими трудолюбивыми и умными животными, а неведомый враг — в испытанного друга, Давида Гамута, учителя псалмопения. Присутствие его возбудило столько неожиданных надежд насчет участи обеих сестер, что молодой человек выскочил из засады и подбежал к двум главным действующим лицам этой сцены.

Взрыв веселья Соколиного Глаза улегся не скоро. Грубо, без всякой церемонии, он вертел Гамута во все стороны и несколько раз повторял, что гуроны отличились при выборе для него костюма. Потом он схватил руку кроткого Давида, пожал так сильно, что у того показались слезы на глазах, и пожелал ему успеха в его новом деле.

— Вы только что собирались поупражнять вашу глотку среди бобров, не правда ли? — спросил он.— Хитрые дьяволы уже несколько знакомы с этим делом, потому что отбивают такт хвостами, как вы сами слышали сейчас. И сделали они это весьма вовремя, иначе мой «оленебой» первый заговорил бы с ними. Я знал людей, умевших читать и писать, которые были гораздо глупее старого опытного бобра; но что касается голоса, то они родились немыми! А как вам нравится вот такая песня?

Давид заткнул уши, и даже Хейворд, который был предупрежден заранее, взглянул вверх, ища птицу, когда в воздухе раздалось карканье ворона.

— Видите,— сказал со смехом разведчик, указывая на остальных путников, которые появились вдали, как только раздался сигнал,— вот эта музыка имеет свои несомненные достоинства: она дает мне два хороших ружья, не говоря уже о ножах и томагавках. Но мы видим, что вы в безопасности; расскажите же, что сталось с девушками?

— Они в плену у язычника,— сказал Давид,— и хотя сердце их неспокойно, они в безопасности и устроены с удобством.

— Обе? — задыхаясь, спросил Хейворд.

— Вот именно! Хотя путь наш был тяжел и съестные припасы скудны, нам не на что было жаловаться, кроме насилия над нашими чувствами, когда нас вели пленниками в далекую страну.

— Да благословит вас бог за эти слова! — воскликнул, дро-

жа, Мунро.— Я получу назад моих девочек здравыми и невредимыми!

— Не знаю, скоро ли им удастся освободиться,— возразил Давид.— Глава этих дикарей одержим злым духом, которого не может усмирить никто, кроме всемогущего. Я пробовал подействовать на него и на спящего и на бодрствующего, но, по-видимому, на него не влияют ни звуки, ни слова...

— Где этот негодяй? — резко перебил разведчик.

— Сегодня он охотится на лосей со своими людьми, а завтра, как я слышал, они пойдут дальше в эти леса и ближе к границам Канады. Старшая девушка отправлена к соседнему племени, хижины которого лежат за черной вершиной той горы; младшая же оставлена с женщинами гуронов, жилища которых находятся только в двух милях отсюда, на плоскогорье, там, где огонь выполнил миссию топора и тем самым подготовил место для их поселения.

— Моя бедная Алиса! — пробормотал Хейворд.— Она потеряла последнее утешение — поддержку сестры!

— Вот именно! Но если хвала и божественные псалмы могут утешить огорченную душу, она не страдала.

— Разве музыка доставляет ей удовольствие?

— Самое серьезное, самое возвышенное удовольствие! Хотя я должен признаться, что, несмотря на все мои старания, девушка плачет чаще, чем смеется. В такие минуты я избегаю священных песен. Но бывают сладкие, спокойные часы доброго настроения, когда слух дикарей поражает звучание наших голосов.

— А почему вам позволяют расхаживать всюду беспрепятственно?

Давид, приняв вид скромного смирения, отвечал:

— Такому червю, как я, нечем хвастаться. Но хотя сила псалмопений утерялась в страшном, кровавом поле, через которое нам пришлось пройти, она снова возымела свое влияние на души язычников, и мне позволяют приходить и уходить когда угодно.

Разведчик рассмеялся и дал, может быть, более удовлетворительное объяснение странному снисхождению дикарей:

— Индейцы никогда не трогают человека, если он не в своем уме. Но почему, когда перед вами лежал открытый путь и вы могли бы вернуться по своим собственным следам — они ведь немножко яснее, чем следы белки,— вы не принесли известий в форт Эдвард?

Разведчик, помня лишь о своем твердом и непоколебимом характере, требовал от Давида того, что тот ни при каких условиях не мог выполнить. Но Давид все с тем же кротким видом ответил:

— Хотя душа моя возрадовалась бы, если бы мне пришлось еще раз посетить жилища христиан, ноги мои не могли воз-

вращаться вспять, когда вверенные мне нежные души томились в плену и печали.

Трудно было понять замысловатый язык Давида, но искреннее, полное твердости выражение его глаз и румянец, вспыхнувший на его честном лице, не оставляли никакого сомнения. Ункас подошел ближе к Давиду и с удовлетворением взглянул на него, в то время как Чингачгук издал одобрительное восклицание.

Соколиный Глаз протянул псалмопевцу его драгоценный инструмент:

— Вот, друг, я хотел развести огонь твоей свистулькой, но, если она дорога тебе, бери и старайся вовсю.

Гамут взял камертон, выразив свое удовольствие настолько, насколько позволяли, по его мнению, выполняемые им важные обязанности. Испробовав несколько раз его достоинства и сравнив со своим голосом, он убедился, что камертон не испортился, и выказал серьезное намерение спеть несколько строф из маленького томика, о котором мы так часто упоминали.

Но Хейворд поспешно остановил его набожное рвение и стал задавать вопросы о положении девушек; он расспрашивал обо всем гораздо подробнее, чем в начале разговора, когда говорить мешало волновавшее его чувство. Давид хотя и поглядывал жадным взором на свое сокровище, но принужден был отвечать, тем более что отец девушек тоже принял участие в разговоре. И разведчик вставлял вопросы, когда представлялся подходящий случай. Таким образом, несмотря на частые перерывы, заполненные звуками возвращенного инструмента, преследователи все же познакомились с главными обстоятельствами, которые могли оказаться полезными для достижения их цели. Рассказ Давида был прост и не богат фактами.

Магуа подождал на горе, пока не миновала опасность, потом спустился и пошел по дороге вдоль западной стороны Хорикэна, по направлению к Канаде. Ловкий гурон хорошо знал все тропинки, знал также, что им не скоро грозит погоня, и потому продвижение вперед было медленным и неутомительным. Из неприкрашенного рассказа Давида видно было, что его присутствие не по душе индейцам; певца терпели, потому что даже сам Магуа не был вполне лишен того чувства благоговения, с которым индейцы относятся ко всему, что касается тайн религии.

Ночью они особенно заботились о пленницах, о том, чтобы предохранить их от лесной сырости и в то же время препятствовать их побегу. У источника, как уже известно, лошадей отпустили на волю, и тут индейцы использовали все уловки, чтобы скрыть следы. По прибытии в лагерь Магуа, следуя обыкновению гуронов, разделил пленниц. Кору отослали к какому-то племени, временно занимавшему одну из соседних долин. Давид был слишком мало знаком с обычаями туземцев

и не мог определить, что это за племя. Он знал только, что они не участвовали в последнем нападении на крепость Уильям-Генри, но были союзниками Монкальма, так же как гуроны.

Могикане и разведчик слушали его неясный, сбивчивый рассказ со все возрастающим интересом. В то время как Давид пытался объяснить, чем занимается племя индейцев, где жила Кора, разведчик вдруг перебил его вопросом:

— Не видели вы, какие у них ножи? Английского или французского образца?

— Мои мысли не были направлены на такие суетные вещи — они были устремлены на то, чтобы утешить девушек.

— Придет время, когда вы, может быть, перестанете считать нож дикаря суетной вещью,— заметил разведчик.— А бывают у них праздники в честь окончания жатвы? Не знаете ли вы каких-нибудь тотемов[1] этого племени?

— Я могу только сказать, что хлебных зерен у них много; размоченные в молоке, они дают пищу, приятную на вкус и полезную для желудка. Тотемов никаких не знаю. Что касается музыки индейцев, то о ней не стоит говорить. Они никогда не соединяют свои голоса в хвале господу и, по-видимому, принадлежат к числу самых нечестивых из идолопоклонников.

— Вы клевещете на индейцев. Даже минги ждут милости и помощи только от Великого Духа.

— Может быть,— сказал Давид,— но я видел у них странные, фантастически раскрашенные изображения, которые возбуждали в них духовный восторг и пользовались особым поклонением; в особенности одно изображение нечистого, омерзительного предмета.

— Змеи? — поспешно спросил разведчик.

— В этом роде. Это было изображение пресмыкающейся черепахи.

— У-у-ух! — вскрикнули в один голос оба могиканина, внимательно прислушивавшиеся к рассказу, а разведчик покачал головой с видом человека, сделавшего важное, но неприятное открытие.

Потом Чингачгук заговорил на делаварском языке со спокойствием и достоинством, сейчас же приковавшими к нему внимание даже тех, кому были непонятны его слова. Жесты его были выразительны и энергичны. Один раз он высоко поднял руку; когда он опускал ее, то этим движением откинул складки своего легкого плаща; он приложил палец к груди, как будто желая подтвердить этим жестом значение сказанного. Глаза Дункана следили за движениями индейца, и он увидел пре-

---

[1] Тотéм — племенной знак индейцев, изображающий животное, растение или предмет; человек под его охраной неприкосновенен.

красно, хотя и бледно нарисованное синей краской изображение только что названного животного на смуглой груди вождя. Ему тотчас пришло на ум все, что он когда-то слышал о расколе делаварских племен на два враждующих лагеря.

Разведчик отвернулся от своего краснокожего друга и сказал:

— Мы открыли то, что по воле небес может принести нам добро или зло. В жилах нашего друга Чингачгука течет кровь вождей делаваров, и он — великий вождь Черепах! Из слов певца ясно, что некоторые индейцы этого племени находятся среди народа, о котором он говорит. Мы идем по опасному пути, потому что друг, ставший изменником, часто бывает свирепее врага.

— Объясните,— сказал Дункан.

— Это давняя, печальная история, и я не люблю думать о ней, так как нельзя отрицать, что это было сделано людьми с белой кожей. Но кончилось все тем, что братья подняли томагавки против братьев, а минги и делавары пошли по одному пути.

— Так вы предполагаете, что Кора живет среди этого племени?

Разведчик утвердительно кивнул головой, хотя, по-видимому, желал избежать дальнейшего разговора на эту тяжелую тему. Нетерпеливый Дункан стал поспешно предлагать отчаянные средства для освобождения сестер. Мунро, стряхнув с себя апатию, выслушивал безумные планы молодого человека с почтением, не подходящим к его седым волосам и преклонному возрасту. Разведчик дал излиться горячности влюбленного и потом нашел способ убедить его в том, что торопиться в деле, требующем полнейшего хладнокровия и величайшего мужества, было бы полным безумием.

— Хорошо было бы,— прибавил он,— если бы этот человек вернулся в лагерь индейцев и сообщил девушкам о нашем приближении. Когда понадобится, мы вызовем его сигналом на совещание... Вы сумеете различить карканье ворона от свиста козодоя, друг мой?

— Это приятная птица,— ответил Давид.— У нее нежные, печальные ноты, но поет она слишком отрывисто и не в такт.

— Ну, если вам нравится ее свист, то пусть он будет вам сигналом. Помните же: когда вы услышите три раза подряд свист козодоя, вы должны прийти в кусты, где, можно предполагать, находится эта птица...

— Погодите,— перебил его Хейворд,— я пойду с ним.

— Вы? — удивленно воскликнул Соколиный Глаз.— Разве вам надоело видеть, как садится солнце и как оно встает?

— Давид — живое доказательство, что гуроны могут быть милостивы.

— Да, но Давид может пускать в дело свою глотку так, как этого не сделает ни один человек в своем уме.

К стр. 160

— Я также могу разыграть сумасшедшего, дурачка, героя, вообще кого и что угодно, чтобы освободить ту, которую люблю. Не возражайте, все равно я сделаю так, как решил!

Соколиный Глаз смотрел некоторое время на молодого человека в безмолвном удивлении. Но Дункан, до сих пор почти слепо повиновавшийся разведчику из уважения к его искусству и оказанным им услугам, теперь принял вид начальника, противиться которому было нелегко. Он махнул рукой в знак того, что не желает выслушивать дальнейшие возражения, и затем продолжал более спокойным тоном:

— Я могу переодеться, измените мой вид — разрисуйте меня, если желаете,— одним словом, превратите меня в кого угодно, хотя бы даже в шута!

— Когда вы посылаете отряды на войну, я полагаю, что вы, по крайней мере, считаете нужным установить известные знаки и места для стоянок, чтобы те, кто сражается на вашей стороне,— пробормотал разведчик,— могли знать, где и когда они могут встретить друга...

— Выслушайте меня,— прервал его Дункан.— От этого верного спутника вы узнали, что индейцы принадлежат к двум племенам, если не к двум различным народам. У одного из этих племен— у того, которое вы считаете ветвью делаваров,— находится та, кого вы называете темноволосой. Другая, младшая, безусловно, у наших открытых врагов — гуронов. Мой долг — ее освободить. Поэтому, пока вы будете вести переговоры об освобождении одной из сестер, я сделаю все, чтобы спасти другую, или умру!

Огонь мужества блистал в глазах молодого воина, вся его фигура являла собой внушительный вид. Соколиный Глаз, слишком хорошо знавший хитрости индейцев, предвидел все опасности, угрожавшие молодому человеку, но не знал, как бороться с этим внезапным решением.

Может быть, ему и понравилась смелость юноши. Как бы то ни было, вместо того чтобы возражать против намерения Дункана, он внезапно изменил свое настроение и стал помогать выполнению его плана.

— Ну,— проговорил он с добродушной улыбкой,— если олень хочет идти к воде, его надо направлять, а не плестись у него в хвосте. У Чингачгука хватит красок всяких цветов. Присядьте на бревно, и — я готов прозакладывать жизнь — он скоро сделает из вас настоящего шута, так что угодит вам.

Дункан согласился, и могиканин, все время внимательно прислушивавшийся к их разговору, охотно взялся за дело. Опытный в хитроумном искусстве своего племени, он быстро и ловко расписал юношу узорами, которые на языке индейцев означают дружбу и веселье. Он тщательно избегал всяких линий, которые могли быть приняты за тайную склонность к войне; индеец

старательно нарисовал все признаки, которые выражали дружбу. Затем Дункан оделся подходящим образом, так что действительно с его знанием французского языка можно было принять его за фокусника из Тикондероги, бродящего среди союзных, дружественных племен.

Когда решили, что Дункан достаточно разрисован, разведчик дал ему несколько советов, уговорился насчет сигналов и назначил место свидания. Прощание Мунро с его молодым другом было печальным, но старый воин проявил бóльшую сдержанность при разлуке, чем можно было ожидать от этого сердечного, честного человека, если бы он был в менее угнетенном состоянии духа. Разведчик отвел Хейворда в сторону и сказал ему, что собирается оставить старика в каком-нибудь безопасном месте под наблюдением Чингачгука, а сам отправится с Ункасом на разведку среди народа, который он имеет основание считать делаварами. Потом он снова возобновил свои наставления и советы и закончил их, сказав торжественно и тепло:

— А теперь да благословит вас небо! Вы выказали мужество, и оно мне нравится, потому что это дар юности с горячей кровью и смелым сердцем. Но поверьте предостережению опытного человека: чтобы победить минга, вам придется пустить в дело все свое мужество и ум, более острый, чем тот, которого можно набраться из книг. Да благословит вас бог! Если гуронам удастся снять ваш скальп, положитесь на человека, которого поддержат два храбрых воина. За каждый ваш волосок они возьмут жизнь одного из врагов!

Дункан горячо пожал руку следопыту, еще раз поручил ему своего престарелого друга и сделал знак Давиду идти вперед. Соколиный Глаз в продолжение нескольких минут с явным восхищением смотрел вслед энергичному молодому человеку, потом в раздумье покачал головой, повернулся и повел свою часть отряда в лес.

Дорога, избранная Дунканом и Давидом, шла через место, расчищенное бобрами, и вдоль края их пруда. Когда Хейворд остался наедине с этим простаком, так мало пригодным, чтобы оказать поддержку в отчаянном предприятии, он впервые ясно представил себе все трудности принятой на себя задачи. В сгустившихся сумерках еще страшнее казалась пустынная, дикая местность, простиравшаяся далеко по обе стороны от него; было что-то страшное даже в тишине этих маленьких хижин, которые, как известно, были чрезвычайно заселены. Дункана поразили великолепные постройки бобров и удивительные предосторожности, которые соблюдали их мудрые обитатели при возведении своих жилищ. Даже животные этой дикой местности обладали инстинктом, близким к его собственному разуму. Дункан с волнением подумал о неравной борьбе, в которую он так опромет-

чиво вступил. Затем он вспомнил Алису, ее горе, опасности, которым она подвергалась, и весь риск его собственного положения был забыт. Подбодрив Давида, он двинулся вперед легким и сильным шагом человека молодого и решительного.

Обойдя пруд, Дункан с Давидом начали подниматься на небольшое возвышение в лощине, по которой они двигались. Через полчаса они дошли до просторной поляны, также покрытой постройками бобров, но брошенной животными. Весьма естественное чувство заставило Дункана на минуту приостановиться, прежде чем покинуть прикрытую кустарником дорожку, так, как человек останавливается, чтобы собрать силы, прежде чем решиться на отважное предприятие.

На противоположной стороне просеки, вблизи того места, где ручей низвергался с гор, виднелись пятьдесят — шестьдесят хижин, грубо выстроенных из бревен и хвороста, смешанного с глиной. Они стояли в беспорядке, и при постройке их, очевидно, никто не обращал внимания ни на чистоту, ни на красоту; в этом отношении они так сильно отличались от поселения бобров, что Дункан стал ожидать какого-нибудь другого, не менее удивительного сюрприза. Это ожидание нисколько не уменьшилось, когда при неверном свете сумерек он увидел двадцать или тридцать фигур, поднимавшихся поочередно из высокой травы перед хижинами и исчезавших, словно они проваливались сквозь землю. Они появлялись и исчезали так внезапно, что казались Дункану скорее какими-то темными призраками, чем существами, созданными из плоти и крови. Вот на мгновение появилась худая обнаженная фигура: она дико взмахнула руками и исчезла, а в другом месте сейчас же появилась еще одна такая же таинственная фигура.

Давид, заметив, что его товарищ остановился, посмотрел по направлению его взгляда и заговорил, заставив Хейворда прийти в себя.

— Здесь много благодатной почвы, еще не обработанной,— сказал он,— и могу прибавить, не греша хвастовством, что за время моего краткого пребывания в этих языческих местах много добрых семян было рассеяно по дороге.

— Эти племена больше любят охоту, чем какой-либо другой вид занятий,— заметил ничего не понявший Дункан, продолжая смотреть на удивительные фигуры.

— Я провел здесь три ночи, и три раза я собирал мальчишек, чтобы они приняли участие в священных песнопениях. И они отвечали на мои старания криками и завываниями, леденившими мне душу.

— О ком вы говорите?

— О детях дьявола, которые проводят драгоценные минуты вон там в пустых кривляниях. Ах! В этой стране берез нигде

не видно розги, и поэтому для меня нисколько не удивительно, что высшие блага провидения расточаются на такие крики!

Давид зажал уши, чтобы не слышать ужасных пронзительных криков, раздававшихся в лесу. На губах Дункана появилась презрительная усмешка.

— Идем вперед! — твердо проговорил он.

Глава XXIII

Но даже зверь, что был к охоте приготовлен,
Спускается с цепи на несколько минут.
Немного отбежать всегда ему дают,
И вновь свободен он... покуда не изловлен.
Но кто и где видал, чтоб ставили заране,
Ну, например, лису, зажатую в капкане.

Вальтер Скотт, «Два Озера»

Индейцы не имеют обыкновения, подобно белым, выставлять часовых для охраны своих поселений. Их разведчики сообщают об опасности, когда она еще далеко, и поэтому индейцы обычно отдыхают спокойно, так как хорошо знают все лесные звуки и знают, что длинные, труднопроходимые тропинки отделяют их от тех, кого им следует бояться.

Враг же, который по счастливому стечению обстоятельств обманул бдительность разведчиков, редко встретит часовых около дома.

Поэтому, когда Дункан и Давид очутились среди группы детей, забавлявшихся играми, появление их было вполне неожиданным. Как только детвора заметила их, она разразилась дружным пронзительным предостерегающим криком и затем, точно по волшебству, скрылась из глаз пришельцев. Обнаженные смуглые тела припавших к земле мальчишек так хорошо гармонировали по окраске с увядающей травой, что сперва казалось, будто земля действительно поглотила их. Но когда Дункан приглядeлся внимательнее, он увидел, что на него отовсюду устремлены черные быстрые глаза.

Пытливые недружелюбные взгляды поколебали на мгновение решимость молодого человека, но отступать было поздно. На крик детей из ближайшей хижины вышли десять воинов, которые столпились у порога мрачной, воинственной группой, с невозмутимым спокойствием выжидая приближения чужих людей.

Давид, до известной степени привыкший к этому зрелищу, направился прямо к ним с твердостью, которую, по-видимому, нелегко было поколебать. Это была главная хижина селения —

грубый шалаш из коры и ветвей. В ней происходили советы и сходки племени. Дункану трудно было придать своему лицу столь необходимое выражение равнодушия в момент, когда он пробирался между темными могучими фигурами индейцев. Но, сознавая, что жизнь его зависит от самообладания, он положился на благоразумие своего товарища, следом за которым шел, стараясь привести в порядок свои мысли. Кровь стыла у него в жилах от сознания непосредственной близости свирепых и беспощадных врагов, но он настолько владел собой, что ничем не выдал своей слабости. Следуя примеру мудрого Гамута, он вытащил связку душистого хвороста из кучи, занимавшей угол хижины, и молча сел на нее.

Как только их гость прошел в хижину, воины, стоявшие у порога, стали также возвращаться туда и, разместившись вокруг него, терпеливо ждали, когда чужестранец заговорит. Многие индейцы в ленивой, беспечной позе стояли, прислонившись к столбам, которые поддерживали ветхое строение. Трое или четверо самых старых и знаменитых вождей поместились на полу немного впереди.

Зажгли факел, вспыхнувший ярким пламенем, и в его колеблющемся красноватом свете из мрака выплывали то одни, то другие лица и фигуры. Дункан старался прочесть на лицах своих хозяев, какого приема он может ожидать от них. Но индейцы, сидевшие впереди, почти не смотрели на него; глаза их были опущены вниз, а на лице было такое выражение, которое можно было истолковать и как почтение и как недоверие к гостю. Люди, стоявшие в тени, были менее сдержанны. Дункан скоро заметил их испытующие и в то же время уклончивые взгляды; они изучали его лицо и одежду; ни один его жест, ни один штрих в раскраске, ни одна подробность в покрое его одежды не ускользали от их внимания.

Наконец один индеец, мускулистый и крепкий, с проседью в волосах, выступил из темного угла хижины и заговорил. Он говорил на языке вейандотов, или гуронов, слова его были непонятны Дункану. Судя по жестам, которыми сопровождались эти слова, можно было думать, что они имели скорее дружелюбный, чем враждебный смысл. Хейворд покачал головой и жестом дал понять, что не может ответить.

— Разве никто из моих братьев не говорит ни по-французски, ни по-английски? — сказал он по-французски, оглядывая поочередно всех присутствующих в надежде, что кто-нибудь утвердительно кивнет головой.

Хотя многие повернули голову, как бы желая уловить смысл его слов, но ответа не последовало.

— Мне было бы грустно убедиться,— проговорил Дункан по-французски, выбирая наиболее простые слова,— что ни один

представитель этого мудрого и храброго народа не понимает языка, на котором Великий Отец говорит со своими детьми. Его огорчило бы, если бы он узнал, что краснокожие воины так мало уважают его.

Последовала продолжительная, тяжелая пауза, в течение которой ни одно движение, ни один взгляд индейцев не выдали впечатления, произведенного этим замечанием.

Дункан, который знал, что молчание считалось достойной чертой среди его хозяев, с радостью воспользовался этим, чтобы собраться с мыслями.

Наконец тот же самый воин, который обращался к нему раньше, сухо ответил ему на канадском наречии:

— Когда наш Великий Отец говорит со своим народом, то разве он разговаривает на языке гуронов?

— Он не делает разницы между своими детьми, какой бы ни был у них цвет кожи — красный, черный или белый,— ответил Дункан уклончиво,— хотя больше всего он доволен храбрыми гуронами.

— А что он скажет,— спросил осторожный вождь,— когда гонцы сосчитают перед ним скальпы, которые пять ночей назад находились на голове ингизов?

— Они были его врагами,— сказал, невольно содрогнувшись, Дункан,— и нет сомнения, что он скажет: «Это хорошо, мои гуроны — очень храбрый народ».

— Наш отец в Канаде так не думает. Вместо того чтобы, заботясь о будущем, награждать индейцев, он обращает свои взоры в прошлое. Он видит мертвых ингизов, но не гуронов. Что может это значить?

— У такого великого вождя, как он, больше мыслей, чем слов. Он заботился о том, чтобы на его пути не было врагов.

— Пирога мертвого воина не поплывет по Хорикэну,— угрюмо возразил индеец.— Его уши открыты делаварам, которые враждебны нам, и они наполняют их ложью.

— Этого не может быть. Слушай, он приказал мне, человеку, сведущему в искусстве лечения, пойти к его детям — краснокожим, живущим по берегам Великих Озер,— и спросить, нет ли у них больных.

После этих слов Дункана снова наступило молчание.

Глаза всех одновременно устремились на него, как бы желая допытаться, правда или ложь скрывается в его заявлении, и такой ум и проницательность светились в этих глазах, что Хейворд содрогнулся. Но из этого неприятного положения его вывел только что говоривший с ним индеец.

— Разве ученые люди из Канады раскрашивают свою кожу? — холодно продолжал гурон.— Мы слышали, как они хвастают, что их лица белы.

— Когда индейский вождь приходит к своим братьям белым,— возразил Дункан с большой уверенностью,— он снимает свою одежду из шкуры бизона, чтобы надеть предложенную ему рубашку. Мои братья раскрасили меня, и потому я хожу раскрашенным.

Сдержанный шепот одобрения показал, что этот комплимент племени произвел благоприятное впечатление. Пожилой вождь сделал одобрительный жест, который повторили большинство его товарищей. Дункан начал дышать свободнее, чувствуя, что самая тяжелая часть его испытания прошла; а так как он уже приготовил простой рассказ, который должен был придать правдоподобие его выдумке, то его надежды на успех окрепли.

После молчания, длившегося несколько минут, которое индейцы хранили как бы для того, чтобы привести в порядок свои мысли и дать приличный ответ на заявление их гостя, другой воин поднялся со своего места, приняв позу, которая свидетельствовала о его желании говорить. Но едва он раскрыл рот, как из лесу донесся тихий, но ужасный звук, за которым немедленно последовал высокий, пронзительный крик, похожий на жалобное завывание волка. Эта неожиданная страшная помеха заставила Дункана вскочить со своего места и забыть обо всем, кроме впечатления, произведенного на него ужасным криком. В тот же самый момент воины толпой хлынули из хижины, и воздух огласился громкими криками, почти заглушившими ужасные звуки, еще звеневшие под сводами деревьев. Дункан, будучи не в состоянии владеть собой, сорвался с места и стал в самой середине нестройной толпы. Мужчины, женщины и дети, старики, немощные и сильные,— все вышли из хижин; одни громко кричали, другие с бешеной радостью хлопали руками — словом, все выражали дикую радость по поводу какого-то неожиданного события. Дункан, оглушенный сперва криками, вскоре понял причину этого радостного возбуждения.

Было еще достаточно светло, для того чтобы увидеть яркие просветы между вершинами деревьев там, где несколько тропинок вело в глубину чащи. На одной из этих тропинок показалась группа воинов, медленно подвигавшаяся к жилищам. Один из них, шедший впереди, нес короткий шест, на котором, как оказалось потом, висело несколько человеческих скальпов. Странные крики, которые слышал Дункан, были теми, которые белые довольно метко называют «кличем смерти», и каждое повторение этих криков имело целью объявить племени об участи врага. До сих пор сведения, которые имел Хейворд о жизни индейцев, помогали ему понимать смысл происходившего перед его глазами. Так как он знал теперь, что перерыв в его объяснениях с индейцами произошел благодаря возвращению победоносного воинского отряда, то совершенно успокоился и в душе

поздравил себя с неожиданным улучшением своего положения, потому что индейцы, конечно, позабыли о нем.

Пришедшие воины остановились на расстоянии нескольких футов от жилищ. Их жалобные, страшные крики, возвещавшие одновременно о печальной участи убитых и о торжестве победителей, смолкли. Один из воинов громко прокричал какие-то слова, в которых, по-видимому, не было ничего страшного, но понять их было так же трудно, как и прежние исступленные крики. Невозможно дать правильное представление о диком восторге, с которым была принята сообщенная новость. Весь лагерь в один момент стал ареной самой неистовой суматохи и смятения. Воины выхватили свои ножи и, размахивая ими, построились в две линии, между которыми оставался проход, тянувшийся от вновь прибывшего отряда до хижин. Женщины схватили дубины и топоры и устремились к рядам индейцев, чтобы принять участие в ужасной игре, которая должна была сейчас начаться. Даже дети не составляли исключения: мальчики вытащили томагавки из-за поясов своих отцов и прокрались в ряды, подражая варварским обычаям своих родителей.

Около опушки леса были разбросаны большие связки хвороста; пожилая женщина поджигала их. При свете вспыхнувшего пламени побледнел свет угасающего дня, очертания всех предметов стали в одно и то же время и более отчетливыми и более страшными. Вся сцена представляла собой удивительную картину, рамкой которой служила темная и высокая кайма из сосен. На самом отдаленном фоне этой картины виднелись фигуры только что прибывших воинов. Немного впереди стояли двое мужчин, которые, по-видимому, должны были играть главную роль в предстоящем зрелище. Свет костра был недостаточно силен, для того чтобы можно было разглядеть черты их лица. Однако было видно, что один из них стоит твердо и прямо, готовый встретить свою участь как герой; голова другого была опущена на грудь, точно он был парализован ужасом или убит стыдом. Дункан почувствовал прилив симпатии к первому из них. Он зорко наблюдал за всеми, даже самыми незначительными движениями незнакомца. Вглядываясь в очертания его удивительно пропорционально сложенной фигуры, Дункан старался убедить себя, что молодой пленник должен выйти победителем из предстоящего ему страшного испытания. Незаметно для самого себя молодой человек приблизился к темным рядам гуронов и с любопытством, затаив дыхание ожидал предстоящего зрелища. Раздался страшный крик: то был сигнал. Мгновенно мертвая тишина сменилась взрывом криков, далеко превосходивших по силе все слышанное раньше. Пленник, у которого был угнетенный, беспомощный вид, остался неподвижным; другой же, услышав крик, сорвался со своего места с живостью и бы-

стротой оленя. Вместо того чтобы бежать среди рядов врага, как этого можно было ожидать, он только вступил в узкий проход и, раньше чем кто-либо успел нанести ему удар, круто повернув, перескочил через головы столпившихся детей и сразу очутился на внешней, менее опасной стороне грозных рядов. Эта хитрость была встречена проклятиями сотни голосов, и вся возбужденная толпа, смешав ряды, в диком беспорядке рассеялась по поляне.

Десяток пылающих куч хвороста освещал своим зловещим светом местность, походившую на какую-то адскую, фантастическую арену, где собрались злые духи для свершения своих кровавых и нечестивых обрядов.

Фигуры на заднем плане походили на какие-то призраки, скользящие перед глазами и рассекающие воздух бешеными, бессмысленными жестами; зверские инстинкты дикарей, которые пробегали мимо пылающих костров, со страшной отчетливостью обнаруживались на их возбужденных лицах. Вполне понятно, что беглец посреди такой многочисленной толпы врагов лишен был всякой возможности передохнуть.

Был момент, когда казалось, что он достиг леса, но целая толпа врагов забежала ему наперерез и погнала назад, в самую гущу безжалостных преследователей. Круто свернув в сторону, с быстротою стрелы, пущенной из лука, беглец понесся к костру, одним прыжком перепрыгнул через столб пламени и, благополучно миновав целую толпу преследователей, показался на противоложной стороне просеки. Но и здесь его встретили и заставили повернуть назад. Тогда он еще раз сделал попытку прорваться через толпу, как бы надеясь, что в суматохе ему удастся проскользнуть. Затем последовало несколько мгновений, в течение которых Дункан считал мужественного юношу погибшим.

Ничего нельзя было различить, кроме темных человеческих фигур, носившихся по всем направлениям в невообразимом смятении. В воздухе мелькали поднятые руки, сверкающие ножи и страшные дубины, но удары падали, видимо, наудачу. Пронзительные крики женщин и свирепые завывания воинов еще больше усиливали ужасное впечатление, производимое этой сценой. Время от времени Дункану удавалось уловить взглядом легкую фигуру, рассекавшую воздух отчаянными прыжками, и он скорее надеялся, чем верил, что пленник продолжает еще владеть своими удивительными мускулами. Вдруг толпа повернула назад и приблизилась к месту, где стоял Дункан. Чья-то тяжелая фигура врезалась сзади в группу женщин и детей, и многие из них упали от толчка на землю. В общей суматохе опять появился пленник. Однако человеческие силы не могли дольше выдерживать такое суровое испытание. Казалось, незнакомец сознавал это. Воспользовавшись образовавшимся на мгновение проходом, он стрелой промчался мимо воинов и сделал отчаянную и, как показалось

Дункану, последнюю попытку достигнуть леса. Высокий, здоровенный гурон бежал за ним почти по пятам, и его поднятая рука была уже готова нанести удар, но Дункан подставил ему ногу, и бешено мчавшийся дикарь грохнулся на землю в нескольких футах от намеченной им жертвы. Хотя на все это ушло не больше мгновения, тем не менее пленник с выгодой использовал этот момент; он повернулся, опять мелькнул, как метеор, перед глазами Дункана и в следующий момент уже стоял, спокойно прислонившись к тотему — маленькому раскрашенному столбу, врытому в землю перед главной хижиной.

Боясь, чтобы участие, которое он принял в избавлении пленника от опасности, не оказалось роковым для него самого, Дункан тотчас же покинул это место. Он последовал за подходившей к хижине толпой индейцев, мрачной и молчаливой, как всякая толпа, разочаровавшаяся в своем ожидании зрелища смертной казни. Влекомый любопытством или, может быть, другим, более благородным чувством, Дункан приблизился к незнакомцу. Последний стоял, обхватив одной рукой столб, и тяжело, с трудом дышал после сделанных им усилий, но ни одним жестом не обнаруживал испытываемых страданий. Он был теперь под покровительством священного обычая до тех пор, пока племя на своем совете не обсудит и не решит его участи. Однако нетрудно было предсказать решение этого совета.

Не было такого ругательства в словаре гуронов, которого разочарованные женщины не бросили бы в лицо незнакомцу. Они насмехались над его усилиями, говорили, что его ноги лучше его рук, что ему надо бы иметь крылья, так как он незнаком с употреблением лука и ножа. На все эти оскорбления пленник не отвечал ни единым словом; его лицо выражало только чувство собственного достоинства и презрения. Ругательства женщин становились все более бессмысленными и сопровождались пронзительным, резким воем. Женщина, предусмотрительно зажегшая кучу хвороста, протиснулась через толпу и очистила себе место перед столбом, у которого стоял незнакомец. Отвратительная, иссохшая фигура этой женщины невольно наводила на мысль о том, что эта женщина — колдунья. Этой репутацией она и пользовалась среди своего племени. Откинув свое покрывало, она с насмешкой вытянула костлявую руку и, говоря на наречии ленапов, начала свои издевательства.

— Послушай, делавар! — сказала она, щелкая пальцами перед его лицом.— Ваше племя — бабье племя, и мотыга больше годится для ваших рук, чем ружье. Ваши женщины — матери оленей, и, если бы медведь, или дикая кошка, или змея родились между вами, вы бы обратились в бегство. Гуронские девушки сошьют тебе юбку, а мы отыщем тебе мужа...

За этой выходкой последовал взрыв дикого смеха, во время

которого более приятные, музыкальные голоса молодых женщин странным образом смешивались с надтреснутым голосом их старой подруги. Но незнакомец пренебрегал всеми этими издевательствами. Он точно не замечал, что окружен врагами. И только однажды его надменный взгляд обратился в сторону воинов, безмолвных и угрюмых свидетелей этой сцены.

Самообладание пленника вызвало ярость женщины; она подбоченилась и снова разразилась потоком брани. Однако старуха напрасно тратила свой пыл. Хотя она славилась среди своих соплеменников необычайным умением ругаться и дошла до такой степени бешенства, что пена выступила у нее на губах, ни один мускул не дрогнул на неподвижном лице незнакомца. Действие, производимое его равнодушием на старуху, начало распространяться и на зрителей. Какой-то подросток попробовал было помочь ведьме. Размахивая томагавком перед лицом жертвы, он присоединил к ее ругательствам свои нелепые хвастливые слова. Пленник (это был Ункас) повернул лицо к свету и посмотрел на мальчишку сверху вниз с выражением крайнего презрения. В следующее мгновение он уже овладел собой и по-прежнему спокойно стоял, прислонившись к столбу. Но в тот момент, когда пленник поворачивал голову, он взглянул прямо в глаза Дункану, и, поймав на себе этот твердый, проницательный взгляд, Дункан понял, что перед ним Ункас.

Пораженный и глубоко опечаленный критическим положением своего друга, Хейворд попятился, опасаясь, что их взгляд перехватят и это ускорит вынесение приговора. Тем не менее никакой основательной причины для подобных страхов не было. В это время один воин проложил себе путь в раздраженной толпе. Суровым жестом отодвинув в сторону женщин и детей, он взял Ункаса за руку и повел его к двери хижины, где происходили советы племени. Туда последовали все вожди и бóльшая часть знаменитых воинов; озабоченный Хейворд нашел способ войти туда с толпой индейцев, не привлекая к себе их внимания.

В течение нескольких минут присутствующие размещались в хижине сообразно чину и влиянию, которым они пользовались в племени: в общем, соблюдался тот же порядок, в котором происходил допрос Хейворда. Пожилые воины и главные вожди заняли середину обширного помещения, освещенную сильным светом пылающего факела, тогда как более молодые и низшие по чину поместились на заднем плане, где их смуглые раскрашенные лица составили темный круг. В центре хижины, под самым отверстием в крыше, через которое видно было мерцание звезд, стоял Ункас, спокойный, высокий и сосредоточенный.

Его высокомерный, надменный вид не мог остаться не замеченным его врагами; взоры их часто останавливались на его лице с выражением, которое хотя и свидетельствовало о не-

преклонности их решения, но ясно выдавало их восхищение смелостью пленника.

Совсем иначе обстояло дело с человеком, которого Дункан видел рядом с Ункасом до его отчаянного прыжка. Среди шума и суматохи, вызванных этим неожиданным бегством, он оставался неподвижным, словно статуя. Хотя ни одна рука не протянулась к нему, ни одна пара глаз не следила за его движениями, он все же вошел в хижину, как бы вынуждаемый к этому роком, велениям которого он подчинялся, по-видимому, без борьбы. Хейворд воспользовался первым случаем, чтобы взглянуть ему в лицо, в глубине души опасаясь узнать в нем кого-нибудь из своих друзей. Но лицо оказалось незнакомым ему и, что было еще более необъяснимо, носило все отличительные признаки гуронов. Однако, вместо того чтобы смешаться со своими соплеменниками, он сел в стороне в согбенной, униженной позе, точно стараясь занять как можно меньше места. Когда все индейцы уселись и в хижине наступила тишина, седовласый вождь, уже знакомый читателю, заговорил громким голосом на наречии ленни-ленапов.

— Делавар,— сказал он,— хотя ты и принадлежишь к племени женщин, тем не менее ты вел себя как мужчина. Я накормил бы тебя, но тот, кто разделит свой обед с гуроном, должен стать его другом. Оставайся в мире до восхода солнца, когда мы сообщим тебе свое решение.

— Семь ночей и столько же дней я постился, преследуя гуронов,— холодно возразил Ункас.— Дети ленапов умеют шествовать стезею справедливости, не томясь по еде.

— Двое моих воинов преследуют твоего товарища,— продолжал вождь, не обращая внимания на похвальбу пленника.— Когда они вернутся назад, наши старейшины скажут тебе: жить или умереть.

— Разве у гурона нет ушей? — презрительно воскликнул Ункас.— Два раза с тех пор, как делавар стал вашим пленником, он слышал выстрел из знакомого ему ружья. Ваши воины никогда не вернутся назад.

За этим смелым утверждением последовала короткая и угрюмая пауза. Дункан, понимавший, что могиканин намекает на роковое ружье разведчика, нагнулся вперед, внимательно наблюдая за впечатлением, которое этот намек мог произвести на победителей, но вождь удовлетворился простым возражением:

— Если ленапы так искусны, то почему один из их храбрейших воинов находится здесь?

— Он следовал по пятам за убегавшим трусом и попал в западню. Мудрый бобр и тот может быть пойман.

Говоря так, он указал пальцем на гурона, сидевшего в стороне. Взоры всех среди общего молчания устремились на это-

го человека, и тихий угрожающий ропот пронесся в толпе.

Зловещие звуки привлекли в хижину женщин и детей; стало так тесно, что не оставалось ни одного промежутка между плечами присутствующих, откуда не выглядывало бы чье-нибудь смуглое лицо.

Тем временем пожилые воины в центре хижины обменивались друг с другом короткими, отрывистыми фразами. Потом опять наступила продолжительная торжественная пауза. Все замерли в ожидании серьезного важного решения. Стоявшие сзади приподнялись на цыпочках, чтобы видеть происходящее, и даже преступник забыл свой стыд под влиянием еще более глубокого чувства и, подняв голову, открыл взорам присутствующих презренные черты своего лица, чтобы бросить беспокойный, боязливый взгляд на мрачное собрание вождей.

Наконец молчание было нарушено вождем. Поднявшись с пола и пройдя мимо Ункаса, он встал перед преступником в позе, полной достоинства. В этот момент все та же костлявая женщина медленно и как-то боком, подплясывая, вошла в середину собрания, держа в руках факел и бормоча какие-то невнятные слова... может быть, заклинания. Хотя ее появление являлось совершенно непрошеным вмешательством в церемонию суда, на нее никто не обратил внимания.

Приблизившись к Ункасу, она привела свою пылающую головню в такое положение, чтобы хорошенько осветить красноватым светом его лицо и сделать заметным проявление малейшего волнения на нем.

Могиканин сохранял свою твердую и высокомерную позу, и его глаза были неизменно устремлены в пространство, как будто они, преодолевая все препятствия, глядели в будущее. Удовлетворенная своим осмотром, женщина отошла от Ункаса и осветила головней лицо своего провинившегося соплеменника.

Гурон носил боевую окраску. Одежда едва прикрывала его прекрасно сложенную фигуру. При свете факела он был ясно виден весь, с головы до ног. Дункан в ужасе отвернулся, увидев, как судорожно тряслось его тело. Женщина при виде этого печального, постыдного зрелища издала жалобный вопль, но в это время вождь, протянув вперед руку, тихо отстранил ее.

— Шаткий Тростник,— сказал он, обращаясь к молодому преступнику на его родном языке и называя его по имени,— хотя Великий Дух дал тебе привлекательную внешность, тем не менее было бы лучше, если бы ты не родился на свет. Твой голос громко раздается в деревне, в битве же он не слышен. Ни один из моих молодых воинов не всаживает томагавка глубже, чем ты, в столб для военных упражнений. Но неприятель знает, как выглядит твоя спина, и никогда не видел, какого цвета твои глаза. Три раза вызывали тебя на бой, и три раза ты забывал

дать ответ. Твое имя никогда не будет произноситься людьми твоего племени — оно уже забыто.

В то время как вождь произносил эти слова, останавливаясь после каждой фразы, чтобы усилить их впечатление, преступник из уважения к его рангу и возрасту поднял голову.

Выражение стыда беспрестанно сменялось на его лице выражением ужаса и гордости. Сузившиеся от душевного страдания глаза блуждали, останавливаясь то на одном, то на другом из дикарей, от которых зависела его участь. Гордость в последнее мгновение взяла верх. Он встал и, обнажив грудь, твердо взглянул на острый сверкающий нож, уже занесенный над ним неумолимым судьей. Он даже улыбнулся, когда оружие вонзилось ему в сердце, как бы радуясь, что смерть оказалась менее страшной, чем он предполагал, и тяжело упал ничком к ногам Ункаса, продолжавшего стоять сурово и непреклонно.

Женщина вскрикнула и, затушив факел о землю, погрузила хижину во мрак. Толпа зрителей поспешно покинула судилище, и Дункану показалось, что в хижине не осталось никого, кроме него и трепещущего тела гурона.

Глава XXIV

Тогда сказал мудрец: «Король, скорей! Не жди!
Совет свой разгони — смирятся все вожди...»

П о п, «Илиада»

Но уже в следующее мгновение Дункан убедился в своей ошибке. Сильная рука легла на его плечо, и он услышал тихий голос Ункаса, шептавшего ему на ухо:

— Гуроны — собаки. Зрелище крови не страшно воину. Седая Голова и сагамор невредимы, и ружье Соколиного Глаза бодрствует. Ступай! Ункас и Щедрая Рука незнакомы друг с другом. Довольно.

Хейворд был бы рад услышать больше, но легкий толчок руки друга заставил его направиться к выходу и напомнил ему об опасности, которую мог повлечь за собой их разговор, если бы он был обнаружен. Медленно и неохотно уступая необходимости, он покинул хижину и смешался с толпой, бродившей поблизости. Потухающие костры на просеке бросали тусклый, неверный свет на смуглые фигуры индейцев, в молчании прохаживавшихся около хижины; случайно вспыхнувшее яркое пламя осветило хижину, и на мгновение стала видна фигура Ункаса около мертвого тела.

Группа воинов вскоре опять вошла в хижину; они вынесли

оттуда труп и отнесли его в соседний лес. Дункан пошел бродить между хижинами, стараясь найти какие-нибудь следы той, ради которой он подвергался опасности. Никто не обращал на него внимания, он мог бы легко бежать и присоединиться к своим товарищам, если бы такое желание у него явилось. Но, не говоря уже о непрестанном беспокойстве за Алису, Хейворд волновался теперь и за Ункаса, и все это вместе удерживало его в лагере индейцев. Поэтому он продолжал бродить от хижины к хижине, заглядывая в каждую из них только для того, чтобы убедиться в окончательной безуспешности своих поисков. Так обошел он всю деревню. Отказавшись от бесполезных розысков, он той же дорогой пошел обратно к хижине совета, решив отыскать Давида.

Достигнув строения, которое оказалось одновременно и судилищем и местом казни, молодой человек увидел, что возбуждение индейцев уже утихло. Воины опять собрались в хижине и теперь спокойно курили трубки, степенно разговаривая о последнем походе к верховьям Хорикэна. Возвращение Дункана, вероятно, напомнило им о его профессии и о подозрительных обстоятельствах его появления, но они, казалось, не обратили на него внимания. До сих пор обстоятельства благоприятствовали планам Хейворда, и ему не нужно было никакого другого советчика, кроме его собственных чувств, чтобы убедиться в том, что настало время действовать.

Не выдавая ничем своей неуверенности, он вошел в хижину и сел с важным видом, гармонировавшим с манерами его хозяев. Одного мгновенного, но пытливого взгляда было для него достаточно, чтобы убедиться в том, что Ункас все еще оставался на том же месте, где он покинул его, но Давид куда-то бесследно исчез. Никаких других стеснений, кроме бдительных взоров молодого гурона, расположившегося около него, пленник не испытывал, хотя вооруженный воин стоял, прислонившись к дверному косяку. Во всех других отношениях пленник, казалось, пользовался полной свободой, но он не принимал никакого участия в разговоре и походил гораздо больше на изваянную из камня прекрасную статую, чем на человека, обладающего жизнью и волей.

Хейворд, еще так недавно наблюдавший, с какой быстротой индейцы расправляются со своими врагами, понял, что не должен привлекать к себе их внимания какой-нибудь неосторожной выходкой. Поэтому он предпочитал больше молчать и размышлять, чем разговаривать; однако вскоре после того, как он сел на свое место, которое благоразумно избрал в тени, один из пожилых вождей, говоривших по-французски, обратился к нему.

— Мой канадский отец не забывает своих детей,— сказал вождь.— Я благодарен ему. Злой дух вселился в жену одного молодого воина. Может ли искусный чужестранец изгнать его?

Хейворд знал некоторые приемы шарлатанского лечения,

практикуемого индейцами в подобных случаях. Он понял сразу, что этим приглашением можно будет воспользоваться для достижения своей цели. Трудно было бы в настоящую минуту сделать предложение, которое доставило бы ему больше удовольствия. Однако, зная о необходимости поддерживать достоинство своего мнимого звания, он подавил свои чувства и ответил с приличествующей таинственностью:

— Дýхи бывают разные. Одни отступают перед мудростью, тогда как другие могут оказаться слишком сильными.

— Мой брат — великий врачеватель,— сказал хитрый индеец,— пусть он попробует.

Дункан ответил жестом согласия. Индеец удовольствовался этим знаком и, закурив трубку, ждал момента, когда можно будет отправиться в путь, не теряя достоинства. Нетерпеливый Хейворд, проклиная в душе церемонные обычаи индейцев, вынужден был принять такой же равнодушный вид, какой был у вождя. Минуты тянулись одна за другой и казались Хейворду часами. Наконец гурон отложил в сторону трубку и перекинул плащ через плечо, намереваясь направиться в жилище больной. В это самое время проход в дверях заслонила могучая фигура какого-то воина, который неслышной поступью молча прошел между насторожившимися воинами и сел на свободный конец низкой связки хвороста, на которой сидел Дункан. Последний бросил нетерпеливый взгляд на своего соседа и почувствовал, как непреодолимый ужас овладевает им: рядом с ним сидел Магуа.

Неожиданное возвращение коварного, страшного вождя задержало гурона. Несколько потухших трубок были зажжены снова; вновь пришедший, не говоря ни слова, вытащил из-за пояса свой томагавк и, наполнив табаком отверстие в его обухе, начал втягивать табачный дым через полую ручку томагавка с таким равнодушием, точно утомительная охота, на которой он провел два последних дня, была для него сущим пустяком. Так прошло, может быть, минут десять, показавшихся Дункану веками. Воины были уже совершенно окутаны облаками белого дыма, прежде чем один из них решился наконец заговорить:

— Добро пожаловать! Нашел ли мой друг дичь?

— Юноши шатаются под тяжестью своей ноши,— ответил Магуа.— Пусть Шаткий Тростник пойдет по охотничьей тропинке — он встретит их.

Последовало глубокое и суеверное молчание. Все вынули изо рта свои трубки, как будто в это мгновение они вдыхали что-то нечистое. Дым тонкими струйками клубился над их головой и, свиваясь в кольца, поднимался через отверстие в крыше, благодаря чему воздух в хижине очистился и смуглые лица индейцев стали отчетливо видны. Взоры большинства устремлены были на пол; некоторые из более молодых воинов

скосили глаза в сторону седовласого индейца, сидевшего между двумя самыми уважаемыми вождями. Ни в осанке, ни в костюме этого индейца не было ничего, что могло бы дать ему право на такое исключительное внимание. Осанка его, с точки зрения туземцев, не представляла ничего замечательного; одежда была такой, какую обыкновенно носили рядовые члены племени. Подобно большинству присутствующих, он больше минуты смотрел в землю; когда же решился поднять глаза, чтобы украдкой взглянуть на окружающих, то увидел, что он составляет предмет общего внимания. Среди полного безмолвия индеец встал.

— Это была ложь,— сказал он.— У меня не было сына. Тот, кого так называли, забыт: у него была бледная кровь, это не кровь гурона. Злой, лукавый чиппевей обольстил мою жену. Великий Дух сказал, что род Уисс-ентуша должен окончиться. Уисс-ентуш счастлив, что зло его рода кончится вместе с ним. Я кончил.

Это был отец трусливого молодого индейца. Он оглянулся вокруг, как бы ища одобрения своему стоицизму в глазах своих слушателей. Но суровые обычаи индейцев ставили требования, слишком тяжелые для слабого старика. Выражение его глаз противоречило образным и хвастливым словам: каждый мускул его морщинистого лица дрожал от муки. Простояв минуту, как бы наслаждаясь своим горьким триумфом, он повернулся, точно ослабев от взглядов людей, и, закрыв лицо плащом, бесшумной поступью вышел из хижины, чтобы в тишине своего жилища найти сочувствие со стороны такого же старого, несчастного существа — его жены.

Индейцы, верящие в наследственную передачу добродетелей и недостатков характера, предоставили ему возможность уйти среди общего молчания. Затем один из вождей отвлек внимание присутствующих от этого тягостного зрелища и сказал веселым голосом, обращаясь из вежливости к Магуа, как к вновь пришедшему:

— Делавары бродят вокруг моей деревни, как медведи около горшков с медом. Но разве кому-нибудь удавалось застать гурона спящим?

Лицо Магуа было мрачнее тучи, когда он воскликнул:

— Делавары с озер?

— Нет. Те, которые живут на своей родной реке. Один из них вышел за пределы своего племени.

— Сняли с него скальп мои юноши?

— Его ноги оказались выносливыми, хотя его руки лучше работают мотыгой, чем томагавком,— ответил другой, указывая на неподвижную фигуру Ункаса.

Вместо того чтобы проявить любопытство и поспешить на-

сладиться лицезрением пленника, Магуа продолжал курить с задумчивым видом. Хотя его удивляли факты, которые сообщил в своей речи старик отец, тем не менее он не позволил себе задавать вопросы, отложив это до более подходящего момента. Только после того, как прошел значительный промежуток времени, он вытряхнул пепел из своей трубки, засунул томагавк за пояс и встал с места, первый раз бросив взгляд в сторону пленника, который стоял немного позади него. Бдительный, хотя и казавшийся задумчивым Ункас заметил это движение; он внезапно повернулся к свету; взгляды их встретились. Почти целую минуту оба смелых и неукротимых воина твердо смотрели друг другу в глаза, и ни тот, ни другой не испытал ни малейшего смущения перед свирепым взглядом противника. Фигура Ункаса стала как бы еще больше, а ноздри его расширились, как у загнанного зверя, приготовившегося к отчаянной защите; но так непоколебима была его поза, что воображению зрителей нетрудно было бы превратить его в превосходное изображение бога войны его племени. Вызывающее выражение на лице Магуа сменилось выражением злорадства, и он громко произнес грозное имя:

— Быстроногий Олень!

Все воины вскочили на ноги, когда было произнесено это хорошо им известное имя, и на некоторое время удивление взяло верх над стоическим спокойствием индейцев. Ненавистное и тем не менее уважаемое имя было повторено всеми воинами и прозвучало даже за пределами хижины. Женщины и дети, ожидавшие у входа в хижину, подхватили его дружным эхом, за которым последовал пронзительный, жалобный вой.

Этот вой не затих еще окончательно, когда волнение мужчин уже совершенно улеглось. Все снова сели на свои места, как бы стыдясь того чувства изумления, которое они выказывали, но прошло еще много времени, прежде чем выразительные взгляды перестали обращаться в сторону пленника; все с любопытством рассматривали воина, который так часто доказывал свою доблесть в битвах с гуронами.

Ункас наслаждался своей победой, но торжество его не выражалось ничем, кроме спокойной презрительной улыбки.

Магуа заметил эту улыбку и, подняв руку, потряс ею перед пленником; серебряные украшения, подвешенные к его браслету, бренчали, когда голосом, полным мстительного чувства, он воскликнул по-английски:

— Могиканин, ты умрешь!

— Целебные воды никогда не вернут к жизни мертвых гуронов,— ответил Ункас делаварским певучим говором,— быстрая река омывает их кости; их мужчины — бабы, их женщины — совы. Ступай позови своих гуроновских собак, чтобы они

могли посмотреть на воина. Мое обоняние оскорблено — оно слышит запах крови труса.

Последний намек глубоко задел индейцев — обида была велика. Многие понимали странный язык, на котором говорил пленник. Хитрый Магуа понял выгодность момента и немедленно использовал его. Сбросив со своего плеча легкую одежду из кожи, он простер руку вперед, и его опасное, коварное красноречие полилось бурным потоком. Как бы ни было ослаблено влияние Магуа на племя случайными промахами и дезертирством из рядов племени, его мужество и ораторский талант были велики. У него всегда находились слушатели, и ему редко не удавалось убедить их. Теперь же талант подкреплялся охватившей его жаждой мести.

Сперва он рассказал о событиях, сопровождавших нападение на остров у Гленна, о смерти товарищей и бегстве самых опасных врагов племени. Затем он описал природу и расположение горы, куда он отвел тех пленников, которые попали в их руки. О своих собственных зверских намерениях по отношению к девушкам и о своем неудавшемся коварстве он не упомянул, но рассказал о неожиданном нападении отряда Длинного Карабина и его роковом исходе. Здесь он сделал паузу и оглянулся вокруг. Как всегда, глаза всех были устремлены на него. Все эти смуглые фигуры казались статуями — так неподвижны были их позы и так напряженно внимание.

Затем Магуа понизил голос, до сих пор сильный и звонкий, и коснулся заслуг умерших. Ни одного качества, которое было бы способно возбудить симпатию в индейцах, он не упустил из виду. Один никогда не возвращался с охоты с пустыми руками, другой был неутомим в погоне за неприятелем. Этот храбр, тот щедр... Словом, он так искусно давал характеристики умершим, что сумел возбудить сочувствие в каждом из членов племени.

— Лежат ли кости моих юношей,— заключил он,— на кладбище гуронов? Вы знаете, что нет. Их души ушли в сторону заходящего солнца и уже пересекают великие воды на пути к счастливой стране вечной охоты. Но они отправились в путь без запасов пищи, без ружей, без ножей, без мокасин, нагие и нищие. Можно ли это допустить? Должны ли их души войти в страну справедливости подобно голодным ирокезам и трусливым делаварам или они встретят своих друзей с оружием в руках и с одеждой на плечах? Что подумают наши отцы, увидев, чем стали племена вейандотов? Они окинут наших детей мрачным взглядом и скажут им: «Ступайте! Под именем гуронов пришли сюда чиппевеи». Братья, мы не должны забывать умерших! Нагрузим спину этого могиканина, пока он не зашатается под тяжестью наших даров, и пошлем его вслед за моими юношами. Они взывают к нам о помощи; они говорят: «Не забывайте нас». Когда они уви-

дят душу этого могиканина, идущую вслед за ними, изнемогая под своею ношей, они поймут наши намерения. Тогда они будут продолжать свой путь счастливые, и наши друзья скажут: «Так поступали наши отцы со своими друзьями, так же и мы должны поступить с ними». Что значит один ингиз? Мы убили много ингизов, но земля все еще не напиталась их кровью. Пятно на имени гурона может быть смыто только кровью индейца. Этот делавар должен умереть!

Магуа так искусно затронул своей речью симпатии слушателей, что всякое чувство гуманности было окончательно подавлено жаждой мести. Один воин с дикой и свирепой наружностью проявлял особенно горячее внимание к словам оратора. На лице его попеременно отражались все волновавшие его чувства, уступившие наконец место выражению смертельной злобы. Когда Магуа кончил, воин поднялся со своего места, вскрикнул, и в то же мгновение при свете факела сверкнул его маленький блестящий топор, которым он быстро взмахнул над своей головой. Его движение и крик были так неожиданны, что словами уже нельзя было помешать его намерениям. Казалось, будто яркий луч света вдруг сверкнул из его руки, и в тот же момент его пересекла какая-то темная резкая линия. Это гурон метнул свой томагавк, а Магуа отклонил его от цели. Быстрое и ловкое движение вождя не запоздало. Острое оружие перерубило боевое перо на головном уборе Ункаса и прошло через хрупкую стену хижины, как будто оно было пущено какой-нибудь страшной метательной машиной.

Дункан, видя угрожающий жест индейца, вскочил на ноги, преисполненный самых благородных намерений по отношению к своему другу. Ему было достаточно одного взгляда, чтобы убедиться, что удар не достиг цели, и его ужас сменился восхищением: Ункас спокойно стоял, глядя в глаза своему врагу холодно и твердо. Затем, как бы сожалея, что враг так неискусен, он улыбнулся и пробормотал несколько презрительных слов на своем языке.

— Нет,— сказал Магуа, удостоверившись, что его пленник невредим,— солнце должно осветить его позор, женщины должны видеть, как будет трепетать его плоть, иначе наша месть будет подобна ребяческой забаве. Уведите его туда, где царит безмолвие. Посмотрим, может ли делавар спокойно проспать ночь, зная, что на следующее утро он должен умереть!

Молодые люди, на обязанности которых лежало стеречь пленника, немедленно связали ему руки ивовыми прутьями и повели его из хижины посреди глубокого, зловещего молчания. Только в тот момент, когда Ункас был уже в дверях, он слегка замедлил свою твердую поступь, и в быстром и высокомерном взгляде, которым он окинул врагов, Дункан с радостью заметил

выражение, свидетельствующее о том, что надежда на спасение не окончательно покинула его.

Магуа был слишком доволен успехом и занят своими тайными планами, чтобы продолжать расспросы; запахнув плащ на груди, он также ушел из хижины, не продолжая разговора, который мог оказаться таким роковым для его соседа. Несмотря на все возрастающее негодование, природную твердость и беспокойство об участи Ункаса, у Хейворда все-таки отлегло от сердца, когда этот опасный и хитрый враг исчез.

Возбуждение, вызванное речью Магуа, постепенно улеглось. Воины заняли свои места, и облака дыма снова наполнили хижину. Прошло с полчаса. Никто не произнес ни слова, почти никто не повернул головы. Царило важное, сосредоточенное молчание, всегда наступающее после бурной сцены среди этих людей, которые были так пылки и в то же время отличались большим самообладанием.

Когда вождь, просивший помощи Дункана, выкурил свою трубку, он сделал окончательную и на этот раз успешную попытку уйти из хижины, пригласив молчаливым жестом мнимого лекаря следовать за ним.

Пройдя сквозь клубы дыма, Дункан с радостью вдохнул свежий воздух прохладного летнего вечера.

Вместо того чтобы пойти между хижинами, где Хейворд производил свои безуспешные поиски, спутник его свернул в сторону и пошел прямо к подошве горы, господствовавшей над поселком; подниматься на гору приходилось по извилистой узкой тропинке. На прогалине мальчики возобновили свои игры. Пламя костров осветило путь вождя и Дункана, придавая еще более мрачный характер суровому пейзажу. Они вошли в расселину, поросшую кустарником. Как раз в этот момент вспыхнувшее могучее пламя костра ярко осветило всю окрестность, и какое-то темное, таинственное существо неожиданно встало на их пути.

Индеец остановился.

Большой черный шар начал двигаться совершенно необъяснимо для Дункана. Пламя снова усилилось, его свет упал на таинственное существо. Теперь даже Дункан узнал его по беспокойным и неуклюжим телодвижениям. Это был медведь. Он громко и свирепо завыл, но не выказывал других признаков враждебности. Гурон был, по-видимому, уверен в мирных намерениях странного пришельца; внимательно посмотрев на него, он спокойно продолжал свой путь.

Дункан знал, что ручные медведи часто живут у индейцев, и тоже спокойно следовал за своим спутником, предполагая, что этот медведь — любимец племени. Гурон прошел мимо зверя, не теряя времени на дальнейшие наблюдения. Но Хейворд невольно оглядывался на медведя, боясь нападения сзади. Его беспо-

койство нисколько не уменьшилось, когда он увидел, что медведь бежит за ними по тропинке. Он хотел заговорить, но в эту минуту индеец, отворив дверь из древесной коры, вошел в пещеру, находившуюся в глубине горы.

Дункан шагнул вслед за ним, радуясь возможности поставить хотя бы легкую преграду между собой и медведем, как вдруг почувствовал, что дверь вырывают из его рук, и опять увидел косматую фигуру. Они находились теперь в узкой длинной галерее среди двух скал; уйти оттуда, не встретившись с животным, было невозможно. Молодой человек быстро шел вперед, стараясь держаться как можно ближе к своему проводнику Медведь ревел время от времени, идя за ним, и раза два клал ему на плечи свои громадные лапы.

Трудно сказать, как долго выдержали бы нервы Хейворда, попавшего в такое необыкновенное положение, но, к счастью, перед глазами его замерцал слабый свет, и вскоре они дошли до места, откуда он исходил.

Огромная пещера в глубине скалы была кое-как приспособлена для жилья. Перегородки были сделаны из камней, ветвей и древесной коры. Отверстия на верху помещений давали доступ дневному свету, а ночью жилища освещались кострами и факелами, которые сменяли дневной свет. Сюда гуроны складывали бо́льшую часть своих ценных вещей, общее достояние всего племени. Сюда же, как оказалось, была перенесена и больная женщина, которую считали жертвой сверхъестественных сил. Думали, что мучившему ее бесу будет труднее совершать свои нападения на нее через каменные стены, чем через крыши хижин, сделанные из ветвей. Помещение, в которое попали Дункан и его проводник, было целиком отведено для больной.

Проводник подошел к ложу больной; около нее стояло несколько женщин. Среди них Хейворд с удивлением увидел Давида.

Одного взгляда на больную было достаточно для мнимого врача, чтобы убедиться, что ее болезнь требует настоящих медицинских познаний. Она лежала как бы в параличе, равнодушная ко всему окружающему. Хейворд не испытывал чувства стыда, так как видел, что жизнь больной нисколько не зависит от успеха или неудачи его лечения. Легкие угрызения совести, которые он чувствовал раньше, сразу утихли, и он стал подготавливаться к выполнению своей роли. Однако Дункан заметил, что его предвосхитили и желают испробовать на больной могущество музыки.

Гамут в ту минуту, как вошли посетители, готовился излить свою душу в пении; подождав немного, он начал петь гимн, который мог бы произвести чудо, если бы только вера имела в данном случае какое-нибудь значение. Ему позволили допеть до

конца, так как индейцы относились с уважением к его воображаемой помощи. Хейворд был очень рад этой отсрочке. Когда замирающие звуки гимна донеслись до слуха Хейворда, он невольно отскочил, услышав, что кто-то сзади него повторяет их замогильным голосом. Оглянувшись, он увидел, что косматое чудовище, сидя в тени пещеры, беспокойно и неуклюже раскачивается и повторяет тихим рычанием звуки гимна.

Трудно описать впечатление, произведенное на Давида таким странным эхом. Глаза его широко раскрылись, голос внезапно пресекся от изумления... Под влиянием чувства, скорее похожего на страх, чем на удивление, он громко крикнул Хейворду: «Она близко и ждет вас!» — и стремительно выбежал из пещеры.

Глава XXV

М и л я г а. А у вас роль Льва переписана? Вы мне теперь же ее дайте, а то у меня память очень туга на ученье.

П и г в а. Тут и учить-то нечего, и так сыграешь, тебе придется только рычать

Ш е к с п и р, «Сон в летнюю ночь»

Эта сцена представляла собой странную смесь смешного с торжественным. Животное продолжало раскачиваться, по-видимому нисколько не уставая; но его смешные попытки подражать мелодии, напеваемой Давидом, прекратились, лишь только последний покинул поле действия. Слова Гамута, брошенные им на его родном языке, как показалось Дункану, имели тайный смысл, хотя ничто из окружающего не помогало обнаружить предмет его поисков. К ложу больной подошел вождь и дал знак удалиться женщинам, собравшимся толпой, чтобы посмотреть на искусство незнакомца. Женщины послушались безропотно, но неохотно. Когда замолкло эхо, разбуженное хлопнувшей в отдалении дверью, вождь указал на больную, которая была его дочерью, как оказалось впоследствии, и сказал:

— Пусть брат мой покажет свою силу.

Призванный так повелительно к исполнению принятой на себя роли, Хейворд с тревогой подумал, что малейшее колебание может оказаться опасным. Он постарался припомнить те своеобразные заклинания и странные обряды, которыми индейские колдуны прикрывают обыкновенно свое невежество и бессилие. Более чем вероятно, что в том состоянии смятения, в котором был Дункан, он мог тут же сделать какую-нибудь роковую ошибку, если бы грозный рев четвероногого не остановил его в самом начале. Три раза он возобновлял свои попытки и всякий

раз встречал то же непонятное сопротивление, причем при каждом перерыве рев животного казался все более диким и грозным.

— Демоны ревнуют,— сказал гурон,— я ухожу. Брат, эта женщина — жена одного из моих самых храбрых воинов, поступи с ней справедливо... Тише,— сказал он раздраженному зверю,— я ухожу.

Дункан остался в странном, пустынном помещении наедине с беспомощной больной и опасным зверем. Последний прислушивался к движениям индейца с тем смышленым видом, которым отличаются медведи, пока новый звук эха не возвестил, что вождь вышел из пещеры. Тогда медведь повернулся, подошел, переваливаясь, к Дункану и сел против него в своей обычной позе.

Молодой человек оглянулся вокруг, ища орудия, чтобы отразить нападение, которого он ожидал.

Но настроение животного, по-видимому, внезапно изменилось. Он уже не ворчал, не выражал никаких других признаков гнева; все его громадное косматое тело тряслось как бы от какого-то странного внутреннего волнения, неуклюжими передними лапами он тер свою словно ухмыляющуюся морду. Хейворд не сводил глаз с медведя и вдруг увидел, как страшная голова упала набок и на ее месте появилось добродушное лицо разведчика.

— Тсс! — сказал осторожный житель лесов, прерывая восклицание Хейворда.— Негодяи бродят вокруг.

— Скажите, что означает этот маскарад и почему вы решились на такое отчаянное предприятие?

— Ах! Бывают случаи, когда приходится отложить в сторону и благоразумие и расчет,— ответил разведчик.— Но так как всякая история должна начинаться с начала, то я расскажу вам все по порядку. После того как мы расстались, я поместил коменданта и сагамора в старой хижине бобра; там они в большей безопасности от гуронов, чем в крепости Эдвард: северо-восточные индейцы продолжают почитать бобров, так как среди индейцев еще не завелись торговцы. Потом мы с Ункасом, как было уговорено, пошли к индейскому лагерю. Вы не видели Ункаса?

— Видел, к великому своему огорчению. Он взят в плен и приговорен к смерти. Казнь должна совершиться на рассвете.

— Я предвидел, что такова будет его судьба,— проговорил разведчик уже не таким веселым тоном, как прежде. Но вскоре голос его приобрел обычную твердость, и он продолжал: — Его несчастье, собственно, и привело меня сюда, потому что нельзя оставить в жертву гуронам такого чудесного малого. Вот обрадовались бы негодяи, если бы могли привязать сразу к одному столбу Быстроногого Оленя и Длинного Карабина, как они называют меня! Хотя я никогда не мог понять, почему они назвали меня так, потому что между выстрелом из «оленебоя»

и выстрелами из канадских карабинов такая же разница, как между мелом и кремнем...

— Рассказывайте по порядку,— нетерпеливо проговорил Хейворд,— ведь мы не знаем, когда могут вернуться гуроны.

— Нечего бояться их. Они знают, что «исцелителю» надо дать время. У нас не будет никакой помехи, как у проповедника в начале двухчасовой беседы... Итак, мы с Ункасом встретились с плутами, которые возвращались в селение. Мальчик зашел слишком далеко для разведки. Впрочем, его нельзя и осуждать за это, так как кровь у него горячая, к тому же один из гуронов оказался трусом, бежал и таким образом завел его в засаду.

— Но этот гурон дорого поплатился за свою слабость!

Разведчик многозначительно провел рукой по горлу и кивнул головой, как бы говоря: «Я понимаю смысл ваших слов». Затем он продолжал:

— После исчезновения мальчика я, как вы можете судить, бросился на гуронов. Между мной и двумя из отставших произошла стычка; но это не относится к делу. Итак, после того как я застрелил этих чертей, я подошел без всякого затруднения к хижине. Счастье благоприятствовало мне и привело как раз к тому месту, где один из самых знаменитых колдунов этого племени одевался, как мне хорошо известно, для серьезной борьбы с сатаной. Ловкий удар по голове ошеломил обманщика. Потом я набил ему рот орехами, чтобы он не вздумал кричать, привязал его между двумя молодыми деревцами, воспользовался его вещами и принял на себя роль медведя, чтобы иметь возможность продолжать дело.

— И вы сыграли роль удивительно: сам медведь был бы посрамлен вашей игрой.

— Боже мой, майор,— возразил польщенный житель лесов,— плохой бы я был охотник, если бы, изучая так долго в пустыне повадки и нравы животных, не сумел их изобразить! Будь это дикая кошка или настоящая пантера, я устроил бы вам представление, на которое стоило бы посмотреть. А такое неуклюжее животное изобразить и вовсе нетрудно... Но где же девушка?

— Бог знает! Я побывал во всех хижинах поселения и не нашел ни малейшего следа.

— Вы слышали, что сказал певец, покидая нас: она близко! Простофиля испугался и спутал поручение, но его слова имеют глубокий смысл. Медведь должен уметь лазить — поэтому я заглянул через стены. Может быть, в этих скалах скрыты горшки с медом, а я, как известно, животное, любящее покушать сладенького.

Разведчик оглянулся, смеясь над своей собственной шуткой, и стал влезать на перегородку, подражая неуклюжим движениям

медведя. Но едва он добрался до верха, как сделал знак Хейворду, чтобы тот молчал, и спустился вниз чрезвычайно поспешно.

— Она здесь,— шепнул он,— и вы найдете ее за этой дверью. Я сказал бы несколько слов утешения бедняжке, да боюсь, чтобы она не сошла с ума при виде такого чудовища, хотя следует признаться, что и вы, майор, не очень-то привлекательны в этой разрисовке.

Дункан, стремительно бросившийся было к двери, остановился мгновенно, услышав такие обескураживающие слова.

— Разве я уж так отвратителен? — спросил он с печальным видом.

— Волка вы не напугаете и английским гвардейцам не помешаете дать залп, но я видел вас более красивым. Ваше лицо, разукрашенное разноцветными полосами, может, пожалуй, показаться недурным индейским женщинам, но белокожие девушки отдают предпочтение людям одинакового цвета с ними. Смотрите,— прибавил он, указывая на трещину в скале, откуда вытекала вода, образуя маленький источник кристальной чистоты,— вы легко можете избавиться от мазни сагамора, а когда возвратитесь, я попробую разукрасить вас по-новому Колдуну так же привычно изменять свою окраску, как щеголю менять свою одежду.

Осторожному охотнику не пришлось слишком долго убеждать Хейворда. Он еще говорил, а Дункан уже приступил к умыванию. В одну минуту с лица его исчезли все страшные и комические черты, и юноша снова появился в том виде, каким одарила его природа. Приготовившись таким образом к свиданию с любимой, он поспешно простился с товарищем и исчез в указанном ему направлении. Разведчик снисходительно смотрел ему вслед, покачивая головой и бормоча всякие пожелания; потом он очень хладнокровно занялся исследованием состояния кладовой гуронов. Пещера, между прочим, употреблялась и для хранения охотничьей добычи.

У Дункана не было иного проводника, кроме слабого света, мерцавшего вдали, но этот свет служил Полярной звездой для влюбленного. При помощи этого света он добрался до цели своих стремлений — другого отделения пещеры, предназначенного для содержания такой важной пленницы, какой была дочь коменданта крепости Уильям-Генри. Помещение было заставлено многочисленными вещами, добытыми при разгроме злосчастной крепости. Среди всего этого хаоса Дункан нашел ту, которую искал,— бледную, встревоженную, перепуганную, но прекрасную. Давид уже подготовил ее к его посещению.

— Дункан!..— вскрикнула она голосом, который дрожал, словно испуганный своими собственными звуками.

— Алиса!..— ответил он, перепрыгивая через сундуки, ящики, оружие и мебель.

— Я знала, что вы не покинете меня,— сказала она, взглянув на него, и румянец показался на мгновение на ее печальном лице.— Но вы один! Как ни благодарна я вам за память, мне все же хотелось бы, чтобы вы были не один.

Дункан, заметив, что она дрожит так, что не в состоянии держаться на ногах, ласково заставил ее сесть и рассказал ей все главные события, уже известные читателю. Алиса слушала его, задыхаясь от волнения; когда молодой человек упомянул о горе несчастного отца, слезы потекли по щекам дочери в таком изобилии, словно она никогда не плакала прежде. Но нежность Дункана скоро успокоила взрыв ее чувств, и она выслушала его до конца внимательно, хотя и не совсем спокойно.

— А теперь, Алиса,— прибавил молодой человек,— многое зависит только от вас. С помощью нашего опытного, неоценимого друга, разведчика, мы можем уйти от этого дикого племени, но для этого потребуется все ваше мужество. Помните, что вы возвратитесь в объятия вашего отца, помните, что его счастье, так же как и ваше, зависит от усилий, которые вы сделаете!

— Я на все готова ради отца, который так много сделал для меня!

— И ради меня также,— продолжал молодой человек, нежно пожимая руку, которую держал в своих руках.

Невинный, полный удивления взгляд, брошенный на Дункана, убедил его в необходимости объясниться.

— Здесь не место и не время, для того чтобы задерживать вас сердечными признаниями,— проговорил он,— но чье сердце, переполненное, как мое, не пожелало бы сбросить тяжесть? Говорят, несчастье связывает людей больше, чем что-либо другое; наше общее страдание из-за вас оставило мало невыясненного между вашим отцом и мною.

— А дорогая Кора, Дункан? Ведь правда, Кора не была забыта?

— Не забыта, нет! О ней сожалеют, ее оплакивают, как редко оплакивают женщину. Ваш отец не делает разницы в своих детях, но я, Алиса... вы не обидитесь, если я скажу, что ее достоинства были несколько затемнены...

— Так, значит, вы не знаете достоинств моей сестры,— сказала Алиса, отнимая руку.— О вас она всегда говорит, как о самом своем дорогом друге.

— Я с радостью буду считать ее своим другом,— поспешно проговорил Дункан,— но относительно вас, Алиса, ваш отец дал мне позволение надеяться на еще более близкие и дорогие узы.

Алиса сильно вздрогнула и отвернула на мгновение лицо,

поддавшись волнению; но она овладела собой настолько, чтобы не выказать его.

— Хейворд,— сказала она, смотря ему прямо в лицо с трогательным выражением невинности и мольбы,— не настаивайте, прежде чем я не повидаюсь с отцом и не получу от него благословения!

«Я не должен говорить больше, но меньше не мог»,— хотел сказать молодой человек, но легкий удар по плечу прервал эти слова. Он вскочил на ноги, обернулся, и взгляд его упал на темную фигуру и злобное лицо Магуа. Глубокий гортанный смех дикаря звучал в эту минуту для Дункана адской насмешкой демона. Последуй он внезапному порыву бешенства, он бросился бы на гурона и нашел бы выход в смертельной борьбе. Но без оружия, не зная, какую помощь может призвать его враг, принужденный оберегать ту, которая стала более чем когда-либо дорогой его сердцу, молодой человек тотчас же оставил это отчаянное намерение.

— Что вам нужно? — спросила Алиса, кротко складывая на груди руки. Стараясь скрыть свой смертельный страх за Хейворда, она приняла холодный, надменный вид, с которым обыкновенно встречала своего похитителя.

Торжествующий индеец принял снова строгий вид, но осторожно попятился перед грозным взглядом молодого человека. Одно мгновение он пристально смотрел на обоих своих пленников, потом отошел в сторону и загородил бревном дверь, но не ту, в которую вошел Дункан. Молодой человек понял теперь, почему дикарь мог застать его врасплох, и, считая себя безвозвратно погибшим, прижал к груди Алису, готовясь встретить участь, о которой он почти не сожалел, так как должен был ожидать ее в обществе своей любимой. Но Магуа, очевидно, не намеревался прибегать к немедленному насилию. Его первые меры были предприняты, для того чтобы задержать нового пленника; он даже не взглянул вторично на неподвижные фигуры в центре пещеры, пока не лишил их всякой надежды ускользнуть через вход, которым он сам воспользовался. Хейворд следил за каждым его движением. Он оставался твердым, продолжая прижимать к сердцу хрупкую фигуру Алисы, слишком гордый, чтобы просить пощады у врага. Когда Магуа закончил свою работу, он подошел к пленникам и сказал по-английски:

— Бледнолицые ловят в западню умных бобров, но краснокожие умеют ловить ингизов.

— Гурон, делай же свое гнусное дело! — крикнул в волнении Хейворд, забывая, что дело идет о жизни двух людей.— И ты и твое мщение одинаково презренны!

— Скажет ли эти слова белый человек, когда будет стоять

у столба пыток? — спросил Магуа. Насмешливая улыбка, сопровождавшая эти слова, ясно показывала, как мало он доверяет решимости молодого человека.

— Как здесь, в лицо тебе, так и перед всем твоим народом!

— Хитрая Лисица — великий вождь! — ответил индеец.— Он пойдет и приведет своих воинов смотреть, как бесстрашно может смеяться бледнолицый над своими муками.

С этими словами он повернулся и хотел идти по проходу, которым шел Дункан, когда раздавшийся рев заставил его поколебаться. В дверях появилась фигура медведя. Он стоял, покачиваясь, по обыкновению, из стороны в сторону. Магуа несколько времени внимательно смотрел на него. Он стоял гораздо выше предрассудков своего племени и хотел пройти мимо с холодным презрением, как только узнал хорошо знакомое одеяние колдуна. Но новый, более громкий и грозный рев заставил его остановиться. Потом он внезапно, как бы решив не шутить далее, уверенно пошел вперед. Животное медленно отступило и, дойдя до прохода, стало бить лапами по воздуху.

— Глупец! — крикнул вождь на наречии гуронов.— Ступай играть с детьми и женщинами!

Он еще раз попробовал пройти мимо воображаемого шарлатана, не думая даже пригрозить, что пустит в дело нож или томагавк, который висел на его поясе. Внезапно животное вытянуло руки или, вернее, лапы и заключило его в объятия, которые по силе могли сравниться с объятиями медведя. Хейворд, еле дыша, схватил кожаный ремень, которым был завязан какой-то узел, и, когда увидал, что разведчик словно приковал своими железными мускулами руки врага к туловищу, бросился на дикаря и связал ему руки и ноги ремнем быстрее, чем мы успели рассказать об этом. Когда гурон был окончательно связан, разведчик перестал держать его, и Дункан положил своего врага на спину в совершенно беспомощном положении.

Магуа боролся отчаянно, пока не убедился, что он в руках человека гораздо более сильного. Во время борьбы он не издал ни одного звука. Но когда Соколиный Глаз, желая вкратце объяснить свое поведение, снял косматую голову животного и перед взором гурона появилось суровое, грозное лицо разведчика, спокойствие Магуа пропало, и он изумленно произнес обычное индейское «у-у-ух».

— Ага! Язык вернулся к тебе! — усмехнулся победитель.— Ну, для того чтобы ты не употреблял его во вред нам, я заткну тебе рот.

— Откуда вошел этот дьявол? — спросил разведчик, покончив с делом, которым занимался с большим усердием.— Ни одна душа не проходила мимо с тех пор, как вы ушли.

Дункан показал на дверь, через которую вошел Магуа.

— Ну так выводите девушку,— продолжал его друг,— мы должны выбраться в лес.

— Это невозможно! — сказал Дункан.— От страха она лишилась сил... Алиса! Моя милая Алиса, придите в себя!.. Все напрасно! Она слышит меня, но не в силах следовать за мной. Идите, благородный друг, спасайтесь и предоставьте нас своей участи.

— Всякий след имеет конец, и всякое несчастье служит уроком! — возразил разведчик.— Вот, заверните ее в эту индейскую одежду. Спрячьте всю ее маленькую фигурку, а то в пустыне не найдется другой такой ножки — она выдаст ее. Укутайте ее со всех сторон. Ну, теперь возьмите ее на руки и идите за мной. Остальное предоставьте мне.

Дункан поспешно исполнял все его приказания, и не успел тот кончить своих слов, как он поднял на руки Алису и пошел вслед за разведчиком к выходу по устроенной самой природой галерее. Они быстро прошли мимо больной женщины, которая лежала в таком же положении, как они ее оставили, и совершенно одна. Когда они подошли к маленькой двери из коры, голоса за нею показали им, что там собрались друзья и родные больной, терпеливо ожидавшие позволения войти в пещеру.

— Если я открою рот, чтобы заговорить,— прошептал Соколиный Глаз,— мой английский язык покажет плутам, что среди них находится враг. Вы должны поговорить с ними на французском наречии, майор. Скажите, что мы заперли злого духа в пещере, а женщину несем в леса, чтобы поискать там целебных кореньев. Пустите в дело всю вашу хитрость.

Дверь приотворилась, как будто кто-то прислушивался снаружи к тому, что делалось внутри, и разведчику пришлось прекратить свои наставления. Яростный рев прогнал подслушивавшего, и разведчик, смело распахнув дверь, вышел из пещеры, продолжая разыгрывать роль медведя. Дункан шел за ним по пятам и вскоре очутился в центре группы встревоженных родственников и друзей больной. Толпа, расступившись, дала дорогу отцу и, по-видимому, мужу больной.

— Прогнал брат мой злого духа? — спросил отец.— Кто это на руках у него?

— Твое дитя! — торжественно ответил Дункан.— Злой дух вышел из нее, он заперт в горах. Я отнесу женщину на некоторое расстояние, чтобы укрепить ее на случай других припадков. Она будет в вигваме воина, когда взойдет солнце.

Когда отец перевел слова чужеземца на язык гуронов, среди дикарей послышался сдержанный шепот, выражающий удовлетворение. Сам вождь сделал Дункану знак идти дальше и проговорил громким, твердым голосом, с величественным жестом:

— Иди... Я мужчина, я войду в пещеру, чтобы сразиться со злым духом.

Хейворд с радостью повиновался и уже прошел мимо маленькой группы, когда его поразили эти слова.

— Разве мой брат сошел с ума,— воскликнул он,— что так говорит? Он встретится со злым духом, и тот войдет в него! А может быть, брат мой выгонит злого духа и он помчится за дочерью моего брата в леса! Нет, пусть дети мои ждут у пещеры и, если покажется дух, бьют его дубинками. Он хитер и укроется в горах, когда увидит, сколько людей готово сразиться с ним.

Это странное предложение возымело желанное действие. Вместо того чтобы войти в пещеру, муж и отец больной вынули томагавки и стали у входа, готовые излить свой гнев на воображаемого мучителя больной. Женщины и дети наломали ветвей и набрали камней для той же цели. Мнимые колдуны воспользовались этой минутой, чтобы исчезнуть.

Соколиный Глаз, хотя и решился воспользоваться предрассудками индейцев, знал, что умнейшие из вождей не разделяют их, а относятся к ним только терпимо. Знал он и цену времени в подобных случаях. Как ни обманывали себя индейцы и как бы их самообман ни помогал его планам, достаточно было малейшего повода для подозрения, запавшего в душу хитрого индейца, чтобы предприятие оказалось роковым. Поэтому он пошел тропинкой, по которой менее всего можно было ожидать преследования, и обошел поселение, не входя в него. Вдали, при свете костров, видны были еще воины, переходившие от хижины к хижине. Но дети уже бросили свои игры, и ночная тишина понемногу начинала сменять шум и возбуждение хлопотливого и полного событий вечера.

Алиса ожила под влиянием свежего воздуха, и так как ей изменили физические силы, а не память, то не потребовалось объяснять все случившееся.

— Дайте я попробую идти сама,— сказала она, краснея оттого, что не могла раньше покинуть объятий Дункана.— Мне, право, лучше.

— Нет, Алиса, вы еще слишком слабы.

Девушка старалась освободиться, и Хейворд был вынужден расстаться со своей драгоценной ношей. Человек, принявший на себя личину медведя, конечно, не испытывал восхитительных ощущений влюбленного, несущего свою любимую на руках; может быть, ему было неизвестно и чувство невинного стыда, охватившего дрожавшую Алису. Когда он очутился на приличном расстоянии от хижины, он остановился и заговорил о предмете, который знал в совершенстве.

— Эта дорога приведет вас к ручью,— сказал он.— Идите

по его левому берегу, пока не дойдете до водопада. Поднимитесь на холм направо, и вы увидите огни другого племени. Подите туда и просите защиты. Если это настоящие делавары, то вы будете в безопасности. Бежать далеко с девушкой невозможно: гуроны догонят нас и завладеют нашими скальпами, прежде чем мы пройдем десяток миль. Ступайте! Да хранит вас бог!

— А вы? — с удивлением спросил Хейворд.— Ведь мы же не расстаемся с вами?

— Гуроны держат в плену гордость делаваров: последний отпрыск могикан в их власти. Я пойду разведаю, что можно сделать для его спасения. Если бы они сняли ваш скальп, майор, за каждый его волосок пало бы по плуту, как я обещал вам, но если к столбу поведут молодого сагамора, то индейцы увидят также, как может умирать белый друг могикан.

Дункан, нисколько не обиженный тем, что житель лесов оказывал предпочтение Ункасу, стал убеждать его отказаться от такого отчаянного предприятия. Ему помогла Алиса: она присоединила свою просьбу к просьбам Хейворда, умоляя разведчика отказаться от намерения, сулившего столько опасностей и так мало надежды на успех. Все их красноречие было напрасно. Разведчик слушал их нетерпеливо и закончил разговор, сказав тоном, который сейчас же заставил замолчать Алису и доказал Хейворду, как бесполезны будут все дальнейшие возражения:

— Я слыхал, что в молодости бывает чувство, привязывающее мужчину к женщине больше, чем отца к сыну. Может быть. Вот вы рисковали жизнью и всем, что дорого вам, чтобы освободить милую девушку, и я думаю, что подобное же чувство лежит в основе вашего поступка. Что касается меня, то я учил юношу обращаться с ружьем, и он щедро заплатил мне за это. Я сражался рядом с ним во многих кровавых схватках, и, пока слышал треск его ружья с одной стороны и треск ружья сагамора с другой, я знал, что сзади меня нет врага. Зимой и летом, ночью и днем бродили мы вместе по пустыне, ели из одной посуды. Один из нас спал, пока караулил другой. И чтобы Ункаса повели на муки, когда я рядом!.. Да раньше чем юноша погибнет из-за отсутствия друга, верность исчезнет на земле и «оленебой» станет безвредным, как свисток певца...

Дункан выпустил руку разведчика. Тот повернулся и пошел твердыми шагами назад, к хижинам гуронов. Хейворд и Алиса, печальные, несмотря на счастье свидания, некоторое время смотрели ему вслед, потом пошли к отдаленному селению делаваров.

К стр. 282

Глава XXVI

О с н о в а. Дайте и мне сыграть Льва.

Ш е к с п и р, «Сон в летнюю ночь»

Несмотря на полную решимость выполнить свое намерение, Соколиный Глаз отлично понимал предстоящие ему затруднения и опасности. По возвращении в лагерь он напряг все силы своего острого ума, чтобы придумать, как обмануть бдительность и подозрительность врагов. Магуа и колдун, конечно, стали бы первыми жертвами, которые Соколиный Глаз принес бы ради своей личной безопасности, если бы он не считал подобного поступка совершенно недостойным белого человека. Поэтому он отправился прямо к центру стана, надеясь на прочность веревок, которыми он связал индейца и колдуна.

Шаги его становились все осторожнее, по мере того как он подходил к жилищам, и от его бдительного взора не ускользал ни один признак враждебных или дружеских намерений индейцев. Впереди других стояла маленькая хижина; казалось, она была брошена наполовину готовой, не приспособленной для жизни в ней. Однако сквозь щели проникал слабый свет, показывая, что хижина, хотя и недостроенная, обитаема. Разведчик направился туда, как осторожный генерал, который знакомится с авангардом вражеской армии, прежде чем произвести атаку.

Соколиный Глаз принял свойственное медведю положение — встал на четвереньки — и пошел к небольшому отверстию, сквозь которое можно было видеть внутренность хижины. Она оказалась жилищем Давида Гамута. Здесь учитель пения уединился со всеми своими печалями и страхами.

Как ни слепа была вера Давида в чудеса, совершавшиеся в древности, он отрицал возможность прямого вмешательства сверхъестественной силы в современный мир. Он, безусловно, верил в то, что ослица Валаама[1] могла заговорить, но относился несколько скептически к возможности услышать пение медведя, а между тем он убедился в этом, к великому своему удивлению. Бросив взгляд на певца, Соколиный Глаз сразу увидел, что в уме у него царит полное смятение. Давид сидел в печальном раздумье на куче хвороста, из которой брал иногда несколько ветвей, чтобы поддержать скудный огонь. Одет был поклонник музыки все так же, только в дополнение к своему наряду он прикрыл еще лысую голову треугольной шляпой, оказавшейся недостаточно привлекательной, чтобы возбудить алчность кого-либо из похитителей.

---

[1] О с л и́ ц а В а л а а́ м а — выражение из библейской легенды о Валааме, ослица которого однажды заговорила человеческим голосом, протестуя против побоев.

Сметливый Соколиный Глаз вспомнил, как быстро покинул Давид свое место у ложа больной, и догадался, о чем размышляет теперь певец. Он обошел вокруг хижины, убедился, что она стоит совершенно отдельно от других, и решился войти в нее. Войдя в низкую дверь, он очутился прямо перед Гамутом. Их разделял костер. Соколиный Глаз сел, и в продолжение целой минуты оба молча смотрели друг на друга. Внезапное появление зверя потрясло Давида. Он поискал в кармане камертон и встал со смутным намерением пустить в дело музыкальное заклинание.

— Мрачное и таинственное чудовище! — воскликнул он, хватая дрожащими руками свой инструмент.— Я не знаю ни тебя, ни твоих намерений, но если ты замышляешь что-либо против смиреннейшего из слуг храма, то выслушай вдохновенную речь юного Давида и покайся!

Медведь затрясся всем своим косматым туловищем. Затем хорошо знакомый Гамуту голос проговорил:

— Отложи-ка в сторону свистульку и поучи свою глотку воздержанию. Пять простых, понятных английских слов стоят целого часа крика.

— Кто ты? — спросил Давид, задыхаясь.

— Такой же человек, как ты, кровь которого имеет столько же примеси крови медведя, как и твоя. Неужели ты так скоро забыл, от кого получил тот глупый инструмент, что у тебя в руке?

— Неужели это может быть? — воскликнул Давид. Он вздохнул свободнее с тех пор, как истина начала открываться перед ним.— Мне пришлось видеть много чудес, с тех пор как я попал к язычникам, но такого еще ни разу не случалось.

— Ну-ну,— сказал Соколиный Глаз, откидывая медвежью голову и показывая свое честное лицо, чтобы убедить этим нерешительного товарища,— вы можете увидеть кожу, хотя и не такую белую, как у милых девушек, но все же такую, красный оттенок которой происходит лишь от ветров и от солнца. А теперь за дело!

— Прежде всего расскажите мне о девушке и о юноше, который разыскивал ее с такой смелостью.

— Они счастливо избавились от томагавков... Но не можете ли вы указать мне, где Уикас?

— Молодой человек в плену, и я сильно опасаюсь, что участь его решена. Я глубоко сожалею, что человек с такими хорошими наклонностями должен умереть непросвещенным. Я отыскал прекрасный гимн...

— Можете вы провести меня к нему?

— Задача нетрудная,— нерешительно ответил Давид,— но

я боюсь, что ваше присутствие скорее ухудшит, чем улучшит его несчастное положение.

— Не теряйте слов, а ведите меня,— возразил Соколиный Глаз, закрывая снова лицо.

Он показал пример Давиду, первым выйдя из хижины.

Хижина, в которой был заключен Ункас, находилась в самом центре поселка и была расположена так, что к ней нельзя было ни подойти, ни выйти из нее незамеченным. Но Соколиный Глаз и не думал скрываться. Рассчитывая на свой теперешний вид и умение сыграть взятую им на себя роль, он пошел по открытой прямой дороге. Поздний час служил ему защитой. Дети уже погрузились в глубокий сон; все женщины и большинство воинов удалились на ночь в хижины. Только четверо-пятеро воинов оставались еще у двери темницы Ункаса, пристально наблюдая за пленником.

Когда воины увидели Гамута в сопровождении существа, одетого в медвежью шкуру, которую обычно надевал всем известный колдун, они охотно пропустили их обоих, но не выказали ни малейшего желания удалиться. Напротив, их, очевидно, интересовало, что будут делать тут странные пришельцы — колдун и безумец.

Так как разведчик не мог разговаривать с гуронами на их языке, то ему пришлось поручить Давиду вести разговор. Несмотря на всю свою наивность, Гамут отлично выполнил данное ему поручение и превзошел все ожидания своего учителя.

— Делавары — трусливые женщины! — крикнул он, обращаясь к индейцу, немного понимавшему язык, на котором он говорил.— Ингизы, мои глупые соотечественники, велели им взяться за томагавк и убивать своих отцов в Канаде, и они забыли свой пол. Желал бы мой брат видеть, как Быстроногий Олень будет плакать перед гуронами, стоя у столба?

Восклицание «у-у-ух» выразило удовольствие, которое испытал бы гурон при виде такого унижения со стороны врага, которого так давно они все опасались и ненавидели.

— Так пусть же мой брат встанет в стороне и колдун напустит злого духа на эту собаку!

Гурон объяснил слова Давида своим товарищам; они, в свою очередь, выслушали это предложение с удовольствием. Дикари отошли немного от входа в хижину и дали знак колдуну войти туда. Но медведь, вместо того чтобы послушаться, остался на месте и зарычал.

— Колдун боится, что дыхание его попадет также и на его братьев и отнимет у них мужество,— продолжал Давид.— Им надо стать подальше.

Гуроны, для которых такое событие было бы величайшим несчастьем, отшатнулись все сразу и заняли такое положение,

что не могли ничего слышать и в то же время могли наблюдать за входом в хижину. Разведчик, сделав вид, что уверился в их безопасности, встал и медленно вошел в хижину. В ней царило угрюмое безмолвие; кроме пленника, там никого не было; освещена была хижина только потухающими углями очага.

Ункас, крепко связанный по рукам и ногам ивовыми прутьями, сидел в дальнем углу, прислонясь к стене. Молодой могиканин не удостоил взглядом явившееся перед ним чудовище. Разведчик оставил Давида у дверей, чтобы удостовериться, не наблюдают ли за ними, и благоразумно решил продолжать свою роль, пока не убедится, что он наедине с Ункасом. Поэтому, вместо того чтобы говорить, он принялся выкидывать все штуки, свойственные изображаемому им животному. Молодой могиканин подумал сначала, что враги подослали к нему настоящего медведя, чтобы мучить его и испытывать его мужество; но, вглядевшись пристальнее, он заметил в ужимках зверя, казавшихся Хейворду такими совершенными, некоторые промахи, которые сразу выдали обман. Знай Соколиный Глаз, как низко оценивал зоркий Ункас его медвежьи таланты, он, вероятно, обиделся бы на него.

Как только Давид дал условленный сигнал, в хижине вместо грозного рычания медведя послышалось шипение змеи.

Ункас все время сидел, прислонясь к стене хижины и закрыв глаза, как будто не желал видеть медведя. Но лишь только раздалось шипение змеи, он встал и огляделся вокруг, то низко наклоняя голову, то поворачивая ее во все стороны, пока его проницательные глаза не остановились на косматом чудовище, словно прикованные какими-то чарами. Снова послышались те же звуки — очевидно, они вылетали из пасти медведя. Юноша еще раз обвел взглядом всю внутренность хижины и снова повернулся к медведю.

— Соколиный Глаз! — проговорил он глубоким, тихим голосом.

— Разрежьте его путы,— сказал Соколиный Глаз только что подошедшему Давиду.

Певец исполнил приказание, и Ункас почувствовал себя на свободе. В то же мгновение сухая медвежья шкура затрещала, и Соколиный Глаз снял свое одеяние, для чего ему пришлось только распустить кожаные ремни. Потом он вынул длинный блестящий нож и вложил его в руки Ункаса.

— Красные гуроны стоят вблизи хижины,— сказал он,— будем наготове.

В то же время он многозначительно показал другой такой же нож; оба ножа были удачно добыты им в этот вечер, проведенный среди врагов.

— Пойдем,— сказал Ункас,— к Черепахам, они дети моих предков.

— Эх, мальчик,— проворчал разведчик по-английски,— я полагаю, та же кровь бежит в твоих жилах, только время изменило несколько ее цвет!.. Что нам делать с мингами, что стоят у двери? Их шестеро, а у нас певец не идет в счет.

— Гуроны — хвастуны,— сказал Ункас презрительно.— Их тотем — олень, а бегают они, как улитки. Делавары — дети Черепахи, а бегают быстрее оленя.

— Да, мальчик, ты говоришь правду: я не сомневаюсь, что в беге ты опередил бы все их племя. А у белого человека руки способнее ног. Что же касается меня, то в умении бегать я не смогу поспорить с негодяями.

Ункас уже подошел к двери, чтобы выйти первым, но отшатнулся при этих словах и снова занял прежнее место в углу хижины. Соколиный Глаз, слишком занятый своими мыслями, чтобы заметить это движение, продолжал разговор:

— Впрочем, Ункас, ты беги, а я снова надену шкуру и попробую взять хитростью там, где не могу взять быстротой ног.

Молодой могиканин ничего не ответил, но спокойно сложил руки и прислонился к одному из столбов, поддерживавших стену хижины.

— Ну,— сказал разведчик, посмотрев на него,— чего же ты медлишь? У меня останется достаточно времени, так как негодяи бросятся сначала за тобой.

— Ункас остается,— послышался спокойный ответ.

— Для чего?

— Чтобы сражаться вместе с братом моего отца и умереть с другом делаваров.

— Да, мальчик,— сказал Соколиный Глаз, сжимая руку Ункасу своими железными пальцами,— если бы ты покинул меня, это был бы поступок более достойный минга, чем могиканина. Но я считал нужным сделать тебе это предложение, так как молодость любит жизнь. Ну, там, где ничего не поделаешь боевой храбростью, приходится пускать в дело уловки. Надевай шкуру медведя; я не сомневаюсь, что ты можешь изобразить его так же хорошо, как и я.

Ункас молча и быстро нарядился в шкуру животного и стал ожидать распоряжений своего старого товарища.

— Ну, друг,— сказал Соколиный Глаз, обращаясь к Давиду,— перемена одежды будет очень выгодна для вас, так как вы плохо снаряжены для жизни в пустыне. Вот, возьмите мою охотничью рубашку и шапку и дайте мне ваше одеяло и шляпу. Вы должны доверить мне вашу книгу, очки и свистульку. Если встретимся когда-нибудь в лучшее время, вы получите все это назад и большую благодарность в придачу.

Давид расстался со всеми названными предметами с такой охотой, которая могла бы сделать большую честь его щедрости, если бы не то обстоятельство, что перемена эта была выгодна ему во многих отношениях. Соколиный Глаз не замедлил надеть одежду Гамута; когда очки скрыли его беспокойные глаза, а на голове появилась треуголка, он легко мог при свете звезд сойти за певца, так как по росту они не слишком отличались друг от друга.

— Скажите, вы склонны поддаваться чувству трусости? — спросил он певца, желая хорошенько обсудить все, прежде чем делать какие-либо распоряжения.

— Мои занятия мирные, а мой характер, смею надеяться, склонен к милосердию и любви,— ответил Давид, несколько обиженный такой прямой атакой,— но никто не может сказать, чтобы я когда-нибудь, даже в затруднительных обстоятельствах, забывал веру в господа.

— Главная опасность для вас будет в тот момент, когда дикари увидят, что их обманули. Если вас не убьют сразу, значит, вас спасет то, что они считают вас человеком не в своем уме; тогда у вас будут все основания, чтобы, когда придет ваше время, умереть у себя в постели. Если же вы останетесь здесь, то должны сесть в тени и играть роль Ункаса до тех пор, пока хитрые индейцы не откроют обмана, тогда, как я уже говорил вам, наступит для вас время испытания. Итак, выбирайте: бежать или оставаться здесь.

— Я останусь здесь вместо делавара,— твердо сказал Давид.— Он сражался за меня храбро и великодушно, и я готов сделать для него не только это, но и гораздо большее.

— Вы говорите, как мужчина. Опустите голову и подберите ноги — их необычайная длина может слишком рано выдать истину. Молчите как можно дольше, а затем, когда придется заговорить, хорошо было бы, если бы вы сразу разразились одним из тех криков, которые свойственны вам: это напомнило бы индейцам, что вы человек невменяемый. Но если они скальпируют вас, чего, я уверен, они не сделают, то будьте спокойны: Ункас и я не забудем этого и отомстим за вас, как следует истым воинам и верным друзьям.

— Погодите,— сказал Давид, видя, что они собираются уходить.— Я недостойный, смиренный последователь того, кто учил не воздавать злом за зло. Поэтому, если я паду, не приносите жертв моим смертным останкам, но простите тех, кто лишит меня жизни; а если и вспомните их иногда, то пусть это будет в молитвах о просвещении их умов и вечном блаженстве.

Разведчик смутился и задумался.

— Это совсем не похоже на закон лесов,— сказал он,— но, если поразмыслить, это прекрасно и благородно.— Он тяжело

вздохнул и прибавил: — Да благословит вас небо, друг мой! Я думаю, что вы идете по довольно верному пути, если взглянуть на него как следует, имея перед глазами вечность.

Сказав это, разведчик подошел к Давиду и пожал ему от всей души руку; после этого он сейчас же вышел из хижины в сопровождении одетого медведем Ункаса.

Как только Соколиный Глаз увидел, что за ним наблюдают гуроны, он вытянулся во весь свой высокий рост, стараясь изобразить сухую, жилистую фигуру Давида, поднял руку как бы для отбивания такта и запел, стараясь подражать псалмопевцу. К счастью, для успеха этого рискованного предприятия, ему приходилось иметь дело с ушами, мало знакомыми со сладкими звуками. Необходимо было пройти вблизи группы дикарей, и голос разведчика становился все громче и громче по мере приближения к ним. Когда они подошли совсем близко, гурон, говоривший по-английски, вытянул руку и остановил разведчика.

— Что же делаварский пес? — сказал он, наклоняясь и стараясь разглядеть выражение глаз того, кого он принимал за певца.— Он испугался?.. Когда же мы услышим его стоны?

В ответ на это раздалось яростное рычание, так походившее на рев настоящего медведя, что молодой индеец опустил руку и отскочил в сторону. Соколиный Глаз, боявшийся, чтобы голос не выдал его хитрым врагам, с радостью воспользовался этим мгновением, и разразился таким взрывом музыкальных звуков, который в более утонченном обществе назвали бы какофонией. Но среди его слушателей эти звуки только дали ему еще более прав на уважение, оказываемое дикарями тем, кого они считают сумасшедшими. Маленькая кучка индейцев отступила, пропустив, как они думали, колдуна и его вдохновенного помощника.

Со стороны Ункаса и разведчика требовались необычайная смелость и сила воли, чтобы продолжать свой путь так же величественно, как они шли и мимо хижин, в особенности когда беглецы заметили, что любопытство взяло верх над страхом и караульщики подошли к хижине, чтобы убедиться в действии колдовства на пленника. Малейшее неловкое или нетерпеливое движение Давида могло выдать их, а выгадать время было необходимо. Громкие крики мнимого псалмопевца привлекли многих любопытных, которые следили за уходившими, стоя у порога своих хижин; раза два-три им пересекали дорогу некоторые из воинов, подстрекаемые суеверием или осмотрительностью. Но никто не останавливал их; темнота ночи и дерзость попытки благоприятствовали их замыслу.

Беглецы уже выбрались из селения и быстро приближались к густому лесу, когда из хижины, где был заключен прежде

Уикас, раздался протяжный громкий крик. Могиканин вздрогнул.

— Погоди! — сказал разведчик, хватая друга за плечо.— Пусть они крикнут еще раз. Это был только крик удивления!

Медлить было нечего, так как в следующее же мгновение новый взрыв криков наполнил воздух и разнесся по всему лагерю. Уикас сбросил с себя медвежью шкуру. Соколиный Глаз слегка ударил его по плечу и проскользнул вперед.

— Ну, пусть теперь дьяволы гонятся по нашим следам! — сказал разведчик, вынимая из куста два заряженных ружья; размахивая над головой «оленебоем», он подал Уикасу его ружье: — По крайней мере двое из них найдут свою смерть.

Они опустили свои ружья, как делают это охотники, готовясь к началу действий, бросились вперед и вскоре исчезли во мраке леса.

Глава XXVII

Антоний. Я буду помнить. Ведь слово Цезаря — закон.

Шекспир, «Юлий Цезарь»

Любопытство дикарей, оставшихся у темницы Уикаса, одержало верх над их страхом перед колдуном.

Осторожно подкрались они к щели, сквозь которую пробивался слабый свет огня. В продолжение нескольких минут они принимали Давида за своего пленника, но затем случилось именно то, что предвидел Соколиный Глаз. Певец, утомленный долгим сидением в скорченном положении, постепенно стал вытягивать свои ноги, и наконец одна из ног коснулась угасавших углей и отбросила их в сторону. Сначала гуроны подумали, что это сила чародейства так изуродовала могиканина. Но когда Давид, не подозревая, что за ним наблюдают, повернул голову и показал свое простодушное лицо, всякие сомнения рассеялись даже у легковерных дикарей. Они бросились в хижину и, накинувшись без всякой церемонии на сидевшего там человека, немедленно увидели обман. Тогда раздался первый крик, который услышали беглецы. За ним последовал второй, в котором зазвучали злоба и жажда мести. Как ни был тверд Давид в своем намерении прикрыть бегство своих друзей, он все же подумал, что наступил его последний час. У него не было ни книги, ни камертона; пришлось обратиться к памяти, редко изменявшей ему.

Громким, полным вдохновения голосом он запел первые стихи погребального псалма, чтобы приготовиться к переходу в

другой мир. Индейцы вовремя вспомнили о его безумии и, выбежав из хижины, подняли на ноги все население лагеря.

Лишь только раздались звуки тревоги, двести человек уже были на ногах, готовые отправиться в бой или в погоню за врагом. Известие о бегстве пленника быстро распространилось, и все члены племени, с нетерпением ожидая распоряжений начальников, собрались вокруг хижины, где обычно происходили совещания. Понятно, что присутствие хитрого, умного Магуа оказалось необходимым при таком неожиданном событии. Имя его сейчас же стало передаваться из уст в уста, и все с изумлением оглядывались вокруг, не видя его среди толпы. За ним тут же послали, с требованием, чтобы он явился немедленно.

В то же время самым проворным и ловким из молодых воинов приказано было под прикрытием леса обойти прогалину, чтобы удостовериться, не замышляют ли чего-нибудь против гуронов их подозрительные соседи — делавары. Женщины и дети бегали из стороны в сторону; во всем лагере царило страшное волнение. Но мало-помалу всеобщее беспокойство стало ослабевать, и через несколько минут старейшие вожди собрались в хижине для важного совета.

Громкий гул многочисленных голосов возвестил о приближении отряда, которому предстояло сообщить еще более удивительную новость. Толпа расступилась, и несколько воинов вошли в хижину, неся на руках злополучного колдуна, которого Соколиный Глаз так долго держал в неволе.

Гуроны по-разному относились к этому человеку: некоторые из них слепо верили в силу колдуна, другие считали его обманщиком. Но теперь все слушали его с глубочайшим вниманием. Когда он окончил свой короткий рассказ, выступил отец больной женщины и, в свою очередь, рассказал все, что было ему известно. Эти два рассказа дали надлежащее направление поискам, к которым гуроны немедленно приступили со своей обычной осмотрительностью. Они поручили осмотреть пещеру самым умным и храбрым воинам. Так как времени терять было нельзя, воины сейчас же встали и молча вышли из хижины. Когда они дошли до входа в пещеру, младшие пропустили вперед старших, и все пошли по низкой темной галерее, готовые в случае надобности пожертвовать собой и в то же время опасаясь неизвестного противника.

Первое помещение в пещере было по-прежнему мрачно и безмолвно. Больная лежала на том же месте и в той же позе, хотя среди отряда были очевидцы, уверявшие, что видели, как ее уносил в лес «лекарь белых людей». Тогда глаза всех присутствующих устремились на отца больной. Раздраженный этим немым обвинением и в глубине души смущенный таким непонятным обстоятельством, вождь подошел к постели и недовер-

чиво взглянул в лицо больной, как бы сомневаясь, она ли это. Дочь его была мертва.

Естественное чувство горя одержало на мгновение верх над всеми остальными чувствами, и старый воин прикрыл глаза рукой. Потом он овладел собой, взглянул на своих товарищей и, указывая на труп, сказал на языке своего народа:

— Жена моего молодого друга покинула нас! Великий Дух гневается на своих детей!

Печальное известие было встречено торжественным безмолвием. После короткого молчания один из старейших индейцев только что хотел заговорить, как вдруг из соседнего помещения выкатился какой-то темный предмет. Все невольно отшатнулись, не зная, с кем приходится иметь дело, и смотрели с удивлением на этот незнакомый предмет, пока слабый свет не осветил искаженного, но по-прежнему свирепого и угрюмого лица Магуа. Общий крик изумления последовал за этим открытием.

Но как только окружающие поняли истинное положение вождя, ножи мелькнули в воздухе, и вскоре Магуа был освобожден от связывавших его пут и получил возможность говорить. Гурон встал и отряхнулся, как лев, выходящий из своего логовища. Однако ни одного слова не сорвалось из его уст, только рука судорожно играла ручкой ножа, а угрюмые глаза пристально оглядывали всех присутствующих, как будто ища, на кого излить первый порыв гнева.

К счастью для Ункаса, разведчика и даже Давида, рука его не могла достать их. Магуа задыхался от бешенства. Видя вокруг себя только дружеские лица, он заскрежетал зубами и сдержал свою ярость за неимением жертвы, на которую мог бы излить ее. Однако проявление его гнева было замечено всеми окружающими, и прошло несколько минут, прежде чем кто-нибудь произнес хотя бы одно слово: все боялись рассердить человека, и без того взбешенного до безумия. Когда прошло достаточно времени, самый старший из вождей решился заговорить.

— Мой друг встретил врага,— сказал он.— Скажи, где он находится, чтобы гуроны могли ему отомстить.

— Пусть делавар умрет! — громовым голосом проговорил Магуа.

Снова наступило долгое выразительное молчание, прерванное через несколько времени с должной осторожностью тем же вождем.

— У молодого могиканина быстрые ноги, но мои воины идут по его следу.

— Разве он ушел? — спросил Магуа глубоким гортанным голосом, как бы выходившим из самой глубины груди.

— Злой дух появился между нами и ослепил наши глаза.

— «Злой дух»! — насмешливо повторил Магуа.— Это дух,

который взял жизнь стольких гуронов, дух, который убил моих воинов у водопада, который скальпировал их у целебного источника и связал теперь руки Хитрой Лисице!

— О ком говорит мой друг?

— О собаке, у которой под белой кожей скрывается сердце и хитрый ум гуронов,— о Длинном Карабине.

Это ужасное имя произвело сильное впечатление на слушателей. После нескольких минут размышления, когда воины сообразили, что грозный, смелый враг только что был в их лагере, изумление уступило место ярости, и все бешенство, клокотавшее в груди Магуа, внезапно передалось его товарищам. Некоторые из них скрежетали зубами от гнева, другие изливали свои чувства в громких криках, иные бешено размахивали кулаками в воздухе, как будто враг мог пострадать от этих ударов. Но этот внезапный взрыв негодования вскоре утих, и все быстро погрузились в мрачное, сдержанное молчание, обычное для индейцев во время бездействия.

Магуа, который успел между тем обдумать все случившееся, изменил свое поведение и принял вид человека, знающего, что делать и как поступать с достоинством в таком важном вопросе.

— Пойдем к моему народу,— сказал он,— он ожидает нас.

Его товарищи молча согласились с ним, и все вышли из пещеры и вернулись в хижину совета. Когда они сели, все глаза устремились на Магуа, и по этому движению он понял, что должен рассказать о том, что произошло с ним. Он встал и рассказал все, ничего не прибавляя и не скрывая. Он изобличил хитрость, пущенную в ход Дунканом и Соколиным Глазом, и даже самые суеверные из индейцев не могли усомниться в истине его слов. Слишком очевидно было, что они обмануты самым дерзким, оскорбительным образом.

Когда Магуа окончил свой рассказ, все собравшееся племя — так как, в сущности, тут были все его воины — осталось на своих местах: гуроны переглядывались, как люди, пораженные в равной мере и дерзостью и успехом своих врагов. Затем они стали обдумывать способ мести.

По следу беглецов послали еще новый отряд преследователей, а вожди приступили к совету. Старшие воины один за другим предлагали различные планы. Магуа выслушивал их в почтительном молчании. К изворотливому гурону вернулись вся его хитрость, все самообладание, и он шел к своей цели с осмотрительностью и искусством. Только тогда, когда высказались все желавшие говорить, он приготовился поделиться своим мнением. Его соображения приобрели особую важность, потому что как раз в это время вернулись некоторые из отправившихся на разведку и сообщили, что следы беглецов ведут прямой дорогой в лагерь их союзников — делаваров.

Магуа осторожно изложил перед товарищами свой план. Как и можно было предполагать, благодаря его красноречию план был принят единогласно.

Некоторые из вождей предлагали совершить неожиданное нападение на делаваров, с тем чтобы одним ударом захватить их лагерь и завладеть своими пленниками. Магуа нетрудно было отклонить это предложение, представлявшее так много опасностей и так мало надежд на успех. А потом он изложил свой собственный план действий.

Он начал с того, что польстил самолюбию слушателей. Перечислив многочисленные случаи, в которых гуроны выказывали свою храбрость и отвагу, он перешел к восхвалению их мудрости. Он сказал, что именно мудрость составляет главное различие между бобром и другими зверями, между людьми и животными и, наконец, между гуронами и всем остальным человечеством. Превознося благоразумие, он принялся изображать, каким образом оно применимо к настоящему положению дел. С одной стороны, говорил он, их великий белый отец, губернатор Канады, смотрит суровыми глазами на своих детей с тех пор, как томагавки их окрасились кровью; с другой стороны, народ, такой же многочисленный, как их народ, но говорящий на другом языке, имеющий другие интересы, не любящий гуронов, будет рад всякому предлогу вызвать немилость к ним великого белого вождя. Потом он заговорил о нуждах гуронов, о дарах, которых они вправе ожидать за свои прежние заслуги, об утраченных ими охотничьих областях и местах поселений и о необходимости в подобных критических обстоятельствах следовать более советам благоразумия, чем влечению сердца. Заметив, что старики одобряют его умеренность, но многие из самых ярых и знаменитых воинов хмурятся, он заговорил об окончательном торжестве над врагами. Он даже намекнул, что при достаточной осторожности можно будет истребить всех делаваров. Короче говоря, он так искусно смешал воинственные призывы со словами коварства и хитрости, что угодил склонностям обеих сторон, причем ни одна сторона не могла бы сказать, что вполне понимает его намерения.

Нисколько не удивительно, что мнение Магуа одержало верх. Индейцы решили действовать осмотрительно и единогласно предоставили ведение всего дела вождю, предложившему им такие мудрые советы.

Теперь Магуа достиг наконец того, чего долго добивался. Он не только возвратил утраченное расположение своего народа, но и стал даже его вождем. Он отказался советоваться с другими вождями и принял властный вид, чтобы поддержать достоинство своего положения.

Разведчики были разосланы в разные стороны: шпионам при-

казали отправиться в лагерь делаваров и выведать все, что нужно; воины были отпущены по домам с предупреждением, что их услуги скоро понадобятся; женщинам и детям было приказано удалиться, с указанием, что их удел — молчание.

Покончив со всеми этими распоряжениями, Магуа прошел по лагерю, заходя во все хижины, где, как он рассчитывал, посещение его могло иметь успех. Он поддержал уверенность своих друзей и успокоил колебавшихся. Потом он отправился в свою хижину. Жена, которую вождь гуронов покинул, когда народ изгнал его, уже умерла. Детей у него не было, и теперь он оставался одиноким в своей хижине. Это было то полуразрушенное, уединенное жилище, в котором поселился Давид. В тех редких случаях, когда они встречались, Магуа выносил его присутствие с презрительным равнодушием. Сюда удалялся Магуа, когда заканчивал все дела свои.

Хотя все другие спали, Магуа не знал и не хотел знать отдыха.

Если бы кто-нибудь полюбопытствовал узнать, что делает вновь избранный вождь, он увидел бы, что Магуа просидел в углу хижины, обдумывая свои планы, всю ночь, вплоть до того времени, когда он назначил собираться воинам. По временам ветер, пробивавшийся сквозь щели в хижину, раздувал слабое пламя, поднимавшееся над пылающими углями, и тогда отблески пламени освещали своим колеблющимся светом мрачную фигуру одинокого индейца.

Задолго до рассвета воины один за другим стали входить в уединенную хижину Магуа, пока не собралось двадцать человек. Каждый из них имел при себе ружье и все боевые принадлежности, несмотря на то что раскраска у всех была мирная. Эти свирепые на вид люди входили тихо, совсем бесшумно; некоторые садились в темный угол, другие стояли, словно неподвижные статуи.

Когда собрался весь избранный отряд, Магуа встал, жестом руки приказал воинам идти за собой и сам двинулся впереди всех. Воины пошли за вождем поодиночке, в порядке, известном под названием «индейская шеренга». Они прокрались из лагеря тихо и незаметно, походя скорее на призраки, чем на воинов, жаждущих военной славы, ищущих подвигов отчаянной смелости.

Вместо того чтобы направиться по дороге прямо к лагерю делаваров, Магуа в продолжение некоторого времени вел свой отряд по извилистым берегам ручья и вдоль запруды бобров. Начало уже рассветать, когда они пришли на прогалину, расчищенную этими умными и трудолюбивыми животными. Магуа облачился в свое прежнее одеяние из звериных шкур, на котором виднелось изображение лисицы. На одежде одного из воинов

красовалось изображение бобра; это был его особый символ — тотем.

Со стороны этого воина было бы своего рода кощунством пройти мимо могущественной общины своей предполагаемой родни, не выказав ей знаков почтения. Поэтому он остановился и сказал несколько ласковых, дружеских слов, как будто обращаясь к разумным существам. Он назвал бобров своими братьями, напомнил им, что благодаря его покровительству и влиянию они остаются до сих пор невредимы, тогда как жадные торговцы давно уже подговаривают индейцев лишить их жизни. Он обещал и впредь не оставлять их без своего покровительства.

Эту необычайную речь товарищи воина слушали так серьезно и внимательно, как будто слова его производили на всех одинаково сильное впечатление. Раз или два над поверхностью воды показывались какие-то черные тени, и гурон выказывал удовольствие, что слова его не пропали даром. Как раз в ту минуту, как он закончил свое обращение, из хижины, стены которой были в таком жалком виде, что дикари сочли ее необитаемой, выглянула голова большого бобра. Оратор счел такой необычайный знак доверия чрезвычайно благоприятным предзнаменованием и, хотя животное сейчас же спряталось, рассыпался в благодарностях и похвалах.

Когда Магуа нашел, что на изъявление родственной любви воина потрачено достаточно времени, он дал сигнал отправиться дальше. Индейцы двинулись все вместе осторожным шагом, не слышным для людей с обыкновенным слухом.

Если бы гуроны оглянулись, то увидели бы, что животное, снова высунув голову, следило за их движениями с наблюдательностью и интересом, которые легко можно было принять за проявление разума. Действительно все движения животного были так отчетливы и разумны, что даже самый опытный наблюдатель не в состоянии был бы объяснить это явление; но в ту минуту, когда отряд вошел в лес, все объяснилось. Животное вышло из хижины, и из-под меховой маски показалось мрачное лицо Чингачгука.

Глава XXVIII

Только покороче, прошу вас,
Сейчас время для меня очень хлопотливое.

Шекспир, «Много шума из ничего»

Племя делаваров — или, вернее, половина племени,— расположившееся в данное время лагерем вблизи временного поселения гуронов, могло выставить приблизительно то же число воинов, что и гуроны. Подобно своим соседям, делавары по-

следовали за Монкальмом на территорию, принадлежавшую английской короне, и производили смелые набеги на охотничью область мохоков. Однако с обычной сдержанностью, свойственной индейцам, они отказались от помощи чужеземцам в тот самый момент, когда те особенно нуждались в ней; делавары велели посланным Монкальма передать ему, что топоры их притупились и необходимо время, чтобы их отточить. Командующий Канады, как тонкий политик, решил, что умнее иметь пассивных друзей, чем превратить их в открытых врагов неуместно суровыми мерами.

В то время, когда Магуа вел в лес свой молчаливый отряд, солнце, вставшее над лагерем делаваров, осветило людей, предававшихся занятиям, свойственным более позднему времени дня. Женщины бегали из хижины в хижину: одни — приготовляя утреннюю еду, другие — прибирая внутренность хижины; большинство останавливались, чтобы перекинуться между собой несколькими словами. Воины стояли отдельными группами; они больше раздумывали о чем-то, чем говорили, а если и произносили несколько слов, то с видом людей, дорого ценящих свое мнение. Повсюду между хижинами виднелось множество принадлежностей для охоты, но никто не брался за них. Там и сям какой-нибудь воин осматривал свое оружие. Иногда глаза многих воинов сразу устремлялись на большую хижину в центре поселка, словно она составляла предмет размышлений всех этих людей.

На самом краю плоской возвышенности, на которой был расположен лагерь, внезапно появился какой-то человек. Он был безоружен, и разрисовка скорее смягчала, чем увеличивала природную суровость его строгого лица. Когда он приблизился настолько, что делавары могли видеть его, он сделал жест, выражавший его дружественные намерения, сначала подняв руку к небу, а затем выразительно прижав ее к груди. Жители поселения ответили на его приветствие и пригласили подойти ближе. Ободренный этой встречей, смуглый незнакомец покинул край природной террасы, где он стоял, резко выделяясь на фоне заалевшего утреннего неба, и важной поступью пошел к середине стана. По мере того как он приближался, слышалось легкое бряцание серебряных украшений на его руках и шее да звон маленьких бубенчиков, окаймлявших его кожаные мокасины. Он любезно приветствовал мужчин, не обращая никакого внимания на женщин. Когда незнакомец дошел до группы людей, по гордым лицам которых можно было догадаться, что это вожди племени, он остановился, и делавары увидели статную, стройную фигуру хорошо знакомого вождя гуронов, известного под именем Хитрой Лисицы.

Его встретили серьезно, молчаливо и настороженно. Стояв-

шие впереди воины расступились, пропустив лучшего делаварского оратора, говорившего на всех языках северных туземцев.

— Добро пожаловать, мудрый гурон! — сказал делавар на языке макуасов.— Он пришел отведать сакка-туш[1] вместе со своими приозерными братьями?

— Он пришел,— повторил Магуа, наклоняя голову с величием восточного государя.

Вождь, протянув руку, взял гурона за запястье, и они снова обменялись дружескими приветствиями. Потом делавар пригласил гостя войти в хижину и разделить с ним утреннюю трапезу. Приглашение было принято, и оба воина спокойно ушли в сопровождении трех-четырех стариков, покинув остальных, снедаемых желанием узнать причины такого необычайного посещения. Однако они не выразили ни единым жестом, ни словом своего нетерпения.

Разговор в продолжение скромного завтрака вели с чрезвычайной осмотрительностью: речь шла только о приключениях на охоте, в которой недавно участвовал Магуа. А между тем каждый отлично знал, что посещение это должно иметь какую-то тайную цель и большое значение для их племени. Когда все насытились, а женщины убрали остатки кушанья и бутыли с напитками, обе стороны приготовились к словесному поединку.

— Обратил ли мой великий канадский отец снова свое лицо к его детям — гуронам? — спросил оратор делаваров.

— Разве было когда-нибудь иначе? — возразил Магуа.— Он называет мой народ самым любимым.

Делавар торжественно наклонил голову, будто бы соглашаясь с тем, что он считал заведомой ложью, и продолжал:

— Томагавки ваших воинов были очень красны!

— Так было прежде, но теперь они блестящи и тупы, потому что ингизы мертвы, а делавары — наши соседи.

Вождь ответил на этот умиротворяющий комплимент только движением руки и замолчал. Тогда Магуа, как будто вспомнив о чем-то при упоминании о резне, спросил:

— Не беспокоит ли моя пленница моих братьев делаваров?

— Мы рады ей.

— Путь между делаварами и гуронами короток и открыт — пришли ее к моим женщинам, если она беспокоит моего брата.

— Мы рады ей,— возразил вождь делаваров внушительнее прежнего.

Магуа, сбитый с толку, молчал в продолжение нескольких минут, по-видимому равнодушный к тому, что первая попытка вернуть Кору не увенчалась успехом.

— Оставляют ли мои воины делаварам место для охо-

---

[1] Са́кка-туш — блюдо, приготовляемое из размолотого маиса и бобов.

ты в горах? — заговорил он после некоторого молчания.

— Ленапы — господа в своих собственных горах,— ответил вождь несколько высокомерно.

— Это хорошо: справедливость управляет поступками краснокожих. Зачем им чистить томагавки и точить ножи друг против друга! Разве мало здесь бледнолицых?

Трое из присутствующих издали одобрительное восклицание.

Магуа подождал немного, чтобы слова его могли подействовать смягчающим образом на делаваров, и потом прибавил:

— Не видали ли мои братья следов чужих мокасин в лесах? Не нападали ли они на следы белых людей?

— Пусть приходит мой канадский отец,— уклончиво ответил вождь,— его дети готовы видеть его.

— Великий вождь приходит курить трубку с индейцами в их вигвамах. Гуроны также бывают рады видеть его. Но у ингизов длинные руки и ноги, которые никогда не устают. Моим молодым людям показалось, что они видели следы ингизов вблизи селения делаваров.

— Они не найдут ленапов спящими.

— Это хорошо. Воин, глаза которого открыты, может видеть врага,— сказал Магуа, еще раз меняя тему разговора, так как убедился, что ему не обмануть своего собеседника.— Я принес подарки моему брату.

Хитрый вождь встал, заявив о своих щедрых намерениях, и торжественно разложил подарки перед ослепленными взорами хозяев. Подарки состояли большей частью из дешевых безделушек, снятых с женщин во время резни в крепости Уильям-Генри. Лукавый гурон выказал не меньше умения в распределении побрякушек, чем в выборе их. Самые драгоценные он отдал двум из важнейших вождей, остальные подарки он роздал младшим с такими любезными и кстати сказанными комплиментами, что никто из них не имел повода быть недовольным.

Этот хорошо рассчитанный ход вождя гуронов немедленно дал положительные результаты. Торжественное выражение лиц делаваров сменилось более радушным. Перемена в особенности отразилась на вожде. Несколько времени он рассматривал доставшуюся на его долю обильную часть добычи и затем проговорил очень выразительно:

— Мой брат — мудрый вождь. Мы рады ему.

— Гуроны любят своих братьев делаваров,— ответил Магуа.— И почему им не любить своих братьев! Они окрашены тем же солнцем, и их праведные люди будут после смерти охотиться в одних и тех же местах. Краснокожие должны быть друзьями и смотреть во все глаза на белых людей... Не встречал ли мой брат шпионов в лесу?

Делавар, имя которого в переводе означало «Твердое Серд-

це», забыл на этот раз о непоколебимости. Выражение его лица смягчилось, и он снизошел до того, что стал говорить более определенно:

— Возле моего лагеря были чужие мокасины. Следы их дошли до моих хижин.

— Мой брат выгнал собак? — спросил Магуа, не напоминая вождю его прежние увиливания от прямого ответа.

— Этого нельзя сделать. Странник — всегда желанный гость для детей племени ленапов.

— Странник, но не шпион.

— Разве ингизы послали бы шпионами своих женщин? Не сказал ли вождь гуронов, что он взял в плен женщин во время сражения?

— Он не солгал. Ингизы послали своих разведчиков. Они были в моих вигвамах, но не нашли никого, кто мог бы приветствовать их. Тогда они убежали к делаварам, потому что, говорят они, делавары — наши друзья; их души отвратились от канадского отца.

Удар был нанесен великолепно и в более цивилизованном обществе доставил бы Магуа репутацию искусного дипломата. Недавнее отсутствие делаваров во время сражения вызвало, как им хорошо было известно, много упреков со стороны их французских союзников, и они чувствовали, что впредь те будут относиться к их поступкам недоверчиво и настороженно. Не-трудно было предвидеть, что подобное положение окажется весьма невыгодным для них впоследствии. Отдаленные поселения делаваров, их места охоты и сотни их женщин и детей — все это находилось на французской территории. Поэтому тревожное известие было принято, как и рассчитывал Магуа, если не со страхом, то с явным неудовольствием.

— Пусть мой отец взглянет в лицо мне,— сказал Твердое Сердце,— он не увидит в нем перемены. Правда, мои молодые люди не вышли на тропу войны — они видели вещие сны, в которых им было указано не делать этого. Но они любят и почитают великого белого вождя.

— Поверит ли он этому, когда услышит, что величайший его враг нашел приют в лагере его детей? Когда ему скажут, что кровожадный ингиз курит у вашего огня? Что бледнолицый, убивший так много его друзей, расхаживает среди делаваров? Что́ вы, мой великий канадский отец не так глуп!

— Где тот ингиз, которого боятся делавары,— возразил вождь,— который убил моих молодых людей? Кто смертельный враг моего великого отца?

— Длинный Карабин.

Делаварские воины вздрогнули, услыхав хорошо известное имя. По их изумлению ясно было видно, что они впервые узнали,

что в их власти находится человек, приобретший такую славу среди французских союзников.

— Что хочет сказать мой брат? — спросил Твердое Сердце с удивлением.

— Гуроны никогда не лгут! — холодно ответил Магуа; он прислонился головой к краю хижины и прикрыл смуглую грудь своей легкой одеждой.— Пусть делавары пересчитают своих пленников; среди них они найдут одного, кожа которого не красна и не бела.

Наступила долгая пауза. Вождь отошел в сторону посоветоваться с товарищами, а посланцы отправились, чтобы собрать старейшин племени.

Один за другим воины входили в хижину, и важное известие, сообщенное Магуа, передавалось каждому. Все встречали его с изумлением. Новость передавалась из уст в уста, и вскоре во всем лагере поднялось сильное волнение. Женщины бросили работу, стараясь уловить отдельные слова, нечаянно срывавшиеся с уст воинов. Мальчики, оставив свои игры, расхаживали среди взрослых, с любопытством и восторгом прислушиваясь к отрывистым восклицаниям отцов, выражавших свое удивление перед смелостью ненавистного врага.

Когда возбуждение несколько улеглось, старики решили серьезно обдумать, чего требовали честь и безопасность их племени в таких щекотливых и затруднительных обстоятельствах. Во все время этого движения, среди общего волнения Магуа не только не покинул своего места, но остался в той же позе, неподвижной и внешне совершенно равнодушной к тому, что происходило вокруг него. Но ничто не ускользало от его бдительного взгляда. При его знании народа, с которым он имел дело, Хитрая Лисица предвидел каждую меру, на которую решались вожди; можно сказать, что во многих случаях он знал их намерения прежде, чем сами они сознавали их.

Совещание делаваров было непродолжительно. Когда оно окончилось, общая суматоха возвестила, что за совещанием вождей должно немедленно последовать торжественное собрание всего племени. Такие собрания происходили только в самых важных случаях.

Хитрый гурон, коварный и мрачный наблюдатель, сидел поодаль. Он понимал, что его предложения будут обсуждаться на собрании всего племени. Потом Магуа вышел из хижины и молча подошел к площадке перед лагерем, где уже начали собираться воины.

Прошло около получаса, пока все, включая женщин и детей, не заняли свои места. И когда солнце стало подниматься над верхушками горы, у подножия которой делавары устроили свой лагерь, большинство их уже сидели на своих местах. А когда его

яркие лучи брызнули из-за очертаний деревьев, окаймлявших возвышенность, число собравшихся превышало тысячу.

Только старейшие и опытнейшие имели право изложить перед собранием предмет обсуждения. Пока один из таких людей не обнаружит желания говорить, никакие воинские подвиги, природные таланты или ораторский дар не оправдали бы юношу, решившегося прервать молчание. В данном случае престарелый воин, который должен был говорить, долго молчал, по-видимому взволнованный важностью того, что ему предстояло сообщить. Молчание тянулось гораздо дольше обыкновенной паузы, предшествующей совету; но даже самый младший из мальчиков не обнаруживал нетерпения. По временам глаза кого-либо из индейцев поднимались от земли, к которой были как бы прикованы взоры большинства, и обращались к одной из хижин, отличавшейся от остальных только тем, что она была лучше других защищена от непогоды.

Наконец в толпе пробежал тихий шепот, и все сразу поднялись со своих мест. В это мгновение дверь хижины, о которой только что шла речь, отворилась; оттуда вышли трое людей и медленно направились к месту совета. Все они были стары, старше всех присутствовавших стариков; но тот, который шел посредине, опираясь на своих товарищей, насчитывал столько лет, сколько редко выпадает на долю человека. Его фигура, некогда стройная и прямая, как кедр, теперь согнулась под гнетом более чем столетней жизни. Упругая, легкая походка, обычная для индейца, исчезла; старик медленно совершал свой долгий путь, дюйм за дюймом. Его темное сморщенное лицо составляло резкий контраст с длинными белоснежными прядями, рассыпавшимися по плечам в таком изобилии, словно оповещая, что прошла вечность, когда в последний раз волосы были пострижены.

Одежда этого патриарха, ибо так можно было его назвать, была богата и внушительна, но вполне соответствовала простым обычаям людей его племени. Она была сделана из лучших звериных шкур, лишенных шерсти и покрытых причудливыми рисунками, изображавшими его былые боевые подвиги. На груди его красовались медали, некоторые из серебра, а две из золота. Это были дары белых, полученные им в течение его долголетней жизни. На руках и на ногах у него сверкали золотые браслеты. На голове его, которую волосы покрывали сплошь, так как старик давно уже не участвовал в военных походах, виднелось нечто вроде диадемы. Украшавшие эту диадему драгоценности горели среди трех ниспадавших страусовых перьев, выкрашенных в черный цвет и составлявших резкий контраст с белоснежными прядями волос. Его томагавк почти исчезал под накладным серебром, а рукоятка ножа горела, словно рог из массивного золота.

Лишь только утих глухой шум, вызванный появлением уважаемого старца, имя «Таменунд» стало передаваться шепотом из уст в уста. Магуа слыхал о славе мудрого и справедливого делавара. Ему даже приписывали редкое свойство тайного общения с Великим Духом. Поэтому Магуа выступил немного вперед, чтобы получше разглядеть черты лица человека, решение которого могло оказать огромное влияние на судьбу вождя.

Глаза старика были закрыты, будто утомились от продолжительного созерцания игры человеческих страстей.

Цвет его кожи казался темнее цвета кожи большинства окружающих, так как бесчисленные перепутанные линии образовали сложные и вместе с тем красивые узоры, нататуированные чуть ли не по всему его телу.

Таменунд прошел мимо безмолвно наблюдавшего за ним гурона, не обращая на него никакого внимания и продолжая опираться на своих двух почтенных спутников; он прошел к возвышению, где собрались делавары, и сел в цетре с величием монарха и с видом отца.

Ничто не могло быть выше того благоговения и той любви, с которой встретил народ старца. После значительной паузы, требуемой приличиями, главные вожди поднялись со своих мест; подойдя к патриарху, они торжественно возлагали его руки на свою голову, по-видимому прося благословить их. Более молодые вожди довольствовались тем, что дотрагивались до его одежды или даже только приближались к нему, чтобы дышать одним воздухом с престарелым, справедливым и храбрым человеком. Из молодых воинов решались подходить только те, кто отличался какими-либо выдающимися подвигами; главная же масса считала себя счастливой тем, что могла смотреть на лицо так глубоко почитаемого и горячо любимого человека. Когда были закончены все проявления любви и уважения, вожди возвратились на свои места, и молчание воцарилось во всем лагере.

Между тем один из престарелых спутников Таменунда сказал что-то шепотом нескольким юношам; они тотчас же встали, вышли из толпы и вошли в хижину, служившую, как уже было замечено, предметом особого внимания в продолжение целого утра. Через несколько минут они появились снова, ведя к судилищу людей, бывших причиной этого торжественного собрания. Толпа расступилась, образуя проход; когда прошли все, она снова сомкнулась, образовав вокруг пленников плотное кольцо.

Глава XXIX

Все сели. Ахиллес с такою речью
Поднялся королю великому навстречу...

П о п, «Илиада»

Впереди пленников стояла Кора, держа руки Алисы в своих руках. Великодушная девушка не обращала никакого внимания на грозные лица дикарей, окружавших ее со всех сторон, она не испытывала никакого страха за себя и не сводила глаз с бледного, испуганного лица дрожащей Алисы. Рядом с ними стоял Хейворд. Соколиный Глаз встал несколько позади из уважения к их более высокому званию, о котором не мог забыть даже в минуту, когда положение их сравнялось. Ункаса не было между пленниками. Когда снова воцарилось безмолвие, после долгой внушительной паузы один из престарелых вождей, сидевших рядом с патриархом, встал и спросил громко на вполне понятном английском языке:

— Который из моих пленников Длинный Карабин?

Ни Дункан, ни разведчик не ответили на этот вопрос. Первый окинул взглядом мрачное, безмолвное собрание и отшатнулся, когда взгляд его упал на злобное лицо Магуа. Он сразу понял, что хитрый дикарь имеет какое-то отношение к их вызову на собрание и решился употребить все возможные усилия, чтобы помешать осуществлению его кровавых планов. Ему уже пришлось видеть быструю расправу индейцев, и он опасался, что для его друга предназначалась подобная же казнь. Без долгих размышлений Дункан внезапно решился во что бы то ни стало выручить своего друга, хотя бы ценой своей жизни. Но прежде чем он успел сказать что-либо, вождь повторил вопрос, громче и отчетливее выговаривая слова.

— Дайте нам оружие,— высокомерно ответил молодой человек,— и поместите нас вон там, у леса. Наши дела ответят на этот вопрос.

— Так это вы тот воин, имя которого так хорошо знакомо нам? — сказал вождь, глядя на Хейворда с тем интересом, который всегда вызывает вид человека, прославившегося добродетелями или пороками или выдвинувшегося благодаря случайности.— Что привело белого человека к делаварам?

— Нужда. Я пришел за пищей, кровом и друзьями.

— Не может быть. Леса полны дичи. Для головы воина не нужно другого крова, кроме безоблачного неба, а делавары — не друзья ингизов. Довольно! Язык сказал то, чего не говорило сердце.

Дункан замолчал, не зная, как продолжать; но разведчик, внимательно прислушивавшийся ко всему, что происходило вокруг, смело выступил вперед.

— Я не отозвался на имя «Длинный Карабин» не из стыда и страха, потому что ни одно из этих чувств не свойственно честному человеку,— сказал он,— но я не желаю признавать за мингами право давать какие-либо прозвища человеку, которому друзья дали особое имя за его природные дарования. Да и название это неверно: «оленебой» — простое ружье, а вовсе не карабин. Но я действительно тот человек, который получил имя Натаниэля от семьи и лестное имя Соколиного Глаза от делаваров, живущих на своей реке. Я тот, кто более всего заинтересован в своем имени и кого ирокезы, не испросив совета, назвали «Длинным Карабином».

Глаза всех присутствующих, внимательно оглядывавших Дункана, мгновенно обратились на высокую, словно вылитую из железа фигуру Соколиного Глаза. Не было ничего удивительного в том, что двое людей заявляли свои права на такую честь: самозванцы были небезызвестны туземцам, хотя и редко встречались между ними. Несколько стариков посоветовались между собой и, по-видимому, решили хорошенько расспросить гурона.

— Мой брат сказал, что змея заползла в мой лагерь,— сказал вождь гурону.— Кто это?

Магуа указал на разведчика.

— Неужели мудрый делавар поверит лаю волка? — воскликнул Дункан, еще более убеждаясь в злых намерениях своего старинного врага.— Собака никогда не лжет, но слыхано ли, чтобы волк говорил правду?

Молния сверкнула в глазах Магуа, но, вспомнив, что ему следует сохранить присутствие духа, он молча отвернулся с презрительным видом, уверенный, что проницательность индейцев не замедлит открыть, на чьей стороне правда. Он не ошибся: после нового короткого совещания осмотрительный делавар объявил о решении вождей в очень осторожных выражениях.

— Моего брата назвали лгуном,— сказал он,— и его друзья рассердились. Они хотят показать, что он сказал правду. Дайте пленникам ружья, и пусть они докажут, который из них Длинный Карабин.

Магуа сделал вид, будто считает эти слова комплиментом, и кивнул в знак согласия, уверенный, что истина будет быстро доказана таким искусным стрелком, как разведчик.

Друзьям-соперникам сейчас же дали в руки оружие и велели стрелять через головы сидящей толпы в глиняный сосуд, случайно оказавшийся на пне, ярдах в пятидесяти от того места, где они стояли. Хейворд улыбнулся про себя при мысли, что ему придется состязаться с разведчиком, но решил поддерживать обман, пока не узнает замыслов Магуа. Он старательно поднял ружье, прицелился три раза и выстрелил; пуля пробила дерево в нескольких дюймах от сосуда. Восклицания удовольствия по-

казали, что этот выстрел индейцы сочли доказательством большого умения в обращении с ружьем. Даже Соколиный Глаз кивнул головой, как будто желая сказать, что это лучше, чем он ожидал. Но вместо того чтобы выразить желание состязаться со стрелком, выстрелившим так удачно, он стоял несколько времени, опершись на ружье, погруженный в глубокое раздумье.

Из этой задумчивости его вывел один из молодых индейцев. Он дотронулся до плеча разведчика и сказал на ломаном английском языке:

— Может ли бледнолицый выстрелить лучше?

— Да, гурон! — воскликнул Соколиный Глаз, поднимая правой рукой короткое ружье и грозя им Магуа с такой легкостью, как будто это была камышовая тросточка.— Да, гурон, я мог бы теперь убить тебя, и никакая земная сила не предотвратила бы этого! Парящий в воздухе сокол не более уверен в своей победе над горлицей, чем я в том, что мог бы сейчас пробить тебе сердце пулей! И почему бы мне не сделать этого? Почему? Только потому, что этим я мог бы навлечь беду на голову нежных, невинных созданий!

Разгоревшееся лицо разведчика, гневный взгляд, выпрямившаяся во весь рост фигура — все это вызвало чувство благоговейного страха у всех слушавших его. Делавары затаили дыхание в ожидании; но Магуа, хотя и не верил в снисхождение врага, продолжал стоять, словно прикованный к месту, среди окружившей его толпы.

— Попади туда,— повторил молодой делавар, стоявший рядом с разведчиком.

— «Попади туда»! Дурак! Куда? — крикнул Соколиный Глаз, продолжая гневно размахивать ружьем над головой.

— Если белый человек — тот воин, за которого он выдает себя,— проговорил престарелый вождь,— пусть он попадет бли же к цели.

Разведчик громко расхохотался, потом перебросил ружье в вытянутую левую руку; раздался выстрел — по-видимому, вследствие сотрясения,— и в воздух взлетели осколки сосуда и рассыпались во все стороны. Почти в то же время раздался звук падения ружья, с презрением брошенного на землю разведчиком.

В первую минуту присутствующие были восхищены и изумлены. Затем в толпе пронесся тихий, все усиливающийся шепот. Некоторые открыто выражали свой восторг перед такой несравненной ловкостью, но большинство были склонны думать, что ловкий выстрел — простая случайность. Хейворд поддержал мнение, которое было ему на руку.

— Это простая случайность! — крикнул он.— Нельзя стрелять не прицелясь!

— Случайность! — повторил взволнованный житель лесов,

не обращая внимания на знаки, украдкой подаваемые ему Хейвордом, который молил, чтобы он не открывал обмана.— Что же, и тот лжец-гурон считает это случайностью? Дайте ему ружье, поставьте нас лицом к лицу прямо без всяких увертoк, и пусть провидение и наши собственные глаза решат спор.

— Вполне ясно, что гурон — лгун,— хладнокровно возразил Хейворд.— Вы же сами слышали, что он назвал вас Длинным Карабином.

Невозможно сказать, какие доводы привел бы упрямый Соколиный Глаз, чтобы удостоверить свою личность, если бы снова не вмешался старый делавар.

— Сокол, спускающийся с облаков, может вернуться, когда пожелает,— сказал он.— Отдайте им ружья.

На этот раз разведчик жадно схватил ружье; Магуа, ревниво следивший за каждым движением стрелка, не видел уже причин для опасения.

— Ну, докажем теперь перед лицом всего этого племени делаваров, кто из нас лучший стрелок! — крикнул разведчик, ударяя по дулу ружья пальцем, который столько раз спускал роковой курок.— Видите, майор, бутыль из тыквы, что висит вон на том дереве? Если вы стрелок, годный для пограничной службы, то вы пробьете ее.

Дункан взглянул на указанный ему предмет и приготовился к новому испытанию. Это был маленький сосуд из тыквы, какие постоянно употребляются индейцами. Он свешивался на кожаном ремне с высохшей ветки небольшой сосны в сотне ярдов от спорящих. Как уже было сказано, Дункан был неплохим стрелком, а теперь он решил приложить все старания, чтобы показать себя в полном блеске. Едва ли он проявил больше осмотрительности и точности при прицеле, если бы от результата этого выстрела зависела его жизнь. Он выстрелил: три-четыре индейца бросились к дереву, на котором висела тыква, и громкими криками объявили, что пуля попала в дерево совсем близко от цели. Воины приветствовали это известие одобрительными возгласами и вопросительно взглянули на соперника молодого офицера.

— Недурно для королевского гвардейца! — сказал Соколиный Глаз, смеясь своим беззвучным задушевным смехом.— Но если бы мое ружье часто позволяло себе подобные уклонения от настоящей цели, то много куниц, мех которых пошел на дамские муфты, гуляло бы в лесах и не один лютый минг, отправившийся за окончательным расчетом на тот свет, выкидывал бы еще и теперь свои дьявольские шутки! Надеюсь, что у женщины, которой принадлежит эта тыква, есть еще много таких в запасе в вигваме, потому что этой уже не суждено больше хранить воду!

Соколиный Глаз, говоря эти слова, насыпал пороху на полку

и взвел курок. Окончив свою речь, он отставил ногу и стал медленно поднимать дуло от земли ровным, плавным движением. Когда дуло оказалось на одном уровне с глазом, разведчик остановил его на мгновение и стал недвижим, словно человек и ружье были изваяны из камня. Сверкнуло яркое, блестящее пламя. Молодые индейцы бросились вперед, но по их тревожным поискам и разочарованным взглядам ясно было видно, что они не нашли никаких следов пули.

— Ступай,— сказал старый вождь разведчику тоном, полным отвращения,— ты волк в собачьей шкуре! Я поговорю с Длинным Карабином ингизов.

— Ах! Будь у меня в руках то ружье, которое дало мне прозвище, я обязался бы прострелить ремень и уронить тыкву, не разбивая ее,— заметил, нисколько не смущаясь, Соколиный Глаз.— Дураки, если вы хотите найти пулю искусного стрелка здешних лесов! Вы должны искать ее в самом предмете, а не вокруг него.

Индейские юноши сразу поняли смысл его слов — на этот раз он говорил на делаварском языке,— сняли тыкву с дерева и высоко подняли ее кверху с восторженными криками, показав толпе дырку в дне сосуда; пуля, войдя в горлышко сосуда, вышла с противоположной его стороны. При этом неожиданном зрелище громкие крики восторга вылетели из уст воинов. Этот выстрел разрешил вопрос и подтвердил молву о меткости Соколиного Глаза. Любопытные восхищенные взоры, только что обратившиеся было на Хейворда, устремились теперь на крепкую фигуру разведчика. Когда несколько стихло внезапное шумное возбуждение, старый вождь снова принялся за расспросы.

— Зачем ты хотел заткнуть мне уши? — обратился он к Дункану.— Разве делавары так глупы, что не сумеют отличить молодого барса от кошки?

— Они еще поймут, какая лживая птица — гурон,— сказал Дункан, стараясь подделаться под образный язык туземцев.

— Хорошо, мы узнаем, кто заставляет людей закрыть уши... Брат,— прибавил вождь, обращая свой взор на гурона,— делавары слушают.

Призванный этими прямыми словами объяснить свои намерения, гурон встал со своего места. С решительным, величественным видом он вошел в самый центр круга, остановился перед пленниками в позе оратора и приготовился говорить. Но прежде чем открыть рот, он обвел взглядом круг напряженных лиц, как бы обдумывая выражения, соответствующие пониманию его слушателей. Он бросил на разведчика взгляд, полный враждебности, смешанной с уважением; на Дункана взглянул с чувством непримиримой ненависти; еле удостоил заметить дрожавшую фигуру Алисы; но когда взор его упал на непреклонную,

властную и в то же время красивую фигуру Коры, он остановился на ней с выражением, определить которое было бы очень трудно. Потом, полный своих темных замыслов, он заговорил на языке, употребляемом в Канаде, так как знал, что он понятен для большинства его слушателей.

— Дух, создавший людей, дал им различную окраску,— начал хитрый гурон.— Некоторые из них чернее неповоротливого медведя. Эти должны быть рабами, и он велел им работать всегда, подобно бобру. Вы можете слышать их стоны, когда дует южный ветер, стоны более громкие, чем рев бизонов; они раздаются вдоль берегов большого Соленого Озера, куда за ними приходят большие лодки и увозят их толпами. Некоторых он создал с лицами бледнее лесного горностая; этим он приказал быть торговцами, слугами своих женщин и волками для своих рабов. Он дал этому народу крылья голубя — крылья, которые никогда не устают летать,— детенышей больше, чем листьев на деревьях, и алчность, готовую поглотить всю Вселенную. Он дал им голос, похожий на крик дикой кошки, сердце, похожее на заячье, хитрость свиньи — но не лисицы — и руки длиннее ног оленя. Своим языком белый человек затыкает уши индейцам; сердце бледнолицего учит его нанимать за плату воинов, чтобы они сражались за белых людей; хитрость помогает ему собирать блага земли, а руки его захватывают всю землю от берегов соленой воды до островов Большого Озера. Великий Дух дал ему достаточно, а он хочет иметь всё. Таковы бледнолицые... Других людей Великий Дух сотворил с кожей более блестящей и красной, чем это солнце,— продолжал Магуа, выразительно указывая вверх, на огненное светило, лучи которого пробивались сквозь туман на горизонте.— Он отдал им эту землю такой, какой сотворил ее: поросшей лесом, наполненной дичью. Краснокожие дети Великого Духа жили привольно. Солнце и дождь растили для них плоды, ветры освежали их летом. Если они сражались между собой, то для того только, чтобы доказать, что они мужчины. Они были храбры, справедливы, они были счастливы...

Тут оратор остановился, снова глядя вокруг, чтобы узнать, возбудила ли его легенда сочувствие слушателей. Всюду он встречал глаза, жадно впивавшиеся в его глаза, высоко поднятые головы, раздувавшиеся ноздри.

— Если Великий Дух дал разные языки своим краснокожим,— продолжал он тихим, печальным голосом,— то для того, чтобы все животные могли понимать их. Некоторых он поместил среди снегов вместе с их двоюродным братом — медведем. Других он поместил вблизи заходящего солнца по дороге к счастливым полям охоты, иных — на землях вокруг пресных вод, но самым великим, самым любимым он дал пески Соленого Озера. Знают ли мои братья имя этого счастливого народа?

— Это были ленапы! — поспешно крикнуло голосов двадцать.

— Это были ленни-ленапы,— сказал Магуа, склоняя голову с притворным благоговением перед их былым величием.— Это были племена ленапов! Солнце вставало из соленой воды и садилось в пресную воду, никогда не скрываясь с их глаз. Но к чему мне, гурону лесов, рассказывать мудрому народу его предания! Зачем напоминать ему о вынесенных им оскорблениях, о его былом величии, о подвигах, славе, счастье, о его потерях, поражениях, несчастьях! Разве между этим народом нет того, кто видел все это и знает, что это правда?.. Я кончил. Мой язык молчит, потому что свинец давит мне сердце. Я слушаю.

Когда голос оратора умолк, лица и глаза повернулись в сторону старца Таменунда. С той минуты, как он сел на свое место, и до этого мгновения патриарх не открывал рта. Согбенный от слабости и, по-видимому не сознавая, где находится, он безмолвно сидел во время всей этой суеты. Однако при звуках приятного, размеренного голоса гурона он обнаружил некоторые признаки сознания и поднял раза два голову, как будто прислушиваясь к его словам. Но когда хитрый Магуа назвал имя его народа, старик взглянул на толпу пустым, ничего не выражающим взглядом, словно призрак. Он сделал усилие, чтобы подняться, и, поддерживаемый стоявшими около него вождями, встал на ноги в величественной позе, несмотря на то что шатался от слабости.

— Кто вспоминает о детях ленапов? — сказал он глубоким гортанным голосом, прозвучавшим со страшной силой благодаря гробовой тишине, царившей в толпе.— Кто говорит о том, что прошло? Разве из яйца не выходит червь, из червя — муха, чтобы погибнуть? Зачем говорить делаварам о хорошем прошлом? Лучше возблагодарить Маниту за то, что осталось.

— Это говорит вейандот,— сказал Магуа, подходя ближе к тому месту, на котором стояли старики,— друг Таменунда.

— «Друг»! — повторил мудрец, мрачно нахмурившись; в глазах его появился суровый блеск, делавший их когда-то такими страшными.— Разве минг управляет землей? Что привело сюда гурона?

— Жажда справедливости. Его пленники здесь, у его братьев, и он пришел за тем, что принадлежит ему.

Старец обернулся к одному из поддерживавших его вождей и выслушал его краткое объяснение. Потом он взглянул на просителя, несколько времени рассматривал его с глубоким вниманием и наконец проговорил тихо и как бы нехотя:

— Правосудие — закон великого Маниту. Дети мои, накормите чужеземца... А потом, гурон, возьми свое и уходи.

Высказав это торжественное решение, патриарх сел и снова

закрыл глаза, словно больше радуясь видениям своего богатого прошлого, чем событиям и людям реального мира. Не нашлось ни одного делавара, достаточно смелого, для того чтобы возроптать против этого приговора. Едва Таменунд произнес свое решение, четверо или пятеро молодых воинов стали позади Хейворда и разведчика и ловко и быстро опутали им руки ремнями. Магуа обвел присутствующих торжествующим взглядом. Видя, что его пленники-мужчины не в состоянии противиться ему, он перевел свои глаза на ту, которой дорожил больше всех. Кора встретила его взгляд таким спокойным, твердым взглядом, что решимость его поколебалась. Припомнив свою прежнюю уловку, он взял Алису из рук воина, на которого она опиралась, и, сделав знак Хейворду, чтобы он следовал за ним, двинулся в толпу, расступившуюся перед ним. Но Кора, вместо того чтобы повиноваться ему, как он ожидал, бросилась к ногам патриарха и громко воскликнула:

— Справедливый, почтенный делавар, мы взываем к твоему милосердию, полагаясь на твою мудрость и могущество! Останься глухим к словам этого коварного, безжалостного чудовища! Он отравляет твой слух ложью, чтобы насытить свою жажду крови. Ты, который жил долго и видел много зла, должен знать, как смягчить бедствия несчастных!

Глаза старика тяжело раскрылись, и он снова взглянул на толпу. Когда голос просительницы достиг его ушей, он медленно перевел глаза в ее сторону и наконец остановил их на девушке. Кора стояла на коленях; прижав руки к груди, она оставалась в этом положении и с благоговением смотрела на поблекшие, но все еще величественные черты патриарха. Лицо Таменунда постепенно изменялось, выражение восхищения показалось на нем, и черты его озарились умом, который за сто лет перед тем умел заражать своим юношеским пылом многочисленные племена делаваров. Он встал без поддержки, по-видимому без усилия, и спросил голосом, поразившим своею твердостью слушателей:

— Кто ты?

— Женщина из ненавистного тебе племени ингизов, но женщина, которая никогда не делала зла тебе и не могла бы, если б и захотела, сделать зло твоему народу. Она просит твоей помощи.

— Скажите мне, дети мои,— продолжал патриарх хриплым голосом, обращаясь к окружающим, но не отрывая глаз от коленопреклоненной Коры,— где стоят теперь лагерем делавары?

— В горах ирокезов, за прозрачными источниками Хорикэна.

— Много раз приходило и уходило знойное лето, с тех пор как я пил воду моей родной реки,— продолжал мудрец.— Белые жители Хорикэна — самые справедливые из белых людей, но

они ощущали жажду и взяли себе реку. Неужели они хотят преследовать нас и здесь, в нашем лагере?

— Мы никого не преследуем, ничего не домогаемся,— ответила Кора.— Мы приведены к вам как пленники и просим только позволения отправиться мирно к нашим родным. Разве ты не Таменунд, отец, судья, я бы сказала — пророк этого народа?

— Я — Таменунд, удрученный годами.

— Семь лет назад один из твоих воинов попал в руки белого вождя на границе этих владений. Он утверждал свою принадлежность к роду доброго и справедливого Таменунда. «Ступай,— сказал белый вождь,— ты свободен, потому что происходишь из рода Таменунда». Помнишь ли ты имя этого английского воина?

— Помню, когда я был веселым мальчиком,— сказал патриарх с обычной для глубокой старости ясностью воспоминаний,— я стоял на песках морского берега и видел большую лодку с крыльями белее, чем у лебедя, и шире, чем у орла,— она шла от восходящего солнца.

— Нет-нет, я говорю не о таком отдаленном времени, а о милости, оказанной недавно одним из моих родственников воину из твоего рода.

— Может быть, это было тогда, когда ингизы и голландцы сражались из-за охотничьих полей делаваров? Тогда Таменунд был вождем и в первый раз оставил лук для молнии бледнолицых...

— Нет, не тогда,— прервала его Кора,— гораздо позже. Я говорю о том, что случилось совсем недавно, можно сказать вчера. Нет, ты не мог этого забыть!

— Только вчера,— сказал старик с трогательным пафосом,— дети ленапов были владыками мира! Рыбы Соленого Озера, птицы и лесные звери признавали их своими сагаморами!

Кора в отчаянии опустила голову и в продолжение минуты боролась с тяжелым горем. Потом, подняв свое красивое лицо с блестящими глазами, она продолжала:

— Скажи мне, есть ли у тебя дети?

Старик взглянул на нее со своего возвышения с добродушной улыбкой на истощенном лице, потом медленно обвел глазами всех присутствующих и ответил:

— Я отец целого народа.

— Для себя я ничего не прошу, я готова нести кару за грехи моих предков. Но та, что стоит рядом со мной, до сих пор не испытывала тяжести небесного гнева. Она дочь старого человека, дни которого близятся к концу. Многие, очень многие любят ее! Она добра и слишком дорога для многих, чтобы стать жертвой этого негодяя!

— Я знаю, что бледнолицые — гордое, алчное племя.

Я знаю, что они не только заявляют права на землю, но считают, что самые низшие из людей их цвета лучше сагаморов красного человека. Собаки и вороны их племени,— продолжал старик,— стали бы лаять и каркать, если бы они взяли в свои вигвамы женщину, цвет кожи которой не был бы белее снега. Но пусть они не слишком похваляются перед лицом Маниту! Они пришли в эту землю со стороны восходящего солнца и могут уйти в сторону заходящего. Я часто видел, как саранча объедала листья деревьев, но время цветения снова наступало для них.

— Это так,— сказала Кора, глубоко вздыхая, как будто выходя из оцепенения.— Но тут есть еще один человек из твоего собственного племени, которого не привели к тебе. Выслушай его, прежде чем позволить гурону с торжеством удалиться отсюда.

Заметив, что Таменунд с недоумением оглядывается вокруг, один из сопровождавших его сказал:

— Это Змея, краснокожий наемник ингизов. Мы оставили его, чтобы пытать.

— Пусть он придет,— сказал мудрец.

Он снова сел на свое место, и, пока воины ходили, чтобы исполнить его приказание, стояла такая тишина, что ясно был слышен шелест листьев в соседнем лесу.

Глава XXX

Откажете — позор законам вашим!
Тогда в Венеции бессильно право!
Так отвечайте: будет он моим?

Шекспир, «Венецианский купец»

Тревожное молчание длилось несколько минут. Потом толпа заколыхалась, расступилась и снова сомкнулась. В ее живом кругу стоял Уикас. Глаза, до сих пор с любопытством изучавшие черты старца, теперь устремились с тайным восхищением на стройную, гибкую фигуру пленника. Ни присутствие всеми почитаемого старца, ни исключительное внимание, возбуждаемое им, не нарушили самообладания молодого могиканина. Лицо Уикаса не утратило своего выражения спокойного внимания и детской любознательности и тогда, когда, обведя глазами присутствующих, он встретил враждебные взгляды вождей. Но когда взгляд его упал на фигуру Таменунда, юноша медленными, неслышными шагами прошел к тому месту, где сидел мудрец, и остановился прямо перед ним. Тут он стоял, зорко наблюдая за всем происходящим вокруг него, пока один из делаварских вождей не сказал Таменунду о его присутствии.

— На каком языке говорит пленник с Маниту? — спросил патриарх, не открывая глаз.

— Как и его отцы, на языке делаваров,— ответил Ункас.

При этом внезапном и неожиданном известии среди толпы пробежал тихий яростный гул, который можно было бы сравнить с рычанием льва. Действие этих слов на мудреца было так же сильно, но выразилось иначе. Он прикрыл рукой глаза, как будто для того, чтобы лишить себя возможности видеть постыдное зрелище, и повторял тихим гортанным голосом только что слышанные слова.

— Делавар! Я дожил до того, что видел племена ленапов изгнанными из мест, где издавна горели их костры совета, и рассеянными среди гор ирокезов, словно стада оленей! Я видел, как топоры чужого народа вырубали наши леса, которым не причинили вреда даже небесные ветры; я видел, как в вигвамах людей жили звери, бегающие по лесам, и птицы, летающие над деревьями; но никогда еще не встречал делавара настолько низкого, чтобы вползти подобно ядовитой змее в лагерь своего народа!

— Лживые птицы открыли свои клювы,— возразил Ункас самыми мягкими нотами своего музыкального голоса,— и Таменунд услышал их песни.

Мудрец вздрогнул и склонил голову набок, как будто стараясь уловить замирающие звуки далекой мелодии.

— Не спит ли Таменунд? — воскликнул он.— Что за голос раздается в его ушах? Неужели зимы отодвинулись назад? Неужели к детям ленапов снова возвращается лето?

За потоком несвязных слов, вырвавшихся из уст Таменунда, последовало торжественное, почтительное безмолвие. Его народ легко принял эти непонятные слова за одну из тех таинственных бесед, которые старец, как полагали присутствующие, вел с Великим Духом, и все в страхе ожидали результатов откровения. После долгого, терпеливого ожидания один из его старых товарищей заметил, что мудрец забыл о занимавшем всех вопросе, и решился напомнить ему о стоявшем перед ним пленнике.

— Лживый делавар дрожит, опасаясь услышать слова Таменунда,— сказал он.— Эта собака воет, когда ингизы указывают ему след.

— А вы,— сказал Ункас, оглядываясь кругом,— собаки, которые визжат от радости, когда какой-нибудь француз бросает вам объедки своего оленя.

Ножей двадцать сверкнуло в воздухе, и столько же воинов вскочило на ноги при этом язвительном и, может быть, заслуженном ответе; но жест одного из вождей остановил взрыв их негодования. В это время Таменунд сделал движение, показывавшее, что он собирается говорить.

— Делавар,— сказал он,— ты мало достоин своего имени. Мой народ не видит яркого солнца в продолжение многих зим; а воин, покидающий свое племя, когда тучи нависли над ним,— изменник вдвойне. Закон Маниту справедлив. Так должно быть. Пока текут реки и стоят горы, пока цветы на деревьях появляются и исчезают, так должно быть... Он ваш, дети мои! Поступите с ним по закону.

Никто не шевельнулся, все затаили дыхание и молчали, пока последнее слово приговора не вылетело из уст Таменунда. Тогда раздался громкий крик, объединивший всех присутствующих в одном чувстве мести, страшный крик, возвещавший об их жестоких намерениях. Среди этих продолжительных диких криков один из вождей объявил громким голосом, что пленник присуждается к пытке огнем. Круг распался, и восторженные восклицания слились с шумом и суматохой приготовлений к пытке. Хейворд бешено вырывался из рук державших его людей, Соколиный Глаз оглядывался вокруг с особенным, тревожным выражением в глазах, а Кора снова бросилась к ногам патриарха, моля его о милосердии.

Однако Ункас сохранил ясное спокойствие в эти ужасные минуты. Равнодушным взглядом смотрел он на приготовления и, когда к нему подошли мучители, встретил их твердым, непоколебимым взглядом. Один из них, разъяренный больше других, схватил молодого воина за ворот рубашки и разорвал ее. Затем с воплем дикой ярости он подскочил к своей жертве. Но внезапно он изменил свое намерение, словно какая-то сверхъестественная сила вмешалась, чтобы спасти Ункаса. Глаза делавара, казалось, выкатились из орбит, рот открылся, и вся фигура словно окаменела от изумления. Медленным движением он поднял руку и показал пальцем на грудь пленника. Товарищи его столпились вокруг, и все взгляды с удивлением устремились на прекрасное, татуированное голубой краской изображение маленькой черепахи на груди пленника.

Одно мгновение Ункас наслаждался своим триумфом, глядя со спокойной улыбкой на эту сцену. Затем он отстранил толпу гордым, высокомерным движением руки, вышел на середину с царственным видом и заговорил голосом, возвышавшимся над шепотом изумления, пробегавшим в толпе.

— Люди ленни-ленапов! — сказал он.— Мой род поддерживает Вселенную! Ваше слабое племя стоит на моей броне! Разве огонь, зажженный делаваром, может сжечь сына моих отцов? — прибавил он, с гордостью указывая на простой знак на его груди.— Кровь, происходящая от такой породы, потушила бы ваше пламя. Мой род — родоначальник всех племен!

— Кто ты? — спросил Таменунд, вставая на ноги скорее

от поразивших его звуков этого голоса, чем от смысла слов пленника.

— Уикас, сын Чингачгука,— скромно ответил пленник, отворачиваясь от толпы и склоняя голову из уважения к личности и годам старика,— один из сыновей великой Унамис — Черепахи.

— Последний час Таменунда близок! — воскликнул мудрец.— День наконец близится к ночи! Благодарю Маниту за то, что здесь есть тот, кто заменит меня у костра совета! Уикас, внук Уикаса, наконец найден! Дайте глазам умирающего орла взглянуть на восходящее солнце!

Юноша легко, но с гордым видом взбежал на возвышение, откуда был виден всей волнующейся, изумленной толпе. Таменунд не мог насмотреться на него, видимо вспоминая былые дни счастья.

— Не стал ли я юношей? — наконец проговорил пораженный старец.— Неужели я видел во сне все эти зимы? Видел народ мой, рассеянный, как песок, гонимый ветром, видел ингизов, более многочисленных, чем листья на деревьях? Стрела моя не испугала бы лани; рука моя высохла, как ветвь мертвого дуба; улитка перегнала бы меня в беге; а между тем передо мной стоит юный Уикас, такой же, как в былые дни, когда мы вместе сражались с бледнолицыми! Уикас, барс своего племени, старший сын ленапов, мудрейший сагамор могикан! Скажите мне, делавары, неужели Таменунд проспал сто зим?

Глубокое молчание, последовавшее за этими словами, достаточно ясно выражало благоговейный трепет, с которым народ принял слова патриарха. Никто не смел отвечать — все ожидали затаив дыхание, что произойдет дальше. Уикас, все время смотревший в лицо старика с любовью и глубоким почтением, решился заговорить.

— Четыре воина из рода Уикаса жили и умерли, с тех пор как друг Таменунда водил свой народ на войну,— сказал он.— Кровь Черепахи текла в жилах многих вождей, но все они вернулись в землю, из которой пришли, кроме Чингачгука и его сына.

— Это правда... Это правда...— заметил старец; луч воспоминаний рассеял его забытье.— Но мудрецы часто говорили, что два воина древнего рода живут еще в горах ингизов. Почему же так долго пустовали их места у костра совета делаваров?

При этих словах молодой человек поднял свою голову, все время склоненную в знак уважения к Таменунду; возвысив голос так, чтобы его слышала вся толпа, и как будто желая раз навсегда объяснить образ действия своей семьи, он заговорил:

— Некогда мы спали там, где можно слышать гневный ропот Соленого Озера. Тогда мы были правителями и сагаморами всей

страны. Но когда у каждого ручья стали попадаться бледнолицые, мы пошли вслед за оленями, назад, к нашей родной реке. Делаваров не стало. Только немногие из воинов остались пить воду любимой реки. Тогда предки мои сказали: «Здесь мы будем охотиться. Воды этой реки бегут в Соленое Озеро. Если мы пойдем в сторону заходящего солнца, то найдем потоки, которые бегут в великие озера сладкой воды; могиканин умрет там, как умирают рыбы моря в прозрачных источниках. Когда Маниту будет готов, то скажет: «Идите»,— и мы пойдем по реке к морю и вернем себе свое». Вот, делавары, во что верят дети Черепахи! Наши глаза устремлены к восходящему солнцу, а не к заходящему. Мы знаем, откуда оно приходит, но не знаем, куда уходит. Довольно!

Потомки ленапов слушали слова Ункаса с тем уважением, которое внушает суеверный страх, и тайно наслаждаясь тем образным языком, на котором говорил юный сагамор. Ункас внимательно следил своими умными глазами за слушателями и, убедившись, что его слова произвели выгодное впечатление, постепенно отбросил свой властный тон. Окинув взглядом безмолвную толпу, окружавшую возвышение, на котором сидел Таменунд, он впервые увидел связанного разведчика. Ункас пробрался сквозь толпу к своему другу, быстрым, гневным движением ножа перерезал связывающие его тело ремни и дал знак толпе расступиться.

Индейцы повиновались молча и снова сомкнулись в круг, как до появления Ункаса. Он взял разведчика за руку и подвел его к патриарху.

— Отец,— сказал он,— взгляни на этого бледнолицего: это справедливый человек, друг делаваров и гроза макуасов.

— Какое имя заслужил он своими подвигами?

— Мы называем его Соколиным Глазом,— ответил Ункас, называя разведчика его делаварским прозвищем,— потому что зрение никогда не изменяет ему. Мингам он известен своим верным ружьем, и они называют его Длинным Карабином.

— Длинный Карабин! — воскликнул Таменунд, открывая глаза и сурово смотря на разведчика.— Моему сыну не следовало бы называть его другом.

— Я называю другом того, кто на деле показывает себя другом,— ответил молодой вождь спокойно и твердо.— Если делавары приветствуют Ункаса, то и Соколиный Глаз находится среди друзей.

— Бледнолицый убил многих из моих воинов. Его имя славится ударами, которые он нанес ленапам.

— Если какой-нибудь минг нашептал это на ухо делаварам, то этим только доказал, что он лживая птица,— сказал разведчик.

Он решил, что для него наступило время оправдаться в таких оскорбительных обвинениях.

— То, что я убивал макуасов, я не стал бы отрицать даже на их советах у костра. Но никогда моя рука не принесла вреда делавару, так как я дружески отношусь к ним и ко всем, кто принадлежит к их племени.

Легкий одобрительный шепот пробежал среди воинов, обменявшихся друг с другом взглядами, говорившими, что эти люди начинают сознавать свое заблуждение.

— Где гурон? — спросил Таменунд.

Магуа смело выступил и стал перед патриархом.

— Справедливый Таменунд не будет удерживать то, что гурон дал ему на время,— сказал он.

— Скажи мне, сын моего брата,— проговорил мудрец, отворачиваясь от мрачного лица Хитрой Лисицы и с радостью устремляя свой взор на открытое лицо Ункаса,— имеет ли гурон над тобой право победителя?

— Нет. Барс может иногда попадаться в ловушки, расставленные женщинами, но он силен и знает, как выпрыгнуть из них.

— А Длинный Карабин?

— Смеется над мингом... Ступай, гурон, спроси у своих женщин, каков из себя медведь.

— А чужеземец и белая девушка, которые вместе пришли в мой лагерь?

— Должны идти свободно по какому угодно пути.

— А женщина, которую гурон оставил у моих воинов?

Ункас не отвечал.

— А женщина, которую минг привел в мой лагерь? — строго повторил Таменунд.

— Она моя! — крикнул Магуа, с торжеством потрясая рукой перед Ункасом.— Могиканин, ты знаешь, что она моя!

— Мой сын молчит,— сказал Таменунд, стараясь понять выражение лица юноши.

— Это правда,— тихо ответил Ункас.

Последовала короткая красноречивая пауза, во время которой ясно было, как неохотно толпа признавала справедливость требования минга. Наконец мудрец, которому принадлежало право решения, сказал твердым голосом:

— Уходи, гурон.

— А как он уйдет, справедливый Таменунд,— спросил коварный Магуа,— с пленницей или без нее? Вигвам Хитрой Лисицы пуст. Поддержи его, отдав то, что ему принадлежит.

Старец сидел некоторое время погруженный в глубокое раздумье; потом он наклонил голову к одному из своих почтенных товарищей и спросил:

— Этот минг — один из вождей своего племени?

— Первый среди своих соплеменников.

— Чего же ты еще хочешь, девушка? Великий воин берет тебя в жены. Иди, твой род не угаснет.

— Лучше, в тысячу раз лучше, чтобы он угас,— воскликнула с ужасом Кора,— чем подвергнуться такому унижению!

— Гурон, ее душа в палатках ее отцов. Девушка, которая идет замуж поневоле, приносит несчастье в вигвам.

— Она говорит языком своего народа,— возразил Магуа, смотря с горькой иронией на свою жертву.— Она из рода торгашей и торгуется из-за ласкового взгляда. Пусть Таменунд скажет что следует.

— Возьми за нее выкуп, а от нас пожелание тебе счастья.

— Я не возьму ничего, кроме того, что принес сюда!

— Ну так уходи с тем, что принадлежит тебе! Великий Маниту запрещает делавару быть несправедливым.

Магуа подскочил к своей пленнице и с силой схватил ее за руку. Делавары отступили в полном молчании, и Кора, как бы сознавая, что мольбы будут напрасны, приготовилась беспрекословно подчиниться своей участи.

— Погоди, остановись! — крикнул Хейворд, выскакивая вперед.— Сжалься, гурон! За нее дадут такой выкуп, что ты станешь первым богачом в твоем племени.

— Магуа — краснокожий, он не нуждается в побрякушках бледнолицых.

— Золото, серебро, порох, свинец — все, что нужно воину, будет в твоем вигваме, все, что необходимо великому вождю!

— Хитрая Лисица очень силен! — крикнул Магуа, бешено потрясая рукой, в которой держал руку не сопротивлявшейся Коры.— Месть в его руках.

— Боже всемогущий,— сказал Хейворд, в отчаянии сжав руки,— неужели ты допустишь это? Тебя, справедливый Таменунд, молю о пощаде!

— Слова делавара сказаны,— ответил старик, закрывая глаза и опускаясь на свое место.— Мужчины не говорят дважды.

— Великий вождь поступает мудро и благоразумно, не теряя времени на повторение того, что уже сказано,— проговорил Соколиный Глаз, делая Хейворду знак, чтобы он замолчал,— но каждый воин должен, в свою очередь, хорошенько обдумать решение, прежде чем всадить томагавк в голову своего пленника... Гурон, я не люблю тебя и вообще не могу сказать, чтобы кто-нибудь из мингов видел снисхождение с моей стороны. Можно смело предположить, что война окончится не скоро и много еще ваших воинов встретится со мной в лесу. Ну, так рассуди, кого ты предпочитаешь привести пленником в свой лагерь: эту женщину или такого человека, как я?

— Неужели Длинный Карабин отдаст свою жизнь за женщину? — нерешительно спросил Магуа, который уже собрался уходить из лагеря со своей жертвой.

— Нет-нет, я этого не говорил! — ответил Соколиный Глаз, отступая с надлежащей осторожностью при виде жадности, с которой Магуа слушал его предложение.— Это была бы слишком неравная мена: отдать воина в полном расцвете сил за девушку, даже лучшую здесь, на границах... Я мог бы согласиться отправиться на зимние квартиры теперь же, по крайней мере за шесть недель до того, как опадут все листья, с условием, что ты отпустишь девушку.

Магуа отрицательно покачал головой и сделал толпе знак расступиться.

— Ну хорошо,— прибавил разведчик с видом человека, еще не пришедшего к окончательному решению,— я добавлю еще «оленебой». Поверь слову опытного охотника, это ружье не имеет себе равного.

Магуа ничего не ответил на это предложение и продолжал прилагать усилия, чтобы раздвинуть толпу.

— Может быть...— сказал разведчик, теряя свое напускное хладнокровие,— может быть, если бы я согласился научить ваших воинов, как владеть этим ружьем, ты бы изменил свое решение?

Магуа снова приказал расступиться делаварам, которые продолжали окружать его непроницаемым кольцом в надежде, что он согласится на мирное предложение.

— Чему суждено быть, то должно случиться раньше или позже,— продолжал Соколиный Глаз, оборачиваясь к Уикасу с печальным, смиренным взглядом.— Негодяй знает свое преимущество и пользуется им! Да благословит тебя бог, мальчик! Ты нашел себе друзей среди своего родного племени; я надеюсь, что они будут так же верны тебе, как я. Что касается меня, то рано или поздно я должен умереть, и большое счастье, что мало кто будет плакать обо мне. Этим чертям, по всей вероятности, удастся завладеть моим скальпом, а днем раньше, днем позже — это не имеет значения. Да благословит тебя бог! — проговорил суровый житель лесов, опуская голову.

Но он тотчас же поднял ее и, смотря печальным взглядом на юношу, прибавил:

— Я люблю вас обоих — тебя и твоего отца, Уикас, хотя у меня с вами разный цвет кожи. Скажи сагамору, что в самые тревожные минуты я никогда не забывал о нем. Прошу тебя, думай иногда обо мне, когда будешь идти по счастливому пути. Ты найдешь мое ружье в том месте, где мы спрятали его, возьми его и оставь себе на память. И слушай, мальчик: так как ваши обычаи не отрицают мести, не стесняйся пускать это ружье в

дело против мингов. Это несколько смягчит горе обо мне и успокоит твою душу... Гурон, я принимаю твое предложение: освободи эту женщину. Я — твой пленник.

При этом великодушном предложении в толпе раздался тихий, но ясный шепот; даже самые свирепые из делаваров выражали одобрение при виде такой мужественной решимости. Магуа остановился, и одно мгновение казалось, будто он поколебался. Но, взглянув на Кору глазами, в которых свирепость как-то странно сочеталась с выражением восторженного удивления, он принял окончательное решение.

Он выразил свое презрение к предложению разведчика, надменно вскинул голову и сказал твердым, уверенным голосом:

— Хитрая Лисица,— великий вождь, он не меняет своих решений... Пойдем,— обратился он к пленнице, властно кладя руку ей на плечо.— Гурон не пустой болтун: мы идем.

Девушка отшатнулась с горделивым видом, полным женского достоинства; ее темные глаза вспыхнули, яркий румянец, похожий на прощальный луч заходящего солнца, разлился по лицу.

— Я ваша пленница, и, когда наступит время, я буду готова идти хотя бы на смерть, но сила здесь ни при чем,— холодно проговорила она и, обернувшись к Соколиному Глазу, прибавила: — От души благодарю вас, великодушный охотник! Ваше предложение бесполезно, я не могла бы принять его, но вы можете оказать мне услугу даже бóльшую, чем та, которую вы так великодушно предлагали. Взгляните на это несчастное, изнемогающее дитя! Не покидайте ее, пока она не доберется до места, где живут ее друзья! Я не стану говорить,— прибавила она, крепко пожимая жесткую руку разведчика,— что ее отец наградит вас,— люди, подобные вам, стоят выше наград, но он будет благодарить и благословлять вас. Боже мой, если бы я могла услышать благословение из его уст в эту ужасную минуту!..

Голос ее внезапно прервался; она молчала в течение нескольких минут, потом подошла к Дункану, продолжавшему поддерживать ее лишившуюся чувств сестру, и добавила более спокойным тоном:

— Мне остается еще обратиться к вам. Нечего говорить, чтобы вы берегли сокровище, которым будете обладать. Вы любите Алису, Хейворд, и ваша любовь простила бы ей тысячу недостатков! Но она добра, кротка, мила, как только может быть живое существо. В ней нет ни одного такого недостатка, который мог бы заставить покраснеть самого гордого из людей. Она красива... О, удивительно красива! — прибавила она с любовью и печалью, кладя смуглую руку на мраморный лоб Алисы и откидывая золотые волосы, падавшие на глаза девушки.— А душа ее чиста и белоснежна. Я могла бы сказать еще многое, но пощажу вас и себя...

Голос ее замер, она наклонилась над сестрой. После долгого, горестного поцелуя она поднялась и со смертельно бледным лицом, но без малейшей слезинки в лихорадочно горящих глазах повернулась к дикарю и сказала с прежним надменным видом:

— Ну, теперь я готова идти, если вам угодно.

— Да, уходи,— крикнул Дункан, передавая Алису на руки индейской девушки,— уходи, Магуа, уходи! У делаваров есть свои законы, которые запрещают удерживать тебя, но я... я не обязан подчиняться им. Ступай, злобное чудовище, чего же ты медлишь?

Трудно описать выражение, с которым Магуа слушал слова молодого человека. Сначала на лице его мелькнуло злорадство, но в следующее же мгновение оно сменилось обычным холодным, хитрым выражением.

— Лес открыт для всех,— отвечал он.— Щедрая Рука может идти туда.

— Постойте! — крикнул Соколиный Глаз, хватая Дункана за руку и насильно удерживая его.— Вы не знаете коварства этого дьявола. Он заведет вас в засаду, а ваша смерть...

— Гурон...— прервал его Ункас. До сих пор, покорный строгим обычаям своего племени, он оставался внимательным, серьезным слушателем всего, что происходило перед ним.— Гурон, справедливость делаваров исходит от великого Маниту. Взгляни на солнце. Оно стоит теперь около верхних ветвей вон тех кустов. Твой путь открыт и не длинен. Когда солнце поднимется над деревьями, по твоим следам пойдут люди.

— Я слышу карканье вороны! — сказал Магуа с насмешливым хохотом.— Догоняй! — прибавил он, взмахнув рукой перед толпой, медленно расступившейся перед ним.— Вейандоту не страшны делавары! Собаки, зайцы, воры, я плюю на вас!

Его презрительные слова были выслушаны делаварами в мертвом, зловещем молчании. Магуа беспрепятственно направился к лесу в сопровождении своей спутницы, под защитой нерушимых законов гостеприимства индейцев.

Глава XXXI

> Флюэллен. Избивать мальчишек и обоз! Это противно всем законам войны. Более гнусного злодейства и придумать нельзя. Скажите по совести, разве я не правду говорю?
>
> *Шекспир, «Генрих V»*

Пока враг и его жертва были еще на виду у толпы, делавары оставались неподвижными, словно прикованные к месту, но, как

только гурон исчез, могучие страсти вырвались наружу, и толпа заволновалась, как бурное море. Ункас продолжал стоять на возвышении, не отрывая глаз от фигуры Коры, пока цвет ее платья не смешался с листвой леса. Сойдя с возвышения, он молча прошел среди толпы и скрылся в той хижине, из которой вышел. Наиболее серьезные и наблюдательные воины заметили гнев, сверкавший в глазах молодого вождя, когда он проходил мимо них. Таменунда и Алису увели, женщинам и детям приказано было разойтись. В продолжение следующего часа лагерь походил на улей потревоженных пчел, дожидавшихся только появления своего предводителя, чтобы предпринять отдаленный полет.

Наконец из хижины Ункаса вышел молодой воин; решительными шагами он прошел к маленькой сосне, росшей в расселине каменистой террасы, содрал с нее кору и безмолвно вернулся туда, откуда пришел. За ним вскоре пришел другой и оборвал с дерева ветви, оставив только обнаженный ствол. Третий раскрасил голый ствол темно-красными полосами. Все эти проявления воинственных намерений предводителей племени принимались воинами в угрюмом, зловещем молчании. Наконец показался и сам могиканин; на нем не было никакой одежды, кроме пояса и легкой обуви; половина его красивого лица была сплошь разрисована угрожающей черной краской.

Медленной, величественной походкой Ункас подошел к обнаженному стволу дерева и стал ходить вокруг него размеренными шагами, исполняя что-то вроде древнего танца и сопровождая его дикими звуками военной песни своего народа. То песня была печальной, даже жалобной и могла соперничать с песнями птиц; то звуки ее внезапно обретали такую глубину и силу, что слушателей охватывала дрожь. В песне было мало слов, но они часто повторялись. Если бы можно было перевести слова этой необычайной песни, то они звучали бы примерно так:

Маниту! Маниту! Маниту!
Ты велик, ты благ, ты мудр!
Маниту! Маниту!
Ты справедлив!

В небесах, в облаках, о! я вижу
Много пятен — много темных, много красных,—
В небесах, о! я вижу
Много туч.

И в лесах, и вокруг, о! я слышу
Вопли, протяжные стоны и крик,
В лесах, о! я слышу
Громкий крик!

Маниту! Маниту! Маниту!
Я слаб — ты силен; я бессилен.
Маниту! Маниту!
Мне помоги!

Конец каждой строфы Ункас пел громко и протяжно, что вполне соответствовало выраженным в ней чувствам. Первый куплет песни, где выражалось почитание, Ункас пропел спокойно и величаво; второй куплет был описательный; в третьем куплете смешались все ужасные звуки битвы, и, срываясь с уст молодого воина, эта строфа воспринималась как страшный воинственный призыв. В последнем куплете, как и в первом, слышались смирение и мольба. Трижды повторил Ункас эту песнь и три раза протанцевал вокруг дерева.

Когда в первый раз он пропел свой призыв, один суровый уважаемый вождь ленапов последовал его примеру и запел тот же мотив, хотя с другими словами. Воин за воином присоединялись к танцующим, и так все воины, наиболее известные храбростью среди своих соплеменников, приняли участие в пляске. Вся эта сцена внушала безотчетный страх. Грозные лица вождей казались еще страшнее от дикого напева, в котором сливались их гортанные голоса. Ункас глубоко всадил в дерево свой томагавк и испустил крик, который мог быть назван его личным боевым кличем. Это означало, что он берет на себя предводительство в задуманном походе.

Сигнал пробудил все страсти, дремавшие до сих пор в делаварах. Около ста юношей, удерживаемых до тех пор застенчивостью, свойственной их возрасту, бешено кинулись к воображаемой эмблеме врага и стали раскалывать дерево, щепа за щепой, пока от него ничего не осталось — одни только корни в земле.

Как только Ункас вонзил в дерево свой томагавк, он вышел из круга и поднял глаза к солнцу, которое как раз подходило к той точке, которая означала конец перемирия с гуронами. Выразительным жестом руки он сообщил об этом факте, и возбужденная толпа, прекратив мимическое изображение войны, с криками радости стала приготовляться к опасному походу против врага.

Вид лагеря сразу изменился. Воины, уже вооруженные и в боевой раскраске, снова стали спокойны; казалось, всякое сильное проявление чувства было невозможно для них. Женщины высыпали из хижин с песнями, в которых радость и печаль смешивались так, что трудно было решить, какое чувство одерживает верх. Никто не оставался без занятия. Кто нес свои лучшие вещи, кто — детей, кто вел стариков и больных в лес, расстилавшийся с одной стороны горы. Туда же удалился и Таменунд после короткого, трогательного прощания с Ункасом; мудрец расстался с ним неохотно, как отец, покидающий своего давно потерянного и только что найденного сына. Дункан в это время отвел

Алису в безопасное место и присоединился к разведчику. Выражение лица Хейворда показывало, что он со страстным нетерпением ожидает предстоящей борьбы.

Но Соколиный Глаз слишком привык к боевому кличу и военным приготовлениям туземцев, чтобы выказывать какой-либо интерес к происходившей перед ним сцене. Он только бросил мельком взгляд на воинов, которые собрались вокруг Ункаса; убедившись в том, что сильная натура молодого вождя увлекла за собой всех, кто был в состоянии сражаться, разведчик улыбнулся. Потом он отправил мальчика-индейца за своим «оленебоем» и за ружьем Ункаса. Подходя к лагерю делаваров, они спрятали свое оружие в лесу на тот случай, если им суждено будет очутиться в плену; кроме того, безоружным было удобнее просить защиты у чужого племени. Послав мальчика за своим драгоценным ружьем, разведчик поступил со свойственной ему осторожностью. Он знал, что Магуа явился не один, знал, что шпионы гурона следят за каждым движением своих новых врагов на всем протяжении леса. Поэтому ему самому было бы опасно пойти за ружьем; всякого воина могла также постичь роковая участь; но мальчику опасность угрожала только в том случае, если бы его намерение было открыто.

Когда Хейворд подошел к Соколиному Глазу, разведчик хладнокровно дожидался возвращения мальчика.

Между тем мальчик с сердцем, бьющимся от гордого сознания оказанного ему доверия, полный надежд и юношеского честолюбия, с небрежным видом прошел по прогалине к лесу. Он вошел в лес недалеко от того места, где были спрятаны ружья, и, как только листва кустарников скрыла его темную фигуру, пополз, словно змея, к желанному сокровищу. Удача улыбнулась ему: через минуту он уже летел с быстротой молнии по узкому проходу, окаймлявшему подошву террасы, на которой находилось поселение. В обеих руках у него было по ружью. Он уже добежал до скал и перепрыгивал с одной на другую с невероятной ловкостью, когда раздавшийся в лесу выстрел показал, насколько справедливы были опасения разведчика. Мальчик ответил слабым, но презрительным криком; сейчас же с другой стороны леса вылетела вторая пуля. В следующее мгновение мальчик показался наверху, на площадке горы. С торжеством подняв над головой ружья, он направился с видом победителя к знаменитому охотнику, почтившему его таким славным поручением.

Несмотря на живой интерес, который питал Соколиный Глаз к судьбе своего посланца, он взял «оленебой» с удовольствием, заставившим его на время забыть все на свете. Он внимательно осмотрел ружье, раз десять — пятнадцать спускал и взводил курок, убедился в исправности замка и тогда только повернулся

к мальчику и очень ласково спросил, не ранен ли он. Мальчик гордо взглянул ему в лицо, но ничего не ответил.

— Ага! Я вижу, мошенники ссадили тебе кожу на руке, малый! — сказал разведчик, взяв руку терпеливого мальчика.— Приложи к ране растертые листья ольхи, и все пройдет. А пока я перевяжу тебе руку зна́ком отличия. Рано ты начал ремесло воина, мой храбрый мальчик, и, вероятно, унесешь множество почетных шрамов с собой в могилу. Я знаю многих людей, которые снимали скальпы, а не могут показать таких знаков. Ну, ступай,— прибавил Соколиный Глаз, перевязав рану,— ты будешь вождем!

Мальчик ушел, гордясь струившейся кровью более, чем мог бы гордиться своей шелковой лентой любой царедворец, и вернулся к своим сверстникам, которые смотрели на него с восхищением и завистью.

Все были так озабочены в эту минуту, что подвиг отважного мальчика не привлек к себе всеобщего внимания и не вызвал тех похвал, которые он заслужил бы в более спокойное время. Зато позиция и намерения врагов стали ясны делаварам. Тотчас же был послан отряд воинов, чтобы выгнать скрывавшихся гуронов. Задача эта была быстро исполнена, потому что гуроны удалились сами, увидев, что они обнаружены. Делавары преследовали их на довольно далеком расстоянии от лагеря и затем остановились, ожидая распоряжений, так как боялись попасть в засаду. Оба отряда притаились, и в лесах снова воцарилась глубокая тишина ясного летнего утра.

Спокойный на вид Ункас собрал вождей и разделил свою власть. Он представил разведчика как заслужившего доверия и испытанного воина. Когда Ункас увидел, что индейцы хорошо приняли разведчика, он поручил ему начальство над отрядом в двадцать человек. Ункас объявил делаварам положение, которое занимал Хейворд в войсках ингизов, и затем предложил офицеру занять командную должность в одном из отрядов. Но Дункан отказался от этого назначения, сказав, что желает служить волонтером под началом разведчика. Затем молодой могиканин назначил различных туземных вождей на ответственные посты и, так как времени осталось мало, отдал приказ выступать. Более двухсот человек повиновались ему молча, но охотно.

Они вошли в лес совершенно беспрепятственно и спокойно дошли до мест, где укрывались их собственные разведчики. Здесь Ункас велел остановиться, и вожди собрались на совет. Тут предлагались различные планы, но ни один из них не соответствовал желаниям пылкого предводителя. Если бы Ункас последовал влечению своего сердца, он немедленно повел бы воинов на приступ и, таким образом, предоставил бы первой же стычке решить исход борьбы; но подобный образ действий про-

тиворечил всем обычаям его соплеменников. Поэтому он соблюдал осторожность.

Совет продолжался уже некоторое время без всякого результата, когда с той стороны, где находились враги, показалась одинокая фигура человека. Он шел очень поспешно: можно было предполагать в нем посланца, отправленного врагами для мирных переговоров. Однако когда незнакомец был ярдах в ста от густых деревьев, под тенью которых совещались вожди делаваров, он пошел медленнее, очевидно в нерешительности, куда идти, и наконец остановился. Теперь все глаза устремились на Ункаса, как бы ожидая его распоряжений.

— Соколиный Глаз,— тихо сказал молодой вождь,— он никогда не будет больше говорить с гуронами.

— Последняя минута наступила для него,— лаконично сказал разведчик, просовывая длинный ствол своего ружья сквозь листву и прицеливаясь для рокового выстрела. Но вместо того чтобы спустить курок, он опустил дуло и разразился припадком своего беззвучного смеха.— Я-то, грешный, принял этого несчастного за минга! — сказал он.— Только когда стал присматриваться, ища у него между ребер местечко, куда можно было бы всадить пулю, я вдруг... поверишь ли, Ункас?.. я вдруг увидел инструмент музыканта! Да ведь это не кто иной, как тот, кого называют Гамутом! Смерть его никому не нужна, а вот жизнь, если только его язык способен на что-нибудь иное, кроме пения, может быть полезна для наших целей. Если звуки не потеряли своей силы над ним, то я скоро поговорю с этим честным малым голосом гораздо более приятным, чем разговор моего «оленебоя».

Сказав это, Соколиный Глаз отложил ружье в сторону и пополз среди кустарников. Когда он очутился на таком расстоянии, что Давид мог услышать его, он попробовал те музыкальные упражнения, которые проделывал с таким успехом и блеском в лагере гуронов. Нельзя было обмануть тонкий слух Гамута (да, по правде сказать, трудно было кому-либо другому, кроме Соколиного Глаза, произвести такие звуки); он слышал раз эти звуки и, следовательно, сразу узнал, кто может издавать их. Бедняк, казалось, почувствовал большое облегчение. Он пошел по тому направлению, откуда раздавался голос,— задача для него настолько же нетрудная, как если бы ему пришлось отыскивать по звуку артиллерийскую батарею,— и скоро нашел спрятавшегося певца.

— Хотел бы я знать, что подумают об этом гуроны! — со смехом проговорил разведчик, беря за руку товарища и отводя его дальше.— Если негодяи вблизи и слышали меня, то, наверное, скажут, что здесь два одержимых вместо одного. Но здесь мы в безопасности,— сказал он, указывая на Ункаса и его

спутников.— Теперь расскажите нам про все замыслы мингов на чистом английском языке, без всяких взвизгиваний.

Давид в безмолвном удивлении смотрел на окружавших его вождей свирепого, дикого вида. Но присутствие знакомых лиц успокоило его, и он вскоре овладел собой настолько, что мог дать разумный ответ.

— Язычники вышли в большом количестве,— сказал Давид,— и, боюсь, с дурными намерениями. За последний час в их жилищах слышались завывания и нечестивые восклицания радости. По правде сказать, от всего этого я бежал к делаварам искать мира.

— Твои уши не много выиграли бы от перемены, если бы ты был побыстрее на ногу,— несколько сухо заметил разведчик.— Но оставим это! Где же гуроны?

— Они скрываются в этом лесу, в засаде, как раз между этим местом и своим поселением, и в таком количестве, что благоразумнее было бы вам вернуться назад.

Ункас окинул взглядом ряд деревьев, прикрывавших его воинов, и проговорил:

— Магуа?

— Среди них. Он привел девушку, которая жила с делаварами, и оставил ее в пещере, а сам, словно бешеный волк, стал во главе своих дикарей. Не знаю, что могло так сильно разъярить его...

— Вы говорите, что он оставил ее в пещере? — перебил его Хейворд.— Хорошо, что мы знаем, где она находится. Нельзя ли сделать что-нибудь, чтобы освободить ее немедленно?

Ункас вопросительно взглянул на разведчика.

— Что скажет Соколиный Глаз? — спросил он.

— Дайте мне двадцать вооруженных людей, и я пойду направо вдоль берега реки, мимо хижин бобров, и присоединюсь к сагамору и полковнику. Оттуда вы услышите наш боевой клич — при таком ветре его легко расслышать за милю. Тогда, Ункас, ударь на врага с фронта. Когда они подойдут к нам на расстояние выстрела, мы нанесем им такой удар, что линия их войск погнется, как ясеневый лук. После этого мы возьмем их поселение и уведем девушку из пещеры. Затем можно будет покончить с гуронами, или, по способу белых людей, дать сражение и победить их, или, на индейский манер, действовать засадами и под прикрытием. Может быть, в этом плане не хватает учености, майор, но с отвагой и терпением его можно будет исполнить.

— Мне очень нравится этот план,— сказал Дункан, понимая, что освобождение Коры было главной задачей разведчика,— очень нравится! Испробуем его немедленно.

После короткого, но зрелого обсуждения план был принят

и сообщен различным частям отряда; установили определенные сигналы, и вожди разошлись, каждый на указанное ему место.

Глава XXXII

И будет всех чума косить подряд.
И не погаснут факелы, доколь
Без выкупа не отошлет назад
Ту черноокую красавицу король.

Поп, «Илиада»

Когда собрался весь маленький отряд Соколиного Глаза, разведчик взял ружье и, дав знак следовать за собой, повернул на несколько десятков футов назад к речке, которую они только что перешли. Тут он остановился, подождал, пока вокруг него собрались воины, и спросил на делаварском языке:

— Знает ли кто-нибудь из молодых людей, куда течет эта речка?

Один из делаваров, показав, как два пальца соединяются у ладони, ответил:

— Прежде чем солнце пройдет свой путь, малые воды сольются с большими.— Затем он добавил, вытянув руку: — Там живут бобры.

— Я так и думал,— сказал разведчик, всматриваясь в просветы между верхушками деревьев,— судя по направлению реки, а также по расположению гор. Мы будем идти под прикрытием этих берегов до тех пор, пока не увидим гуронов.

Воины издали обычное краткое восклицание, выражавшее согласие, но, заметив, что предводитель собирается уже стать во главе отряда, сделали знак, что не все еще улажено. Соколиный Глаз, отлично понявший значение этих взглядов, обернулся и увидел, что позади отряда идет учитель пения.

— Знаете ли вы, друг мой,— серьезно и с некоторым оттенком гордости от сознания возложенной на него обязанности спросил разведчик Гамута,— что это отряд отборных храбрецов, состоящий под командой человека, который не оставит их без дела? Может быть, через пять минут и уж никак не более, чем через полчаса, мы натолкнемся на гуронов, живых или мертвых.

— Хотя я и не осведомлен о ваших намерениях,— возразил Давид, лицо которого несколько раскраснелось, а обыкновенно спокойные, невыразительные глаза горели необычайным огнем,— но я путешествовал долгое время с девушкой, которую вы ищете; мы пережили вместе много радостей и горя. Теперь

я, хотя и не воинственный человек, с радостью готов опоясать себя мечом и сразиться за нее!

Разведчик колебался, как бы раздумывая, следует ли принимать такого странного волонтера.

— Вы не умеете обращаться с оружием,— наконец сказал он.

— Конечно, я не хвастливый, кровожадный Голиаф[1],— возразил Давид, вытаскивая пращу из-под своей пестрой безобразной одежды,— но, может быть, и слабый Давид вам будет полезен. В дни моей юности я много упражнялся с пращой и, верно, не вполне разучился владеть ею.

— Да,— сказал Соколиный Глаз, холодно поглядывая на ремень и пращу,— эта штука, пожалуй, пригодилась бы против стрел и даже ножей, но французы снабдили каждого минга хорошим ружьем. Впрочем, вы обладаете особым даром оставаться невредимым среди огня, а так как вам это удавалось до сих пор... майор, у вас взведен курок, преждевременный выстрел может обойтись нам в двадцать скальпов, потерянных совершенно напрасно... то вы можете идти за нами, певец: вы можете быть полезны нам своими криками.

— Благодарю вас, мой друг,— ответил Давид, приготовляя для своей пращи запас камней.— Хотя я и не одержим желанием убивать, но сильно пал бы духом, если бы вы не взяли меня.

— Помните,— сказал разведчик, многозначительно показывая на своей голове то место, которое еще не успело зажить на голове Гамута,— мы идем воевать, а не музицировать. Пока не раздастся военный клич, говорить должны только ружья.

Давид кивнул головой, как бы давая согласие на эти условия. Соколиный Глаз еще раз внимательно оглядел спутников и дал знак идти вперед.

Около мили путь их шел вдоль реки. Хотя обрывистые берега и густые кусты, окаймлявшие реку, скрывали путников, они все же предприняли все предосторожности, известные индейцам. С правой и с левой стороны шли или, вернее, ползли воины, зорко вглядывавшиеся в лес; через каждые несколько минут отряд останавливался, прислушиваясь чутким ухом, не раздадутся ли какие-нибудь подозрительные звуки. Однако они дошли совершенно беспрепятственно до того места, где маленькая река терялась в большой.

Тут разведчик снова остановился и стал оглядываться вокруг, чтобы собрать какие-либо сведения.

— Славный будет денек для сражения! — сказал он по-английски Хейворду, взглянув на большие тучи, плывшие по небу.— Яркое солнце и сверкающий ствол не помогут верному прицелу. Все хорошо для нас: ветер дует с их стороны, так что

---

[1] Голиа́ф — мифический герой, богатырь, олицетворение силы.

до нас будут доноситься от них шум и дым, а это уже немало; между тем как с нашей стороны сначала раздастся выстрел, а потом уже они узнают, в чем дело... Но вот кончается наше прикрытие. Бобры жили по берегам этой реки целые сотни лет, и теперь между их кладовыми и плотинами, как вы сами видите, есть много пней, но мало деревьев.

Соколиный Глаз довольно верно обрисовал открывавшуюся перед ним картину. Река то сужалась, пробивая себе путь в расселинах скал, то, попадая на равнину, широко разливалась, образуя нечто вроде небольших озер.

Всюду на берегу виднелись остатки погибших деревьев. Некоторые стволы еще скрипели на своих шатающихся корнях, с других деревьев была содрана кора, в которой так таинственно заключается источник жизни. Как призраки былых и давно умерших поколений, валялись поросшие мохом стволы деревьев.

Вряд ли до этого кто-нибудь осматривал все эти мелкие детали с таким серьезным вниманием, как их разглядывал разведчик. Он знал, что поселение гуронов находилось в полумиле вверх по реке, и разведчика одолевало обычное нетерпение, свойственное человеку, желающему скорей обнаружить притаившуюся опасность; но Соколиный Глаз был очень обеспокоен тем, что не находил нигде ни малейшего признака присутствия врага.

Несколько раз ему хотелось поднять воинов в наступление и захватить поселение гуронов врасплох, но большой опыт разведчика удерживал его от столь опасного и бесполезного эксперимента. Соколиный Глаз внимательно вслушивался, не доносятся ли звуки военных действий оттуда, где находился Ункас. Но слышались только вздохи ветра, которые порывами проносились по лесу, предвещая бурю. Наконец, поддавшись собственному нетерпению, разведчик, вопреки своему опыту, решил действовать, и, не скрываясь больше, воины осторожно двинулись вверх по речке.

Разведчик притаился в кустарнике, а воины залегли в лощине, по которой протекала речка. Едва заслышав тихий, ясный сигнал своего командира, весь отряд выбрался на берег и, подобно темным призракам, в молчании окружил разведчика. Соколиный Глаз пошел вперед, за ним поодиночке двинулись делавары, ступая точно по следам охотника, чтобы оставить лишь один след.

Как только отряд вышел из-под прикрытия деревьев, сзади раздался залп из нескольких ружей, и один из делаваров, высоко подпрыгнув, словно раненый олень, упал плашмя на землю мертвый.

— Я боялся именно такой дьявольской штуки с их стороны! — воскликнул разведчик по-английски и прибавил на де-

лаварском языке: — Становитесь под прикрытие, молодцы, и стреляйте!

Отряд мгновенно рассеялся, и прежде чем Хейворд пришел в себя от изумления, он увидел, что остался один с Давидом. К счастью, гуроны уже отступили, и они были в безопасности от выстрелов. Но, очевидно, такое положение вещей не могло долго продолжаться; разведчик первый бросился преследовать убегающих, посылая выстрел за выстрелом и перебегая от дерева к дереву.

По-видимому, в первом нападении гуронов участвовало не много воинов; число их, однако, сильно увеличивалось, по мере того как бывшие впереди отступали к своим друзьям, и вскоре ответный огонь с их стороны почти сравнялся по силе с выстрелами наступавших делаваров. Хейворд бросился в середину сражающихся и, подражая тактике своих сотоварищей, стал стрелять.

Бой разгорался все сильнее и упорнее. Раненых было мало, так как оба отряда держались под защитой деревьев. Но счастье стало постепенно изменять Соколиному Глазу и его отряду. Проницательный разведчик скоро заметил угрожавшую ему опасность, но не знал, как избежать ее. Он понимал, что отступление могло оказаться еще более опасным, и потому решил оставаться на месте, хотя видел, что число неприятелей с фланга все прибывает. Делаварам стало трудно удерживаться под прикрытием, они почти совсем прекратили огонь. В эту затруднительную минуту, когда они думали, что вражеское племя постепенно окружает их, делавары вдруг услышали боевой клич и грохот выстрелов, раздавшиеся из-под сводов леса, оттуда, где был Ункас.

Результаты этого нападения дали себя знать тотчас же и принесли большое облегчение разведчику и его друзьям. По-видимому, враги ошиблись в оценке численности преследующего их отряда, и большинство гуронов повернули против нового противника.

Соколиный Глаз, ободряя своих воинов и голосом и собственным примером, приказал им нападать на врага как можно энергичнее. Воины немедленно и очень удачно исполнили приказание своего вождя. Гуроны принуждены были отступить, и бой с более открытого места, на котором он начался, перешел в чащу, где нападающим удобнее скрываться. Тут сражение продолжалось с бо́льшим жаром и, по-видимому, с сомнительным успехом. Хотя никто из делаваров не был убит, но многие из них ослабели от потери крови, так как раненых было уже много вследствие невыгодного положения отряда.

Соколиный Глаз воспользовался удобным случаем, чтобы стать под дерево, которое прикрывало Хейворда, большинство

его воинов находились вблизи него, немного направо, и продолжали частую, но бесплодную стрельбу по скрывшимся врагам.

— Вы молодой человек, майор,— сказал разведчик, опуская приклад «оленебоя» на землю и устало опираясь на его ствол,— может быть, вам придется вести когда-нибудь армию против мингов. Вы видите, тут главное дело в проворстве рук, меткости глаза и умении найти себе прикрытие. Ну что бы вы сделали здесь, если бы у вас под командой были королевские войска?

— Штыки проложили бы дорогу.

— Да, вы говорите разумно с точки зрения белого человека, но здесь, в пустыне, предводитель должен спросить себя, сколькими жизнями он может пожертвовать. Кавалерия, вот что решило бы дело.

— Лучше в другое время поговорим об этом,— заметил Хейворд,— а теперь не перейти ли нам в наступление?

— Я не вижу ничего дурного в том, что человек проведет минуту отдыха в полезных размышлениях,— ответил разведчик.— Что касается нападения, то мера эта не особенно мне по душе, так как тут приходится жертвовать несколькими скальпами. Впрочем,— прибавил он, наклоняя голову и прислушиваясь к шуму отдаленной битвы,— если мы хотим быть полезными Уикасу, то надо очистить дорогу от этих негодяев!

Он повернулся быстро, с решительным видом и прокричал своим индейцам несколько слов на их языке. В ответ на его слова раздался громкий крик, и все воины поспешно вышли из-за прикрывавших их деревьев. При виде множества темных фигур, внезапно появившихся перед их глазами, гуроны дали залп поспешно и вследствие этого неудачно. А делавары бросились к лесу большими прыжками, словно барсы, почуявшие добычу. Впереди всех был Соколиный Глаз. Он размахивал своим страшным оружием и воодушевлял воинов примером. Некоторые из более старых и опытных гуронов, которых не устрашил маневр врага, выстрелили из своих ружей и оправдали опасения разведчика, сразив трех воинов, стоявших впереди отряда. Но этот удар не остановил стремительности нападения. Делавары ворвались туда, где укрывался неприятель, и вскоре уничтожили всякие попытки сопротивления со стороны гуронов.

Рукопашная схватка была очень короткой. Осажденные поспешно отступали, пока не добрались до противоположного края чащи, где и засели под прикрытием, сражаясь с отчаянным упорством. В эту критическую минуту, когда счастье снова начало изменять делаварам, позади гуронов послышался звук ружейного выстрела, и пуля со свистом вылетела из-под одной из хижин бобров. Вслед за выстрелом послышался страшный, яростный боевой клич.

— Это сагамор! — вскрикнул Соколиный Глаз и ответил на

клич своим громовым голосом: — Ну, теперь мы окружили их и спереди и с тыла!

Действие этого выстрела на гуронов было поразительно. Приведенные в отчаяние нападениями с тыла, воины сразу рассеялись, не думая ни о чем, кроме бегства. Многие из них пали под пулями и ударами делаваров.

Мы не станем останавливаться на свидании между разведчиком и Чингачгуком или на еще более трогательной встрече Хейворда с Мунро. Достаточно было нескольких коротких, поспешно сказанных слов, чтобы объяснить положение и тех и других. Потом Соколиный Глаз указал своему отряду на сагамора и передал главное предводительство в руки вождя могикан. Чингачгук принял предводительство с величавым достоинством. Он повел отряд назад через чащу; на равнине, где было достаточно деревьев для прикрытия, он отдал приказ остановиться.

Впереди почва опускалась довольно круто, и перед глазами делаваров простиралось узкое, темное лесистое ущелье, тянувшееся на несколько миль. В этом густом лесу Ункас все еще продолжал сражаться с главными силами гуронов.

Могиканин и его друзья подошли к краю обрыва и стали внимательно прислушиваться к долетавшему до них шуму битвы. Несколько птиц, спугнутых со своих гнезд, летали над деревьями долины; то тут, то там легкие клубы дыма поднимались над деревьями, указывая, где всего жарче схватка.

— Поле битвы, кажется, подвигается вверх,— сказал Дункан, кивнув в сторону, откуда раздался новый залп,— и если мы ударим на врага отсюда, пожалуй, не много пользы принесем нашим друзьям.

— Гуроны свернут в ущелье, где лес гуще,— сказал разведчик,— и тогда мы очутимся как раз с фланга... Ступай, сагамор. Ты едва поспеешь вовремя, чтобы испустить военный клич и повести своих молодых воинов. Я останусь здесь. Ты знаешь меня, могиканин: ни один гурон не пройдет к тебе с тыла без того, чтобы «оленебой» не предупредил тебя об этом.

Индейский вождь остановился на минуту, наблюдая за битвой; оба отряда постепенно поднимались все выше по обрыву — верный знак, что делавары одерживали верх. Он не покинул своего поста до тех пор, пока не убедился в близости и друзей и врагов, пока пули делаваров не защелкали по земле, словно град, предшествующий грозе. Соколиный Глаз, Мунро, Хейворд и Давид отошли на несколько шагов и стали под деревьями, ожидая исхода битвы со спокойствием, свойственным только очень опытным бойцам.

Скоро выстрелы перестали тревожить эхо в лесу; казалось, они раздавались уже на открытой местности. Потом на опушке леса стали показываться воины; дойдя до прогалины, они со-

бирались все вместе, как будто готовились дать тут последний отпор. Скоро образовалась сплошная линия темных фигур. Хейворд испытывал сильное нетерпение и тревожно поглядывал на Чингачгука. Вождь все еще сидел на утесе и следил за битвой с таким видом, словно он находился на этом посту только для того, чтобы наблюдать за ходом сражения.

— Делавару пора ударить по врагу! — сказал Дункан.

— Нет, нет еще! — ответил разведчик.— Когда делавар почует близость друзей, он даст им знать, что находится здесь... Смотрите, смотрите, негодяи сбились в одну кучу вон под теми соснами, словно пчелы, возвратившиеся после полета! Господи боже мой! Да любая женщина могла бы всадить пулю в такой клубок проклятых мингов!

В эту минуту раздался боевой клич, и с десяток гуронов упали от залпа, данного Чингачгуком и его отрядом. В ответ на этот залп из лесу донесся другой боевой клич, и в воздухе раздался громкий вой, словно тысячи голосов слились в этом звуке. Гуроны дрогнули, ряды их раскололись, и Ункас во главе сотни воинов прорвался из лесу через эту брешь.

Молодой воин махнул руками вправо и влево, указывая на врага своим воинам. Разбитые гуроны бросились снова в лес, преследуемые победоносными воинами племени ленапов. Прошло не более минуты, а звуки уже замирали в различных направлениях и постепенно терялись под сводами леса. Но одна маленькая кучка гуронов, очевидно не желавшая искать прикрытия, медленно, с мрачным видом продолжала подниматься по косогору, только что покинутому Чингачгуком и его отрядом. Магуа выделялся в этой группе своим свирепым лицом и высокомерными, властными движениями.

Ункас остался почти один, так как, желая продолжать преследование врагов, разослал почти всех своих воинов. Но он забыл всякую осторожность, когда в глаза ему бросилась фигура Хитрой Лисицы. Он испустил боевой клич, на который отозвалось шесть-семь воинов, и ринулся на врага, не обращая внимания на неравенство сил. Магуа, внимательно следивший за ним, остановился, со злобной радостью готовясь встретить нападение. Но в ту минуту, когда он думал, что неосмотрительность предаст пылкого врага в его руки, раздался снова боевой клич, и на подмогу Ункасу бросился Соколиный Глаз в сопровождении белых воинов. Гурон сейчас же отступил и начал быстро подниматься вверх по косогору.

Не время было приветствовать или поздравлять друг друга; Ункас, хотя и знал о присутствии своих друзей, продолжал преследование с быстротой ветра. Напрасно Соколиный Глаз кричал ему, чтобы он остерегался засады,— молодой могиканин пренебрегал неприятельским огнем и принудил врага бежать так

же стремительно, как бежал он сам. Вскоре преследуемые и преследователи на небольшом расстоянии друг от друга вошли в селение вейандотов.

Ободренные видом своих жилищ, хотя и утомленные преследованием, гуроны остановились у хижины совета и стали биться с яростью отчаяния. Нападение делаваров походило на ураган. Томагавк Ункаса, выстрелы Соколиного Глаза, твердая еще рука Мунро — все было пущено в дело, и земля вскоре была усеяна трупами их врагов. Но Магуа, несмотря на горячее участие, которое он принимал в битве, остался невредим. Когда хитрый вождь увидел, что все его товарищи пали, он испустил крик гнева и отчаяния и покинул поле сражения с двумя своими друзьями, уцелевшими в битве.

Ункас бросился за ним; Соколиный Глаз, Хейворд и Давид бежали следом за молодым вождем. Разведчик делал все, что мог, выставив вперед дуло своего ружья и защищая им друга, словно заколдованным щитом. Магуа сделал было последнюю попытку отомстить за все свои потери, потом, отказавшись от этого намерения, одним прыжком скрылся в чаще. Враги его последовали за ним, и неожиданно все они проскользнули в известную уже читателю пещеру. Соколиный Глаз радостно заявил, что теперь победа в их руках. Преследователи бросились в длинный, узкий проход как раз вовремя, чтобы увидеть убегавших гуронов. Вопли женщин и плач детей, сотни испуганных голосов отдавались под гулкими сводами. Вся пещера при тусклом, неверном свете казалась преддверием ада.

Ункас не спускал глаз с вождя гуронов, как будто только он один на свете существовал для него. Хейворд и разведчик бежали за ним по пятам, волнуемые общим с ним чувством. Путь их в темных, мрачных проходах становился все запутаннее; фигуры убегавших воинов виднелись реже и менее отчетливо. Одну минуту друзья думали, что потеряли след гуронов, как вдруг светлое платье мелькнуло у отдаленного прохода, который, по-видимому, шел к горе.

— Это Кора! — вскрикнул Хейворд голосом, в котором ужас смешивался с восторгом.

— Кора! Кора! — повторил Ункас, кидаясь вперед с быстротой оленя.

— Это девушка! — кричал разведчик.— Мужайтесь, леди! Мы идем! Мы идем!

При виде пленницы погоня началась снова с удесятеренной быстротой. Но путь был неровен и местами почти непроходим. Ункас бросил свое ружье и перепрыгивал через все препятствия с головокружительной быстротой. Хейворд последовал его примеру, хотя минуту спустя оба они могли убедиться в безумии своего поступка, услышав звук выстрела, который успели дать

гуроны, пробегая по проходу в горы. Пуля, пущенная одним из них, слегка ранила молодого могиканина.

— Мы должны схватиться с ними врукопашную! — сказал разведчик, отчаянным прыжком перегоняя своих друзей.— Негодяи перебьют нас всех на этом расстоянии. Смотрите, они держат девушку так, чтобы она служила щитом для них!

Хотя товарищи не обратили внимания на его слова или, вернее, не слышали их, они последовали его примеру и с невероятными усилиями подобрались к беглецам настолько близко, чтобы видеть, как два воина вели Кору, а Магуа распоряжался, отдавая приказания к бегству. Одно мгновение все четыре фигуры ясно вырисовывались на фоне неба, а затем исчезли. Вне себя от отчаяния, Ункас и Хейворд напрягли усилия, и без того почти нечеловеческие, и выбежали из пещеры как раз вовремя, чтобы заметить, каким путем удалились преследуемые. Приходилось подниматься в гору опасной, трудной тропой.

Разведчик, обремененный ружьем, шел позади Хейворда; Хейворд следовал по пятам Ункаса. Всевозможные препятствия преодолевались с невероятной быстротой; при других обстоятельствах эти препятствия казались бы непреодолимыми. К счастью для преследователей, гуроны, задерживаемые Корой, не могли бежать так быстро.

— Стой, собака вейандот! — кричал Ункас, потрясая блестящим томагавком.— Делавар приказывает тебе остановиться!

— Я не пойду дальше! — крикнула Кора, внезапно останавливаясь на краю утеса, высившегося над глубокой пропастью.— Убей меня, если хочешь, гурон: я не пойду дальше!

Индейцы, державшие девушку, немедленно занесли над ней свои ножи, но Магуа остановил их поднятые руки. Он вынул свой нож и обернулся к пленнице.

— Женщина, выбирай,— сказал он,— или вигвам Хитрой Лисицы, или его нож!

Кора, даже не взглянув на него, упала на колени и, протянув руки к небесам, проговорила кротким, но твердым голосом:

— Господи, реши мою судьбу!

— Женщина,— повторил Магуа хриплым голосом, напрасно стараясь поймать хоть один взгляд ее ясных блестящих глаз,— выбирай!

Однако Кора не обращала на него никакого внимания. Гурон задрожал и высоко занес руку с ножом, но нерешительно опустил ее, как бы сомневаясь. После недолгих колебаний он снова поднял клинок; как раз в это время над его головой раздался пронзительный крик, и Ункас, прыгнув со страшной высоты на край утеса, упал между ними. Магуа отступил, но один из его спутников воспользовался этим мгновением и всадил нож в грудь Коры.

Гурон бросился, словно тигр, на оскорбившего его соплеменника, но тело упавшего между ними Ункаса разделило бойцов. Магуа, обезумевший от совершённого на его глазах убийства, всадил нож в спину распростертого делавара, издав при этом нечеловеческий крик. Но Ункас, вскочив на ноги, подобно раненому барсу кинулся на убийцу Коры и бросил его мертвым к своим ногам; на это ушли его последние силы. Потом суровым, неумолимым взглядом он посмотрел на гурона, и в глазах его выразилось все, что он сделал бы с ним, если бы силы не оставили его. Магуа схватил бессильную руку делавара и вонзил ему нож в грудь три раза подряд, пока Ункас, все время продолжавший смотреть на него взором, полным беспредельного презрения, не упал мертвым к его ногам.

— Сжалься, сжалься, гурон! — кричал сверху Хейворд; он задыхался от ужаса.— Пощади его, и тебя пощадят!

Победоносный Магуа взмахнул окровавленным ножом и испустил крик, полный дикой, свирепой радости и торжества, такой громкий, что звуки его донеслись до тех, кто сражался в долине на тысячу футов ниже утеса. В ответ на этот крик раздался другой, вылетевший из уст разведчика. Его высокая фигура быстро приближалась к дикарю; он перепрыгивал через опасные утесы такими большими, смелыми прыжками, словно обладал способностью двигаться по воздуху. Но когда охотник добрался до места ужасного убийства, он нашел там уже только мертвые тела.

Разведчик взглянул мимоходом на жертву и окинул затем взглядом препятствия, которые должны были встретиться при подъеме. На самой вершине горы, на краю головокружительного обрыва, стояла какая-то фигура с поднятыми руками, в страшной, угрожающей позе. Соколиный Глаз не стал рассматривать лицо этого человека, но вскинул ружье и прицелился. Вдруг с вершины горы на голову одного из беглецов-гуронов упал камень, и затем показалось пылающее негодованием лицо честного Гамута. Из расселины горы показался Магуа. Спокойно и равнодушно он перешагнул через труп последнего из своих товарищей, перескочил через другую широкую расселину и поднялся на гору, туда, где его не могла достать рука Давида. Ему оставалось сделать только один прыжок, чтобы спастись. Но прежде чем прыгнуть, гурон остановился и, грозя кулаком в сторону разведчика, крикнул:

— Бледнолицые — собаки! Делавары — трусливые женщины! Магуа оставляет их на горах в добычу воронам!

Он хрипло рассмеялся, сделал отчаянный прыжок и сорвался, успев все же ухватиться руками за куст на краю утеса. Соколиный Глаз припал к земле, словно хищный зверь, готовый сделать прыжок; он дрожал от нетерпения, как лист дерева, колеблемый ветром. Магуа повис на руках во весь рост и на-

щупал ногами камень, на который мог встать. Потом, собрав все силы, он сделал попытку взобраться на утес; это удалось ему, он уже коснулся коленями гребня горы... Именно в то мгновение, когда враг как бы свернулся в комок, разведчик прицелился, и в тот же миг раздался выстрел. Руки гурона ослабели, тело его отклонилось назад, только ноги оставались в том же положении. Он обернулся, взглянул на врага с непримиримой злобой, с непередаваемо свирепым, вызывающим видом. Но руки Магуа выпустили ветку, за которую держались; одно мгновение видно было, как его темная фигура стремительно летела вниз головой мимо кустарника, окаймлявшего гору,— летела к своей гибели.

Глава XXXIII

Был каждый доблестен и смел,
Они разбили мусульман.
Валялись груды вражьих тел,
Ручьями кровь текла из ран.

Когда победное «ура»
Предсмертный заглушило стон,
Увидели друзья, что им
Вдруг улыбнулся он.

Бой кончен. Веки он смежил
И умер просто, как и жил...

Халлек

Солнце, вставшее на следующее утро, застало племя ленапов в печали. Умолкли звуки битвы, делавары насытили свою старинную жажду мести, истребив целое поселение гуронов. Сотни воронов, поднимавшихся над голыми вершинами гор или пролетавших шумными стаями над лесом, указывали путь к недавнему полю сражения.

Не слышно было ни радостных восклицаний, ни торжественных песен. Чувство гордости и восторга сменились глубоким унынием.

Хижины были покинуты; вблизи них широким кругом стояла толпа людей с грустными, нахмуренными лицами.

Шесть делаварских девушек, распустив свои длинные темные волосы, которые теперь свободно падали им на грудь, стояли неподвижно в стороне; только по временам они подавали признаки жизни, рассыпая душистые лесные травы и цветы на ложе, где под покровом индейских одежд покоились останки благородной, прекрасной Коры. Тело ее было обернуто простой, грубой тканью, а лицо навсегда скрыто от взгляда людей. В ногах ее сидел Мунро. Его покрытая сединами голова была

низко опущена; изборожденное морщинами лицо, наполовину скрытое рассыпавшимися в беспорядке прядями седых волос, выражало боль тяжелой утраты. Рядом с ним стоял Гамут с обнаженной головой; его грустный, тревожный взгляд беспрестанно переходил с томика, из которого можно было почерпнуть так много святых изречений, на существо, которое было дорого его сердцу. Хейворд стоял вблизи, прислонясь к дереву, мужественно стараясь подавить порывы горя. Но как ни печальна, ни грустна была эта сцена, она была далеко не столь трогательна, как та, что происходила на противоположном конце поляны. Ункас в самых великолепных, богатых одеждах своего племени сидел, словно живой, в величественной, спокойной позе. Над головой его развевались роскошные перья, ожерелья и медали украшали в изобилии его грудь. Но глаза его были неподвижны, безжизненны.

Перед трупом стоял Чингачгук, без оружия, без украшений, без раскраски; только синяя эмблема его племени ярко выступала на обнаженной груди сагамора. С того времени как собрались все его соплеменники, могиканин не сводил пристального взгляда с безжизненного лица своего сына.

Вблизи стоял разведчик в задумчивой позе, опираясь на свое роковое оружие мести. Таменунд, поддерживаемый старейшинами своего племени, сидел на возвышении, откуда мог смотреть на безмолвное, печальное собрание.

В стороне от толпы стоял воин в чужестранной форме; за ним — его боевой конь, находившийся в центре всадников, очевидно приготовившихся отправиться в далекое путешествие. По одежде воина видно было, что он занимал важное место при губернаторе Канады. Но он явился слишком поздно, чтобы исполнить данное ему поручение — примирить пылких противников,— и теперь присутствовал молчаливым свидетелем при последствиях битвы, которую ему не удалось предотвратить.

День приближался уже к полудню, а между тем толпа пребывала все в том же тяжелом безмолвии. Иногда раздавалось тихое, заглушенное рыдание; но в толпе не было заметно ни малейшего движения. Только по временам поднимался кто-нибудь, чтобы оказать простые, трогательные почести умершим.

Наконец делаварский мудрец протянул руку и встал, опираясь на плечи своих товарищей. Он казался очень слабым, словно с того времени, как он говорил в последний раз со своим племенем, прошел целый век.

— Люди ленапов! — сказал он глухим голосом.— Лицо Маниту скрылось за тучей! Взор его отвращен от нас, уши закрыты, язык не дает ответа. Вы не видите его, но кара его перед вами. Откройте ваши сердца, и пусть души ваши не говорят лжи. Люди ленапов! Лицо Маниту скрыто за тучами!

За этими простыми, но страшными словами наступило глубокое безмолвие, как будто дух, которому они поклонялись, сам произнес эти слова. Даже безжизненный Уикас казался живым существом в сравнении с неподвижной толпой, окружавшей его.

Но когда постепенно впечатление от этих слов несколько ослабело, тихие голоса начали песнь в честь умерших. То были женские голоса, мягкие и невыразимо печальные. Когда кончала одна певица, другая продолжала хвалу или жалобу. По временам пение прерывалось общими взрывами горя.

Одна из девушек начала восхваление покойного воина скромными намеками на его качества. Она называла его «барсом своего племени», говорила о нем как о воине, чей мокасин не оставлял следа на росе; прыжок его походил на прыжок молодого оленя; глаза были ярче звезд в темную ночь; голос во время битвы могуч, как гром Маниту. Она напоминала о матери, которая родила его, и пела о счастье быть матерью такого сына.

Другие девушки еще более тихими голосами упомянули о чужестранке, почти одновременно с молодым воином покинувшей землю. Они описывали ее несравненную красоту, ее благородную решимость.

После этого девушки заговорили, обращаясь к самой Коре со словами, полными нежности и любви. Они умоляли ее быть спокойной и не бояться за свою будущую судьбу. Спутником ее будет охотник, который сумеет исполнить малейшее ее желание защитить ее от всякой опасности. Они обещали, что путь ее будет приятен, а ноша легка. Они советовали ей быть внимательной к могучему Уикасу. Потом в общем бурном порыве девушки соединили свои голоса в песне в честь могиканина. Они называли его благородным, мужественным, великодушным.

В самых нежных словах они сообщили ему, что знают о влечении его сердца. Делаварские девушки не привлекали его; он был из племени, некогда владычествовавшего на берегах Соленого Озера, и его желания влекли его к народу, который жил вблизи могил его предков. Раз он выбрал белую девушку — значит, так нужно. Все могли видеть, что она была пригодна для полной опасностей жизни в лесах, а теперь, прибавляли девушки, мудрый владыка земли перенес ее в те края, где она может быть счастлива навеки.

Потом, переменив свой напев, плакальщицы вспомнили о другой девушке — Алисе, рыдавшей в соседней хижине. Они сравнивали ее с хлопьями снега — с легкими, белыми, чистыми хлопьями. Они знали, что она прекрасна в глазах молодого воина, так похожего на нее цветом кожи.

Делавары слушали как зачарованные; по их выразительным лицам ясно было, как глубоко их сочувствие. Даже Давид охотно прислушивался к тихим голосам девушек, и задолго до окон-

чания пения по восторженному выражению его глаз было видно, что душа его глубоко потрясена.

Разведчик — единственный из белых, понимавший песни,— очнулся от раздумья, в которое он был погружен, и наклонил голову как бы для того, чтобы уловить смысл песни.

Когда девушки заговорили о том, что ожидало Кору и Ункаса, он покачал головой, как человек, сознающий заблуждения их простых верований, и, приняв прежнюю позу, оставался в таком положении, пока не окончилась церемония погребального обряда.

Чингачгук составлял единственное исключение из всей толпы туземцев, так внимательно следивших за совершением обряда. За все это время взгляд его не отрывался от сына, и ни один мускул на застывшем лице не дрогнул даже при самых отчаянных или трогательных взрывах жалоб.

Все его чувства как бы замерли, для того чтобы глаза могли в последний раз взглянуть на черты, которые он любил так долго и которые скоро будут навсегда сокрыты.

Когда пение окончилось, из толпы выступил воин, известный своими подвигами, человек сурового, величественного вида. Он подошел к покойнику медленной поступью и стал рядом с ним.

— Зачем ты покинул нас, гордость делаваров? — начал он, обращаясь к безжизненному телу Ункаса.— Время твоей жизни походило на солнце, когда оно еще только встает из-за деревьев, твоя слава была ярче его света в полдень. Кто из видевших тебя в битве подумал бы, что ты можешь умереть? Твои ноги походили на крылья орла, рука была тяжелее падающих ветвей сосны, а голос напоминал голос Маниту, когда он говорит в облаках. Гордость делаваров, зачем ты покинул нас?

Следом за ним, в строгом порядке, подходили другие воины. Когда большинство самых знаменитых людей племени отдали свою дань покойному, восхвалив его в песнях или речах, снова наступило глубокое, внушительное безмолвие.

Тогда в воздухе послышался какой-то тихий звук, похожий на музыку, такой тихий, что нельзя даже было разобрать, откуда он доносился. За ним последовали другие звуки, всё повышавшиеся, пока до слуха присутствующих не донеслись сначала протяжные, часто повторяющиеся восклицания, а затем и слова. По раскрытым губам Чингачгука можно было догадаться, что это его песнь — песнь отца. Хотя ни один взгляд не устремился на него, но по тому, как все присутствующие подняли голову, прислушиваясь, ясно было, что они ловили эти звуки так же внимательно, как слушали самого Таменунда. Но напрасно они прислушивались. Звуки, только что усилившиеся настолько, что можно было разобрать слова, стали снова ослабевать и дрожать, словно уносимые дуновением ветра. Губы сагамора сомкнулись,

и он замолк. Делавары, поняв, что друг их не в состоянии победить силой воли свои чувства, перестали прислушиваться и с врожденной деликатностью обратили свое внимание на погребение девушки-чужестранки.

Один из старейших вождей сделал знак женщинам, стоявшим вокруг Коры. Девушки подняли носилки с телом Коры на плечи и пошли медленным, размеренным шагом с новой жалобной песней, восхвалявшей покойную. Гамут, все время внимательно следивший за обрядом, теперь наклонился к отцу девушки, находившемуся почти в бессознательном состоянии, и шепнул ему:

— Они несут останки твоей дочери. Не пойти ли нам за ними и присмотреть, чтобы ее похоронили по-христиански?

Мунро вздрогнул. Бросив вокруг себя тревожный взгляд, он встал и пошел за скромной процессией. Друзья окружили его с выражением горя, которое было слишком сильно для того, чтобы назвать его просто сочувствием. Даже молодой француз, глубоко взволнованный ранней, печальной кончиной такой красивой девушки, принял участие в процессии. Но когда последняя женщина племени присоединилась к траурному шествию, мужчины-ленапы сомкнули снова свой круг перед Ункасом, как прежде безмолвные, торжественные и неподвижные.

Место, выбранное для могилы Коры, оказалось небольшим холмом, на котором росла группа молодых сосен, бросавших унылую тень на землю. Дойдя до этого места, девушки положили свою ношу на землю и стали скромно ждать какого-нибудь знака со стороны близких Коры, что они удовлетворены совершённым обрядом. Тогда разведчик, один только знакомый с их обычаями, сказал на языке делаваров:

— Дочери мои хорошо поступили: белые люди благодарят их.

Девушки, обрадованные похвалой, положили тело в гроб, искусно сделанный из березовой коры, и затем опустили его в мрачное, последнее жилище. Так же просто и безмолвно они засыпали могилу, прикрыв свежую землю листьями и цветами. Но когда добрые создания закончили свое печальное дело, они остановились, показывая этим, что не знают, как им следует поступить дальше. Разведчик снова обратился к ним.

— Вы, молодые женщины, достаточно сделали,— сказал он,— душа бледнолицего не требует ни пищи, ни одежды... Я вижу,— прибавил он, взглянув на Давида, который открывал свою книгу, видимо приготовляясь запеть какую-нибудь священную песнь,— что тот, кто лучше меня знает христианские обычаи, собирается заговорить.

Женщины скромно отошли в сторону и из главных действующих лиц превратились в покорных, внимательных зрителей

происходившей перед ними сцены. Все время, пока Давид изливал свои набожные чувства, у них не вырвалось ни одного жеста удивления, ни одного нетерпеливого взгляда. Они слушали, как будто понимая значение чуждых им слов и чувство глубокой печали, которое должны были выражать эти слова.

Взволнованный только что происшедшей сценой и своими собственными чувствами, учитель пения превзошел самого себя. Он закончил свой гимн, как и начал, среди глубокого, торжественного безмолвия.

Когда последние звуки гимна достигли слуха присутствующих, боязливые взгляды украдкой устремились на отца покойной, и тихий, сдержанный шепот пробежал среди рядов собравшихся. Мунро обнажил свою седую кудрявую голову и окинул взглядом окружавшую его толпу робких, тихих женщин. Потом дал знак рукой разведчику, чтобы тот слушал его, и проговорил:

— Скажите этим добрым женщинам, что убитый горем старик благодарит их...

Голова Мунро снова упала на грудь, и он уже начал погружаться в то состояние оцепенения, из которого его вывела предыдущая сцена, когда молодой француз, о котором упоминалось раньше, решился слегка дотронуться до его локтя. Когда ему удалось обратить на себя внимание погруженного в печаль старика, он указал ему на группу молодых индейцев, несших легкие, плотно закрытые носилки, а затем поднял руку вверх, показывая на солнце.

— Я понимаю вас, сэр,— проговорил Мунро с напускной твердостью,— я понимаю вас. Это воля неба, и я покоряюсь ей... Кора, дитя мое! Если бы молитвы убитого горем отца могли иметь какое-либо значение для тебя, как счастлива была бы ты теперь!.. Идемте, джентльмены,— прибавил он, оглядываясь вокруг с величественным видом, хотя страдания, искажавшие его измученное лицо, были слишком велики, чтобы он мог скрыть их.— Наш долг выполнен, идемте отсюда!

Хейворд повиновался приказанию, заставившему его удалиться от места, где он чувствовал, что каждое мгновение может потерять самообладание. Пока его спутники садились на лошадей, он успел пожать руку разведчику и повторить уговор встретиться с ним в рядах британской армии. Потом он вскочил в седло и, пришпорив коня, подъехал к носилкам, откуда доносились тихие, подавленные рыдания Алисы — единственный признак ее присутствия.

Таким образом все белые люди, за исключением Соколиного Глаза,— Мунро с опущенной на грудь головой, Хейворд и Давид, ехавшие в грустном молчании в сопровождении адъютанта

Монкальма и его свиты,— проехали перед делаварами и вскоре исчезли в густом лесу.

Но делавары не забыли тех, с которыми их связало общее горе. Многие годы спустя в их племени все еще ходила легенда о белой девушке и молодом воине-могиканине. Через разведчика они узнали впоследствии, что Седая Голова вскоре умер, а Щедрая Рука отвез его белокурую дочь далеко в селение бледнолицых, где она наконец перестала лить слезы и лицо ее снова начало озаряться улыбкой. Но это события уже позднейших лет. А пока Соколиный Глаз вернулся к месту, куда его влекло с неотразимой силой.

Он поспел как раз вовремя, чтобы бросить прощальный взгляд на Ункаса, которого делавары уже облекли в его последнюю одежду из звериных шкур. Индейцы остановились, чтобы дать разведчику возможность бросить долгий любящий взгляд на черты усопшего; потом тело Ункаса завернули, с тем чтобы уже никогда не открывать. Выступила процессия, похожая на первую, и все племя собралось вокруг временной могилы вождя — временной, так как впоследствии его останки должны были покоиться среди останков его соплеменников.

Делавары шли к могиле Ункаса. Вокруг новой могилы были те же серьезные, опечаленные лица, царило то же гробовое молчание, наблюдалось то же почтительное уважение, как и у могилы Коры. Тело покойного было помещено в сидячем положении, в позе, выражавшей покой, лицом к восходящему солнцу; вблизи него были положены орудия войны и охоты. Могилу зарыли и приняли меры, чтобы защитить ее от нападения диких зверей.

Погребение было окончено, и все присутствующие обратились к следующей части обряда.

Чингачгук снова стал предметом общего внимания. Он еще ничего не говорил, а между тем все ожидали услышать что-нибудь поучительное от такого мудрого воина. Сознавая желание народа, суровый, сдержанный воин поднял голову и открыл лицо, до тех пор скрытое в складках одежды, и твердым взглядом обвел всех присутствующих. Его крепко сжатые, выразительные губы раскрылись, и в первый раз за всю долгую церемонию голос его прозвучал так, что был слышен всем.

— Зачем печалятся мои братья? — сказал он, смотря на скорбные, угрюмые лица окружавших его воинов.— О чем плачут мои дочери? О том, что молодой человек пошел на счастливые поля охоты, что вождь с честью прожил время своей жизни? Он был добр, он был справедлив, он был храбр. Кто может отрицать это? Маниту нуждается в таком воине, и он призвал его. Что же касается меня, сына и отца Ункаса, то я — лишенная хвои сосна на просеке бледнолицых. Род мой уда-

лился и от берегов Соленого Озера и от делаварских гор. Но кто может сказать, что змей племени позабыл свою мудрость! Я одинок!..

— Нет, нет! — крикнул Соколиный Глаз. Он все время пристальным взглядом смотрел на строгие, словно застывшие черты своего друга, сохраняя самообладание, но тут не выдержал.— Нет, сагамор, ты не одинок! Мы, может быть, различны по цвету кожи, но нам суждено идти по одному пути. У меня нет родных и — я могу сказать, как и ты,— нет своего народа. Уикас был твой сын, краснокожий по природе, и, может быть, ближе тебе по крови, но, если я когда-нибудь забуду юношу, который так часто сражался в битвах бок о бок со мной и спокойно спал рядом в часы отдыха, пусть тот, кто создал всех нас, какого бы цвета мы ни были, забудет меня! Мальчик покинул нас, но ты не одинок, сагамор!

Чингачгук схватил руку разведчика, в горячем порыве протянутую над свежей могилой Уикаса, и в этой дружеской позе два мужественных и неустрашимых воина склонили голову. Горячие слезы капали на землю, орошая могилу Уикаса, словно капли падающего дождя.

Среди тишины, вызванной таким взрывом чувств двух самых знаменитых воинов этой страны, Таменунд возвысил свой голос.

— Довольно! — сказал он.— Ступайте, дети ленапов, гнев Маниту еще не иссяк! Зачем оставаться Таменунду? Бледнолицые — хозяева земли, а день краснокожих еще не настал. Мой день был слишком долог. В утро моей жизни я видел сынов Унамис счастливыми и сильными, а теперь, на склоне моих дней, дожил до того, что видел смерть последнего воина из мудрого племени могикан!

Джеймс Оливер

КЕРВУД

Бродяги Севера

В дебрях Севера

Повести

JAMES OLIVER CURWOOD
(1878—1927)

Nomads of the North

The Country Beyond

Перевод И. Г. Гуровой

БРОДЯГИ СЕВЕРА

Глава I

Нее́ва, маленький черный медвежонок, впервые увидел мир, в котором ему предстояло жить, в конце марта — на исходе Орлиного месяца. Нуза́к, его мать, была уже пожилой медве́дицей, а потому любила поспать подольше, чтобы понежить свои ревматические косточки. Вот почему в эту зиму — в зиму рождения маленького Неевы — она проспала не обычные три месяца, а целых четыре, и Нееве, когда они вылезли из берлоги, было больше двух месяцев, хотя чаще всего медвежата начинают знакомство с лесной жизнью в шестинедельном возрасте.

Зимовала Нузак в пещере у гребня высокого каменистого холма, и вот с этого-то гребня Неева впервые посмотрел в долину. Вначале солнечные лучи совсем ослепили его глаза, до сих пор не знавшие ничего, кроме густого сумрака пещеры. И поэтому он услышал, почуял и ощутил множество самых разнообразных вещей раньше, чем увидел их. Впрочем, Нузак

тоже словно растерялась, обнаружив за стенами пещеры солнечный свет и тепло вместо холода и снега, и долго стояла на вершине холма, нюхала ветер и оглядывала свои владения.

Уже две недели ранняя весна творила чудеса в прекрасном северном краю, который тянется с запада на восток от хребта Джéксона до реки Шаматтáва и с юга на север от озера Готс до реки Чéрчилл.

И сейчас этот край был великолепен. С высокой скалы, на которой они стояли, он походил на безбрежное солнечное море, и лишь кое-где еще белели остатки высоких сугробов, наметенных зимними буранами. Их холм круто поднимался над широкой долиной. Повсюду перед ними, насколько хватал глаз, простирались синевато-черные полосы леса, мерцали озера, еще не сбросившие ледяной панцирь, блестели речки и ручьи и начинали зеленеть луга, над которыми поднимались благоуханные запахи земли. Нузак, черная медведица, жадно втягивала носом эти бодрящие запахи, обещавшие сытную и изобильную еду Внизу, в долине, уже буйствовала жизнь. Почки на тополях набухли и должны были вот-вот развернуться, из темной почвы пробивались сочные и нежные стебли трав, съедобные корни наливались соком, подснежники, ранние фиалки и весенние красавицы тянулись к теплому блеску солнца, приглашая Нузак и Нееву на пир.

За двадцать лет своей жизни Нузак успела хорошо изучить все эти запахи: восхитительный аромат елей и сосен, резкий сладкий запах корневищ водяных лилий и сочных луковиц, поднимавшийся над оттаявшим болотцем у подножия холма, а главное — победный, всепоглощающий, преисполненный жизни запах самой земли.

Вдыхал эти запахи и Неева. Его тельце впервые дрожало и трепетало от радостного волнения бытия. Еще минуту назад он был окутан темнотой — и вдруг очутился в стране чудес, о существовании которой он и не подозревал. Эти несколько минут необычайно много поведали ему о дарах, припасенных для него матерью-природой. Он еще ничего не знал, но в нем заговорил врожденный инстинкт: он понял, что этот мир создан для него, что солнце и тепло существуют для него и что сладостные запахи земли зовут его вступить во владения ее плодами. Он сморщил бурый носишко, втянул ноздрями воздух и познал острое благоухание всего, что было приятным и желанным.

Кроме того, Неева внимательно прислушивался — его настороженные ушки ловили музыку пробуждающейся земли. Даже корни травы словно пели от радости, и всю залитую солнцем долину заполняла тихая бормочущая мелодия, свидетельствовавшая о том, что покой этого мирного края еще не нарушен появлением человека. Повсюду раздавалось журчание бегущей

воды, и Неева различал множество еще незнакомых звуков, которые могли издавать только живые существа: чириканье воробьев, серебристые трели малиновки внизу у болотца, пронзительный, радостный крик нарядной канадской сойки, отыскивающей место для гнезда в густой поросли бархатистых елок. А в бездонной высоте над его головой раздался резкий клекот, от которого он вздрогнул: на сей раз инстинкт сказал ему, что это — опасность. Нузак подняла голову и увидела темный силуэт: Упи́ск, огромный орел, парил между землей и солнцем. Неева тоже увидел этот кружащий силуэт и прижался к матери.

А Нузак, хотя она и была так стара, что потеряла половину зубов и стала хуже видеть, а в сырые холодные ночи все ее кости ныли, все-таки по-прежнему испытывала ликующую радость, когда смотрела вниз. Ее мысли уносились далеко за пределы долины, над которой они проснулись. За стеной лесов, за самым дальним озером, за рекой и лугами лежали безграничные просторы, которые были ее домом. И она различила глухой гул, который не уловили ушки Неевы,— еле слышный рев большого водопада. Именно этот дальний голос вместе с журчанием тысяч стремительных ручейков, с шелестом ветра в елях и соснах и создавал весеннюю музыку, наполнявшую теплый воздух.

В конце концов Нузак шумно вздохнула, ласковым ворчанием позвала Нееву за собой и начала медленно спускаться по каменистому откосу.

В золотом омуте долины было еще теплее, чем на гребне холма. Нузак направилась прямо к болотцу. Перед ними, затрещав крыльями, вспорхнула стайка рисовок, и Неева чуть не перекувыркнулся от неожиданности. Однако Нузак не обратила на них внимания. Гагара, увидев бесшумно ступающую медведицу, возмущенно крякнула, а затем испустила пронзительный крик, от которого у Неевы шерсть встала дыбом. Но Нузак не обратила никакого внимания и на гагару. Неева все это заметил. Он не спускал глаз с матери и, повинуясь инстинкту, готов был пуститься наутек по первому ее сигналу. И теперь в его круглой смешной головенке быстро зрел вывод, что его мать — самое удивительное существо на свете. И уж бесспорно самое большое, то есть самое большое из всего, что живет и движется. Он пребывал в этом убеждении минуты две, а потом они приблизились к болотцу. Раздалось громкое фырканье, треск ломающихся веток, чавканье грязи под мощными ногами, и гигантский лось, вдвое выше, чем Нузак, кинулся бежать прочь. Глаза у Неевы вылезли на лоб. А Нузак и на лося не обратила ни малейшего внимания!

И вот тут-то Неева сморщил носишко и рявкнул, как он рявкал на уши и патлатую шерсть Нузак в темной пещере и на палки, которые грыз там. Он вдруг понял замечательную

вещь: ему можно было рявкать на все, на что ему захотелось бы рявкнуть, пусть даже на самое большое. Потому что и те, кто был больше Нузак, его матери, все равно убегали от нее.

Весь этот первый чудесный день Неева то и дело открывал что-то новое, и с каждым часом в нем крепла уверенность, что его мать — единовластная владычица всех этих залитых солнцем удивительных новых мест

Нузак была заботливой старой матерью — за всю жизнь она вырастила чуть ли не два десятка медвежат, и в этот день она не стала уходить далеко от холма, чтобы дать время немного затвердеть нежным подошвам на лапках Неевы. Почти все время они оставались около болотца и только заглянули в соседнюю чащу, где Нузак ободрала когтями молодое деревце, чтобы они могли полакомиться скрытой под корой сочной губчатой массой Нееве очень понравился этот десерт после плотного обеда из луковиц и корней, и он попытался сам ободрать соседнее деревце. К вечеру Нузак наелась так, что ее бока стали совсем круглыми, а Неева, который, кроме материнского молока, перепробовал множество новых и вкусных вещей, стал похож на готовый лопнуть гороховый стручок. Ленивая старая Нузак выбрала нагретый заходящим солнцем белый валун и прилегла возле него вздремнуть, а Неева отправился искать приключений в одиночку и вскоре столкнулся со свирепым жуком

Это был гигантский рогач, дюйма два длиной Его грозные челюсти были иссиня-черными и загибались, как железные крючья. Ярко-коричневые жесткие крылья блестели на солнце, точно металлическая броня. Неева припал к земле и не сводил глаз с жука. Сердце его отчаянно билось. Жук был от него в двух шагах и... двигался прямо на него. Это озадачило и возмутило Нееву. Все остальные живые существа, встреченные в этот день, убегали от него, а жук не захотел. Рогач двигался вперед, перебирая шестью ногами, и прищелкивал — это прищелкивание Неева расслышал очень хорошо. В медвежонке взыграла воинственная кровь Суминитика, его отца, и он осторожно протянул вперед лапу. В тот же момент Чегавассе, жук, преобразился самым страшным образом: его крылья загудели, как круговая пила, челюсти раскрылись так, что могли бы защемить палец взрослого мужчины, и он весь завибрировал, словно исполняя боевой танец. Неева поспешно отдернул лапу, и несколько секунд спустя Чегавассе успокоился и... опять пошел вперед.

Неева, разумеется, не мог знать, что поле зрения жука не превышает четырех дюймов, а потому совсем растерялся. Однако сын такого отца, как Суминитик, даже в возрасте девяти недель никак не мог уступить победу без боя. С мужеством отчаяния Неева снова протянул лапу, и, к несчастью для него, один из его маленьких коготков опрокинул Чегавассе на спину и при-

жал к земле так, что жук уже не мог ни гудеть, ни щелкать. Медвежонка охватил неистовый восторг. Он принялся медленно-медленно подтягивать лапу к себе, и вскоре жук очутился прямо под его острыми зубками. И тут Неева понюхал свою добычу.

Чегавассе не упустил удобного случая. Мощные челюсти сомкнулись, и Нузак была внезапно разбужена отчаянным воплем. Она подняла голову и увидела, что Неева катается по земле, словно в припадке. Он царапал землю, рычал и фыркал. Нузак несколько секунд задумчиво смотрела на сына, затем поднялась и направилась к нему. Большая материнская лапа перевернула Нееву на спину, и Нузак увидела, что в нос ее отпрыска впился Чегавассе. Распластав Нееву на спине, так что он не мог пошевелиться, Нузак захватила жука зубами и принялась медленно их сжимать, пока Чегавассе не разжал челюсти. А тогда она его проглотила. До самых сумерек Неева старался утишить боль в носу. Когда начало смеркаться, Нузак привалилась к большой скале, и Неева плотно поужинал. А потом он свернулся в изгибе ее большой теплой лапы, словно в уютном гнезде. Нос у него все еще побаливал, но медвежонка счастливее его не нашлось бы на всем свете: после своего первого дня в лесу он чувствовал себя необыкновенно мужественным и бесстрашным, хотя от роду ему было всего девять недель. Он посмотрел мир, он увидал очень много нового и если не сумел победить жука, то все равно показал себя с самой лучшей стороны.

Глава II

В эту ночь Неева перенес жестокий приступ «миступайю», или, проще говоря, у него сильно разболелся живот. Представьте себе, что младенец, привыкший только к материнскому молоку, вдруг накинется на бифштекс! А именно это и сделал Неева. Обычно такой переход к твердой пище происходит у медвежат постепенно и на месяц позже, но природа словно нарочно преподала Нееве курс ускоренного обучения, как будто сознательно готовя его к той тяжкой и неравной борьбе, которая поджидала его в недалеком будущем. Несколько часов Неева вопил и хныкал, а Нузак массировала носом его вспученный животик; наконец его стошнило, и он почувствовал себя лучше.

После этого он крепко уснул. Когда же он проснулся и открыл глаза, их ослепило красное пламя. Накануне солнце весь день было золотое, сверкающее, далекое, а теперь впервые он увидел, как оно встает над горизонтом весенним северным утром. Это солнце было алым, как кровь, и, пока Неева смотрел, оно быстро поднималось из-за края земли, так что вскоре его срезанный низ закруглился и оно превратилось в огромный непо-

нятный шар. Сначала медвежонок подумал, что это какое-то живое существо, какое-то чудовище, которое подбирается к ним по вершинам деревьев, и с негромким визгом вопросительно покосился на мать. Однако Нузак ничуть не испугалась таинственного шара. Ее большая голова была повернута к нему, и она довольно щурилась. В эту минуту и Неева ощутил приятное тепло, исходившее от алого шара, и, несмотря не пережитый испуг, блаженно заурчал. Вскоре солнце из алого снова стало золотым, и вся долина вновь наполнилась радостным биением жизни.

Еще две недели после этого первого солнечного восхода, который довелось увидеть Нееве, Нузак оставалась возле гряды каменистых холмов и целыми днями бродила вокруг болотца. Затем, когда Нееве исполнилось одиннадцать недель, она обратила нос в сторону далеких черных лесов и отправилась в летние странствия. Подошвы Неевы загрубели, и он весил уже добрых шесть фунтов — неплохая прибавка, если вспомнить, что в первый день его жизни его вес был меньше одного фунта.

Именно с того дня, как Нузак отправилась в свой поход, и начались настоящие приключения Неевы. В глухих таинственных чащах еще попадались сугробы, даже не начинавшие таять, и в первые два дня Неева все время хныкал, тоскуя по солнечной долине. Они прошли мимо водопада, и Неева впервые узнал, с какой бешеной силой может мчаться вода. Все темнее, мрачнее и глуше становился лес, по которому шла Нузак. В этом лесу Неева получил первые охотничьи уроки. Нузак уже далеко углубилась в низины между хребтом Джексона и водоразделом, с которого берут начало притоки Шаматтавы. Ранней весной эти места превращаются в настоящий медвежий рай.

Когда Нузак не спала, она без устали разыскивала пищу — то копалась в земле, то переворачивала камни, то разламывала на мелкие кусочки гнилые стволы и пни. Любимым ее лакомством были, несмотря на их малую величину, крохотные серые лесные мыши, и Неева только дивился, видя, какими стремительными становились движения его старой, неуклюжей матери, когда ей попадался на глаза живой серый комочек. Иногда Нузак удавалось позавтракать целым выводком, прежде чем мыши успевали разбежаться. Кроме того, она поедала еще по-зимнему сонных лягушек и жаб, муравьев, которые валялись в древесной трухе скрюченные и неподвижные, а иногда и шмелей, шершней и ос. Неева, конечно, тоже перепробовал все эти медвежьи блюда. На третий день Нузак откопала большой смерзшийся ком зимующих уксусных муравьев. Ком этот был величиной в два кулака взрослого мужчины, и Неева вдосталь полакомился кисловато-сладкими муравьями, которые показались ему удивительно вкусными.

По мере того как дни становились все теплее, съедобные существа, прятавшиеся под камнями и валежником, оживали и уже сами выбирались на свет. Теперь Неева познал волнующую радость самостоятельной охоты. Он встретился еще с одним жуком и убил его. Он поймал свою первую лесную мышь. В нем стремительно развивались черты характера, унаследованные от Суминитика, его старого забияки-отца, который жил через три долины к северу от них и никогда не упускал случая затеять драку. Когда Нееве исполнилось четыре месяца — это произошло в конце мая,— он спокойно ел пищу, которую ни за что не смогли бы переварить желудки большинства медвежат его возраста, и от кончика его нахального носишки до кончика короткого хвоста в нем не нашлось бы ни капли трусости. Он весил в это время девять фунтов и был черен как трубочист.

Однако в первую неделю июня произошло роковое событие, которое положило начало великой перемене в судьбе Неевы, и случилось оно в такой теплый и ласковый солнечный день, что Нузак сразу же после обеда улеглась вздремнуть. К этому времени они уже выбрались из густых лесов и бродили по долине, в которой между длинных белых песчаных кос петляла по камушкам мелкая речушка. Нееве не спалось. У него не было никакого желания дремать в такой чудесный день. Он глядел на окружающий удивительный мир круглыми любопытными глазенками и слышал его неумолчный манящий зов. Он посмотрел на мать и взвизгнул. Ему по опыту было известно, что Нузак будет лежать так много часов, если только он не куснет ее за пятку или за ухо. Но и тогда она только заворчит на него и снова погрузится в сон. Это ему надоело. Ему хотелось чего-нибудь более интересного, и со внезапной решимостью он в поисках приключений затрусил прочь от спящей Нузак.

В этом огромном золотисто-зеленом мире Неева был маленьким черным шариком, почти одинаковым в длину и в ширину. Он спустился к речке и поглядел через плечо. Отсюда он еще видел Нузак. Потом его лапы погрузились в мягкий белый песок широкого пляжа, и он забыл про мать.

Дойдя до конца пляжа, медвежонок вскарабкался по зеленому откосу,— молодая травка нежила его подошвы, как бархат. Тут он принялся переворачивать небольшие камни в поисках муравьев. Потом он вспугнул земляную белку и двадцать секунд гнался за ней, почти не отставая. Несколько минут спустя прямо перед его носом вспрыгнул большой кролик, и он помчался за ним, но Вапу́з в десять длинных прыжков добрался до зарослей и скрылся в них. Неева сморщил нос и визгливо зарычал. Никогда еще кровь Суминитика не бушевала в нем с такой силой. Ему не терпелось вцепиться во что-нибудь. Впервые в жизни ему хотелось подраться — все равно с кем. Он был похож на мальчишку,

который получил в подарок на Новый год боксерские перчатки и не может найти себе противника. Неева присел на задние лапы и воинственно посмотрел по сторонам, все еще морща нос и вызывающе рыча. Он победил весь свет. Это он знал хорошо. Все живое в мире боялось его матери. Все живое в мире боялось его самого. И вот результат — юному храбрецу не с кем помериться силами. Было от чего прийти в бешенство! Мир оказался довольно пресной и скучноватой штукой.

Неева повернул в другую сторону, вышел к большому камню и вдруг застыл на месте.

Из-за дальнего конца камня торчала большая задняя лапа. Несколько секунд Неева созерцал эту могучую лапу, полный приятного предвкушения. Сейчас он так цапнет мать, что она уже больше не уснет до самой ночи! Он заставит ее окунуться в радость этого прекрасного дня или он будет не он! И Неева крадучись подобрался к лапе, выбрал удобную подушечку, не прикрытую шерстью, и погрузил в нее свои зубки до самых десен. Раздался рев, от которого содрогнулась земля. Следует упомянуть, что укушенная лапа принадлежала вовсе не Нузак, а была собственностью Макуза, старого свирепого медведя, всегда отличавшегося на редкость скверным характером. С возрастом он стал особенно зол и, в отличие от Нузак, утратил всякое добродушие и мягкость. Макуз вскочил на ноги, прежде чем Неева успел сообразить, какую он совершил ошибку. Старый медведь был не только угрюм и злобен — он к тому же особенно ненавидел медвежат. На своем веку он, случалось, и закусывал ими. Короче говоря, Макуз был «учаном»,— так индейцы-охотники называют медведей-каннибалов, которые едят своих сородичей, и едва взгляд его налитых кровью глазок упал на Нееву, как он снова испустил рев.

Тут Неева напряг свои толстые лапки и во весь дух пустился наутек. Никогда еще он не бегал так быстро. Инстинкт подсказывал ему, что наконец-то он встретил существо, которое его не боится, и что ему грозит смертельная опасность. Неева бежал, не выбирая направления, потому что ошибка, которую он допустил, совсем его ошеломила, и он совершенно не представлял, где находится его мать. Позади него раздавался топот Макуза, и он испустил отчаянный вопль, исполненный ужаса и мольбы о помощи. Нузак, любящая, мужественная мать, услышала этот вопль. Она вскочила на ноги — и как раз вовремя. Из-за камня, около которого она спала, выскочил Неева, точно черное пушечное ядро, а в десяти шагах за ним бежал, настигая его, Макуз. Уголком глаза Неева заметил мать, но с разгона проскочил мимо. И тут Нузак бросилась на Макуза. Как регбист, прорывающийся с мячом, она всем весом своего тела ударила старого разбойника в ребра, и два медведя покатились по земле

в схватке, которая Нееве показалась чрезвычайно увлекательным и чудесным зрелищем.

Он остановился и начал наблюдать поединок своей матери с Макузом. Его выпуклые, как две луковички, глаза весело блестели. Все утро он жаждал подраться, но то, что он увидел теперь, ввергло его в настоящий столбняк. Два медведя сцепились в смертельном объятии· они ревели, драли друг друга когтями и зубами, расшвыривая камешки и землю. Сначала преимущество было на стороне Нузак. ее первый натиск оглушил Макуза, и теперь она стертыми, сломанными зубами сжимала его горло, а мощными когтями задних лап рвала его шкуру, так что по бокам старого злодея ручьями стекала кровь, и он ревел, как задыхающийся бык. Неева понял, что его преследователю приходится туго, и, возбужденным визгом подбодряя мать в надежде, что она задаст старому Макузу хорошую трепку, он подбежал к месту схватки, сморщил нос, с яростным рычанием оскалил зубы и принялся возбужденно приплясывать в пяти шагах от дерущихся,— дух Суминитика гнал его в бой, но одновременно ему было страшно.

Затем в положении бойцов неожиданно произошла перемена, и Неева в растерянности понял, что начал торжествовать слишком рано. Макуз, как самец, естественно, был более опытен в драках: внезапно он вырвал горло из челюстей Нузак, подмял ее под себя и в свою очередь принялся раздирать ее бока с таким бешенством, что бедная старая медведица жалобно застонала, и сердце Неевы оледенело от ужаса.

Что испытывает маленький мальчик, видя, как его отец терпит поражение? Конечно, он бросится ему на выручку и пустит в ход первую попавшуюся под руку палку. Всякий ребенок считает, что его родители — самые лучшие, самые умные, самые сильные люди на свете. А в Нееве было много общего с человеческими детенышами. Чем громче вопила его мать, тем острее он ощущал, что происходит неслыханная катастрофа. А если старость и лишила Нузак былой силы, мощь ее голоса осталась прежней, так что ее рев разносился, наверное, на целую милю. Неева не выдержал — ослепнув от ярости, он кинулся вперед. Совершенно случайно его крепкие маленькие челюсти сомкнулись на пальце именно Макуза, а не Нузак, но палец этот они пронзили, как два ряда острых булавок. Макуз дернул лапой, но Неева только крепче сжал челюсти. Тогда Макуз подогнул укушенную лапу и брыкнул ею так резко, что Неева, несмотря на всю свою решимость не размыкать зубов, взлетел в воздух, точно камень, пущенный из пращи. Описав крутую дугу, он стукнулся о валун шагах в десяти от дерущихся и был настолько оглушен, что несколько секунд никак не мог подняться на ноги. Наконец в глазах у него прояснилось, он поглядел

на мать и на Макуза, и его сердце снова отчаянно забилось.

Макуз уже не дрался — он улепетывал с поляны во все лопатки, заметно припадая на заднюю лапу.

Бедная старая Нузак стояла пошатываясь и глядела вслед убегающему врагу. Она задыхалась, как загнанная лошадь. Ее пасть была широко открыта, язык высунут. С ее боков на землю стекали струйки крови. Макуз умело измял ее и искалечил. С первого взгляда было ясно, что она потерпела решительное поражение. Но великолепное зрелище обращенного в бегство врага заслонило от Неевы все остальное. Макуз позорно покинул поле боя! Следовательно, побежден был именно он. И, ликующе повизгивая, Неева кинулся к матери.

Глава III

Они стояли, облитые жарким солнцем июньского дня, и смотрели, как Макуз торопливо взбирается на откос по ту сторону речки. В эту минуту Неева чувствовал себя старым закаленным бойцом, а вовсе не пузатым медвежонком с круглой мордочкой, которому едва исполнилось четыре месяца и который весит не четыреста фунтов, а всего девять.

Однако после того, как Неева сжал свирепыми зубками нежный палец Макуза, прошло еще немало времени, прежде чем Нузак настолько отдышалась, что смогла издать глухое ворчание. Ее бока раздувались, как кузнечные мехи, и, когда Макуз исчез в зарослях на другом берегу речки, Неева присел на толстые задние лапы, насторожил смешные круглые ушки и обеспокоенно уставился на мать круглыми блестящими глазами. Нузак с хриплым стоном повернулась и медленно побрела к большому валуну, возле которого она спала, когда ее разбудили панические вопли Неевы. Ей казалось, что все ее старые кости перебиты или вывихнуты. Она брела, хромая, припадая к земле и постанывая, а позади нее по зеленой траве тянулись цепочки кровавых пятен. Макуз отделал ее самым беспощадным образом.

Нузак со стоном легла и поглядела на Нееву, словно говоря: «Если бы не твои проказы, старый разбойник не взбесился бы и ничего этого не произошло бы! А теперь только погляди, что сталось со мной!»

Молодой медведь быстро оправился бы после подобной драки, но Нузак пролежала без движения весь вечер и всю ночь. А такой красивой ночи Неева еще не видел. Теперь, когда ночи стали теплыми, он полюбил луну еще больше, чем любил солнце, потому что по своей природе, по всем своим инстинктам был более ночным бродягой, чем дневным охотником. Луна встала на востоке в золотистом ореоле. Купы елей и сосен казались тем-

ными островками в море серебряного света, а речка, петляя по озаренной луной долине, блестела и прыгала по камням, словно живое существо. Но Неева хорошо запомнил преподанный ему урок, и, как ни манили его луна и звезды, он только теснее прижимался к матери, слушал доносившийся до него прихотливый хор ночных голосов и не двигался с места.

Когда забрезжил рассвет, Нузак встала, тихим ворчанием приказала Нееве следовать за собой и начала медленно подниматься по склону к озаренному солнцем гребню. Ей вовсе не хотелось двигаться, но где-то в глубине ее сердца прятался страх, что злобный старый Макуз вернется — она понимала, что теперь он легко с ней справится, а потом позавтракает Неевой. Вот почему она принудила себя перебраться через гребень, пересечь еще одну долину и сквозь узкую, похожую на дверь расселину выбраться в просторы холмистой равнины, где среди еловых и кедровых лесов на лугах блестели озера. Всю прошлую неделю Нузак неторопливо направлялась к одной из речек на этой равнине, а теперь, подгоняемая маячившей сзади грозной тенью Макуза, она трусила без отдыха, и короткие толстые лапки Неевы подгибались от усталости.

До речки они добрались далеко за полдень, и Неева был так измучен, что еле взобрался на елку, на которую мать послала его вздремнуть. Отыскав удобный развилок, он крепко уснул, а Нузак спустилась к воде, чтобы заняться рыбной ловлей. Речка кишела чукучанами[1], которые после метания икры не сумели выбраться через отмели, и час спустя Нузак уже устлала рыбами весь берег. Когда с наступлением сумерек Неева покинул свою воздушную колыбель, его ждал роскошный ужин, а сама Нузак успела наесться так, что стала похожа на бочку. Неева впервые в жизни попробовал рыбу. И после этого он целую неделю наслаждался этим изысканным лакомством. Он ел рыбу утром, днем и вечером, а когда был уже не в силах проглотить ни кусочка, то валялся на рыбах, как на матрасе. И Нузак тоже обжиралась рыбой — казалось, шкура на ней вот-вот лопнет. Куда бы они ни шли, они несли с собой рыбный запах, который день ото дня становился все более резким, и потому все больше нравился Нееве и его матери. Неева опять начал походить на перезрелый стручок За эту неделю рыбных пиршеств он прибавил три фунта. Сосать материнское молоко ему уже больше не приходилось, потому что Нузак была слишком стара и молоко у нее совсем иссякло.

Под вечер восьмого дня Неева и его мать улеглись на краю травянистой лужайки, чтобы хорошенько поспать после дневного обжорства. Во всех здешних местах не сыскать было медведицы

---

[1] Чукуча́н — североамериканская пресноводная рыба, родственная нашему карпу. Для метания икры чукучаны уходят в мелкие речки и ручьи.

счастливей старой Нузак. Теперь ей уже не приходилось с утра до ночи отыскивать пищу — бочаги речки хранили неисчерпаемые запасы вкуснейшей еды, и никакой другой медведь не посягал на ее владения. Она полагала, что может рассчитывать на безмятежное существование в своих богатых охотничьих угодьях, пока речка не вздуется от летних гроз, а к тому времени должны были поспеть ягоды. И Неева, счастливый маленький гурман, сладко дремал рядом с ней.

Но в этот самый день, освещенный лучами того же самого заката, милях в пяти-шести ниже по речке какой-то человек, стоя на четвереньках, рассматривал полосу влажного песка. Его закатанные к самым плечам рукава открывали темные от загара руки. Шляпы на нем не было, и вечерний ветерок взлохмачивал густую гриву белокурых волос, которые вот уже девять месяцев подравнивались только с помощью охотничьего ножа.

С одного бока этого человека стояло жестяное ведро, а с другого, глядя на человека с неутолимым любопытством, сидел такой некрасивый и такой симпатичный щенок, какой только мог родиться от отца — гончей маккензи — и матери, в жилах которой текла кровь эрдельтерьера и шпица.

Результат подобного смешения мог быть лишь просто дворнягой. Его вытянутый на песке хвост был очень длинным, с узлом на каждом суставе; лапы, крупные, точно ступни долговязого подростка, походили на миниатюрные боксерские перчатки; голова у него была в три раза больше, чем полагалось бы по такому туловищу, а к тому же на помощь природе в ее творческих усилиях пришел несчастный случай, лишивший этот шедевр половины уха. Уцелевшая половина в эту минуту стояла торчком, а другое, целое, ухо загибалось вперед, выражая неистовый интерес к тому, чем занимался хозяин. Голову, лапы и хвост щенок унаследовал от отца маккензи, но его уши и худое поджарое тело возникли в результате битвы, разыгравшейся между кровью шпица и кровью эрдельтерьера. Добавьте ко всему этому детскую неуклюжесть, и вы получите такого щенка-дворняжку, какого нелегко отыскать даже в трущобах большого города.

Впервые за несколько минут хозяин нарушил молчание, и Ми́ки завилял всем телом, от кончика хвоста до кончика носа, в восторге от того, что эти слова были обращены непосредственно к нему.

— Это медведица с медвежонком, Мики, можешь не сомневаться,— сказал хозяин.— И если я хоть как-то разбираюсь в медвежьих повадках, они провели тут добрую часть дня.

Он поднялся на ноги, поглядел на сгущающийся сумрак у лесной опушки и набрал в ведро воды. Последние лучи солнца на несколько секунд озарили его лицо — волевое и веселое. Сразу было видно, что в этом человеке ключом бьет радость жизни.

А теперь к тому же ему в голову пришла счастливая мысль, и в его глазах сверкали не только отблески заката, когда он добавил:

— Мики, я везу тебя, нескладеныша, к моей девчушке, потому что ты — нестполированный алмаз добродушия и красоты, и за это она непременно тебя полюбит. Уж это-то я знаю твердо, недаром она — моя сестра. Так вот: если вместе с тобой я прихвачу еще и медвежонка...

Насвистывая, он понес ведро к еловой поросли шагах в сорока от них. Мики следовал за ним по пятам.

Чэ́ллонер, недавно назначенный на одну из факторий Компании Гудзо́нова залива, устроил свой лагерь на берегу озера, неподалеку от устья речки. Это был самый простенький лагерь — заплатанная палатка, видавший виды челнок и кучка пожитков. Но взгляду опытного лесовика стоянка Чэллонера, озаренная последними отблесками заката, сказала бы очень много. Он увидел бы снаряжение мужественного человека, который побывал на самом краю света и теперь возвращался с тем, что еще уцелело. Чэллонер испытывал почти дружескую теплоту к этим остаткам вещей, которые почти год помогали ему бороться с трудностями и лишениями. Челнок покоробился, был в нескольких местах пробит и хранил следы многочисленных починок; бури и дым костров так вычернили палатку, что цветом она больше всего напоминала древесный уголь, а сумки для провизии были почти пусты.

Над костром, к которому он вернулся с Мики, что-то ворчало и бурлило в котелке и на сковородке, а рядом с костром, в помятой и кое-как выправленной железной духовке, уже покрылся аппетитной коричневой корочкой пресный хлебец из муки, замешенной на воде. В котелке бурлил кофе, а на сковороде дожаривалась рыба.

Мики присел на костлявые задние лапы, упиваясь благоуханием рыбы. Он уже давно открыл, что предвкушение еды приносит почти столько же удовольствия, как и сама еда. Щенок внимательно следил за Чэллонером, завершавшим последние приготовления к ужину, и его глаза блестели, как два рубина. Каждые две-три секунды он облизывался и сглатывал голодную слюну. Мики потому и получил свою кличку, что постоянно был голоден и как будто ничуть не насыщался, каким бы обильным обедом его ни угощали. Казалось, живот его всегда был пуст, как барабан, а «мики» на языке индейцев кри и значит «барабан».

Когда они съели рыбу и хлебец, Чэллонер закурил трубку и только после этого заговорил о своих намерениях.

— Завтра я выслежу эту медведицу,— сказал он.

Мики, который свернулся в клубок возле угасающих углей, сильно ударил хвостом по земле, показывая, что он внимательно слушает.

— Я думаю подарить девчушке не только тебя, а еще и медвежонка. Вот она обрадуется!

Мики снова забил хвостом, словно говоря: «Ну и отлично!»

— Нет, ты только подумай! — продолжал Чэллонер, глядя через голову Мики на родной дом, от которого его отделяла добрая тысяча миль.— Прошло уже четырнадцать месяцев, и мы наконец возвращаемся к себе домой. Я и тебя и медвежонка обучу всему, что положено, чтобы вы не осрамились перед моей сестричкой. Тебе это придется по вкусу, верно? Ты ее не знаешь, а то бы ты сейчас не сидел, уставясь на меня, точно деревянная игрушка! И где тебе, глупышу, вообразить, какая она красавица! Вот ты видел сегодняшний закат? Так она еще красивее, и я говорю это не потому, что она мне сестра. Хочешь что-нибудь добавить, Мики? Нет? Ну, так позвольте пожелать вам спокойной ночи. Пора и на боковую.

Чэллонер встал и потянулся так, что у него затрещали кости. Его переполняла радость бытия.

Мики перестал стучать хвостом, тоже поднялся на свои неуклюжие лапы и последовал за хозяином в палатку

Ранний летний серый рассвет только-только занимался, когда Чэллонер вылез из палатки и раздул костер. Мики выбрался наружу через несколько минут после хозяина, и тот обвязал его шею истертой веревкой, а другой конец веревки обмотал вокруг молодого деревца и туго затянул узел. Другую такую же веревку Чэллонер привязал к углам продовольственной сумки, чтобы ее можно было надеть на плечи, как рюкзак. Едва небо порозовело, он уже отправился выслеживать Нузак и Нееву Мики, обнаружив, что его оставили одного в лагере, отчаянно заскулил, и когда Чэллонер оглянулся, он увидел, что щенок рвется с привязи так отчаянно, что то и дело кувыркается через голову Только отойдя на целую четверть мили, Чэллонер наконец перестал слышать протестующие вопли Мики.

Чэллонер отправился на эту охоту не только ради удовольствия и не только потому, что ему захотелось, кроме Мики, обзавестись еще и медвежонком. Запас мяса у него кончился, а медвежатина в эту пору года бывает очень вкусной. А главное, ему совершенно необходимо было пополнить запас жира. Если удастся подстрелить эту медведицу, думал он, то до конца пути можно будет не тратить времени на охоту, а это сэкономит ему несколько дней.

Только в восемь часов Чэллонер наконец обнаружил несомненно свежие следы Нузак и Неевы. У этого мыска Нузак ловила рыбу дней пять-шесть назад, и накануне они вернулись сюда, чтобы полакомиться «дозревшей» добычей. Чэллонер обрадовался. Он не сомневался, что найдет медведицу где-нибудь чуть выше по речке. Ветер дул ему навстречу, и он начал

осторожно пробираться вперед, держа ружье наготове. Он шел неторопливым ровным шагом около часа, внимательно прислушиваясь ко всем звукам, доносившимся из зарослей перед ним, и стараясь не упустить в них ни одного подозрительного движения. Время от времени он облизывал палец и поднимал его вверх, проверяя, не переменил ли ветер направления. В сущности, эта охота не требовала особой хитрости. Все и так складывалось в пользу Чэллонера.

Там, где долина расширялась и речка разбивалась на десяток узких рукавов, по песчаным и галечным отмелям лениво бродили Неева и его мать, намереваясь наловить себе на завтрак раков. Мир еще никогда не казался Нееве таким прекрасным. От солнечного тепла мягкая шерсть на его спине распушилась, как у мурлыкающей кошки. Ему очень нравилось чавканье мокрого песка под его подошвами и напевное щекотное журчание струй вокруг его лап. Ему очень нравился сложный хор звуков вокруг — шелест ветра, вздохи, доносившиеся с вершин елей и кедров, лепет речки, чириканье воробьев, перекличка певчих птиц и больше всего — негромкое ворчание матери.

И на этих залитых солнцем отмелях Нузак внезапно почуяла приближение опасности. Весть о ней принес переменивший направление ветер,— старая медведица уловила запах человека!

Нузак тотчас застыла как каменное изваяние. Глубокий рубец на ее плече был памяткой о ране, которую она получила много лет назад, почти сразу же после того, как почуяла этот запах — запах единственного врага, которого она боялась. Вот уже три года ее ноздри не улавливали его присутствия, и она почти забыла о существовании этого врага. И теперь его запах, неожиданно принесенный ветром, совсем ее парализовал — он был таким сильным и страшным!

Тут и Неева словно почувствовал близость смертельной опасности. Он застыл черным шариком на белом песке в двухстах шагах от Чэллонера, не сводя глаз с матери,—его чуткий нос напряженно пытался опознать угрозу, которой был пронизан воздух.

Затем раздался звук, какого он еще никогда не слышал оглушительный, отрывистый треск, чем-то похожий на гром, и все-таки не гром, и тут же он увидел, что его мать подскочила на месте и тяжело осела на передние лапы. Затем она поднялась и испустила отчаянное протяжное «у-уф!»,— он никогда не слышал этого сигнала, но понял, что она велит ему бежать со всех ног, спасая жизнь.

Подобно всем заботливым и любящим матерям, Нузак, забывая о себе, думала только о том, как спасти своего детеныша. Протянув лапу, она внезапно толкнула Нееву, и он припустился бежать к лесу. Нузак побежала за ним. Раздался второй выстрел, и над самой ее головой что-то пронзительно и страшно свист-

нуло. Но Нузак не ускорила бега. Она держалась позади Неевы и подгоняла его, а брюхо ее разрывала жгучая боль, словно в него вонзался раскаленный железный прут. Третья пуля Чэллонера зарылась в землю под лапой Нузак, когда они были уже у самой опушки.

Еще мгновение — и они скрылись за спасительной стеной деревьев. Инстинкт гнал Нееву в самую густую чащу, а быстро слабеющая Нузак из последних сил торопила его сзади. В ее старом мозгу сгущался страшный черный сумрак, который начинал застилать ей глаза, и она поняла, что ее жизненный путь кончается здесь. Позади осталось двадцать лет, впереди она могла рассчитывать лишь на несколько минут, купленных отчаянным напряжением всего ее существа. Она остановила Несву под большим кедром и, как делала это много раз прежде, велела ему взобраться по стволу. На миг ее горячий язык с последней лаской коснулся его мордочки, а потом она повернулась, чтобы дать свой последний безнадежный бой.

Она поплелась навстречу Чэллонеру, но в двадцати шагах от кедра остановилась в ожидании, низко опустив голову. Ее бока тяжело вздымались, зрение совсем отказывалось служить, и вот с судорожным вздохом она упала на землю, преграждая путь врагу. Быть может, она на мгновение увидела золотые луны и жаркие солнца всех ее ушедших двадцати лет, быть может, она вновь услышала чудесную нежную музыку весны, сплетающуюся с извечной песней жизни, и в награду за материнскую самоотверженность смерть ее была безболезненна и легка.

Когда Чэллонер подошел к старой медведице, она была мертва. С укромной развилки, спрятанной высоко среди могучих ветвей кедра, Неева смотрел вниз, на первую страшную трагедию своей жизни и на приближающегося человека. При виде этого двуногого зверя он еще плотнее прижался к суку, и его сердчишко готово было разорваться от неизъяснимого ужаса. Он ни о чем не думал. И не разум подсказал ему, что произошло непоправимое и что причиной тому было это двуногое существо. Его маленькие глазки поблескивали над самой развилкой. Он не понимал, почему его мать не встает и не бросается на этого нового врага. Несмотря на свой испуг, он был готов свирепо зарычать, только бы она проснулась; он готов был спуститься с дерева и помочь ей победить, как тогда в схватке со старым разбойником Макузом. Но огромное тело Нузак застыло в неподвижности — она не шевельнулась, даже когда Чэллонер нагнулся над ней. Последняя искра жизни уже угасла в старой медведице.

Лицо Чэллонера раскраснелось от охотничьего азарта. Он убил Нузак не ради забавы. Теперь он получил великолепную шкуру и достаточный запас мяса, чтобы без задержек добраться до цивилизованных мест. Прислонив ружье к дереву, Чэллонер

начал искать медвежонка. Он достаточно хорошо разбирался в звериных повадках и знал, что далеко от матери медвежонок уйти не мог, а потому принялся осматривать соседние заросли и большие деревья.

Неева во время этих поисков испуганно скорчился на своей развилке за завесой ветвей, стараясь стать как можно меньше. Через полчаса Чэллонер разочарованно махнул рукой и направился к речке, чтобы напиться перед тем, как освежевать свою добычу,— работа обещала быть нелегкой.

Едва он скрылся из виду, как Неева настороженно высунул мордочку из-за сука. Подождав несколько секунд, медвежонок соскользнул по стволу кедра на землю. Он испустил призывное повизгивание, но мать не шевельнулась. Он подошел к ней и остановился возле ее неподвижной головы, втягивая в ноздри воздух, пропитанный страшным запахом человека. Потом он потерся щекой о щеку матери, подсунул нос под ее шею и, наконец, укусил ее за ухо — решительное средство, к которому он прибегал, когда желал разбудить ее во что бы то ни стало. Он ничего не понимал. Жалобно поскуливая, он взобрался на большую мягкую спину матери и прильнул к ней. Его поскуливание становилось все более тоскливым, а потом из его горла вырвался жалобный плач, удивительно похожий на плач ребенка.

Чэллонер, уже возвращавшийся от речки, услышал этот жалобный вопль, и внезапно его сердце мучительно сжалось. Ему приходилось слышать, как плакали осиротевшие дети, и этот медвежонок, лишившийся матери, плакал точно так же.

Осторожно подкравшись к телу Нузак под прикрытием разлапистой карликовой ели, он увидел Нееву на спине мертвой медведицы. За свою жизнь Чэллонер убил немало зверей, потому что убивать их и скупать шкуры зверей, убитых другими людьми, было его профессией. Но ничего подобного ему еще не доводилось видеть, и у него возникло такое ощущение, словно он совершил преступление.

— Ах ты бедняга! — прошептал он.— Но что ж теперь сделаешь? Можно только пожалеть...

Эти слова прозвучали как просьба о прощении. Но раз дело было уже начато, необходимо было довести его до конца — ничего другого Чэллонеру не оставалось.

И вот так тихо, что Неева не услышал его шагов, он подкрался к нему с подветренной стороны. Медвежонок заметил опасность, когда Чэллонер был от него всего в пяти шагах. И не успел он опомниться и спрыгнуть со спины матери, как охотник накинул на него сумку для провизии.

Следующие пять минут были, пожалуй, самыми бурными пятью минутами в жизни Чэллонера. Горе и страх Неевы отступили на второй план — в нем взыграла кровь свирепого

старого Суминитика, его отца. Он царапался, кусался, бил лапами и рычал. В течение этих пяти минут он дрался, как пять дьяволят, вселившихся в одного медвежонка, и когда Чэллонер наконец обвязал веревку вокруг его шеи и запихнул толстенькое тельце Неевы в сумку, его руки были покрыты глубокими кровоточащими царапинами.

Однако и в сумке Неева продолжал буйствовать, пока совсем не обессилел, а Чэллонер тем временем освежевал старую медведицу и срезал с ее туши мясо и жир, которые были ему нужны, чтобы продолжать путь без больших задержек. Оценив достоинства шкуры Нузак, Чэллонер довольно улыбнулся, затем завернул в нее жир и мясо, перевязал сверток сыромятным ремнем и вскинул на спину, словно заплечный мешок. Сгибаясь под тяжестью этой ноши, он поднял с земли ружье... и Нееву. В путь к своему лагерю он двинулся в разгар дня, а добрался туда на закате. Всю дорогу Неева сопротивлялся с упорством спартанского воина и затих, только когда до стоянки оставалось не более полумили.

Но теперь медвежонок лежал в сумке из-под провизии обмякнув, еле живой, и когда Мики подозрительно обнюхал его тюрьму, он даже не шевельнулся. Все запахи теперь казались Нееве одинаковыми, и он не различал звуков, но и Чэллонер еле держался на ногах. Каждая мышца, каждая косточка в его теле болела или ныла на свой лад. И все-таки на его потном, перепачканном лице играла гордая улыбка.

— Ну и храбрый же ты чертенок! — сказал он, глядя на неподвижный мешок и впервые за весь день набивая трубку.— Ах ты чертенок, чертенок!

Он привязал конец веревки, обмотанной вокруг шеи Неевы, к молодому деревцу и принялся осторожно развязывать сумку. Потом он вывалил Нееву на землю и отступил на несколько шагов. В эту минуту Неева был готов заключить с Чэллонером перемирие, но когда, оказавшись на земле, он раскрыл полуослепшие глаза, то увидел перед собой вовсе не Чэллонера. Он увидел Мики, который, повиливая всем телом от снедавшего его любопытства, как раз вознамерился обнюхать нежданного гостя!

Глазки Неевы загорелись злобным огнем. А вдруг этот нескладный корноухий детеныш двуногого зверя тоже враг? А вдруг подергивания неизвестного существа и широкие взмахи его хвоста — это вызов на бой? Неева истолковал их именно так. Во всяком случае, перед ним был противник одного с ним роста, и, натянув веревку до предела, он в мгновение ока набросился на щенка. Мики, всего секунду назад полный самых дружеских чувств, был опрокинут на спину. Он отчаянно болтал своими нелепыми лапами и призывал на помощь, пронзительным визгом нарушая безмятежное безмолвие золотого вечера.

Чэллонер не мог сдвинуться с места от удивления. Через секунду он опомнился и собирался уже разнять драчунов, но его вмешательство не понадобилось. Неева, стоявший над Мики, который задрал все четыре лапы в воздух, словно сдаваясь на милость победителя, медленно выпустил из зубов загривок щенка. Он снова увидел перед собой двуногого зверя. Инстинкт, несравненно более могучий, чем его примитивные мыслительные процессы, заставил его застыть без движения, вперяя глазки-бусины в лицо Чэллонера. Мики заболтал ногами в воздухе, тихонько взвизгнул и застучал хвостом по земле, словно прося пощады; потом он облизнулся и заерзал, как будто объясняя Нееве, что у него не было никаких дурных намерений. Неева, не спуская глаз с Чэллонера, вызывающе зарычал и медленно отступил от Мики. Но Мики, боясь пошевелиться, продолжал лежать на спине и болтать лапами.

Чэллонер вне себя от удивления тихонько попятился к палатке, залез в нее и продолжал наблюдать за медвежонком и щенком сквозь прореху в брезенте.

Свирепое выражение сошло с мордочки Неевы. Он поглядел на щенка. Возможно, какой-то глубоко скрытый инстинкт подсказывал ему, что маленьким детям нужны братья и сестры — нужны товарищи для веселых игр. И Мики, вероятно, почувствовал перемену в настроении мохнатого черного звереныша, который еще минуту назад был его врагом. Он исступленно забил хвостом по земле и замахал на Нееву передними лапами. Затем он с некоторой опаской перекатился на бок. Неева не шевельнулся. Мики радостно завилял всем телом.

И Чэллонер, наблюдавший за ними сквозь прореху в брезенте, увидел, как они осторожно обнюхали друг друга.

Глава IV

Вечером поднялся северо-восточный ветер и пошел мелкий холодный дождь. На заре Чэллонер вылез в промозглую утреннюю сырость, чтобы развести костер, и увидел, что Неева и Мики спят, тесно прижавшись друг к другу, в неглубокой яме под корнем большой ели. Первым человека увидел медвежонок, и в течение нескольких секунд, прежде чем проснулся щенок, блестящие глаза Неевы были устремлены на непонятного врага, который невозвратимо изменил его прежний мир. Он был так измучен, что крепко проспал всю первую ночь своего плена и за долгие часы сна успел позабыть о многом. Но теперь он вспомнил все события прошлого дня и, забившись глубже под корень, тихим визгом позвал мать — таким тихим, что его уловил только Мики.

Это повизгивание и разбудило щенка. Мики медленно выпутался из клубка, в который свернулся ночью, потянулся, разминая длинные нескладные ноги, и зевнул так громко, что Чэллонер услышал этот зевок. Человек обернулся и увидел, что из ямы у корней большой ели на него смотрят две пары глаз. Целое ухо щенка и обрубок второго встали торчком, и он приветствовал хозяина заливчатым радостным лаем, в который вложил все свое необузданное добродушие. Бронзовое лицо Чэллонера, выдубленное ветрами и метелями Севера, мокрое от серой измороси, расплылось в ответной улыбке, и Мики выбрался из ямы, извиваясь всем телом и выделывая несуразные кренделя в попытке выразить то безмерное счастье, которым преисполнила его улыбка хозяина.

Теперь, когда в его распоряжении оказалась вся яма, Неева забился в дальний ее угол,— только его круглая голова торчала оттуда, и из этой крепости, обещавшей хотя бы временную безопасность, он злобным, испуганным взглядом следил за убийцей своей матери.

Перед ним снова с невыносимой ясностью развертывалась вчерашняя трагедия: залитая солнечным светом отмель, на которой они с Нузак мирно ловили раков, когда неведомо откуда появился этот двуногий зверь, удар какого-то странного грома, их бегство к лесу и завершение всего — последняя попытка Нузак остановить врага. Однако теперь, утром, наиболее мучительным было воспоминание не о гибели матери, а о его собственном ожесточенном сопротивлении двуногому зверю и о черной душной сумке, в которой Чэллонер принес его в лагерь. А Чэллонер в эту минуту как раз поглядывал на свои исцарапанные руки. Потом он шагнул к ели и улыбнулся Нееве той же дружеской улыбкой, какой недавно улыбался Мики, неуклюжему щенку

Глазки Неевы зажглись красным огнем.

— Я же объяснил тебе вчера, что жалею об этом,— сказал Чэллонер, словно обращаясь к человеку.

В некоторых отношениях Чэллонер совсем не походил на типичного обитателя северного края. Например, он верил в особые свойства мозга животных и был убежден, что у животного, если с ним разговаривать и обращаться как с товарищем-человеком, может развиться особая способность воспринимать и понимать сказанное, которую он весьма ненаучно считал разумом.

— Я объяснил тебе, что жалею об этом,— повторил он, присаживаясь на корточки всего в двух шагах от корня, из-под которого выглядывали яростные глазки Неевы.— И я правда жалею. Я жалею, что убил твою мать. Но нам было нужно мясо и жир. Что поделаешь! А мы с Мики постараемся возместить тебе твою потерю. Мы возьмем тебя с собой к моей сестренке, и если ты ее не полюбишь, значит, ты самый последний бессердечный чурбан и

вообще не заслуживаешь, чтобы у тебя была мать. Вы с Мики будете расти как братья. Его мать тоже умерла — сдохла от голода, а это намного хуже, чем сразу умереть от пули. И я нашел Мики совсем как тебя; он тоже прижимался к ней и плакал, словно ему не для чего было больше жить. Ну, так смотри веселей и дай лапу. Давай обменяемся рукопожатием.

Чэллонер протянул руку. Неева не шелохнулся. Всего несколько секунд назад он зарычал бы и оскалил бы зубы. Но теперь он сохранял полную неподвижность. Такого странного зверя ему еще никогда не приходилось видеть. Вчера этот двуногий не причинил ему никакого вреда — только посадил в сумку. И теперь он тоже, по-видимому, не замышлял ничего дурного. Более того: в звуках, которые он испускал, не было ничего враждебного или неприятного. Неева покосился на Мики. Щенок протиснул морду между колен Чэллонера и глядел на медвежонка с глубоким недоумением, словно спрашивая: «Ну, чего ты сидишь под корнем? Почему не вылезешь помочь с завтраком?»

Рука Чэллонера придвинулась ближе, и Неева совсем вжался в дальнюю стенку ямы. И тут произошло чудо. Лапа двуногого зверя коснулась его головы, и от этого по всему его телу пробежала непонятная, томительная дрожь. Однако лапа не причинила ему никакой боли. Если бы он не затиснулся в тесный угол, он постарался бы укусить ее и исцарапать. Но теперь он просто не имел возможности пошевелиться.

Чэллонер медленно сдвигал пальцы на загривок Неевы, где кожа лежала свободными складками. Мики, догадываясь, что сейчас должно произойти что-то необычайное, внимательно следил за всеми действиями хозяина. И вот пальцы Чэллонера сомкнулись, быстрым движением он извлек Нееву на свет божий и продолжал держать в воздухе на вытянутой руке. Неева вскидывал лапами, извивался и так вопил, что Мики из дружеского сочувствия принялся выть, и вдвоем они подняли совсем уж оглушительный шум. Через полминуты Чэллонер снова посадил Нееву в сумку, но на этот раз он оставил его голову снаружи, крепко стянув тесемки и для верности обмотав шею медвежонка сыромятным ремнем. Таким образом, три четверти Неевы находились в плену и только голова осталась на свободе. Одним словом, он был живой иллюстрацией к пословице, что медвежонка в мешке не утаишь.

Оставив Нееву возмущенно кататься по земле, Чэллонер занялся приготовлением завтрака. Однако Мики, против обыкновения, не следил за ним голодными глазами: щенок нашел зрелище, показавшееся ему более интересным, чем даже увлекательная процедура стряпни. Мики крутился возле Неевы, смотрел, как он бьется в мешке, слушал его вопли и, полный сочувствия, тщетно пытался как-то помочь ему. В конце концов Неева затих, а

Мики сел возле него и посмотрел на хозяина если и не с прямым осуждением, то, во всяком случае, с горьким недоумением.

Серые тучи уже начинали розоветь и редеть, обещая ясный день, когда Чэллонер был наконец готов вновь отправиться в путь на юг. Он уложил в челнок весь свой багаж, а потом очередь дошла и до Мики с Неевой. На носу он устроил из шкуры старой медведицы мягкое гнездо, а затем подозвал Мики и обвязал его шею концом старой веревки, а другой ее конец завязал вокруг шеи Неевы. В результате и медвежонок и щенок оказались на одной сворке длиной в ярд. Ухватив их обоих за загривок, Чэллонер отнес их в лодку и положил в гнездо, которое устроил из медвежьей шкуры.

— Ну, малыши, ведите себя прилично! — предупредил он их.— Сегодня нам надо сделать не меньше сорока миль, чтобы наверстать время, потерянное вчера.

Когда челнок покинул заводь, над восточным горизонтом из туч вырвался сноп солнечных лучей.

Глава V

За те несколько секунд, которые потребовались, чтобы челнок плавно заскользил по широкой глади озера, в Нееве произошла поразительная перемена. Чэллонер ее не заметил, а Мики не осознал. Однако каждая жилка в теле Неевы трепетала и сердце колотилось, как в тот замечательный день, когда его мать победила в драке старого Макуза. Медвежонку казалось, что вот-вот все пойдет по-прежнему, все утраченное вернется — ведь он чуял запах своей матери! Он скоро обнаружил, что ее запах был особенно свеж и силен в мохнатой штуке, которая лежала под ним, и поглубже вжался в нее, распластавшись на толстом пузике и поглядывая на Чэллонера из-за сложенных лап.

Ему никак не удавалось понять и связать эти две вещи — двуногий зверь на корме гнал челнок по воде, а он в то же время ощущал под собой спину матери, теплую и мягкую, но почему-то совсем неподвижную. И он не сумел сдержаться — тихим и горестным повизгиванием он позвал мать. Но ответа не последовало. Только Мики сочувственно заскулил — так ребенок начинает плакать, если видит слезы приятеля. А мать Неевы не пошевелилась. Не ответила. Да он и не видел ее — тут была только ее черная мохнатая шкура. Без головы, без лап, без больших голых пяток, которые он любил щекотать, и без ушей, которые он любил покусывать. Тут не было от нее ничего, кроме свертка черной шкуры и... запаха!

И все-таки испуганное маленькое сердце Неевы находило утешение и в этом. Он ощущал близость непобедимой силы, которая

охраняла его. Тепло солнечных лучей распушило шерсть медвежонка; он опустил коричневый нос между передними лапами и сунул его в материнский мех. Мики тоже положил голову на передние лапы и внимательно следил за своим новым приятелем, словно пытаясь разгадать его тайну. В его смешной голове, увенчанной одним целым ухом и одной половинкой уха и украшенной щетинистыми бакенбардами, которые он унаследовал от деда-эрделя, шла напряженная работа. Вначале он встретил Нееву как друга и товарища, а тот вместо благодарности задал ему хорошую трепку. Впрочем, это Мики готов был простить и забыть. Но вот полнейшего равнодушия Неевы к его персоне простить не мог. Медвежонок просто не замечал его неуклюжих изъявлений симпатии и сочувствия. Когда он лаял, прыгал, припадал к земле и извивался всем телом, дружески приглашая его поиграть в пятнашки или просто устроить веселую возню, Неева только смотрел на него непонимающими глазами, как дурачок. Возможно, Мики проникся убеждением, что Неева вообще ничего, кроме драк, не любит. Во всяком случае, прошло много времени, прежде чем он предпринял новую попытку завязать дружбу с медвежонком.

Произошло это спустя несколько часов после завтрака, когда солнце было уже на полпути к зениту. Неева все еще лежал не шевелясь, и Мики невыносимо скучал. Ночной дождь остался лишь неприятным воспоминанием — в синем небе над их головами не было ни облачка. Челнок уже давно покинул озеро, и Чэллонер гнал его теперь по прозрачной речке, которая вилась по южному склону водораздела, пролегающего между хребтом Джексона и Шаматтавой. Чэллонер никогда прежде не плавал по этой речке, вытекавшей из озера, и, опасаясь водопада или порогов, он внимательно вглядывался в даль и все время был начеку. Последние полчаса течение постепенно убыстрялось, и Чэллонер не сомневался, что вскоре ему придется перетаскивать челнок по берегу волоком. Вскоре он услышал впереди низкий непрерывный гул и понял, что приближается к опасному месту. Когда он стремительно обогнул следующий мысок, держась совсем рядом с берегом, он увидел ярдах в пятистах впереди белое кипение воды и пены между камнями.

Чэллонер быстро оценил положение. Правый берег у порогов круто уходил вверх почти отвесным обрывом, слева вплотную к воде подступал густой лес. Чэллонер сразу понял, что тащить челнок волоком можно будет только по левому берегу; а он в этот момент плыл у правого берега. Он повернул челнок под углом в сорок пять градусов и принялся грести, напрягая все силы. По его расчету, у него едва хватало времени, чтобы добраться до левого берега, прежде чем течение станет опасным. Сквозь свирепое рокотание порогов Чэллонер теперь расслышал грохочущий рев водопада где-то дальше за ними.

Вот в эту-то роковую минуту Мики и решил еще раз попытаться расшевелить Нееву. Дружелюбно тявкнув, он ударил его лапой. А костлявые, длинные лапы Мики были непомерно велики для такого молодого щенка, и удар, пришедшийся по кончику носа Неевы, можно было бы сравнить с хорошим тычком боксерской перчаткой. Немалую роль для дальнейшего сыграла также неожиданность этого удара. В довершение всего Мики взмахнул другой лапой, как дубинкой, и угодил Нееве в глаз! Этого нельзя было бы снести даже от друга. Зарычав, Неева выскочил из своего гнезда и сцепился с щенком.

Не следует забывать, что Мики, хотя он постыдно запросил пощады в их первой стычке, тоже происходил из рода испытанных бойцов. Смешайте кровь гончей маккензи — самой крупнокостной, самой широкогрудой, самой сильной собаки северного края — с кровью шпица и эрдельтерьера, и вы получите нечто весьма незаурядное. Если гончая маккензи при всей своей бычьей силе отличается неизменным добродушием и миролюбием, то северные шпицы и эрдельтерьеры все без исключения большие забияки, и еще вопрос, кого из них следует считать более воинственной породой. И внезапно в маленьком покладистом щенке проснулся дьявол. На этот раз Мики не стал покорно тявкать, прося пощады. Он рванулся навстречу челюстям Неевы, и через две секунды они уже сцепились в великолепной драке на носу челнока — месте, менее всего подходящем для подобного занятия.

Они не обращали внимания на грозные окрики Чэллонера, который продолжал отчаянно грести, чтобы преодолеть течение, увлекавшее его к порогам. Неева и Мики были слишком поглощены друг другом и не слышали его. Все четыре лапы Мики снова болтались в воздухе, но на этот раз его острые зубы крепко стискивали складку кожи на горле Неевы, а лапами он толкал и бил медвежонка, и, наверное, Нееве пришлось бы плохо, если бы не случилось того, чего опасался Чэллонер. Все еще свившись в тесный клубок, они скатились с носа челнока в стремнину.

Секунд на десять они скрылись под водой. Затем вынырнули в добрых пятидесяти ярдах ниже по течению — бок о бок они уносились к неизбежной гибели, и с губ Чэллонера сорвался придушенный крик: спасти их он не мог, и в этом крике слышалось искреннее горе. Много недель Мики был его единственным товарищем и собеседником.

Связанные веревкой длиной в один ярд, Мики и Неева вместе нырнули в бурлящий водоворот. Мики следовало бы только возблагодарить судьбу за то, что хозяин привязал его на одну веревку с медвежонком. Мики в свои три месяца весил четырнадцать фунтов, причем на восемьдесят процентов он состоял из костей и лишь на один процент из жира. Неева же весил

тринадцать фунтов и на девяносто процентов состоял из жира. Поэтому плавучесть Мики разнялась плавучести небольшого железного якоря, тогда как Неева держался на воде как спасательный пояс и был практически непотопляем.

Ни в щенке, ни в медвежонке не нашлось бы и капли трусости. Оба унаследовали от своих предков упрямое мужество, и хотя первые сто ярдов Мики почти все время находился под водой, он ни на мгновение не прекращал упорных попыток выбраться на поверхность. Иногда его переворачивало на спину иногда на живот, но в любом положении он работал всеми своими четырьмя огромными лапами, как веслами. В известной степени это помогало Нееве, который делал поистине героические усилия, чтобы не наглотаться воды. Будь он один, благодаря десяти фунтам своего жира он пронесся бы через пороги, как обтянутый шкурой мячик. Однако он тащил на шее четырнадцатифунтовый груз, и ему грозила серьезная опасность захлебнуться. Раз десять, когда Мики засасывал очередной водоворот, Неева тоже полностью исчезал под водой. Однако он тут же выплывал, отчаянно загребая всеми четырьмя короткими толстыми лапами.

Затем их принесло к водопаду К этому времени Мики уже привык передвигаться под водой и, к счастью для себя, не увидел, какой новый ужас поджидает их впереди. Его лапы почти перестали двигаться. Он еще слышал рев, забивавший ему уши, но рев этот уже перестал его пугать. Дело в том, что Мики к этому времени захлебнулся и постепенно терял сознание. Нееве же было отказано в безболезненной смерти. Когда наступил гибельный миг, он прекрасно понимал, что происходит Его голова находилась над водой, и он все отлично видел и слышал. Внезапно река ушла из-под него, и он унесся вниз, увлекаемый водной лавиной и больше уже не ощущая тяжести Мики на своей шее.

Чэллонер мог бы совершенно точно определить глубину омута ниже водопада. Если бы Неева был способен высказать по этому поводу свое мнение, он поклялся бы, что глубина эта равна миле. Мики же не был способен ничего определять, и его совершенно не волновало, равна ли глубина омута двум футам или двум милям. Лапы больше ему не повиновались, и он отдался на волю судьбы. Однако Неева всплыл, а с ним и Мики — как грузило за поплавком. Щенок уже готовился испустить последний вздох, но тут течение вышвырнуло Нееву на полузатонувшую корягу, и, прилагая отчаянные усилия, чтобы выбраться из воды, медвежонок вытащил из нее и голову Мики, так что щенок закачался на конце коряги, точно повешенный.

Глава VI

Весьма сомнительно, что в следующие несколько секунд Неева действовал сознательно и обдуманно. Было бы наивно предположить, будто он хотел помочь полумертвому, оглушенному Мики и пытался спасти его. Он стремился только к одному — выбраться из воды на какое-нибудь более сухое и безопасное место, но при этом он волей-неволей тащил за собой щенка. И когда Неева, натянув веревку, впился острыми коготками в корягу, а потом взобрался на нее, Мики тоже был вырван из хватки холодного враждебного потока. Только и всего. Затем Неева перебрался на бревно, вокруг которого вода закручивалась воронками, и, прильнув к нему, вцепился в него так, как еще никогда в жизни ни во что не вцеплялся. От берега бревно полностью заслоняли густые высокие кусты. Если бы не это, Чэллонер увидел бы щенка и медвежонка, когда десять минут спустя проходил мимо этого места. Но они были скрыты от его взгляда кустами, а Мики еще не был в состоянии учуять или услышать своего хозяина, когда Чэллонер спустился к воде посмотреть, не удалось ли все-таки его маленькому товарищу спастись; Неева же, конечно, только плотнее прильнул к бревну. Он уже достаточно насмотрелся на двуногого зверя и больше не желал его видеть до конца своих дней. Только через полчаса Мики захрипел, закашлял и начал выплевывать воду, и впервые с момента их драки на носу челнока Неева проявил к щенку живейший интерес. Еще через десять минут Мики поднял голову и огляделся. Тогда Неева дернул веревку, словно давая ему понять, что им пора подумать, как выбраться на берег. Мики, мокрый, несчастный, был похож не столько на живое существо, сколько на обглоданную кость. Однако, увидев перед собой Нееву, он все-таки попробовал завилять хвостом. Он все еще лежал в воде, хотя тут ее глубина не достигала и двух дюймов, а потому, с надеждой оглядывая бревно, на котором расположился Неева, он кое-как поднялся на ноги и побрел к нему. Это было очень толстое и совсем сухое бревно, но едва Мики добрался до него, как судьба снова сыграла с ним злую шутку. Щенок забросил на бревно передние лапы и начал карабкаться к Нееве, старательно и неуклюже цепляясь когтями за кору и сучки. Однако только этих легких толчков бревну и не хватало, чтобы сползти с топляка в стремнину. Течение сначала медленно подхватило один конец бревна и развернуло его, так что он попал в главную струю, которая потащила его с такой внезапностью и силой, что Мики едва не сорвался в воду. Бревно качнулось, приняло устойчивое положение и помчалось, прыгая по волнам с быстротой, от которой даже у Чэллонера захватило бы дух, если бы он со своим верным челноком очутился на их месте.

И действительно, Чэллонер в эту минуту обходил по берегу быстрины ниже водопада. Он не решился бы без серьезной нужды пуститься в челноке по бешеной воде, над которой сейчас торжествовали славную победу Неева с Мики, и предпочел потерять два часа, перетаскивая свой багаж через лес до мыска на полмили ниже по течению. Эти полмили медвежонок и щенок запомнили на всю жизнь.

Они сидели на бревне мордочками друг к другу, примерно на его середине. Неева, вонзив когти в кору, как рыболовные крючки, распластался на животе и смотрел перед собой выпученными коричневыми глазками. Оторвать его от бревна удалось бы только с помощью лома. Что до Мики, то он с самого начала удерживался на их утлом суденышке только чудом. Его когти не были предназначены для того, чтобы во что-то вонзаться; его неуклюжие лапы, в отличие от лап Неевы, не могли обхватить бревно, как две пары человеческих рук. Ему оставалось только одно: любой ценой сохранять равновесие, приноравливаясь к движению и поворотам бревна, и ложиться то вдоль него, то поперек, ежесекундно рискуя сорваться в воду. Неева не отводил от него пристального взгляда. Если бы глаза медвежонка были буравчиками, то он наверняка просверлил бы в Мики две дырочки. Этот взгляд был таким отчаянным и напряженным, что можно было подумать, будто Неева отдает себе отчет в том, насколько его собственная судьба зависит от того, удержится Мики на бревне или нет. Если бы щенок сорвался, медвежонка не спасли бы ни цепкость его когтей, ни крепкая хватка: ему тогда осталось бы только одно — лететь в воду вслед за Мики.

Комель бревна был гораздо шире и тяжелее остальной его части, потому оно не вертелось в воде, а летело прямо вперед, словно огромная черная стремительная торпеда. Неева сидел спиной к новым порогам, ревущим и громоздящим пену впереди, но Мики это жуткое зрелище открывалось во всей своей грозной красоте. Бревно то и дело ныряло в белую гору пены и на одну-две секунды полностью скрывалось в ней. В такие моменты Мики переставал дышать и закрывал глаза, а Неева старался запустить когти еще глубже в кору. Один раз бревно задело камень — еще шесть дюймов, и они остались бы без своего корабля. Уже на полпути через быстрины и медвежонок и щенок превратились в два клубка пены, в которых испуганно блестели глаза.

Но вскоре оглушительный рев быстрин зазвучал уже позади них; огромных камней, вокруг которых река рычала и бесновалась, стало заметно меньше — все чаще попадались совсем чистые участки, где бревно плыло ровно, без толчков, и в конце концов они достигли широкого спокойного плеса. И лишь тогда пенные клубки зашевелились. Неева только теперь увидел целиком всю картину кромешного ада, сквозь который они про-

неслись, а глазам Мики открылись пологие берега ниже по течению, густой лес и тихая, сверкающая на солнце речная гладь. Он набрал в легкие как можно больше воздуха и выдохнул его с таким глубоким и искренним облегчением, что с кончика его носа и с бакенбардов полетели брызги. Только тут он почувствовал, что держится на бревне в крайне неудобной позе: одна задняя лапа была неловко подвернута, а передняя придавлена его же собственной грудью. Зеркальное спокойствие воды и близость берега придали ему уверенности, и он постарался принять более удобное положение. В отличие от Неевы, Мики был опытным путешественником. Ведь он больше месяца изо дня в день плыл с Чэллонером в челноке и давно уже ничуть не боялся обычной благопристойной воды. Поэтому он немного ободрился и даже тявкнул, словно поздравляя Нееву с благополучным исходом их плавания среди порогов. Правда, в этом тявканье слышалась жалобная нота.

Однако Неева воспитывался в совсем других понятиях, и хотя с челноком он познакомился только в этот день, повадки бревен он успел изучить хорошо. Он по горькому опыту знал, что в воде бревна — это почти живые существа и что все они в любую минуту могут сыграть с тем, кто им доверится, самую злую и непредвиденную шутку. Мики же, к несчастью, и понятия об этом не имел. Бревно благополучно пронесло их по стремнинам, страшней которых он в жизни не видывал, а потому теперь оно представлялось ему первоклассным челноком, правда зачем-то закругленным сверху, что было крайне неудобно. Впрочем, этот единственный недостаток не очень смущал щенка. И вот, к ужасу Неевы, Мики смело приподнялся, сел на задние лапы и посмотрел по сторонам.

Медвежонок, ослабивший было свою хватку, снова инстинктивно вцепился в кору, а Мики почувствовал непреодолимое желание встряхнуться, чтобы избавиться от пены, облепившей его всего, если не считать глаз и кончика хвоста. Он часто встряхивался в челноке. Так почему бы не встряхнуться и сейчас? И даже не задав себе этого вопроса, он энергично дернулся всем телом. Бревно в ответ немедленно перевернулось. Не успев даже взвизгнуть, Мики слетел с него, звучно плюхнулся в воду и снова исчез в глубине, как свинцовое грузило.

Впервые погрузившись в воду с головой, Неева доблестно не разжал лап, и когда бревно вернулось в прежнее положение, медвежонок все еще сидел на нем — только пену с него смыло. Он поискал взглядом Мики, но щенка нигде не было видно. И вдруг он снова ощутил, что к его шее подвешен тяжелый груз. Его голова невольно наклонилась, и он увидел уходящую под воду веревку, но не Мики: щенок погрузился так глубоко, что медвежонок не мог его разглядеть. Веревка все сильнее тянула

Нееву вниз (течения тут почти не было, и ничто не поддерживало Мики), но он не ослаблял хватки. Если бы он разжал лапы и вслед за Мики очутился в воде, им пришлось бы худо. Но теперь Мики, бивший лапами глубоко под бревном, играл одновременно роль и якоря и руля. Бревно медленно повернулось, попало в прибрежную струю и почти вплотную приблизилось к болотистому мыску.

Одним отчаянным прыжком Неева очутился на берегу. Почувствовав под лапами твердую землю, он пустился бежать, и в результате Мики медленно возник из ила и распластался на отмели, точно гигантский краб, ловя воздух разинутой пастью. Почувствовав, что его товарищ не в силах двигаться, Неева остановился, встряхнулся и стал ждать. Мики оправился быстро. Уже через пять минут он был на ногах и с таким неистовством принялся стряхивать с себя воду, что на Нееву обрушился настоящий ливень брызг и липкого ила.

Если бы они остались на этом месте подольше, на них примерно через час наткнулся бы Чэллонер, потому что он плыл возле самого берега, высматривая, не увидит ли где-нибудь их мертвые тела. Возможно, что инстинкт, впитавший в себя опыт бесчисленных предков, сказал Нееве о такой возможности, но, как бы то ни было, уже через четверть часа медвежонок решительно зашагал к лесу, и Мики послушно последовал за ним. Щенку это казалось интересным приключением.

К Нееве вернулось бодрое настроение. Ведь хотя он и лишился матери, лес оставался его родным домом. После всех мучений, которые доставил ему двуногий зверь, а потом и Мики, бархатистое прикосновение мягких сосновых игл к его подошвам и знакомые запахи укромной чащи доставляли ему особенную радость. Он возвратился к прежней жизни. Медвежонок нюхал воздух, настораживал уши, и его пьянило сознание, что он снова может делать все, что захочет. Лес был ему незнаком, но Нееву это не смущало. Все леса казались ему одинаковыми — ведь в его владении находилось несколько сотен тысяч квадратных миль лесных угодий, и у него не было возможности побывать в них всех.

С Мики дело обстояло по-другому. Его охватила тоска по Чэллонеру и реке, а кроме того, он начал тревожиться, заметив, что Неева уводит его все дальше и дальше в темные, таинственные глубины лесной чащи. Наконец он решил воспротивиться и начал с того, что уперся в землю всеми четырьмя лапами, так что внезапно натянувшаяся веревка опрокинула Нееву, и он упал на спину с удивленным фырканьем. Воспользовавшись своим преимуществом, Мики повернулся и направился назад к реке; налегая на веревку с лошадиной силой, достойной его отца, он успел протащить Нееву по земле шагов пятнадцать, и только тогда медвежонку наконец удалось подняться на ноги.

И началась борьба. Напрягая задние лапы, крепко упираясь передними в мягкую землю, медвежонок и щенок тянули веревку в противоположные стороны, пока их шеи совсем не онемели, а глаза не вылезли на лоб. Неева тянул ровно и флегматично, Мики же на собачий лад дергался всем телом и выгибался; благодаря этим неожиданным толчкам ему удавалось каждый раз немного сдвинуть Нееву с места. В конечном счете все сводилось к тому чья шея окажется крепче. У Неевы под слоем жира еще не успели нарасти сильные мышцы, и Мики имел тут перед ним заметное преимущество. Несмотря на худобу и костлявость, щенок был очень силен для своего возраста,— Неева еще несколько минут героически сопротивлялся, но потом уступил и послушно пошел в том направлении, которое выбрал Мики.

Медвежонок, подобно всем своим сородичам, без всякого труда нашел бы кратчайший путь к реке, но у Мики умение ориентироваться далеко уступало твердости его намерений, и Неева заметно повеселел, когда обнаружил, что его спутник уводит его еще дальше от опасной реки, хотя зачем-то и описывает при этом широкую дугу. Еще через четверть часа Мики окончательно заблудился. Он присел на задние лапы, поглядел на Нееву и негромко заскулил, признавая свое поражение

Неева не шевельнулся. Его зоркий взгляд внезапно остановился на сером шаре, который был прилеплен к ветке невысокого куста в десяти шагах от них. До появления двуногого зверя медвежонок только и делал, что ел весь день напролет, но со вчерашнего утра у него даже маленького жучка во рту не было. Его томил ужасный голод, и когда он увидел серый шар, его слюнные железы мгновенно заработали. Это было осиное гнездо! Сколько раз за свою коротенькую жизнь он видел, как Нузак, его мать, подходила к таким гнездам, сбрасывала их на землю, давила огромной лапой, а потом звала его полакомиться мертвыми осами. В течение последнего месяца осы неизменно входили в его дневной рацион, и их вкус ему очень нравился И вот Неева направился к гнезду. Мики пошел за ним. Когда до гнезда оставалось шага три, Мики ясно расслышал тихое, но крайне неприятное жужжание. Однако Неева ничуть не встревожился. Рассчитав высоту гнезда, он встал на задние лапы, передние протянул к гнезду и дернул его — роковое движение!

Немедленно монотонное жужжание, которое заметил Мики, стало гневным и пронзительным, словно где-то заработала электрическая пила. Мать Неевы тут молниеносно наступила бы на гнездо тяжелыми лапами, раздавив всех его обитателей, но рывок Неевы только слегка повредил жилище Ахму́ и его свирепого племени. Ахму был в этот момент дома, так же как и три четверти его воинов. Прежде чем Неева успел еще раз дернуть гнездо, они вырвались наружу темным грозным

К стр. 311

облаком, и Мики внезапно испустил душераздирающий визг: на нос щенка опустился Ахму собственной персоной! Неева не издал ни звука, а только начал бить себя по мордочке передними лапами. Мики же, продолжая визжать, сунул свой укушенный нос в землю. Мгновение спустя в битву вступили все бойцы армии Ахму Неева тоже вдруг испустил отчаянный вопль и бросился бежать прочь от гнезда. Мики не отставал от него ни на шаг Ему казалось, что на его нежной шкуре нет такого места, в которое не погрузилась бы раскаленная игла. Вопли Неевы были оглушительны. Он ревел не переставая, и в эту басовую ноту вплетался альтовый визг Мики, придавая ей какой-то потусторонний оттенок. Окажись поблизости суеверный охотник, он не усомнился бы, что в лесу устроили праздник волки-оборотни.

Обратив врагов в паническое бегство, осы — противники довольно благородные — не стали бы их преследовать и вернулись бы в свою поврежденную крепость, если бы не одно злополучное обстоятельство: улепетывая во все лопатки, Мики промчался слева от молодой березки, а Неева — справа от нее, и натянувшаяся веревка остановила их так резко, что чуть было не сломала им шеи. Осиный арьергард вновь накинулся на врагов, которые вдруг перестали убегать. Тут в Нееве наконец взыграла его воинственная кровь, и, размахнувшись, он хлопнул Мики по спине. Полуослепший щенок уже совсем обезумел от боли и ужаса, а потому принял чувствительные уколы острых когтей Неевы за новые укусы жужжащих чудовищ и, взвизгнув еще раз, упал на землю в припадке, похожем на эпилептический.

Это их и спасло. Свиваясь в бешеных судорогах, Мики перекатился к Нееве, отцепив веревку от березки, и Неева снова кинулся наутек. Мики бросился за ним, завывая при каждом прыжке. Неева забыл о страхе, который внушила ему порожистая река. Инстинкт подсказывал ему, что он должен найти воду, и как можно скорее. Самым прямым путем, словно Чэллонер указал ему дорогу по компасу, Неева мчался к реке, но не успел он пробежать и трехсот шагов, как наткнулся на ручеек, который оба они могли бы легко перескочить. Неева сразу же прыгнул в ручеек, глубина которого достигала тут четырех-пяти дюймов, и Мики впервые в жизни добровольно погрузился в воду. Они оба долго лежали в прохладном ручье.

Глаза Мики ничего не различали, кроме расплывчатого сияния дня, и он весь начал пухнуть — от кончика носа до кончика узловатого хвоста. Неева благодаря защитному слою жира пострадал меньше. Он полностью сохранил зрение и, несмотря на боль, длившуюся час, второй, третий, принялся понемногу приводить в порядок свои мысли.

Все началось с двуногого зверя. Двуногий зверь отнял у него мать, двуногий зверь посадил его в темный мешок, и тот

же двуногий зверь привязал на шею эту веревку. Медленно, постепенно он начал проникаться убеждением, что источником всех последних бед была именно эта веревка.

Несколько часов спустя они с трудом вылезли из ручейка и отыскали мягкую сухую ложбинку между корнями большого дерева. В лесной чаще сгущался сумрак, и даже Неева, глаза которого не пострадали, видел уже плохо. Солнце спустилось совсем низко. В воздухе потянуло прохладой. Распластавшись на животе, сунув распухшую голову между передними лапами, Мики жалобно поскуливал.

Взгляд Неевы то и дело обращался к веревке, а в голове у него зрело важное решение. Он взвизгнул — не то по привычке призывая мать, не то из сочувствия к Мики. Он прижался к щенку, испытывая непреодолимую потребность в чьей-то дружеской близости. Ведь Мики в конце концов был тут ни при чем. Всему виной двуногий зверь... и веревка!

Их все более плотно окутывала вечерняя тьма, и, теснее прижавшись к щенку, Неева схватил веревку обеими лапами. С тихим рявканьем он впился в нее зубами и принялся настойчиво грызть. Время от времени он испускал негромкое ворчание, и в этом ворчании была успокоительная интонация, точно он уговаривал Мики: «Разве ты не видишь? Я перегрызу эту штуку пополам. К утру я кончу. Не вешай носа! Дальше будет лучше».

Глава VII

Наутро после трагического столкновения с осиным племенем Неева и Мики еле поднялись на распухшие, онемевшие лапы, когда настало время просыпаться и приветствовать зарю нового дня в таинственных глубинах леса, куда случай забросил их накануне. В них обоих жил дух неукротимой юности, и хотя Мики так раздулся от осиных укусов, что его тощее тело и неуклюжие лапы приобрели совсем уже нелепый вид, он готов был с величайшей охотой пуститься на поиски новых приключений.

Морда щенка стала круглой как луна, а голова настолько увеличилась, что Неева, возможно, опасался: а не лопнет ли она? Однако глаза Мики (насколько их можно было разглядеть за распухшими веками) весело блестели, а здоровое ухо и половинка стояли торчком,— он словно спрашивал медвежонка, чем они займутся теперь. Боль от укусов совершенно утихла, и хотя Мики ощущал, что его тело стало заметно больше, в остальном он чувствовал себя прекрасно.

Неева благодаря своему спасительному жирку вынес из боя с осами меньше рубцов и ран. Собственно говоря, о том, что ему пришлось перенести накануне, напоминал только совершенно

заплывший правый глаз. Зато левый поглядывал на мир весело и зорко. Ни опухший глаз, ни онемевшие лапы не смущали Нееву — наоборот, настроение у него было самое бодрое, и он нисколько не сомневался, что все плохое осталось позади. Ему удалось ускользнуть от двуногого зверя, который убил его мать; он вернулся в гостеприимные, милые его сердцу леса, и, наконец, он сумел за ночь перегрызть веревку, которой Чэллонер связал его с Мики. После благополучного избавления от такой напасти он теперь не удивился бы, если бы из-за деревьев вдруг вышла Нузак, его мать. Вспомнив о ней, он заскулил. А Мики вспомнил о своем хозяине и, ощутив безлюдную пустынность окружающего мира, заскулил в ответ.

Оба были очень голодны. Накануне одно несчастье сменялось другим с такой быстротой, что у них не было никакой возможности поесть. Вчерашние события все-таки порядочно напугали Мики, и поэтому, пока Неева деловито оглядывал окружавший их лес, щенок каждое мгновение ожидал какой-нибудь новой беды.

По-видимому, осмотр удовлетворил медвежонка: повернувшись спиной к солнцу, как всегда делала его мать, он решительно зашагал вперед. Мики побрел за ним. Только в эту минуту он обнаружил, что у него в теле как будто не осталось ни единого сустава. Шея не поворачивалась, лапы превратились в деревянные ходули и, стараясь не отставать от медвежонка, он за пять минут успел ровно столько же раз споткнуться и упасть. Вдобавок его глаза так заплыли, что он наполовину ослеп, а потому после пятого падения потерял Нееву из виду и протестующе завизжал. Неева остановился и сунул нос под гнилой ствол поваленного дерева. Когда Мики подковылял к нему, он увидел, что медвежонок, припав к земле, деловито слизывает поселение больших рыжих уксусных муравьев. Мики несколько секунд наблюдал за его действиями. Он вскоре сообразил, что Неева разжился чем-то съедобным, но никак не мог взять в толк, чем именно. Мики начал жадно обнюхивать то место, над которым быстро мелькал язык Неевы. Потом тоже высунул язык и лизнул, но к его языку не прилипло ничего, кроме прошлогодней хвои и гнилушек. А Неева тем временем то и дело похрюкивал от удовольствия. Только через десять минут он слизнул последнего муравья и отправился дальше.

Немного погодя они вышли на сырую полянку, и Неева принялся обнюхивать траву и приглядываться к ней единственным здоровым глазом, а потом начал быстро копать, вытащил что-то белое толщиной в человеческий палец и начал аппетитно хрустеть, усердно работая челюстями. Мики удалось схватить порядочный кусок белой штуки, но она явно не пришлась ему по вкусу. Ему показалось, что он жует деревяшку, и, покатав непонятный предмет во рту, он брезгливо его выплюнул, а Неева

с довольным урчанием доел корешок до последнего кусочка.

Они пошли дальше. Два томительных часа Мики следовал за Неевой, и по мере того как опадали опухоли на его теле, пустота в его желудке становилась все больше. Голод превращался в мучительную пытку. Но он не находил никакой еды, хотя Неева на каждом шагу обнаруживал какие-то свои лакомства. К концу этих двух часов список кушаний, поглощенных медвежонком, достигал внушительных размеров. В числе прочего он включал десяток зелено-черных жуков, бесчисленное множество других насекомых, как твердых, так и мягких, целые селения рыжих и черных муравьев, несколько жирных личинок, извлеченных из глубины трухлявых пней, горсть улиток, лягушонка и яйцо-болтун, извлеченное из покинутого гнезда куропатки, свившей его на земле под густым кустом, а из растительных блюд — две порции съедобных корней и одну заячью капусту. Время от времени он сгибал молодые тополькн и отъедал нежные верхушки. Еще он совал в рот все натеки еловой и сосновой смолы, какие успевал заметить, а иногда разнообразил завтрак молоденькой травкой.

Мики вслед за ним перепробовал немалую часть его рациона и съел бы лягушонка, если бы Неева его не опередил. Сосновая и еловая смола залепила ему зубы и была такой горькой, что его чуть не стошнило. Понять, чем улитки отличаются от камешков, он так и не сумел, а так как пробовать жуков он начал с так называемого жука-вонючки, то повторить этот опыт больше уже не рискнул. По примеру Неевы он откусил верхушку молодого побега, но это был не тополек, а волчье лыко, и от жгучего сока его язык на полчаса потерял всякую чувствительность. В конце концов он пришел к заключению, что из всего меню Неевы он еще как-то способен есть только траву.

Вот так Мики изнывал от голода, пока его спутник непрерывно пополнял пеструю коллекцию в своем желудке и становился все веселее. По правде говоря, Неева был совершенно счастлив и, выражая свое удовольствие, то и дело блаженно урчал. К тому же опухоль на его правом глазу быстро спадала, и к нему почти вернулось нормальное зрение. Несколько раз, обнаружив новое скопление муравьев, он дружелюбным повизгиванием приглашал Мики принять участие в пиршестве.

До полудня Мики послушно плелся за медвежонком как привязанный. Однако, когда Неева неторопливо раскопал шмелиное гнездо, прихлопнул четырех его обитателей и с аппетитом съел их, терпенью щенка пришел конец. Он сообразил, что ему следует самому позаботиться о собственном пропитании и поохотиться на какую-нибудь съедобную дичь. Эта мысль вызвала у него острое волнение. К этому времени его глаза уже совсем открылись, а онемение в теле почти прошло. В нем взыграла

кровь его разнообразных предков, и он принялся рыскать вокруг самостоятельно, вынюхивая подходящую добычу. Вскоре он почуял соблазнительный запах и пошел на него, но почти тотчас же шарахнулся в сторону: из-под самого его носа, оглушительно гремя крыльями, вспорхнула куропатка. В первую минуту щенок даже испугался, но этот испуг только усилил переполнявшее его возбуждение. А несколько минут спустя, сунув нос под кучу валежника, он наткнулся на свой обед. Это был Ва́бу, крольчонок. С быстротой молнии Мики стиснул зубами его спину. Неева, услышав треск сухих веток и писк крольчонка, оторвался от муравьев и поспешил туда, откуда доносились эти звуки. Писк почти сразу оборвался, Мики задом выполз из-под валежника и, торжествуя, предстал перед Неевой с Вабу в зубах. Крольчонок уже перестал биться, и Мики со свирепым рычанием начал терзать неподвижную тушку. Неева, ласково похрюкивая, подошел поближе. Мики зарычал еще более свирепо. Однако Неева не устрашился и продолжал негромким заискивающим урчанием выражать свою глубокую симпатию к Мики, а сам тем временем обнюхивал крольчонка. Мики вдруг перестал рычать. Возможно, он вспомнил, с каким радушием Неева пытался угостить его своими жуками и муравьями. Но как бы то ни было, крольчонка они миролюбиво съели вместе до последней косточки, до последнего клочка шкурки, и тогда Неева впервые после смерти своей матери присел на толстые задние лапы и высунул красный язычок. Эта поза у него означала высшую степень сытости и превосходное настроение. Для полноты блаженства ему требовалось еще только одно: хорошенько вздремнуть. И, лениво потянувшись, он поглядел по сторонам в поисках подходящего дерева.

У Мики же приятная сытость вызвала, наоборот, бурную жажду деятельности. Поскольку Неева всегда тщательно пережевывал любую пищу, а Мики имел обыкновение глотать не жуя, на долю щенка пришлось добрых четыре пятых тушки, и он больше не испытывал голода. Зато впервые после того, как они с Неевой сорвались в воду с челнока Чэллонера, Мики как следует осознал, насколько переменились его судьба и вся окружающая обстановка. Впервые в жизни он сам добыл себе обед и впервые в жизни попробовал сырого мяса, и эти два обстоятельства привели его в неистовое возбуждение, которое, естественно, заглушило всякое желание прилечь и вздремнуть на солнышке. Теперь, когда ему открылась прелесть охоты, в его неуклюжем щенячьем теле пробудился древний инстинкт всего собачьего рода, и он готов был гоняться за дичью до изнеможения. Но тут Неева как раз отыскал себе удобную постель.

Вне себя от изумления, Мики следил за тем, как Неева неторопливо карабкался по стволу большого тополя. Мики при-

ходилось видеть, как по деревьям лазают белки, и это казалось ему не менее естественным, чем способность птиц летать, но за действиями Неевы он следил в полном ошеломлении. И только когда медвежонок удобно растянулся на широкой развилке, Мики наконец выразил свои чувства вслух. Он недоверчиво затявкал. Потом обнюхал низ ствола и без особого энтузиазма в свою очередь попробовал взобраться на него. В результате он довольно болезненно хлопнулся спиной о землю и пришел к выводу, что щенкам, в отличие от медвежат, по деревьям лазать не полагается. Огорчившись, он отошел от тополя шагов на двадцать, сел и начал обдумывать положение. Он никак не мог понять, что, собственно, Нееве понадобилось на дереве. Жуков он там явно не искал. Мики несколько раз вопросительно тявкнул, но Неева не ответил. В конце концов щенок отказался от попытки привлечь внимание своего приятеля и с унылым визгом растянулся на земле.

Однако спать Мики не собирался. Ему вовсе не хотелось отдыхать. Он был бы рад немедленно продолжить исследование таинственных и манящих лесных дебрей. Безотчетный страх, который томил его все время, пока он не поймал крольчонка, теперь бесследно исчез. За те две минуты, которые он провел под кучей валежника, чудодейка-природа успела научить его очень многому. Эти две минуты совсем преобразили Мики: из беспомощного, боязливого щенка он стал самостоятельным молодым псом. Беспечное детство, которое затянулось из-за опеки Чэллонера, с этого момента принадлежало прошлому. Он поймал свою первую дичь, и жаркий восторг победы пробудил в нем все древние инстинкты. За те полчаса, которые он пролежал, ожидая, когда проснется Неева, Мики окончательно преодолел расстояние, отделяющее щенка от взрослой собаки. Он, конечно, не мог знать, что его отец Хелей был самой знаменитой охотничьей собакой в бассейне реки Литтл-Фокс и в одиночку справлялся со взрослым самцом карибу. Но он всеми жилками своего тела ощущал это. В зове предков была неотразимая настойчивость. И потому, что он покорился этому зову и жадно ловил чутким слухом шепчущие голоса лесной чащи, он сумел различить тихое, монотонное похрюкивание Кавýка, старого дикобраза.

Мики замер, прижимаясь к земле. Спустя мгновение он услышал легкое пощелкивание игл — на полянку вышел Кавук и поднялся на задние лапы в самой середине большого пятна солнечного света.

Кавук вот уже тринадцать лет вел мирное существование в этом уголке леса и теперь, на склоне лет, весил никак не меньше тридцати фунтов. В этот день он запоздал с обедом, но даже это все равно не омрачило его благодушного настроения. Зрение у него и в юности было скверным. Природа сотворила его, как

и всех его сородичей, близоруким, возместив этот недостаток грозной броней из острых игл. Он не замечал Мики, от которого находился шагах в десяти, или делал вид, что не замечает. А Мики совсем распластался на земле, так как новообретенный инстинкт предупреждал его, что нападать на это существо было бы неблагоразумно.

Кавук около минуты простоял на задних лапах, застыв в неподвижности и тихонько похрюкивая гимн своего племени. Мики видел его сбоку — в этой позе дикобраз удивительно походил на дородного муниципального советника. Он был таким толстым, что его живот выпячивался, как половинка воздушного шара. Передние лапы он как-то очень по-человечески сложил на животе и больше смахивал на старую дикобразиху, чем на признанного главу своего племени.

Только тут Мики заметил, что из-за куста вблизи Кавука кокетливо вышла Искваазиз, молоденькая самочка. Хотя Кавук был уже в годах, он сохранил галантный нрав и при виде красавицы немедленно принялся демонстрировать свою благовоспитанность и изящные манеры. Начал он с потешной пляски, заменяющей у дикобразов ухаживание: он хрюкал все громче и громче, переминался с лапы на лапу, и его округлое брюхо подпрыгивало как мячик. Правда, красавица Искваазиз могла бы вскружить голову кому угодно. Она была блондинкой — другими словами, она была альбиноской, что среди дикобразов встречается очень редко. Нос у нее был розовый, мягкие подушечки на лапах тоже были розовые, а радужная оболочка ее очаровательных розовых глазок была небесно-голубого цвета. Прельстительный танец Кавука явно не пришелся ей по вкусу, и Кавук, заметив это, переменил тактику: он встал на все четыре лапы и принялся крутиться как бешеный, ловя свой хвост. Когда он остановился, чтобы посмотреть, какое впечатление произвел этот маневр, то, к огромному своему разочарованию, обнаружил, что Искваазиз давно уже и след простыл.

Ошеломленно присев на задние лапы, он минуту оставался неподвижным, а затем, к ужасу Мики, направился прямо к дереву, на котором устроился Неева. Дело в том, что Кавук всегда обедал на этом дереве, и теперь он начал взбираться по стволу, что-то ворча себе под нос. Шерсть у Мики встала дыбом. Он не знал, что Кавук, как и все его сородичи, был добродушнейшим существом и никогда никому не причинял вреда, если только на него не нападали. Мики это было неизвестно, и потому он внезапно поднял оглушительный лай, чтобы предупредить Нееву.

Неева проснулся не сразу, а когда наконец он открыл глаза, то увидел перед собой щетинистую морду неведомого зверя и страшно перепугался. С молниеносной быстротой, чуть не сорвавшись со своей развилки, он повернулся и вскарабкался

выше по стволу. Кавук ничуть не был выведен из душевного равновесия. После исчезновения Исквазиз он помышлял только об обеде и продолжал неторопливо взбираться все выше. Неева в панике начал пятиться от ствола по большой ветке, уступая дорогу Кавуку.

К несчастью для Неевы, именно на этом суку Кавук обедал накануне. И вот дикобраз перебрался со ствола на ветку, все еще, по-видимому, не замечая присутствия там медвежонка. Тут Мики внизу затявкал с таким визгливым исступлением, что Кавук наконец как будто сообразил, что происходит что-то необычное. Он прищурился и поглядел вниз на Мики, который кидался на ствол в тщетных попытках влезть на дерево и помочь приятелю. Затем Кавук повернулся и в первый раз посмотрел на медвежонка с некоторым интересом. Неева крепко обхватил ветку всеми четырьмя лапами. Отступать дальше он не мог — ветка здесь была настолько тонкой, что уже сгибалась под его тяжестью.

Кавук начал сердито браниться. Мики испустил завершающее визгливое тявканье и, присев на задние лапы, принялся следить за душераздирающей драмой, которая развертывалась над его головой. Кавук делал шажок вперед, а Неева немного отползал, и так продолжалось до тех пор, пока медвежонок не соскользнул с ветки и не повис на ней, раскачиваясь между небом и землей. Тут Кавук перестал браниться и спокойно приступил к обеду. Около трех минут Нееве кое-как удавалось удерживать свою позицию. Раза два он тщетно пытался подтянуться и снова лечь на ветку животом. Но вот его задние лапы разжались. Несколько секунд он провисел на передних лапах, а затем сорвался с высоты в пятнадцать футов и полетел вниз. Он шлепнулся на землю возле Мики и долго не мог перевести дух. Потом с ворчанием поднялся, ошеломленно поглядел на дерево и, ничего больше не объяснив Мики, зашагал дальше в лес — прямо навстречу опаснейшему приключению, которому суждено было стать решительным испытанием для них обоих.

Глава VIII

Неева остановился, только когда прошел четверть мили, а может быть, и больше.

Мики показалось, что они внезапно из яркого солнечного дня попали в густые вечерние сумерки. Эта часть леса, куда забрел Неева, стараясь уйти подальше от страшного зверя, столкнувшего его с дерева, походила на огромную таинственную пещеру. Даже Чэллонер остановился бы тут в благоговении, подавленный величавым безмолвием этой чащи, завороженный загадочными шорохами, которыми она была полна. Солнце по-прежнему сияло

высоко в небе, но ни единый его луч не проникал под зеленый свод густых еловых ветвей, сплетавшихся над головами Мики и Неевы в непроницаемый полог. Вокруг не было ни единого куста, под их лапами не было ни единого цветка, ни единой травинки — ничего, кроме толстого мягкого слоя бурой хвои, душившей всякую жизнь. Казалось, будто лесные девы устроили себе здесь опочивальню, куда не могут проникнуть ни ветер, ни дождь, ни снег; будто тут был приют волков-оборотней, на время покидающих этот мрачный, наводящий ужас тайник, чтобы строить козни людям.

На сумрачных елях здесь не пела ни одна птица, на их разлапистых ветках не резвились веселые белки. Тишина была такой глубокой и мертвой, что Мики даже расслышал стук собственного сердца. Он посмотрел на Нееву и увидел, что в полутьме глаза медвежонка горят странным огнем. Ни тот, ни другой не испытывали страха, и все-таки эта гробовая тишина по-новому укрепила их нарождающуюся дружбу. Какое-то неясное чувство пробудилось в их лесных душах и заполнило пустоту, оставшуюся у Неевы после потери матери, а у Мики — после разлуки с хозяином. Щенок тихонько взвизгнул, а Неева мягко заворчал и легонько хрюкнул, как совсем юный поросенок. Они придвинулись друг к другу и встали бок о бок, с вызовом глядя на окружающий мир. Потом они пошли дальше, точно двое маленьких мальчиков, которые забрались в пустой покинутый дом. Они не охотились, и тем не менее все их охотничьи инстинкты были насторожены, и оба часто останавливались, чтобы посмотреть по сторонам, прислушаться и понюхать воздух.

Нееве эта мгла напомнила черную пещеру, в которой он родился. Так, может быть, из какого-нибудь сумрачного прохода между стволами сейчас появится Нузак, его мать? Может быть, она спит где-нибудь тут, как спала в их темной берлоге? Возможно, в мозгу медвежонка и правда смутно возникали вопросы вроде этих. Ведь тут царила та же мертвая тишина, что и в их пещере. И казалось, будто всего в нескольких шагах перед ними мрак сгущается в черные провалы. Такие места индейцы называют «мухнеду» — глухие закоулки леса, где злые духи уничтожили всякую жизнь, вырастив деревья столь густые, что сквозь их хвою не в силах проникнуть ни один солнечный луч. Только совы, друзья злых духов, живут в их заклятых владениях.

Взрослый волк остановился бы и повернул назад там, где сейчас стояли Неева и Мики; лиса поспешила бы ускользнуть прочь, припадая к земле; даже бесстрашный убийца горностай только поглядел бы на эту чащобу красными глазами-бусинами и вернулся бы в светлый лес, повинуясь велению инстинкта. Ибо

в этом безмолвии и мраке крылась своя жизнь. Она таилась и подстерегала в глубине бездонных черных провалов. И теперь, когда Неева и Мики продолжали углубляться в сумрачную тишину, эта жизнь начала пробуждаться,— круглые глаза открывались и загорались жутким зеленым огнем. Однако в чаще по-прежнему не раздавалось ни единого звука, и нельзя было заметить никакого движения. Истинные злые духи, обитающие в мухнеду — огромные совы,— поглядывали вниз, что-то соображали медлительным мозгом... и выжидали.

Затем из хаотического мрака выплыла чудовищная тень и скользнула над головой маленьких пришельцев так низко, что они расслышали грозный шелест гигантских крыльев. Когда это призрачное существо скрылось из виду, они услышали шипение и скрежещущее щелканье мощного клюва. От этого звука по спине Мики пробежала дрожь. Дремавший инстинкт внезапно заговорил в полный голос. Щенок вдруг почувствовал близкое присутствие какой-то неведомой и страшной опасности.

Теперь тишина вокруг них наполнилась звуками — шорохами среди ветвей, еле слышным шелестом в вышине и резким, металлическим щелканьем над их головами. Снова Мики увидел, как появилась и исчезла огромная тень. За ней последовала вторая, третья, четвертая... пока не стало казаться, что весь воздух под сводом ветвей заполнен этими тенями. И с появлением каждой новой тени все ближе к ним раздавалось угрожающее щелканье сильных хищных клювов. И, подобно волку или лисе, Мики съежился и припал к земле. Но поступил он так из осторожности, а не от поскуливающего щенячьего страха. Его мышцы были напряжены, и, когда одна из сов пронеслась над ним совсем низко, почти задев его голову крылом, он с рычанием оскалил клыки. Неева встретил сову фырканьем — со временем оно должно было превратиться в яростное «уф!», с которым его мать бросалась в бой. Как и положено медведю, он поднялся на задние лапы. И именно на него стремительно ринулась одна из теней — чудовищное оперенное ядро, вырывавшееся из мрака.

Сверкающие глаза Мики увидели, что в трех шагах от него его товарищ исчез под бесформенной серой массой. Несколько секунд щенок стоял в оцепенении, с ужасом прислушиваясь к громовому хлопанью мощных крыльев. Неева не издал ни звука. Он был опрокинут на спину и тщетно рвал когтями перья, такие мягкие и густые, что казалось, под ними нет живой плоти. Он почувствовал, что справиться с этим существом у него не хватит сил, а это означало смерть. Удары крыльев были как удары дубиной — они оглушали его, мешали дышать, и все-таки он продолжал терзать навалившуюся на него бесплотную грудь, которая состояла из одних перьев.

Свирепо бросившись на свою жертву, великан Ухуми́сью

(размах его крыльев достигал пяти футов!) чуть-чуть промахнулся. Стальные когти-кинжалы, которые он намеревался погрузить во внутренности Неевы, сомкнулись слишком рано и сжали только густую шерсть медвежонка и складки кожи. Вот почему Ухумисью бил теперь свою жертву крыльями, стараясь улучить удобный момент, чтобы разом покончить с ней жестоким ударом острого клюва. Еще полминуты — и мордочка Неевы была бы разорвана в клочья.

Именно потому, что Неева молчал, что он ни разу не взвизгнул, Мики с рычанием вскочил на ноги и оскалил зубы. И сразу же весь его страх исчез и сменился отчаянным, почти радостным возбуждением. Он узнал их врага — это была птица! А птицы для него были не противниками — они были добычей. За то время, пока он путешествовал со своим хозяином по рекам Северной Канады, Чэллонер не раз стрелял больших канадских гусей и журавлей с огромными крыльями. Мики ел их мясо. Дважды он с заливистым тявканьем гонялся за ранеными журавлями, и они убегали от него! Теперь щенок не стал ни тявкать, ни лаять. Молниеносным прыжком он обрушился на шар из перьев, как четырнадцатифунтовое ядро, и Ухумисью, разжав когти, свалился на бок и беспомощно забил крыльями.

Прежде чем он успел подняться, Мики снова прыгнул на него, целясь в голову, как тогда, когда он догнал раненого журавля. Ухумисью шлепнулся на спину, и Мики в первый раз с начала своей атаки испустил яростное рычание, которое перешло в визгливое тявканье. Ухумисью и его кровожадные собратья, под покровом мрака наблюдавшие за схваткой с деревьев, никогда еще не слышали подобных звуков. Щелканье клювов стало удаляться, и Ухумисью, внезапно взмахнув крыльями, взмыл в воздух.

Твердо упершись широкими передними лапами в землю, задрав оскаленную мордочку к черному своду еловых ветвей, Мики продолжал вызывающе лаять и завывать. Он хотел, чтобы большая птица вернулась. Он хотел изодрать в клочья ее перья, но под его исступленный лай Неева перевернулся со спины на живот, оглянулся на Мики, предостерегающе взвизгнул и пустился наутек. В отличие от Мики, он прекрасно разобрался в положении. Опять на помощь ему пришел инстинкт, родившийся из опыта бесчисленных поколений. Он твердо знал, что в темных провалах над их головами кружит смерть, и он бежал так, как никогда еще в жизни не бегал. Мики пустился бежать следом, а крылатые тени снова начали приближаться к ним.

Впереди маленькие беглецы увидели проблеск солнечного света. Деревья вокруг становились все выше, и вскоре в густом пологе ветвей появились разрывы, и черные провалы пещерного мрака остались позади. Если бы они пробежали еще сотню ярдов, то оказались бы на широкой равнине — охотничьем угодье

огромных сов. Но Неевой полностью владело чувство самосохранения, он все еще был оглушен громовыми ударами совиных крыльев, его бока жгли раны, оставленные когтями Ухумисью, а потому, увидев перед собой беспорядочное нагромождение вырванных с корнем стволов, он нырнул под их защиту с такой быстротой, что Мики не сразу понял, куда девался его приятель.

Потом и Мики забрался в щель между поваленными стволами, повернулся и высунул голову наружу. Он все еще скалил клыки и рычал. Ведь он одержал победу над врагом! Он сшиб страшную птицу на землю и вырвал зубами пучок ее перьев. А после такого торжества он, последовав примеру Неевы, вдруг бежал. Теперь им овладело желание вернуться на поле боя и довести дело до конца. В нем говорила кровь неустрашимых эрдельтерьеров и шпицев, кровь его отца, огромного охотничьего пса Хелея. Первые две породы, смешавшись в нем, наделили его волчьей храбростью и лисьей настойчивостью, а от отца он получил мощные челюсти и геркулесовскую силу, и, если бы Неева не продолжал заползать все глубже в бурелом, Мики отправился бы назад в чащу и пролаял бы свой вызов оперенным чудовищам, от которых они бежали.

Израненные бока Неевы отчаянно горели, и он вовсе не хотел вступать в новые драки с существами, которые слетают с деревьев. Он принялся зализывать следы когтей Ухумисью, и через несколько минут Мики подполз к нему и, почувствовав запах свежей теплой крови, тихонько зарычал. Он знал, что это кровь Неевы, и, когда он обернулся к щели, сквозь которую они забрались в темный лабиринт бурелома, в его глазах загорелись злые огоньки.

Около часа Мики пролежал совершенно неподвижно, и в нем вновь происходил процесс стремительного повзросления, как и тогда, когда он поймал своего первого кролика. Наконец он осторожно вылез из-под поваленных стволов и увидел, что солнце уже заходит за лес на западе. Мики огляделся и прислушался. В его позе не было и следа щенячьей виноватой приниженности. Крупные подушечки худых лап уверенно упирались в землю, а сами костлявые лапы, казалось, были вырезаны из твердого узловатого дерева. Все мышцы его тела были напряжены, уши стояли торчком, голова упрямо вжималась в костлявые плечи, по которым уже можно было догадаться, каким сильным он должен был стать впоследствии. Он знал, что началось его Великое Приключение. Щенячьи игры и ласковые, заботливые руки хозяина остались в прошлом. Мир переменился и стал несравненно более заманчивым и опасным.

Несколько минут спустя Мики прилег возле щели, уводившей в бурелом, и принялся грызть конец веревки, который свисал с его шеи. Солнце спустилось еще ниже, потом совсем скрылось

за зубчатой стеной леса. А Мики все еще ждал, чтобы Неева выбрался к нему на открытое место и лег рядом с ним. Но сумерки продолжали сгущаться, а Неева все не шел. Наконец Мики опять пролез в щель и наткнулся возле нее на Нееву. Они принялись вместе наблюдать за таинственным приближением ночи.

Некоторое время вокруг царила глубочайшая тишина, какая бывает только в лесах Севера в первый час наступления ночи. В ясном небе робко загорелись первые редкие звездочки, а затем его усеяли сверкающие созвездия. Из-за края лесов уже поднималась луна, затопляя землю золотистым сиянием, и в этом сиянии повсюду вокруг возникли черные тени, которые не двигались и не издавали никаких звуков. Затем тишина была нарушена. Из совиной чащи донеслось странное глухое уханье. Мики уже приходилось слышать пронзительное верещанье и протяжные «ту-ву-у» небольших сов, обкрадывающих капканы, но голоса могучих крылатых разбойников, которые обитают в глухих чащах и творят убийства по ночам, он слышал впервые. Это были глухие горловые звуки, более похожие на стон, чем на крик,— на стон такой короткий и тихий, что казалось, будто его умеряет осторожность, опасение вспугнуть будущую добычу. В течение нескольких минут из чащи доносилась перекличка ее кровожадных обитателей, а затем вновь наступила тишина, время от времени прерывавшаяся шорохом огромных крыльев среди еловых ветвей и вершин,— это охотники покидали свои убежища и улетали в сторону равнины.

Для Мики и Неевы вылет сов на охоту оказался только началом событий этой ночи. Они долго лежали бок о бок, не смыкая глаз и прислушиваясь. Мимо поваленных стволов на мягких лапах бесшумно прошел пекан[1], и они уловили его запах. Они услышали далекий крик гагары, тявканье неугомонной лисицы и мычание лосихи, которая паслась на берегу озерца у дальнего конца равнины. А затем они услышали звук, от которого их сердца забились сильнее и по телу пробежала дрожь возбуждения.

Сперва он донесся откуда-то издалека — отрывистый охотничий клич волков, гонящих дичь. Он приближался к равнине с севера и был подхвачен северо-западным ветром. Тогда голос стаи послышался совершенно отчетливо, и в мозгу Мики быстро начали всплывать туманные образы и смутные, почти неуловимые воспоминания. Голос, который доносился к нему с ветром, не был голосом Чэллонера, и все-таки он знал этот голос. Это был голос Хелея, его великана-отца, голос Нумы, его матери, голос тысяч и тысяч поколений его предков, и теперь в щенке заговорил инстинкт, унаследованный от этих предков, и неясные

---

[1] Пека́н — крупная североамериканская куница.

воспоминания первых дней его жизни. В дальнейшем разум и опыт научили его различать волка и собаку, хотя разница между ними могла показаться тоньше волоска. Но сейчас Мики слышал только приближающийся голос своей кровной родни. Он приближался быстро и беспощадно, полный яростного и острого голода. И Мики забыл про Нееву и не обратил внимания на то, что медвежонок забился поглубже под поваленный ствол. Мики вскочил на ноги и застыл в напряженной позе, забыв обо всем, кроме волнующего охотничьего клича волчьей стаи.

Ярдах в ста впереди волков, спасая жизнь, бежал Ахти́к, молодой самец кари́бу. Он задыхался, силы начинали изменять ему, и он безнадежно вглядывался в ночной мрак — не блеснет ли где-нибудь вода, обещая спасение? Стая уже развернулась подковой, концы которой начинали загибаться впереди Ахтика. Волки готовились броситься на карибу, прокусить сухожилия задних ног, перервать ему горло. В эти последние минуты охотники смолкли, и Ахтик почувствовал приближение конца. В отчаянии он свернул вправо и скрылся в лесу.

Мики услышал, как затрещали кусты под его телом, и попятился к куче бурелома. Через несколько секунд в двадцати шагах от него пробежал Ахтик. В лунном свете карибу казался большим и нескладным, а его хрипящее дыхание было исполнено ужаса и смертной муки. Он исчез так же быстро, как и появился, но вслед за ним почти немедленно появились бесшумные бы-

стрые тени — их было шесть или семь. Они возникли и исчезли почти мгновенно, как мимолетный порыв ветра.

После этого Мики долго стоял и прислушивался, но тишина снова обволокла ночной лес. Потом Мики забрался в бурелом и улегся рядом с Неевой. Несколько часов он беспокойно дремал. Ему снилось забытое. Ему снился Чэллонер. Ему снились холодные ночи и большие костры, он слышал голос хозяина и ощущал прикосновение его руки, но над всеми этими видениями звучал дикий охотничий клич его лесных родичей.

На ранней заре он выбрался наружу и обнюхал следы карибу и волков. До сих пор в их странствиях Мики следовал за Неевой. Теперь наступила очередь Неевы следовать за ним. Вдыхая острый запах волков, Мики рысцой затрусил к равнине. Ему потребовалось полчаса, чтобы добраться до нее. Затем он вышел на широкий каменистый уступ, откуда след спускался по крутому склону в долину.

Тут Мики остановился.

В десяти шагах ниже его и в двадцати шагах в сторону лежала наполовину обглоданная туша молодого карибу. Но не это пробудило в щенке бешеное волнение, от которого почти остановилось его сердце. Из кустов, тянувшихся ниже по уступу, появилась Махигу́н, изгнанная из стаи волчица, которая пришла

насытиться мясом чужой добычи. Это было тощее, уродливое существо. Впалые бока волчицы никак не могли округлиться с тех пор, как она проглотила отравленную приманку и долго болела после этого. Ее чурались все другие волки; она была трусливой и злобной, способной загрызть даже собственных детенышей. Но Мики ничего этого не знал. В ней он увидел свою мать, какой ее рисовали ему память и инстинкт. А его мать была ему ближе, чем даже Чэллонер, его хозяин.

Минуту он лежал, вздрагивая всем телом, а потом начал спускаться с обрыва, как спускался бы к Чэллонеру — правда, с большей осторожностью, но зато с жадным ожиданием и с томительной радостью, которую не могло бы пробудить в нем появление человека. Он был уже совсем близко от Махигун, когда она наконец заметила его присутствие. Его ноздри были полны материнского запаха, он радовался... но и боялся. Однако это не был страх перед физической опасностью. Распластавшись на земле, положив голову на лапы, он заскулил.

Волчица стремительно обернулась, обнажив острые клыки во всю их длину. Ее налитые кровью глаза горели страхом и злобой. Мики не успел ни пошевелиться, ни тявкнуть. С быстротой кошки отщепенка оказалась рядом с ним. Ее клыки полоснули его один раз, и она скрылась. Из плеча Мики потекла кровь, однако не из-за боли он много минут лежал неподвижно, как мертвый. На том месте, где стояла Махигун, все еще сохранялся материнский запах. Но смутные воспоминания рассеялись. Древняя память умерла, когда он глубоко вздохнул и взвизгнул от боли. Для него, как и для Неевы, больше не существовало ни Чэллонера, ни матери. Зато ему остался весь мир! И в этом мире вставало солнце. Этот мир был пронизан и напоен дыханием жизни. А рядом, совсем рядом благоухало сочное вкусное мясо.

Мики жадно втянул ноздрями воздух. Потом он обернулся и увидел, как с откоса на уступ кубарем скатилось толстое тельце Неевы, который торопился принять участие в пиршестве.

Глава IX

Если бы Мако́ки, старый индеец из племени кри, возивший почту между Годс-Ле́йком и Черчиллем, узнал о злоключениях Мики и Неевы до той минуты, когда они до отвала наелись нежным жирным мясом затравленного волками молодого карибу, он, наверное, сказал бы, что их взяла под свое особое покровительство Иску Ва́пу, которой в мире добрых духов поручено ведать благополучием зверей, птиц и всех прочих тварей. Дело в том, что Макоки твердо верил в существование всяких лесных

духов, так же как и духов — хранителей его типи[1]. И вокруг истории Мики и Неевы он сплел бы чудесную сказку и рассказал бы ее маленьким детям своего сына, а они запомнили бы ее, а потом поведали бы собственным детям.

Ведь дружба между черным медвежонком и щенком, в чьих жилах кровь гончей маккензи смешалась с кровью эрдельтерьера и шпица, была вещью неслыханной, и тем не менее Мики и Неева стали верными друзьями. И Макоки усмотрел бы в этом доказательство благожелательного внимания к ним Иску Вапу, с самого начала назначившей для них особую судьбу. Именно она, сказал бы Макоки, повела Чэллонера по следу матери Неевы и помогла ему убить старую медведицу; именно она надоумила его связать щенка и медвежонка одной веревкой, для того чтобы они, свалившись с его челнока в стремнину, не погибли, а, наоборот, помогли друг другу спастись и подружились. «Неева-павук» (два маленьких брата) — назвал бы их Макоки, и, встретившись с ними, он скорее позволил бы отрубить себе палец, чем причинил бы им малейший вред. Но Макоки даже не подозревал об их существовании, и в то утро, когда они пировали у туши карибу, он в ста милях от места их пира торговался с белым путешественником, который хотел нанять его в проводники. Ему и в голову не пришло, что в эту минуту сама Иску Вапу находилась возле него и готовила событие, которому было суждено сыграть значительную роль в жизни Неевы и Мики.

Тем временем Неева и Мики уписывали мясо так, словно умирали с голоду. Они оба были на редкость практичными существами. Они не задумывались над тем, что осталось в прошлом, и полностью отдавались настоящему Два дня, насыщенные горестными событиями и опасными приключениями, казались им долгими, как год. Неева все меньше и меньше тосковал по матери, а Мики как будто вовсе не вспоминал хозяина, с которым разлучился так недавно. Зато их память в мельчайших подробностях хранила все происшествия прошлой ночи: их сражение не на живот, а на смерть с огромными совами, их бегство, погоню волчьей стаи за молодым карибу и (это, конечно, помнил только Мики) короткую страшную встречу с Махигун, злобной волчицей, изгнанной из стаи. Ее укус все еще жег плечо щенка. Но от этого аппетит Мики нисколько не уменьшился. Испуская время от времени глухое рычание, он продолжал терзать тушу, пока совсем не объелся.

Тогда он сел на задние лапы и посмотрел в ту сторону, куда убежала Махигун. Он смотрел на восток, в направлении Гудзонова залива,— на огромную равнину между двумя грядами хол-

---

[1] Т и п и — жилище индейцев; остроконечный шалаш, крытый шкурами или корой.

мов, густо поросших лесами, которые утреннее солнце одевало золотом и багрянцем. Никогда прежде он не видел мир таким, каким увидел его теперь. Волки настигли карибу у самого обрыва плоского холма, который выдавался из черного совиного леса как короткий толстый язык, и туша лежала на травянистом уступе, под которым начиналась равнина. С края этого уступа Мики глядел вниз и дальше — в неизмеримую даль, где расстилавшиеся перед ним чудеса постепенно сливались в трепещущую солнечную дымку под голубым небом. Он видел перед собой настоящий рай для зверья, суливший им с Неевой необыкновенно приятную жизнь,— сочные зеленые луга, рощи, похожие на ухоженные парки и у дальней гряды постепенно сливавшиеся в один густой лес. Пышно разросшийся кустарник пестрел всей роскошью ярких июньских красок, там и сям сверкали излучины ручьев, а в полумиле от их холма блестело озеро, похожее на огромное зеркало в лиловато-зеленой оправе из елей и пихт.

Где-то там исчезла волчица Махигун. Мики подумал, что она может вернуться, и понюхал воздух, стараясь уловить ее запах. Но тоска по матери, которую пробудила в нем Махигун, рассеялась бесследно. Он уже начал улавливать всю глубину различия между собакой и волком. Час назад, вдруг поддавшись иллюзии, что его мать еще может отыскаться, он принял за нее волчицу. Но теперь он разобрался в своей ошибке. Ведь еще чуть-чуть — и зубы Махигун прокусили бы его плечо или перервали сонную артерию. Тебах-Гон-Гавин (Единый великий закон) прочно входил в его сознание — неумолимый закон выживания лучше приспособленных. Жить — значило бороться за эту жизнь, убивать врагов, брать верх над всеми, у кого есть лапы или крылья. И на земле, и в воздухе его подстерегала опасность. С тех пор как он потерял Чэллонера, только Неева отнесся к нему без враждебности и принял его дружбу,— Неева, осиротевший медвежонок. И Мики повернулся к Нееве, который огрызался на пеструю сойку, кружившую над тушей в надежде поживиться кусочком мясца.

Еще четверть часа назад Неева весил фунтов двенадцать, но теперь он потянул бы не меньше пятнадцати. Его животик раздулся, как набитый саквояж, и, удобно расположившись на солнцепеке, медвежонок облизывался, очень довольный собой и всем на свете. Мики подскочил к нему, и Неева испустил дружеское ворчание. Потом он перекатился на толстую спину, приглашая Мики затеять притворную драку. Он впервые выразил желание поиграть, и щенок с радостным тявканьем прыгнул на него. Они царапались, кусались, боролись, сопровождая веселую возню грозным рычанием (Мики) и поросячьим похрюкиванием и повизгиванием (Неева). В конце концов они оказались у самого края уступа и как два шара покатились по крутому травянистому

откосу длиной в сотню футов. Неева скатился без всяких затруднений — такой он бы толстый и круглый.

Голенастому же, худому Мики пришлось туго: он летел, кувыркаясь, вскидывая лапы в воздух, сворачиваясь в кольцо, и к тому моменту, когда он шлепнулся на каменную россыпь у подножия откоса, он был совсем ошеломлен и долго не мог перевести дух. Мики с трудом поднялся на ноги, судорожно глотая воздух. Несколько мгновений равнина и откос стремительно вертелись вокруг него. Затем он немного пришел в себя и увидел невдалеке Нееву.

Неева был весь захвачен удивительно приятным открытием. Черные медвежата любят съезжать с гор не меньше, чем мальчишки, мчащиеся вниз на санках, или бобры, использующие вместо салазок собственные хвосты. И вот, пока Мики ждал, чтобы мир окончательно перестал вертеться, Неева вскарабкался шагов на двадцать — тридцать вверх по откосу и... скатился вниз уже нарочно! Мики только пасть от изумления разинул. А Неева снова вскарабкался по откосу и снова скатился. Тут уж Мики вовсе перестал дышать. Пять раз на его глазах Неева взбирался шагов на тридцать вверх и кувырком катился вниз. После пятого раза Мики кинулся на Нееву и задал ему такую трепку, что они чуть было не подрались всерьез.

Затем Мики начал обследовать подножие откоса, и Неева послушно плелся за ним шагов сто, но потом взбунтовался и наотрез отказался идти дальше. Неева, доживавший четвертый месяц своей полной волнений юной жизни, был твердо убежден, что природа создала его только для того, чтобы он без конца предавался удовольствию набивать себе живот. Он считал, что еда — единственная и всеобъемлющая цель медвежьего существования. В ближайшие несколько месяцев ему предстояло усердно трудиться на этом поприще, дабы не посрамить чести своего племени, и видимое намерение Мики уйти от вкусной, жирной туши молодого карибу преисполнило его тревогой и возмущением. Неева сразу забыл про забавы и полез вверх по склону уже не ради игры, а ради дела.

Увидев, куда направился медвежонок, Мики отказался от дальнейших исследований и побежал за товарищем. Они взобрались на уступ шагах в двадцати от туши и из-за кучи больших камней поглядели на свое мясо. То, что они увидели, на мгновение парализовало их: тушу терзали две огромные совы! Мики и Неева приняли этих птиц за чудовищ, которые накануне чуть было не разделались с ними в лесной чаще. На самом же деле эти совы не принадлежали к племени ночных разбойников, как Ухумисью. Это были белые совы, отличающиеся от всех остальных своих сородичей тем, что и в яркий солнечный день они видят не хуже самых зорких ястребов. Миспу́н, большой самец,

был весь бел как снег. Перья его подруги, которая несколько уступала ему в величине, заканчивались коричневато-серой каймой, а головы обоих казались особенно страшными, потому что были совершенно круглыми и не завершались ушами-кисточками. Миспун, наполовину прикрывая тушу Ахтика развернутыми крыльями, рвал мясо мощным клювом с такой свирепой жадностью, что звуки его пиршества доносились даже туда, где прятались Неева и Мики. Нéвиш, подруга Миспуна, почти совсем засунула голову в брюхо Ахтика. Медвежонок и намного старше Неевы, наверное, испугался бы, увидев и услышав их. Неева притаился за камнем, высунув из-за него только самый кончик носа.

В горле Мики поднялось глухое рычание. Но он сдержался и припал к земле. В нем снова забушевала кровь его отца, могучего охотника. Туша принадлежала ему, и он готов был с боем отстаивать свои права. А кроме того, разве он не вышел победителем из схватки с большой совой в лесу? Но ведь здесь их было две! А потому он не сразу вскочил на ноги, и за те несколько секунд, которые он колебался, на сцене неожиданно появилось новое действующее лицо.

Он увидел, что из низкой поросли кустов в дальнем конце уступа выползла Махигун, волчица-отщепенка. Худая как скелет, красноглазая, она серой свирепой тенью скользнула через открытое пространство. Ее пушистый хвост был злобно поджат и почти волочился по траве.

Надо отдать ей справедливость, совы нисколько не пугали Махигун. Она кинулась на Миспуна, рыча и щелкая клыками так яростно, что Мики еще плотнее прижался к земле.

Зубы Махигун легко прорвали четырехдюймовую броню из перьев, защищавшую Миспуна. Он был захвачен врасплох, и его круглая голова была бы откушена напрочь, прежде чем он успел бы дать бой, но ему на помощь пришла Невиш. Вся перепачканная кровью Ахтика, она бросилась на Махигун с пронзительным, каким-то чихающим криком, не похожим на крик ни одного живого существа. Она вонзила в спину волчицы клюв и когти, и Махигун, невольно отпустив Миспуна, яростно повернулась к новому врагу. Миспун получил передышку, но Невиш заплатила за нее дорогой ценой: первый же удар длинных клыков волчицы оказался удачным и одно огромное крыло Невиш было в буквальном смысле слова оторвано от ее тела. Хриплый крик боли, который испустила Невиш, сказал Миспуну, что его подруга погибает. Он взмыл в воздух и с такой силой обрушился на Махигун, что она не удержалась на ногах и упала.

Гигантская сова запустила когти ей в брюхо и принялась терзать ее внутренности яростно и упрямо. И Махигун почув-

ствовала, что эта цепкая хватка несет ей смерть. Она бросилась на спину и принялась кататься по земле, рыча и лязгая зубами в попытке избавиться от кривых кинжалов, которые все глубже впивались в ее живот. Но Миспун не разжимал когтей. Она подминала его под себя, а он хлопал могучими крыльями и только крепче сжимал когти, не расслабив их даже в миг своей гибели. Рядом на земле умирала его подруга. Из ее ран хлестала кровь, но, и совсем обессилев, она все еще пыталась помочь Миспуну. А он умер как герой, так и не выпустив волчицы.

Махигун с трудом дотащилась до кустов. Там ей в конце концов удалось сбросить с себя мертвое тело большой совы. Но в ее животе зияли глубокие раны. Из них струилась кровь, и волчица ушла в чащу, оставляя за собой алый след. Через четверть мили она легла на землю под карликовой елью и несколько минут спустя вздохнула в последний раз.

Нееве и Мики, особенно последнему, эта жестокая битва многое рассказала о мире, в котором они жили теперь, постепенно понимая его всё яснее и яснее. Они обогатили сокровищницу своего опыта, дополнявшего древние инстинкты и наследственные свойства. Они умели охотиться, чтобы добыть себе еду: Неева ловил своих жуков, лягушек и шмелей, Мики поймал кролика. Им уже пришлось драться, спасая свою жизнь. Смерть не раз подстерегала их. Но разыгравшаяся на их глазах схватка и ее мрачное завершение показали им жизнь с новой, еще неведомой им стороны.

Прошло много минут, прежде чем Мики подошел к Невиш и обнюхал мертвую сову. Теперь у него не возникло желания трепать и рвать ее перья с детской свирепостью и торжеством. Гибель большой птицы принесла ему новые знания и научила новым хитростям и повадкам. Судьба Миспуна и его подруги показала Мики, как важно всегда быть осторожным и уметь бесшумно двигаться. Ведь он уже понял, что в этом мире есть много существ, которые его не боятся и не побегут от него. Он утратил свое высокомерно-презрительное отношение к крылатым созданиям, он постиг, что земля вовсе не была создана ради него и для него и, чтобы уцелеть, он должен будет драться, как дрались совы и Махигун. Недаром предки Мики были закаленными бойцами и его генеалогическое древо восходило к волкам.

Неева извлек из случившегося совсем иной урок. Его сородичи были миролюбивы и если дрались, то только между собой. Они, как правило, не охотились на других лесных зверей, и ни один лесной зверь не охотился на них. Объяснялось это естественным положением вещей: просто в обширных владениях взрослого черного медведя не нашлось бы зверя другой породы, способного победить его в открытом бою — это не по силам даже волчьей стае. Поэтому из гибели Махигун и двух сов Неева не

почерпнул никаких полезных сведений о том, как следует вести драку. Но зато он еще яснее понял пользу осторожности. Главным же для него было то, что ни Махигун, ни совы больше уже не могли покушаться на тушу. Его ужин остался цел. Медвежонок продолжал прятаться, пока Мики обследовал поле боя, и его круглые глазки зорко смотрели по сторонам, не появится ли еще какой-нибудь враг. А Мики от тела Невиш перешел к Ахтику, а потом принялся обнюхивать след Махигун, который привел его к кустам. Там он увидел Миспуна. В кусты он углубляться не стал, а вернулся к Нееве, который к этому времени решил, что уже можно, ничего не опасаясь, выйти из-за спасительного камня.

До вечера Мики раз пятьдесят бросался защищать их мясо. Больше всего забот причиняли ему большеглазые, крикливые кукши. Канадские сойки почти не уступали им в назойливости. Дважды к туше подкрадывался маленький серый горностай, с глазками, как два крохотных рубина. Мики кидался на него с такой яростью, что третий раз он вернуться не рискнул. К полудню тушу высмотрели или почуяли вороны и принялись кружиться над ней, ожидая, что Мики и Неева куда-нибудь уйдут. Обманувшись в своих надеждах, они расселись на вершинах ближайших деревьев и начали хрипло и возмущенно каркать.

Наступили сумерки, но волки к туше не вернулись. Дичи было много, и стая, хозяйничавшая в здешних местах, охотилась в эту ночь дальше к западу. Раза два до Мики и Неевы издали доносился ее охотничий клич.

И всю звездную светлую ночь щенок и медвежонок сторожили, прислушивались, иногда ненадолго засыпали. Едва забрезжил серый рассвет, они вновь принялись за еду.

Если бы эту историю рассказывал старый Макоки из племени кри, он в этом месте снова не преминул бы указать, что Мики и Неева находились под особым покровительством Иску Вапу. Ибо день сменялся ночью, а ночь сменялась днем, и Мики с Неевой удивительно окрепли и даже словно выросли благодаря тому, что постоянно наедались до отвала. На четвертый день Неева стал таким толстым и гладким, что казался в полтора раза больше того медвежонка, который свалился с носа челнока в порожистую реку. Мики утратил свою костлявость. Его ребра уже нельзя было, как прежде, пересчитать с расстояния в два шага. Грудь у него стала шире, ноги не производили такого неуклюжего впечатления. Челюсти его окрепли, потому что постоянно грызли кости карибу. И по мере того как увеличивались его силы, уменьшалась его щенячья любовь к играм и росло беспокойное стремление начать самостоятельную охоту. На четвертую ночь он снова услышал отрывистый охотничий клич волков и почувствовал томительное волнение.

Для Неевы быть толстым, быть веселым и быть довольным означало одно и то же. Пока можно было кормиться у туши, его вовсе не тянуло уходить с уступа. Два-три раза в день он спускался к ручью напиться, и каждое утро и каждый день — особенно ближе к закату — он несколько раз скатывался со склона. Вдобавок ко всему этому он завел привычку спать после полудня в развилке молодого деревца.

Мики не видел в кувыркании вниз с обрыва ни смысла, ни удовольствия, лазать на деревья он тоже не умел, а потому начал все больше времени тратить на обследование подножия гряды. Он предпочел бы, чтобы Неева ходил вместе с ним. Каждый раз, перед тем как отправиться в такую экспедицию, он долго пытался заставить Нееву слезть с дерева или пускал в ход отчаянные усилия, чтобы увести его с собой, когда медвежонок по уже протоптанной тропке отправлялся к ручью или возвращался обратно. Тем не менее одного этого упрямства Неевы было бы недостаточно, чтобы их поссорить. Мики был слишком привязан к медвежонку, чтобы сердиться на него из-за таких пустяков. А если бы дело дошло до решительной проверки и Неева всерьез поверил бы, что Мики сейчас уйдет и не вернется, он, конечно, отправился бы вместе с ним.

Первое настоящее отчуждение между ними возникло не из-за ссоры, а из-за разногласия, коренившегося в самой их природе. Мики принадлежал к племени, которое предпочитает есть мясо свежим, Неева же особенно любил «хорошо выдержанное» мясо. А начиная с четвертого дня остатки туши Ахтика стали уже весьма «выдержанными». На пятый день Мики ел это мясо лишь с большим трудом, преодолевая отвращение, а на шестой просто не мог взять его в рот. Нееве же оно с каждым днем казалось все вкуснее и душистее. На шестой день, упоенный любимым ароматом, он от восторга повалялся на остатках туши. И в эту ночь Мики впервые не пожелал спать, прижавшись к нему.

Развязка произошла на седьмой день. Туша теперь благоухала до небес. Легкий июньский ветерок разносил этот запах по окрестностям, и все вороны, проживавшие на несколько миль вокруг, начали собираться поблизости. Мики, не выдержав этого аромата, поджал хвост и удрал к ручью. Когда Неева после обильного завтрака спустился туда напиться, Мики попробовал обнюхать приятеля и сразу же отбежал в сторонку. Собственно говоря, теперь он уже не смог бы с закрытыми глазами отличить Ахтика от Неевы — разница заключалась только в том, что один лежал неподвижно, а другой двигался. Но пахли оба одинаково мертвечиной; оба, бесспорно, были «хорошо выдержаны». Даже вороны теперь кружили и над Неевой, недоумевая, почему он расхаживает по уступу, хотя приличной падали этого делать отнюдь не полагается.

В эту ночь Мики спал в одиночестве под кустом на берегу ручья. Ему хотелось есть, и он чувствовал себя очень одиноким — впервые за много дней он испытывал робость перед огромностью и пустынностью мира. Ему был нужен Неева. Он тихо скулил, тоскуя без него в звездной тиши долгих часов, отделявших вечернюю зарю от утренней. Солнце стояло в небе уже довольно высоко, когда Неева наконец спустился с холма. Он только что позавтракал и повалялся на своем любимом кушанье, и пахло от него совершенно нестерпимо. Снова Мики попробовал увести его от холма, но Неева ни за что не желал расставаться с этим благодатным местом. И в это утро он особенно торопился поскорее подняться на уступ. Накануне ему то и дело приходилось отгонять ворон от остатков туши, а сегодня они пытались обкрадывать его с еще невиданной наглостью. Неева поздоровался с Мики, дружелюбно прихрюкнув и взвизгнув, потом поспешно напился и начал карабкаться вверх по склону. Протоптанная им тропинка кончалась у кучи камней, из-за которой они с Мики наблюдали битву между Махигун и совами,— с тех пор из предосторожности он всегда несколько секунд медлил за этими камнями и выходил на открытое место, только убедившись, что все в порядке. На этот раз его ожидал неприятный сюрприз: остатки туши были буквально облеплены воронами. Карка́рью и его чернокрылое племя тучей опустились на уступ и теперь как сумасшедшие рвали остатки мяса, били крыльями и дрались. В воздухе над ними кружило еще одно черное облако; все соседние деревца и кусты гнулись под тяжестью рассевшихся на них птиц, и их оперение блестело на солнце, точно обильно смазанное жирной сажей. Неева от удивления застыл на месте. Он не боялся ворон — ведь он уже столько раз прогонял прочь этих трусливых воришек! Но только он никогда еще не видел их в таком количестве. Он не мог разглядеть остатков туши: и Ахтик и трава вокруг исчезли под колышущимся черным покровом.

Он выскочил из-за камней, оскалив зубы, как выскакивал уже десятки раз до этого. Раздался громовый всплеск крыльев. Взвившиеся птицы затмили солнечный свет, а их голодное карканье было, наверное, слышно в миле от уступа. Но, против обыкновения, Каркарью и его бесчисленные стаи не улетели в лес. Ворон было так много, что они уже ничего не боялись. А аппетитный запах падали, от которой им пришлось оторваться, едва лишь они успели распробовать ее вкус, приводил их в настоящее исступление. Неева совсем растерялся. Над ним, позади него, вокруг него вились вороны: они вызывающе каркали, а наиболее дерзкие камнем падали вниз и старались задеть его крылом побольше. Их грозная туча становилась все гуще, и внезапно она буквально рухнула на землю. Остатки туши вновь

исчезли под живым черным покровом, а вместе с ними и Неева. Медвежонок был погребен под копошащейся крылатой массой и начал отбиваться, как отбивался от совы. Десятки сильных клювов клочьями вырывали ему шерсть, долбили голову, норовили попасть в глаза. Ему казалось, что его уши будут вот-вот оторваны, а чувствительный кончик носа уже в первые десять секунд покрылся кровью и начал распухать. Он задыхался, почти ничего не видел и ничего не соображал. Ему чудилось, будто все его тело превратилось в клубок жгучей боли. Он забыл про тушу и думал только о том, как бы выбраться на простор и задать стрекача.

Собрав все силы, он поднялся с земли и ринулся напролом сквозь черную крылатую массу. Почти всех ворон его отступление вполне удовлетворило, и они остались у туши насыщаться, а к тому времени, когда Неева пробежал половину расстояния до кустов, в которых после схватки с совами скрылась Махигун, все его преследователи, кроме одного, присоединились к своим пирующим собратьям. Возможно, этим наиболее упорным его мучителем был сам Каркарью. Он впился клювом в коротенький хвостишко медвежонка и висел на нем, точно захлопнувшаяся крысоловка. Только когда Неева уже далеко углубился в кусты, Каркарью наконец отпустил свою жертву, взмыл в воздух и возвратился к стае.

Никогда еще Неева не испытывал такого желания увидеть возле себя Мики. Вновь его представления о мире совершенно изменились. Он был весь исклеван. Его тело горело огнем. Ему было даже больно ступать на подошвы своих толстых лап, и, забившись под куст, он полчаса вылизывал раны и нюхал воздух — не донесется ли откуда-нибудь запах Мики?

Потом спустился с откоса к ручью и побежал к тому месту, где кончалась протоптанная им тропинка. Но его друга там не оказалось. Тщетно Неева звал его ласковым ворчанием и повизгиванием, тщетно он втягивал ноздрями ветер и бегал взад и вперед по берегу ручья, совершенно забыв про тушу Ахтика, которая послужила причиной их раздора.

Мики нигде не было.

Глава X

Мики находился уже в четверти мили от уступа, когда он услышал оглушительный шум, поднятый воронами. Но вряд ли он вернулся бы назад, даже если бы догадался, что Неева нуждается в его помощи. Щенок второй день ничего не ел и ушел от ручья с твердым намерением затравить какую-нибудь дичь, пусть самую большую и сильную. Однако он пробежал

вдоль ручья добрую милю, прежде чем ему удалось отыскать хотя бы рака. Он сгрыз его вместе с панцирем, и противный вкус у него во рту стал менее заметным.

В этот день Мики было суждено пережить еще одно событие, навеки врезавшееся в его память. Теперь, когда он остался один, воспоминания о хозяине, совсем было исчезнувшие за последние четыре-пять дней, вдруг снова ожили. И с каждым часом образы, всплывавшие в его памяти, становились все более четкими и живыми, так что, пока утреннее солнце поднималось к зениту, пропасть, которую дружба с Неевой вырыла между настоящим и прошлым, начинала медленно, но верно сужаться. На некоторое время радостное возбуждение последних дней совсем угасло.

Несколько раз Мики останавливался, думая, не вернуться ли назад к Нееве, но голод заставлял его продолжать путь. Он нашел еще двух раков. Затем ручей стал заметно глубже, вода в нем потемнела, течение почти совсем исчезло. Дважды Мики вспугивал взрослых кроликов, но оба раза они легко от него удрали. Потом он чуть было не поймал крольчонка. То и дело у него из-под носа, треща крыльями, вспархивали куропатки. Он видел соек, сорок и множество белок. Повсюду вокруг летала и бегала пища, которая была для него недосягаема. Наконец счастье ему улыбнулось. Сунув морду в дупло поваленного дерева, он обнаружил там кролика. Второго выхода из дупла не было. Впервые за три дня Мики смог поесть как следует.

Щенок накинулся на свой обед с таким увлечением, что не заметил, как на поляне появился Уча́к — крупный самец-пекан. Он не расслышал шагов пекана и даже почуял его не сразу. Учак не был драчуном и забиякой. Природа создала его смелым охотником и джентльменом, а потому, когда он увидел, что Мики (которого он принял за подросшего волчонка) поедает свою добычу, ему и в голову не пришло потребовать доли для себя. Убегать Учак тоже не стал. Без сомнения, он вскоре пошел бы своей дорогой, но тут Мики заметил его присутствие и повернулся к нему.

Учак стоял шагах в трех от него по ту сторону поваленного дерева. Мики, который ничего не знал про пеканов, он вовсе не показался свирепым. Сложением Учак напоминал своих близких родичей — ласку, норку и скунса. Он был вдвое ниже Мики, но одной с ним длины, и две пары коротких лап придавали ему комическое сходство с таксой. Весил он фунтов девять, голова у него была плоская, с заостренной мордочкой, а усы — щетинистыми и густыми. Кроме того, он обладал пышным пушистым хвостом и парой зорких маленьких глаз, которые, казалось, просверливали насквозь все, на что он смотрел. Он наткнулся на Мики совершенно случайно, но щенок заподозрил его в недоб-

рых намерениях и усмотрел в нем возможность врага. Впрочем, Мики не сомневался, что легко разделается с Учаком.

Учак счел это намеком на то, что ему следует удалиться восвояси. Как джентльмен, он уважал охотничьи права других зверей, а потому принес свои извинения, бесшумно попятившись на бархатных лапах, и Мики, еще не знакомый с этикетом лесных обитателей, не выдержал: Учак боится! Он спасается бегством! С торжествующим тявканьем Мики бросился в погоню. Особенно винить его за этот промах не следует — множество двуногих животных, наделенных несравненно более развитым мозгом, делало подобную же ошибку. Учак же, хотя он никогда не ввязывается в драку первым, для своего роста и веса является, пожалуй, самым грозным бойцом среди всех животных Северной Америки.

Мики так никогда и не понял, что, собственно, произошло после того, как он кинулся на Учака. Слово «драка» тут просто не подходит — это была молниеносная расправа, полнейшее торжество одного противника над другим. Мики показалось, что он напал не на одного Учака, но по крайней мере на полдюжины. А больше он не успел ничего подумать, да и увидеть тоже. Он потерпел самое горькое поражение за всю свою прошлую и будущую жизнь. Его трясли, царапали, кусали, душили и терзали. Он был настолько ошеломлен, что и после того, как Учак удалился, продолжал болтать лапами в воздухе, не замечая исчезновения своего победителя. Когда же он открыл глаза и убедился, что его оставили в покое, он испуганно забился в дупло, где еще так недавно изловил кролика.

Там он пролежал добрые полчаса, тщетно стараясь понять, что же все-таки случилось.

Когда Мики выполз из дупла, солнце уже заходило. Щенок прихрамывал, его целое ухо было прокушено насквозь, на спине и боках виднелись проплешины, оставленные когтями Учака. Все кости у него болели, горло саднило, а над одним глазом набухла шишка. Он с тоской поглядел в ту сторону, откуда пришел,— там был Неева. Вместе с вечерним сумраком к нему пришло ощущение неизбывного одиночества и тоска по другу. Но в ту сторону пошел Учак, а встречаться с Учаком еще раз Мики решительно не хотел.

Прежде чем солнце окончательно закатилось за горизонт, Мики прошел еще около четверти мили на юго-восток. В сгущающейся тьме он вышел на волок Большой скалы между реками Бивер и Лун.

Тропы тут, собственно говоря, не было никакой. Лишь изредка охотники или торговцы, возвращаясь с севера, перетаскивали тут свои лодки с одной реки на другую. Волк, бродящий в этих местах, чуял здесь человеческий запах не чаще трех-че-

тырех раз за год. Но в этот вечер запах человека у Большой скалы был настолько свежим, что Мики застыл на месте, словно перед ним возник еще один Учак. Одно всепоглощающее чувство заставило его на мгновение окаменеть. Все остальное было забыто — он наткнулся на след человека, а следовательно, на след Чэллонера, своего хозяина. И Мики пошел по этому следу — сначала медленно, словно опасаясь, что след может ускользнуть от него. Стало совсем темно, но Мики упрямо шел вперед под зажигающимися звездами. Все уступило место страстному собачьему желанию вернуться домой, к хозяину.

Наконец, почти уже на берегу реки Лун, он увидел костер. Костер этот развели Макоки и белый путешественник, к которому старый кри нанялся в проводники. Мики не бросился к ним без оглядки. Он не залаял и даже ни разу не тявкнул. Суровая школа лесной жизни уже многому его научила. Он тихонько пополз вперед и припал к земле неподалеку от границы освещенного костром круга. Тут Мики разглядел, что у костра сидят двое мужчин, но ни тот, ни другой не был Чэллонером. Впрочем, оба курили совсем так же, как курил Чэллонер. До него доносились их голоса, очень похожие на голос Чэллонера. И лагерь был совсем таким же: костер, висящий над ним котелок, палатка и аппетитные запахи готовящегося ужина.

Еще две-три секунды — и он вступил бы в светлый круг. Но тут белый человек встал, потянулся, как обычно потягивался Чэллонер, и поднял с земли толстый сук. Он направился в сторону Мики, который пополз ему навстречу и вскочил с земли, когда их разделяло пять шагов. На щенка упал отблеск костра, и в его глазах отразилось пламя. Человек увидел его, и импровизированная дубинка взвилась в воздух. Если бы она попала Мики в голову, он был бы убит на месте, но ее толстый конец вообще его не коснулся, а тонкий ударил по шее и плечу с такой силой, что его отшвырнуло в темноту. Произошло это так быстро, что человеку показалось, будто его дубинка точно поразила цель. Он крикнул Макоки, что убил не то волчонка, не то лису, и бросился от костра во мрак.

Сук отбросил Мики в густые ветки карликовой ели, и он замер там в полной неподвижности, несмотря на мучительную боль в плече. На фоне костра он увидел темный силуэт человека, который нагнулся и поднял сук. Он увидел, что прямо на него бежит Макоки, тоже сжимая в руке толстую палку, и съежился в комок, стараясь стать как можно незаметнее. Его охватил ужас, потому что он понял истинное положение вещей. Это были люди, но Чэллонера тут не было. А они охотились на него с палками. Мики хорошо понял, зачем им эти палки. Только чудом его кости остались целы.

Он лежал затаив дыхание, пока люди шарили вокруг. Индеец

даже сунул свою палку в густые ветки ели, среди которых он прятался. Белый все время повторял, что своими глазами видел, как зверь упал, и один раз остановился так близко от убежища Мики, что нос щенка почти коснулся его сапога. Затем белый вернулся к костру и подбросил в него сухих березовых поленьев, чтобы пламя костра осветило все вокруг. Сердце Мики перестало биться. Но они начали искать в стороне от его елки, а потом вернулись к костру.

Мики пролежал так больше часа. Костер почти угас. Старый индеец завернулся в одеяло и лег возле тлеющих углей, а белый ушел в палатку. И только тогда Мики решился выползти из-под спасительных веток. Прихрамывая на каждом шагу, он затрусил назад по тому же пути, по которому так недавно с надеждой торопился сюда. Запах человека уже не будил в щенке радостного волнения. Теперь этот запах таил в себе угрозу. Он означал опасность. И Мики хотелось уйти от него как можно дальше. Он предпочел бы еще раз встретиться с совами или даже с Учаком, но только не с человеком, вооруженным палкой. С совами он мог драться, но он чувствовал, что на стороне палки всегда будет подавляющее превосходство.

В ночном безмолвии Мики приплелся к дуплистому стволу, возле которого встретился с Учаком. Он снова забрался в дупло и до рассвета зализывал свои раны. На рассвете он вылез наружу и доел остатки вчерашнего кролика.

После этого он пошел на северо-запад — в ту сторону, где остался Неева. Теперь Мики уже не колебался. Неева был ему необходим. Ему хотелось сунуть нос в теплый бок медвежонка, хотелось облизать его, пусть даже от него разит падалью. Ему хотелось услышать смешное дружеское ворчание и хрюканье Неевы. Ему хотелось снова охотиться вместе с ним, хотелось играть с ним, хотелось прикорнуть бок о бок с ним на солнышке и уснуть. Теперь он почувствовал, что Неева стал неотъемлемой частью его мира. И Мики побежал на северо-запад.

А Неева гораздо выше по ручью с надеждой и тоской все еще трусил по следу Мики.

Они встретились на залитой солнцем небольшой полянке, примерно на половине пути между поваленным деревом и уступом. Встреча произошла без каких-либо бурных проявлений чувств. Щенок и медвежонок остановились и посмотрели друг на друга, словно проверяя, не произошло ли какой-нибудь ошибки. Неева прихрюкнул. Мики завилял хвостом. Они обнюхали друг друга. Неева взвизгнул, а Мики тихонько тявкнул. Казалось, они поздоровались:

«А, Мики!»

«А, Неева!»

Затем Неева растянулся на солнцепеке, Мики улегся возле

него. До чего же все-таки странным оказался этот мир! Время от времени все разлеталось вдребезги, но потом обязательно как-то налаживалось. И вот сейчас все опять пришло в полнейшее равновесие. Друзья снова были вместе и чувствовали себя совершенно счастливыми.

Глава XI

Шел месяц Вылета Птенцов — дремотный жаркий август властвовал в северном краю. От Гудзонова залива до озера Атабáска, от Водораздела до Голых Земель безмятежный покой одевал леса, равнины, болота и в солнечные дни, и в звездные ночи. Это был муку-савин — время возмужания детенышей, время роста, время, когда зверье и птицы вновь получали нераздельную власть над своими бывшими владениями. Ибо человек в эти месяцы покидал дебри, раскинувшиеся на тысячу миль с запада на восток и с севера на юг. Тысячи охотников с женами и детьми собирались на факториях Компании Гудзонова залива, кое-где вкрапленных в это безграничное царство когтей и клыков,— собирались, чтобы провести несколько недель тепла и изобилия, веселясь, отдыхая и набираясь сил для тягот и лишений новой суровой зимы. Эти недели называли муку-савин — Великий праздник года. Это были недели, когда они расплачивались со старыми долгами и заводили новые на факториях, куда съезжались, словно на большую ярмарку. Это были недели развлечений, ухаживаний, свадеб, недели духовного и физического насыщения перед приходом мрачных и голодных месяцев.

Вот почему для обитателей леса тоже наступал праздник, и они вновь на короткое время становились единственными властителями своего мира, из которого исчезал самый запах человека. В них никто не стрелял, их лапам не грозили капканы и ловушки, на их тропах не лежала соблазнительная отравленная приманка. В болотцах и на озерах кричали, трубили и крякали гуси, лебеди и утки, не опасаясь за птенцов, которые только-только начинали учиться летать; рысь беззаботно играла с котятами и перестала ежеминутно нюхать ветер — не принесет ли он весть о приближении грозного двуногого врага? Лосихи без всякой опаски открыто входили в воду озер со своими телятами, росомахи и куницы весело резвились на кровлях опустевших хижин. Бобры и выдры упоенно катались с глиняных откосов и ныряли в своих темных заводях, пернатые певцы сыпали звонкие трели, и по всем дебрям Севера слышалась первозданная песня непуганой первобытной природы. Новое поколение зверей и птиц вступало в пору юности. Сотни тысяч детенышей и птенцов доигрывали детские игры, кончали курс обучения, бы-

стро росли и готовились встретить свою первую зиму, чреватую еще не изведанными лишениями и опасностями.

А Иску Вапу, зная, с чем предстоит им встретиться в недалеком будущем, хорошо о них позаботилась. В лесном краю царило изобилие. Поспела черника, голубика, рябина и малина, ветки кустов и деревьев низко гнулись под тяжестью плодов. Трава была сочной и нежной, потому что выпадали короткие и обильные летние дожди. Луковицы и клубни буквально выпирали из земли; болотца и берега озер манили вкуснейшими лакомствами. Рог изобилия щедро сыпал на эти края свои съедобные дары.

Неева и Мики вели теперь безмятежное существование, исполненное нескончаемых радостей. В этот августовский день, едва начинавший клониться к вечеру, они лежали на горячем от солнца выступе скалы, под которым расстилалась прекрасная долина. Неева, объевшись сочной черникой, блаженно спал, но глаза Мики были полуоткрыты — щурясь, он вглядывался в светлую дымку, окутывавшую долину. До него доносилось мелодичное журчание воды между камнями и на крупной гальке отмелей, с музыкой ручья сливались дремотные голоса всей долины, тонущей в неге жаркого летнего дня. Мики ненадолго уснул беспокойным сном; через полчаса он внезапно проснулся, словно его кто-то разбудил. Он обвел долину внимательным взглядом, а потом посмотрел на Нееву — этот толстый лентяй проспал бы до ночи, если бы его оставили в покое. Но Мики в конце концов терял терпение и безжалостно будил медвежонка. Вот и теперь он досадливо залаял, а потом слегка укусил Нееву за ухо.

Он словно говорил:

«А ну-ка вставай, лежебока! Разве можно спать в такой чудесный день? Лучше прогуляемся по течению ручья и поохотимся на кого-нибудь».

Неева неторопливо поднялся, потянулся всем своим толстым туловищем и зевнул, широко разевая пасть. Его маленькие глазки сонно уставились на долину. Мики вскочил и беспокойно взвизгнул — так он обычно давал своему товарищу понять, что ему хочется пойти побродить по лесу. И Неева покорно начал спускаться следом за ним по зеленому откосу в долину, раскинувшуюся между двумя грядами холмов.

Им обоим уже почти исполнилось полгода, и из щенка и медвежонка они, собственно говоря, превратились в молодого пса и молодого медведя. Большие лапы Мики утратили прежнюю детскую неуклюжесть, грудь развилась, шея удлинилась и уже не казалась нелепо короткой для его крупной головы и могучих челюстей. Да и вообще он стал заметно шире в плечах и выше,— его ровесники, принадлежащие к другим породам, рядом

с ним в подавляющем большинстве показались бы маленькими и щуплыми.

Неева больше уже не походил на мохнатый шарик, хотя его возраст можно было угадать намного легче, чем возраст Мики. Однако он уже успел почти совсем утратить свое былое младенческое миролюбие. В нем наконец проснулся боевой дух, унаследованный им от его отца Суминитика; если дело доходило до драки, Неева уже не старался уклониться от нее, как прежде, и отступал, только если это оказывалось совершенно неизбежным и необходимым. Более того, ему, в отличие от большинства медведей, очень нравилось драться. Про Мики, истинного сына Хелея, и говорить нечего: он и в ранней юности никогда не упускал случая затеять драку. В результате оба они, несмотря на свою молодость, уже были покрыты рубцами и шрамами, которые сделали бы честь и закаленному лесному ветерану. Клювы ворон и сов, волчьи клыки и когти пекана оставили на их шкурах неизгладимые знаки, а на боку у Мики в довершение всего красовалась проплешина величиной с ладонь — памятка о встрече с росомахой.

В смешной круглой голове Неевы давно уже зрела честолюбивая мысль о необходимости как-нибудь померяться силами с другим молодым черным медведем. Однако до сих пор такая возможность представлялась ему всего дважды, и к тому же оба раза он не смог осуществить своего намерения, так как облюбованных им противников — медвежат-подростков — сопровождали их матери. Вот почему теперь, когда Мики увлекал его в очередную охотничью экскурсию, Неева следовал за ним с удовольствием, объяснявшимся не только надеждой поживиться чем-нибудь съестным, хотя еще недавно его ничего, кроме еды, не интересовало. Впрочем, не следует думать, будто Неева утратил свой былой аппетит. Наоборот, он был способен за день съесть втрое больше, чем Мики. Объяснялось это главным образом тем, что Мики удовлетворялся двумя-тремя трапезами в день, а Неева только обедал, но зато любил продлевать свой обед от зари до зари. Куда бы они ни шли, он на ходу все время что-нибудь жевал.

В четверти мили от уступа, на котором они спали, находился каменистый овражек, где бил родник. Они давно уже облюбовали этот овражек, потому что он зарос дикой смородиной, самой лучшей во всем бассейне Шаматтавы. Чернильно-черные ягоды, с вишню величиной, буквально лопающиеся от сладкого сока, свисали такими крупными гроздьями, что Нееве хватало одной, чтобы набить себе пасть. Даже в августовских лесах трудно найти что-нибудь восхитительнее спелой черной смородины, и Неева забрал этот овражек в свою собственность. Мики тоже научился есть смородину, а потому теперь они направились

к овражку, благо такие чудесные ягоды приятно есть и на сытый желудок. Кроме того, овражек сулил Мики множество развлечений: он кишел кроликами и молодыми куропатками, такими доверчивыми, что он ловил их без труда и пристрастился к их нежному и необыкновенно вкусному мясу. Кроме того, в овражке можно было поймать суслика или даже белку.

Однако на этот раз друзья едва-едва успели проглотить по первой порции крупных сочных ягод, как до их ушей донесся треск, происхождение которого не вызывало никаких сомнений. Во всяком случае, и Неева и Мики сразу поняли, что этот треск означает: шагах в тридцати от них выше по овражку кто-то ломал смородиновые кусты. В их владениях бесстыдно хозяйничал неизвестный разбойник! Мики тотчас оскалил клыки, а Неева со зловещим рычанием сморщил нос. Они тихонько направились туда, где раздавался треск, и вскоре вышли на небольшую, ровную как стол площадку. В центре этой площадки стоял совершенно черный от ягод куст смородины не более ярда в обхвате. А перед этим кустом, притягивая к себе его отягощенные гроздьями ветки, присел на задних лапах молодой черный медведь, заметно крупнее Неевы.

Но Неева был так ошеломлен и возмущен дерзостью пришельца, что не обратил на это последнее обстоятельство никакого внимания. Его ярость походила на ярость человека, который, вернувшись домой после недолгой отлучки, вдруг обнаружил бы, что его жилищем и имуществом завладел какой-то нахал. К тому же ему представился удобный случай удовлетворить свое заветное желание, задав хорошую трепку другому медведю. Мики как будто почувствовал это. Во всяком случае, он не опередил Нееву и не вцепился первым в горло наглого захватчика, как сделал бы при обычных обстоятельствах. Мики, против обыкновения, медлил, и Неева кинулся вперед и ударил ничего не подозревающего противника в бок, словно черное ядро.

Макоки, старый индеец из племени кри, присутствуй он при этой сцене, несомненно, тут же дал бы противнику Неевы кличку Питут-а-вапис-кум, что в буквальном переводе означает «сбитый с ног». Индейцы кри умеют находить чрезвычайно меткие и удачные наименования, а в этот момент описать неизвестного медведя точнее всего можно было именно с помощью выражения «питут-а-вапис-кум». Мы же в дальнейшем будем для краткости называть его просто Питом.

Захваченный врасплох Пит, рот которого был набит смородиной, опрокинулся от удара Неевы, точно туго набитый мешок Первый натиск Неевы увенчался таким полным успехом, что Мики, который наблюдал за происходящим с жадным интересом, не удержался и одобрительно тявкнул. Прежде чем Пит успел опомниться и хотя бы проглотить ягоды, Неева, не тратя

К стр. 429

времени, схватил его за горло зубами, и пошла потеха.

Надо сказать, что медведи, и особенно молодые медведи, дерутся на свой особый лад. Точнее всего здесь подошло бы сравнение с двумя дюжими рыночными торговками, вцепившимися друг другу в волосы. Никаких правил при этом, конечно, не соблюдается. Когда Пит и Неева крепко обхватили друг друга передними лапами, они сразу же пустили в ход задние, и шерсть полетела клочьями. Пит, уже опрокинутый на спину (прекрасная боевая позиция для медведя!), оказался бы в более выгодном положении, если бы не то обстоятельство, что Неева успел вцепиться в его глотку. Погрузив клыки на всю их длину в горло противника, Неева отчаянно работал острыми когтями задних лап. Когда Мики увидел летящую шерсть, он в восторге придвинулся поближе к дерущимся. Но тут Пит нанес удар одной лапой, затем другой, и Мики от разочарования только щелкнул челюстями. Бойцы покатились по земле мохнатым клубком: Неева изо всех сил старался не разомкнуть зубов, и оба они хранили полное безмолвие, не позволяя себе ни взвизгнуть, ни зарычать. Песок и камешки взлетали в воздух вместе с клочками черного меха. Большие камни с грохотом катились по склону на дно овражка. Казалось, самая земля содрогается от ярости этой битвы. Мики напряженно наблюдал за ее ходом, и теперь в его глазах и позе начало проглядывать некоторое беспокойство, вскоре сменившееся откровенной тревогой. Сначала в этом извивающемся клубке из восьми мохнатых лап, которые били, терзали и рвали в клочья длинную черную шерсть, так что чудилось, будто сцепились две взбесившиеся ветряные мельницы, Мики не мог распознать, кто здесь, собственно, Неева, а кто — Пит, а потому не был в состоянии решить, кому приходится хуже. Однако в недоумении он пребывал не дольше трех минут.

Вдруг он услышал, как Неева взвизгнул — очень тихо, почти беззвучно, и все-таки Мики различил в голосе друга растерянность и боль.

Придавленный тяжелой тушей Пита, Неева к концу этих трех минут понял, что выбрал противника не по своим возможностям. Дело было только в весе Пита и его размерах — как боец Неева превосходил его и умением и храбростью. Но и осознав свою ошибку, Неева продолжал драться в надежде, что удача все-таки ему улыбнется. В конце концов Питу удалось занять удобную позицию, и он принялся раздирать Нееве бока так немилосердно, что, наверное, скоро спустил бы с них шкуру в буквальном смысле слова, если бы в драку не вмешался Мики. Надо отдать Нееве справедливость: он переносил боль в стоическом молчании и ни разу больше не завизжал.

Но Мики все равно понял, что его другу приходится плохо, и впился зубами в ухо Пита. Впился с такой свирепостью, что

сам Суминитик при подобных обстоятельствах не постыдился бы испуганно взреветь во всю силу своих легких. Так что уж говорить о Пите! Он испустил отчаянный вопль. Забыв обо всем на свете, кроме непонятной силы, которая безжалостно терзала его нежное ухо, он оглушительно визжал от ужаса и боли. Когда раздался этот пронзительный жалобный визг, Неева сразу же понял, что тут не обошлось без Мики.

Он вырвался из-под туши своего противника, и как раз вовремя: в овражек, как разъяренный бык, ворвалась матушка Пита. Она замахнулась на Нееву огромной лапой, но он успел отскочить и пустился наутек, а медведица повернулась к своему вопящему отпрыску. Мики в упоении висел на своей жертве и заметил, какая опасность ему грозит, только когда медведица уже занесла над ним лапу, похожую на бревно. Мики молниеносным движением бросился в сторону, и лапа опустилась на затылок злополучного Пита с такой силой, что он, точно футбольный мяч, кувырком пролетел по склону тридцать шагов.

Мики не остался посмотреть, что будет дальше. Он юркнул в смородиновые кусты и помчался вслед за Неевой к выходу из овражка. На равнину они выскочили одновременно и бежали без оглядки еще добрых десять минут. Когда они наконец остановились перевести дух, от овражка их уже отделяла целая миля. Пыхтя и задыхаясь, они опустились на землю. Неева в изнеможении высунул длинный красный язык. Медвежонок был весь в кровоточащих царапинах, на его боках клочьями висела выдранная шерсть. Он посмотрел на Мики долгим горестным взглядом, как бы печально признавая, что победа, бесспорно, осталась за Питом.

Глава XII

После драки в овражке Мики с Неевой уже не рисковали возвращаться в этот райский сад, где в таком изобилии произрастала восхитительная черная смородина. Впрочем, Мики от кончика носа до кончика хвоста был завзятым искателем приключений и, подобно древним кочевникам, лучше всего чувствовал себя тогда, когда они отправлялись исследовать новые места. Теперь он душой и телом принадлежал дремучим дебрям, и если бы в эту пору своей жизни он вдруг наткнулся на стоянку какого-нибудь охотника, то, скорее всего, подобно Нееве, поспешил бы убраться от нее подальше. Однако в судьбах зверей случай играет не меньшую роль, чем в людских судьбах, и когда наши друзья повернули на запад, туда, где простиралась обширная неведомая область огромных озер и множества рек, события начали понемножку и незаметно подводить Мики, сына

Хелея, к тем дням, которым суждено было стать самыми темными и страшными днями его жизни.

Шесть чудесных солнечных недель, завершавших лето и начинавших осень, то есть до середины сентября, Мики и Неева медленно продвигались через леса на запад, неуклонно следуя за заходящим солнцем к хребту Джóнсона, к рекам Тáчвуд и Клируóтер и к озеру Годс. В этих краях они увидели много нового. Здесь на площади примерно в десять тысяч квадратных миль природа создала настоящий лесной заповедник. На своем пути Мики и Неева встречали большие колонии бобров, выбиравших для своих хаток темные и тихие заводи. Они видели, как выдры играют и катаются с глинистых откосов. Они так часто натыкались на лосей и карибу, что совсем перестали их бояться и теперь, не прячась, спокойно шли через поляны или болотца, где паслись рогатые красавцы. Именно здесь Мики окончательно постиг, что животные, ноги которых завершаются копытами, представляют собой законную добычу зверей, наделенных когтями и зубами: эти места кишели волками, и они с Неевой часто натыкались на остатки волчьих пиршеств, а еще чаще слышали охотничий клич стаи, идущей по следу. После своей июньской встречи с Махигун Мики утратил всякое желание свести с волками более близкое знакомство. А Неева теперь уже не требовал, чтобы они надолго задерживались у недоеденных туш, на которые они время от времени натыкались. В Нееве просыпалось квоска-хао — инстинктивное ощущение надвигающегося «большого изменения».

До начала октября Мики не замечал в своем товарище ничего нового и необычного, но, когда наступил этот месяц, в поведении Неевы появилось какое-то беспокойство. Это беспокойство все более усиливалось, по мере того как ночи становились холоднее, а воздух наполнялся запахами поздней осени. Теперь вожаком в их странствиях стал Неева — казалось, он непрерывно что-то ищет, но что именно, Мики не удавалось ни почуять, ни увидеть. Неева спал теперь мало и урывками. К середине октября он и вовсе перестал спать и почти всю ночь напролет, как и весь день, ел, ел, ел и непрерывно нюхал ветер в надежде обнаружить то таинственное нечто, на поиски которого его настойчиво и неумолимо гнала Природа. Он без конца рыскал среди бурелома и между скал, а Мики следовал за ним по пятам, готовый в любую минуту кинуться в бой с тем неведомым, что с таким усердием разыскивал Неева. Но поиски Неевы все еще оставались напрасными.

Тогда Неева, подчиняясь унаследованному от родителей инстинкту, повернул назад, на восток, туда, где лежала страна Нузак, его матери, и Суминитика, его отца. Мики, конечно, пошел с ним. Ночи становились все более и более холодными.

Звезды словно отодвигались в неизмеримые глубины неба, а луна над зубчатой стеной леса уже не бывала красной, точно кровь. Крик гагары стал неизбывно тоскливым, словно она горевала и плакала. А обитатели типи и лесных хижин втягивали ноздрями ледяной утренний воздух, смазывали свои капканы рыбьим жиром и бобровой струей, шили себе новые мокасины, чинили лыжи и сани, потому что стенания гагары говорили о неумолимом приближении идущей с севера зимы. Болота окутала тишина. Лосиха уже не подзывала мычанием лосят. Теперь над открытыми равнинами и над старыми гарями разносился грозный рев могучих самцов, бросающих вызов всем соперникам, и под ночными звездами огромные рога с треском стукались о рога, сшибаясь в яростном поединке. Волк уже не завывал, упиваясь собственным голосом. Хищные лапы теперь ступали осторожно, крадучись. В лесном мире вновь наступала пора отчаянной борьбы за жизнь.

И вот пришел ноябрь.

Наверное, Мики на всю жизнь запомнился день, когда выпал первый снег. Сначала он решил, что все белые птицы на свете вздумали одновременно сбросить свои перья. Затем он ощутил под лапами нежущую мягкость и холод. Кровь побежала по его жилам огненными струйками, и он почувствовал то дикое, захватывающее упоение, которое испытывает волк при наступлении зимы.

На Нееву снег подействовал совсем по-иному, настолько по-иному, что даже Мики ощутил эту разницу и со смутным беспокойством ожидал, к каким это может привести последствиям. В тот день, когда выпал первый снег, он заметил в поведении своего товарища необъяснимую перемену: Неева принялся есть то, чего прежде никогда в рот не брал. Он слизывал с земли мягкие сосновые иглы и трухлявую кору сгнивших стволов. А затем он забрался в узкую расселину у вершины высокого холма и нашел наконец то, что искал,— глубокую, теплую, темную пещеру.

Пути Природы неисповедимы. Она наделяет птиц зрением, о каком человек не может и мечтать, а зверям дарит чувство направления, недоступное людям. Неева, готовясь погрузиться в свой первый Долгий Сон, пришел в пещеру, где родился, в пещеру, из которой вышел ранней весной вместе с Нузак, своей матерью.

Тут еще сохранилась их постель — углубление в мягком песке, устланное слинявшей шерстью Нузак. Но эта шерсть уже утратила запах его матери. Неева лег в готовое углубление и в последний раз испустил негромкое ласковое ворчание, адресованное Мики. Как будто неведомая рука мягко, но неумолимо прижалась к его глазам, и, не в силах противиться ее

приказу, он на прощание пожелал Мики «спокойной ночи».

И в эту ночь с севера, словно лавина, налетел пипу кестин — первый зимний буран. Ветер ревел, как тысяча лосей, и в лесном краю вся жизнь затаилась без движения. Даже в своей укромной пещере Мики слышал, как воет и хлещет по скалам ветер, слышал свист дробинок снежной крупы за отверстием, сквозь которое они забрались в пещеру, и теснее прижался к Нееве, довольный тем, что они отыскали такой надежный приют.

Когда наступил день, Мики направился к щели в скале и застыл в изумленном безмолвии перед зрелищем нового мира, совсем не похожего на тот, который он видел еще накануне. Все было белым — ослепительно, пронзительно белым. Солнце уже встало. Оно пускало в глаза Мики тысячи острых стрел сияющего блеска. Всюду, куда бы он ни посмотрел, земля казалась одетой в алмазный убор. Скалы, деревья, кусты нестерпимо сверкали в солнечных лучах. Вершины деревьев, отягощенные снежными шапками, пылали серебряным пламенем. Оно морем разливалось по долине, и не успевший замерзнуть извилистый черный ручей казался от этого особенно черным. Никогда еще Мики не видел такого великолепного дня. Никогда еще его сердце не билось при виде солнца с такой бешеной радостью, как теперь, и никогда еще его кровь не бежала по жилам так весело.

Он заливисто тявкнул и бросился к Нееве. Его звонкий лай нарушил сумрачную тишину пещеры, и он принялся расталкивать носом спящего товарища. Неева сонно заворчал. Он потянулся, на мгновение поднял голову, а потом снова свернулся в тугой шар. Тщетно Мики доказывал, что уже день и им пора идти дальше — Неева не откликался на его призывы. В конце концов Мики возвратился к щели, ведущей наружу. Там он оглянулся, проверяя, не идет ли за ним Неева. С разочарованием убедившись, что тот по-прежнему лежит неподвижно, он в два прыжка очутился на снегу. Однако он еще не меньше часа провел около пещеры, вновь превратившейся в медвежью берлогу. Три раза он забирался туда к Нееве и пытался заставить его встать и выйти на свет. В дальнем углу пещеры, где устроился Неева, было совсем темно, и Мики словно растолковывал своему другу, что он очень глуп, если думает, будто сейчас еще ночь — ведь солнце взошло давным-давно. Но из усилий Мики ничего не вышло. Неева уже погружался в Долгий Сон — зимнюю спячку, которую индейцы называют уске-поу-а-мью — страной снов, куда уходят медведи.

Досада на приятеля и сильнейшее желание как следует укусить Нееву за ухо постепенно сменились у Мики совсем другим настроением. Инстинкт, который у зверей заменяет логическое мышление, свойственное человеку, пробуждал в нем гнетущую

и непонятную тревогу. Его все больше и больше охватывало томительное беспокойство. Он метался перед входом в пещеру, и в этих метаниях чудилось даже отчаяние. Наконец Мики в последний раз залез туда к Нееве, а потом один спустился в долину.

Он был голоден, но после ночного бурана найти какую-нибудь еду было нелегко. Кролики тихо лежали в теплых гнездах под валежником и в дуплах поваленных деревьев, надежно прикрытых снежными сугробами. На то время, пока бушевал буран, вся лесная жизнь замерла, и теперь искрящуюся пелену не пересекал ни единый след, который мог бы привести Мики к добыче. Он брел по снегу, иногда проваливаясь в него по самые плечи. Потом он спустился к ручью. Но это уже не был прежний, хорошо ему знакомый ручей — по его берегам застыла ледяная корка, вода стала темной и зловещей. И он уже не журчал весело и беззаботно, как летом и в дни золотой осени. В его глуховатом монотонном побулькивании слышалась неясная угроза — словно ручьем завладели злые лесные духи и, исказив самый его голос, предупреждали Мики, что времена изменились и его родным краем управляют теперь новые силы и еще не известные ему законы.

Мики осторожно полакал воды. Она была холодной — холодной, как снег. И он постепенно начал понимать, что этот новый мир, несмотря на всю свою белую красоту, лишен теплого бьющегося сердца, лишен жизни. А он был в этом мире один. Один! Все вокруг было занесено снегом. Все вокруг, казалось, умерло.

Мики вернулся к Нееве и до конца дня лежал в пещере, прижавшись к мохнатому боку своего друга. Ночь он тоже провел в пещере — он только подошел к выходу и посмотрел на усыпанное яркими звездами небо, по которому, как белое солнце, плыла луна. Луна и звезды также стали какими-то другими, незнакомыми. Они казались неподвижными и холодными. А под ними распростерлась белая безмолвная земля.

На рассвете Мики еще раз попробовал разбудить Нееву, но уже без прежней упрямой настойчивости. И у него не возникло желания куснуть Нееву. Он осознал, что произошло нечто непостижимое. Понять, в чем дело, он был не в состоянии, но смутно угадывал всю значительность случившегося. И еще он испытывал непонятный страх, пронизанный дурными предчувствиями.

Мики спустился в долину поохотиться. Ночью при свете луны и звезд кролики устроили на снегу настоящий праздник, так что теперь на опушке леса Мики нашел целые площадки, утрамбованные их лапками, и множество петляющих следов. Поэтому он без труда отыскал себе завтрак и отлично поел.

Однако он тут же выследил еще одного кролика, а потом и второго. Он мог бы продолжать эту охоту до бесконечности: благодаря предательскому снегу надежные кроличьи тайники превратились в настоящие ловушки. К Мики вернулась бодрость. Он снова радовался жизни. Никогда еще у него не было такой удачной охоты, никогда еще в его распоряжение не попадали такие богатые угодья, по сравнению с которыми совсем жалким казался овражек, где густые кусты смородины были черными от сочных гроздьев. Он наелся до отвала, а потом вернулся к Нееве с одним из убитых кроликов. Он бросил кролика рядом со своим товарищем и затявкал. Но даже и теперь Неева никак не отозвался на его зов. Медвежонок только глубоко вздохнул и слегка изменил позу.

Однако днем Неева впервые за двое суток поднялся, потянулся и обнюхал кроличью тушку. Но есть он не стал. Он несколько раз повернулся в своем углублении, расширяя его, и, к большому огорчению Мики, опять заснул.

На следующий день, примерно в тот же час, Неева снова проснулся. На этот раз он даже подошел к выходу из пещеры и проглотил немного снега. Но кролика есть он все-таки не стал. Вновь Мать-Природа подсказала ему, что не следует разрушать покров из сосновых игл и сухой трухи, которым он выстлал свой желудок и кишечник. Неева снова уснул. И больше уже не просыпался.

Зимние дни сменяли друг друга, а Мики по-прежнему охотился в долине возле берлоги, все больше и больше страдая от одиночества. До конца ноября он каждую ночь возвращался в пещеру и спал возле Неевы. А Неева казался мертвым, только он был теплым, дышал и порой из его горла вырывалось глухое ворчание. Но все это не утоляло тоски, нараставшей в душе Мики, которому отчаянно недоставало общества, недоставало верного товарища. Он любил Нееву. Первые долгие недели зимы он неизменно возвращался к спящему другу. Он приносил ему мясо. Его переполняло непонятное горе, которое не было бы столь острым, если бы Неева просто умер. Наоборот, Мики твердо знал, что Неева жив, но не понимал, почему он все время спит, и мучился именно оттого, что не мог разобраться в происходящем. Смерть Мики понял бы: если бы Неева был мертв, Мики просто ушел бы от него... и не вернулся бы.

Однако в конце концов наступила ночь, когда Мики, гоняясь за кроликом, отошел от пещеры очень далеко и впервые не стал возвращаться туда, а переночевал под кучей валежника. После этого ему стало еще труднее сопротивляться неслышному голосу, который властно звал его идти дальше. Через несколько дней он опять переночевал вдали от Неевы. А после третьей такой ночи наступила неизбежная минута — такая же неизбежная, как

восход солнца и луны,— и наперекор надежде и страху Мики твердо понял, что Неева уже никогда больше не пойдет бродить с ним по лесу, как в те чудесные летние дни, когда они плечом к плечу встречали опасности и радости жизни в мире северных лесов, которые теперь не зеленели под теплыми солнечными лучами, а тонули в белом безмолвии, исполненном смерти.

Неева не знал, что Мики ушел из пещеры, чтобы больше в нее не возвращаться. Но быть может, Иску Вапу, добрая покровительница зверья, шепнула ему во сне, что Мики ушел; во всяком случае, в течение многих дней сон Неевы был беспокойным и тревожным.

«Спи, спи! — быть может, ласково баюкала его Иску Вапу.— Зима будет длинной. Вода в реках стала черной, ледяной. Озера замерзли, а водопады застыли, как огромные белые великаны. Спи, спи! А Мики должен идти своим путем, как вода в реке должна уноситься к морю. Потому что он — пес, а ты — медведь. Спи же, спи!»

Глава XIII

В конце ноября, вскоре после первого бурана, загнавшего Нееву в берлогу, разразилась невиданная пурга, которая надолго запомнилась в северном краю, потому что с нее начался Кускета пиппун — Черный год, год внезапных и страшных морозов, голода и смерти. Пурга эта началась через неделю после того, как Мики окончательно покинул пещеру, где так крепко уснул Неева. А до этой бури над лесами, укутанными белой мантией, день за днем сияло солнце, а по ночам золотым костром горела луна и сверкали яркие звезды. Ветер дул с запада. Кроликов было столько, что в чащах и на болотах снег был плотно утрамбован их лапками. Лоси и карибу бродили по лесам во множестве, и ранний охотничий клич волков сладкой музыкой отдавался в ушах тысяч трапперов, еще не покинувших свои хижины и типи.

А потом грянула нежданная беда. Ничто ее не предвещало. Небо на заре было совсем чистым, и утром ярко светило солнце. Затем леса окутала зловещая тьма — окутала с такой неимоверной быстротой, что трапперы, обходившие свои капканы, останавливались как вкопанные и с удивлением озирались по сторонам. Тьма стремительно сгущалась, и в воздухе послышались тихие звуки, похожие на стоны. Хотя они были еле слышны, никакой самый зловещий барабанный бой не мог бы нести более грозного предостережения. Они казались отголосками дальнего грома. Но предупреждение пришло слишком поздно. Прежде чем люди успели вернуться в свои жилища или хотя бы соорудить себе временные убежища, на них обрушился Великий Буран. Три

дня и три ночи он бесчинствовал, точно бешеный бык, примчавшийся с севера. В открытой тундре ни одно живое существо не могло устоять на ногах. В лесах ветер тысячами валил деревья, громоздя стены непроходимого бурелома. Все живое закопалось в снег... или погибло. Буран намел валы и сугробы из твердой ледяной крупы, похожей на свинцовую дробь, и принес с собой жестокий мороз.

На третий день температура в области, лежащей между Шаматтавой и хребтом Джексона, упала до пятидесяти градусов ниже нуля. И только на четвертый день те, кто остался жив, рискнули выбраться из спасительных укрытий. Лоси и карибу с трудом вставали, сбрасывая с себя тяжелое бремя снега, которому были обязаны тем, что уцелели. Животные помельче прокапывали туннели из глубины сугробов. Погибло не меньше половины всех птиц и кроликов. Но наиболее богатую дань в эти дни смерть собрала среди людей. Правда, многим даже из тех, кто был застигнут бураном вдали от дома, все-таки удалось кое-как добраться до своих хижин и типи. Однако число невернувшихся было еще больше — за три ужасных дня Кускета пиппун между Гудзоновым заливом и Атабáской погибло пятьсот с лишним человек.

Перед началом Великого Бурана Мики бродил по большой гари у хребта Джексона, и при первых признаках надвигающейся пурги инстинкт заставил его поспешно вернуться в густой лес. В самой чаще он ползком забрался в глубину хаотического нагромождения упавших стволов и сломанных вершин и пролежал там, не двигаясь, все три страшных дня. Пока бушевала пурга, его томила тоска: ему хотелось вернуться в пещеру, где спал Неева, и снова прижаться к теплому боку товарища, пусть он и был недвижим, точно мертвый. Необычная дружба, так крепко связавшая их за время долгих совместных летних странствований, радости и невзгоды долгих месяцев, когда они сражались и пировали бок о бок, как братья,— все это с необыкновенной ясностью жило в его памяти, точно произошло только вчера.

Мики лежал под нагромождением бурелома, который все больше заносило снегом, и видел сны.

Ему снился Чэллонер, его хозяин, и то время, когда он еще был веселым, беззаботным щенком; ему снился тот день, когда Чэллонер принес на их стоянку Нееву, осиротевшего медвежонка, и все, что произошло с ними потом; он вновь переживал во сне разлуку с хозяином, удивительные и опасные приключения, выпавшие на их долю в лесах, и, наконец, потерю Неевы, который лег в песок на полу пещеры и не захотел больше вставать. Этого Мики никак не мог понять. И, проснувшись, Мики под завывание бурана продолжал раздумывать о том,

почему Неева не пошел с ним на охоту, а свернулся в шар и заснул странным непробудным сном. Все время, пока тянулись эти нескончаемые три дня и три ночи, Мики томился от одиночества больше, чем от голода, но и голод был мучителен: когда наутро четвертого дня он выбрался из своего убежища, от него остались только кожа да кости, а глаза застилала красная пелена. Мики сразу же посмотрел на юго-восток и заскулил.

В этот день ему пришлось пробежать по снежному насту двадцать миль, но он все-таки добрался до холма, у вершины которого была берлога Неевы. В этот день солнце в очистившемся небе сияло ослепительным огнем. Его лучи отражались от искрящегося снега, и из-за этого режущего блеска красная пелена перед глазами Мики еще больше сгущалась. Но когда он наконец добрался до цели, небо уже потемнело и только на западе горело холодным багрянцем. Над лесом сгущались ранние зимние сумерки, однако света было еще достаточно, чтобы разглядеть холмистую гряду с пещерой Неевы,— но пещера исчезла. Буран нагромоздил по склонам холма чудовищные сугробы, и они скрыли все приметные скалы и кусты. Вход в пещеру был погребен под десятифутовым слоем снега.

Замерзший, голодный, совсем исхудавший за эти трое суток, лишившийся последней надежды на возвращение к другу, Мики поплелся обратно. У него больше не было ничего, кроме нагромождения упавших стволов, под которыми он прятался от бурана; и в нем самом теперь ничего не осталось от веселого товарища и названого брата медвежонка Неевы. Стертые лапы кровоточили, но Мики упорно шел вперед. Зажглись звезды, и белый мир наполнился призрачным мерцанием. Все было скована лютым холодом. Деревья начали потрескивать. По всему лесу словно раздавались пистолетные выстрелы — это мороз разрывал сердцевину деревьев. Было тридцать пять градусов ниже нуля, и становилось все холоднее. Мики с трудом заставлял себя идти к своему логовищу под буреломом. Никогда еще его силы и воля не подвергались такому жестокому испытанию. Взрослая собака на его месте прямо упала бы в снег или попробовала бы отыскать какое-нибудь временное убежище, чтобы передохнуть. Но Мики был истинным сыном Хелея, своего великана отца, и остановить его на избранном пути могла только смерть.

Но тут случилось нечто неожиданное. Мики уже прошел тридцать пять миль, считая двадцать миль до холма и пятнадцать обратно, как вдруг наст под его лапами проломился, и он с головой ушел в рыхлый снег. Когда Мики немного опомнился и снова встал на полуотмороженные лапы, он увидел, что очутился в каком-то очень странном месте — это был шалашик из еловых веток, и в нем сильно пахло мясом! Мики тотчас обнаружил это мясо почти под самым своим носом — надетый на

колышек кусок, отрезанный от замерзшей туши карибу. Мики не стал задаваться вопросом, откуда взялось здесь это мясо, и тут же его проглотил. Объяснить ему, где он очутился, мог бы только Жак Лебо́, траппер, живший милях в десяти к востоку от этого места. Мики ел приманку, которую Лебо оставил у капкана, соорудив над ним особый шалашик. Индейцы такой шалашик называют «кекек».

Мяса было мало, но Мики сразу ободрился и почувствовал в себе новые силы. К нему полностью вернулось обоняние, и, уловив заманчивый запах, он принялся разрывать снег. Вскоре его лапы нащупали что-то жесткое и холодное. Это была сталь. Мики вытащил из-под снега капкан, предназначавшийся для пекана. Однако попался в этот капкан кролик. Хотя случилось это уже несколько дней назад, но укрытая глубоким снегом тушка не успела промерзнуть насквозь, и Мики съел ее целиком, против обыкновения не оставив даже головы. Затем он побежал к своему бурелому и крепко проспал в теплом логовище всю оставшуюся часть ночи и утро следующего дня.

В этот день Жак Лебо, которого индейцы прозвали Мукет-та-ао, что значит «Человек с дурным сердцем», обошел свои капканы, поправил раздавленные снегом кекеки, взвел спущенные пружины и положил новую приманку.

К вечеру того же дня Мики, отправившись на охоту, обнаружил след Лебо, когда бежал по замерзшему болоту, в нескольких милях от своего логова. В его душе давно уже угасло желание вновь обрести хозяина. Он подозрительно обнюхал следы индейских лыж Лебо, и шерсть на его загривке поднялась дыбом. Потом он потянул ноздрями воздух и прислушался. Наконец решившись, он осторожно пошел по этому следу и через сто ярдов наткнулся еще на один кекек. Тут тоже был кусок мяса, насаженный на колышек. Мики потянулся к нему. Возле его передней лапы послышался громкий щелчок, и захлопнувшиеся стальные челюсти капкана бросили ему в нос фонтанчик снега и хвои. Мики зарычал и замер. Его глаза были устремлены на капкан. Затем он вытянул шею и умудрился схватить мясо, не сделав больше ни шагу вперед. Вот так Мики узнал, что под снегом прячутся коварные стальные челюсти, а инстинкт подсказал ему, как не попасть в них.

Мики шел по следу Лебо еще примерно треть мили. Его не оставляло ощущение новой и грозной опасности, однако он не свернул с того следа, который манил его с непреодолимой силой. Он продолжал бежать вперед и вскоре добрался до следующей ловушки. Там он ловко стащил мясо с колышка, не захлопнув ту штуку, которая, как он теперь знал, была спрятана возле колышка. Пощелкивая длинными клыками, Мики затрусил дальше. Ему очень хотелось посмотреть на этого нового

человека, но он не торопился и съел мясо в третьем, четвертом и пятом кекеке.

Затем, когда начало смеркаться, он повернул на запад и быстро пробежал пять миль, отделявшие его от логова под буреломом. Полчаса спустя Лебо, завершив обход, отправился обратно вдоль линии капканов. Он увидел первый ограбленный кекек и следы на снегу.

— Черт побери! — воскликнул он.— Волк! И среди бела дня!

Затем на его лице отразилось изумление, он встал на четвереньки и внимательно рассмотрел следы.

— Нет! — пробормотал он.— Это не волк, это собака. Хитрая одичавшая собака, и она грабит мои капканы!

Лебо поднялся на ноги и грубо выругался. Из кармана меховой куртки он вытащил жестяную коробочку и достал из нее шарик жира. Внутри шарика была запрятана капсула со стрихнином. Это была отравленная приманка, предназначавшаяся для волков и лисиц.

Со злорадным смешком Лебо насадил смертоносный шарик на колышек перед капканом.

— Да, да, одичавшая собака! — проворчал он.— Я ее проучу! Завтра же она сдохнет.

И на все пять оголенных колышков он насадил капсулы стрихнина, скрытые в шариках из аппетитного жира.

Глава XIV

На следующее утро Мики вновь обследовал капканы Жака Лебо. Влекла его туда вовсе не возможность насытиться без всякого труда. Наоборот, он предпочел бы добыть себе завтрак охотой. Но запах человека, которым была пропитана тропа Лебо, тянул его к себе как магнит. Там, где этот запах был особенно силен, Мики хотелось лечь на землю и никуда больше не уходить. Однако вместе с этим желанием в его душе нарастал страх, и он только становился все более осторожным. Приманку и в первом кекеке и во втором он оставил нетронутой. Третью приманку Лебо удалось насадить не сразу, а потому она особенно сильно пахла его руками. Лисица сразу кинулась бы прочь от нее, но Мики сорвал ее с колышка и бросил в снег между своими передними лапами. Затем он целую минуту оглядывался по сторонам и прислушивался. Наконец он несколько раз лизнул шарик. Запах Лебо мешал Мики мгновенно проглотить этот кусочек жира, как он глотал мясо карибу. С некоторым недоверием он сжал шарик зубами. Жир показался ему очень приятным, и он уже готов был проглотить приманку, как вдруг

почувствовал какой-то едкий вкус и поспешил выплюнуть остатки шарика в снег. Однако жгучее ощущение во рту и глотке не проходило. Оно проникало все глубже, и Мики быстро проглотил комочек снега, чтобы загасить огонь, который начинал разливаться по его внутренностям.

Если бы Мики съел отравленную приманку сразу, как накануне съедал кусочки мяса, сорванные с колышков, он издох бы четверть часа спустя и Лебо не пришлось бы уходить на поиски его трупа особенно далеко. Теперь же на исходе этих первых пятнадцати минут он почувствовал себя очень скверно. Сознавая приближение какой-то новой и непонятной опасности, Мики свернул с охотничьей тропы Лебо и направился к своему логову. Но он успел пройти совсем немного, как вдруг его лапы подкосились и он рухнул в снег. Его тело задергалось в быстрых мелких судорогах. Каждая мышца конвульсивно сокращалась и дрожала. Его зубы дробно лязгали. Зрачки расширились, и он был не в силах сделать ни одного движения. А затем где-то под затылком на его шею словно легла рука душителя, и он захрипел. По его телу огненной волной прокатилось онемение. Мышцы, всего секунду назад мучительно подергивавшиеся, теперь были напряжены и парализованы. Беспощадная сила яда запрокинула его голову к спине так, что его морда вздернулась прямо в небо. Он не взвизгнул и не заскулил. Несколько минут он находился на грани смерти.

Затем паралич прошел — словно лопнули стягивавшие его веревки. Тяжелая рука на затылке исчезла, онемение в теле прошло, сменившись мелкой ознобной дрожью, а еще через секунду Мики забился на снегу в жестоких судорогах. Этот припадок длился около минуты. Когда судороги стихли, Мики еле переводил дух. Из пасти у него тянулись струйки слюны. Но он остался жив. Смерть отступила, не унеся свою жертву; еще через несколько минут Мики кое-как поднялся на ноги и с трудом побрел к своему логовищу.

Теперь Жак Лебо мог бы усеять его путь миллионами капсул с ядом — Мики не коснулся бы ни одной из них, в какую бы соблазнительную приманку они ни были заключены.

И с этих пор никакое мясо на колышке уже не могло его прельстить.

Два дня спустя Лебо пришел к тому капкану, возле которого Мики вел бой со смертью. Увидев, что его расчеты не оправдались, траппер впал в ярость. Он пошел по следу, оставленному собакой, которую ему не удалось отравить. К полудню он добрался до кучи поваленных деревьев и увидел утоптанную тропку, уводившую в щель между двумя стволами. Лебо встал на колени и заглянул в темную глубину кучи, но ничего там не разглядел. Однако Мики, чутко дремавший в своем логове, увидел человека,

и человек этот показался ему похожим на смуглого бородача, который когда-то запустил в него дубиной. Мики почувствовал мучительное разочарование, потому что где-то в глубинах его памяти по-прежнему жило воспоминание о Чэллонере — о хозяине, которого он потерял. Но каждый раз, когда он чуял запах человека, его ожидало все то же разочарование — это был не Чэллонер.

Лебо услышал, как Мики глухо заворчал, и возбужденно поднялся с колен. Забраться в глубину бурелома к одичавшей собаке он не мог и знал, что ему вряд ли удастся выманить ее наружу. Однако в его распоряжении был еще один способ — он мог выгнать ее оттуда с помощью огня!

В недрах своей крепости Мики услышал хруст снега — человек удалялся. Однако через несколько минут Лебо опять заглянул в его логово.

— Зверюга! Зверюга! — насмешливо позвал траппер, и Мики снова зарычал.

Лебо не сомневался в успехе своего плана. Лес вокруг этого хаотичного нагромождения стволов был довольно редким и без кустарника, поперечник кучи не превышал тридцати — сорока футов, и траппер был твердо уверен, что одичавшей собаке не уйти от его пули.

Он снова обошел поваленные деревья и внимательно их осмотрел. С трех сторон бурелом был погребен под глубокими сугробами, и открытой оставалась только та его часть, где Мики устроил свой лаз.

Расположившись у наветренной стороны кучи, Лебо развел там маленький костер из березовой коры и смолистых сучков. Сухие стволы и хвоя вспыхнули как порох, и через несколько минут огонь уже трещал и ревел так грозно, что Мики охватила тревога, хотя он и не понимал причины этого шума. Дым добрался до него не сразу, и некоторое время Мики продолжал недоумевать. Лебо сбросил рукавицы и, сжимая ружье напряженными пальцами, не спускал глаз с того места, где должна была появиться одичавшая собака.

Внезапно в ноздри Мики ударил душный запах гари, и перед его глазами, как прозрачная завеса, заколебалось голубоватое облачко. Потом из щели между двумя стволами выползла, завиваясь в клубы, густая струя сизого дыма, а непонятный рев раздавался все ближе и становился все более зловещим. Тут Мики наконец увидел, что за спутанными еловыми ветками мечутся желтые языки пламени, которые быстро пожирают смолистую сухую древесину. Еще через десять секунд над кучей взметнулся столб огня высотой в двадцать футов, и Жак Лебо поднял ружье, готовясь стрелять.

Хотя Мики знал, что огонь несет ему смерть, он не забывал

и про Лебо. Инстинкт, в минуты опасности наделявший его поистине лисьей хитростью, подсказал ему, откуда взялся огонь. Этого беспощадного врага наслал на него человек, который стоит перед лазом и ждет. А потому Мики, подобно лисе, сделал именно то, чего Лебо никак не предвидел. Он быстро пополз в глубину завала, продираясь сквозь спутанные макушки, добрался до снежной толщи и принялся прокапывать себе выход с быстротой, которая не посрамила бы настоящую лису. Наружную полудюймовую ледяную корку он разбил зубами и через мгновение выбрался из сугроба по ту сторону пылающих стволов, которые загораживали его от Лебо.

Пламенем была охвачена уже вся куча, и Лебо в недоумении отступил на несколько шагов в сторону, чтобы заглянуть за огромный костер. В ста ярдах он увидел Мики, который со всех ног улепетывал туда, где начиналась густая чаща.

Подстрелить его ничего не стоило, и Лебо побился бы об заклад на что угодно, что с такого расстояния он не промахнется. Траппер не торопился. Он был намерен покончить с ненавистной собакой одним выстрелом. Лебо спокойно прицелился, но в то мгновение, когда он спускал курок, ветер, как плеткой, хлестнул его по глазам струей едкого дыма, и в результате пуля просвистела в трех дюймах над головой собаки. Этот пронзительный визг был для Мики новым звуком, но он узнал грохот охотничьего ружья, а что такое ружье, ему было отлично известно. Траппер, который продолжал стрелять в него сквозь колеблющуюся завесу дыма, видел только смутную серую полоску, стремительно приближающуюся к чаще. Лебо успел выстрелить еще три раза, и Мики, ныряя в непроходимый ельник, вызывающе залаял. Последняя пуля Лебо взрыла снег у его задних лап, и он скрылся из виду.

Пережитые минуты смертельной опасности не заставили Мики уйти от хребта Джексона. Наоборот, из-за охоты, которую устроил за ним человек, он только крепче привязался к этим местам. Теперь ему было о чем думать, кроме утраты Неевы и своего одиночества. Лиса возвращается и с любопытством рассматривает бревно ловушки, которое чуть было ее не придавило. Вот так и Мики испытывал теперь непреодолимое влечение к охотничьей тропе Лебо. До сих пор запах человека пробуждал в нем только какие-то смутные воспоминания, теперь же этот запах превратился в предупреждение о вполне реальной и конкретной опасности. И Мики радовался этой опасности. Она давала пищу его хитрости и сноровке. И капканы Лебо манили его неодолимо и властно.

Убежав от своего горящего логова, Мики описал широкий полукруг и вышел к тому месту, где лыжня Лебо сворачивала к болоту. Там он спрятался и внимательным взглядом проводил

удаляющуюся фигуру Лебо, когда тот полчаса спустя прошел мимо его убежища, возвращаясь домой.

С этого дня Мики бродил возле охотничьей тропы Лебо как серый беспощадный призрак. Он двигался бесшумно и осторожно, все время держась начеку и помня обо всех опасностях, которые могли ему угрожать; оставаясь невидимым и неуловимым, точно сказочный волк-оборотень, он следовал по пятам за Лебо, когда траппер обходил капканы. И с такой же настойчивостью мысли Лебо постоянно обращались к «этой проклятой собаке», которая превратилась для него в настоящий бич. Два раза в течение следующей недели Лебо удавалось на мгновение увидеть Мики. Три раза он слышал его лай. И дважды пытался выследить пса, но оба раза, измученный и обозленный, был вынужден отправиться восвояси, так и не разделавшись со своим врагом. Застать Мики врасплох ему никак не удавалось. Мики больше не трогал приманок в кекеках. Он не прикоснулся даже к целой кроличьей тушке, которой Лебо рассчитывал его соблазнить. Не трогал он и кроликов, которые попали в капкан и уже замерзли. Но все существа, которые он находил в капканах Лебо еще живыми, Мики считал своей законной добычей. Чаще всего это были птицы, белки и кролики. Но, после того как попавшая в капкан норка больно укусила его за нос, он начал душить подряд всех норок, безнадежно портя их шкурки. Он устроил себе логово в другой куче бурелома, и инстинкт подсказал ему, что не следует ходить туда прямым путем, протаптывая тропу, которая всем бросается в глаза.

День и ночь Лебо, человек злой и жестокий, строил планы, как покончить с Мики. Он разбрасывал отравленные приманки. Он убил лань и начинил стрихнином ее внутренности. Он ставил всякие хитрые ловушки и клал в них мясо, сваренное в кипящем жиру. Он построил себе тайник из елового и кедрового лапника и просиживал в нем с ружьем долгие часы, выжидая, не покажется ли неуловимый пес. Но Мики по-прежнему оставался победителем в их жестокой войне.

Однажды Мики обнаружил в одном из капканов большого пекана. Он хорошо помнил свою летнюю встречу с таким же пеканом и таску, которую ему задал тот Учак. Но в этот вечер, когда он увидел второго Учака, в его сердце не пробудилась жажда мести. Обычно в сумерки он уже забирался в свое логово, но на этот раз его терзало ощущение такого неизбывного одиночества, что он продолжал бродить по лесу. Он томился по дружескому общению с другим живым существом. Эта тоска пожирала его, точно лихорадка. Он не чувствовал голода, не хотел охотиться. Им владела только эта неутоленная потребность, это желание обрести какого-нибудь товарища.

И вот тут-то он наткнулся на Учака. Возможно, это даже был

его летний знакомец. Но если это было так, то, значит, Учак вырос, как вырос сам Мики. Учак не пытался вырваться из стальных челюстей капкана, а сидел неподвижно, без всякого волнения ожидая решения своей судьбы. Его пышный блестящий мех был великолепен. Учак показался Мики очень теплым, мягким, каким-то уютным. Он вспомнил Нееву, сто одну ночь, которые они проспали бок о бок, и почувствовал к Учаку дружескую симпатию. Тихонько повизгивая, Мики подошел поближе. Он предлагал Учаку дружбу. Тоска, снедавшая его сердце, была так мучительна, что он рад был бы найти товарища даже в былом своем враге, лишь бы кончилось это невыносимое одиночество.

Учак не издал в ответ ни звука и не пошевельнулся. Сжавшись в пушистый шар, он внимательно следил за тем, как Мики подползает к нему на животе все ближе.

Внезапно Мики опять превратился в прежнего щенка. Он вилял хвостом, бил им по снегу и тявкал, словно говоря:

«Давай забудем нашу ссору, Учак! Будем друзьями. У меня отличное логово под вывороченными деревьями, и я добуду для тебя кролика».

А Учак по-прежнему не шевелился и хранил полное безмолвие. Наконец Мики подобрался так близко, что мог бы потрогать Учака лапой. Он подполз к нему еще немного и сильнее застучал хвостом.

«И я вызволю тебя из капкана,— возможно, объяснял он Учаку.— Этот капкан поставил двуногий зверь, которого я ненавижу».

Вдруг с такой молниеносной быстротой, что Мики не успел опомниться, Учак прыгнул вперед, насколько позволила цепь капкана, и набросился на него. Зубами и острыми как бритва когтями он раздирал нежный собачий нос. Несмотря на это, боевой задор не пробудился в Мики, и он, наверное, просто ушел бы, но тут зубы Учака впились в его плечо. С рычанием Мики попытался высвободиться, но Учак не ослабил хватки. Тогда клыки Мики сомкнулись на шелковистом затылке пекана. Когда он их разжал, Учак был уже мертв.

Мики пошел прочь, не испытывая никакого торжества. Он одолел врага, но победа не принесла ему удовлетворения. Мики, молодой одичавший пес, испытывал то же чувство, которое нередко сводит с ума людей. Он был один в огромном пустом мире — чужой для всех. Он изнывал от желания предложить кому-нибудь свою дружбу и убеждался, что все живые существа либо боятся его, либо ненавидят. Он был отщепенцем, бродягой без рода и племени. Конечно, он не сознавал всего этого, но им тем не менее овладело безысходное уныние.

Мики не стал возвращаться к себе в логово. Он присел на

задние лапы посреди небольшой поляны, прислушивался к звукам ночи и смотрел, как в небе зажигаются звезды. Луна вставала рано, и, когда над темными вершинами всплыл ее огромный красноватый диск, словно полный таинственной жизни, Мики задрал морду и тоскливо завыл. Когда чуть позже он вышел на большую гарь, там было светло как днем, так что за ним бежала его тень и все предметы вокруг тоже отбрасывали тени. И тут к нему с ночным ветром донесся звук, который он уже много раз слышал прежде.

Сначала он был очень далеким, этот звук, и слышался в ветре как эхо, как отзвук неведомых голосов. Уже сотню раз Мики слышал его — охотничий клич волчьей стаи. С тех пор как волчица Махигун располосовала ему плечо в дни, когда он был еще доверчивым щенком, Мики всегда уходил в сторону, противоположную той, где раздавался голос волчьей стаи. Он испытывал к этому голосу почти ненависть. И все же это был голос его далеких предков, и он пробуждал в его душе странное, неодолимое волнение. И вот теперь оно властно заглушило в нем страх и ненависть. Далекий клич обещал ему общество существ, похожих на него. Там, откуда доносились волчьи голоса, его дикие сородичи бежали стаей, они бежали по двое и по трое, они были товарищами. Мики задрожал всем телом и испустил ответный вой, а потом еще долго тихонько поскуливал.

Однако прошел час, а ветер больше не доносил до него волчьих голосов. Стая повернула на запад, и ее вой затих в отдалении. Озаренные ярким светом луны, волки пробежали мимо хижины метиса Пьерро́.

У Пьерро остался ночевать путешественник, направлявшийся в форт О'Год. Он увидел, как Пьерро перекрестился и зашептал слова молитвы.

— Это бешеная стая, мосье,— объяснил Пьерро.— Они кесквао уже с новолуния. В них вселились бесы.

Он чуть-чуть приоткрыл дверь хижины, и они ясно расслышали дикие завывания. Когда Пьерро захлопнул дверь, его лицо выражало суеверный страх.

— Иногда зимой волки становятся такими... кесквао — бешеными,— сказал он, вздрогнув.— Три дня назад их в стае было двадцать, мосье. Я сам их видел и считал их следы. Но за эти дни те, кто сильнее, успели разорвать и сожрать тех, кто послабее. Слышите, как они беснуются? Объясните, мосье, почему это так? Почему зимой волки заболевают бешенством, когда для этого нет обычных причин — ни жары, ни испорченного мяса? Вы не знаете? Ну, так я скажу вам, в чем тут дело. Это не настоящие волки, а оборотни. В их тела вселились бесы и не оставят их, пока они все не погибнут. Волки, взбесившиеся во

время зимних вьюг, мосье, всегда погибают. Вот что самое удивительное — они всегда погибают.

А стая бешеных волков от хижины Пьерро повернула на восток к большому болоту, где на деревьях белели крестообразные зарубки, которыми Жак Лебо отмечал границы своего охотничьего участка. Луна освещала четырнадцать серых теней. Конечно, суеверная выдумка Пьерро может вызвать только улыбку, но тем не менее никто пока еще не может точно объяснить, почему в глухие зимние месяцы той или иной волчьей стаей иногда овладевает настоящее безумие. Возможно, все начинается с того, что в такой стае оказывается «дурной» волк. Известно, что «дурная» ездовая собака набрасывается на своих товарищей без всякого повода и кусает их, так что все они постепенно заражаются ее болезнью, и недавно еще дружная упряжка превращается в скопище злобных и опасных зверей. Вот почему опытный каюр предпочитает поскорее избавиться от такой собаки — убивает ее или прогоняет в лес.

Волки, которые ворвались в охотничьи угодья Лебо, были красноглазыми и тощими. Бока у всех были располосованы, а у некоторых в пасти клубилась кровавая пена. Они бежали не так, как бегут волки, когда они гонятся за добычей. Они косились друг на друга со злобой и недоверием, трусливо поджимали хвосты и выли свирепо и беспричинно,— их беспорядочные бешеные вопли совсем не походили на басовый охотничий клич стаи, идущей по следу. Едва они отдалились от хижины Пьерро настолько, что он перестал слышать их вой, как один из них случайно задел соседа тощим серым плечом. Второй волк обернулся и с молниеносной быстротой «дурной» собаки в упряжке вонзил клыки в шею первого. Если бы ночной гость Пьерро мог увидеть их в эту минуту, он и без объяснений понял бы, почему за три дня их стало уже не двадцать, а четырнадцать.

Эти два волка свирепо сцепились, а остальные двенадцать остановились, осторожно подобрались к месту схватки и сомкнулись вокруг двух пьяных. Из их полуоткрытых пастей капала слюна, они хранили угрюмое молчание — только щелкали зубы да изредка слышалось глухое жадное повизгивание. И вот произошло то, чего они дожидались,— один из дерущихся упал. Противник опрокинул его на спину, и наступил конец. Двенадцать волков сомкнулись над ним и разорвали его в клочья, как и рассказывал Пьерро. После этого оставшиеся в живых тринадцать волков побежали дальше по охотничьему участку Лебо.

После часа нерушимой тишины Мики вновь услышал их голоса. За это время он уходил от леса все дальше и дальше. Большая гарь осталась позади, и теперь он бежал по открытой равнине, пересеченной крутыми грядами каменистых холмов и прорезанной у дальнего конца широкой рекой. Равнина казалась

менее угрюмой, чем лес, и ощущение одиночества томило Мики не так сильно, как час назад.

И вот над равниной пронесся волчий вой.

Второй раз за эту ночь Мики не бросился убегать, а застыл в ожидании на вершине скалы, венчавшей небольшой холм. Она была такой узкой, что рядом с ним лишь с трудом могла бы уместиться другая собака. Внизу во все стороны простиралась снежная равнина, призрачно-белая в свете луны и звезд. Мики почувствовал неодолимое желание ответить своим диким родичам. Он задрал морду так, что его черный нос указывал прямо на Полярную звезду, и из его горла вырвался протяжный вой. Однако вой этот был очень тихим, потому что, несмотря даже на гнетущее ощущение одиночества, Мики помнил про осторожность и не хотел выдавать своего присутствия. Больше он не издал ни звука, а когда волки приблизились, все его тело напряглось, мышцы вздулись буграми, а в горле заклокотало еле слышное рычание, совсем не похожее на призывный клич. Он почувствовал, что приближается опасность. В волчьих голосах он уловил то злобное безумие, которое заставило Пьерро перекреститься и пробормотать молитву против волков-оборотней. Мики же молиться не стал, а только распластался на камне.

И тут он увидел волков. Они смутными тенями быстро приближались к нему, отрезая его от леса. Внезапно они остановились, и голоса их стихли: сгрудившись, волки обнюхивали его свежий след. Потом они ринулись в сторону холма, на котором он притаился, и вой, вырвавшийся из их глоток, стал еще более безумным и свирепым. Через несколько секунд они достигли холма и проскочили мимо скалы — все, кроме одного. Но этот огромный серый волк кинулся вверх по склону прямо к добыче, которую остальные еще не успели заметить. При его приближении Мики глухо зарычал. Снова ему предстояла упоительная смертельная схватка. И вновь кровь огнем растеклась по его жилам, а страх развеялся, точно дым костра на ветру. Если бы только за его спиной стоял Неева, чтобы было кому разделаться с врагами, которые попробуют подобраться к нему сзади!

Мики вскочил и прыгнул навстречу волку. Их зубы, встретившись, лязгнули, и волк на горьком опыте убедился, что челюсти этого врага оказались сильнее его челюстей; еще миг — и он в предсмертных судорогах покатился вниз по склону с перекушенным горлом. Однако его тут же сменило другое серое чудовище. Этого волка Мики схватил за горло, едва его голова возникла над гребнем холма. Острые клыки располосовали мохнатую шкуру, как сабельный удар, и кровь из разорванной артерии фонтаном ударила вверх. Второй волк покатился вниз вслед за первым, но тут на Мики обрушилась вся стая, и он оказался погребенным под копошащейся массой их тел.

Если бы их было двое или трое, они расправились бы с Мики так же быстро, как он с первыми двумя волками. Но в первый момент его спасла многочисленность беснующихся врагов. На ровном месте его разорвали бы в клочья, как старую тряпку, но вершина скалы была не больше обеденного стола, и на несколько секунд волки, подмявшие его под себя, не могли понять, куда он девался, и кусали своих соседей. Обезумевшая стая пришла в исступленную ярость, и, забыв о Мики, волки начали драться между собой. А Мики, опрокинутый на спину, придавленный к камню, кусал навалившиеся на него тела.

Потом в его ляжку впились острые клыки, и он почувствовал невыносимую боль. Клыки продолжали беспощадно смыкаться, но тут, как раз вовремя, на вцепившегося в него волка напал другой волк, и тот разжал челюсти. Затем Мики почувствовал, что катится с обрыва вниз, а за ним сорвалась половина оставшихся в живых волков.

Боевой задор в душе Мики тотчас угас, и в нем заговорила та лисья хитрость, которая уже не раз выручала его в минуту опасности, когда зубы и когти оказывались бессильными. Он вскочил на ноги, едва достигнув земли, и сразу же помчался через равнину к реке. Когда стая заметила его бегство, их от него отделяло уже около семидесяти шагов. В погоню за ним бросилось только восемь волков. Перед нападением их было тринадцать, но теперь пятеро валялись у подножия холма мертвые или умирающие. Двух убил Мики, а с остальными тремя расправились их собственные товарищи.

В полумиле впереди находились скалистые береговые обрывы, и Мики как-то провел там ночь в узком туннеле под грудой огромных камней. Он прекрасно помнил этот тесный проход, обещавший спасение. Только бы добраться до этих камней и нырнуть в туннель! А там он встанет у входного отверстия и по одному прикончит всех своих врагов, потому что нападать там на него они смогут только по очереди и в одиночку. Но он придумал этот план, не взяв в расчет настигавшего его могучего волка, самого свирепого и быстрого из всей безумной стаи,— этого волка можно было бы вполне заслуженно назвать Вихрем. Он серой молнией обогнал своих менее быстроногих товарищей, и Мики услышал за самой своей спиной его хриплое дыхание, когда до берега было еще далеко. Даже Хелей, отец Мики, не мог бы бежать стремительней своего молодого сына, но Вихрь все-таки нагонял его. Вскоре морда гигантского волка почти поравнялась с бедром Мики. Тот напряг все силы и немного вырвался вперед. Но затем со зловещим и безжалостным упорством Вихрь отыграл это преимущество и начал постепенно обгонять Мики, намереваясь вцепиться ему в горло.

Груда камней находилась шагах в ста пятидесяти от них

и немного правее. Но, повернув вправо, Мики угодил бы прямехонько в пасть Вихря, а если бы ему и удалось увернуться, враг все равно настиг бы его прежде, чем он успел бы нырнуть в туннель и встать в боевую позицию у входа,— это Мики понимал прекрасно. Остановиться и принять бой значило бы тут же погибнуть, потому что сзади приближались остальные волки.

Еще десять секунд — и они достигли берегового обрыва. На самом его краю Мики повернулся и прыгнул на Вихря. Он чуял свою смерть, и вся его ненависть обратилась на волка, который его нагнал. Они покатились по земле. В трех шагах от обрыва челюсти Мики впились в горло Вихря, и тут на них накинулась стая. Сила инерции увлекла их вперед. Они ощутили под собой пустоту и рухнули вниз. Мики упрямо продолжал сжимать зубами горло врага. Они несколько раз перевернулись в воздухе, а потом его тело сотряс страшный удар. Мики повезло — он упал на Вихря. И все же, хотя тело огромного волка смягчило его падение, словно подушка, Мики был оглушен и не сразу пришел в себя. Только минуту спустя он, пошатываясь, поднялся на ноги. Вихрь лежал неподвижно. Он разбился насмерть. Немного поодаль валялись еще два мертвых волка, которые не сумели вовремя остановиться.

Мики посмотрел вверх. На фоне звезд высоко над своей головой он разглядел край обрыва. По очереди обнюхав трех мертвых волков, Мики захромал вдоль подножия скал, но вскоре заметил широкую щель между двумя большими камнями. Он забрался туда, лег на снег и принялся зализывать раны. Оказалось, что на свете есть вещи похуже капканов Лебо. Как знать, не отыщется ли что-нибудь и похуже людей!

Немного погодя Мики положил большую голову на передние лапы. Постепенно звезды словно потускнели, а снег посерел — он заснул.

Глава XV

В излучине речки Трех Сосен, затерянной в лесах между Гудзоновым заливом и бассейном Шаматтавы, стояла хижина траппера Жака Лебо. Во всех этих краях не нашлось бы человека хуже Лебо, если только не считать его давнего соперника Анри́ Дюра́на, который охотился на лисиц милях в ста севернее. Лебо, великан с тупым, угрюмым лицом и крохотными зелеными глазками, говорившими только о жестокости и бездушии, был отпетым негодяем. Индейцы в своих хижинах и типи понижали голос, упоминая его имя, и добавляли, что он — сущий дьявол.

По злой прихоти судьбы Лебо сумел обзавестись женой. Если бы она была сварливой бой-бабой, такой же свирепой и злобной,

как он сам, возможно, их брак по-своему оказался бы удачным. Но жена Лебо меньше всего походила на бой-бабу. Ее кроткое лицо все еще хранило следы редкостной красоты, несмотря на то что щеки ее стали бледными и худыми, а в глазах застыл вечный страх. Муж сломил ее, превратил в покорную, безвольную рабыню, которая трепетала перед ним. Лебо считал, что жена такая же его собственность, как и его собаки. У них было двое детей, но один ребенок умер, и когда несчастная женщина думала, что и второй может умереть, в ее темных глазах вспыхивал былой огонь.

— Нет, нет! Ты не умрешь! Клянусь, ты не умрешь! — иногда вскрикивала она, крепче прижимая к себе малютку. Именно в эти минуты по ее щекам разливался румянец, глаза загорались, и можно было догадаться, что прежде она была не только красива, но и горда.— Придет день...— говорила она.— Придет день...— но никогда не доканчивала фразы, не решаясь поделиться своими надеждами даже с младенцем.

Иногда она позволяла себе помечтать — ведь она была еще совсем молода. Именно об этом она думала, пока, наклонясь к маленькому треснувшему осколку зеркала, расчесывала черные блестящие волосы, которые, когда она их распускала, падали ниже колен. Пусть ее красота поблекла, но волосы оставались прежними. Впрочем, в ее глазах и лице еще жили отблески прошлого, и, несомненно, Нанетта могла бы еще расцвести, если бы судьба избавила ее от невыносимой жизни, на которую ее обрекал Лебо.

Она еще несколько минут продолжала наклоняться к зеркальцу, но тут снаружи снег заскрипел под тяжелыми шагами.

И сразу же лицо Нанетты совсем погасло. Лебо накануне отправился обходить капканы, и ей дышалось свободнее, но теперь он возвращался, и она оледенела от страха. Уже два раза он заставал ее врасплох перед зеркалом и набрасывался на нее со свирепой руганью: нашла время пялиться на себя, лучше бы занялась выделкой шкурок! А второй раз он, кроме того, ударил ее так, что она отлетела к стене, и вдребезги разбил зеркало,— ей удалось подобрать только небольшой надтреснутый осколок, который она могла целиком закрыть своей маленькой ладонью. Теперь она берегла этот осколок как драгоценное сокровище и твердо решила сохранить его, укрыв от глаз мужа. Услышав шаги Лебо, она поспешно спрятала зеркальце в тайнике и торопливо заплела пышные волосы в толстую косу. Ее глаза вновь потускнели от испуга и страшных предчувствий. Тем не менее, когда Лебо вошел, она взглянула на него почти с надеждой. Но он вернулся домой в самом черном настроении. Швырнув на пол принесенные шкурки, он поглядел на жену и угрожающе прищурился.

— Этот пес опять побывал там,— проворчал он, кивая на шкурки.— Погляди, как он испортил пекана! Да к тому же обобрал все приманки и повалил кекеки. Черт побери, я с ним посчитаюсь! Искромсаю на мелкие кусочки, как только изловлю, а изловлю я его завтра. А сейчас давай ужин, а потом берись за дело. Зашей шкурку пекана, где этот пес ее порвал, а шов хорошенько затри жиром, чтобы Макдóннел не заметил, что она подпорчена, когда я отвезу меха на факторию. Разрази меня бог, опять эта девчонка разоралась! Почему она у тебя всегда вопит, когда я прихожу домой? Ну-ка, отвечай!

Вот так Лебо поздоровался с женой. Он швырнул лыжи в угол, потоптался, отряхивая снег с сапог, а потом отрезал кусок жевательного табака от темной плитки, лежавшей на полке над плитой. Потом он вышел во двор, а Нанетта уныло и безнадежно начала собирать ему ужин.

Лебо направился к обнесенному частоколом навесу, где он держал своих собак. Лебо любил хвалиться, что ни у кого от Гудзонова залива до самой Атабаски не найдется таких свирепых упряжных псов. Анри Дюран, живший на сто миль севернее, оспаривал у него эту славу, откуда и пошло их соперничество. Лебо давно мечтал выдрессировать такого боевого пса, который на новогоднем празднике в фактории Форт О'Год в клочья растерзал бы собаку Дюрана. К этому Новому году он готовил могучего пса, которому дал кличку Нéте — убийца. Он намеревался поставить на Нете все свои наличные деньги, чтобы раз и навсегда посрамить хвастуна Дюрана. И теперь он подозвал к себе именно Нете.

Пес подошел к хозяину глухо рыча, и впервые на лице Лебо отразилось что-то вроде радости. Это рычание доставляло ему большое удовольствие. Ему нравилось смотреть, как в глазах Нете загорается красный коварный огонь, нравилось слышать, как угрожающе щелкают зубы пса. Он, не жалея дубинки, выбил из Нете все чувства, кроме злобы и свирепости, и превратил собаку в четвероногое подобие самого себя. Он сделал из Нете настоящего дьявола. Вот почему Лебо твердо рассчитывал, что его пес без труда разделается с прославленным бойцом Дюрана.

Лебо посмотрел на Нете и самодовольно крякнул.

— Ты хорошо выглядишь, Нете! — злорадствовал он.— Я так и вижу, как из шеи дюрановского ублюдка брызнет кровь, когда ты вонзишь в нее вот эти клыки! А завтра я устрою тебе проверку — самую лучшую! Я спущу тебя на одичавшую собаку, которая грабит мои кекеки и рвет в клочья моих пеканов. Я изловлю ее, и ты будешь с ней драться и справишься с ней, а уж тогда тебе нипочем будет дворняга мосье Дюрана. Понял, Нете? Завтра у тебя будет проверка.

Глава XVI

Пока траппер разговаривал со своей собакой, в десяти милях к западу Мики крепко спал в логове под большой кучей бурелома, от которой до охотничьей тропы Лебо было не более полумили.

На рассвете Лебо вышел из хижины и, взяв с собой Нете, отправился к своим капканам, и примерно в тот же час Мики выбрался из-под поваленных стволов, полный непонятного беспокойства. Всю ночь ему снились первые недели, которые он провел в лесах после того, как потерял хозяина,— те дни, когда он был неразлучен с Неевой. Эти сны нагнали на него тоску, и, глядя, как ночной сумрак медленно тает под лучами зари, Мики тихонько поскуливал, точно ему хотелось пожаловаться на свое одиночество.

Если бы Лебо мог увидеть «этого проклятого пса» в ту минуту, когда его озарил свет негреющего солнца, он, пожалуй, утратил бы веру в победу Нете. Ведь Мики, хотя ему от роду было только одиннадцать месяцев, успел вырасти в настоящего гиганта. Он весил шестьдесят фунтов, но из этих шестидесяти фунтов на бесполезный жир не приходилось ничего. Его тело было поджарым и мускулистым, как у волка. Когда он бежал, на его массивной груди буграми вздувались тугие мышцы. Неутомимые ноги он унаследовал от своего отца Хелея, могучего гончего пса, а его челюсти дробили кости карибу с такой же легкостью, с какой Лебо мог бы раздробить их при помощи камня. Он прожил на свете всего одиннадцать месяцев, но восемь из них он прожил в лесах. И эта дикая жизнь закалила его, она подвергла его всевозможным жестоким испытаниям без скидки на возраст, научила борьбе за существование, научила охотиться и защищаться, научила сначала думать, а потом уж пускать в ход клыки. Силой он не уступал Нете, который был вдвое старше его, но его сила сочеталась с удивительной хитростью и стремительностью, тогда как Нете был лишен этих качеств — их в нем ничто не воспитало. Суровая школа дикой природы хорошо подготовила Мики к этому дню, которому суждено было стать роковым для него и для Нете.

Когда солнце зажгло лес холодным белым пламенем, Мики затрусил к охотничьей тропе Лебо. Он вышел на то место, где Лебо проходил накануне, и подозрительно втянул в ноздри человеческий запах, который еще держался в следах лыж. Мики уже успел привыкнуть к этому запаху, но по-прежнему испытывал к нему недоверие. И все-таки, хотя запах Лебо был ему отвратителен, его неодолимо влекло к капканам траппера. Этот запах внушал ему необъяснимый страх, и тем не менее он не находил в себе сил уйти от него. Трижды за последние десять

дней он видел самого человека: однажды ничего не подозревавший Лебо прошел всего в десяти шагах от того места, где притаился Мики.

Вот и теперь Мики побежал прямо к болоту, где Лебо ставил свои капканы. Там водилось очень много кроликов, и именно они чаще всего забирались в кекеки Лебо — в маленькие шалаши из лапника, которые траппер строил, чтобы приманку не заносило снегом. Кроликов было множество, и они выводили Лебо из себя: при каждом обходе он обнаруживал кролика в двух из каждых трех капканов, которые ставил для поимки ценных пушных зверей. Однако в местах, где изобилуют кролики, водятся также пеканы и рыси — вот почему Лебо, хотя он и проклинал расплодившихся кроликов на чем свет стоит, все-таки продолжал ставить ловушки именно в этом болоте. А теперь, помимо этой длинноухой чумы, его начала допекать одичавшая собака.

Лебо, предвкушая расправу с ненавистным псом, торопливо шагал по снегу, сверкающему блестками утреннего солнца, а за ним на поводке из сыромятного ремня бежал Нете. Когда Лебо и Нете подошли к болоту, Мики в трех милях к западу от них обнюхивал первый кекек.

Накануне утром он убил пекана именно тут, но теперь кекек был пуст — исчез даже колышек для приманки, и не было заметно никаких признаков спрятанного капкана. Пробежав четверть мили, Мики осмотрел второй кекек и обнаружил, что он тоже пуст. Это сбило его с толку, и он направился к третьему кекеку, но, прежде чем приблизиться к шалашику, несколько минут недоверчиво нюхал воздух. Следов человека тут оказалось особенно много. Снег был плотно утоптан, а запах Лебо так сильно ударил ему в ноздри, что на мгновение Мики представилось, будто траппер прячется где-то совсем рядом. Потом Мики сделал несколько осторожных шагов вперед, заглянул в отверстие шалашика и увидел припавшего к земле большого кролика, который смотрел на него круглыми испуганными глазами. Мики заподозрил какую-то опасность и остановился. Ему очень не понравилась поза Вапуза, старого кролика. Другие кролики, которых он находил в кекеках Лебо, либо бились в капкане, либо лежали вытянувшись, почти замерзнув насмерть, либо болтались в волосяной петле. Но этот Вапуз сидел, сжавшись в теплый пушистый комок. Дело в том, что этого кролика Лебо изловил руками в дупле упавшего дерева и привязал ремешком к колышку, а потом расставил чуть поодаль от него целое гнездо капканов и засыпал их снегом.

Мики подходил к гибельной ловушке все ближе и ближе, несмотря на то, что ощущения надвигающейся опасности становились все сильнее. Вапуз, словно завороженный его медлен-

ным, неотвратимым приближением, сидел неподвижно, как каменный. И тут Мики прыгнул. Его челюсти сомкнулись на спине кролика, и в тот же миг раздался лязг стали, и его заднюю лапу сдавил капкан. С рычанием Мики уронил кролика и повернулся. Щелк! Щелк! Щелк! Два капкана захлопнулись впустую, но третий защемил его переднюю лапу. С той же стремительностью, с какой он только что схватил кролика, с той же яростью, с какой накануне он убил пекана, Мики стиснул зубами этого нового беспощадного врага. Его клыки скрипнули на холодной стали. Он в буквальном смысле слова содрал капкан с лапы, так что снег вокруг заалел от брызнувшей крови. Мики исступленно извернулся, чтобы освободить и заднюю лапу. Однако капкан держал ее крепко. Мики грыз его, пока из пасти у него не полилась кровь. Он все еще продолжал эту неравную борьбу с холодной сталью, когда из ельника, в двадцати шагах от шалашика, вышли Лебо и Нете.

Траппер остановился. Он тяжело дышал, а его глаза горели злорадством — он еще в двухстах шагах от кекека услышал лязганье цепи, удерживавшей капкан.

— Ага, попался! — прохрипел Лебо, дергая поводок Нете.— Он попался, Нете! Проклятый разбойник, с которым ты должен разделаться. Сейчас я спущу тебя с поводка, и тогда... Куси, куси его!

Мики перестал грызть капкан и замер, не спуская с них глаз. Когда опасность стала явной, его страх перед этим человеком исчез бесследно. Теперь им владели только ярость и жажда боя. Инстинктивно он разобрался в истинном положении вещей: его врагами были человек и пес, а не эта холодная штука, схватившая его за ногу. Он все вспомнил так, словно это случилось вчера: ему уже доводилось видеть человека с дубинкой в руке. А Лебо тоже сжимал в руке увесистую дубинку. Но Мики не испугался. Его пристальный взгляд был устремлен на собаку. Спущенный с поводка Нете застыл в десятке шагов от кекека — щетинистая шерсть у него на загривке встала дыбом, все тело было напряжено.

Мики услышал голос человека:

— Хватай его, Нете! Куси его!

Мики ждал не шевелясь. Суровые уроки, преподанные ему лесной жизнью, научили его выжидать, наблюдать и пускать в ход хитрость. Он распластался на брюхе, положив нос между передними лапами. Его губы чуть-чуть приподнялись, слегка приоткрыв клыки. Но он не рычал, и только в неподвижных глазах горели два огонька. Лебо был поражен. Его вдруг охватило новое возбуждение, и он даже забыл о своем намерении отомстить этому псу за испорченные шкурки. Ему никогда не приходилось видеть, чтобы попавшие в капкан рысь, лиса или

волк вели себя таким образом. И он еще не встречал собаки с такими глазами, как эти глаза, неподвижно смотревшие на Нете. Лебо даже дышать перестал.

Шаг за шагом, дюйм за дюймом подбирался Нете к своей жертве. Расстояние между ними все сокращалось: десять шагов, восемь, шесть. Мики не шелохнулся, даже ни разу не моргнул. С тигриным рыком Нете кинулся на него.

И тут произошло чудо — так, по крайней мере, показалось Жаку Лебо. С быстротой, настолько молниеносной, что траппер почти не уловил этого движения, Мики проскочил под брюхом Нете на всю длину цепи, удерживавшей капкан, повернулся и вцепился Нете в горло. Все это не заняло и пяти секунд. Собаки упали в снег, а Лебо крепче сжал дубинку в руке и смотрел на них как завороженный. Он услышал хруст сжимающихся челюстей и понял, что это сжимаются челюсти дикого пса; он услышал рычание, которое медленно превратилось в болезненный хрип, и понял, что это хрипит Нете. Лицо траппера побагровело. Глаза его налились кровью. Его переполняло неистовое возбуждение. Он уже смаковал верную победу над давним соперником.

— Вот дьявол! Он совсем загрыз Нете! — пробормотал Лебо, задыхаясь.— Нет, такой собаки я еще не видывал. Я его не убью, а возьму живьем, и он раздерет в клочья хваленую собаку Анри Дюрана. В Форте О'Год он покажет этому ублюдку... Черт подери...

Нете почти уже перестал хрипеть, и, подняв дубинку, Лебо подбежал к собакам. Продолжая сжимать зубы на горле Нете, Мики краешком глаза заметил приближение новой опасности. Он отпустил врага и рванулся в сторону, пытаясь увернуться от спускающейся дубинки. Это удалось ему лишь отчасти — дубинка задела его по плечу, и он был сбит с ног. Однако Мики тотчас вскочил и прыгнул на Лебо. Траппер умел орудовать дубинкой. Всю свою жизнь он совершенствовался в этом умении и теперь, внезапно повернув руку, ударил Мики по голове сбоку с такой силой, что у него из пасти и ноздрей брызнула кровь. Он был оглушен и полуослеп. Новый прыжок — и новый удар дубинкой. Мики услышал смех Лебо, полный свирепой радости. Дубинка в третий, в четвертый, в пятый раз валила его на землю, и Лебо перестал смеяться, а в его глазах появилось что-то вроде страха. В шестой раз траппер промахнулся, и клыки Мики сомкнулись на его груди. Они разодрали толстую куртку и рубаху, точно папиросную бумагу, и располосовали кожу Лебо. На десять дюймов выше — и они впились бы в горло траппера, но глаза Мики были залиты кровью, и он плохо рассчитал прыжок. Перепуганный насмерть Лебо отчаянно завопил.

— Нете! Нете! — кричал траппер, бестолково размахивая дубинкой.

Нете не отозвался. Возможно, в эту минуту он понял, что чуть было не погиб из-за жестокости своего хозяина. А вокруг был дикий лес, распахивавший перед ним врата свободы. Когда Лебо снова позвал Нете, тот, оставляя кровавые следы, улепетывал в чащу. Больше траппер его не видел. Возможно, Нете пристал к какой-нибудь волчьей стае — ведь он сам был на четверть волком.

Лебо некогда было глядеть ему вслед. Он снова взмахнул дубинкой и снова промахнулся. На этот раз его спасла чистая случайность. Цепь завязалась узлом, и Мики был отброшен на снег в тот самый миг, когда траппер уже ощутил горячее дыхание собаки на своей шее, в непосредственной близости от сонной артерии. Мики шлепнулся на бок. Прежде чем он успел подняться, дубинка начала молотить по его голове, вбивая ее в снег. У него потемнело в глазах. Встать на ноги он уже не мог. Он лежал оглушенный и слушал над собой задыхающийся, ликующий голос человека. Лебо радовался своей победе и, несмотря на свою душевную тупость, не мог унять дрожи, которая сотрясала его при мысли, что его чуть было не настигла смерть, не дотянувшаяся до его горла всего на два звена цепи.

Глава XVII

Под вечер Нанетта, жена Лебо, увидела, что он уж вышел из леса, волоча что-то за собой по снегу. Когда она услышала проклятья, которыми траппер осыпал одичавшую собаку, в ее душе сразу зародилась жалость к ней. Когда-то, еще до рождения первого ребенка, у Нанетты была собака, к которой она очень привязалась. Собака в свою очередь питала к ней преданную любовь, но Лебо так жестоко обращался с четвероногим другом жены, хоть немного скрашивавшим ее безрадостное существование, что Нанетта сама отвела свою любимицу подальше в лес. И та, как теперь Нете, предпочла опасности свободной жизни в лесу свирепым побоям траппера. Вот почему Нанетта сочувствовала псу, грабившему капканы ее мужа, и надеялась, что он избежит участи, которую готовил ему траппер.

Когда Лебо подошел ближе, Нанетта увидела, что он тащит за собой волокушу, сооруженную из четырех жердей, и, разглядев прикрученный к этим жердям живой груз, она вскрикнула от ужаса.

Лапы Мики были растянуты между жердями и привязаны так крепко, что он не мог пошевелиться. Его шея была стянута веревкой, также привязанной к поперечине, а его морду Лебо

обмотал сыромятным ремнем, соорудив намордник, который не под силу было бы разорвать даже медведю. Лебо спеленал Мики таким образом, пока тот еще не пришел в себя после избиения. Нанетта глядела на окровавленную собаку, не в силах сказать ни слова. Она много раз видела, как Лебо избивал ездовых собак своей дубинкой, но такое зрелище ей представилось впервые. Голова и плечи Мики представляли собой смерзшуюся кровавую массу. Потом Нанетта увидела его глаза. Их взгляд был устремлен прямо на нее, и она отвернулась, опасаясь, как бы муж не заметил выражения ее лица.

Лебо втащил волокушу в хижину, распрямился и, потирая руки, с торжеством созерцал распростертого на полу Мики. Нанетта поняла, что траппер в прекрасном настроении, и молча ждала какого-нибудь объяснения.

— Черт побери! Видела бы ты, как он совсем было загрыз Нете! — восторгался Лебо.— Да-да! Ты и глазом не успела бы моргнуть, как он уже схватил его за горло. И два раза чуть-чуть не прокусил горло и мне, да только я вовремя успел угостить его дубинкой. Господи! От собаки Дюрана только клочья полетят, когда они встретятся в Форте О'Год. Я побьюсь с кем-нибудь об заклад, что он покончит с хваленым дюрановским бойцом прежде, чем секундная стрелка на часах фактора успеет два раза обежать циферблат. Такой зверюги я еще не видывал! Пригляди за ним, Нанетта, а я пойду построю для него отдельную загородку. Если посадить его к другим собакам, он их всех растерзает.

Мики проводил Лебо взглядом до двери хижины, а потом сразу же опять посмотрел на Нанетту. Она подошла и нагнулась к нему. В ее глазах блестели слезы. Мики глухо зарычал, но рычание тут же замерло у него в горле. Он в первый раз видел перед собой женщину и тотчас почувствовал, что это существо разительно отличается от двуногого зверя, который избил его и связал. Сердце в его искалеченном, израненном теле вдруг замерло: Нанетта заговорила с ним! Он никогда еще не слышал таких звуков — ласковых, тихих, сочувственных. А потом — чудо из чудес! — она опустилась рядом с ним на колени и погладила его по голове.

Это прикосновение пробудило в Мики древний забытый инстинкт, родившийся в те далекие времена, когда собачьих пород еще не существовало и другом первобытного человека была просто «собака», которая играла с его детьми и получала еду из рук женщины. В нем вновь проснулась собачья преданность всему человеческому роду.

А женщина подбежала к плите, вернулась с тазиком теплой воды и мягкой тряпочкой и принялась смывать кровь с его головы, что-то приговаривая ласковым голосом, полным жалости

и любви. Мики закрыл глаза. Он перестал бояться. Из его груди вырвался судорожный вздох. Ему хотелось высунуть язык и лизнуть худые нежные руки, которые облегчали его боль и дарили ему спокойствие. И тут случилось совсем непонятное: проснувшаяся малышка села в своей колыбели и принялась что-то весело лепетать. Мики растерянно слушал эти новые звуки, эту весеннюю песенку жизни. Она совсем покорила его: хотя он и не отдавал себе в этом отчета, однако он открыл глаза и тихонько взвизгнул.

Женщина радостно засмеялась — этот смех был для нее самой почти так же нов и непривычен, как для Мики. Она подбежала к колыбели и вернулась к Мики; держа дочку на руках, снова опустилась на колени рядом с ним, а малышка при виде большой живой игрушки на полу протянула к ней ручонки и начала от восторга брыкать ножками в крохотных мокасинах, ворковать, смеяться и подпрыгивать. Мики весь напрягся, стараясь вырваться из своих уз, чтобы потыкаться носом в это удивительное маленькое существо. Он забыл про боль. Покрытое синяками и ранами тело как будто перестало ныть. Он уже не замечал, что задние лапы у него совсем отнялись — так туго они были стянуты ремнями. Эти два чудесные существа подчинили себе все его чувства и инстинкты.

Нанетта в эту минуту превратилась в настоящую красавицу. Она догадалась, что происходит с Мики, и ее сердце радостно забилось. Она на мгновение забыла про Лебо. Ее глаза блестели, как звезды. Бледные щеки зарумянились. Посадив малышку на пол, она продолжала отмачивать теплой водой запекшуюся, смерзшуюся корку крови на голове Мики. Если бы в Лебо сохранилась хоть искра человечности, то он не мог бы не растрогаться, увидев ее сейчас,— такой материнской любовью, такой добротой светилось все ее существо, когда она ненадолго вырвалась из-под гнета вечного страха. И Лебо действительно вошел — так тихо, что она не сразу его заметила, и он почти минуту простоял, наблюдая за тем, как она разговаривает с Мики, полусмеясь, полуплача, а малышка болтает ножками, весело лепечет и всплескивает ручонками от радости.

Толстые губы Лебо растянулись в насмешливой и злой ухмылке. Он свирепо выругался. Нанетта вздрогнула, словно ее ударили.

— Вставай, дурища! — рявкнул он.

Она послушно встала и попятилась, прижимая девочку к груди. Мики заметил эту перемену, и в его глазах, снова устремленных на Лебо, зажегся зеленоватый огонь. Он злобно, по-волчьи, зарычал.

Лебо повернулся к Нанетте, которая стояла у окошка, по-прежнему держа ребенка на руках. Румянец еще не исчез с

ее щек, глаза не погасли, а перекинутая через плечо толстая коса отливала шелком в лучах заходящего солнца. Это была прелестная картина, но она не успокоила злобы Лебо.

— Если ты попробуешь и из этого пса сделать котеночка, как тогда из Мину́, то я с тобой...

Он не договорил и только погрозил огромным кулаком, а его лицо исказилось от бешенства. Но Нанетта и без слов поняла, что он имеет в виду. Он избивал ее постоянно, но память об одном ударе не оставляла ее ни днем, ни ночью. И она думала о том дне, когда у нее хватит сил и мужества добраться до фактории Форт О'Год и рассказать фактору об этом ударе — о том, как два года назад Жак Лебо ударил ее по груди, когда она кормила своего первенца; у нее тогда пропало молоко, и малютка захирел и умер. Да, она расскажет об этом, когда найдет безопасное убежище для себя и для дочки, а в этих краях только фактор в Форте О'Год, в сотне миль от их хижины, имел достаточно власти, чтобы оградить ее от мести мужа.

К счастью, Лебо не мог догадаться, о чем она думала в эту минуту. Удовлетворившись одним только грозным предупреждением, он нагнулся над Мики и поволок его из хижины во двор, к сколоченной из жердей большой клетке, в которой он прошлой зимой держал двух живых лисиц. Он надел на шею Мики цепь длиной в десять футов и прикрепил другой ее конец к одной из жердей. Только после этого он втащил своего пленника в клетку и освободил его от ремней, перерезав их ножом.

Но Мики и после этого продолжал лежать неподвижно, пока в его онемевших, полуобмороженных лапах медленно восстанавливалось кровообращение. Наконец он, шатаясь, поднялся на ноги, и только тогда Лебо, удовлетворенно усмехнувшись, ушел в хижину.

Теперь для Мики начались мучительные дни — дни неравной борьбы с человеком-зверем, который во что бы то ни стало хотел превратить его в своего послушного раба.

— Я сломлю твой норов, вот увидишь! — говорил Лебо, подходя к его клетке с хлыстом и дубинкой.— Ты еще будешь ползать передо мной на брюхе, а когда я велю тебе драться, ты будешь драться, как сам дьявол!

Клетка была маленькой — такой маленькой, что Мики не удавалось увертываться от ударов хлыстом и дубинкой. Они доводили его до исступления, и злобная душонка Лебо ликовала, когда Мики бросался на жерди, не дававшие ему добраться до его мучителя, и яростно грыз их, брызгая кровавой пеной, как взбесившийся волк. Лебо уже двадцать лет занимался подготовкой псов для призовых драк, и таков был его метод дрессировки. Именно так он воспитывал Нете, пока не сломил его духа, и мы видели, чего он этим добился.

Трижды Нанетта выглядывала в окошко на эту беспощадную неравную схватку между человеком и собакой. И на третий раз она разрыдалась, спрятав лицо в ладонях. Когда Лебо вошел и увидел, что Нанетта плачет, он подтащил ее к окну и заставил посмотреть на Мики, который весь в крови валялся замертво на полу клетки. Обычно Лебо занимался дрессировкой Мики по утрам, перед тем как отправиться обходить свои капканы. Из этих обходов он возвращался только к вечеру следующего дня. Не успевал он скрыться из виду, как Нанетта выбегала из дома, бросалась к клетке и бесстрашно просовывала руки между жердями. И Мики забывал про своего мучителя. Как бы ни был он избит — а иногда у него не хватало сил встать и он почти ничего не видел,— он подползал к решетке и нежно лизал эти ласковые руки. Вскоре Нанетта начала приносить с собой малышку, закутанную в меха, точно маленький эскимос, и Мики повизгивал от радости, вилял хвостом и не знал, как еще выразить свою любовь к ним обеим.

Шла вторая неделя его плена, когда случилось нечто чудесное. Лебо отправился осматривать капканы, но на дворе бушевала метель, и Нанетта побоялась выйти к Мики с девочкой. Но она все-таки подошла к клетке, отодвинула засов на дверце, преодолевая страх, и отвела Мики в хижину! Она старалась не думать о том, что произойдет, если Лебо догадается о ее проделке.

При одной мысли об этом ее била дрожь.

И все-таки Нанетта продолжала забирать Мики в хижину при каждом удобном случае. Как-то раз Лебо заметил на полу кровь, и у нее сердце оборвалось, когда он уставился ей в глаза подозрительным взглядом. Однако у нее хватило присутствия духа придумать правдоподобную ложь.

— Я порезала палец,— сказала она и, отойдя к плите, незаметно для мужа действительно поранила ножом палец.

Когда она отошла от плиты, Лебо, недоверчиво поглядевший на ее руки, увидел, что один из пальцев обмотан окровавленной тряпицей. После этого Нанетта, уведя Мики в клетку, всегда внимательно осматривала комнату.

Часы, которые Мики проводил в хижине с Нанеттой и малышкой, были для него часами ничем не омраченного счастья. Осмелев, Нанетта как-то оставила его в комнате на всю ночь, и, лежа рядом с колыбелью маленькой Нанетты, Мики не спускал глаз с ее матери. Было уже очень поздно, когда Нанетта наконец кончила хлопотать у плиты и приготовилась лечь спать. Надев длинную мягкую ночную рубашку, она села возле Мики, распустила свои чудесные волосы и принялась расчесывать их на ночь. Волосы рассыпались по ее плечам, почти касаясь пола, и Мики, приняв их за какую-то странную одежду, даже тявкнул

от изумления. Затем Нанетта кончила расчесывать волосы, и Мики с любопытством следил, как ее ловкие пальцы быстро заплетают их в две толстые косы.

После этого Нанетта вынула дочку из колыбели, положила ее на свою сколоченную из жердей кровать, задула свечку и тоже улеглась в постель, и Мики всю ночь пролежал без движения, чтобы не разбудить их.

Утром, когда Нанетта открыла глаза, она увидела, что Мики задремал на полу около кровати, положив голову на одеяло возле спящей малютки.

Нанетта затопила плиту и вдруг, сама не зная почему, начала тихонько напевать. Лебо должен был вернуться только поздно вечером, и он никогда не узнает, какой праздник она решила тайком от него устроить для себя, девочки и собаки. Ведь нынче был день ее рождения! Ей исполнилось двадцать шесть лет, но у нее было ощущение, будто она прожила целый век. Восемь лет из этих двадцати шести она была женой Лебо! Но сегодня он ушел, и они втроем на славу отпразднуют этот день. Вот почему все утро в хижине царило радостное настроение, и все трое были очень счастливы.

Давным-давно, когда Нанетта еще не была даже знакома с Лебо, индейцы, жившие по соседству с ее родителями, дали ей за ее звонкий и мелодичный голос имя Тента Пенаш, что значит «Певчая Птичка». И в это утро, занимаясь приготовлениями к праздничному пиру, Нанетта пела не умолкая, а в окно светило солнце, Мики весело повизгивал и стучал хвостом по полу, малышка ворковала и смеялась, и никто из них не вспоминал про Лебо. Вечная тревога и страх исчезли из души Нанетты, и она снова превратилась в ту милую и хорошенькую девушку, про которую Высокий Кедр, старик индеец из племени кри, говорил, что она сплетена из цветов. Наконец великолепный обед был готов, и, к великому удовольствию малышки, Нанетта заставила Мики сесть на стул, придвинутый к столу. Мики чувствовал себя в этом положении очень неловко, и вид у него был такой растерянный, что Нанетта смеялась до тех пор, пока на ее длинных темных ресницах не повисли слезы. Тут Мики, обидевшись, спрыгнул на пол, а она подбежала к нему, обняла его за шею и так упрашивала, что он скрепя сердце опять взгромоздился на стул.

После обеда Нанетта тщательно уничтожила все следы веселого пиршества и заперла Мики в клетке. Она сделала это немного раньше, чем собиралась вначале, и к счастью. Потому что едва она привела все в порядок, как из леса вышел Лебо в сопровождении Дюрана, своего давнего приятеля и соперника, который жил в ста милях севернее, почти на краю Голых Земель. Дюран уже отослал свои шкуры и собак в Форт О'Год со зна-

комым индейцем, а сам на санях, запряженных двумя собаками, поехал навестить родственника, жившего на юго-западе от хребта Джексона. Погостив там, он отправился в Форт О'Год и повстречал Лебо на его охотничьей тропе.

Все это Лебо сообщил Нанетте, пока она растерянно смотрела на Дюрана,— его можно было бы принять за близнеца ее мужа, только он был намного старше. Она давно свыклась с тупой жестокостью, написанной на лице Лебо, и все-таки Дюран показался ей чудовищем. Ей даже стало страшно, и она обрадовалась, когда Лебо увел гостя из хижины.

— Сейчас я покажу тебе зверя, который запросто разделается с твоими собачками. Вот как нынче твой вожак задавил кролика,— хвастал Жак Лебо.— Я тебе уже рассказывал о нем, а теперь посмотри своими глазами.

И он захватил с собой хлыст и дубинку.

В этот день Мики кидался на хлыст и дубинку, как тигр, так что Дюран, не сумев сдержаться, воскликнул вполголоса:

— Господи! Настоящий дьявол!

Нанетта, увидев в окошко, что происходит, застонала. Но тут же в ее груди вспыхнуло пламя гнева. В ней пробудилось все то, что Лебо старался уничтожить побоями и издевательствами,— смелость, гордость, сила воли. Словно оковы спали с ее души.

Она отвернулась от окошка, стремглав выбежала из хижины и по снегу бросилась к клетке. Впервые в жизни она восстала на Лебо и осыпала ударами руку, которая сжимала дубинку.

— Зверь! — кричала она.— Я не позволю! Слышишь? Я не позволю!

Лебо ошеломленно застыл на месте. Неужели это Нанетта, его безгласная рабыня? Вот эта женщина, пылающая негодованием, глядящая на него с выражением, которого он никогда еще не видел в женских глазах? Нет! Не может быть! В нем закипела бешеная ярость, и он одним движением мощной руки отшвырнул ее в снег, а потом с ругательством отодвинул засов на дверце клетки.

— Теперь я его убью! Убью! — В бешенстве он почти визжал.— И заставлю тебя изжарить его сердце и съесть, чертовка! Я покажу тебе! Я...

Он потянул за цепь, вытащил Мики из клетки и взмахнул дубинкой. Еще мгновение — и он размозжил бы голову пса, но Нанетта успела заслонить Мики. Лебо от неожиданности выпустил дубинку. Но он тут же пустил в ход свои тяжелые кулаки — удар в плечо снова отбросил Нанетту в снег. Лебо прыгнул к ней, его пыльцы вцепились в густые мягкие волосы. И тут...

Дюран предостерегающе закричал, но его предупреждение

опоздало. Мики, натянув цепь до предела, серой молнией отмщения и возмездия метнулся на грудь Лебо. Нанетта услышала, как лязгнули его сомкнувшиеся клыки, увидела, как Лебо попятился и тяжело упал навзничь, ударившись затылком о сучковатое бревно. Все поплыло перед ее глазами, она через силу поднялась на ноги и с отчаянным криком, шатаясь, побежала в хижину.

Когда Дюран собрался с духом и, опасливо косясь на Мики, подошел к телу Лебо, Мики не рванулся вперед, натягивая цепь. Он как будто понял, что его враг мертв, повернулся и ушел в клетку. Там он лег, положил голову на лапы и устремил на Дюрана пристальный взгляд.

А Дюран посмотрел на неподвижное тело своего приятеля, на красное пятно, расплывающееся под его затылком, и снова пробормотал:

— Господи! Настоящий дьявол!

В хижине Нанетта судорожно рыдала, прижимая к себе дочку.

Глава XVIII

Бывают случаи, когда смерть потрясает, но не причиняет горя. Так было и с Нанеттой Лебо. На ее глазах роковая случайность принесла гибель ее мужу, но, несмотря на всю свою кротость и доброту, она не жалела о нем и не оплакивала его. Смерть настигла его, как воздаяние за его необузданную жестокость. И Нанетта — не столько из-за себя, сколько из-за дочери — невольно испытывала облегчение при мысли, что судьба освободила их обеих от власти бессердечного тирана.

Дюран, столь же мало склонный к чувствительности, как и покойный Лебо, не стал зря тратить времени. Он даже не счел нужным спросить Нанетту, а без лишних разговоров выдолбил в мерзлой земле яму и закопал в ней тело своего былого соперника. Впрочем, Нанетта была скорее благодарна ему за то, что он взял эти хлопоты на себя: Лебо ушел из ее жизни, ушел навсегда. Она могла больше не опасаться побоев, не опасаться за своего ребенка, а это было для нее важнее всего.

Мики неподвижно лежал в углу своей тюрьмы, сколоченной из толстых жердей. Его томило тягостное недоумение. Но он не сделал почти ни одного движения после того, как стремительным прыжком сбил с ног своего мучителя. Он даже не зарычал, когда Дюран оттащил тело Лебо подальше от клетки. Им овладела гнетущая и всепоглощающая тоска. Он не вспоминал об ударах, которые обрушил на него траппер, о дубине, которая чуть было не размозжила ему голову. Он не замечал, как ноет его избитое

тело, не обращал внимания на жгучую боль в кровоточащих деснах и в глазах, по которым Лебо полоснул хлыстом. Он думал только о Нанетте. Почему она убежала с таким громким криком, когда он прыгнул на грудь двуногого зверя? Ведь тот набросился на нее, чтобы растерзать, и растерзал бы, если бы он, Мики, не кинулся ей на помощь так стремительно, что цепь чуть не вывихнула ему шею. Ну, так почему же она убежала и не возвращается?

Он тихонько заскулил.

Солнце зашло, и ранний вечер северного края уже окутывал леса густым сумраком. Из этого сумрака перед клеткой Мики возникло лицо Дюрана. Мики с самого начала инстинктивно воспылал к охотнику на лисиц такой же ненавистью, какую он питал к Лебо, потому что между Дюраном и траппером существовало большое сходство — лица обоих были проникнуты одинаковой угрюмой свирепостью, которая была главной чертой характера и того и другого. И все-таки Мики не зарычал, когда Дюран начал внимательно его разглядывать. Он даже не шевельнулся.

— Уф! Дьявол! — сказал Дюран с дрожью в голосе.

Потом он засмеялся. Это был негромкий злорадный смех, клокотавший где-то в глубине его черной густой бороды, и у Мики по спине пробежал холодок.

Затем Дюран повернулся и ушел в хижину.

При его появлении Нанетта встала. Она была бледна как полотно, но в больших темных глазах горел новый огонь. Нанетта еще не оправилась от потрясения, вызванного внезапной трагической смертью Лебо, но выражение ее лица уже стало иным. Этого огня не было в ее глазах, когда Дюран вошел в эту хижину вместе с Лебо меньше трех часов назад.

И теперь он поглядел на нее со смутным беспокойством — перед ним с девочкой на руках стояла совсем другая Нанетта. Ему стало не по себе. Когда муж обругал ее при нем, он только захохотал, а теперь у него не хватило духа смотреть ей в глаза — почему бы это? Черт! И как он раньше не заметил, что она настоящая красавица?

Дюран заставил себя преодолеть смущение и заговорил о деле, которое в эту минуту интересовало его больше всего.

— Вам надо бы поскорее избавиться от этого пса,— сказал он.— Так я его заберу.

Нанетта ничего не ответила. Она смотрела на него затаив дыхание. Дюран решил, что она просто не расслышала, и хотел повторить свои слова, но тут ему вдруг пришло в голову, какую ложь следует пустить в ход.

— Вы ведь знаете, что мы с ним договаривались устроить бой между его псом и моим на новогоднем празднике в Форте

О'Год? — сказал он, тяжело переминаясь с ноги на ногу.— Для этого-то Жак... то есть ваш муж... и дрессировал одичавшую собаку. Ну, и чуть я увидел, как этот дьявол грызет жерди, так сразу понял, что он придушит моего пса, как лисица кролика. Ну, и мы договорились, что я куплю у него этого пса за две серебристые лисицы и десять рыжих — шкурки у меня с собой в санях.

Правдоподобность этой выдумки придала Дюрану уверенность. Упоминание о шкурках казалось ему очень убедительным, а Жак не мог явиться сюда и сказать, что он все это выдумал. И Дюран закончил свою речь, внутренне торжествуя:

— Ну вот, значит, он мой. Я отвезу его на факторию и выставлю там против любой собаки или волка. Шкурки вам сейчас отдать, сударыня?

— Он не продается! — сказала Нанетта, и огонь в ее глазах запылал еще сильнее.— Это моя собака. Моя и моей дочки. Вы поняли, Анри Дюран? Он не продается.

— Да...— пробормотал растерявшийся Дюран.

— А когда вы доберетесь до Форта О'Год, мосье, вы сообщите фактору о том, что Жак умер, и о том, как он умер. И попросите, чтобы за мной и малышкой кого-нибудь сюда прислали. А до тех пор мы останемся здесь.

— Ладно...— пробормотал Дюран, пятясь к двери.

Ему и в голову не приходило, что Нанетта способна на такую твердость и решительность. Он с недоумением вспомнил, как Жак Лебо ругал ее и бил. Ему же она внушала страх. Дюран, подобно большинству невежественных людей, был суеверен, а огромные, сверкающие на бледном лице глаза, пышные волосы, прижатый к груди ребенок придавали Нанетте сходство с изображением богоматери, которое он как-то видел, и он испугался.

Выскочив во двор, Дюран снова подошел к клетке, где сидел Мики.

— Что же, пес,— сказал он негромко,— она не желает тебя продавать. Она хочет оставить тебя себе, потому что ты бросился к ней на выручку и убил моего друга Жака Лебо. Поэтому мне придется забрать тебя без ее согласия. Скоро взойдет луна, и тогда я накину тебе на голову петлю, привязанную к палке, и придушу тебя так быстро, что она ничего не услышит. А раз дверь клетки останется открытой, то как она сумеет догадаться, куда ты делся? И ты будешь драться с другими собаками в Форте О'Год — ах, как ты будешь драться! Душе Жака Лебо будет приятно с того света поглядеть на тебя.

Дюран ушел в дальний конец вырубки, где он оставил свои сани и собак, и стал ждать там восхода луны.

Мики по-прежнему лежал неподвижно. В окне хижины светился огонек, и он не спускал тоскливого взгляда с этого светлого

пятна, а его горло подергивалось, словно он беззвучно скулил. Теперь весь его мир сосредоточивался в комнате за этим окном. Женщина и маленькая девочка заслонили от него все остальное. Он хотел только одного — всегда быть с ними.

А в хижине Нанетта думала о Мики и о Дюране. В ее ушах вновь звучали многозначительные слова охотника на лисиц: «Вам надо бы поскорее избавиться от этого пса». Да, все жители лесного края скажут то же самое, и к ним, несомненно, присоединится сам фактор, когда он услышит, что произошло. Ей надо бы поскорее избавиться от этого пса! А почему? Потому, что он поспешил к ней на помощь и бросился на Жака Лебо, ее мужа? Потому, что благодаря ему случай вырвал ее из лап жестокого зверя, утратившего всякий человеческий облик? Потому, что он рванулся, натягивая цепь до предела, и маленькая Нанетта не лишилась матери, как лишилась старшего братика, и будет расти теперь среди радости и смеха, а не в страданиях и слезах? Пусть другие думают, что хотят, но она-то твердо знает, что Лебо погиб по собственной вине. Ей вспомнилось все, что Лебо рассказывал про одичавшего пса: как тот день за днем грабил его капканы, как отчаянно сопротивлялся, когда был наконец пойман. И вдруг в ее памяти особенно ясно всплыла фраза, как-то мимоходом сказанная траппером: «Он — настоящий дьявол, но он не волк. Нет, это собака, и не индейская — когда-то у нее был белый хозяин».

У нее был хозяин!

Нанетта даже вздрогнула. Когда-то у этого пса был хозяин — добрый, заботливый хозяин. Вот и у нее самой была светлая молодость, когда цвели цветы и пели птицы. Она попыталась представить себе прошлое Мики, но, конечно, ее предположения нисколько не были похожи на действительность. Как могла она догадаться о том, что меньше года назад Мики, неуклюжий щенок, приплыл с Чэллонером с еще более далекого Севера, и о том, что между ним и черным медвежонком Неевой возникла небывалая дружба после того, как они свалились с челнока Чэллонера в быстрины и чуть не погибли среди порогов? И о всех дальнейших приключениях, которые превратили Нееву во взрослого медведя, а Мики — во взрослого одичавшего пса. Но и не зная ничего, Нанетта чувствовала, что его прошлое не может быть обычным, и не сомневалась, что его к ней привела сама судьба.

Она тихонько встала, чтобы не разбудить девочку, и открыла дверь. Луна только-только выплыла из-за леса, и в ее смутном сиянии Нанетта подошла к клетке. Она услышала радостное повизгивание, сунула руки между жердями и почувствовала теплый язык, который принялся их нежно лизать.

— Нет, нет, никакой ты не дьявол,— негромко сказала На-

нетта, и ее голос странно зазвенел.— Ты спас меня, ты спас мою девочку. А дьяволы никогда никого не спасают.

И Мики, словно поняв ее слова, уронил израненную, покрытую рубцами голову на ее ладонь.

Притаившись на опушке, Дюран внимательно следил за происходящим. Он увидел светлый прямоугольник, когда Нанетта отворила дверь, увидел, как она прошла к клетке, и не спускал глаз с ее темного силуэта, пока она не скрылась в хижине. Тогда он, посмеиваясь, вернулся к своему костру и начал прикреплять ременную петлю к длинной палке. Его хитрость и эта петля на палке должны были сэкономить ему двенадцать отличных лисьих шкурок, и он самодовольно хихикал, раздумывая у тлеющих углей о том, как легко провести женщину. Нанетта сдуру отказалась от шкурок, а Жак... Жак мертв и не призовет его к расчету. Ему, можно сказать, повезло, что Жак так удачно упал — на сучковатое бревно. Да уж, удача привалила крупная. Он выставит этого пса против какой-нибудь знаменитой собаки, поставит на него всю свою наличность — и наживет целое состояние.

Дюран дождался, чтобы огонек в хижине погас, и только тогда снова направился к клетке. Мики услышал его шаги. А потом и увидел — еще вдалеке, потому что луна светила необыкновенно ярко и было светло как днем. Дюран знал все собачьи повадки. И использовал свои знания, в отличие от Лебо, который умел только пускать в ход дубинку и хлыст. Поэтому он подошел к клетке решительным шагом, не скрываясь, и как будто случайно сунул конец палки между жердями. Затем он без всяких видимых опасений прислонился к клетке и начал говорить спокойно и небрежно. Он держался совсем не как Лебо, и Мики, внимательно оглядев его, снова уставился на темный квадрат окошка. Тогда Дюран очень тихо и осторожно начал приводить в исполнение свой коварный план. Мало-помалу он просунул палку в клетку так, что петля повисла прямо над головой Мики. Этим хитрым приспособлением, которое индейцы называют «вагун», Дюран орудовал с большой ловкостью: на своем веку он изловил таким способом немало лисиц и волков, а один раз так даже и медведя. Мики, совсем окоченевший от холода, не почувствовал, как ременная петля тихонько легла вокруг его шеи. Он не заметил, что Дюран вдруг весь подобрался и уперся ногой в бревно, к которому были снизу прибиты жерди клетки.

Внезапно Дюран резко откинулся назад, и Мики показалось, что на его шее сомкнулся стальной капкан. У него сразу перехватило дыхание. Он отчаянно забился, стараясь высвободиться, но не мог ни залаять, ни завизжать. Дюран, перехватывая палку, начал неторопливо подтягивать его к жердям, а потом, по-пре-

жнему упираясь ногами в бревно, рванул изо всей силы. Когда он затем опустил вагун, Мики рухнул на утоптанный снег, как мертвый. Через десять секунд Дюран уже крепко стягивал ремнем его сомкнутые челюсти. Взяв Мики на руки, Дюран понес его к саням — дверь клетки он оставил открытой. Нанетта, рассуждал он, глупа и не догадается о том, что произошло на самом деле, а решит, будто пес удрал в леса.

Дюран не собирался превращать Мики в раба с помощью дубинки, чего безуспешно добивался Лебо. Хотя безжалостностью он не уступал покойному трапперу, тупым его назвать было нельзя, и он немного разбирался в психологии животных. Конечно, сама по себе она его не интересовала, однако, в отличие от Лебо, он не стал бы мучить собаку только для того, чтобы потешить свою жестокость. Вот почему Дюрану и в голову не пришло тащить Мики по снегу за санями, как это сделал Лебо, злорадно распявший Мики на самодельной волокуше. Наоборот, прежде чем отправиться в путь, Дюран уложил своего пленника в сани поудобнее и накрыл его теплым одеялом. Впрочем, он не позабыл проверить, надежно ли держатся ремни на морде Мики и крепко ли привязан конец его цепи к передку саней.

Убедившись, что все в порядке, Дюран погнал своих собак на восток в направлении к Форту О'Год. Если бы Жак Лебо мог в эту минуту увидеть своего бывшего приятеля, он без труда понял бы, почему Дюран так весел. По своим наклонностям Дюран был азартным игроком и траппером стал только для того, чтобы раздобывать деньги для заключения очередных пари. Последние шесть лет его собаки неизменно выходили победителями на больших состязаниях, которые в канун Нового года устраивались на фактории Форт О'Год. Однако на этот раз он не был уверен в успехе. Опасался он вовсе не Жака Лебо с его Нете, а метиса, жившего на озере Ред-Бе́лли. Собака Гра́уза Пьета (так звали метиса), которую он намеревался выставить на состязания, собственно говоря, была наполовину волком. Вот почему Дюран готов был отдать за одичавшего пса Лебо две серебристые шкурки и десять рыжих, хотя за такую цену можно было бы купить пять хороших собак. И сейчас, когда он заполучил пса бесплатно, а Нанетта осталась ни с чем, Дюран себя не помнил от радости. Теперь волку Грауза Пьета придется туго! Его уверенность в Мики была так велика, что он намерен был поставить на него не только всю свою наличность, но и полностью использовать кредит, которым располагал в фактории.

Когда Мики пришел в себя, Дюран сразу же остановил собак, потому что придавал этой минуте большое значение. Нагнувшись над санями, он заговорил — не злобно, как Лебо, но ласково и дружески, а потом даже погладил голову пленника рукой в

толстой рукавице. Мики это сбило с толку — ведь разговаривала с ним не Нанетта, а мужчина. Смущало его и теплое уютное гнездо, в котором он лежал. Поверх одеяла Дюран набросил еще и медвежью шкуру. Незадолго перед этим он совсем замерз, и его лапы онемели, а теперь ему было тепло и хорошо. Смутно ощущая все это, Мики не пошевельнулся. И Дюран расплылся в самодовольной улыбке. Он решил, что ему не следует в эту ночь продолжать путь, и остановился на ночлег всего лишь милях в пяти от хижины Нанетты. Он развел костер, вскипятил кофе и поджарил большой кусок мяса. Мясо он нарочно жарил медленно, насадив его на самодельный деревянный вертел, и весь воздух вокруг был полон соблазнительного аппетитного запаха. Своих собак Дюран привязал в пятидесяти шагах от костра, но сани придвинул почти к самому огню и внимательно следил за тем, какое впечатление на Мики производит аромат жарко́го. Мики не доводилось чуять подобного благоухания с тех далеких дней, когда он щенком путешествовал с Чэллонером, и вскоре Дюран заметил, что он облизывается, и услышал, как легонько щелкают его зубы. Дюран усмехнулся в густую бороду. И решил подождать еще четверть часа. Тогда он снял мясо с вертела, разрезал кусок пополам и одну половину отдал Мики. И Мики с жадностью съел угощение.

Анри Дюран был очень неглуп!

Глава XIX

В последние дни декабря все человеческие следы на пространстве в десять тысяч квадратных миль вокруг Форта О'Год вели к тамошней фактории. Приближался уске пиппун — праздник Нового года, и в Форт О'Год из типи и хижин со всеми своими семьями собирались трапперы и охотники, чтобы продать добытые шкуры и несколько дней повеселиться в большом обществе. Этот праздник мужчины, женщины и дети предвкушают в течение долгих месяцев, полных тяжелого труда. У жены траппера нет соседок, с которыми она могла бы посудачить в редкие минуты досуга. Охотничий участок ее мужа — это маленькое королевство, куда нет доступа никому, и вокруг на много миль не найдется ни одной живой души. Вот почему женщины особенно любят уске пиппун. Их дети быстро находят себе товарищей и целыми днями играют, а мужья в компании приятелей отдыхают от тягот зимней охоты. В течение этой недели возобновляются старые знакомства и заводятся новые. Именно здесь происходит обмен накопившимися новостями — тот-то умер, те-то поженились, у тех-то родился еще один ребенок. Из уст в уста передаются правдивые рассказы о лесных

трагедиях, которые вызывают ужас, горе и слезы, а также о смешных или счастливых событиях. В первый и единственный раз за все семь месяцев зимы лесной народ собирается вместе. Индейцы, метисы, белые дружно веселятся, не обращая внимания на различия в цвете кожи или в верованиях.

На этот раз в Форте О'Год предполагалось устроить пиршество на вольном воздухе, и уже завершались приготовления к тому, чтобы целиком зажарить туши нескольких больших карибу. К тому времени, когда Анри Дюран приблизился к фактории, к ней с востока, с юга, с запада и с севера уже сбегались десятки троп, плотно утоптанных людьми и собаками. В этом году из лесов на сотне саней прибыло более трехсот мужчин, женщин и детей, а с ними — полтысячи собак.

Дюран добрался до фактории на день позже, чем рассчитывал, но это время он не потратил зря: Мики, правда все еще в намордник, послушно бежал за санями, к которым был привязан одним тонким сыромятным ремнем. Под вечер, на третий день после того, как он покинул хижину Нанетты, Дюран свернул с накатанной дороги к домику Андре́ Рибо́, который занимался тем, что снабжал обитателей фактории свежим мясом. Андре сильно досадовал на задержку приятеля, но тем не менее продолжал его ждать. Индеец, которого Дюран послал в Форт О'Год со шкурами, оставил у Андре прославленного дюрановского пса. Теперь Дюран и Рибо заперли Мики в пустой хижине, а сами отправились на факторию, до которой было меньше мили.

Ночевать в хижину они не вернулись. Вокруг было полное безлюдье, но с наступлением сумерек чуткие уши Мики начали улавливать странные и непонятные звуки, которые становились все громче по мере того, как темнота сгущалась. Это были звуки праздника на фактории — отдаленный гул человеческих голосов, к которому примешивался вой и лай сотен собак. Мики еще никогда не приходилось слышать ничего подобного, и он долго лежал, припав к полу и насторожив уши. Потом он встал перед окном, точно человек, упершись передними лапами в тяжелую раму. Хижина Рибо была построена на пригорке над замерзшим озером, окаймленным густым кустарником. Над темными вершинами кустов Мики увидел красноватое зарево — это вокруг фактории пылали десятки огромных костров. Он заскулил, спрыгнул на пол и отошел от окна. Потянулись нескончаемые часы ожидания. Хотя эта хижина была куда более приятным приютом, чем клетка Лебо, Мики спал неспокойно, и ему снились Нанетта и ее дочка.

Дюран и Рибо вернулись только в следующий полдень. Они принесли свежего мяса, и Мики с жадностью на него накинулся, потому что сильно проголодался. Дюран и Рибо говорили с ним весело и поглаживали его. Мики принимал их ласки равнодушно,

но без злобы. На вторую ночь его снова оставили в хижине одного. Дюран и Рибо явились на заре с небольшой клеткой, сколоченной из тонких березовых жердей. Открыв дверцу клетки, они вплотную придвинули ее к двери хижины и с помощью куска мяса заманили в нее Мики. Дверца тотчас была опущена, и он оказался в плену. Клетка уже была установлена на широких санях, и Мики, едва взошло солнце, очутился в Форте О'Год.

Праздник там был в самом разгаре — в этот день жарились туши карибу и устраивались поединки между самыми знаменитыми собаками. Еще задолго до того, как они приблизились к фактории, Мики услышал нарастающий гул. Он никак не мог понять, что это такое, и, вскочив, застыл в настороженной позе. На людей, которые тащили сани с его клеткой, он не обращал ни малейшего внимания. Он глядел поверх их голов, и Дюран ликующе причмокнул, услышав, как Мики глухо зарычал и щелкнул зубами.

— Да, он им всем покажет! — усмехнулся он.— Как он будет драться!

Они шли по берегу озера, огибая занесенный снегом мысок. И внезапно перед ними открылся Форт О'Год, расположенный на высоком берегу. Мики от неожиданности даже перестал рычать, и его зубы с лязгом сомкнулись. На мгновение сердце в его груди замерло. До этой минуты его мир включал лишь шестерых людей, а теперь без всякой предварительной подготовки он увидел их сотню, две сотни, три сотни — навстречу Дюрану с его клеткой бежала толпа любопытных. И еще Мики увидел волков — их было несметное множество. Но тут его клетка очутилась среди густой толпы вопящих мужчин и мальчишек. Затем к ним начали присоединяться женщины с младенцами на руках. И тут клетка остановилась. Мики увидел совсем рядом другую клетку, а в ней зверя, очень похожего на него самого. Возле клетки стоял высокий смуглый мужчина в лохматой шапке. Он сильно смахивал на пирата. Это и был Грауз Пьет, соперник Дюрана.

Он посмотрел на Мики с презрительной улыбкой и что-то насмешливо сказал окружавшим его людям, среди которых было много индейцев и метисов. В ответ раздался громкий хохот.

Дюран побагровел.

— Смейтесь, смейтесь! — вызывающе крикнул он.— Только помните, что Анри Дюран приехал сюда не шутки шутить.

И он тряхнул перед Граузом Пьетом двумя серебристыми шкурками, а потом вытащил и десять рыжих.

— Ну-ка, поставь на кон столько же, Пьет! — заявил он во всеуслышание.— А у меня таких есть еще целая сотня.

Намордник с Мики сняли, и он принялся нюхать воздух. Запахов было много — знакомых и незнакомых. Пахло людьми,

собаками, жарящимся мясом — этот запах доносился от пяти огромных костров, над которыми медленно поворачивались гигантские вертела с тушами карибу. Каждый вертел был толщиной с ногу взрослого мужчины, и вращать их предстояло еще десять часов. Поединок собак должен был предшествовать пиршеству.

Больше часа возле клеток не смолкал оглушительный хор голосов. Любители держать пари оценивали качества бойцов и договаривались о ставках, а Грауз Пьет и Анри Дюран совсем охрипли, осыпая друг друга презрительными насмешками. Затем толпа начала понемногу редеть. Теперь возле клеток вместо мужчин и женщин собралась орава чумазых ребятишек. Только тогда Мики смог хорошенько разглядеть зверей, которые по одному, по двое, а то и целыми группами были привязаны к деревьям на опушке. И его ноздри наконец уловили различие в запахе и сообщили ему, что это не волки, а такие же собаки, как он сам.

Прошло много времени, прежде чем он снова посмотрел на своего соседа — помесь волка и собаки. Он подошел к самой решетке и потянул воздух носом. Сосед повернул к нему узкую хищную морду. Мики вспомнил волка, с которым он дрался не на жизнь, а на смерть над крутым обрывом. И он инстинктивно зарычал, оскалив зубы. Сосед свирепо огрызнулся в ответ. Анри Дюран радостно потер руки, а Грауз Пьет негромко засмеялся.

— Как они будут драться! — сказал Дюран.

— Волк будет драться, это верно,— ответил Грауз Пьет.— Но вот ваша собака, мосье, брякнется на спину, как трусливый щенок, едва дело дойдет до драки.

Чуть позже Мики увидел перед своей клеткой еще одного человека. Это был Макдоннелл, фактор, шотландец по происхождению. Он поглядел на Мики и на его соседа с каким-то сожалением. Десять минут спустя, вернувшись в маленькую комнату, служившую ему конторой, он сказал молодому человеку, который дожидался его там:

— Я был бы рад запретить эту забаву, но у меня нет на это права. Да и они просто увезут свои шкуры куда-нибудь еще. Собачьи бои устраиваются в Форте О'Год уже лет пятьдесят, и это стало традицией. По правде говоря, я не вижу, чем, собственно, собачьи драки хуже матчей профессиональных боксеров, которые сейчас в такой моде в Соединенных Штатах. Разница только та...

— ...что тут поединок кончается смертью,— закончил молодой человек.

— К сожалению, да. Чаще всего одна из собак погибает

Молодой человек выколотил пепел из своей трубки.

— Я люблю собак,— сказал он просто.— И на моей фактории, Мак, я никаких драк не потерплю. Разве что драться будут люди. И на нынешнюю драку я смотреть не пойду, потому что могу ненароком и убить кого-нибудь.

Глава XX

Было два часа пополудни. Туши на вертелах почти зажарились. Еще немного — и можно будет начать пир. Но прежде предстоял поединок Мики и его соперника.

Около трехсот человек сомкнулось тесным кольцом вокруг большой клетки из березовых жердей. К ней с двух сторон были вплотную придвинуты две маленькие клетки. Возле одной из них стоял Анри Дюран, возле другой — Грауз Пьет. Теперь они уже не обменивались насмешками. Их лица застыли в угрюмом напряжении. На них были устремлены триста пар глаз, триста пар ушей ждали, когда будет подан сигнал.

И вот Грауз Пьет подал его.

Быстрым движением Дюран поднял дверцу малой клетки и ткнул Мики в спину палкой с развилиной на конце. Мики одним прыжком очутился в большой клетке. Почти в то же мгновение туда вскочил боец Грауза Пьета, носивший кличку Таáо — Длинный Клык. Противники заняли свои позиции на арене.

Но в следующую секунду Дюран чуть было не застонал от разочарования. Поведение Мики в этот момент объяснялось непривычностью обстановки. Если бы он встретился с Таао в лесу, то сразу же забыл бы обо всем остальном и приготовился бы драться с ним, как это было с Нете, а еще раньше — с волками. Но теперь он меньше всего думал о драке. Его вниманием всецело завладели бесчисленные лица, завороженно смотревшие на него. Мики разглядывал их, поворачивая морду то в одну сторону, то в другую. Быть может, он надеялся увидеть Нанетту и малышку или же Чэллонера, своего первого, настоящего хозяина. На Таао же, к вящему ужасу Дюрана, Мики после первого взгляда вовсе перестал обращать внимание. Он подошел к самой решетке и просунул морду между жердями. Грауз Пьет насмешливо захохотал. Затем Мики начал неторопливо обходить клетку, не спуская взгляда с кольца безмолвных лиц. Таао стоял в центре клетки; его налитые кровью глаза неотрывно следили за каждым движением Мики. То, что делалось снаружи, Таао не интересовало. Он знал, что́ от него требуется, и был хорошо обучен своему делу. Дюран с замирающим сердцем смотрел, с какой неумолимой уверенностью Таао поворачивается на месте так, чтобы иметь возможность в

любую секунду броситься на Мики. Щетинистая шерсть на его загривке стояла дыбом.

Но вот Мики остановился, и Дюран решил, что все его радужные надежды пошли прахом: без предупреждения, даже не зарычав, Таао прыгнул. С губ Грауза Пьета сорвался торжествующий крик. Зрители ахнули, а по спине Дюрана прошла ледяная дрожь, но в следующее мгновение все замерли. Таао должен был сразу покончить с Мики — в этом не сомневались ни Грауз Пьет, ни Дюран. Но прежде чем челюсти Таао успели сомкнуться, за какую-то тысячную долю секунды Мики преобразился в живую молнию. Движением настолько быстрым, что человеческий глаз был почти не способен его уловить, сын Хелея повернулся навстречу Таао. Их пасти встретились. Раздался зловещий хруст, и в следующий миг они, сцепившись, покатились по полу. Ни Грауз Пьет, ни Дюран не могли разобрать, что происходит. Об остальных зрителях и говорить нечего. Были забыты даже пари — Форт О'Год еще не видывал такой драки.

Шум ее донесся до склада фактории. Там на крыльце стоял молодой гость фактора и смотрел в сторону большой клетки. Он слышал рычание, лязг клыков. Его губы сурово сжались, а в глазах запылал гневный огонь. Внезапно он глубоко вздохнул.

— Черт бы их всех подрал! — сказал он негромко и, сжав кулаки, медленно пошел к клетке.

Пока он пробирался сквозь толпу зрителей, драка кончилась так же внезапно, как началась. Таао неподвижно лежал в центре клетки с прокушенным горлом. И Мики, казалось, тоже был при последнем издыхании. Дюран открыл дверцу, накинул ему на голову веревочную петлю и вытащил его из клетки. Мики с трудом поднялся на ноги. Он был весь в крови и почти ослеп. Тело его покрывали раны, из пасти капала кровавая пена. При виде этого зрелища у молодого человека вырвался крик ужаса. И тут же он снова закричал изменившимся голосом:

— Да не может быть! Мики... Мики... Мики!

Этот зов, раздавшийся словно в неизмеримом отдалении, прорвался в сознание Мики сквозь туман мучительной боли.

Он узнал этот голос! Голос, живший во всех его снах, голос, которого он ждал, который все время искал, зная, что когда-нибудь непременно найдет его. Голос Чэллонера, его хозяина.

Мики взвизгнул и припал к земле, пытаясь хоть что-нибудь разглядеть сквозь багровую муть, застилавшую глаза. Он был весь в ранах, может быть, он умирал, но все-таки он застучал хвостом по земле, показывая вновь обретенному хозяину, что узнал его. И тут, к величайшему изумлению зрителей, Чэллонер упал на колени рядом с собакой и обхватил ее руками, а Мики израненным языком принялся лизать ему руки, лицо, одежду.

— Мики... Мики... Мики...

На плечо Чэллонера тяжело опустилась ладонь Дюрана. Чэллонер вздрогнул, как от прикосновения раскаленного железа, и мгновенно вскочил на ноги.

— Он мой! — крикнул Чэллонер, поворачиваясь к Дюрану и стараясь сдержать бешенство.— Он мой! Ты... ты... изверг!

Тут, вне себя от негодования, он окончательно утратил власть над собой, размахнулся и изо всей силы ударил Дюрана в челюсть. Дюран упал как подкошенный. Чэллонер нагнулся над ним, но Дюран не шевелился. Тогда молодой человек в ярости повернулся к Граузу Пьету и зрителям. Мики прижался к его ногам, и, указывая на него, Чэллонер сказал громко, так, чтобы его услышали все:

— Это моя собака. Я не знаю, как она попала к этому негодяю. Но она — моя. Вот посмотрите сами. Видите, она лижет мне руки? Ну-ка, пусть он подставит ей пальцы! И еще посмотрите на ее ухо. Другого такого не сыщется на всем Севере. Мики пропал почти год назад, но по этому уху я его узнаю хоть из десяти тысяч собак. Эх! Если бы я только знал...

Ведя за собой Мики на веревке, которую Дюран успел накинуть на шею израненному псу, Чэллонер проложил себе путь через толпу и пошел к Макдоннеллу. Он сообщил фактору о том, что произошло, и рассказал ему о событиях прошлой весны — о том, как Мики и медвежонок, связанные одной веревкой, свалились с его челнока в быстрину и исчезли в пене, громоздившейся на порогах. Кончив свой рассказ и предупредив фактора, что Дюран, наверное, явится к нему с какими-нибудь выдумками, он ушел в хижину, где временно остановился, когда приехал в Форт О'Год.

Час спустя Чэллонер сидел у себя в хижине, положив голову Мики к себе на колени, и разговаривал с ним. Он промыл его раны и остановил кровь, так что Мики теперь видел все совершенно ясно. Его глаза были устремлены на лицо хозяина, а хвост непрерывно стучал по полу. Ни человек, ни пес не слышали праздничного шума, доносившегося снаружи,— ни громких мужских голосов, ни веселых детских воплей, ни женского смеха, ни собачьего лая. Чэллонер с нежностью смотрел на Мики и говорил:

— Мики, старина, ты ведь ничего не забыл, верно? Конечно, ты тогда был долговязым несмышленышем, но ты все равно ничего не забыл, ведь так? Помнишь, я обещал отвезти тебя и медвежонка к моей сестричке? Помнишь? Я еще рассказывал тебе, какая она хорошая, и говорил, как она будет тебя любить. Ну, так я рад, что вы тогда свалились в реку и я не смог взять вас с собой. Я вернулся домой, Мики, но только там все как-то

изменилось. А уж она-то и вовсе стала другой. Дело в том, что она вышла замуж и обзавелась двойней! Слышишь, старина? Я приезжаю, а у меня уже двое сосунков-племянников! Где уж ей тут было бы возиться с тобой и с медвежонком! Согласен? И все остальное тоже стало каким-то не таким. Три года в здешних северных краях, где зимой за удовольствие дышать платишь обмороженными легкими, наверное, очень меня изменили. Недели не прошло, Мики, как меня потянуло обратно. Вот так-то, сэр. Я дни считал, когда я снова вернусь сюда. И уж теперь я отсюда не уеду, Мики. Ты отправишься со мной на новую факторию, куда меня назначили. С этого дня мы компаньоны, приятель. Понимаешь, компаньоны!

Глава XXI

Поздно вечером Макдоннелл прислал за Чэллонером мальчишку. Большой пир в Форте О'Год подошел к концу. Когда посланец фактора постучал в дверь хижины, Чэллонер как раз начал раздеваться, готовясь лечь спать. Выслушав мальчишку, Чэллонер посмотрел на часы. Одиннадцать часов! Зачем он вдруг в такое время понадобился фактору? Мики, уютно растянувшийся на полу возле печки, недоумевающе смотрел, как его вновь обретенный хозяин зачем-то опять натягивает только что снятые сапоги. За часы, которые прошли после смертельной схватки с Таао, Мики успел несколько оправиться. Помогла ему и мазь, которую хозяин положил на его раны.

— Наверное, этот негодяй Дюран что-нибудь затевает,— проворчал Чэллонер, поглядев на Мики.— Ну, если он рассчитывает снова заполучить тебя в свои лапы, Мики, то у него ничего не выйдет. Я тебя никому не отдам!

Мики застучал хвостом по полу и подполз к хозяину, глядя на него с немым обожанием. Они вместе вышли из хижины.

В небе среди бесчисленных звезд плыла бледная серебряная луна. Большие костры, на которых днем жарились карибу, все еще ярко пылали. Вдоль лесной опушки мерцали угли десятков маленьких костров. В их красноватых отблесках можно было различить смутные силуэты типи и палаток, в которых размещались на ночлег триста мужчин, женщин и детей, собравшихся в Форте О'Год на новогодний праздник. Фактория уже затихла. Только кое-где еще мелькали человеческие фигуры. Даже собаки угомонились после нескольких часов веселья и обжорства.

Направляясь к жилищу фактора, Чэллонер прошел совсем рядом с большими кострами, над которыми еще висели толстые бревна, служившие вертелами. Мики обнюхал обглоданные кости. Только они и остались от пяти огромных туш, еще недавно

подрумянившихся на этих вертелах. Люди и собаки съели все до последнего кусочка, и факторию окутало сытое безмолвие Мутая — лесного божества, способного заснуть только после обильного ужина.

В комнате фактора горела лампа, и Чэллонер в сопровождении Мики прямо вошел в дом. Макдоннелл сидел, угрюмо попыхивая трубкой. Обветренное лицо фактора казалось встревоженным, и он смотрел не на Чэллонера, а на Мики.

— Ко мне заходил Дюран,— сказал Макдоннелл.— Он очень зол на вас. Боюсь, это плохо кончится. И зачем вы только его ударили!

Чэллонер пожал плечами и набил трубку табаком из кисета, который протянул ему фактор. Он ничего не ответил.

— Видите ли... вы не совсем представляете себе положение,— продолжал Макдоннелл.— Последние пятьдесят лет в Форте О'Год в это время обязательно устраивались собачьи бои. Это стало традицией. Вот почему, хотя я здесь уже пятнадцать лет, я даже не пытался принимать никаких мер против этого. Я глубоко убежден, что после такой попытки половина наших охотников начнет возить добытые меха на другие фактории. Я говорю это для того, чтобы вы поняли, почему все симпатии тут на стороне Дюрана. Даже Грауз Пьет, его постоянный соперник, твердит ему, что он будет дураком, если спустит вам такую штуку. Дюран утверждает, что эта собака принадлежит ему.

Макдоннелл указал на Мики, который лежал у ног Чэллонера.

— Он лжет,— спокойно ответил Чэллонер.

— Он говорит, что купил пса у Жака Лебо.

— Значит, Лебо продал ему собаку, которую объявил своей, не имея на то никакого права.

Макдоннелл немного помолчал, а потом сказал другим тоном:

— Но я вас попросил зайти ко мне не из-за этого. Дело в том, что Дюран сегодня вечером рассказал мне страшные вещи... Вы ведь, кажется, хотели завтра выехать к Оленьему озеру, на свою факторию?

— Да, я думаю отправиться прямо с утра.

— В таком случае не могли бы вы сделать небольшой крюк к хребту Джонсона? Я бы послал с вами кого-нибудь из моих индейцев с упряжкой. Вы потеряете на этом около недели, но все равно успеете догнать свои упряжки намного раньше, чем они доберутся до Оленьего озера, а меня бы вы очень выручили. Там случилось... даже не знаю, как сказать.— Он снова посмотрел на Мики и невольно прошептал: — Черт побери!

Чэллонер молча ждал. Ему показалось, что по плечам фактора пробежала судорожная дрожь.

— Я бы поехал сам,— сказал наконец Макдоннелл.— Так было бы лучше всего, Чэллонер, но с моим обмороженным легким в такую зиму об этом нечего и думать. А поехать туда необходимо. Ведь я...— его глаза неожиданно вспыхнули,— ведь я знал Нанетту Лебо, когда она была еще маленькой девочкой. Пятнадцать лет назад это было. Она выросла у меня на глазах, Чэллонер. Не будь я женат, я, наверное, влюбился бы в нее. Вы с ней знакомы, Чэллонер? Вы когда-нибудь ее видели?

Чэллонер покачал головой.

— Чудесная девушка,— пробормотал Макдоннелл в густую рыжую бороду.— Она жила с отцом по ту сторону хребта Джексона. Потом он умер — замерз, когда вздумал ночью пересечь озеро Ред-Ай. Я всегда думал, что Жак Лебо воспользовался тем, что она осталась одна, и принудил ее выйти за него замуж. Но, может быть, она не знала, каков он на самом деле, или просто от горя не отдавала себе отчета в своих поступках. Как бы то ни было, они обвенчались. В последний раз я видел ее пять лет назад. Правда, до меня доходили кое-какие слухи, но я не всему верил. Например, у меня просто в голове не укладывалось, что Лебо и вправду способен зверски избивать ее без всякого повода. Я не поверил, когда мне рассказали, будто он как-то волочил ее за волосы по снегу, так что она чуть не умерла. Мне думалось, что все это досужие выдумки. Ведь до их хижины отсюда далеко — семьдесят миль. Но теперь я убедился, что он был даже хуже, чем о нем говорили. Дюран только что побывал там и сегодня вечером рассказал мне всю правду, чтобы сохранить собаку у себя.

Макдоннелл на минуту умолк, снова посмотрел на Мики, а потом продолжал:

— Так вот, Дюран говорит, что Лебо поймал эту собаку в капкан, забрал к себе и начал всячески избивать и мучить, готовя ее для новогоднего боя. Когда Дюран по дороге сюда завернул к ним, пес так ему понравился, что он его купил. Лебо начал дразнить пса, чтобы показать товар лицом, но тут вмешалась Нанетта. Лебо набросился на жену, сбил ее с ног, начал душить, и неизвестно, чем бы это кончилось, если бы не собака. Дюран говорит, что пес бросился на Лебо и загрыз его. Вот что произошло. Про Нанетту Дюран рассказал только потому, что испугался, как бы я не приказал застрелить собаку, когда услышу про смерть Лебо. Вот потому-то я вас и прошу побывать там. Выясните, что произошло, и если Нанетте Лебо нужна будет помощь, помогите ей. А индейца я с вами посылаю, чтобы он проводил ее в Форт О'Год.

Макдоннелл был сдержан, как все шотландцы, и нелегко было бы отгадать, взволнован он или нет. Говорил он тихим, спокойным голосом, однако по его плечам вновь пробежала

та же странная конвульсивная дрожь. Чэллонер уставился на него, как пораженный громом.

— Вы хотите сказать, что Мики... что этот пес загрыз человека?

— Да. Во всяком случае, так утверждает Дюран. По его словам, пес расправился с Лебо, как сегодня с собакой Грауза Пьета...— Заметив, что Чэллонер медленно перевел взгляд на Мики, фактор добавил: — По правде сказать, собака Грауза Пьета заслуживала такой участи куда меньше, чем Лебо. Если хотя бы половина того, что говорил про него Дюран, правда, то туда ему и дорога. Ну, так как же, Чэллонер? Может быть, вы не сочтете за труд сделать крюк, побывать у Нанетты...

— Я поеду,— перебил его Чэллонер и положил ладонь на голову Мики.

Еще полчаса Макдоннелл рассказывал Челлонеру все, что знал про Нанетту Лебо. Когда наконец Чэллонер встал, фактор проводил его до двери.

— Остерегайтесь Дюрана,— предупредил он.— Этой собакой он дорожит больше, чем своим сегодняшним выигрышем, а говорят, что он поставил на него всю свою наличность. Грауз Пьет заплатил ему порядочные деньги, но они весь вечер провели вместе как закадычные друзья. Мне это не нравится. Так что будьте поосторожнее.

Выйдя с Мики в озаренное луной безлюдье, Чэллонер на мгновение остановился, и Мики, воспользовавшись этим, тотчас положил передние лапы ему на грудь. Собачья морда оказалась почти на одном уровне с подбородком Чэллонера.

— Помнишь, как ты свалился с челнока в воду, дружище? — негромко спросил Чэллонер.— Помнишь, как вы с медвежонком тихонько сидели на носу, а потом вдруг подрались и слетели в речку над самыми порогами? Помнишь? А ведь и меня тогда чуть было не затянуло на камни. Вот я и решил, что вам обоим пришел конец. Хотел бы я знать, что сталось с медвежонком...

Мики взвизгнул в ответ, извиваясь всем телом.

— И вот говорят, будто ты с тех пор успел убить человека,— добавил Чэллонер с видимым сомнением.— Теперь я отвезу тебя к жене этого человека. Вот какие дела. Я отвезу тебя к ней, и если она скажет, что тебя надо убить...

Он опустил лапы Мики на землю и направился к своей хижине. На крыльце Мики глухо зарычал. Чэллонер засмеялся и распахнул дверь. Они вошли. Рычание Мики стало свирепым и угрожающим. Уходя, Чэллонер оставил лампу гореть и только привернул фитиль. Теперь в ее тусклом свете он увидел, что у стола сидят Анри Дюран и Грауз Пьет. Чэллонер вывернул

фитиль. В хижине стало заметно светлее, и он кивнул безмолвной паре.

— Добрый вечер. Час слишком поздний, чтобы ходить по гостям, как вам кажется? — произнес он спокойным голосом.

На невозмутимом лице Грауза Пьета ничего не отразилось, и Чэллонеру вдруг показалось, что он очень похож на толстого моржа. Глаза Дюрана горели злобой. На его подбородке виднелась большая опухоль — памятка о кулаке Чэллонера. Мики, весь напрягшись и продолжая глухо рычать, заполз под нары. Дюран указал на него.

— Мы пришли за собакой,— сказал он.

— Я ее не отдам, Дюран,— ответил Чэллонер с равнодушной небрежностью.

На самом же деле их появление в его хижине встревожило его и даже испугало. Отвечая Дюрану, он прикидывал, зачем Граузу Пьету понадобилось сопровождать своего соперника. Оба они были силачами, и оба слыли отпетыми негодяями. Инстинктивно он встал так, что небольшой стол оказался между ним и его непрошеными гостями.

— Я готов признать, что сегодня днем повел себя неправильно,— сказал он.— У меня не было никаких оснований поднимать на вас руку, Дюран. Вы ведь не могли знать, как обстоят дела, и я приношу свои извинения. Тем не менее этот пес принадлежит мне. Я потерял его неподалеку от хребта Джексона, и если Жак Лебо поймал его в капкан, а потом продал вам, то он распоряжался собакой, которая ему не принадлежала. Однако, чтобы вы не понесли ущерба, я готов возместить вам те деньги, которые вы за него отдали. Сколько это?

Пока он говорил, Грауз Пьет встал, а Дюран тяжело оперся на стол прямо против Чэллонера. Глядя на его мощные плечи, Чэллонер только удивлялся тому, что днем ухитрился сбить такого великана с ног одним ударом.

— Нет, он не продается,— негромко сказал Дюран.

Казалось, голос застревал у него в горле — такой он был исполнен ненависти. Сухожилия на руках, судорожно вцепившихся в крышку стола, вздулись узлами.

— Мосье, мы пришли за этим псом. Отдадите вы его нам по-хорошему?

— Я верну вам те деньги, которые вы за него заплатили, Дюран. И даже добавлю.

— Нет. Это моя собака. Отдадите вы ее мне... сейчас же?

— Нет!

Едва Чэллонер произнес это короткое слово, как Дюран всей тяжестью налег на стол. Чэллонер не ожидал такого быстрого нападения и был застигнут врасплох. С ревом, полным ярости и ненависти, Дюран набросился на него, и они оба упали на пол,

увлекая за собой стол вместе с лампой. Фитиль затрещал и погас. В хижине стало совсем темно — только в окно струился смутный лунный свет. Чэллонер ждал совсем другого. Он полагал, что Дюран сначала попробует добиться своего с помощью угроз, и, понимая, что с ними двумя голыми руками справиться не сможет, рассчитывал тем временем незаметно отойти к нарам — под подушкой у него лежал револьвер. Но теперь думать об этом было поздно. Навалившись на него, Дюран старался в темноте нащупать его горло. Чэллонер вскинул руку, чтобы зажать шею великана, как в тисках, и услышал, что Грауз Пьет оттаскивает стол в сторону. В следующее мгновение они попали в пятно лунного света, и Чэллонер увидел, что над ними наклоняется темный силуэт. Он успел зажать голову Дюрана под мышкой, однако и тот сумел одной рукой вцепиться ему в горло. Тут Грауз Пьет что-то крикнул Дюрану на индейском наречии, которого Чэллонер не знал. Он напряг все силы и оттащил своего противника в темноту, подальше от лунного пятна. Толстая шея Дюрана затрещала. Грауз Пьет снова спросил что-то на непонятном наречии. Чэллонер сжал шею противника как мог сильнее, и Дюран ничего не ответил.

Тут на них всем весом навалился Грауз Пьет и тоже начал нащупывать горло Чэллонера. Его толстые пальцы сначала было запутались в бороде Дюрана, но потом нашли то, чего искали. Силач мог бы задушить Чэллонера за десять секунд, но его пальцы так и не сомкнулись. Неожиданно Грауз Пьет громко закричал. В этот крик, закончившийся почти стоном, вплелся лязг больших клыков и треск рвущейся куртки. Дюран услышал все это и, отчаянным усилием вырвавшись из хватки Чэллонера, вскочил на ноги. Чэллонер с быстротой молнии кинулся к нарам и тотчас повернулся к своим врагам, сжимая в руке револьвер.

Все произошло удивительно быстро — с того момента, когда опрокинулся стол, прошло не более минуты. Но теперь, когда опасность миновала, Чэллонера охватил ужас — он вспомнил, какое зрелище открылось ему, когда он днем подошел к большой клетке, в которой дрались Мики и Таао... Неужели сейчас в темной хижине...

Он услышал стон и шум падения тяжелого тела.

— Мики! — закричал он.— Сюда, Мики! Сюда!

Уронив револьвер, Чэллонер бросился к двери и широко ее распахнул.

— Ради бога, уходите! — крикнул он.— Убирайтесь отсюда, пока целы!

Мимо него в темноте метнулась грузная фигура. Он догадался, что это Дюран.

Тогда он прыгнул назад во мрак хижины, на ощупь нашел

загривок Мики и начал оттаскивать пса от его жертвы, хрипло повторяя:

— Мики! Мики! Мики!

Затем Чэллонер увидел, как Грауз Пьет подполз к двери, с трудом поднялся на ноги — его фигура четко вырисовывалась на фоне звездного неба — и, пошатываясь, побрел прочь. Тут напряженные мышцы Мики под руками Чэллонера расслабились, и пес растянулся на полу. Выждав еще минуту-другую, Чэллонер закрыл дверь и зажег запасную лампу. Он поднял перевернутый стол, поставил на него лампу и поглядел на Мики. Пес лежал неподвижно, опустив голову на передние лапы. Он смотрел на Чэллонера виноватыми, молящими глазами.

Чэллонер протянул к нему руки:

— Мики!

В одно мгновение Мики вскочил, и его лапы очутились на груди хозяина. Обняв его за шею, Чэллонер оглядел пол, на котором валялись обрывки меховой куртки.

— Мики, старина! Спасибо, что помог вовремя,— сказал он весело.

Глава XXII

На следующее утро Чэллонер отправил трое саней с четырьмя своими помощниками на северо-запад, туда, где на Оленьем озере, в устье Кокра́на, находилась его новая фактория, а сам час спустя покинул факторию Макдоннелла и с одними легкими санями, запряженными пятью собаками, повернул прямо на запад, к хребту Джонсона. Вместе с ним отправился один из индейцев, служивших у Макдоннелла,— ему было поручено отвезти Нанетту Лебо в Форт О'Год. Ни Дюрана, ни Грауза Пьета он больше не видел и согласился с Макдоннеллом, который высказал предположение, что негодяи, несомненно, поспешили убраться восвояси после того, как их попытка отнять Мики силой окончилась столь неудачно для них. Вероятно, поспешность, с какой они покинули Форт О'Год, объяснялась еще и тем обстоятельством, что в этот день туда должен был прибыть отряд северо-западной королевской конной полиции, направлявшейся на Йоркскую факторию.

Только в самую последнюю минуту перед отъездом Чэллонер вывел Мики из хижины и привязал его к своим саням. Когда Мики увидел пятерых упряжных собак, сидевших на снегу, он весь напрягся и свирепо заворчал. Однако, услышав спокойный голос Чэллонера, он быстро понял, что перед ним не враги, и проникся к ним презрительной снисходительностью, которая затем сменилась даже благожелательным интересом. Собаки эти

отличались большим добродушием — их привезли с юга, и в них не было ни капли волчьей крови.

В течение прошедших суток на долю Мики выпало столько необыкновенных и неожиданных событий, что он не мог прийти в себя еще долго после того, как они покинули Форт О'Год. В его мозгу вертелась карусель странных волнующих картин. Все, что происходило до того, как он попал в руки Жака Лебо, отодвинулось куда-то далеко-далеко. И даже воспоминание о Нееве было почти вытеснено впечатлениями от событий в хижине Нанетты и в Форте О'Год. Его сознание было переполнено образами людей, собак и множества новых непонятных вещей. Лесной мир, к которому он привык, внезапно сменился миром Жака Лебо, Анри Дюрана и Грауза Пьета — миром двуногих зверей, которые били его дубинками и заставляли драться не на жизнь, а на смерть. Он отплатил им как мог. И теперь он был все время настороже, опасаясь, как бы они не накинулись на него из засады. Образы в его мозгу предупреждали его, что эти двуногие звери прячутся повсюду. Ему казалось, что их не меньше, чем волков в лесу,— ведь он видел, как они толпились вокруг большой клетки, в которой он дрался с Таао. В этом враждебном, пугающем мире был только один Чэллонер, одна Нанетта, одна малышка. А все остальное сливалось в хаос смутной неуверенности и неясных угроз. Дважды, когда помощник Макдоннелла нагонял их, Мики оборачивался со свирепым рычанием. Чэллонер, который все время внимательно следил за ним, прекрасно понимал, что с ним происходит.

Из всех образов, теснившихся в памяти Мики, один был удивительно ясным и заслонял все остальные — даже самого Чэллонера. Это был образ Нанетты. Мики как будто чувствовал прикосновение ее ласковых рук, слышал ее тихий, задушевный голос, чуял запах ее волос и одежды, запах женщины, заботливой, доброй хозяйки. Малышка же казалась ему неотъемлемой частью Нанетты и словно сливалась с ней в одно. Конечно, Чэллонер не мог догадаться об этих мыслях Мики, и потому что-то в поведении собаки оставалось ему непонятным и сбивало его с толку. Вечером, когда они остановились на ночлег, Чэллонер долго сидел у костра, стараясь воскресить беззаветную дружбу тех дней, когда Мики был щенком. Но это удалось ему только отчасти. Мики как будто что-то тревожило. Он все время беспокойно отходил от костра, поворачивал голову на запад и нюхал воздух. И каждый раз при этом тихонько и жалобно повизгивал.

Чэллонер не мог понять, в чем дело, и поэтому, ложась спать, на всякий случай привязал Мики возле палатки крепким сыромятным ремнем. После того как Чэллонер ушел в палатку, Мики еще долго сидел, насторожившись, под елкой, к которой

его привязали. Было часов десять, и в лесу стояла такая тишина, что треск рассыпающихся в костре угольков казался Мики щелканьем хлыста. Его глаза были широко открыты, уши стояли торчком. Чуть в стороне от костра он различал темное пятно — это, закутавшись на индейский манер в толстые одеяла, спал помощник Макдоннелла. Поодаль, свернувшись калачиком, в снегу спокойно спали ездовые собаки. Луна почти достигла зенита, и милях в двух от стоянки выл волк, задрав морду к золотистому диску. Этот вой, словно отдаленный зов, окончательно взбудоражил Мики. Он повернулся в ту сторону, откуда доносился протяжный клич. Ему хотелось ответить. Ему хотелось запрокинуть голову и воззвать к лесу, к луне, к звездному небу. Но он только щелкнул зубами и посмотрел на палатку, в которой спал Чэллонер. Наконец Мики растянулся на снегу, но тотчас же приподнял голову и продолжал прислушиваться.

Луна начала спускаться к западному горизонту. Костер совсем догорел, и во мгле лишь тускло поблескивали гаснущие угли. На часах Чэллонера стрелки миновали полночь, но Мики по-прежнему бодрствовал, и владевшее им волнение становилось все более непреодолимым. Наконец он почувствовал, что не может больше противиться властному зову, звучавшему в ночи, и перегрыз ремень. Его звала Нанетта, Нанетта вместе с малышкой.

Отойдя от елки, Мики обнюхал угол палатки Чэллонера. Его спина виновато выгнулась, хвост уныло повис. Он чувствовал, что предает хозяина, которого ждал так долго, которого постоянно видел во сне. Конечно, он не отдавал себе ясного отчета в том, что собирался сделать, но им вдруг овладела глубокая тоска. Он вернется. Где-то в глубине его мозга пряталось смутное убеждение, что он обязательно вернется. Но сейчас... сейчас он должен ответить на этот зов.

Мики крадучись скользнул в лес, припадая к земле и с осторожностью лисицы обходя спящих собак. Только когда стоянка осталась далеко позади, он выпрямился и серой стремительной тенью в голубоватых лучах луны понесся на запад.

В движениях Мики не было ни нерешительности, ни колебаний. Его раны не болели, и он бежал ровной, размашистой рысью, словно молодой, полный сил волк. Вспугнутые кролики бросались в сторону, но он не замедлял бега, и даже пронзительный запах пекана не заставил его свернуть с пути. Безошибочное чувство направления вело его через болота и густые чащи, через замерзшие озера и речки, через открытые равнины и лесные пожарища. Один раз он остановился, чтобы напиться из полыньи там, где быстрый ручей не замерзал и в самые лютые

морозы, но через несколько секунд уже бежал дальше. Луна спускалась все ниже и ниже и, наконец, исчезла за горизонтом. Звезды начали бледнеть и гаснуть — маленькие растворялись в молочной дымке, большие тускнели. Лесной мир окутала призрачная снежная мгла.

За шесть часов — от полуночи до рассвета — Мики пробежал тридцать шесть миль. Потом он остановился. Улегшись в снегу рядом с большим камнем на вершине холмистой гряды, он смотрел, как рождается день. Открыв пасть, он старался отдышаться, пока по восточному краю неба разливалось тусклое золото зимней зари. Затем из-за зубчатой кромки леса, точно отблеск пушечного залпа над крепостной стеной, вырвались первые яркие солнечные лучи. Тогда Мики поднялся на ноги и оглядел свой мир, облачающийся в чудесный утренний наряд. Позади него, в пятидесяти милях от этой гряды, лежал Форт О'Год, впереди, в двадцати милях,— хижина Нанетты. И он начал спускаться по склону в сторону хижины.

По мере того как расстояние между ним и хижиной сокращалось, им вновь начинала овладевать беспокойная тоска, похожая на ту, которая томила его накануне возле палатки Чэллонера. Но в чем-то она была иной. Он бежал всю ночь напролет. Он покорился властному зову. А теперь, когда цель была уже совсем близка, его охватил страх. Он не знал, какой прием ждет его в хижине. Ведь Нанетта позволила увести его.. Может быть, он ей больше не нужен?

Мики замедлил шаг. Часа через три его чуткие ноздри уловили запах дыма. До хижины Нанетты и малышки оставалось не более полумили. Но Мики не побежал напрямик, а по-волчьи описал большой полукруг и осторожно подкрался к маленькой вырубке, на которой несколько недель назад ему открылся новый мир. Вот клетка из березовых жердей, сколоченная Жаком Лебо, чтобы держать его в неволе. Дверца клетки была открыта. Ее открыл Дюран, чтобы тайком увести его. Мики увидел утоптанный снег на том месте, где он прыгнул на грудь своего мучителя. И заскулил.

Он посмотрел на дверь хижины. Она тоже была приотворена, но он не заметил внутри никакого движения. Однако обоняние заверило его, что в хижине живут. К тому же из трубы валил дым. Мики, понурившись, побрел через вырубку. Всем своим видом он выражал смиренную мольбу о прощении. Он словно просил Нанетту не прогонять его, даже если он в чем-нибудь провинился перед ней.

Мики приблизился к двери и заглянул внутрь. Комната была пуста. Нанетты в ней не было. Но тут его уши стали торчком, а тело напряглось — он услышал веселое воркование. Оно доносилось из колыбели. Мики судорожно вздохнул, негромко

взвизгнул, постукивая когтями, прошел по половицам и заглянул в колыбель. Там лежала малышка. Мики тихонько лизнул маленькую ручонку горячим языком — всего один раз, а потом опять глубоко вздохнул и растянулся на полу.

Затем Мики услышал шаги. В хижину вошла Нанетта с одеялами в руках. Она отнесла их в чуланчик, вернулась в комнату и только тут увидела Мики. Она вздрогнула и остановилась как вкопанная. Но через секунду, негромко вскрикнув, она уже кинулась к нему, и он снова почувствовал ее руки на своей шее. Тогда он заскулил, как щенок, и сунул морду ей под мышку, а Нанетта смеялась сквозь слезы, а малышка в колыбели радостно попискивала и высоко задирала ножки, обутые в крохотные мокасины.

«Ао-у тап-ва-мукун» («Когда уходит злая беда, приходит счастье») — гласит поговорка индейцев кри. А для Нанетты смерть ее мужа стала избавлением от самой злой беды. Теперь, когда ей уже не приходилось ежеминутно опасаться тяжелых кулаков и дубинки, она вся словно расцвела. Загнанное, боязливое выражение исчезло из ее темных глаз. Теперь они сияли и лучились. К ней вернулась ее юность, освобожденная от невыносимого гнета. Нанетта была счастлива. Она радовалась тому, что с ней — ее дочка, она радовалась свободе, радовалась солнцу и звездам и с надеждой смотрела в будущее.

Вечером, когда она перед сном распустила волосы, Мики тихонько подошел к ней. Ему нравилось тыкаться носом в эти мягкие пушистые кудри, нравилось класть голову ей на колени и прятаться за их блестящим пологом. А Нанетта крепко обняла его, как обнимала дочку. Ведь это Мики невольно послужил причиной того, что она снова обрела жизнь, надежду, радость. Гибель Лебо была справедливым воздаянием, и повинен в ней был только он сам.

А на следующий вечер, когда Нанетта причесывалась перед сном, в хижину вошел Челлонер, и когда он увидел ее сияющие глаза и волну шелковистых кудрей, у него словно земля ушла из-под ног, и он понял, что вся его прошлая жизнь была только прологом к этой минуте.

Глава XXIII

После того как в хижине Нанетты Лебо появился Чэллонер, счастье Мики стало уже совсем безоблачным. Он, разумеется, не анализировал, почему ему так хорошо, и ничего не опасался в будущем. Мики жил только настоящим, а в этом настоящем три существа, которых он любил сильнее всего на свете, были вместе, были рядом с ним, а больше ему ничего не требовалось.

И тем не менее где-то в глубинах его памяти, надежно хранившей все важнейшие события, которые ему довелось пережить, таился образ Неевы, черного медвежонка. Мики не забыл Нееву, своего друга, своего брата, дравшегося бок о бок с ним, когда они встречали опасных врагов. И время от времени ему вспоминалась холодная, занесенная снегом пещера у вершины каменистого холма, пещера, в которой Неева погрузился в таинственный беспробудный сон, почти не отличимый от смерти. Но жил Мики настоящей минутой. Дни шли за днями, а Чэллонер все еще не покидал вырубки, да и Нанетта не уехала в Форт О'Год с помощником Макдоннелла. Индеец вернулся один и передал фактору письмо от Чэллонера, в котором сообщалось, что девочка кашляет и Нанетта боится пускаться в дальний путь, пока стоят такие морозы. Кроме того, он просил прислать ей некоторые припасы.

Хотя в первых числах января действительно ударили лютые морозы, Чэллонер по-прежнему жил в палатке на опушке, шагах в ста от хижины, и Мики то навещал своего первого хозяина, то отправлялся в гости к Нанетте. Это были самые счастливые дни в его жизни. Ну, а Чэллонер...

Мики видел все, что происходило, но понять смысл происходящего он был не способен. Прошла неделя, затем вторая, и в глазах Нанетты появилось особое сияние, которого Мики никогда прежде в них не замечал. Изменился и ее голос — он стал каким-то особенно задушевным и милым.

А потом настал день, когда Мики, лежавший возле колыбели, поднял голову и увидел, что его хозяин обнимает Нанетту и что-то говорит ей, а ее лицо озаряет невыразимая радость. Мики смотрел на них с недоумением. Это недоумение возросло еще больше, когда Чэллонер отошел от Нанетты, нагнулся над колыбелью и нежно взял малышку на руки, а Нанетта вдруг закрыла лицо ладонями и расплакалась. В горле Мики поднялось глухое рычание, но в это мгновение Чэллонер свободной рукой притянул к себе Нанетту, она обняла его и малышку и что-то говорила сквозь слезы. Мики не понимал ее слов — он вообще ничего не понимал, но он чувствовал, что сейчас не время рычать или бросаться к ней на помощь. Его охватило необъяснимое радостное возбуждение, но он сдерживал его и только смотрел во все глаза. Минуту спустя Нанетта опустилась на колени и крепко обняла его за шею, как только что обнимала Чэллонера, а Чэллонер приплясывал с малышкой на руках и весело ей что-то растолковывал. Потом и он сел на пол рядом с Мики.

— Мики, старина! Я теперь семейный человек, слышишь? — торжественно объявил он.

Мики попытался понять — и не смог.

Вечером за ужином Чэллонер и Нанетта болтали и смеялись, как двое счастливых ребятишек. Мики не спускал с них глаз, все еще стараясь разобраться, что с ними происходит,— и не понимал.

Перед тем как уйти в свою палатку на опушке леса, Чэллонер обнял Нанетту и поцеловал ее, а она прижала ладошку к его щеке, засмеялась и чуть было снова не расплакалась от радости.

И тут Мики понял: к обитателям хижины пришло счастье, только и всего.

Теперь, когда в его мире окончательно воцарились радость и спокойствие, Мики снова занялся охотой. Вновь он услышал властный призыв лесных троп и начал уходить от хижины все дальше и дальше. Он опять обследовал капканы Лебо. Но они давно захлопнулись, и некому было ставить их заново. Мики почти утратил свою былую недоверчивую осторожность. Он потолстел и больше уже не чуял надвигающейся опасности в каждом порыве ветра. На третью неделю пребывания Чэллонера в хижине, в тот самый день, когда внезапно потеплело и два месяца лютых морозов подошли к концу, Мики в добрых десяти милях от хижины наткнулся на ловушку, которую Лебо поставил, рассчитывая, что в нее попадет рысь. Это было бревно, подвешенное так, что оно должно было упасть, стоило только дернуть приманку. Но никто не прикоснулся к куску мяса, и оно промерзло насквозь и стало твердым как камень. Мики из любопытства обнюхал приманку. Он больше ничего не опасался. Он уже не ощущал повсюду присутствия постоянной неведомой угрозы. И вот Мики куснул приманку. Потом с силой рванул — и бревно с грохотом упало ему на спину. Чудом его позвоночник остался цел. Почти сутки, превозмогая боль, Мики вновь и вновь пытался выбраться из-под бревна, придавившего его к земле. В конце концов ему это удалось. Еще накануне, когда потеплело, начал падать мягкий снежок, который быстро занес все лесные тропы. Мики полз по нетронутой белой пелене, оставляя за собой широкий след, точно выдра в прибрежном иле. Задние лапы у него отнялись, хотя хребет и не был перебит. Но он слишком долго пролежал под тяжелым бревном, чтобы это могло пройти безнаказанным,— вся задняя часть туловища у него была словно парализована.

Мики пополз по направлению к хижине, но каждое движение вызывало мучительную боль, и он полз так медленно, что за час удалился от бревна меньше чем на четверть мили. До наступления ночи он прополз меньше двух миль! Мики забился под куст и пролежал под ним до зари, а потом и весь следующий день. Когда занялось новое утро (шли уже четвертые сутки с того момента, как он отправился на эту роковую охоту), Мики почувствовал, что боль в спине как будто уменьшилась. Однако

стоило ему проползти несколько шагов, как силы совсем его покидали. И тут ему вдруг улыбнулась удача — после полудня он наткнулся на тушу карибу, полуобглоданную волками. Мясо замерзло, но Мики принялся грызть его с жадностью. Потом он заполз под кучу валежника и пролежал там десять дней между жизнью и смертью. Если бы не туша карибу, конечно, Мики погиб бы. Но каждый день, а иногда и через день он с трудом подползал к ней и проглатывал несколько кусочков мяса. Прошло почти две недели, прежде чем ноги снова начали служить ему. На пятнадцатый день он приплелся к хижине.

Едва Мики вышел на вырубку, как его охватило ощущение беды. Хижина стояла на прежнем месте. Она как будто была совсем такой, как пятнадцать дней назад. Но над трубой не вился дымок, а окна заросли густым слоем пушистого инея. Снег вокруг хижины был белым, как чистая простыня, и его белизну не нарушал ни единый след. Мики нерешительно направился к двери. И там тоже не было следов. Ветер намел у порога высокий сугроб. Мики взвизгнул и заскребся в дверь. Ему ответила только тишина. Из хижины не донеслось ни единого звука.

Мики вернулся в лес и начал ждать. Он ждал до вечера и время от времени подходил к двери и вновь обнюхивал ее, проверяя, не ошибся ли он. С наступлением темноты он вырыл ямку в снегу возле двери и пролежал в этом логовище всю ночь. Наконец занялся серый и унылый рассвет. Но из трубы не повалил дым, и за бревенчатыми стенами по-прежнему царила нерушимая тишина. Тогда Мики наконец понял, что Чэллонер, Нанетта и малышка покинули хижину.

Однако он не потерял надежды. Он перестал слушать под дверью — теперь он ждал, что знакомые голоса донесутся до него откуда-нибудь из леса, и то и дело обводил взглядом опушку. Он даже отправлялся на розыски и обследовал лес то с одной стороны хижины, то с другой, тщетно принюхиваясь к нетронутому снегу и ловя ветер чуткими ноздрями. Под вечер, уныло опустив хвост, он затрусил в чащу, чтобы поймать на ужин кролика. Поев, он вернулся к хижине и улегся спать в ту же ямку возле двери. Третий день и третью ночь он тоже провел возле хижины и в эту третью ночь услышал волчий вой, далеко разносившийся под чистым звездным небом. И впервые за все это время Мики завыл — тоскливо и жалобно. Он вовсе не отвечал волкам — он звал хозяина, Нанетту и малышку, и в его голосе слышались горе и тоскливая безнадежность.

Никогда еще Мики не ощущал себя таким одиноким. И его собачьему мозгу представлялось, будто все, что он видел и чувствовал в течение последних недель, было сном, а теперь он очнулся и вновь обнаружил вокруг себя все тот же враждебный

лесной мир, полный опасностей и неизбывного одиночества,— мир, где нет дружбы, а есть только нескончаемая, отчаянная борьба за существование. Инстинкты, притупившиеся было за время его пребывания в хижине, вновь обрели силу и остроту. Теперь его опять ни на минуту не оставляло волнующее ощущение постоянных опасностей, которые грозят тому, кто бродит по лесу в одиночку, к нему вернулась осторожность, и на четвертый день он уже крался по вырубке, как волк.

На пятую ночь он не лег спать в ямке у двери, а ушел в лес и в миле от хижины отыскал подходящую для ночлега кучу бурелома. До утра его мучили тревожные сны. Но ему не снились Чэллонер, Нанетта и малышка или драка в Форт О'Год и все то новое и непонятное, что он там видел. Нет, во сне он бродил у каменистой вершины холма, занесенной глубоким снегом, и забирался в темную, безмолвную пещеру. Вновь он старался разбудить своего брата и товарища по летним странствованиям — Нееву, черного медведя, ощущал теплоту его тела и слышал, как тот сонно ворчит, не желая просыпаться. А потом он вновь пережил во сне схватку среди кустов черной смородины и вместе с Неевой улепетывал во весь дух от разъяренной медведицы, которая вторглась в их овражек.

Внезапно Мики проснулся — он весь дрожал, его мышцы были напряжены. Он зарычал, и в темноте его глаза горели, как два огненных шарика. В черной яме под перепутанными ветками он тихонько и призывно заскулил, а потом долго прислушивался, не ответит ли Неева.

Еще целый месяц после этой ночи Мики рыскал вблизи хижины. И каждый день он хотя бы один раз обследовал вырубку, а иногда забегал туда и ночью. Но тем не менее его мысли все чаще занимал Неева. Начало марта ознаменовалось тики-свао — большой оттепелью. Целую неделю солнце ярко сияло в безоблачном небе. Воздух стал теплым, снег проваливался под ногами, а на южных склонах холмов сугробы быстро таяли, растекаясь стремительными журчащими ручейками, или миниатюрными лавинами обрушивались вниз на дно оврагов. Мир был проникнут новым радостным возбуждением — близилась весна. И в сердце Мики начала медленно пробуждаться новая надежда, рождавшаяся из новых впечатлений и нового зова инстинктов,— он вдруг почувствовал, что Неева должен вот-вот проснуться.

Эта мысль возникала у него, словно подсказанная кем-то со стороны. Об этом пели ему ручейки, которые, журча, пробирались по снегу и с каждым днем становились все шире и глубже, об этом шептал ему теплый ветер, совсем не похожий на свирепые леденящие ветры зимы, об этом говорили ему обновленные весенние запахи леса и сладкое благоухание отта-

ивающей земли. И он испытывал неодолимое возбуждение, он слышал зов, он знал: Неева должен вот-вот проснуться.

Мики ответил на зов — остановить его можно было бы, только пустив в ход силу. Однако он не побежал к холму Неевы прямо, так, как побежал из лагеря Чэллонера к хижине, где жила Нанетта с малышкой. Тогда он твердо знал, куда и зачем бежит,— тогда его влекла ясная и легко достижимая цель. Но теперь манящий зов не воплощался в реальные образы. Вот почему, направившись на запад, первые два-три дня Мики петлял по лесу и часто подолгу задерживался на одном месте. Затем он вдруг решительно побежал прямо вперед и не останавливался, пока на рассвете пятого дня не достиг опушки — перед ним расстилалась широкая безлесная равнина, которую пересекала гряда холмов. Мики сел и долго смотрел на равнину.

Когда он продолжил путь, образ Неевы в его мозгу с каждым шагом становился все более четким и ясным. Ему уже казалось, будто он ушел от этой гряды всего только накануне. Холмы тогда были засыпаны снегом, и землю окутывали серые страшные сумерки. А теперь сугробов почти не осталось, солнце светило ярко, а небо снова было голубым. Мики продолжал уверенно бежать к знакомому холму — он не забыл пути. Особого волнения он не испытывал, потому что утратил ощущение времени. Он спустился с этого холма вчера, а сегодня возвращается туда, что здесь особенного?

Мики направился прямо к пещере, вход в которую уже освободился от снега, сунул голову в отверстие и понюхал воздух. Ну и лежебока же этот черный лентяй! Подумать только — он все еще спит! Мики чувствовал запах Неевы, а прислушавшись, уловил даже звук его дыхания.

Перебравшись через снежный вал, который намело в устье прохода, Мики уверенно прыгнул в темноту пещеры. Он услышал негромкое сонное фырканье, а потом глубокий вдох и тут же чуть было не споткнулся о Нееву, который, как оказалось, за зиму сменил постель. Неева снова фыркнул, и Мики взвизгнул. Он ткнулся мордой в новый весенний мех Неевы и ощупью добрался до его уха. Всего-то один день прошел! И он прекрасно помнил все, что было накануне! Поэтому он укусил Нееву за ухо и негромко залаял — Неева всегда прекрасно понимал этот басистый отрывистый лай.

«Проснись же, Неева! — словно говорил он.— Проснись! Снег растаял, и погода прекрасная. Ну, проснись же!»

И Неева сладко потянулся и широко, от всей души зевнул.

Глава XXIV

Мешéба, старый индеец кри, сидел на залитом солнцем камне на южном склоне холма, откуда была хорошо видна вся долина. Мешеба, которого когда-то, в давние-давние дни, соплеменники прозвали Великаном, был очень стар. Он родился так давно, что в книгах факторий Компании Гудзонова залива год его рождения не значился.

Его лицо сморщилось и побурело, как старая оленья кожа, а прямые волосы, обрамлявшие смуглые впалые щеки, достигали плеч и были белы как снег. Руки у него были худые, и даже нос казался худым — это была худоба глубокой старости. Но его глаза все еще блестели, как два темных драгоценных камня, и зоркость их оставалась прежней, нисколько не уменьшившись за без малого девяносто лет.

Сидя на теплом камне, Мешеба внимательно оглядывал долину. В четверти мили за его спиной стояла старая хижина, в которой он жил один. Зима была долгой и холодной, а потому, радуясь наступлению весны, старый Мешеба взобрался на холм, чтобы погреться на солнышке и посмотреть на пробуждающиеся леса. Уже около часа его взгляд блуждал по долине, словно взгляд старого, умудренного опытом сокола. В дальнем конце долины темнел старый лес из елей и кедров, между ним и холмистой грядой простирались ровные луга, еще покрытые тающим снегом, среди которого проглядывали ширящиеся пятна буровато-зеленой прошлогодней травы. С того места, где сидел Мешеба, ему был хорошо виден крутой холм, далеко вдававшийся в равнину в ста ярдах от него. Холм этот сам по себе не интересовал старого индейца, но он заслонял от его взгляда значительную часть долины.

Весь этот час Мешеба просидел неподвижно, посасывая черную трубку, из которой вился еле заметный сизый дымок. За это время он успел увидеть немало всякого зверя. В полумиле от его холма из леса вышло небольшое стадо карибу, а потом скрылось в кустарнике совсем неподалеку от него. Но старый индеец не почувствовал былого охотничьего азарта, а к тому же в хижине у него хранился достаточный запас свежего мяса. Затем он заметил вдалеке безрогого лося, такого нескладного и забавного в своем весеннем безобразии, что пергаментные губы Мешебы на мгновение раздвинулись в веселой улыбке, и он негромко и одобрительно хмыкнул,— несмотря на свой возраст, Мешеба полностью сохранил чувство юмора. Потом он увидел волка и два раза лисицу, а теперь его взгляд был устремлен на орла, парившего высоко над его головой. Орел представлял собой легкую мишень, но старый индеец ни за что на свете не стал бы стрелять в гордую птицу: они были давними знакомыми,

и из года в год, когда наступала весна, Мешеба видел этого орла в солнечном небе. Поэтому он одобрительно хмыкнул, радуясь, что Уписк не погиб во время зимних холодов.

— Мы оба прожили долгую жизнь, Уписк,— пробормотал он,— и, наверное, нам суждено умереть вместе. Мы много раз встречали весну, и скоро для нас должна навеки настать черная, непроглядная зима.

Индеец медленно отвел глаза от орла, и его взгляд случайно упал на крутой холм, заслонявший от него часть долины. Внезапно его сердце сильно забилось, он вынул трубку изо рта и уставился на холм неподвижным взглядом каменной статуи.

На плоском уступе, залитом солнечным светом, не более чем в ста шагах от него, стоял молодой черный медведь. В ласковых лучах полуденного солнца весенний мех медведя блестел как полированное черное дерево. Но ошеломило Мешебу вовсе не внезапное появление медведя. Нет, старый индеец с изумлением уставился на другого зверя, который стоял рядом с Вакайо,— это был не другой медведь, а... огромный волк. Медленным движением старик поднял худую руку и протер глаза в полной уверенности, что они его обманывают. За восемьдесят с лишним лет, которые он прожил в лесах, Мешеба ни разу не видел, чтобы волк и медведь дружили. Природа создала их заклятыми врагами, и они с рождения питают друг к другу неутолимую ненависть. Вот почему Мешеба некоторое время думал, что у него мутится в глазах. Но потом он убедился, что действительно стал свидетелем чуда; второй зверь повернулся к нему боком, и у старика не осталось никаких сомнений — это и в самом деле был волк! Широкогрудый, крупнокостный, он доставал Вакайо, медведю, до плеча. Огромный волк, лобастый и...

Сердце Мешебы снова забилось сильнее — он посмотрел на хвост таинственного зверя. У волка весной хвост бывает большим и пушистым, а у этого зверя шерсть на хвосте была короткой и плотно прилегала к коже!

— О-о! — пробормотал Мешеба еле слышно.— Это собака!

Он начал тихонько отодвигаться назад,— со стороны могло бы показаться, будто он съеживается, сохраняя полную неподвижность. Его ружье было прислонено к камню сзади так, что он не мог до него сразу дотянуться.

А в ста шагах от старого индейца на уступе стояли Неева и Мики и щурились от яркого солнца. Позади них темнело входное отверстие пещеры, в которой Неева проспал все зимние месяцы. Мики никак не мог разрешить одну непонятную загадку. Ему казалось, что он оставил лентяя Нееву спать в пещере только вчера,— долгая, тяжкая зима, которая принесла ему столько испытаний, отодвинулась куда-то вдаль, словно ее и вовсе не было. И вдруг оказалось, что Неева за это короткое

время ужасно вырос. Дело в том, что все четыре месяца, которые Неева проспал, он продолжал расти и был теперь в полтора раза больше, чем осенью. Если бы Мики умел говорить на языке кри и если бы Мешеба дал ему время изложить свои сомнения, он, вероятно, произнес бы примерно такую речь:

«Видите ли, мистер индеец,— сказал бы он,— этот медвежонок и я подружились, еще когда мы были совсем малышами. Человек по фамилии Чэллонер связал нас одной веревкой, когда Неева — вот этот самый медведь — был не больше вашей головы... Как мы царапались и кусались, пока не узнали друг друга по-настоящему! Ну, а потом мы свалились в реку и с тех пор бродили по лесу вместе, как братья. За лето у нас было много разных приключений, и смешных и опасных, а когда настали холода, Неева отыскал вон ту дыру в земле и проспал, бездельник, всю зиму! Про то, что мне довелось пережить за эту зиму, я говорить не стану, хотя много всякого было! Ну, а как потеплело, я почувствовал, что Неева, пожалуй, выспался и пора бы ему, лежебоке, продрать глаза. Вот я и вернулся сюда. Теперь мы опять вместе. Только... объясните мне, пожалуйста, одно: почему Неева такой большой?»

Возможно, Мики изложил бы свои мысли как-нибудь иначе, но, во всяком случае, в этот момент они были заняты именно неожиданным превращением Неевы из маленького медвежонка в большого медведя. Впрочем, Мешеба, вместо того чтобы выслушивать его объяснения, все равно потянулся бы за ружьем. А Неева тем временем, подняв коричневый нос, нюхал ветер и вскоре уловил в нем какой-то неизвестный ему запах. Из всех троих только Неева в эту минуту ничему не удивлялся. Когда он четыре с половиной месяца назад погрузился в спячку, Мики был рядом с ним, и сегодня, когда он проснулся, Мики по-прежнему был рядом с ним. А они с Мики и до этого много раз засыпали бок о бок и, просыпаясь, вместе встречали новый день. Ведь Неева и не подозревал, что они не виделись четыре с половиной месяца: ему представлялось, что с того времени, как он заснул, прошла всего одна ночь.

И Нееву теперь тревожил только непонятный запах, который доносил до него теплый ветерок. Инстинктивно он почувствовал в этом запахе какую-то угрозу и решил, что на всякий случай им будет полезнее убраться куда-нибудь подальше от этого подозрительного места. Поэтому он затрусил прочь, предупредив Мики тревожным «уф!». И когда Мешеба выглянул из-за камня, он увидел, что странная пара исчезает среди деревьев. Почти не целясь, он поспешно выстрелил им вслед.

Грохот выстрела и зловещий свист пули вызвали как у Неевы, так и у Мики множество страшных воспоминаний; Неева, прижав уши и выгнув спину, припустил своим особым галопом,

и почти милю Мики приходилось всерьез напрягать силы, чтобы не отстать от приятеля. Затем Неева остановился, тяжело переводя дух. Он ведь ничего не ел почти треть года, а кроме того, ослабел от долгой неподвижности, и такая пробежка чуть было не прикончила его. Прошло несколько минут, прежде чем он оправился настолько, что сумел фыркнуть. Мики использовал эти минуты на то, чтобы тщательно обнюхать Нееву от морды до хвоста. По-видимому, результат этого осмотра вполне его удовлетворил: кончив его, он заливисто затявкал и, забыв про то, что он уже совсем взрослый, принялся в неуемном восторге прыгать вокруг Неевы.

«Зимой мне было очень трудно и грустно одному, и я страшно рад, что мы опять вместе,— говорили его прыжки.— Ну, чем мы сейчас займемся? Пойдем поохотимся?»

Видимо, Неева думал о том же самом, так как он повернулся, деловито спустился в долину прямо к небольшому болотцу и начал разыскивать съедобные корни и траву. Роясь в земле, он добродушно похрюкивал, совсем как тогда, когда был маленьким медвежонком. И Мики, рыскавший поблизости, почувствовал, что долгие месяцы одиночества и правда остались позади.

Глава XXV

Мики и Неева — особенно Неева — не видели ничего странного в том, что они снова были вместе и что их дружба осталась такой же, какой была. Хотя за месяцы зимней спячки Неева сильно вырос, его воспоминания и образы, жившие в его мозгу, не изменились. Ему не пришлось пережить ни одного из тех ошеломительных событий, которые выпали этой зимой на долю Мики, а потому именно Неева воспринял возобновление их прежних отношений как нечто само собой разумеющееся. Он продолжал усердно разыскивать съедобные корни, как будто этих четырех с половиной зимних месяцев и вовсе не было, а когда несколько утолил первый голод, то совсем как прежде оглянулся на Мики, словно спрашивая, что они будут делать дальше. И Мики тоже вернулся к прежним привычкам с такой легкостью, как будто их разлука продолжалась не больше недели. Возможно, он попытался растолковать Нееве, что произошло с ним за эту зиму. Ему, конечно, хотелось рассказать своему другу о том, при каких странных обстоятельствах он встретил Чэллонера, своего первого хозяина, и как опять его потерял. И о том, как он познакомился с Нанеттой и ее дочерью, маленькой Нанеттой, и как провел с ними несколько недель и полюбил их навсегда.

Вот почему его тянуло на северо-восток — туда, где стояла

хижина, в которой прежде жила Нанетта с малышкой, и именно к этой хижине он потихоньку вел Нееву в первые полмесяца их возобновившихся совместных странствований. Вперед они продвигались медленно, главным образом потому, что весенний аппетит Неевы был поистине неутолим, и девять десятых своего бодрствования молодой медведь посвящал насыщению, в невероятных количествах пожирая съедобные корни, набухающие почки и траву. А Мики в течение первой недели не раз совсем отчаивался и решал навсегда бросить охоту: как-то он поймал пять кроликов, а Неева съел из них четырех и захрюкал, свинья эдакая, требуя еще!

Если Мики не переставал дивиться обжорству Неевы год назад, когда он был еще щенком, а Неева — маленьким медвежонком, то теперь он даже потерял способность удивляться, потому что, когда дело доходило до еды, Нееву можно было сравнить только с бездонным колодцем. А в остальном он полностью сохранил свой добродушный нрав, и они по-прежнему часто затевали веселую возню, хотя теперь силы их были далеко не равны — Неева весил чуть ли не вдвое больше, чем Мики. Он очень быстро научился пользоваться своим преимуществом в весе: улучив момент, он внезапно наваливался на Мики, прижимал его к земле всей тяжестью своего толстого мохнатого тела и обхватывал передними лапами, так что Мики не мог пошевелиться. Иногда Неева, сжав Мики в могучем объятии, перекатывался с ним на спину, и оба рычали и рявкали, словно вели борьбу не на жизнь, а на смерть. Эта игра очень нравилась Мики, хотя верх в ней в буквальном смысле слова всегда оставался за Неевой, но потом в один прекрасный день они затеяли возню на краю обрыва и в конце концов свалились на дно оврага лавиной мелькающих медвежьих и собачьих лап. После этого Неева надолго оставил привычку кататься по земле, торжествуя победу над беспомощным противником. Впрочем, если Мики надоедало играть, ему достаточно было куснуть Нееву своими длинными клыками, и медведь тотчас отпускал его и быстро вскакивал с земли — к зубам Мики он питал самое глубокое уважение.

Однако больше всего Мики любил, когда Неева затевал драку, встав на задние лапы, словно человек. Вот тогда они оба отводили душу. Зато его по-прежнему выводила из себя манера Неевы среди бела дня залезать на дерево и устраиваться там спать.

Начиналась уже третья неделя их странствований, когда они наконец добрались до хижины Нанетты. Она осталась точно такой же, какой Мики видел ее в последний раз, и когда они с Неевой оглядели вырубку, притаившись за кустами, его хвост уныло повис. Над трубой не поднимался дым, и не было заметно

никаких других признаков жизни. Только стекло в окошке было теперь разбито — возможно, какому-нибудь любопытному медведю или росомахе захотелось узнать, что находится внутри заброшенного человеческого жилья. Мики подошел к окошку, встал на задние лапы, сунул морду в дыру и понюхал воздух. Запах Нанетты еще не исчез, но стал еле различимым. А больше там ничего от нее не осталось. Комната была пуста, если не считать плиты, стола и грубо сколоченной скамьи. Все остальное исчезло.

Еще около получаса Мики не отходил от хижины и то и дело вставал у окна на задние лапы, пока Нееву наконец не разобрало любопытство и он не последовал примеру приятеля. Неева тоже уловил слабый запах, еще таившийся в хижине, и долго принюхивался. Чем-то этот запах напоминал тот, который его ноздри уловили, когда он, только что покинув берлогу, стоял с Мики на залитом солнцем уступе. И все-таки это были разные запахи: запах в хижине казался менее навязчивым и далеко не таким противным.

Целый месяц Мики не желал уходить из окрестностей хижины. Его удерживало тут смутное, но властное чувство, которое он не был способен понять, а тем более проанализировать. Некоторое время Неева добродушно мирился с необъяснимым капризом приятеля. Потом ему надоело бродить по одним и тем же местам: рассердившись, он обиженно ушел и три дня странствовал в одиночестве. Мики вынужден был во имя дружбы последовать за ним. Время созревания ягод — начало июля — застало их на границе области, где родился Неева, в шестидесяти милях к северо-западу от хижины.

Но это было лето бебе нак ам геда — лето засух и пожаров, а потому ягод было совсем мало. Уже в середине июля леса начало окутывать сероватое дрожащее марево. В течение трех недель не выпало ни одного дождя. Даже ночи были жаркими и сухими. Каждый день все факторы в этих местах обводили окрестности тревожным взглядом, а к первому августа служащие на факториях индейцы принялись систематически обходить ближние леса, проверяя, не занялся ли где-нибудь пожар. Лесные жители, еще не покинувшие свои хижины и типи, были начеку и днем и ночью. Утром, в полдень и на закате они влезали на высокие деревья и вглядывались в мутное колышущееся марево — не клубится ли над чащей дым? День за днем дул ровный и устойчивый юго-западный ветер. Он был сухим и жгучим, словно приносился в северные леса из раскаленных экваториальных пустынь. Ягоды засыхали на кустах, рябина сморщилась и завяла, не успев созреть. Ручьи иссякали, болота превращались в унылые торфяные пустоши, а листья на тополях уже не шуршали весело на ветру, а безжизненно свисали с веток.

Лесным жителям лишь раз в тридцать — сорок лет доводится видеть, как тополиные листья свертываются в сухие трубочки и облетают, спаленные безжалостным летним солнцем. Такое увядание листьев индейцы называют кискевахун — предупреждение об опасности. Вянущие листья предупреждают не только о возможной гибели в бушующем море огня, но и о том, что зимой дичи и пушного зверя будет мало, а именно это — самая страшная беда для охотников и трапперов.

Пятое августа застало Нееву и Мики на большом высыхающем болоте. В низинах духота была особенно невыносимой. Друзья брели по краю глубокой черной рытвины, которая всего месяц назад была руслом полноводной речки, а теперь производила такое же гнетущее впечатление, как и сама эта тягостная жара. Неева высунул длинный красный язык, а Мики дышал так тяжело, что бока у него вздымались и опадали, словно кузнечные мехи. Солнца не было видно, потому что его лучи не могли пробиться сквозь зловещий багровый туман, затягивавший небо и сгущавшийся с каждым часом. Мики и Неева находились во впадине, к тому же густо поросшей кустами, и потому не сразу заметили возникшую над лесом черную тучу. Туда до них не доносился раздававшийся в нескольких милях от болота громовый топот копыт и треск веток, ломающихся под напором тяжелых тел,— это спасались от смертоносного огня лоси, карибу и другие травоядные. Но друзья ничего не подозревали и продолжали неторопливо брести через пересохшее болото. День уже начинал клониться к вечеру, когда они наконец выбрались из низины и поднялись по еще зеленому склону холма. До этих пор ни Нееве, ни Мики не приходилось сталкиваться с ужасами лесного пожара — они вообще не имели ни малейшего представления о том, что это такое. Тем не менее едва они добрались до вершины, как сразу же поняли, что происходит. В их мозгу и в мышцах пробудился инстинкт, родившийся из опыта, накопленного тысячами прошлых поколений: окружающий мир находился во власти искутао — огня! На востоке, на юге, на западе леса скрывала непроницаемая пелена, подобная ночной тьме, а к противоположному краю болота, из которого Неева и Мики только что вышли, уже подбирались первые языки пламени.

Теперь, когда они поднялись на холм, они почувствовали палящее дыхание ветра, дувшего с той стороны. И вместе с ветром до них донесся глухой низкий рев, напоминавший далекий грохот водопада. Медведь и собака застыли на месте, пытаясь сообразить, что происходит, пытаясь осознать, какая реальная угроза скрывается за смутным предостережением инстинкта. Неева, как все его сородичи, был близорук и не видел ни дыма, надвигавшегося на них темным смерчем, ни огня,

подползающего к болоту. Но, в отличие от зрения, обоняние у него было отличное: его нос сморщился гармоникой, и он даже раньше, чем Мики, понял, что надо бежать со всех ног, спасаясь от гибели. А Мики, зоркостью не уступавший ястребу, стоял не двигаясь, как завороженный.

Рев стал громче. Теперь он, казалось, надвигался на них со всех сторон. Но пепел, первый предвестник приближающегося огня, а затем дым налетели на них с юга. Только тогда Мики с жалобным, растерянным визгом повернулся и побежал. Однако роль вожака теперь играл Неева — Неева, чьи предки на протяжении неисчислимых веков десятки тысяч раз убегали от огненной смерти. В эту минуту острота зрения была ему ни к чему. Он и так знал, что́ следует делать. Он знал, какая опасность надвигается на него сзади и с боков, знал, где лежит единственный путь к спасению. Обоняние и все остальные чувства твердили ему, что вокруг — смерть. Дважды Мики пытался повернуть на восток, но Неева, упрямо прижав уши к голове, продолжал бежать на север. Трижды Мики останавливался, намереваясь встретить лицом к лицу настигающую их опасность, но Неева ни разу даже не замедлил бега. Прямо на север... на север... на север — к плоскогорьям, к большим озерам и рекам и открытым равнинам.

Они бежали не одни. Мимо, обгоняя их с быстротой ветра, промчался большой карибу. «Беги быстро, быстро, быстро! — кричал инстинкт Неевы.— Но не надрываясь! Карибу бежит быстрее огня, но его сил хватит ненадолго, он упадет, и огонь сожрет его. Беги быстро, но не надрываясь!»

И Неева продолжал бежать своей обычной переваливающейся рысью, не убыстряя шага.

Их дорогу пересек лось. Он спотыкался и хрипел так, словно ему перерезали горло. Его бока были сильно обожжены, и, обезумев от боли, он вырвался из хватки огня, надвигавшегося с запада, только для того, чтобы слепо ринуться в стену пламени на востоке.

Позади них по обеим сторонам огонь бушевал с неумолимой яростью. Маленькие зверьки пытались укрыться от этого беспощадного врага в привычных убежищах — в дуплах, под кучами валежника, среди густых древесных ветвей, в норах,— но смерть настигала их и там. Кролики, куницы, пеканы, норки, горностаи, совы гибли, не издавая ни звука, и только барсуки жалобно кричали, как маленькие дети.

Огонь ревел, словно океан в бурю, смолистые вершины елей и кедров мгновенно вспыхивали гигантскими факелами. Пожар несся по хвойным лесам, как ураган, и спастись от него бегством было невозможно никому — ни зверю, ни человеку. Для тех, кого настигали огненные валы, оставалась только одна надежда,

воплощавшаяся в безмолвном крике, который словно оглашал горящие леса: «Вода! Скорее, скорее к воде!» Только вода обещала спасение, обещала жизнь, и каждое озеро превращалось в приют самых разных зверей: в грозный час общей гибели исконная вражда, кровожадность, ненависть, страх — все это было забыто, и дикие обитатели глухих дебрей жались друг к другу, как братья.

К такому-то озеру и привели Нееву инстинкт и чутье, которые становились все острее по мере того, как огненная стена постепенно настигала беглецов. Мики же, наоборот, совсем растерялся, все его чувства притупились, ноздри были полны только запаха огня, и он следовал за Неевой со слепой покорностью. Пожар уже бушевал на западном берегу озера, и вода буквально кишела разным зверьем. Озеро было не очень большим и совсем круглым. Его поперечник не превышал двухсот ярдов. Почти на самой его середине собрались лоси и карибу. Их было десятка два. Некоторые плавали, но большинство просто стояло на дне, и над водой виднелись только их рогатые головы. Вокруг беспорядочно плавали другие животные, чьи ноги были покороче,— вернее, они даже не плавали, а только еле-еле загребали лапами, чтобы не утонуть. У самой воды, где Неева и Мики на мгновение остановились, топтался большой дикобраз. Он сердито фыркал и хрюкал, словно ругая всех и вся за то, что ему не дали спокойно пообедать. Секунду спустя он вошел в воду. В нескольких шагах дальше по берегу пекан и лисица припали к песку возле самой воды, словно им не хотелось мочить свой драгоценный мех и они намерены были прыгнуть в озеро только в самую последнюю минуту, когда их уже опалит жгучее дыхание огненной смерти. И тут, словно вестница этой смерти, на берег с трудом выбралась вторая лисица, с которой ручьями стекала вода,— она только что переплыла озеро, так как на противоположном берегу уже колыхалась сплошная стена пламени. Но если эта лисица рассчитывала найти спасение на восточном берегу, то старый медведь, который был вдвое больше Неевы, по-видимому, не разделял ее надежды: во всяком случае, он, с треском вырвавшись из кустов, стремглав кинулся в озеро и поплыл прямо к западному берегу. На мелководье бродили, барахтались, плавали куницы, красноглазые горностаи, норки, кролики, белки, суслики и всевозможные мыши. Наконец Неева медленно вошел в воду и очутился среди зверьков, которыми еще недавно с большим удовольствием закусил бы. Но теперь он не обращал на них ни малейшего внимания.

Мики следовал за своим другом, пока вода не дошла ему до шеи. Тогда он остановился. Огонь был уже совсем близко и мчался к озеру со стремительностью скаковой лошади. Из-за вершин еще целых деревьев на озеро обрушилось черное облако

дыма и пепла. Через несколько минут все было поглощено непроницаемым жарким мраком, в глубинах которого начали раздаваться дикие, пронзительные звуки: лосенок отчаянно звал мать, а она отвечала ему испуганным мычанием, тоскливо выл волк, в ужасе тявкала лисица, и, заглушая все остальные голоса, исступленно кричали две гагары, чье гнездо исчезло в огне.

Кашляя от густого дыма, чувствуя на морде опаляющий жар пламени, Неева фырканьем позвал Мики и повернул к середине озера. Мики ответил ему коротким визгом и поплыл за своим большим черным братом, касаясь мордой его бока. На середине озера Неева последовал примеру тех, кто добрался туда раньше него, и почти перестал работать лапами. Однако костлявый Мики, которого не поддерживал на поверхности толстый слой жира, не мог просто лечь на воду, как это сделал его приятель, и продолжал плавать, описывая круги около Неевы. Потом ему в голову пришла удачная мысль, и, приблизившись к медведю вплотную, он оперся на его плечо передними лапами.

К этому времени озеро уже было опоясано огнем со всех сторон. Языки пламени взвивались высоко в воздух над смолистыми вершинами. От рева огня можно было оглохнуть, и все остальные звуки тонули в нем. Жар был нестерпимым: в течение нескольких ужасных минут Мики казалось, что он вдыхает не воздух, а огонь. Неева каждые две-три секунды окунал голову в воду, но инстинкт мешал Мики последовать его примеру. Подобно волку, лисе, пекану и рыси, он скорее умер бы, чем погрузился бы в воду с головой.

Огонь унесся дальше так же быстро, как налетел, и его оглушительный рев вновь превратился в отдаленный рокочущий гул, но от зеленых деревьев по берегам озера остались только черные, обугленные скелеты.

Уцелевшие звери медленно подплывали к черным, дымящимся берегам. Из тех, кто искал спасения в озере, выжило не больше половины. Многие погибли, и в том числе все дикобразы, никуда не годные пловцы.

Возле берега жар по-прежнему был нестерпимым, и тлеющие угли не угасали еще очень долго. Весь остаток дня и всю ночь спасшиеся звери провели на мелководье, но ни один хищник не напал на беззащитного соседа. Общая беда уравняла и примирила их всех.

Перед рассветом пришло неожиданное облегчение. Начался сильный ливень, и когда первые лучи солнца пробились сквозь серые тучи, в озере и на его берегах виднелись только трупы погибших животных. Те, кому удалось уцелеть, вернулись в свои опустошенные леса, и в их числе были Мики с Неевой.

Глава XXVI

Еще много дней после Большого Пожара Мики продолжал покорно следовать за Неевой. Места, которые он так хорошо знал прежде, превратились в черную, безжизненную пустыню, и он понятия не имел, в какой стороне следует искать уцелевшие леса. Если бы это был обычный небольшой пал, Мики, конечно, и сам сумел бы без большого труда выбраться из царства золы и пепла, но этот пожар опустошил многие сотни квадратных миль, и половина зверей, укрывшихся от огня в озерах и реках, была теперь обречена на голодную смерть.

Но в эту половину не входили ни Неева, ни все его сородичи. С той же уверенностью, с какой он во время пожара нашел спасительное озеро, черный медведь выбрал теперь кратчайший путь к границе гари. На этот раз он направился на северо-запад, ни на шаг не отклоняясь от прямой линии. Если они натыкались на озеро, Неева обходил его по берегу и продолжал путь точно напротив того места, с которого он начал обход. Он шел и шел вперед не только днем, но и ночью, лишь изредка останавливаясь, чтобы перевести дух, и на рассвете второго дня Мики еле волочил ноги — он устал даже больше своего друга.

Впрочем, судя по всему, они уже добрались до тех мест, где сила пожара начинала уменьшаться. Там и сям среди гари зеленели болотца, рощицы, полоски травы, пощаженные огнем. В этих оазисах среди черной пустыни Нееву и Мики ждал сытный завтрак, потому что вся окрестная дичь сбегалась под защиту уцелевших деревьев, которые, вероятно, вставали из огненного моря, как островки. Однако впервые за все время их знакомства Неева не прельстился изобилием еды и не пожелал остаться у гостеприимного болотца. И на шестой день от озера, в котором они спаслись от огня, их отделяла уже добрая сотня миль.

Теперь пожарище осталось позади, и они очутились в прекрасном краю могучих лесов, широких равнин и сотен озер и рек. Невысокие гряды холмов, пересекавшие равнины, были отличными охотничьими угодьями. Изобилие водных потоков, струившихся между холмами и соединявших озера в одну огромную цепь, спасло эти края от засухи, от которой так пострадали более южные области страны.

Мики и Неева остались в этих благодатных местах и через месяц снова стали толстыми и позабыли недавние невзгоды.

Затем, как-то в начале сентября, они наткнулись у болота на странное сооружение. Сначала Мики подумал, что это хижина, но только он никогда еще не видел таких маленьких хижин. Неизвестное сооружение было не намного больше, чем та клетка из жердей, в которую его запирал Лебо, однако тут вместо

жердей были толстые бревна, скрепленные между собой так искусно, что никто не мог бы их разбросать. Между бревнами оставались широкие щели, а с одной стороны зияло большое отверстие, по-видимому заменявшее дверь. Из непонятного сооружения доносился сильный запах испорченной рыбы. Мики этот запах показался на редкость противным, но Неева просто упивался им и не пожелал уйти от этого места, несмотря на все попытки Мики увести его. В конце концов, негодуя на низменные вкусы своего друга, Мики обиженно отправился на охоту один. Однако прошло еще довольно много времени, прежде чем Неева осмелился просунуть в отверстие голову и плечи. Там стояло такое рыбье благоухание, что его маленькие глазки заблестели от восторга. Он осторожно шагнул вперед,— теперь он был уже со всех сторон окружен бревнами. Однако ничего не случилось. Неева увидел аппетитную кучу рыбы, сваленной позади тоненькой наклонной жерди. Чтобы достать рыбу, надо было навалиться на жердь. Он неторопливо придвинулся к ней, налег на нее грудью, и...

Бум!

Неева оглянулся, как на выстрел. Отверстие, через которое он сюда вошел, исчезло. Надавив на жердь, он освободил подъемную дверь из толстых бревен, подвешенную над входом, и теперь оказался в плену. Однако Неева сохранил полное спокойствие и хладнокровие, возможно, потому, что щели между бревнами были очень широкие и он надеялся протиснуться сквозь одну из них наружу. И вот, несколько раз потянув ноздрями воздух, он принялся лакомиться рыбой. Это занятие настолько его увлекло, что он даже не заметил, как из густого ельника в нескольких шагах от ловушки выглянул индеец, посмотрел на него и сразу же снова скрылся.

Полчаса спустя этот индеец вышел на вырубку, где стояли только что выстроенные дома новой фактории. Индеец направился прямо к зданию склада. Там, в конторе, где на полу лежал пушистый меховой ковер, какой-то мужчина разговаривал с женщиной и нежно держал ее за руки. Увидев их, индеец снисходительно усмехнулся. В окрестностях фактории Лак-Бен эту парочку не называли иначе как сакехевавин — влюбленные. Он был среди гостей на их свадьбе — они созвали на нее всех ближних и дальних соседей и устроили настоящий пир.

Когда индеец вошел, женщина приветливо улыбнулась ему. Она была настоящей красавицей. Ее глаза сияли, на щеках играл легкий румянец. Индеец дружески улыбнулся в ответ.

— Мы поймали медведя,— сказал он.— Только это напао (самец), а не медведица с медвежонком, Нанетта.

Чэллонер улыбнулся.

— Ну и не везет же тебе, Нанетта! — сказал он.— А я-то

думал, что раздобыть для тебя медвежонка будет очень просто. И вот вместо этого — взрослый медведь! Придется выпустить его, Мотег. Шкура у него в такое время года никуда не годится. Хочешь пойти с нами, Нанетта, и посмотреть, как мы его освободим?

Она кивнула и весело рассмеялась:

— Да, конечно! Это будет очень интересно — бедняга, наверное, совсем перепугался.

Чэллонер шел впереди с топором в руке, за ним Нанетта. Мотег завершал шествие, на всякий случай держа ружье наготове. В ельнике Чэллонер осторожно срубил несколько веток, чтобы Нанетта могла без помех рассмотреть клетку и пленного медведя. Около минуты она затаив дыхание глядела на Неeву, который теперь в сильном возбуждении метался по своей тюрьме. Вдруг Нанетта вскрикнула, и ее пальцы больно сжали руку Чэллонера. Прежде чем он сообразил, что происходит, Нанетта раздвинула ветки и выбежала из ельника.

Возле ловушки лежал Мики, не покинувший друга в час беды. Он старался прокопать ход под нижним бревном и успел так измучиться, что ничего не слышал и не чуял. Нанетту он заметил, только когда она была в десяти шагах от него. Мики присел на задние лапы, в горле у него встал комок, мешая ему дышать. Несколько секунд он сохранял неподвижность, не спуская с Нанетты пристального взгляда. Затем, восторженно взвизгнув, он прыгнул к ней. Чэллонер с испуганным воплем выскочил из ельника, занеся топор над головой. Но прежде чем топор опустился, Мики уже обнимался с Нанеттой, а Чэллонер уронил от удивления свое оружие и громко ахнул:

— Мики!

Мотег с удивлением смотрел, как новый фактор и его жена радостно гладят и тискают непонятного дикого зверя, в которого он, не задумываясь, выстрелил бы, если бы неожиданно встретился с ним на лесной тропе.

От радости Нанетта и Чэллонер совсем забыли про медведя в ловушке. Да и Мики, ошалевший от восторга при виде своего хозяина и хозяйки, тоже забыл про приятеля. Однако когда Неева напомнил им всем о себе, испустив громкое «уф!», Мики молнией бросился к бревнам, обнюхал нос Неевы, просунутый между бревнами, и отчаянно завилял хвостом, стараясь объяснить медведю, какое произошло чудо.

Чэллонера внезапно осенила невероятная догадка. Он медленно приблизился к огромному черному зверю в ловушке. С каким медведем мог подружиться Мики, как не с медвежонком, которого он поймал почти полтора года назад? Чэллонер перевел дух и внимательно осмотрел странных друзей. Мики ласково лизал коричневый нос, просунутый между бревнами!

Чэллонер жестом подозвал к себе Нанетту и кивком указал на Мики с Неевой. Помолчав минуту, он сказал:

— Это тот самый медвежонок, Нанетта. Ну, тот, о котором я тебе рассказывал. Я прошлой весной застрелил его мать и связал его с Мики одной веревкой. Значит, они с тех пор так и не расставались! Теперь понятно, почему Мики убежал от нас тогда в хижине. Он вернулся к своему медведю!

Если вы отправитесь на север от Лепáса по реке Рэт или Грáссбери, а потом спуститесь по Оленьей реке в Оленье озеро и поплывете вдоль его восточного берега, вы рано или поздно доберетесь до Кокрана и до фактории Лак-Бен. Это одно из самых красивых мест во всем северном крае. На факторию Лак-Бен привозят меха триста охотников и трапперов. И все они, а также их жены и дети прекрасно знают историю «ручного медведя с Лак-Бен», любимца и баловня красивой жены фактора.

Этот медведь носит блестящий ошейник и бродит на свободе в обществе гигантского пса. Ни один охотник, встретившись с ним, и не подумает выстрелить в него. Впрочем, медведь этот стал таким большим и толстым, что разлюбил далекие странствования. А потому в этих местах действует неписаный закон, запрещающий ставить медвежьи капканы и ловушки ближе пяти миль от фактории. Дело в том, что больше чем на пять миль этот медведь в леса не углубляется. Когда же наступают холода, а с ними и время долгого сна, медведь забирается в глубокий уютный погреб, который вырыли для него под складом. И зимними ночами там же, привалившись к теплому боку друга, спит и пес Мики.

В ДЕБРЯХ СЕВЕРА

Глава I

Неподалеку от сурового северного берега озера Верхнего, где вечно бушуют ветры, к югу от Каминистикани, хотя и не южнее Рейни-ривер, в глухих лесах прятался райский уголок, который был «сущим адом».

Во всяком случае, так назвала его героиня нашей повести, когда однажды она, не выдержав, сквозь слезы жаловалась самой себе на свою тяжкую судьбу. Правда, тогда у нее еще не было Питера, но и когда он появился, ад все равно остался адом.

Однако посторонний наблюдатель, если бы он в этот чудесный весенний день тридцатого мая поднялся на лысый Гребень Крэгга, ни за что не догадался бы, что в открывшемся перед ним раю таится ад. Зимой он увидел бы простирающиеся на сотню квадратных миль занесенные снегом леса, болота и речные долины, где в темной оправе из елей, кедров и сосен там и сям

поблескивают закованные в лед озера; он увидел бы перед собой край буранов и глубоких сугробов, край людей, чья кровь горяча от вечной борьбы с дикой природой и от неиссякаемой радости побед над ней.

Но теперь была весна — и такая, какой канадский Север не видел уже много лет. Еще три дня назад шли теплые ливни, а потом на землю хлынули золотые, по-летнему жаркие солнечные лучи. От морозного дыхания зимы не осталось и воспоминания, согрелось даже дно самых глубоких и черных трясин. На севере, на юге, на востоке и на западе лесные дебри закипали новой жизнью, и на смену весне уже спешило лето. Оранжевые, зеленые и черные хребты убегали в неведомую даль, точно волны гигантского моря, а между ними лежали долины и болота, озера и речки, и всюду веяло благоуханием первых цветов, всюду раздавались веселые голоса птиц и лесного зверья.

Упомянутый выше рай расстилался под Гребнем Крэгга — сочные луга тянулись до самых берегов Прозрачного озера, и над этим океаном буйных трав островками поднимались тополиные и березовые рощицы, перемежавшиеся темными ельниками. Цветы распустились на две недели ранее положенного срока, луга источали ароматы, более обычные для конца июня, чем для мая, и среди бархатистой зелени древесных ветвей уже появились первые гнезда.

На краю ельника, распластавшись, лежал Питер. В его сердце жила страсть к приключениям, и в этот день он предпринял дерзкую экскурсию, на какие еще ни разу не решался за всю свою коротенькую жизнь. Впервые он в одиночестве отправился к Прозрачному озеру, до которого от дома было около полумили, храбро исследовал желтую полоску пляжа, еще хранившую следы ног его хозяйки, и смело затявкал на безграничный простор мерцающего озера и на белых чаек, которые кружили у него над головой, высматривая выброшенную на берег рыбу. Питеру исполнилось три месяца. Еще вчера он был робким щенком, и все вокруг казалось ему огромным, непонятным и страшным; сегодня же он рискнул в одиночку спуститься по тропинке к озеру, он тявкал, но никто не посмел выйти с ним на бой, и его сердце исполнилось великим мужеством и столь же великим любопытством.

Вот почему на обратном пути он остановился на опушке густой поросли бальзамических елей и припал к земле, устремив жадный взгляд блестящих глазенок в густую лесную тень, стараясь угадать, какие тайны кроются в этих неведомых мрачных глубинах. Этот лесок рос в небольшой круглой впадине, и ружейная пуля могла бы легко пронизать его из конца в конец, но Питеру он казался бесконечным, как сама жизнь. И что-то манило его войти туда.

Любопытство и нерешительность боролись в душе щенка, но он и не подозревал, что от победы того или иного — храбрости или трусости — зависит не только его собственное собачье будущее, но и другие, более важные судьбы — судьбы людей, мужчин, и женщин, и даже еще не рожденных детей. Некогда стакан вина погубил целое царство, гвоздь решил исход жесточайшей битвы, а из-за женской улыбки были разрушены дома тысяч людей. Вот так пустячные предметы и события порой влияют на ход человеческой жизни, но Питер не знал об этом и не догадывался, что наступила его минута.

В конце концов он поднялся и твердо встал на все четыре лапы. Его никак нельзя было назвать красивым щенком — этого Питера Pied-Bot, Питера-Хромулю, как назвал его Веселый Роджер Мак-Кей (который жил у болота в кедровнике), когда подарил Питера девушке. Был он дворняжкой, да к тому же весьма неказистой. Его отец, боевой эрдельтерьер самых голубых кровей, как-то удрал с псарни, влюбившись в большелапую и добродушную канадскую гончую. Так на свет появился Питер. В три месяца на его мордочке уже топорщились свирепые баки, унаследованные от отца-эрделя; уши у него были большие и обвислые, хвост узловатый, а длинные неуклюжие лапы — такими тяжелыми и нескладными, что они то и дело заплетались и он тыкался носом в землю. При первом взгляде на него человек испытывал жалость, вскоре переходившую в горячую симпатию. Пусть Питер был некрасив, но зато в его жилах смешалась кровь двух прекраснейших собачьих пород. Впрочем, в некоторых отношениях такая смесь напоминала смесь нитроглицерина с оливковым маслом или динамита и селитры с молоком и медом.

Когда Питер шагнул в черную тень, его сердечко отчаянно забилось, и он старательно проглотил слюну, словно в горле у него стоял комок. Но решение его было бесповоротно. Что-то неотвратимо влекло его вперед, и он подчинился этому неслышному зову. Над ним медленно сомкнулся непроницаемый сумрак, и вновь шутница-судьба избрала самое нехитрое орудие, чтобы потом с его помощью творить радость и горе в человеческой жизни.

Когда тьма поглотила Питера, его уши стали торчком и жесткая шерсть на загривке вздыбилась. Но он не залаял, как лаял сегодня на берегу озера и среди зелени лугов. Дважды он оглянулся через плечо на чуть брезжущий позади солнечный свет, который с каждым его шагом становился все более тусклым. Но и это неясное пятно, говорившее о том, что путь к отступлению открыт, поддерживало мужество Питера, которое стало быстро убывать в нарастающем мраке. Однако когда он оглянулся в третий раз, сзади была уже только тьма! На мгновение в его горле, мешая дышать, поднялся тугой комок, а глаза

превратились в два огненных кружка — с таким напряжением он вглядывался в темноту. Даже его хозяйка, которая не страшилась почти ничего на свете, пожалуй, тоже остановилась бы тут в безотчетном испуге. А Питеру казалось, что солнце внезапно погасло совсем. Мохнатые лапы хвойных деревьев над его головой сплетались в единый непроницаемый полог. Зимой сюда не проникал снег, а летом даже самые яркие солнечные лучи превращались здесь в призрачный сумрак.

Питер думал теперь только о том, как бы убраться отсюда восвояси, но тут он стал различать в окружающей тишине незнакомые и непонятные звуки. Самым непонятным и самым жутким было шипение, которое раздавалось то в отдалении, то совсем близко и сопровождалось странным пощелкиванием, от которого кровь стыла у него в жилах. Дважды после этого над ним возникала тень огромной совы, и он припадал к земле, чувствуя, что комок в горле растет и становится все более тугим. Потом Питер услышал среди сплетения веток над его головой мягкое движение больших оперенных тел, и тогда он медленно и осторожно повернулся на животе, решив как можно скорее выбраться на луг, где по-прежнему сиял день. И в этот миг его сердце сжалось от невыразимого страха: перед ним на пути, который вел к дневным просторам, горели два пронзительно-зеленых огонька!

Не рассудок и не опыт, а инстинкт подсказал Питеру, что эти два зеленых кружка, светящиеся в темноте, не предвещают ему ничего хорошего. Правда, он не знал, что его собственные выпученные глаза казались в этом темном тоннеле не менее страшными, и главное, он не знал, что распространяет вокруг себя нечто наводящее смертельный ужас — запах собаки! Зеленые глаза продолжали смотреть на него, и его неуклюжие лапы подогнулись, спина словно переломилась пополам, и он упал в мягкую хвою, ожидая гибели. Но тут зеленые огоньки погасли. Потом зажглись снова, но уже подальше. Опять погасли. А когда вспыхнули в третий раз, то были похожи уже не на кружки, а на две светящиеся точки. Питер ощутил невероятное торжество. Инстинкт, унаследованный от предков-эрделей, сказал ему, что неведомый враг обратился в бегство. И Питер победоносно тявкнул.

На этот звук мрачная чаща, полная затаившихся тварей, ответила жуткими шорохами в перепутанных ветвях, непонятным ропотом шепчущихся голосов, зловещим щелканьем клювов, которые могли разодрать тощее тельце Питера на мелкие клочки. В глубине леса раздался сильный треск и насмешливое бормотание дикобраза, а потом вопросительный вопль: «У-уу-уух?!» Питеру сначала даже показалось, что это кричит человек. И он вновь, дрожа, припал к толстому хвойному ковру: его сердце

отчаянно билось о ребра, баки стали дыбом от смертельного страха. Затем наступила тревожная, наводящая ужас тишина, и в этом ледяном безмолвии Питер тщетно вертел головой, стараясь увидеть хотя бы отблеск исчезнувшего солнечного дня. И вдруг, принося с собой надежду, до него долетел новый шепот, тихий и неясный, но совсем не похожий на прежние звуки. Где-то еле слышно журчала вода. Питеру было знакомо это дружелюбное журчание. Он не раз играл на гальке, песке и камнях там, где оно рождалось. Мужество вернулось к нему, он поднялся и пошел туда, откуда доносился этот звук. Что-то подсказывало ему, что ступать надо очень осторожно, но неуклюжие толстые лапы упрямо разъезжались, и он несколько раз падал носом в хвою. Наконец он добрался до ручейка, который плескался и играл на обнаженных древесных корнях — такой узенький, что высокий человек без труда перешагнул бы через него. И тут Питер увидел впереди свет. Он пустился бегом и вскоре выбрался на луг, где под синим солнечным небом по-прежнему благоухали цветы, зеленела трава и весело пели птицы.

Питер забыл пережитый страх. Комок в горле исчез, сердце вернулось на обычное место, и щенок уже неколебимо и яростно верил, что успел победить всех на свете. Он оглянулся на темный проход под еловыми ветками, из которого выбегал смешливый ручей, и неторопливо затрусил прочь, вызывающе огрызаясь. На безопасном расстоянии он остановился и посмотрел по сторонам. За ним никто не гнался, и это подтверждало, что он совершил великий подвиг. Питер весь раздулся от гордости; воинственно упершись передними лапами в землю, он выгнул спину и залился самым грозным своим лаем. Он лаял, скреб лапами землю, рвал траву острыми щенячьими зубами — и все-таки никто не посмел выйти из темной чащи в ответ на его вызов.

Задрав голову и поставив уши торчком, Питер неторопливой рысцой взбирался по склону, впервые за всю свою трехмесячную жизнь пылая желанием задать кому-нибудь трепку — все равно кому. Он стал другим, и теперь ему уже было мало грызть палки или камни и трепать кроличью шкурку. Когда Питер выбрался из впадины, он остановился и, глядя вниз, громко тявкнул — ему уже почти хотелось вернуться в эти темные заросли и разогнать всех их обитателей. Потом он повернулся к Гребню Крэгга, и его боевой задор внезапно угас, а задранный хвост опустился, так что узловатый кончик коснулся земли.

Ярдах в четырехстах от него из райской ложбины, которая переходила в расселину, разделявшую два отрога Гребня, поднимался белый дымок. Увидев дым, Питер тут же расслышал и стук топора. Его пробрала дрожь, но он все-таки пошел на этот стук. Он был еще слишком мал, чтобы ненавидеть по-насто-

ящему, и к тому же унаследовал кроткое добродушие своей матери, но тем не менее каждый раз, когда Питер слышал стук этого топора, в его смышленой головенке зрели тревожные мысли и он чувствовал приближение опасности. Ведь стук этот был для него неразрывно связан с похожим на кошку остролицым человеком, у которого по верхней губе тянулась полоска рыжей щетины, а один глаз никогда не открывался. И Питер научился бояться одноглазого гораздо больше, чем он боялся призрачных чудовищ, скрытых в черной пропасти леса, куда он сегодня так отважно вошел.

Однако совы, дикобраз и убежавшая от него лиса с горящими глазами научили Питера чему-то, чего он еще не знал накануне, и, подойдя к краю ложбины, щенок не прильнул к земле, а остался стоять на своих кривых лапах и смело устремил взгляд вперед. По ту сторону ложбины, у западного отрога, среди высоких кедров, ярко-зеленых тополей и белоствольных берез виднелась бревенчатая хижина. Это был прелестный уголок. Между тем местом, где остановился Питер, и хижиной простирался бархатистый зеленый ковер, усеянный цветами и источающий аромат фиалок и дикой жимолости, а над ним звенело птичье пение. Через лужайку бежал ручеек и исчезал в скалистой расселине, а на его берегу стояла хижина, увитая диким виноградом. Но настороженные глаза Питера не видели этой красоты, его уши не слышали ни птичьих трелей, ни болтовни рыжей белки, которая расположилась на пне по соседству. Он смотрел туда, где позади хижины на лесной опушке поднималась большая белая скала, похожая на гигантский гриб, а слышал он только удары топора, хотя и напрягал слух, стараясь уловить, не раздастся ли голос, который он любил больше всего на свете.

Не услышав этого голоса, он подавил желание заскулить, спустился к ручейку, перешел его вброд и тихонько подкрался к хижине, приглядываясь и прислушиваясь, готовый при первом признаке опасности пуститься наутек. Он хотел позвать девушку обычным визгливым тявканьем, но угроза, таившаяся в стуке топора, заставила его отказаться от этого намерения. У задней стены хижины, где дикий виноград разросся особенно густо, Питер давно уже вырыл себе тайник, и теперь он нырнул в него, точно испуганная крыса в нору. Потом осторожно просунул щетинистую мордочку сквозь зеленый занавес и огляделся, проверяя, безопасно ли будет вернуться домой и много ли у него шансов получить ужин.

Но тут его сердце радостно забилось: сегодня топором стучала девушка, а не мужчина!

В нескольких шагах у большой поленницы сверкнули на солнце ее каштановые волосы, и когда она повернулась к хижине,

Питер успел разглядеть ее бледное лицо. Он уже готов был броситься к ней, шалея от восторга, но его удержал ужасный голос, который всегда внушал ему невыразимый страх.

Из хижины вышел мужчина в сопровождении женщины. Мужчина был долговязым и тощим, а глаза на худом лице совсем провалились. Едва он показался в дверях, Питер понял, что в этот день он был даже злее обычного. Тот, кто подошел бы к нему в эту минуту, неминуемо заметил бы, что от него разит виски. Уголки губ у него пожелтели от табака, который он постоянно жевал, а когда он мотнул головой в сторону девушки с блестящими кудрями, в его единственном глазу засветилось жестокое торжество.

— Муни обещал отвалить за нее семьсот пятьдесят долларов, когда начальство заплатит ему за шпалы, и дал мне пятьдесят долларов задатка,— объявил он.— Не задарма же я ее десять лет кормил, бездельницу. А как будет ближе к свадьбе, я из него и тысячу выжму.

Женщина ничего не ответила. Она была отучена возражать, а тем более настаивать на своем. Каждая черта безобразного лица, каждая линия костлявой фигуры одноглазого говорили о беспощадной жестокости. Женщина давно была сломлена и порабощена. Ее лицо казалось безжизненным. Глаза потускнели, сердце отупело от постоянной боли, руки заскорузли и искривились от тяжелой работы, которой замучил ее безжалостный негодяй. Но даже Питер, притаившийся под домом, как мышь, понимал, что эти двое непохожи друг на друга. Он не раз видел, как девушка и женщина плакали, обнявшись. А когда он тихонько подходил к женщине, ее пальцы порой ласково гладили его и она давала ему поесть. Но он почти никогда не слышал ее голоса, если мужчина был где-нибудь поблизости.

Мужчина откусил кусок табачной жвачки.

— А сколько ей лет, Лиз? — спросил он вдруг.

И женщина ответила неестественным, придушенным голосом:

— Двенадцатого ей сровнялось семнадцать.

Мужчина сплюнул.

— Придется Муни выложить тысчонку. Мы же ее десять лет кормили, а Муни по ней с ума сходит. Ничего, раскошелится!

— Джед...— Голос женщины стал почти звонким.— Джед... нехорошо эдак-то...

Мужчина захохотал. Он широко разинул рот, и на солнце блеснули пожелтевшие клыки. Девушка опустила топор и, повернув голову, посмотрела на пару в дверях.

— Нехорошо? — гоготал мужчина.— Нехорошо? Ты мне то же самое десять лет твердишь насчет тайной продажи виски, а я продавал и продаю. Верно? И это твое слово не помешает

нам с Муни договориться насчет свадьбы... если, конечно, Муни раскошелится на тысчонку.— Тут он повернулся к жене и занес руку, словно для удара.— А если ты ей скажешь... если хоть вот на столечко меня выдашь, я тебе все кости переломаю! Разрази меня на этом месте, если не так. Поняла? Ничего ей не скажешь?

Сутулые плечи женщины сгорбились еще больше.

— Я не скажу, Джед... право слово.

Мужчина хрипло хмыкнул и опустил занесенную руку.

— Ну смотри, а не то тебе не жить,— пригрозил он.

Девушка бросила топор на землю и пошла к ним. Она была худенькой и стройной, а гордо вскинутая голова и упрямый подбородок свидетельствовали о том, что одноглазому еще не удалось превратить ее в забитое и покорное существо, подобное его жене. На ней было надето вылинявшее ситцевое платье, обтрепавшееся по швам и с подрезанными рукавами, так что ее тонкие белые руки были открыты выше локтя. Ее чулки пестрели штопкой и заплатками, а старые башмаки совсем прохудились.

Однако Питеру, который с обожанием созерцал ее из своего тайника, она казалась прекраснейшим в мире созданием. Правда, Веселый Роджер говорил то же самое, да и большинство мужчин (как, впрочем, и женщин) согласилось бы, что эта худенькая девочка была красива красотой, способной долго противостоять горестям и физическим мукам. Глаза у нее были синие, как фиалки, в которые Питер так недавно уткнулся носом. А ее чудесные волосы, пока она колола дрова, выбились из плена, в котором их держала выцветшая лента, и рассыпались по плечам. При виде этих густых каштановых кудрей, достигавших талии, даже в единственном глазу Джеда Хокинса порой вспыхивало восхищение. Но и тогда он продолжал ее ненавидеть, и не раз его костлявые пальцы злобно вцеплялись в эти сверкающие кудри, но лишь очень редко ему удавалось вырвать у Нейды крик боли. И теперь, когда она увидела лютую злобу на лице одноглазого, ее гордое сердце не дрогнуло, хотя по телу и пробежал холодок.

И все же эта вечная пытка уже начинала сказываться на ней. В синих глазах застыла тревога, лицо утратило краски, побледнело и осунулось, а яркие алые губы свидетельствовали не о здоровье и счастье, но лишь оттеняли бледность щек, напоминая об исчезнувшем румянце.

Она остановилась перед Джедом Хокинсом на таком расстоянии, что он не мог дотянуться до нее.

— Я же говорила тебе, чтобы ты больше никогда не смел поднимать на нее руку! — вскричала она, с трудом сдерживая ярость, а ее синие глаза метали в него молнии ненависти и

презрения.— Если ты ударишь ее еще хоть раз, то... то будет плохо! Раз уж тебе надо кого-нибудь бить, бей меня. Я выдержу. А она... погляди сам! Ты сломал ей плечо, ты ее искалечил — и как это тебя еще земля носит!

Мужчина в бешенстве сделал шаг вперед. Где-то в самой глубине своего существа Питер ощутил нечто новое и незнакомое. Желание без оглядки бежать от этого человека вдруг исчезло. Худая маленькая грудь напряглась, а за ней горло, и щенок издал рычание — правда, такое тихое, что человеческий слух не мог его уловить. У себя в тайнике Питер злобно оскалил острые зубы.

Однако мужчина не нанес удара и не протянул руку, чтобы схватить Нейду за шелковистые кудри. Он засмеялся придушенным смешком и отвернулся, пожав плечами.

— Я ведь не ударил ее, Нейда, верно? — сказал он и скрылся за углом хижины.

Девушка взяла женщину за руку. Злость исчезла из ее глаз, но она вся дрожала.

— Я его предупредила, что будет, и он теперь не посмеет тебя и пальцем тронуть,— мягко сказала Нейда.— А не то ему придется плохо. Уж я об этом позабочусь. Я донесу в полицию. Я покажу им все тайники, где он прячет виски. Я... я засажу его в тюрьму, пусть мне потом не жить!

Исхудалые пальцы женщины стиснули руку Нейды.

— Нет, нет, и не думай об этом,— произнесла она умоляюще.— Когда-то он был со мной ласков, давным-давно это было, Нейда. Джед, он не такой уж и злой, это все виски виновато. Не доноси на него, Нейда. Слышишь, не доноси!

— Я же тебе обещала, что не донесу, если он перестанет тебя бить. Пусть дерет меня за волосы, коли ему нравится. Но если он ударит тебя...

Она судорожно вздохнула и тоже скрылась за углом хижины.

Питер подождал, прислушиваясь. Потом он скользнул тайной дорожкой под пологом дикого винограда и увидел, что Нейда быстро идет по направлению к расселине, прорезающей Гребень. Он последовал за ней так тихо, что она заметила его присутствие, только когда уже пробиралась по каменной россыпи среди скал по ту сторону отрога. С радостным криком девушка схватила щенка и прижала его к груди.

— Питер, Питер, где же это ты разгуливал? — спросила она.— Я тебя повсюду искала, и Роджер тоже... то есть мистер Веселый Роджер.

Питер почувствовал, что его обняли еще крепче, и расслабленно повис на руках хозяйки, которая тем временем добралась до прятавшейся среди скал группы карликовых бальзамических

елей. Это был их «уголок», и Питер давно понял, что должен свято хранить его секрет. Тут Нейда устроила для себя тайный приют, и теперь она опустилась на кучу еловых веток и усадила перед собой Питера, придерживая его за передние лапы. В ее глазах зажегся новый свет, и они сверкали, как звезды. Щеки ее разрумянились, алые губы полуоткрылись, но Питер, который в конце-то концов был только собакой, не мог постигнуть, какой красивой она стала. Однако он понял, что произошло какое-то событие, и изо всех сил старался понять, какое именно.

— Питер, он опять приходил сюда сегодня — мистер Роджер, мистер Веселый Роджер,— зашептала девушка, и ее щеки порозовели еще больше.— И он сказал мне, что я очень хорошенькая!

Она глубоко вздохнула и посмотрела через скалы туда, где в долине чернел лес. Ее пальцы под косматыми лапами Питера сжались так сильно, что он тихонько заворчал.

— И он спросил меня, можно ли ему потрогать мои волосы... Подумай только, Питер, он спросил меня об этом! А когда я сказала «да», он только чуть-чуть к ним прикоснулся, точно боялся чего-то, и сказал, что они чудесные и что я должна за ними хорошенько ухаживать...

Питер заметил, что на горле у нее забилась жилка.

— Питер... он сказал, что не обидел бы меня ни за что на свете, что он скорее даст отрубить себе руку! Вот что он сказал. А потом сказал, что, если я позволю, он хотел бы меня поцеловать...

Она снова обняла Питера.

— А... а я сказала ему, что, наверное, это можно, потому что он мне нравится и никто другой меня никогда не целовал, и... и, Питер, он меня не поцеловал! А когда он уходил, он был как будто не в себе — лицо у него стало совсем белое... И с той минуты у меня внутри все время что-то поет. Я не знаю, что это, Питер, но оно тут!

Помолчав немного, она прошептала:

— Знаешь, Питер, хорошо бы мистер Веселый Роджер увез нас с тобой отсюда далеко-далеко.

Тут она сжала губы, нахмурилась и, посадив Питера рядом с собой, вновь посмотрела через долину на темный лес, в глубине которого пряталась хижина Веселого Роджера.

— Почему он не хочет, чтобы люди знали, что он там живет, а, Питер? — произнесла она задумчиво.— Он поселился в старой лачуге, где в ту зиму помер индеец Том... то есть умер,— поправилась она.— И я обещала, что никому не скажу. Он говорит, что это тайна и что о ней знаем только ты, я да миссионер на Быстром ручье. До чего же мне хочется как-нибудь прибрать у него в хижине!

Питер тем временем принялся обнюхивать щели между камнями и не видел, как синие глаза вдруг сердито засверкали. Девушка смотрела на свои рваные башмаки, на штопаные-перештопаные чулки, на жалкое вылинявшее платье, и ее пальцы судорожно сжались в кулачки.

— Я бы так и сделала... Я бы уехала отсюда куда глаза глядят и не вернулась бы никогда, если бы не она... Она теперь обходится со мной хуже ведьмы, только это все Джед Хокинс виноват. Я ведь помню...

Внезапно она вскочила на ноги и вызывающе тряхнула головой, так что ее волосы солнечным облачком взметнулись под порывом ветра.

— Когда-нибудь я его убью! — крикнула она темному лесу по ту сторону долины.— Да, убью!

Глава II

Нейда шла за Питером. Уже давно в ее измученной душе зрела буря, хотя до сих пор только Питер бывал свидетелем грозовых вспышек. Но в этот день она не сумела промолчать и тихим, бесчувственным голосом рассказала Веселому Роджеру (чужаку, поселившемуся в лесной чаще) о том, как десять с лишним лет назад ее родители умерли от какой-то заразной болезни, и о том, как Джед Хокинс и его жена обещали заботиться о ней за три черно-бурые шкурки, которые ее отец добыл незадолго до начала морового поветрия. Все это она слышала от женщины — ведь самой ей в то время было всего шесть лет. Рассказывая Веселому Роджеру о том, что было дальше, она не осмелилась поднять на него глаза и поэтому не видела, как все больше темнело его лицо. Но он громко хмыкнул. У него была такая привычка, однако Нейда только недавно познакомилась с ним и не знала, что это означает. Вот тогда-то он и попросил разрешения потрогать ее волосы и его большая ладонь на мгновение с женской ласковостью коснулась ее головы.

Воспоминание об этом прикосновении все еще согревало ее сердце. Оно давало ей новое мужество и неизведанную прежде радость — такие же, какие подарила Питеру его недавняя победа над невидимыми чудовищами. Питер теперь ничего не боялся, и Нейда тоже. Они вошли в узкое ущелье, загроможденное скалами. Тут Питер внезапно застыл на месте, опустив нос к земле, потом его ноги напряглись, и девушка впервые услышала, как он рычит. Она остановилась, прислушиваясь, и вскоре до нее донесся тихий звук, словно кто-то скреб камнем о камень.

Нейда перевела дух, выпрямилась, и Питер, взглянув вверх, увидел, что ее губы полуоткрылись, а глаза засверкали. Затем она нагнулась и подобрала с земли тяжелый сук.

— Пойдем туда, Питер,— шепнула она.— Это один из его тайников.

Сознание, что она больше не боится, пьянило Нейду, как пьянило оно и Питера, чье сердечко быстро забилось, когда он последовал за хозяйкой. Ступали они очень осторожно — девушка шла на цыпочках, а у Питера на лапах были мягкие подушечки,— и когда они вышли на песчаную площадку между двумя огромными скалами, Джед Хокинс, который копался в песке, стоя на коленях спиной к ним, даже не повернул головы. Еще накануне и Питер и Нейда, если бы они вот так наткнулись на него, поспешили бы незаметно улизнуть, потому что Джед был занят своим черным делом и тому, кто ему помешал бы, не поздоровилось бы. Джед выгреб из-под скалы кучу песка, достал из ямы большую бутыль и принялся наполнять шесть грязных кожаных фляг. Затем он прервал эту работу и приложился к бутыли. Щенок и девушка услышали, как виски забулькало у него в глотке.

Нейда постучала дубинкой по скале, и Джед стремительно обернулся. Когда он увидел, кто перед ним, его лицо побелело от бешенства. Вскочив на ноги, он стиснул огромные кулаки, его желтые зубы оскалились.

— Ах ты чертова шпионка! — хрипло крикнул он.— Будь ты мужчиной, ты не ушла бы отсюда живой!

Девушка даже не вздрогнула, не побледнела. Наоборот, ее щеки вспыхнули румянцем, и Хокинс увидел в ее глазах торжествующую радость. Презрительно искривив губы, Нейда сказала с насмешкой:

— Будь я мужчиной, Джед Хокинс, ты бы сразу задал стрекача!

Он шагнул к ней.

— Ты бы задал стеркача,— повторила она, глядя прямо ему в лицо и крепче сжимая сук.— Ты ведь бьешь только женщин, малых детей да щенят, которые еще не умеют кусаться. Ты трус, Джед Хокинс, подлый, бесчестный трус и торговец краденым виски, и как это тебя еще земля носит!

Даже Питер почувствовал, что произошло что-то сверхъестественное; самый воздух между скалами застыл, словно вот-вот должен был взорваться гигантский динамитный заряд или обрушиться мир. Питер, забыв все на свете, смотрел на свою хозяйку, такую тоненькую и маленькую, впервые готовую без страха встретить будущее, и его преданное собачье сердце угадало смысл происходящего: широко расставив большие лапы, он встал перед Джедом Хокинсом и зарычал на него.

Бутлегер[1] на мгновение растерялся. Последние месяцы он старался не задевать Нейду, чтобы она вела себя смирно и ничего не заподозрила, пока Муни не заплатит ему обещанных денег. А потом — потом он отведет ее к Муни, и тот уже пускай сам ее обламывает, рассуждал Джед. И вот как она отплатила ему теперь за его мягкость! Она в грош его не ставит, подглядывает за ним, ругает в глаза — дармоедка, которую он десять лет кормил и поил!

Он уже не думал о ее красоте. Ее следовало хорошенько проучить, выдрать ей волосы, задать ей такую таску, чтобы на ней места живого не осталось,— тогда небось прикусит язык! Хокинс рванулся к девушке, и Питер отчаянно залаял, увидев, что Нейда замахнулась дубинкой. Но она опоздала на одно мгновение. Хокинс вышиб сук из ее пальцев, и его правая рука погрузилась в пышные мягкие локоны.

Тут словно цепь распалась в душе Питера. Он почувствовал, что появился на свет ради этого дня, ради этого часа, ради этой минуты. Весь мир теперь свелся для него к одной узкой полоске — к полоске кожи на ноге бутлегера между штаниной и башмаком. Он прыгнул. Его белые зубы, острые как иглы, впились в облюбованное местечко. И Джед Хокинс с диким воплем выпустил волосы Нейды. Питер услышал его крик и еще крепче стиснул зубы на щиколотке единственного существа, которое он ненавидел. Весь ужас того, что последовало, понял не столько Питер, сколько Нейда. Хокинс нагнулся, его сильные пальцы сомкнулись на тонкой шее Питера, и щенок, вдруг утратив способность дышать, разжал челюсти. Затем Джед Хокинс отвел руку со щенком так, словно собирался бросить камень.

В тот миг, когда его рука выпрямилась и тело Питера взлетело в воздух, Нейда с криком бросилась к бутлегеру. Ее дубинка опустилась на его лицо, и тут же раздался глухой и какой-то хрустящий стук — это нескладное тельце Питера ударилось о скалу. Когда Нейда обернулась, она увидела, что Питер извивается в песке,— его спина и задние лапы были, по-видимому, сломаны, но он не взвизгнул, не заскулил и, не спуская с нее блестящих глаз, силился подползти к ней. Только Веселый Роджер знал, что мать Питера погибла, спасая жизнь женщине, и, наверно, в эту минуту ее дух проснулся в сердце Питера, потому что, не замечая мучительной боли, он думал только об одном: дотащиться до ног девушки и умереть, защищая ее от врага. Он не понимал, что его искалеченное тельце при каждом отчаянном усилии продвигается вперед не более чем

---

[1] Бутлéгер — человек, занимающийся тайной продажей спиртных напитков.

на дюйм, но Нейда догадалась об ужасной правде и со стоном, которого не вырвали бы у нее никакие побои Хокинса, бросилась к щенку, упала на колени и бережно подхватила его на руки. Затем, поднявшись, девушка с быстротой молнии повернулась к Джеду Хокинсу.

— За это я тебя убью! — задыхаясь, крикнула она.— Убью! Помяни мое слово.

Ее удар на несколько секунд ослепил единственный глаз бутлегера, но теперь он кинулся на нее, и Нейда пустилась бежать, напрягая все силы. Позади раздавались тяжелые шаги ее преследователя, хрустел песок, рассыпались камешки, и девушку охватил мучительный страх, но она боялась не за себя, а за Питера. Постепенно Хокинс отстал, ругаясь и проклиная судьбу, которая лишила его одного глаза.

Нейда стремглав выбежала из ущелья на простор лугов, ее волосы развевались, руки сжимали тельце Питера. Щенок заскулил тихо и жалобно; Нейда вдруг вспомнила, что точно так же плакал ребенок — умиравший пятимесячный младенец. Из ее груди вырвался мучительный крик, так как она решила, что Питер тоже умирает. Спотыкаясь, она продолжала бежать в сторону черной стены леса, прижимала лицо к мордочке Питера и со слезами повторяла его имя:

— Питер... Питер... Питер...

А Питер, который даже и в эту минуту был бесконечно счастлив, потому что чувствовал ее любовь и слышал звук ее голоса, высунул язык и благодарно лизнул ее щеку. Нейда громко всхлипнула.

— Не бойся, Питер...— шептала она.— Не бойся, маленький... Он тебя больше не тронет, а мы уйдем за ручей в хижину мистера Роджера. И тебе там будет хорошо. Тебе там будет очень хорошо...

Она судорожно зарыдала, и ее сердце, переполненное материнской нежностью, словно разорвалось в ее груди. А щенок, инстинктивно чувствуя всю силу этой сроднившей их любви, крепче прижался колючей мордочкой к ее щеке, тихонько повизгивая. Он не боялся умереть, пока его держали эти теплые ласковые руки.

— Не плачь, маленький,— уговаривала Нейда.— Не плачь, Питер. Скоро все будет хорошо... да, хорошо...

Она снова всхлипнула, рыдания душили ее, и она больше не сказала ни слова, пока они не добрались до опушки дремучего леса.

Тут Нейда взглянула на Питера и увидела, что он закрыл глаза. И вдруг ей почудилось какое-то сходство между его щетинистой мордочкой и бледным личиком умиравшего младенца.

— Я тебя выхожу, Питер. Мистер Роджер тебя вылечит,— шепнула она.

Но она знала, что говорит неправду,— никто уже не мог помочь Питеру. Она глядела на неподвижную мордочку щенка, и ее сердце сжималось от тягостного предчувствия неизбежной утраты: ведь у Питера был сломан хребет и он умирал — умирал у нее на руках. Но Нейда продолжала быстро бежать по сумрачной лесной тропе — она хотела добраться до хижины Веселого Роджера за ручьем у болота, пока сердце Питера еще не остановилось. Она не надеялась, что Роджер может спасти Питера, но ей казалось, что и щенку и ей станет немного легче, если рядом будет Веселый Роджер. Ведь эта весна была первой радостной весной в ее жизни, ибо знакомство с человеком, тайно поселившимся в лесной хижине, скрасило ее безрадостное существование, пробудило в ней надежду, и они с Питером считали, что лучше его нет никого на свете.

Когда Нейда добралась до брода через Быстрый ручей, от которого до хижины оставалось еще добрых полмили, она совсем запыхалась и выбилась из сил. Вода в ручье мчалась стремительно, почти вровень с берегами; Нейда вспомнила, как Веселый Роджер предупреждал ее, что начался разлив, и ее глаза расширились от страха. Она поглядела на Питера: он беспомощно и неподвижно висел на ее руках. Нейда глубоко вздохнула и решилась. Она знала, что даже в разлив в самом глубоком месте ей здесь будет только по пояс; но слишком уж бешеным было течение.

Она прижала губы к мохнатой мордочке Питера, поцеловала его и шепнула:

— Мы переберемся на ту сторону, Питер. Мы ведь не боимся, маленький? Мы переберемся, обязательно переберемся...

Нейда храбро шагнула вперед — вода закружилась у ее щиколоток, у колен, у бедер. Потом вода достигла ее талии, и словно какие-то невидимые руки поднялись к ней со дна, схватили, потянули за собой — Нейда удержалась на ногах лишь ценой отчаянного усилия, но течение продолжало упорно тащить ее. И вот когда девушка уже почти добралась до спасительного берега, случилось то, чего она опасалась. Нейда почувствовала, что теряет равновесие, и едва успела пробормотать какие-то слова ободрения Питеру, как ноги ее окончательно утратили опору. Что-то сильно ударило ее в бок, Нейда, придерживая Питера одной рукой, беспомощно взмахнула другой — и ее пальцы сомкнулись на сучке, торчавшем, точно ручка, над черным скользким бревном, которое обрушил на нее ручей.

— Все хорошо, Питер! — крикнула Нейда, хотя и знала, что они вот-вот утонут.— Все хоро...

Внезапно она с головой ушла под воду, а с ней и Питер, которого она продолжала судорожно прижимать к груди.

Думала она не о себе, а только о Питере. Почему-то она не боялась, хотя обычно зрелище бурных весенних разливов внушало ей робость. Вода гремела над ней, под ней и всюду вокруг; в ее ушах стоял оглушающий хриплый рев, и все же она не испытывала привычного страха.

Пока этот черный хаос душил ее, в ее мозгу по-прежнему рождались слова ободрения Питеру, которые она уже не могла произнести вслух: одной рукой она держала щенка, а другой цеплялась за сучок, силясь приподняться над водой. Питер перестал быть для нее просто собакой — ведь он бросился на ее защиту и отдал за нее жизнь!

Внезапно какая-то сила подбросила ее кверху — большое бревно повернулось, возвращаясь в устойчивое положение, из которого его на минуту вывел ее вес. На краю заводи, где вода кружила, но уже не мчалась неудержимо вперед, на поверхности показались каштановые волосы Нейды, потом ее побелевшее лицо, и последним судорожным усилием девушка положила мокрое тельце Питера на бревно. Всхлипывая, Нейда пыталась вздохнуть поглубже. Мокрые пряди залепили ей глаза, и она ничего не видела. Силы совсем ее оставили, ей никак не удавалось взобраться на бревно рядом с Питером, а потом, когда она немного приподнялась, сук склонявшегося над водой дерева оторвал ее от бревна, точно могучая рука.

Вскрикнув, она попробовала схватить Питера, но он исчез, исчезло и бревно, а сук вцепился ей в волосы, как нередко вцеплялся в них Хокинс, и несколько секунд течение раскачивало ее тело так, что содрогалось все дерево.

Но боли Нейда не ощущала; смигнув воду с глаз, она увидела ниже по течению широкую тихую заводь, где теперь колыхалось бревно. Однако Питера на нем не было. И вдруг сердце замерло у нее в груди, глаза широко раскрылись, и в изумлении перед невероятностью свершившегося чуда она забыла, что висит на волосах в бурлящем потоке, а скользкие руки течения бьют ее, хватают и стараются увлечь на дно. Она увидела Питера! Он был в дальнем конце заводи и плыл к берегу! Несколько секунд она была уверена, что зрение ее обманывает. Наверное, это течение несет его труп. Ведь Питер не мог плыть! Но... но голова его была поднята над водой... Он продвигался к берегу... он бил лапами...

Нейда отчаянно рванулась. Что-то подалось. Голову ей словно обожгло, и течение потащило ее дальше. В заводи она поплыла, превозмогая слабость, и вскоре ее ноги коснулись дна. Она протерла глаза, почти рыдая от невыразимого страха и невыразимой надежды. Питер уже выбрался из воды. Он кое-как

всполз на берег и съежился в мокрый комок, но он смотрел на нее! Его глаза блестели, они искали ее. Нейда побрела к нему. Только теперь, когда все осталось позади, она поняла, до чего обессилела. В голове у нее что-то беспрерывно кружилось, к горлу подступала тошнота, все вокруг плыло перед глазами, и ее уже не удивляло, что Питер жив, а не умер. До берега оставалось всего несколько футов, но силы совсем оставили Нейду, она опустилась в воду и, ползком добравшись до Питера, снова взяла его на руки и прижала к мокрой, судорожно вздымающейся груди.

Солнце лило на них свои лучи, не затененное ни единой веточкой, вода, еще так недавно певшая песнь смерти, теперь снова журчала весело и дружески, кругом щебетали птицы, и совсем рядом на стволе рябины резвились две рыжие белки. Потемневшие от воды волосы Нейды снова посветлели на солнце и начали завиваться в крупные кольца; высохли и жесткие баки Питера. Через полчаса глаза девушки уже сияли светом надежды и щеки ее окрасил румянец.

— Мы уже почти высохли, Питер, и можем пойти к мистеру Веселому Роджеру,— шепнула она весело.

Нейда встала, встряхнула лишь чуть влажными волосами, взяла Питера на руки... и вздрогнула, потому что он жалобно заскулил.

— Он тебя вылечит, Питер,— сказала она, чтобы утешить щенка.— И нам у него будет хорошо.

Взгляд Нейды был устремлен вперед, в пронизанную солнцем лесную зелень. Пение птиц и вся окружающая красота наполняли ее душу неизъяснимой радостью, а прикосновение мягкой земли к ее босым ногам, казалось, сулило чудесную, неизвестную ей дотоле свободу.

— Цветы! — негромко воскликнула она.— Цветы, и птицы, и солнце! Питер...— Она умолкла на миг, словно прислушиваясь к дыханию света и жизни вокруг.— Ну, нам пора идти к мистеру Веселому Роджеру,— сказала она затем.

Нейда еще раз встряхнула волосами, и они засияли вокруг ее лица, будто ореол. Синева ее глаз стала еще синее, а румянец на щеках еще алее, когда она свернула на еле заметную тропинку, которая вела к хижине, где Веселый Роджер прятался от людских глаз.

Глава III

В старой лачужке индейца Тома, построенной на травянистой поляне неподалеку от Быстрого ручья, раздался веселый мужской смех. В этот предвечерний час последнее солнечное золото

лилось в распахнутую дверь хижины, сложенной из тополевых бревен. И как солнечные зайчики на пестрой тополевой древесине, этот смех словно озарял все вокруг — здесь на краю огромного болота, которое простиралось далеко на север и на запад. Это был особый смех — не буйный или насмешливый, но звонкий и чарующий своей искренностью. Он был очень заразителен и мог разогнать тьму самой хмурой ночи. Он рассеивал страх, и если в болоте старого индейца Тома и вправду водились черти, то, заслышав его, они, конечно, улепетывали во все лопатки. И не раз, как могли бы засвидетельствовать обитатели многих типи и хижин далеко отсюда, перед этим смехом отступала сама смерть.

В последний вечер мая, о котором мы ведем рассказ, человек, умевший так смеяться, стоял, облокотившись о грубо сколоченный стол. Это был Роджер Мак-Кей, более известный как Веселый Роджер, разбойник, разыскиваемый всеми патрулями королевской северо-западной конной полиции к северу от Водораздела[1].

Но тот, кто увидел бы его в эту минуту в золотом ореоле солнечных лучей, не поверил бы, что перед ним скрывающийся преступник, а тем более преступник, который, по слухам, творил в северном краю неслыханные бесчинства. Он был не особенно высок ростом, крепкий, как наливное яблоко, и такой же румяный. Было что-то детское в его круглом розовом лице, в ясных серых глазах, в льняных, коротко подстриженных волосах и в пухлости его обнаженных по локоть рук. Веселый Роджер выглядел упитанным и благодушным. Фигура его была округлой в каждой своей линии, однако тот, кто назвал бы его толстяком, ошибся бы. Очень ошибся бы, как могли подтвердить многие люди, встречавшиеся с ним на лесных тропах. Его лицо не носило никаких следов порочности, и он ничем не походил на гонимого преступника; разве что сторонний наблюдатель сосредоточил бы свое внимание только на пистолете, который висел на поясе, обвивавшем его не слишком стройный стан. Если бы не этот пистолет, Веселый Роджер производил бы впечатление не просто безобидного малого, но человека, самой судьбой предназначенного всюду приносить дух бодрости и доброжелательства. Что до его возраста, то ему было двадцать пять лет, о чем он, впрочем, избегал упоминать.

На первый взгляд в хижине не было ничего, что могло бы рассмешить даже самого заядлого весельчака, не говоря уже о разбойнике, за чью голову была назначена награда,— если только это не был аппетитный запах готовящегося ужина. На

---

[1] Водораздел — общее название хребтов, отделяющих бассейн Великих озер от Гудзонова залива.

К стр. 512

маленькой плите в дальнем углу поджаривались две куропатки, а из сломанного носика кофейника подымались клубы ароматнейшего пара. В открытой духовке ждали своей очереди шесть горячих печеных картофелин в хрустящей золотисто-коричневой корочке.

Веселый Роджер, посмеиваясь и потирая руки, отошел от стола и в третий раз направился к низкой полке в дальнем углу. Там он осторожно приподнял кипу старых газет; в открывшейся коробке что-то зашуршало, раздался протестующий писк, и над краем появилась мордочка бурой мышки, которая устремила на Роджера вопросительный взгляд двух блестящих глаз-бусинок.

— Вот плутовка! — радовался Роджер.— До чего же храбрая плутовка!

Он приподнял газеты повыше и снова принялся рассматривать диковинку, на которую случайно наткнулся полчаса назад. В мягком гнездышке лежало четверо крохотных мышат, еще совсем голеньких и слепых. Едва он опустил газеты, как мать прошуршала назад к ним, и было слышно, как она попискивает, успокаивая малышей,— она как будто говорила им, что этого человека можно не бояться: она его хорошо знает и он ни за что не причинит им никакого зла. А Веселый Роджер, вернувшийся к столу, вновь расхохотался, и смех его разнесся над долиной ручья, одетой золотом заката, так что с вершины высокой ели на самом берегу ему задорным стрекотом ответила голубая сойка.

Однако на самом деле этот смех был вызван не только видом четырех голеньких мышат в гнезде из газетных клочков. В этот день к веселому и беззаботному искателю приключений вдруг пришло счастье — ему стоило только протянуть руку, и счастье навсегда осталось бы с ним. Но он не протянул руки... потому, что был разбойником, и еще потому, что во всем следовал собственному строгому кодексу чести. Роджер Мак-Кей не верил в бога, но он поклонялся природе: все ее проявления, ее жизнь, самый воздух, которым он дышал, были теми страницами, из которых слагалась книга его веры. И когда солнце начало спускаться за вершины высочайших деревьев, он прочел на этих страницах, что поступил как глупец, когда отвернулся от самого лучшего подарка, который могла ему сделать жизнь,— отвернулся только потому, что прихоть судьбы превратила его в нарушителя людских законов и обрекла на скитания. Вот почему теперь его душа пела и смеялась.

Он твердо верил, что полчаса назад принял непоколебимое решение. Он заставил себя забыть про нарушенный закон и про облаченных в красные мундиры служителей этого закона, которые неотступно шли по его следу. Но им и в голову не придет

искать его здесь, на самой границе цивилизации, а время, заверил он себя в эту минуту оптимизма, укроет его надежной завесой забвения. Завтра он снова отправится за Гребень Крэга и...

Перед его умственным взором встало грустное личико с широко открытыми синими глазами, вновь в неярких лучах солнца заблестели каштановые кудри и алые губы, запинаясь, произнесли: «Вы меня не обидите, если поцелуете, мистер Веселый Роджер... если вам этого хочется!»

Он подробно рассказал про это ясноглазой мышке-матери, которая то и дело выглядывала из своей коробки.

— А ты чересчур уж любопытна, плутовка,— сообщил он ей.— И к тому же настоящая пиратка, суций капитан Кидд: ты съела мой сыр, изгрызла ремешки моих лыж и утащила у меня носок для своего гнезда. Мне следовало бы поймать тебя в мышеловку или отстрелить тебе голову. Но я этого не сделаю. Я позволю тебе спокойно жить... и растить детей. И, миссис Кидд, тебе я обязан замечательной мыслью. Да-да! Ты сказала мне, что я имею право завести собственное гнездо,— и я его заведу! А хозяйкой в нем будет самая милая, самая красивая девушка на свете, которая только по ошибке не родилась цветком! Вот так, миссис Кидд. А если явятся полицейские ищейки...

И тут вдруг радужные дали затуманились, и на лице Веселого Роджера появилось выражение, которое бывает у человека, когда он не боится взглянуть правде в глаза и знает, что загнан в угол и должен защищаться.

Солнце заходило, ужин стыл на столе, а это облако, омрачившее светлую картину, становилось все мрачнее, превращалось в темную тучу, оледенившую его сердце. Он отошел от стола к открытой двери; его пальцы медленно сжались в кулаки, и он спокойно и неторопливо оглядел свой мир. Перед ним простиралась глухая лесная чаща, кое-где еще пронизанная угасающими отблесками заката. Вот это и был его мир — весь его мир. Здесь он родился и здесь когда-нибудь умрет. Он любил и понимал этот мир, чей могучий дух говорил с ним всегда — днем и ночью, при солнечной погоде и в бурю. Но теперь он безмолвствовал. И Веселый Роджер, погрузившись в задумчивость, не слышал насмешливой брани, которой осыпала его голубая сойка с пламенеющей вершины высокой темной ели.

Тут внутри него поднялось что-то более сильное, чем эгоистическое желание счастья, и его угрюмо сомкнутые губы прошептали тихим, но яростным вызовом:

— Она совсем маленькая девочка. А я... я разбойник, и меня ждет тюрьма... Ведь рано или поздно они меня изловят, я знаю!

Он отвернулся от закатного неба и шагнул в сумрак своей

хижины. В газетах шуршала маленькая мать, и на мгновение губы Веселого Роджера искривились в грустной улыбке.

— Нельзя! — сказал он.— Нельзя — и все тут, миссис Кидд. Ей и так живется несладко, а со мной будет еще хуже. Этого ведь не избежать. Никак не избежать, миссис Кидд. Но я рад, чертовски рад, что она разрешила мне поцеловать себя, если я этого захочу! Только подумать, миссис Кидд! Если я захочу... О господи!

И, обнаружив комическую сторону даже в своей трагедии, Веселый Роджер усмехнулся и нагнулся над сковородкой с куропатками.

— Если я захочу! — повторил он.— Да я бы жизнью заплатил, лишь бы поцеловать ее хотя бы один раз! Но дело так обернулось, миссис Кидд, что...

Веселый Роджер вдруг умолк и весь напрягся. Жизненный опыт научил его одному: выживает самый приспособленный — но самым приспособленным он остается, только пока выживает. И он всегда был начеку. Он умел думать быстро, слух у него был острый, а мышцы в каждой своей клеточке хранили настороженность. И теперь, не поворачивая головы, он знал, что в дверях у него за спиной кто-то стоит. Об этом ему сказали легкий шорох, тень, возникшая на стене, еще чуть позолоченной закатом, чей-то устремленный на него взгляд, чье-то безмолвное и неподвижное присутствие. Такого предупреждения было достаточно. Роджер подцепил куропатку на вилку, перевернул ее, громко рассмеялся... и внезапно с быстротой молнии повернулся к двери, уже держа свой кольт сорок четвертого калибра на уровне груди незваного гостя.

И сразу же рука с пистолетом опустилась.

— Ах черт...

Он растерянно глядел в глаза, отвечавшие ему таким же растерянным взглядом.

— Нейда! — с трудом выговорил он.— А я-то думал... я думал...— Он сделал судорожное движение губами, подыскивая правдоподобное объяснение.— Я думал, что это медведь.

В первую минуту он не заметил, что ситцевое платье тоненькой воспитанницы Джеда Хокинса промокло насквозь. Синие глаза девушки испуганно блестели. Щеки горели лихорадочным румянцем. Какие-то невысказанные слова застыли на полураскрытых губах, а волосы падали на плечи растрепанной волной. Однако Веселый Роджер ничего не замечал — недавние счастливые грезы, внезапность ее появления и ее красота заслонили от него все остальное. Но тут он внезапно увидел и другое. Последний луч заката блестел в ее волосах потому, что они были влажными, платье облепляло ее, а вокруг ее рваных башмаков растекались маленькие лужицы. Само по себе это его

не особенно удивило бы, так как, чтобы попасть сюда, она должна была перейти вброд ручей. Но его поразило выражение ее лица и руки, крепко прижимающие к груди Питера, щенка, которого он ей подарил.

— Нейда, что случилось? — спросил он, кладя пистолет на стол.— Ты упала в ручей?

— Нет. Питеру плохо,— сказала она с рыданием в голосе.— Мы наткнулись на Джеда Хокинса, когда он выкапывал свое виски... Он совсем взбесился, схватил меня за волосы, и Питер укусил его... а... а он схватил Питера и бросил его о камень... Он совсем изувечен! Мистер Веселый Роджер...

Девушка протянула ему щенка. Веселый Роджер взял щетинистую мордочку в ладони, а потом осторожно перехватил расшибленное тельце, и Питер тихонько заскулил. Девушка судорожно всхлипывала, но ее глаза, когда она на миг перевела взгляд со щенка на пистолет, были сухими.

— Будь у меня револьвер, я бы его убила! — крикнула она.

Веселый Роджер опустился на колени и нагнулся над Питером. Его лицо стало серым и холодным.

— Он схватил тебя за волосы?

— Я... я нечаянно сказала про это,— прошептала она, наклоняясь над его плечом.— Я не хотела. И мне совсем не было больно. А вот Питеру...

Роджер ощутил у себя на шее влажное прикосновение ее локонов.

— Скажите, мистер Веселый Роджер, он сильно покалечен?

Веселый Роджер с женской бережностью ощупывал худенькое тельце Питера. И Питер чуть слышно повизгивал, испытывая невыразимое облегчение оттого, что его касались эти пальцы. Он больше не боялся ни Джеда Хокинса, ни боли, ни смерти. Собаки понимают счастье очень просто. И для Питера было невыразимым блаженством лежать вот так, забывая терзавшую его боль, потому что над ним наклонялось лицо любимой хозяйки, а ласковые пальцы Веселого Роджера трогали его, неся ему исцеление. Он заскулил, когда Веселый Роджер нащупал место перелома, и вскрикнул совсем как маленький ребенок, когда внезапно что-то хрустнуло и кость встала на место, но даже и в эту минуту он повернул голову так, чтобы горячим язычком лизнуть дружескую руку. А Веселый Роджер тем временем давал указания девушке, которая быстро отыскала подходящую тряпку, разорвала ее на узкие полоски, и уже через десять минут правая задняя нога Питера была перебинтована так туго, что стала неподвижной и бесполезной, точно деревяшка.

— У него было вывихнуто бедро и сломана голень,— объяснил Веселый Роджер, закончив перевязку.— Теперь все хорошо, и через три недели он будет бегать по-прежнему.

Он осторожно поднял Питера и сделал ему постель на нарах из собственного одеяла. Потом все с тем же странным серым лицом повернулся к Нейде.

Она стояла вполоборота к двери и смотрела прямо на него. И Веселый Роджер увидел в ее глазах то самое чудо, которое утром посулило счастье его измученной бурями душе. Глаза Нейды были синее самых синих фиалок, какие только ему доводилось видеть, и он знал, что ее бесхитростное сердце не станет скрывать тайны, о которой говорят эти глаза. Он отдал бы все на свете, лишь бы обнять ее, и он знал, что для этого ему стоит только протянуть к ней руки, но их сковало другое, более сильное чувство. На щеках Нейды пылал румянец, и Роджеру казалось, что нигде в мире не найдется красавицы, равной этой тоненькой девушке в старом платьице и худых башмаках,— такая неземная радость озаряла ее лицо, обрамленное влажной волной кудрей, которые чуть блестели в свете угасавшего дня.

— Я знала, мистер... Роджер, что вы его вылечите! — сказала она, и в ее голосе зазвенела гордость за него, вера и обожание.— Я знала это!

В горле Веселого Роджера встал какой-то комок, и, отвернувшись к плите, он начал тыкать вилкой в хрустящую корочку печеных картофелин. Не оборачиваясь, он сказал ей:

— Ты пришла как раз к ужину, Нейда. Мы поедим, а потом я провожу тебя до Гребня.

Питер не спускал глаз с Роджера и девушки. Нога уже не болела, лежать на одеяле Веселого Роджера было тепло и уютно, и, положив щетинистую мордочку на передние лапы, он внимательно следил за каждым движением этих двух людей, без которых не мог бы жить. Он слушал негромкий звонкий смех, который ему случалось слышать очень редко,— ведь Нейда смеялась так, только когда бывала счастлива; он смотрел, как она потряхивает волосами в свете лампы, которую зажег Веселый Роджер, и успел заметить, что в эту минуту Роджер, возившийся у плиты, бросил на нее взгляд, полный глубочайшей любви, но тотчас отвел глаза, едва она обернулась. Как ни был Питер смышлен, он ничего не понял, но он почувствовал во всем этом ту радость, какую ощущал всегда, когда они встречали Веселого Роджера: сияло ли тогда солнце или день был непогожий и хмурый. За свою коротенькую жизнь он много раз видел горе и слезы Нейды, видел, как она вся съеживалась и старалась куда-нибудь спрятаться, когда раздавалась гнусная ругань мужчины и хриплый голос женщины в той, другой хижине. Но в обществе Веселого Роджера этого не случалось никогда. У него было два глаза, он не бранился и не таскал Нейду за волосы — поэтому Питер любил его всем сердцем. И он знал, что его хозяйка тоже любит Веселого Роджера — ведь она сама ему

об этом говорила; в ее глазах, когда она глядела на Веселого Роджера, не бывало грусти, и только с ним она смеялась тихо и звонко, вот как сейчас, в эту минуту.

Веселый Роджер сидел за столом, а Нейда стояла позади него, раскрасневшись от восторга: ей было позволено налить ему кофе! А потом она тоже села к столу, и Веселый Роджер начал подкладывать ей лучшие куски куропатки и старался сохранять спокойную невозмутимость, когда смотрел на очаровательное личико напротив. Нейда же и не думала прятать синего сияния радости в своих глазах. Немногими светлыми часами, которые выпали ей в жизни, она была обязана Веселому Роджеру, пришельцу, три месяца назад поселившемуся в хижине индейца Тома. Она любила его так же бесхитростно, как Питер. И не думала этого скрывать.

— Нейда,— сказал Роджер,— тебе ведь семнадцать лет...

— Мне пошел восемнадцатый год,— быстро поправила она.— Семнадцать мне сровнялось полмесяца назад!

Она сказала это с таким оживлением, что его сердце забилось. Он кивнул и улыбнулся.

— Да, тебе пошел восемнадцатый год,— повторил он.— И скоро явится какой-нибудь молодой человек, увидит тебя, женится на тебе...

С уст Нейды сорвалось что-то вроде тихого стона. Веселый Роджер увидел, как дрогнули ее губы, какими испуганными стали глаза, и на мгновение решимость почти оставила его.

— Куда вы уезжаете, мистер Веселый Роджер?

— Я? Да нет, я не думаю уезжать — по крайней мере пока. А вот ты уедешь отсюда, когда выйдешь замуж... в один прекрасный день.

— Я не выйду замуж! — с жаром возразила она.— Я ненавижу всех мужчин. Всех, кроме вас, мистер Веселый Роджер. А если вы уедете...

— Так что же будет, если я уеду?

— Я убью Джеда Хокинса!

И Нейда невольным движением протянула маленькую руку к большому пистолету, забытому на углу стола.

— Я убью его, если вы уедете,— повторила она угрожающе.— Он замучил свою жену, искалечил ее... Если бы не она, я бы давно убежала. Но я обещала ей, и я останусь... пока что-нибудь не переменится. А если вы уедете... теперь...

Она всхлипнула, уголки ее губ опустились, и Веселый Роджер, вскочив, пошел за кофейником, хотя его чашка была еще наполовину полна.

— Я не уеду, Нейда,— сказал он с притворным смехом.— Я обещаю... честное слово, провалиться мне на этом месте! Ч не уеду, пока ты мне не позволишь.

И тут Питер, почувствовав что-то неладное, затявкал со своего ложа, а когда Веселый Роджер вернулся с кофейником, глаза Нейды поблагодарили его за обещание радостным взглядом. Стоя позади нее, он сделал вид, что подливает ей кофе, хотя она даже не притронулась к своей чашке, и тут вновь заметил, как влажны ее волосы.

— Так что же случилось, когда ты переходила ручей, Нейда? — спросил он.

Она начала рассказывать, и, услышав свое имя, Питер настороженно приподнял щетинистую мордочку. Ему было видно лицо Веселого Роджера, на котором недоумение сменилось испугом, а потом быстрой улыбкой. Когда же Нейда умолкла, Роджер наклонился к ней в светлом круге, отбрасываемом лампой, и сказал:

— Я хочу, чтобы ты мне кое-что обещала, Нейда. Если Джед Хокинс еще раз поднимет на тебя руку, или схватит тебя за волосы, или даже просто пригрозит тебе, непременно скажи мне об этом, хорошо?

Нейда молчала в нерешительности.

— А не то я возьму назад свое слово и не останусь здесь,— добавил он.

— Ну, раз так... то обещаю,— сказала она.— Если он меня ударит, я вам скажу. Но я боюся... то есть боюсь... не за себя, а только за Питера. Джед Хокинс наверняка его убьет, если я возьму его домой, мистер Роджер. Можно, он останется у вас? И... ах, если бы и мне можно было остаться...

Последние слова она пробормотала еле слышно, и тут же краска бросилась ей в лицо. Однако Веселый Роджер уже опять отошел к плите, так, словно не видел, как она покраснела, и словно не расслышал последней фразы; поэтому смущение Нейды быстро рассеялось.

— Конечно, пусть Питер остается здесь,— ответил он через плечо, но в сердце у него другой, неслышный ей голос стонал: «Я бы отдал все на свете, лишь бы и ты могла тут остаться!»

Полчаса спустя, доедая свою порцию куропатки, Питер уголком глаза следил за Веселым Роджером и Нейдой, которая собралась уходить. Было уже темно, и Роджер спустил только сетку от комаров, а дверь закрывать не стал; Питер слышал, как постепенно затихали их шаги в густом лесном мраке. Луна еще не взошла, и под сводом сосен и елей все было черно, как в аду. Кругом царила мертвая тишина, и безмолвие этого первого ночного часа нарушал лишь звук их собственных шагов да шум воды в ручье. Душа Веселого Роджера ликовала — теплая маленькая рука Нейды лежала в его руке, ее пальчики крепко держались за его большой палец, и так он вел ее по невидимой тропе. Когда он остановился, отыскивая путь, Нейда оказалась

так близко от него, что ее щека прижалась к его плечу, и, немного наклонившись, он слегка коснулся губами ее волос. Но в темноте ему не было видно ее лица, всю дорогу до брода его сердце отчаянно билось.

Потом он рассмеялся странным негромким смехом, совсем не похожим на обычный смех Веселого Роджера.

— Я постараюсь не дать тебе вымокнуть во второй раз, Нейда,— сказал он.

Пальцы девушки по-прежнему не выпускали его большого пальца, точно она боялась потеряться в чернильной тьме, окутывавшей их со всех сторон. Она опять прильнула к нему, и Веселый Роджер должен был напрячь всю свою волю, чтобы тут же не сжать ее в объятиях и не признаться в своей любви.

— Я не боюся... то есть не боюсь вымокнуть,— услышал он ее шепот.— Вы такой большой и сильный, мистер Роджер...

Он осторожно высвободил свой палец и подхватил Нейду на руки так, чтобы даже в самом глубоком месте вода до нее не достала. Сперва руки Нейды еле касались его плеч, но, когда Роджер дошел до глубокого места и она почувствовала, как он борется с течением, девушка теснее сжала руки, и они обвили шею Роджера теплым милым кольцом. Наконец он благополучно опустил ее на землю на другом берегу, и она глубоко, с облегчением вздохнула. Потом она нащупала в темноте его руку, и снова ее пальчики обхватили его большой палец, и Веселый Роджер, мокрый насквозь, повел ее к расселине в Гребне Крэгга, а из-за вершин восточного леса показался верхний край луны.

Глава IV

Для Питера, оставшегося в пустой хижине, время ожидания тянулось бесконечно. Веселый Роджер, уходя, задул лампу, а когда взошла луна, ее свет не проник в темную комнату, так как дверь выходила на запад, а занавески на обоих окнах были плотно задернуты. Однако через открытую дверь щенок видел, как ночной мрак сначала побледнел и как потом повсюду внезапно разлилось нежное сияние, рассеявшее тьму и населившее мир вокруг таинственными тенями, которые казались живыми, хотя и были беззвучны. В эту ночь светила великолепная полная луна, а Питер любил такую луну, хотя за свою трехмесячную жизнь он видел ее всего лишь несколько раз. Она завораживала его куда больше солнца, потому что солнце всходило всегда при свете и ему никогда не доводилось видеть, чтобы солнце пожирало тьму, как это делает луна. Эта тайна преисполняла его благоговением, но нисколько не пугала. Правда, ему были не совсем понятны странные безмолвные тени, которые переставали

существовать, едва он принимался их обнюхивать; несколько сбивало его с толку и еще одно наблюдение — птицы почему-то не летали и не пели при лунном свете, хотя при дневном свете они и летали и пели. Но едва это непонятное нечто, пожирающее тьму выплывало на небе, как в самой глубине его существа просыпалось что-то древнее, полученное в наследство от предков, и кровь быстрее бежала по жилам, а неверные бледные лучи манили к себе, звали тихо и незаметно красться всё вперед и вперед, напрягая зрение и слух, чтобы увидеть и услышать то, чего он еще никогда не видел и не слышал.

Теперь Питера окружал мрак хижины, но его взгляд был прикован к открытой двери, и долгое время он прислушивался, не раздадутся ли шаги возвращающихся Роджера и Нейды. Он дважды пробовал подползти к краю нар, но при каждом движении его тело пронзала такая острая боль, что после второй попытки он отказался от своего намерения. Вскоре он услышал, как за стенами хижины просыпается Ночной народ. Они были очень осторожны, эти ночные создания, не то что веселые существа, приветствующие зарю счастливой песней,— ведь большинство из них обладало острыми клыками и длинными когтями, и были это разбойники лесных дебрей, всегда готовые наброситься на добычу. Питер знал и это, потому что в нем жил опыт многих поколений северных собак, от которых он происходил. Где-то вдалеке завыл волк, и что-то сказало Питеру, что это воет не собака. Затем ближе протрубил лось, и тот же инстинкт объяснил ему, что он слышит голос великана медведя, хотя он никогда в жизни не видел ни единого медведя. Питер еще ни разу не встречал ни бесшумно ступающих, зорких и ночью хищников — лисиц, рысей, куниц, норок и горностаев,— ни круглоглазых крылатых убийц, кружащих среди древесных ветвей, однако тот же опыт предков предупреждал его, что они бродят сейчас там, за дверью, среди теней, в этом смутном серебристом мерцании. И вдруг наглядный пример доказал ему, что все это — правда. На поляну перед дверью хижины выпрыгнул крольчонок, еще совсем маленький, и принялся щипать траву, но тут по воздуху промчался когтистый, кривоклювый метательный снаряд, и Питер услышал предсмертный вопль крольчонка, которого сова унесла на вершину высокой ели. Но все равно Питера неудержимо тянуло выйти на лунный свет — он ничего не боялся.

Но вот его ожидание пришло к концу. Он услышал шаги, и вскоре из желтоватой лунной дымки возник Веселый Роджер. На пороге он молча остановился и посмотрел на запад, туда, где небо над вершинами деревьев сверкало звездами. Питер готов был уже радостно тявкнуть, но не тявкнул. Веселый Роджер молчал как-то странно, шагов Нейды не было слышно, и Питер

принюхался, проглотил вставший в горле комок и почувствовал в воздухе предвестие чего-то важного. Затем Веселый Роджер вошел в хижину, сел возле стола, не зажигая лампы, и Питер долго-долго смотрел на смутное пятно в темноте, прислушиваясь к звуку дыхания, а потом не выдержал и заскулил.

Веселый Роджер очнулся от своей задумчивости. Он встал, чиркнул спичкой, но тут же задул огонек, подошел к Питеру, сел рядом с ним и принялся тихонько его гладить.

— Питер,— сказал он вполголоса,— пожалуй, нам с тобой предстоит одно дело. Ты сегодня его начал... а я должен буду довести до конца. Нам придется убить Джеда Хокинса!

Питер прильнул к ласковой ладони.

— Может быть, я и преступник, может быть, мое место в тюрьме,— продолжал в темноте Веселый Роджер,— да только до этого вечера я никого не убивал и убивать не хотел. А вот теперь — хочу. Если Джед Хокинс ее хоть пальцем тронет, мы его убьем! Понимаешь, Хромуля?

Он встал, и Питер услышал, что он начал раздеваться. Затем Роджер уложил Питера на одеяле на полу, а сам растянулся на нарах, и на долгое время в хижине воцарилось что-то более тягостное, чем ночной мрак,— так по крайней мере казалось щенку, который ждал, прислушивался, по-своему, по-собачьи, мечтая о возвращении Нейды, и не мог понять, почему она вдруг забыла о нем. А в желтоватых лучах луны бесчинствовал Ночной народ, и смутный светлый сумрак был полон стремительного бега, ужаса смерти, а Веселый Роджер спал, а волк завыл совсем близко, а ручей, не смолкая, журчал свою вечную песню. В конце концов веки Питера сомкнулись, и через порог в безмолвие хижины, где пахло человеком и собакой, заглянул красноглазый горностай.

После этой первой ночи миновало много дней, прежде чем Питер снова увидел Нейду. Прошли проливные дожди, ручей разлился, и каждый раз, когда Веселый Роджер переправлялся через бурный поток, чтобы добраться до Гребня Крэгга, он рисковал жизнью. Все это время Питер не видел никого, кроме Роджера. К концу второй недели кость срослась, и щенок начал бегать, но хромота осталась, и его след всегда можно было отличить от любого другого по своеобразному отпечатку правой задней ноги.

За эти две недели болезни Питер очень повзрослел. Теперь он научился понимать Веселого Роджера не только с помощью глаз и ушей, но и с помощью особого инстинкта, развитию которого способствовала его смышленость. За две недели вынужденной неподвижности этот инстинкт приобрел необычайную остроту, и под конец Питер уже умел догадываться о настроении Веселого Роджера по одному звуку его приближающихся шагов.

Все это время щенок изо всех сил старался постигнуть смысл таинственной перемены в своей судьбе. Он знал, что Нейда исчезла, и чувствовал, что каждый новый день все больше отдаляет ее от него, но он чувствовала также, что Веселый Роджер видится с ней, и когда тот возвращался в хижину, в Питере каждый раз пробуждалась тоскливая надежда, что с ним возвращается и Нейда.

Однако постепенно мысли о Нейде начали сменяться мыслями о Веселом Роджере, и вскоре этот человек стал для него самым главным и самым любимым на свете. А Веселый Роджер за эти дни научился находить в обществе Питера и в их растущей взаимной привязанности утешение и отвлечение от тяжелых мыслей. Питер был свидетелем и тех часов, когда хижина светлела от голоса и смеха Веселого Роджера, и тех часов, когда его лицо становилось угрюмым, а в глазах появлялся суровый рассеянный взгляд, смысл которого Питер не мог разгадать. И вот в эти-то часы, когда сердце щенка разрывалось от великой любви к Веселому Роджеру, тот рассказывал Питеру то, чего не открывал еще ни одному человеку.

Как-то в сумерках, вернувшись весь мокрый после переправы через ручей, он сообщил Питеру:

— Нам бы следовало уйти отсюда, Питер. Нам бы следовало сложить сегодня же все пожитки и ночью убраться подальше. Видишь ли... иногда я сам себя боюсь, Хромуля. Ради нее я могу и убить. Ради нее я готов умереть. Я бы бросил все на свете и пошел бы в тюрьму, если бы там со мной была она. А это опасное желание, Питер, потому что ей быть с нами нельзя. Никак нельзя, дружок. Она ведь не знает, почему я поселился тут. Она ведь не знает, что меня давно уже разыскивает полиция, — им, конечно, и в голову не придет, что Веселый Роджер Мак-Кей прячется так близко от населенных мест. Если же я ей признаюсь, она решит, будто я даже хуже Джеда Хокинса, и, конечно, не поверит, что действовал я смекалкой, а не пистолетом и что я в жизни не убил и не ранил ни одного человека. Нет, она мне не поверит, Питер. А хуже всего то, Хромуля, что она... она меня любит. Во всем на меня полагается и хоть завтра пошла бы со мной к отцу Джону. Я знаю это. Вижу, чувствую, и я...

Его пальцы стиснули загривок щенка.

— Питер,— прошептал он в сгущающейся мгле,— я не верю в того бога, в которого верят многие люди, мне хватает цветов, птиц, деревьев, неба — всего, что вокруг, и всем этим я клянусь, что не сделаю ее несчастной, Питер. Клянусь, понимаешь?

И всю ночь Питер слышал, что Роджер не спит и беспокойно ворочается на нарах.

Однако утром он принялся петь, пока готовил завтрак, и

голос его был таким же веселым, как солнечные лучи, разлившиеся по лесу. Для Питера эта смена настроений была неразрешимой загадкой. Сколько раз он видел, как угрюмый и унылый Роджер вдруг вскакивал и принимался бодро насвистывать или петь, а однажды он объяснил Питеру:

— Я беру пример с солнца, Хромуля. Оно ведь светит, даже когда его заслоняют от нас тучи и мы его не видим. А смех еще никогда не вредил человеку.

В этот день Веселый Роджер не ходил за ручей.

Глава V

Только когда пошла третья неделя, Питер наконец увидел Нейду. К этому времени он уже провожал Роджера до брода и ждал там — иногда по нескольку часов,— пока его товарищ и хозяин не возвращался с Гребня Крэгга. Но часто Веселый Роджер оставался с Питером у брода и, растянувшись на краю лужайки, которую они нашли там, принимался читать какую-нибудь из своих старинных книжечек в красных переплетах — как было известно Питеру, он очень дорожил этими книгами. Щенок часто пытался понять, что интересного могло прятаться между выцветшими крышками переплета, и умей он читать, то прочел бы следующие заглавия: «Маргарита Анжуйская»[1], «История Наполеона», «История Петра Великого», «Цезарь», «Колумб — великий путешественник» и так далее,— всего двадцать томиков, которые Веселый Роджер раздобыл, ограбив почту за два года до описываемых событий, и которые он ценил не меньше собственной жизни.

В этот день, когда они лежали на полянке в дремотной июньской тишине, Веселый Роджер решил наконец удовлетворить любопытство, написанное на мордочке Питера и блестевшее в его глазах.

— Видишь ли, Хромуля,— начал он виновато,— мне до смерти хотелось почитать что-нибудь, и я прикинул, что у почтальона что-нибудь да найдется — газеты, например. Вот я и остановил почту, почтальона связал и увидел эти вот книжки. И честное слово, больше я ничего не взял — во всяком случае в тот раз. Их двадцать штук, и весят они вместе девять фунтов, и за последние два года мне пришлось пройти с ними не меньше пяти тысяч миль. Но все равно я не сменял бы их, даже предложи мне кто-нибудь золота, сколько я вешу,— а это не так уж мало! Я назвал тебя Питером потому, что так называли в

[1] Маргарита Анжуйская (1429—1482) — английская королева, жена Генриха VI, по происхождению француженка; во время войн Алой и Белой розы возглавляла партию сторонников короля.

юности Петра Великого. Сказать по правде, я чуть было не окрестил тебя Христофором Колумбом. Как-нибудь потом, Питер, мы доставим эти книжки тому человеку, которому они были адресованы. Я дал себе такое слово. Ведь украсть книги — словно душу у кого-нибудь украсть. И я их только взял почитать. Адрес их хозяина я записал — он живет на самом краю Голых Земель. Как-нибудь мы возьмем да и доставим книги по принадлежности.

Внезапно Питер утратил интерес к этим объяснениям, и Роджер, проследив направление его взгляда, увидел, что на другом берегу ручья стоит Нейда и смотрит на них. Питер тотчас узнал ее и задрожал всем телом, но тут Веселый Роджер с радостным смехом схватил его под мышку и бросился с ним в ручей. Потом он добрых пять минут стоял в сторонке и смотрел на встречу Питера и Нейды; он слушал восторженное повизгивание щенка, лизавшего лицо и руки девушки, видел следы слез на щеках Нейды, и его собственные глаза подозрительно заблестели. Для Питера три недели были бесконечно длинным сроком, но в своей обожаемой маленькой хозяйке он не смог углядеть никаких перемен. Все осталось прежним: и пышные локоны, в которые можно было уткнуть нос, и ласковые руки, и нежный голос, и пьянящее тепло ее тела, когда она крепко прижала его к груди. Он не понял, что на ней надеты новые башмаки и новое платье, что ее алые губы словно поблекли, лицо побледнело, а тоскливое выражение уже больше никогда не исчезало из глаз.

Но Веселый Роджер видел и этот взгляд, и растущую бледность — он наблюдал их уже больше двух недель. И вечером, когда Нейда ушла за Гребень Крэгга, а он вновь переплыл ручей, держа Питера на руках, на его лице застыло суровое и мрачное выражение, которое Питер начал замечать все чаще. И когда они сидели в сумерках на пороге хижины, Веселый Роджер сказал:

— Скоро все станет ясно, Питер. Я жду, что вот-вот что-то случится. Она что-то скрывает от нас. И боится за меня. Это-то мне понятно. Но я узнаю, в чем дело,— и скоро. А тогда, Хромуля, мы, пожалуй, убьем Джеда Хокинса и уйдем на Север.

Мрачные предчувствия, звучавшие в голосе и словах Роджера, словно окутали хижину на долгие дни, и Питер все более остро ощущал пугающее приближение чего-то таинственного и неотвратимого. Он быстро рос, становился сильнее и сметливее, и в нем уже начали развиваться то благоразумие и сообразительность, которые впоследствии сыграли такую важную роль в его жизни. Инстинкт, не менее могучий, чем разум (а может быть, это и был разум), подсказывал ему, что его хозяин постоянно и напрасно ожидает чего-то. Тот же инстинкт открыл ему, что этого неизвестного события следует опасаться. Теперь

он уже не бросался очертя голову исследовать загадки и тайны. Он выбирал окольный путь и заставал таинственное врасплох. На смену щенячьему любопытству и безрассудности пришли умение и хитрость. Он легко постигал новое, а слово Веселого Роджера стало для него законом, и достаточно ему было услышать распоряжение один или два раза, как оно становилось частью его жизненного опыта. Но если в мозгу Питера развивались наблюдательность и сметка его отца-эрделя, то его тело складывалось по образу и подобию его могучей, быстрой и кроткой матери-гончей. Его ноги утрачивали былую нескладность и неуклюжесть. Узлы на хвосте скрылись под слоем мышц. Его крупная голова, щетинившаяся свирепыми баками, казалось, пока перестала расти, чтобы дать время нескладному худому туловищу догнать ее. И хотя всего несколько недель назад его огромные лапы вечно заплетались и спотыкались, теперь они научились ступать уверенно и бесшумно.

И с недавних пор Питер, услыхав приближающиеся шаги, уже не бросался навстречу с веселым лаем, пока не убеждался, что это действительно идет Веселый Роджер. Такое поведение могло показаться странным, если принять во внимание, что за те пять недель, которые протекли с того вечера, когда Нейда принесла Питера с Гребня Крэгга, в окрестностях хижины не появлялось ни одного человека, кроме Роджера и Нейды. Но прирожденная осторожность росла и крепла в душе щенка с каждым днем. Затем как-то под вечер Питер сделал неожиданное открытие. Они с Веселым Роджером возвращались с рыбной ловли, которой занимались ниже по ручью, и едва Питер вышел из леса на вырубку, как учуял незнакомый запах. Он поспешно начал расследование и обнаружил тот же запах всюду вокруг хижины, а особенно силен он был возле двери. Питеру все было ясно. Тут побывал какой-то неизвестный ему человек: он несколько раз обошел хижину, открывал дверь и даже заходил внутрь — Питер учуял его следы на половицах. Он попытался сообщить Веселому Роджеру о случившемся: весь ощетинился, заскулил и начал внимательно вглядываться в темную чащу. Роджер осмотрел поляну вместе с ним, но не заметил никаких следов и сказал, принимаясь чистить рыбу для ужина:

— Наверно, нас навестила росомаха, Хромуля. Негодяйка думала чем-нибудь поживиться, пока хозяев нет дома.

Но Питер не успокоился. Ночью он спал вполглаза. Знакомые звуки вдруг обрели новый смысл. Весь следующий день его тяготили непонятные предчувствия. Вторжение неизвестного запаха в их мир пугало его и сердило. Собачья логика подсказывала ему, что произошло посягательство на права его хозяина, а он, как того требовал закон его племени, был защитником этих прав.

На четвертый день после появления незнакомого запаха Веселый Роджер задержался у Гребня Крэгга дольше обычного. Питер, который в этот день охотился в одиночку, вернулся домой перед закатом. С недавних пор у него появилась новая привычка: прежде чем выйти на открытое место, он сначала несколько мгновений принюхивался и прислушивался. И теперь, когда он осторожно высунул нос из-за ствола ели ярдах в двадцати от хижины, его сердце внезапно забилось от жгучего волнения. Дверь хижины была открыта. А возле двери, внимательно оглядываясь по сторонам, стоял незнакомый человек. Он был совсем не похож на Джеда Хокинса, как немедленно решил Питер: высокий, в широкополой шляпе, в полосатых брюках, заправленных в сапоги, и в куртке с какими-то металлическими штучками, которые блестели в последних лучах солнца. Питер не имел ни малейшего представления о королевской северо-западной конной полиции. Но он все равно почуял опасность и замер. Все время, пока незнакомец осматривался, держа руку на расстегнутой кобуре, Питер стоял совершенно неподвижно. Только когда неизвестный вошел в хижину и притворил за собой дверь, Питер тихонько отступил в лесную тень. А потом бесшумно, как лисица, он прокрался через кусты к тропинке и побежал по ней к броду, которого не мог миновать Веселый Роджер, возвращаясь с Гребня Крэгга.

Когда Веселый Роджер вышел на берег, до темноты оставалось еще полчаса. Против обыкновения, Питер не бросился встречать его у самой воды. Он продолжал сидеть, прижав уши и как будто совсем не радуясь хозяину. Необходимость постоянно быть начеку приучила Веселого Роджера замечать самые, казалось бы, ничтожные мелочи. Он заговорил с Питером, погладил его и пошел по тропинке по направлению к хижине. Питер угрюмо поплелся за ним, но через несколько секунд остановился и опять сел. Веселый Роджер удивился.

— В чем дело, Питер? — спросил он.— Тебя опять напугала росомаха?

Питер тихонько взвизгнул, но уши его были по-прежнему прижаты, а в глазах, устремленных на тропу позади хозяина, горели красные огоньки. Роджер повернулся и пошел дальше, пока не скрылся за поворотом тропинки. Там он остановился и поглядел назад. Питер не последовал за ним и продолжал сидеть на прежнем месте. Веселый Роджер коротко перевел дух и вернулся к Питеру. Целую минуту он простоял, наблюдая за ним и прислушиваясь, и все это время в глазах Питера, устремленных в сторону хижины, не гасли красные огоньки. Глаза Роджера тоже вспыхнули, и, внезапно опустившись на колени рядом с Питером, он тихонько произнес над его прижатым ухом:

— Ты говоришь, что это не росомаха, Питер? Верно?

Зубы Питера щелкнули, и он заскулил, по-прежнему глядя прямо перед собой.

Глаза Веселого Роджера блеснули холодным блеском, он вскочил, быстро и бесшумно скользнул под прикрытие деревьев, под которыми уже сгущался сумрак, и пальцы его сжали большой пистолет. Теперь Питер последовал за ним, и Роджер, описав дугу, вышел к хижине у той стены, в которой не было окон. Там Веселый Роджер снова встал на колени рядом с Питером и прошептал:

— Жди здесь, Хромуля. Понял? Жди здесь.

Он ласково нажал ладонью на его спину, и Питер понял. Затем, пригибаясь, Роджер с кошачьей мягкостью подбежал к глухой стене хижины. Присев на корточки, он осторожно выглянул из-за угла и осмотрел дверь. Она была закрыта. Потом он покосился на окна. На западном занавески были подняты, как он их поднял, но на восточном...

Лукавая улыбка тронула уголки его рта. Эти занавески он всегда плотно задергивал. Одна из них оставалась опущенной и теперь, но другая была чуть-чуть приподнята, так что человек, прятавшийся в хижине, мог следить за тропинкой.

Роджер отодвинулся от угла и беззвучно усмехнулся. Ловушка была устроена бесстрашно и умно, а это сказало ему о многом. В хижине кто-то прятался, и он готов был голову прозакладывать, что прячется в ней Кассиди, упрямый ирландец из отряда «М». Роджер не раз и прежде думал, что проследить его здесь, на самой границе цивилизации, способен только Кассиди, и никто другой. И вот Кассиди явился сюда — Кассиди, который упорно, как волк, три года шел по его следу, гнал его через все Голые Земли, проплыл за ним до верховий Маккензи и весь путь назад, который дрался с ним, голодал и замерзал, как и он, но так его и не арестовал. В глубине души Веселый Роджер питал к Кассиди симпатию. Они долго играли и продолжали играть в захватывающую игру: победа в этой игре стала для обоих целью жизни. И вот теперь Кассиди поджидает его в хижине, не сомневаясь, что добыча у него в руках и вот-вот войдет в ловушку.

Веселый Роджер знал, что дело может обернуться трагически, но тем не менее ему было смешно. Три раза за последние полтора года он оставлял Кассиди в дураках, и этому охотнику за людьми приходилось с трудом выбираться из паутины, которую он сам хитро сплетал для своей жертвы. И вот то же произойдет в четвертый раз! Кассиди это будет чертовски неприятно!

Вознося в душе молитву, чтобы Питер остался смирно сидеть на месте, Веселый Роджер снял башмаки и бесшумно, как ласка, подобрался к двери. Потом медленно, дюйм за дюймом, приподнялся и распластался у стены возле самой дверной щели.

Затаив дыхание, он прислушался. Ему казалось, что он стоит бесконечно долго, но изнутри не доносилось ни звука. Он догадывался, что делает сейчас Кассиди: смотрит в узкий просвет между занавеской и подоконником. Но догадываться еще не значит знать, а любой просчет мог оказаться роковым — ведь в хижине ждал Кассиди с пистолетом в руке.

Внезапно до его ушей донеслось легкое поскрипывание: мужские шаги, приглушенные, но все же ясно различимые... Человек шел от окна к двери. На полдороге шаги замерли, а потом прозвучали ближе к окну, выходившему на запад. Однако наблюдатель, очевидно, не предполагал, что его жертва может появиться с той стороны, так как после секундной паузы он возвратился туда, откуда ему была видна тропа. На этот раз Веселый Роджер твердо знал, что Кассиди стоит, прильнув к окну, спиной к двери, и каждая мышца в теле лесного бродяги напряглась для молниеносного броска. Еще миг — дверь распахнулась, и наблюдатель, отпрянув от окна, увидел прямо перед собой темное дуло пистолета Веселого Роджера.

После того как его хозяин стремительно распахнул дверь, Питер еще несколько секунд пролежал там, где ему было велено лежать, изо всей мочи напрягая глаза, так что они чуть не вылезли на лоб. Он услышал голоса, потом звонкий раскат смеха — это засмеялся Веселый Роджер — и, не в силах дольше сдерживаться, осторожной рысцой затрусил к открытой двери хижины. Там на стуле сидел незнакомец в широкополой шляпе и сапогах, его руки были крепко связаны у него за спиной. А Веселый Роджер в последнем отблеске дня сновал по хижине, упаковывая заплечный мешок.

— Мне бы следовало убить тебя, Кассиди,— говорил он с торжествующим смешком.— Ты не даешь мне ни минуты покоя. Куда бы я ни отправился, ты обязательно рано или поздно являешься туда, хотя, насколько мне помнится, я ни разу тебя не приглашал. И теперь, когда подвернулся такой случай, мне следовало бы убрать тебя с моей дороги и посадить над тобой цветочки. Да только духу не хватает. А к тому же ты мне нравишься. Может, когда ты наконец бросишь гоняться за мной, из тебя выйдет отличная ищейка. Но покуда, Кассиди, тебе не хватает тонкости. Тонкости тебе не хватает.— И Роджер снова расхохотался.

— Просто тебе везет, как черту,— пробурчал Кассиди.

— Ну, если так, то будем надеяться, что мне не перестанет везти! — ответил Веселый Роджер.— А теперь послушай-ка, что я скажу, Кассиди. Давай побьемся об заклад, как мужчина с мужчиной: если в следующий раз ты меня опять не сцапаешь, если я возьму над тобой верх, кончишь ты гоняться за мной?

Глаза Кассиди блеснули в полумраке.

— Если ты улизнешь от меня в следующий раз, я подам в отставку!

Голос Веселого Роджера стал серьезным:

— Я верю тебе, Кассиди. Ты всегда играл честно. А теперь, если я развяжу тебе руки, ты дашь мне два часа форы?

— Ладно,— ответил Кассиди.

В темноте уже трудно было различить его худое лицо.

Веселый Роджер зашел ему за спину. Щелкнул раскрытый нож. Потом Роджер взял мешок и направился к двери. На пороге он остановился.

— Погляди на свои часы, Кассиди, чтобы не ошибиться и не выйти раньше, чем пройдут полных два часа.

— Я дам тебе два часа и пять минут,— сказал Кассиди.— Думаешь уйти на Север, Веселый Роджер?

— Думаю уйти в леса,— ответил разбойник.— Я иду туда, где путешествовать не так-то легко и просто, Кассиди. Ну, прощай...

Он ушел, направляясь прямо на север и не стараясь приглушить свои шаги. Но, углубившись в чащу, он повернул на юг и переплыл ручей, держа Питера под мышкой. Они прошли по равнине почти милю, когда Веселый Роджер наконец заговорил, обращаясь к Питеру:

— Кассиди думает, что уж теперь-то я уйду в северные края, Хромуля. Но мы его надуем. Я так и думал, что чего-нибудь в этом роде не миновать, и теперь мы идем к дальнему отрогу Гребня Крэгга, где скалы так накиданы, что в них сам черт заплутается. Ведь ничего другого нам не остается, дружок! Не можем же мы бросить ее сейчас. Никак не можем!

Голос Веселого Роджера прервался. Помолчав немного, разбойник нагнулся и погладил Питера.

— Если бы не ты, Питер, Кассиди на этот раз меня сцапал бы... Одно мне непонятно, Питер, почему господь бог забыл наделить собак речью?

Питер тявкнул в ответ, и они растаяли в ночном мраке.

Глава VI

Холодный туман пригасил было сияние звезд, но пока Веселый Роджер и Питер шли по равнине между ручьем и Гребнем Крэгга, он постепенно рассеялся.

Они не торопились, потому что Мак-Кей полагался на слово Кассиди. Он знал, что рыжеволосый охотник за людьми не нарушит обещания: он просидит в хижине индейца Тома полных два часа и еще пять минут. С каждой уходящей секундой торжествующая радость в душе Веселого Роджера угасала и сме-

нялась привычной тоской одиночества и злостью на судьбу, которая сделала из Кассиди врага вместо друга. Но зато какого врага!

Роджер нагнулся и погладил косматую голову Питера.

— И почему только власти не поручили ловить нас кому-нибудь другому! — проворчал он.— Кому-нибудь, кто ненавидел бы нас и кого мы могли бы возненавидеть! Ну зачем им понадобилось назначать Кассиди — честнейшего в мире человека, хоть он и носит полицейский мундир? Вот мы и не можем нанести ему удар в спину, Хромуля, не можем разделаться с ним, даже если нам самим придется туго. А если он когда-нибудь упрячет нас в тюрьму и увидит, как мы сидим за решеткой, ему это будет нож острый, я знаю. И все-таки он это сделает, Питер, если сумеет. Это же его долг. А Кассиди честный человек, против этого не поспоришь.

Перед ними за равниной встала темная стена Гребня, и Веселый Роджер умолк, вглядываясь в темноту на востоке. Там в миле от них, за расселиной, точно глубокая борозда, рассекавшая Гребень, стояла хижина Джеда Хокинса, безмолвная и сумрачная в слабом свете звезд. А в хижине была Нейда. Он чувствовал, что она сидит у своего окошка, глядит в ночной мрак, думает о нем, и его неодолимо тянуло пойти туда. Но он повернул на запад.

— Мы ведь не можем рассказать ей, что случилось, дружок,— сказал он, повинуясь голосу благоразумия.— Пусть пока думает, будто мы ушли отсюда. Если Кассиди решит поговорить с ней, ее синие глаза могут нечаянно выдать нас, а потому лучше будет, чтобы она не знала, что мы прячемся в скалах Духовки. Ну, да авось она не попадется на глаза Кассиди. И наверное, так оно и будет, Хромуля, потому что, сдается мне, судьба хочет, чтобы перед уходом мы приструнили Джеда Хокинса.

Годы одиночества приучили его разговаривать вслух с существами, которые не могли ему ответить. Но даже во мгле Роджер чувствовал, что Питер по-своему понимает его.

Камни под ногами путников делались всё крупнее, их становилось все больше, потому они пошли медленнее, но все равно иногда спотыкались. Но, несмотря на темноту, они легко находили дорогу. Прежде Питер не раз дивился, зачем его хозяин так подробно исследует угрюмое нагромождение скал у дальнего конца Гребня. В этом бесплодном каменном лабиринте они не встречали ни единой живой твари, не видели ни единого стебелька травы. Все там было неприветливым, мертвящим и враждебным, словно застывшим в последней злой судороге. Теперь во мраке это ощущение еще усиливалось, и Питер старался держаться поближе к хозяину. Они поднимались всё выше, пробираясь между хаотических нагромождений камней, кружа по

обрывам, находя правильный путь больше наугад, но тем не менее неуклонно взбираясь вверх, к звездам. Больше Роджер Мак-Кей не заговаривал с Питером. Каждый раз, когда утесы не заслоняли неба, он искал в вышине на его темном фоне одинокий пик, который в мерцании звезд приобретал жуткое сходство с гигантским могильным камнем,— это была их путеводная веха. Они долго карабкались так среди скал, и Веселому Роджеру казалось, что шляпки гвоздей в подошвах его башмаков скрежещут о каменистую почву как-то особенно громко и зловеще. Но наконец они приблизились к вершине.

Они остановились на узкой песчаной площадке, со всех сторон укрытой громадами скал, и Роджер расстелил там свои одеяла. Потом он вышел из черной тени, такой густой, что мириады звезд, сверкавших над их головами, казались совсем близкими. Он опустился на камень и закурил, размышляя над тем, что принесет ему грядущий день и все другие дни, которые за ним последуют. Нигде в мире он не мог бы найти настоящий покой — разве после того, как его руки ощутят холод железных прутьев тюремной решетки и роковая игра будет сыграна до конца.

Сердце Веселого Роджера было свободно от разъедающей горечи злобы и жажды мести. Поэтому даже его заклятые враги — полицейские — стали называть Мак-Кея прозвищем, которое дали ему обитатели лесных дебрей. Он не питал ненависти к конной полиции. Как ни странно, эти блюстители закона даже нравились ему своим неоспоримым мужеством и закалкой. И к закону он тоже не испытывал ненависти. Скорее, он посмеивался над его гордым величием, ибо закон с глубочайшей серьезностью придавал важность всяким пустякам — ему самому, например. Служители этого закона, казалось, не знали ни сна, ни отдыха, пока не вешали человека или не сажали его за решетку, и их не интересовало, насколько горячо этот человек любит людей и жизнь. А Веселый Роджер любил и людей и жизнь. В глубине души он считал, что не совершил никакого преступления, восстановив справедливость, когда ее нельзя было восстановить иными средствами. Но он не отрицал, что закон он при этом нарушил. И он любил жизнь. Любил звезды, безмолвно сиявшие над его головой в эту ночь. Ему нравились даже безжизненные скалы вокруг, потому что они говорили его воображению о захватывающей и буйной жизни нашей планеты в дни ее юности. Нравился ему и исполненный жуткого величия могильный пик в вышине. Но больше всего он любил людей.

Однако даже больше них, больше собственной жизни и всего, что она сулила ему, он любил синеглазую девушку, которая пришла к нему из унылой хижины Джеда Хокинса.

Позабыв о своих преследователях, позабыв обо всем на свете, кроме нее, он наконец вернулся в тюремный мрак своего убе-

жища под скалами, и, после того как Питер выкопал себе уютную ямку в песчаном ковре, оба крепко уснули.

Проснулись они на рассвете. Но и в тот день, и в следующие два они покидали свой приют только ночью, да и тогда не выходили за пределы окружающих скал. Роджер назвал это место Духовкой, и оно вполне заслуживало такое название в полуденные часы и во вторую половину дня.

Тут было жарко — так жарко, что издали казалось, будто это нагромождение белых скал плавится и тает в раскаленном мареве июльского солнца. Веселый Роджер заверил Питера, что сюда не сунется ни человек, ни зверь — разве что сумасшедший или совсем уж несмышленая тварь. Тем, кто смотрел на их временное укрытие с зеленой равнины между Гребнем и лесом, оно вряд ли могло показаться особенно заманчивым. В незапамятные времена земля в видимом раздражении извергла из своих недр этот каменный хаос, и Веселый Роджер сообщил Питеру, что, по его мнению, Провидение в эту минуту, несомненно, пеклось именно о них, хотя оно задумало и осуществило извержение за сотню-другую тысячелетий до их появления на свет.

К вечеру третьего дня Веселый Роджер решил, что настало время действовать.

Весь день солнце с безоблачного неба палило по скалам Духовки из всех своих орудий. И даже теперь, на закате, над ними еще плавал и курился невыносимый зной. Огромные каменные массы накалились и обжигали кожу при случайном прикосновении, а воздух между их серо-белыми стенами казался густым и горячим, как дым.

Хотя с равнины Духовка и выглядела суровой и непривлекательной, тот, кто, не испугавшись солнечных ожогов, рискнул бы взобраться на господствовавший над ней утес, который вздымался на сотню футов вверх у конца Гребня, был бы вознагражден за свои старания. Внизу, уходя к дремучему лесу, простирались зеленые и золотистые луга, усеянные сверкающими озерами, которые нередко были обрамлены темной бархатистой зеленью сосен, кедров и елей. На полпути между подножием Духовки и этим пиком прятался скрытый от всех глаз тайник, который отыскали для себя Веселый Роджер и Питер.

Как ни накалялись окружающие скалы, там всегда веяло прохладой подземных пещер. Два огромных утеса сомкнули над ним свои плечи, точно два сказочных великана, образовав узкий сводчатый проход в человеческий рост высотой, куда не проникали солнечные лучи.

Когда Питер освоился с окружающей мертвенностью, он решил, что им тут живется не хуже, чем в хижине индейца Тома. Днем он с удовольствием валялся на мягком песке, а вечером

наслаждался тихим уединением их неприступной крепости. Он, разумеется, не понимал, что означало их бегство от Кассиди, но, руководимый инстинктом, охранял их убежище с неизменной бдительностью. Охранял от всех существ на свете.

От всех, кроме Нейды. Не раз он принимался тихо скулить, тоскуя по ней, почти как сам Роджер. И в этот третий вечер, когда жаркое июльское солнце уже почти касалось зубчатой полоски западного леса, Питер и его хозяин с одинаковой жадностью глядели на восток, туда, где за стеной Гребня Крэгга укрывалось жилище Джеда Хокинса.

— Мы скажем ей всё сегодня,— объявил наконец Роджер Мак-Кей с задумчивой решимостью.— Мы рискнем и расскажем ей всё.

Щетинистые баки Питера, торчавшие по сторонам его морды, как маленькие веники, сочувственно задергались, и он завилял хвостом, разметая песок. Питер, без сомнения, был величайшим лицемером, потому что неизменно притворялся, будто понимает все, что ему говорят, даже в тех случаях, когда не понимал ничего. И Веселый Роджер, не отводя взгляда от серой стены у выхода из их приюта, продолжал:

— Мы должны быть с ней честными, Хромуля. Скрывать от нее правду — преступление хуже убийства. Если бы она не была таким ребенком, Питер! Но ведь она еще маленькая девочка, самая милая и чистая душой, и нельзя ее дольше обманывать, как бы мы ни любили ее, Питер. А мы ее любим, Питер, больше всего на свете.

Питер лежал не двигаясь и наблюдал за непривычно угрюмым лицом Веселого Роджера.

— Мне придется сказать ей, что я грабитель с большой дороги,— добавил Роджер после недолгого молчания.— И она этого не поймет, Питер. Не сумеет понять. Но все равно я ей скажу. И сделаю это сегодня же. А потом... думаю, мы очень скоро отправимся на Север, Хромуля. Если бы не Джед Хокинс...

Он поднялся с песка и сжал кулаки.

— Все-таки нам следовало бы убить Джеда Хокинса перед уходом. Так было бы безопаснее для нее,— докончил он.

Забыв про Питера, Роджер вышел из их убежища и стал подниматься по каменной осыпи, пока не взобрался на верх громадной скалы. Там он остановился и устремил взор на необъятную глушь Севера. Перед ним на сотню... на пятьсот... на тысячу миль раскинулся его край. Да, там был его дом — от Гудзонова залива до Скалистых гор, от Водораздела до арктической тундры, и там он жил полной жизнью, следуя только своему собственному кодексу. Он знал, что любит жизнь так, как не многим дано ее любить. Он поклонялся солнцу, луне и звез-

дам — всему этому миру, где было так хорошо жить, хотя ему самому непрерывно грозила гибель.

Но теперь, когда он стоял озаренный лучами заходящего солнца, его сердце исполнилось безысходной тоской. На мгновение ему улыбнулось счастье, и поэтому он лгал — лгал тем, что молчал. Он не сказал приемной дочери Джеда Хокинса, что он разбойник и пришел в эти обжитые места, рассчитывая, что тут королевская конная полиция не догадается его искать. И сегодня вечером он, вероятно, увидит ее в последний раз в жизни. Он скажет ей правду. Он скажет ей, что его разыскивает полиция всего канадского Севера. И в эту же ночь он отправится с Питером к Голым Землям, лежащим отсюда за тысячу миль. Он знал, что не отступит от принятого решения, знал, даже несмотря на то, что темная полоса леса растаяла, заслоненная бледным девичьим лицом с васильковыми глазами и каштановыми кудрями, полными солнечного блеска,— лицом, дороже которого для него не было ничего. Да, он был уверен в себе, как ни искушало его это видение. Он был разбойником, за ним гналась полиция, но...

Питера продолжала тревожить мрачность хозяина. Когда смерклось и в долине сгустилась мгла, Мак-Кей начал выбираться из скалистого лабиринта. Через час они уже осторожно шли по темной расселине, рассекавшей Гребень. В хижине горел огонь, но окошко Нейды было темным. Питер припал к земле, повинуясь ладони Роджера, которая предостерегающе легла на его спину.

— Я пойду один,— сказал Роджер.— Жди меня тут.

Питеру казалось, что он ждал в темноте очень долго. Он не слышал тихого «тук-тук-тук», когда пальцы его хозяина легко забарабанили по стеклу темного окошка. Но и Роджер не услышал никакого ответа на свой сигнал, только в соседней комнате кто-то продолжал говорить глухим, монотонным голосом. Он простоял под окном Нейды полчаса, время от времени вновь постукивая по стеклу. Наконец дверь внутри комнаты открылась, и на фоне светлого прямоугольника появилась фигура Нейды.

Мак-Кей снова тихонько постучал по стеклу, и девушка быстро захлопнула дверь. Через секунду она была уже у чуть приоткрытого окошка.

— Мистер... Роджер,— прошептала она,— это вы?

— Да,— ответил он, отыскав в темноте ее руку.— Это я.

Рука девушки была совсем ледяной, и пальцы сжали его руку так, словно Нейда была чем-то испугана. Питер, устав ждать, тихонько подкрался к ним и услышал почти беззвучный, срывающийся шепот Нейды. Что-то в ее тоне и в напряженном ответе Веселого Роджера приковало его к месту, и он насторожил уши, чутко вслушиваясь в ночь. Он простоял так несколько

минут, потом шепот у окошка смолк, и он услышал, что его хозяин осторожно уходит. Когда они добрались до расселины, Веселый Роджер заговорил, не подозревая, что Питер был у самого окна. Оглянувшись на бледное пятно света, он сказал, обращаясь не столько к Питеру, сколько к самому себе:

— Что-то произошло там сегодня вечером. Она не захотела ответить мне, что именно. Но все равно я почувствовал что-то неладное. Жаль, я не видел в темноте ее лица.

Роджер зашагал по лугу и, словно спохватившись, что ничего не объяснил Питеру, снова заговорил:

— Сегодня она не могла уйти, Хромуля, но она придет к нам в ельник завтра к вечеру. Делать нечего, надо ждать.

Роджер пытался говорить бодрым тоном, но оттого, что он твердо решил во всем признаться Нейде и уйти из этих мест, этот срок казался ему невыносимо длинным. Почти всю ночь он расхаживал по прохладным лугам, а потом долго сидел в душистой глубине густого ельника, где у Нейды был тайник. Питер вскоре обнаружил скрытый от Роджера густой тенью небольшой узел, который был весь пропитан теплым и милым запахом Нейды. Узелок был спрятан под кустом и тщательно укрыт лапником и травой. Уходя из ельника, Мак-Кей никак не мог понять, почему Питер последовал за ним, только повинуясь его настойчивому оклику.

В Духовку они вернулись, когда уже начало светать, и первую половину дня Веселый Роджер проспал в своем убежище. Под вечер они в последний раз поужинали там. Затем Мак-Кей взобрался почти к самому пику и закурил трубку, ожидая той минуты, когда удлинившиеся вечерние тени скажут ему, что настало время идти на место свидания.

Он перевел взгляд на тайник под утесами, чтобы посмотреть, что поделывает Питер. Но ложбинка в песке была пуста, и Питера нигде не было видно.

Глава VII

Питер отправился разгадывать тайну узелка, который он нашел в ельнике.

У подножия кряжа, там, где зелень равнины вступала в неравный бой с раскаленным боком Духовки, он остановился и долго медлил. Блестящие глаза щенка под жесткими кудряшками внимательно оглядывали и небо и землю; потом, слегка прихрамывая — эта ковыляющая походка навсегда осталась напоминанием о жестокости Джеда Хокинса,— он затрусил в ту сторону, где находилась хижина бутлегера.

Приближаясь к каменистому ущелью, где он так мужественно

защищал Нейду и где Джед Хокинс переломал ему кости, Питер подумал о бутлегере и злобно прижал уши. И вдруг в то самое мгновение, когда Питер инстинктивно замер, прислушиваясь, из ущелья вышел Джед Хокинс, держа в одной руке темную бутыль, а в другой — тяжелую дубинку. Его единственный глаз свирепо поблескивал в красноватом свете заходящего солнца. Поравнявшись с камнем, за которым прятался Питер, бутлегер замедлил шаги, и его худая небритая физиономия расплылась в злорадной усмешке. Питер оскалил зубы и весь напрягся. Хокинс пошел дальше, но Питер продолжал лежать неподвижно, выжидая, чтобы бутыль, дубинка и мужчина скрылись из виду.

Он глухо ворчал, когда продолжил свой путь. В его сердце пылало жгучее пламя ненависти. Затем он повернулся и нырнул в ельник, клином вдававшийся в луга. Несколько секунд спустя Питер выбрался на крохотную полянку, где какая-то пичуга весело распевала свою вечернюю песню.

Питер шел вдоль самой опушки, по брюхо утопая в лютиках и огнецветах, а его лапы давили спелые ягоды земляники, которая алела повсюду. Потом он с виноватым видом пробрался сквозь ширму молоденьких елок и увидел Нейду, которая вытирала пальцы, покрасневшие от земляничного сока. Ее алые губы тоже были вымазаны соком, а когда она с радостным криком поманила Питера к себе, он заметил, что к ее раскрасневшейся щеке прилип кусочек ягоды. Но Нейда уже не смотрела на Питера, и вся ее тоненькая фигурка трепетала от непонятного ему волнения: девушка оглядывалась по сторонам, ожидая увидеть Веселого Роджера.

Питер подошел к ней, положил голову ей на колени и, поглядев вверх, сквозь щетинистые брови увидел под волной каштановых кудрей лиловатый синяк там, где накануне не было никаких следов ушиба. Руки Нейды притянули его поближе, она прижалась подбородком к его голове, и ее густые блестящие волосы опутали его со всех сторон. Питеру ее волосы нравились почти так же, как Веселому Роджеру,— он закрыл глаза и удовлетворенно вздохнул, нежась в их душистой тени.

— Питер,— прошептала она,— знаешь, я боюсь увидеться с ним сегодня. Я ведь обещала ему... ты помнишь, я обещала сказать ему, если Джед Хокинс ударит меня еще раз. А он ударил! Видишь этот синяк? Если Веселый Роджер узнает, он его убьет. Мне нужно придумать что-нибудь... сказать неправду...

Питер завозился у нее на коленях, показывая, что это ему очень интересно, и его сильный хвост застучал по земле. Нейда замолчала, и он слышал и чувствовал, как бьется ее сердце совсем рядом с ним. Потом Нейда подняла голову и посмотрела туда, где, по ее расчетам, должен был показаться между елками Веселый Роджер. Питер, щурившийся от удовольствия, не заметил

и не почувствовал перемены, происшедшей с ней за этот день,— в ее синих глазах появился новый блеск, щеки горели румянцем и вся она трепетала от тревожного волнения. Даже Питеру не открыла она своей тайны и продолжала ждать, прислушиваясь, не идет ли Роджер, а когда наконец раздались его шаги и он вышел из-за елочек, краска на ее щеках могла бы соперничать с алым соком земляники на кончиках ее пальцев. Веселый Роджер, едва взглянув на нее, увидел то, чего не видел Питер, и замер на месте, а сердце его застучало, как молот. Никогда еще, даже во сне, он не видел Нейду такой красивой, никогда еще она не глядела на него таким взглядом, никогда еще ее алые губы не говорили ему так много, не произнося ни единого слова. И тут же он заметил лиловый синяк, полуприкрытый каштановой прядью, а потом небольшой узел позади нее под кустом шиповника. Но он вновь перевел взгляд на синяк.

— Джед Хокинс тут ни при чем,— сказала Нейда, догадываясь о его мыслях.— Это его жена. А ее вы убить не можете,— добавила она с некоторым вызовом.

Роджер заметил, как судорожно дернулось ее горло, и понял, что она солгала. Но тут Нейда сняла голову Питера со своих колен и вскочила на ноги. Она стояла перед Веселым Роджером на этой лесной прогалинке, где шелковистая трава пестрела фиалками, лютиками и красной земляникой, и он подумал, что теперь она выглядит не маленькой девочкой, а взрослой девушкой. Позади над их головами запела пичуга, но Нейда не слышала ее звонкой песенки. Жаркий румянец на ее щеках вдруг сменился прежней бледностью, стиснутые руки задрожали, но синева в ее глазах, когда она поглядела на Веселого Роджера, оставалась такой же ясной, как синева неба.

— Я больше не вернусь к Джеду Хокинсу, мистер Роджер,— сказала она.

Легкий ветерок приподнял прядь на ее лбу, совсем открыв след жестокого удара, и Нейда увидела в глазах Веселого Роджера тот холодный, стальной блеск, который всегда пугал ее. Он стиснул кулаки, и, положив ладонь ему на руку, Нейда почувствовала под материей вздувшиеся тугие бугры его мышц, твердых, как древесина березы. И, несмотря на страх, она ощутила гордость при мысли, что стоит ей сказать слово — и он убьет того, кто ее ударил. Она тихонько провела рукой по его локтю, ее глаза потемнели, уголки губ жалобно вздрогнули, и, посмотрев ему прямо в лицо, она повторила:

— Я больше туда не вернусь.

Веселый Роджер понял, что означал узелок под кустом шиповника. Он встретил ее решительный взгляд, и ему показалось, что его сердце сейчас разорвется. Он попытался ослабить напрягшиеся мышцы. Он попытался улыбнуться. Он попытался

собраться с духом, чтобы открыть ей все. А Питер, усевшись в гуще фиалок, смотрел на них во все глаза и старался понять, что происходит.

— И куда же ты пойдешь? — спросил Веселый Роджер.

Пальцы Нейды добрались почти до его плеча. Они нервно мяли бумазею его рубашки, но она ни на мгновение не опустила глаз, и Роджер прочел в них ответ до того, как она сказала:

— Я пойду с вами и с Питером.

Роджер отпрянул от нее с придушенным криком, походившим на всхлипывание. Он отвел взгляд и попробовал смотреть на Питера, но бледное лицо Нейды, дрожащие губы, широко открытые чудесные глаза и волосы, которыми играл ветерок, заслоняли от него все. Это была уже не маленькая девочка, которой «пошел восемнадцатый год»,— для Роджера Мак-Кея это была единственная женщина на земле.

— Тебе нельзя идти с нами! — воскликнул он с отчаянием.— Я пришел, чтобы сказать тебе все. Я недостоин твоего доверия. Я ведь совсем не тот, за кого ты меня принимаешь. Я обманывал...

Он умолк в нерешительности, но заставил себя продолжать:

— Ты возненавидишь меня, Нейда, когда узнаешь правду. Ты считаешь Джеда Хокинса плохим человеком. Но в глазах закона я еще хуже. Меня разыскивает полиция. Я скрываюсь уже несколько лет. Вот почему я пришел сюда и укрылся в хижине индейца Тома... возле которой повстречал тебя. Я думал, что тут меня не найдут, но они напали на мой след. Вот почему мы с Питером прятались в скалах у конца Гребня. Я... я разбойник. Я совершил много такого, что закон считает преступлением, и, скорее всего, я умру от пули или в тюрьме. Я хотел бы, чтобы все было по-другому, но что толку в сожалениях! Я бы жизнь отдал за то, чтоб сказать тебе, что у меня на сердце. Но я не могу. Это будет не по-честному.

Роджер недоумевал, почему ее взгляд нисколько не изменился, когда он открыл ей правду. Ее щеки вновь порозовели, губы стали еще алее — его слова как будто совсем не удивили и не испугали ее.

— Разве ты не понимаешь, Нейда? — вскричал он.— Я плохой человек. Меня разыскивает полиция. Я беглец, я прячусь от полиции...

Нейда кивнула.

— Я знаю, мистер Роджер,— ответила она спокойно.— Я слышала, как вы давным-давно рассказывали об этом Питеру. И мистер Кассиди приходил к нам на другой день, после того как вы с Питером убежали из хижины индейца Тома, а я проводила его к отцу Джону, и он рассказал мне про вас очень много

и еще больше отцу Джону... И я вас стала еще больше уважать, мистер Роджер, и хочу уйти отсюда с вами и с Питером.

— Уважать?! — ахнул Роджер.— Меня?

Она снова кивнула.

— Мистер Кассиди — ну, этот полицейский — сказал то же самое, что вы только что сказали. Он сказал, что вы всегда поступаете по-честному, даже когда грабите. Он сказал, что постарается арестовать вас, если сумеет, но только ему будет очень жаль. Он сказал, что хотел бы иметь такого друга, как вы. И Питер вас очень любит. И я...— Ее щеки запылали.— Я пойду с вами и с Питером,— закончила она решительным тоном.

Тут маленькое происшествие пришло на помощь совсем растерявшемуся Роджеру: Питер, рыскавший в густой траве, вспугнул огромного кролика, и они, как горный обвал, пронеслись по ельнику под звонкий лай Питера, то и дело срывавшийся на визгливое щенячье тявканье. Веселый Роджер отвернулся от Нейды и стал смотреть им вслед. Но он ничего не видел. Он знал, что настала минута самого рокового решения в его жизни. За годы отчаянных приключений и странствий он не раз встречался лицом к лицу со смертью. Он голодал. Он замерзал в снежных пустынях. Он выходил победителем из жестоких схваток со стихией, зверем и человеком. Но он ни разу не изведал ничего равного борьбе, которая шла теперь в его душе. Его сердце стучало, мысли неслись хаотическим вихрем, он тщетно старался совладать с собой, и все это время, пока его глаза смотрели вслед кролику и Питеру, давно скрывшимся из виду, голос Нейды за его спиной повторял, что она пойдет с ним и с Питером. За эти секунды он понял, что не устоит, и от продуманного плана действий не осталось ничего. Он признался во всем, но та, кого он обожал, нежная и чистая, как лесной цветок, упрямо хотела разделить его судьбу. И все в нем кричало: «Обернись, протяни к ней руки, не разлучайся с ней, пока будешь свободен и жив!»

И все же он сопротивлялся этому властному призыву, по крупице собирая благоразумие и чувство долга, а Нейда глядела на него широко открытыми, детски прекрасными глазами и впервые догадывалась о терзаниях, разрывавших сердце этого человека, который был разбойником, но для нее — лучшим из людей. Когда Веселый Роджер повернулся к ней, его лицо постарело и стало серым, как камень, глаза потускнели и в голосе была глухая безнадежность.

— Тебе нельзя идти с нами,— сказал он.— Нельзя! Из этого не получится ничего хорошего. Я не смогу заботиться о тебе, когда попаду в тюрьму. А мне ее не миновать!

Много раз, когда она говорила о Джеде Хокинсе, он видел

в ее глазах синее пламя. Теперь оно вновь вспыхнуло, и руки Нейды сжались в кулачки.

— Нет! — крикнула она.— Этого не будет. Я не дам, чтобы вы попали в тюрьму. Только позвольте мне пойти с вами и с Питером.— Она шагнула к нему.— А если я останусь здесь, Джед Хокинс продаст меня в жены человеку, который поставляет шпалы железной дороге. Да, продаст. Я прежде вам про это не говорила, потому что боялась, как бы вы не сделали чего-нибудь отчаянного. Но оно так и будет, если вы не позволите мне пойти с вами и с Питером. Мистер Роджер, ну, пожалуйста...

Ее пальцы опять прокрались к его плечу. Синие глаза, в которых отражалась вся ее смелая, благородная душа, были совсем близко от его глаз, но тут же они затуманились, в них блеснули слезы.

— Я пойду за вами всюду,— шептала она.— Мы спрячемся, и нас никогда не найдут. Я буду так счастлива, так счастлива, мистер Роджер... А если вы меня не возьмете, мне легче умереть...

Она тихо плакала, положив голову ему на грудь, обхватив его шею худенькими руками, а Веселый Роджер с жадностью скупца ловил каждое слово, срывавшееся с ее губ вперемешку со всхлипываниями. И внезапно буря в его сердце улеглась, колебания кончились, на смену им пришли радость и счастливое, гордое сознание новой ответственности. Обняв Нейду, он повернул к себе ее лицо и в первый раз поцеловал нежные алые губы, которые по какой-то непонятной причине судьба вверила ему с этого дня.

Все еще не разжимая объятий, все еще чувствуя на шее ее руки, он сказал негромко:

— Ты пойдешь с нами, девочка. Пойдешь со мной и с Питером и навсегда останешься с нами. А уйдем мы сегодня же вечером.

Когда Питер вернулся на полянку, его хозяин стоял там один, а Нейда уже шла по золотящемуся в закатном свете большому лугу к расселине в Гребне Крэгга, которая вела к хижине Джеда Хокинса. Однако Питер нашел на поляне совсем не того Веселого Роджера, которого оставил там всего полчаса назад, с которым прятался среди скал. Роджер Мак-Кей, стоявший перед ним на фоне оранжевого неба, больше не был нарушителем закона и отщепенцем. Он молчал, но все его существо пело от счастья, так гармонировавшего с бесконечной прелестью этого летнего вечера. На всей земле не нашлось бы человека, с которым он согласился бы поменяться местами, и он не отдал бы своего счастья за счастье всех остальных людей в мире, вместе взятых. Он заговорил, а Питер, высунув красный язык, свернулся у его ног и принялся слушать.

— Она меня любит, любит, любит,— повторял Роджер, так что в конце концов Питер насторожил уши, силясь понять, что могло бы означать это слово.

Тут Веселый Роджер заметил Питера, рассмеялся и нагнулся к нему, а на его лице блаженное выражение боролось с недоумением.

— Она пойдет со мной... с нами! — воскликнул он с мальчишеским восторгом.— Вмешалась судьба, Хромуля, и она пойдет с нами. Мы уйдем сегодня вечером, как взойдет луна... И... Питер, Питер! Мы сразу пойдем к миссионеру, и он нас обвенчает, а потом мы отправимся на поиски такого места, где нас никто и никогда не разыщет. Пусть за нами гонится полиция, но нас любят, Хромуля. И мы постараемся быть достойными этого. Слышишь, Питер?

Он расправил плечи и повернулся к западу. Потом подхватил узелок Нейды и нырнул в ельник, а Питер затрусил за ним. Они быстро прошли по темнеющим лугам и, добравшись до Духовки, вскоре были уже в своем убежище под плечами двух сказочных великанов. Там еще чуть брезжил свет, и, воспользовавшись этим, Роджер Мак-Кей быстро собрал свои пожитки, а потом благоговейно развязал узел Нейды и с нежностью уложил ее вещи в свой заплечный мешок. Все это время он что-то негромко говорил, и Питеру казалось, что его хозяин напевает какую-то песню.

Когда совсем смерклось, они выбрались из скал на луга и через полчаса уже миновали расселину и укрылись в чернильно-черной тени большой скалы в нескольких десятках шагов от хижины Джеда Хокинса. Тут после восхода луны к ним должна была присоединиться Нейда.

Кругом стояла глубокая тишина, и Питер, понимавший, что нарушать ее не следует, улегся на землю, поглядывая то на освещенное окно хижины, то на смутный силуэт своего хозяина.

Он чувствовал, что где-то в отдалении собирается гроза. Ее дыхание уже ощущалось в воздухе, хотя в небе еще не было ни единого облачка и только чуть заметная сизая дымка заставляла тускнеть сияние звезд. Веселый Роджер считал про себя минуты, оставшиеся до восхода луны. Ему чудилось, что прошли часы, но вот наконец на востоке показался ее золотистый край. Вскоре все кругом наполнилось тенями. Предметы обретали странные, непривычные формы. Как далекие сигнальные огни, замерцали вершины скал. Черные сосны, ели и кедры теперь отливали серебром. А луна поднималась все выше, ее бледные лучи лились в долины и на луга, танцевали на верхушках деревьев, преображая давно знакомый пейзаж, превращая его в сказочную страну.

Веселый Роджер не спускал глаз с огонька в хижине и на-

прягал слух, ожидая, что вот-вот раздадутся легкие шаги.

Но по-прежнему все было тихо. Лампа продолжала спокойно гореть. Дверь оставалась закрытой. Он слышал только шелест поднявшегося ветра, крики ночных птиц да завывание старого волка, который всегда выл на луну в болотной чаще за лачугой индейца Тома.

Веселого Роджера охватила тревога. Луна давно взошла, а он по-прежнему ждал — полчаса, три четверти часа, час... Нейда все не шла. Его тревога росла, и он начал осторожно пробираться ближе к хижине, прячась в тени Гребня, пока не оказался в кедровнике у заднего крыльца. Питер шел за ним по пятам, бдительно следя за тем, чтобы ненароком не наступить на сухую ветку. Они приблизились к хижине, и тут Роджер Мак-Кей ясно расслышал тихие протяжные стоны.

Он прокрался к окну и заглянул внутрь.

На полу возле стула сидела, скорчившись, жена Джеда Хокинса. Она стонала, раскачиваясь из стороны в сторону, прижав к худой груди костлявые руки, и смотрела на открытую дверь. И вдруг Веселый Роджер понял, что, кроме плачущей старухи, в хижине никого нет. Его оледенил страх, и еще прежде, чем страх этот принял конкретную форму, Роджер уже вбежал в хижину. Женщина уставилась на него покрасневшими от слез, безумными глазами, но стонать перестала и медленно разжала руки. Веселый Роджер нагнулся к ней и невольно вздрогнул, заметив дикий ужас, исказивший ее морщинистое лицо.

— Где Нейда? — спросил он зло.— Скажи мне, где она?

— Нет ее, нет, нет...— забормотала старуха, снова стискивая руки на груди.— Джед увел ее... за железную дорогу... к Муни. О господи!.. Я хотела ему помешать, да где там... Он поволок ее за собой и сегодня выдаст ее за Муни, поставщика шпал... продаст этому злобному дьяволу, зверю...

Она захлебнулась от рыдания, застонала и снова принялась раскачиваться. Мак-Кей схватил ее за плечо.

— Где живет Муни? — крикнул он.— Говори скорее!

— Тысячу... тысячу долларов он обещал, если получит ее в жены,— глухо и нараспев сказала она.— Вон та тропа ведет прямо к его дому. За железной дорогой. В миле отсюда. А может, в двух. Я его отговаривала, а он и слушать не стал... не стал...

Веселый Роджер больше не слышал ее голоса. Он стремглав бежал через вырубку, и Питер мчался за ним. Они выбрались на тропу, и Веселый Роджер побежал еще быстрее. Он напрягал память, вспоминая, что именно Нейда говорила ему про Джеда Хокинса и поставщика шпал. Два часа назад на полянке среди елей он не обратил внимания на ее слова, решил, что вечный страх перед Джедом Хокинсом внушил ей мысль, будто тот

задумал выдать ее замуж насильно,— слишком уж это было бы чудовищно... У него вырвался хриплый крик: Хокинс и Нейда уже давно должны были дойти до жилища Муни — Нейда во власти этих негодяев, в уединенной хижине, где никто не придет к ней на помощь...

Питер, бежавший позади, заскулил, услышав хриплый стон Роджера. А в небе над ними по-прежнему светила луна, но теперь все чаще по ее бледному диску проносились темные облака, и время от времени раздавался глухой рокот далекого грома. Внезапно луну заволокла черная туча, и Роджер с Питером продолжали бежать в полной тьме. Потом так же внезапно мрак рассеялся, луна вновь выплыла из-за тучи, озарив дорогу... и Роджер вдруг встал как вкопанный, а его сердце чуть не выпрыгнуло из груди.

К ним навстречу, пошатываясь и рыдая, шла Нейда. Ее волосы растрепались и рассыпались по плечам и груди, платье было разорвано, и в ярком лунном свете там, где рукав был оторван, белело обнаженное плечо. Она увидела Роджера, который протягивал к ней руки, и с криком — никогда еще Питер не слышал, чтобы подобный крик срывался с ее губ,— кинулась к нему. В ее глазах, сухих, горящих, огромных, Роджер прочел трагический ужас, но это было не то, чего он ждал. Он прижал ее к груди, почувствовал прикосновение ее горячих губ.

— Он... он отвел тебя к Муни?

Роджер почувствовал, как по ее телу прошла дрожь.

— Нет! — задыхаясь, сказала она.— Я отбивалась... Всю дорогу. Он тащил меня, бил, порвал мне платье, а я все отбивалась. Там дальше... на дороге... он решил, что я обессилела, и повернулся... а я ударила его камнем. И он упал, и лежит теперь там... на спине...

Она не договорила, Веселый Роджер отодвинул ее от себя на длину руки. Луну опять закрыла туча, и Нейда не видела его лица. Он сказал глухо и яростно:

— Нейда, иди скорее к миссионеру.— Он сделал над собой усилие, стараясь говорить спокойно.— Возьми с собой Питера и иди. Ты успеешь добраться туда до грозы. А я пойду поговорить с Джедом Хокинсом — с глазу на глаз. Потом я приду за тобой, и миссионер нас обвенчает.

Луна выплыла из-за тучи, и он увидел на лице Нейды радостную улыбку. Страх исчез, в глазах играли золотые огоньки. Он снова привлек ее к себе и поцеловал, а ее пальцы гладили его лицо, и она тихо и счастливо смеялась.

Но Роджер настойчиво повторил, что ей надо идти.

— Поторопись, девочка,— сказал он.— Поторопись, а не то тебя застигнет гроза.

Нейда ушла, негромко кликнув Питера, а Мак-Кей быстро

К стр. 536

зашагал дальше по тропе, ни разу не оглянувшись и думая только о том, как он рассчитается в эту ночь с двумя гнуснейшими негодяями. Он испытывал незнакомое ему прежде желание убивать. Еще немного — и он разделается с Хокинсом и Муни, как Хокинс разделался с Питером. Нет, убивать он их не станет, но искалечит их, переломает им все кости, чтобы они надолго запомнили этот урок!

И тут во вновь наступившей тьме он обо что-то споткнулся. Он остановился и, когда облако пронеслось, увидел на земле у своих ног лицо Джеда Хокинса. Оно был страшно искажено, единственный глаз был закрыт. Хокинс не шевелился, а возле его затылка лежал камень, брошенный Нейдой.

Веселый Роджер угрюмо усмехнулся — волей судьбы первая половина его работы была ему облегчена. Но бить человека, лежащего без сознания, он не мог. Роджер пнул неподвижное тело.

— Вставай, мерзавец! — сказал он.— Я переломаю тебе кости, как ты переломал их Питеру и этой бедной старухе! Вставай!..

Джед Хокинс не пошевелился. Его тело совсем обмякло. Роджер стоял и смотрел на него, и с каждой секундой его глаза расширялись, а взгляд делался все более растерянным. Снова стало темно. Но теперь это был чернильный, непроницаемый мрак, словно над миром захлопнулась подвальная дверь. С запада донесся сильный раскат грома. Верхушки деревьев испуганно зашептались. Но Веселый Роджер слышал только стук собственного сердца. Он опустился на колени и начал ощупывать тело Джеда Хокинса. Даже Питер не уловил бы в эту минуту звука его дыхания.

Он выпрямился, и ночная тьма, в это мгновение застывшая в безмолвии, услышала единственное хриплое слово, сорвавшееся с его губ:

— Мертв!

Жаркая ярость в его душе сменилась леденящим ужасом, сердце налилось свинцовой тяжестью, он задыхался. Джед Хокинс был мертв! Тело его стыло на темной тропе. Он превратился в бездыханный труп, и ветер, предвестник бури, стонал и причитал над ним, а одинокий волк на болоте выл особенно тоскливо, будто чуял мертвеца.

Ногти Роджера Мак-Кея впились в ладони. Если бы он убил эту гадину в человеческом облике, если бы мстителем был он сам, он не испытывал бы этого жуткого всепроникающего страха, который теперь сковал его во мраке. Но он опоздал. Джеда Хокинса убила Нейда. Нейда, чья душа в этот день распустилась от дуновения счастья, как цветок, лишила жизни своего приемного отца. А закон Канады не признавал никаких смягчающих обстоятельств, когда дело касалось убийства.

Холодная дрожь пробежала по телу Роджера, оледенила его пальцы, и бессознательно он всхлипнул сквозь стиснутые зубы, как ребенок. Раскаты грома становились всё громче и ближе, в них чудилась угроза, беспощадное обещание неотвратимой и тяжкой расплаты. Роджер почувствовал удар ветра, и в тот же миг что-то мягко ткнулось в его ногу и раздалось недоуменное повизгивание. Это был Питер — Питер вернулся к нему в ту минуту, когда он больше всего нуждался в ободрении. Застонав, Мак-Кей снова опустился на колени и притянул Питера к себе.

— Господи! — прошептал он хрипло.— Питер, она убила его. Но нельзя, чтобы она об этом узнала. Мы должны скрыть это от всех...

Он умолк, и Питер почувствовал, что тело его вдруг окаменело. Веселый Роджер долго казался таким же безжизненным, как человек, лежавший навзничь на тропе возле него. Потом он, порывшись в кармане, нашел карандаш и старый конверт. На конверте в темноте, такой густой, что он не видел собственной руки, он написал: «Джеда Хокинса убил я», а потом полностью подписался: «Веселый Роджер Мак-Кей».

Затем он подсунул конверт под тело Джеда Хокинса так, чтобы на него не попал дождь, и, чтобы в уликах не было недостатка, накрыл лицо мертвеца своей курткой.

— Мы должны это сделать, Питер,— сказал он новым, незнакомым голосом и встал на ноги.— Мы должны это сделать... ради нее. Мы скажем ей, что догнали Джеда Хокинса и прикончили его.

К нему вернулись обычный ум, хитрость и осторожность. Он оттащил труп бутлегера на другое место, повернул его лицом вниз, отбросил подальше роковой камень и взрыхлил ногами землю, чтобы создать видимость драки.

Когда он кончил и вернулся к Питеру, то, как ни черно было у него на душе, в голосе его звучало торжество.

— Возможно, мы не всегда поступали хорошо, Хромуля,— сказал он,— но сегодня мы, пожалуй, искупили некоторые свои грехи. И если нас повесят, что, возможно, рано или поздно случится, нам, думается, будет легче оттого, что сделали мы это ради нее. А, Хромуля?

На несколько мгновений из-за туч показалась луна и осветила смертельно бледное лицо Веселого Роджера. На его губах играла странная холодная улыбка, а глаза глядели прямо перед собой — глаза человека, который принес себя в жертву ради той, которая была ему дороже всего на свете.

Когда Роджер, пройдя три мили, добрался до вырубки, на краю которой у самого леса стояла хижина миссионера, луна по-прежнему лишь изредка выглядывала из-за черных туч. Гроза еще не разразилась и словно накапливала силы, чтобы с

бешенством обрушиться на мир. Гром глухо ворчал, и редкие вспышки молний свидетельствовали о том, что небесные стихии притаились в засаде.

Вырубка скрывалась под покровом непроницаемой тьмы, в которой светилось единственное желтое пятно — окно в хижине миссионера. Застыв, точно каменное изваяние, Веселый Роджер несколько минут смотрел на этот светлый квадрат. Его сердце было мертво, дух сломлен, мечты развеялись как дым. Теперь ему остался только рассудок, твердая решимость выполнить задуманное и любовь, которая из источника радости стала источником смертной муки. Он глядел прямо перед собой, сознавая, что у него нет выбора. Никакого. И никакой надежды. Ничто не могло изменить случившегося. Перед ним был только один путь.

Когда человек жертвует жизнью ради родины или во имя великой любви, в этом есть непередаваемое величие и мощь. Вот почему у Веселого Роджера нашлись силы пересечь темную вырубку, постучать в дверь и войти в освещенную комнату, где его ждали Нейда и седенький старичок миссионер.

Тревога и страх на лице Нейды тотчас сменились счастливой улыбкой, и, не замечая странной перемены в своем любимом, он бросилась к нему, как тогда на тропе. Веселый Ролжер обнял ее, но на этот раз нежно и бережно, точно ребенка, которому он боялся причинить боль. Губы, коснувшиеся ее щеки, были холодны как лед, и Нейда испуганно посмотрела ему в глаза. И опять, как тогда на тропе, Веселый Роджер отстранил ее и повернулся к миссионеру. Холодно и сурово он рассказал ему о том, что произошло с Нейдой в этот вечер, — о том, как Джед Хокинс попытался осуществить свой жестокий план и продать ее Муни. Потом он вытащил из внутреннего кармана маленький кожаный бумажник и протянул его старичку.

— Тут почти тысяча долларов,— сказал он.— Это мои деньги. Я даю их вам для Нейды. Оставьте ее у себя, позаботьтесь о ней и, может быть, потом...

Нейда обеими руками вцепилась в его локоть. Ее глаза стали огромными. По лицу разлилась бледность, и она прерывающимся голосом сказала:

— Я пойду с вами. Я пойду с вами... и с Питером!

— Нет,— сказал он.— Теперь это невозможно. Я уйду один, Нейда. Я догнал Джеда Хокинса... и убил его.

Над хижиной раздался оглушительный удар грома, и пол под их ногами задрожал. Веселый Роджер указал на дверь в перегородке и попросил:

— Отец Джон, оставьте нас с ней вдвоем... на одну минуту...

Старичок миссионер, сжимая в руке бумажник, кивнул и вышел в соседнюю комнату. Закрывая за собой дверь, он увидел, что Роджер Мак-Кей протянул руки к Нейде, и она бросилась в

его объятия. И тут разразилась буря. На крышу обрушились потоки дождя. Стихии сорвались с узды, гром гремел не переставая, и ночь казалась еще чернее от белесых вспышек молний. Миссионер стоял в темноте, прислушиваясь к реву бури,— маленький седой старик, видевший на своем веку много человеческих трагедий, умевший только жалеть и молиться. И сейчас он просил бога просветить его. Минуты шли. Пять... Десять... Вдруг рев бури на мгновение сделался еще оглушительнее, но тут же стал прежним, и старичок понял, что входная дверь открылась и закрылась.

Он заглянул в соседнюю комнату. Нейда лежала, скорчившись, на полу, рассыпавшиеся каштановые пряди скрывали от его взгляда ее лицо и руки. Питер стоял у двери. Миссионер подошел к девушке, наклонился к ней и, ласково обняв за плечи, попробовал утешить ее: он говорил ей, что надо уповать на милосердие божье, а вокруг хижины гремела гроза...

Веселый Роджер Мак-Кей, наклонив голову навстречу ударам бури, уходил все дальше от хижины, где осталось его сердце. Он шел на Север.

Глава VIII

Дверь, за которой исчез его хозяин, захлопнулась перед носом Питера, и он напрасно ждал, не раздадутся ли за ней снова знакомые шаги,— до его слуха доносился лишь шум дождя да грохот грома. Незнакомое чувство жгло его, заставляло дрожать, разливалось огнем по жилам. Говорят, собака иногда распознает неслышное приближение смерти, и тот же самый инстинкт подсказывал Питеру, что в эту ночь случилось нечто страшное, и теперь оно пряталось в ночной буре, мучило его; Питер заскулил и повернулся к Нейде.

Обхватив голову руками, рыдая безудержно, как ребенок, она лежала там, где упала, когда Веселый Роджер поцеловал ее в последний раз и исчез за дверью. Рядом с ней на коленях стоял старик миссионер, гладил худой рукой ее волосы, шептал ей слова ободрения и утешения, а за стенами хижины бушевали дождь и ветер, оконные рамы стучали, откликаясь на жуткие голоса, которые выли и стонали среди древесных вершин.

Рыдания Нейды терзали Питера, и все же у него было только одно желание — догнать того, кто ушел. Он не умел рассуждать, и ему представлялось, что это Джед Хокинс трясет окна невидимыми руками, что это он стучит в дверь порывами ветра и наполняет ночной мрак ужасом и угрозами. Он ненавидел человека, который остался лежать на тропе, подставляя безжизненное лицо потокам дождя. Питер не только ненавидел его,

но и боялся, а потому ему казалось, что Нейда плачет на полу из-за этого же страха. Отец Джон гладил ее по плечу и говорил ей какие-то непонятные слова. Питеру хотелось подойти к ней. Ему хотелось, чтобы Нейда опять крепко обняла его, как в те дни, когда она изливала ему свои горести. Но больше всего ему хотелось догнать хозяина и быть с ним.

Питер подошел к двери и прижал нос к щели над порогом. Он почувствовал, что буря яростно ломится в нее, его ноздри заполнил влажный туман. Но ветер не принес с собой запаха Веселого Роджера Мак-Кея. Питер начал царапать дверь, а потом повернулся и с бьющимся сердцем вопросительно посмотрел на Нейду и миссионера.

Ему было четыре с половиной месяца, но он провел их в лесной глуши, а последние недели постоянно находился в обществе Веселого Роджера, вот почему его ум развился не по возрасту. Конечно, он был не в силах понять, что его хозяин — преступник в глазах закона, но вечная настороженность, необходимость прятаться и быть всегда начеку научили его очень многому. Он инстинктивно чувствовал, что сегодня вечером случилось что-то опасное. Самый воздух был наполнен этой опасностью. Он вдыхал ее запах. Она пронизывала раскаты грома, вспышки небесного огня, могучие удары ветра, от которых содрогалась хижина и дребезжали окна. И Питер смутно сознавал, что во всем виноват мертвец, оставшийся там, на дороге, что из-за этого человека его хозяйка плачет, а хозяин ушел и не возвращается. Он чувствовал, что должен был пойти с Веселым Роджером в таинственную черноту бури и вместе с ним драться с тем единственным, кого он ненавидел всем сердцем,— с мертвецом, который лежал там, в густом мраке под черной стеной леса.

Миссионер утешал Нейду, но за долгие годы врачевания чужих горестей его голос утратил силу и убежденность.

— Господь простит его, дитя мое. В своем неизреченном милосердии бог простит Роджера Мак-Кея, ибо он убил Джеда Хокинса, спасая тебя. Но люди его не простят. Служители закона искали его за былые проступки, а теперь он прибавил к ним еще и то, что закон называет убийством. Но бог рассудит иначе. Он заглянет в его сердце, в сердце человека, который пожертвовал собой...

Нейда злобно стряхнула с себя ласковую руку миссионера, и Питер в свете лампы увидел, что лицо ее смертельно побледнело.

— Мне все равно, как рассудит бог! — гневно вскричала она.— Бог был сегодня несправедлив. Мистер Роджер рассказал мне все — сказал, что он разбойник и что мне не следует выходить за него замуж. А я сказала — нет! Я люблю его и буду скрываться вместе с ним. И мы условились сегодня вечером

прийти к вам, чтобы вы нас обвенчали, но тут ваш бог позволил Джеду Хокинсу силком вытащить меня из дома, потому что он продал меня человеку, который живет за железной дорогой... И бог допустил, чтобы мистер Роджер догнал Джеда и убил его! Он несправедлив, ваш бог! Да, да, да! Ведь мистер Роджер научил меня, что такое радость, и я люблю его, и он меня любил... Бог жесток, раз он позволил ему убить Джеда Хокинса!..

Голос ее прерывался от муки. Питер заскулил, глядя, как миссионер помог Нейде подняться, увел ее в спальню и зажег там лампу. Питер тихонько прокрался туда вслед за ними. Когда миссионер ушел, оставив их наедине с их горем, Нейда словно только теперь заметила щенка и протянула к нему руки.

— Питер,— прошептала она,— Питер...

Минуты шли, а Питер слушал, как колотится сердце Нейды. Она прижимала его к груди, и он смотрел на ее прекрасное бледное лицо, на вздрагивающие губы, на синие глаза, прикованные к квадрату окошка, за которым чернела ночь. Буря ненадолго стихла. Но эта тишина была зловещей, а прерывало ее только тиканье стенных часов, таких же старых и усталых, как сам миссионер. И Нейда, примостившаяся на краешке кровати отца Джона, была уже непохожа на прежнюю юную девушку, которой «пошел восемнадцатый год». В этот день на полянке в ельнике, где благоухал жасмин, а в траве прятались фиалки и алая земляника, она стала взрослой. В этот час она впервые в жизни почувствовала себя счастливой. Она слушала, как Веселый Роджер рассказывал ей о том, что она уже давно знала,— что он разбойник и скрывался здесь от полиции, которая все это время разыскивала его на Севере. Он убеждал ее, что недостоин ее любви и будет последним негодяем, если не расстанется с ней. А в ее душе росла ликующая сила. Она сделала свой выбор раз и навсегда без колебаний и страха. И вот теперь, пока она смотрела невидящим взглядом на стекла в струйках дождевой воды, та же сила проснулась в ней, но еще более могучая, чем в часы счастья,— тоска по любимому и отчаянное желание найти выход из роковой ловушки.

В ее памяти пронеслась вся прожитая ею жизнь: тяжкие, мучительные годы, проведенные в хижине Джеда Хокинса и его забитой, покорной жены; зимние и летние месяцы, которые казались ей веками беспросветной тоски и одиночества, потому что ее единственным другом на земле был лес. Буря вновь застучала в окно, а Нейда вспоминала тот день, когда несколько месяцев назад она случайно обнаружила убежище Роджера Мак-Кея. С той поры он стал для нее всем и она жила словно в раю. Он стал для нее отцом, матерью, братом, а теперь — и это было важнее всего — возлюбленным. Но в этот самый день, когда он впервые обнял ее, когда они были так счастливы, Джед Хокинс

задумал привести в исполнение свой черный замысел, и Веселый Роджер убил его!

Вскрикнув, Нейда вскочила на ноги так стремительно, что Питер шлепнулся на пол. Он растерянно уставился на нее, приоткрыв пасть. Девушка прерывисто дышала. Вся ее тонкая фигурка сотрясалась от дрожи. Внезапно Питер увидел, что ее глаза вспыхнули, а по щекам разлился жаркий румянец. Она нагнулась к нему и зашептала, стараясь, чтобы ее не услышал миссионер:

— Питер, все это не так. Джеда Хокинса и следовало убить. Так ему и надо. Питер... Питер, ну и пусть за ним гонится полиция. Мы все равно пойдем с ним. Пойдем, слышишь?

Нейда бросилась к окну, и Питер смотрел, как она начала его открывать, задыхаясь и судорожно шепча:

— Мы пойдем с ним, Питер! Пойдем... что бы нам ни грозило... даже смерть!..

Осторожно, дюйм за дюймом, она приоткрыла окно. В комнату ворвалась буря. Порыв ветра задул лампу, но как раз в этот миг Нейда увидела, что на стене висит нож в эскимосских ножнах.

Она на ощупь отыскала его, зажала в руке и выскользнула из окна на размокшую землю. Питер одним прыжком догнал ее. Темнота сомкнулась вокруг них, но они отыскали тропу, ведущую на Север,— в такую ночь Веселый Роджер не мог пойти напрямик через лес. До них донесся голос миссионера, который окликал их из окошка. Но тут раздался такой раскат грома, что земля у них под ногами содрогнулась и буря заревела с утроенной силой. Небо рассекли ослепительные вспышки молний. Деревья застонали и затрещали, хлынул дождь, но Нейда продолжала бежать по тропе, крепко сжимая нож — свою единственную защиту от ужасов, таящихся во мраке,— а рядом с ней, не обгоняя ее ни на шаг, бежал Питер.

Но видел он ее, только когда вспыхивала молния: ее мокрые волосы растрепались, мокрое платье облепило тело, широко раскрытые глаза были устремлены вперед. Когда же свет молнии сменялся густой тьмой, Питер слышал спотыкающийся топот ее ног, тяжелое дыхание, а иногда свистящий шелест — это ветка хлестала ее по лицу или по груди. Дождь смыл запах его хозяина, но он знал, что они бегут, чтобы догнать Веселого Роджера. Ему хотелось поторопиться, кинуться вперед со всех ног, но он перебарывал это желание, потому что Нейда спотыкалась, тяжело дышала, а ее лицо во вспышках небесного огня было таким белым и странным. Что-то подсказывало Питеру, что Нейде во что бы то ни стало надо догнать Веселого Роджера. И он боялся, что она остановится. Он пытался залаять, подбодрить ее, как он лаял, когда они бегали наперегонки по

зеленым лугам за Гребнем Крэгга. Но ему мешал дождь. Дождь бил его по спине, как злые руки, плескал ему в глаза воду из луж и забивался в глотку, стоило ему открыть пасть. Зато он старался держаться поближе к Нейде, и она иногда ощущала прикосновение его шершавого бока.

В эти первые минуты, когда Нейда бросилась догонять возлюбленного, она слышала только один голос — голос собственного сердца, всего своего существа, голос, который, заглушая грохот грома и вой ветра, гнал ее вперед, безжалостно заставлял преодолевать усталость и слабость. Веселый Роджер ушел всего за полчаса до того, как они с Питером бросились его догонять. И она должна догнать его — догнать как можно скорее, прежде чем лес успеет его поглотить, прежде чем он уйдет навсегда из ее жизни.

Стена мрака впереди не пугала Нейду. Когда ветки хлестали ее по лицу и цеплялись за волосы, она отводила их и, спотыкаясь, бежала дальше. Дважды она налетала на поваленные деревья, выбиралась из путаницы сучьев, вся исцарапанная, и со стоном подзывала Питера, крепко сжимая в руке тяжелые ножны. Казалось, стихии в диком разгуле ополчились именно против нее, издеваясь над беспомощностью своей жертвы, злобно радуясь живой игрушке, которая посмела бросить им вызов. Питер еще никогда не слышал такого грома. Он сотрясал землю под его лапами. Его раскаты не смолкали ни на мгновение, молнии вспыхивали, словно залпы скорострельных орудий, и в конце концов, не выдержав ярости ветра и дождя, Нейда без сил упала на землю, шаря руками в поисках Питера.

Питер прижался к ней, мокрый и дрожащий. Его теплый язык нашел ее ладонь, а Нейда, крепко обняв его, поникла, и ее кудри смешались с грязью и намокшей хвоей. Питер слышал ее тяжелое дыхание... И тут все переменилось. Гром ушел на восток, а с ним и молнии. Ветер в вершинах деревьев стонал все тише и вскоре смолк, а ливень сменился теплым дождиком. Июльская гроза унеслась так же внезапно, как и налетела. Нейда с трудом поднялась на ноги и побрела дальше.

Вместе с бурей улеглось и смятение в ее мыслях, иго страха и растерянности спало с ее рассудка. Она начала рассуждать спокойно, а вместе со спокойствием пришли надежда, уверенность и новые силы. Она знала, что Веселый Роджер идет по этой тропе: другой тропы, ведущей на Север через дремучий лес, тут не было. За полчаса он не мог уйти далеко. А вдруг он укрылся от ярости бури под каким-нибудь большим деревом? В ее сердце вспыхнула радость. Ведь если так, значит, он совсем-совсем близко! Нейда остановилась, глубоко вздохнула и позвала его. Она трижды повторила свой зов, но услышала в ответ только повизгивание Питера. Через несколько минут она опять позвала

его как могла громче. И снова из мрака впереди не донеслось ответа.

Тропа спустилась в ложбину, и под ногами Нейды зачавкала болотная грязь. Девушка проваливалась в нее по лодыжки, оступалась в глубокие лужи, где вода доходила Питеру до брюха. Только через четверть часа они наконец выбрались на твердую землю. К этому времени уже умчалась последняя туча. Дождь прекратился. Гром глухо рокотал где-то далеко. Угасли последние вспышки зарниц, и деревья тихо шептались, словно радуясь тому, что буря миновала. Нейда и Питер слышали над головой и повсюду вокруг журчание воды и шелест падающих капель: плакали намокшие ветки, побулькивали лужи, лепетали ручейки, разлетаясь брызгами под их ногами. В просвете между облаками выглянула луна.

— Мы догоним его, Питер,— жалобно сказала Нейда.— Теперь мы его догоним. Он ведь, наверное, где-нибудь совсем близко...

И Питер замер, прислушиваясь, не ответит ли Роджер Мак-Кей на ее зов.

Над их головами плыла полная луна июльских ночей, и ярость бури была уже забыта. Она исхлестала и затопила лес, но теперь каждое дерево было очищено от гнили и праха, был умыт каждый цветок и каждая травинка. От земли поднималось благоухание молодой зелени, дурманящий дух мхов и прелой хвои, и в чистом воздухе чуть слышно веяло ароматом смолы и неуловимо пряным дыханием мохнатых ветвей, которые сплетались в бесконечные пологи и сверкающие завесы. Казалось, могучий лес был полон трепета невидимой и таинственной жизни — бесшумной, но пульсирующей, дышащей, впивающей целительный бальзам освеженного воздуха в успокоении, которое пришло на смену грому и молниям, реву ветра и ливня. Луна, словно повелительница, по чьей воле свершилось все это, глядела вниз с властным торжеством. Ни пыль, ни туман, ни дым лесного пожара не затеняли ее сияния, и в лесу было светло, как на рассвете. Лунные лучи золотыми и серебряными полосами ложились на деревья, отбрасывая густую тень туда, куда они не могли проникнуть, и разливаясь озерами там, где лесная кровля пропускала их потоки. Тропа, уходящая на Север, мерцала серебром, рассекая лес от неба до земли.

На мокрой земле виднелись четкие следы Веселого Роджера, а на полянке, которую расчистил какой-то охотник, чтобы поставить там шалаш, Веселый Роджер остановился передохнуть после бури... и пошел дальше. На эту полянку через три часа после того, как они покинули хижину миссионера, вышли Нейда и Питер.

Они шли медленно; в лунном свете девушка казалась бес-

плотной тенью. На полянке они остановились, и сердце Питера тоскливо сжалось, когда его хозяйка вновь позвала Веселого Роджера. Это был уже не крик, а рыдание. У Нейды больше не оставалось сил. Она еле держалась на ногах, ее лицо осунулось и побледнело от усталости, стиснутые губы и застывший взгляд говорили о мучительном отчаянии. Ей больше не на что было надеяться, и она знала это, когда, упав на землю, с рыданием позвала того, чьи следы так ясно отпечатались на тропе, уходя дальше в лесной сумрак.

— Питер, у меня нет сил идти,— простонала она.— Нет... сил... идти...

Нейда прижала руки к груди. Питер увидел, как блеснули в лунном свете костяные ножны эскимосского ножа, увидел, что ее губы что-то беззвучно шепчут, но он не расслышал ни своего имени, ни какого-нибудь слова. Питер заскулил и медленно двинулся вперед, обнюхивая тропу. Он ясно различал запах Веселого Роджера, и его пронизала радостная дрожь. Он оглянулся, тихо повизгивая, уговаривая свою хозяйку встать.

— Питер! — позвала она.— Питер!

Он вернулся к ней. Нейда вынула нож из ножен, и в ее руке сверкнула холодная сталь. Глаза Нейды блестели, она схватила Питера, притянула его к себе, и он услышал, как часто и прерывисто стучит ее сердце.

— Питер, Питер! — бормотала она.— Если бы ты только умел говорить! Если бы ты мог догнать мистера Роджера и сказать ему, что я здесь, что он должен вернуться...

Ее руки конвульсивно сжались, и Питер почувствовал, что она вся встрепенулась.

— Питер,— шепнула она,— ты это сделаешь?

Несколько секунд она, казалось, не дышала. Потом Питер услышал, как она вскрикнула, словно придумав что-то. Державшие его руки разжались, и в желтоватом свете луны блеснул нож.

Питер ничего не понял, но он знал, что должен внимательно следить за каждым движением своей хозяйки. Она наклонила голову, и почти просохшие волосы заблестели под луной. Ее пальцы утонули в растрепавшихся локонах, и Питер увидел сверкание ножа, услышал, как он поскрипывает, а потом увидел, что Нейда держит в руке отрезанную прядь. Он был совсем сбит с толку. А Нейда бросила нож, зачем-то оторвала длинный лоскут от повисшего лохмотьями платья и тщательно завернула в него отрезанный локон. Затем она, вновь притянув Питера к себе, привязала лоскут с локоном ему на шею, потом оторвала еще несколько узких полосок ситца и намотала их вокруг его шеи так туго, что ему стало трудно дышать.

И все это время она говорила с ним взволнованным, прерывающимся голосом, так что кровь быстрее побежала в жилах

Питера, а его возбуждение росло и росло. Кончив, Нейда поднялась на ноги и, покачиваясь, как тени деревьев, падавшие на поляну, указала в сторону залитой лунным светом тропы.

— Вперед, Питер! — негромко сказала она.— Быстрее! Беги за ним, Питер, догони его, приведи обратно! Мистера Роджера... Веселого Роджера... Вперед, Питер! Вперед!

Питер не знал такой команды. Но он начал понимать, чего от него хотят. Он обнюхал следы Веселого Роджера, быстро поднял голову и увидел, что хозяйка им довольна. Она торопила его. Он продолжал обнюхивать следы, уходя все дальше, а Нейда подбодряла его и повторяла: «Скорее, скорее!»

Инстинкт и сообразительность подсказывали ему, что он должен что-то сделать, и внутри у него все восторженно напряглось. Нейда хотела, чтобы он ушел. Она хотела, чтобы он догнал Веселого Роджера, и повесила ему на шею тряпочку, которую он должен отнести Веселому Роджеру. Он радостно и возбужденно тявкнул и неторопливой рысцой побежал по тропе. Это была бессознательная проверка. Но Нейда не окликнула его. Он насторожил уши, ожидая приказа вернуться, но хозяйка молчала. И он возликовал. Он не ошибся! Он не бросил Нейды. Не убежал от нее. Она сама хотела, чтобы он побежал вдогонку за Веселым Роджером.

Ночь поглотила Питера. Он слился с серебристыми потоками ее лунного света, с ее прихотливыми тенями, с ее тишью и тайной, с ее смутным ожиданием. Он знал, что буря принесла с собой много бед и по-прежнему ощущал близость трагедии в этом ночном мире, по которому он бежал. Он не напрягал всех сил и все же продвигался втрое быстрее, чем прежде с Нейдой. Он помнил об осторожности, время от времени останавливался, чтобы прислушаться, и, хотя ему этого очень хотелось, ни разу не взвизгнул от нетерпения. Теперь, когда Питер остался один в лесу, все его существо чутко воспринимало биение скрытой жизни вокруг. Он знал, что Ночной народ дремучей чащи не спит. На мягких когтистых лапах, на бесшумных крыльях, остря клыки и клювы, крались во мраке хищники. Они тенями скользили в лунных аркадах леса или парили меж деревьев, поджидая добычу, готовясь пожрать существа слабее себя. Питер знал об этом. И опыт и инстинкт предостерегали его. Вот почему все время, пока он бежал по следу Роджера Мак-Кея, он вглядывался в сумрак, нюхал воздух и оскаливал зубы.

Но его переполняла не только жажда приключений. В нем жило ощущение ответственности своей миссии, хотя то, что человек снисходительно называет разумом животных, было здесь ни при чем. Это ощущение ответственности возникало потому, что шею его туго обматывали линялые лоскутки. Они были как бы частью его хозяйки, частью ее души — чем-то очень для нее

важным и доверенным ему. И сейчас вся его осторожность, все его мужество нужны были Питеру для того, чтобы охранять эти лоскутки, пока они не окажутся в руках Роджера Мак-Кея. А охранять — значило драться. Это был закон, которому следовало множество поколений его диких предков. Вот почему он прислушивался и принюхивался и кровь все быстрее струилась в его жилах, пока он бежал по следу. Он заворчал и с кошачьей стремительностью обернулся на легкий шелест, но это просто выпрямилась ветка, которую во время бури прижал соседний сук. Над тропой впереди мелькнула серая молния, и Питер глухо зарычал. Это была рысь. Питер замер, а потом осторожно обогнул лунное пятно, в котором на мгновение возникла лесная разбойница, вооруженная двадцатью кривыми кинжалами.

Теперь, когда щенок остался в лесу один и присутствие человека, человеческие шаги и его запах уже не отгоняли диких тварей, он замечал, что ночная жизнь леса надвигается на него все ближе. Серые совы больше не хранили безмолвия, когда он пробегал мимо: они шипели и зловеще щелкали сильными клювами. Он слышал легкие шорохи: в кустах, где тайно пробирались мелкие зверюшки, он услышал дробный топот неуклюжих ног и почувствовал острый запах: это дикобраз отправился в полночь перекусить тополиной корой. Потом тропа кончилась, и запах Веселого Роджера повел его прямо через лес, полный лунных потоков и озер, смутных теней и черных провалов мрака. Теперь он вторгся в самое сердце владений Ночного народа. Он услышал волчий вой, полный тоски одиночества и смертельной угрозы; он уловил противный запах лисицы, которая выслеживала добычу, старательно держась так, чтобы ветер дул ей в морду; в минуту полного затишья из черного провала впереди до него донеслось щелканье зубов и хруст — это куница, сверкая глазами, доедала куропатку. А клювы щелкали всё более злобно, серые тени проносились над самой его головой, и он слышал предсмертные крики беззащитных зверюшек — писк лесной мыши, крик дневной птицы, проснувшейся в чьих-то острых зубах, вопль кролика, схваченного одним из серых воздушных пиратов. И вдруг прямо перед собой в центре лунного озера Питер увидел чудовище. Это была огромная медведица с двумя толстыми медвежатами, которые кувыркались и боролись друг с другом в голубоватом свете. Питер никогда не видел медведей и не знал, что такое медведь. Но медведица, которая внезапно вытащила бурый нос из прохладной рыхлой земли, где она искала сладкие корни, знала, что такое собака. Она на своем веку видела много собак, слышала их лай и знала, что они всегда сопровождают человека. Поэтому она потянула ноздрями воздух и испустила громкое «вуф!», которое подействовало на медвежат, как удар хлыста. Они бросились к матери, получили по оплеухе, пока-

завшей им, куда надо бежать, и все трое, треща валежником, исчезли в темноте.

Несмотря на сжимавший его сердце страх, Питер не удержался и торжествующе тявкнул. Как приятно было, что именно в ту минуту, когда его мужество начало слабеть, при виде его пустилось наутек такое чудовище! И Питер побежал дальше с победоносным видом, высоко задрав хвост.

Еще через милю в новом озерце лунного света он увидел тушу зарезанной волком косули. Сам волк, насытившись, уже ушел, и теперь две огромные совы терзали остатки его пиршества. Это были самец и самка, настоящие Гаргантюа совиного племени. Когда Питер внезапно возник перед ними, они с угрюмой злобой взмыли в воздух; их когти и клювы были красны от крови, а тупой мозг преисполнен ненасытной жадности. Питер к этому времени разучился бояться сов. Правда, в щелканье их клювов, особенно когда оно доносилось из темноты, было что-то зловещее, но эти птицы никогда не нападали на него и предпочитали улетать с его дороги. Поэтому, когда они уселись на темной ели прямо над его головой, это не помешало ему обнюхать мертвую косулю. От запаха свежего мяса в нем проснулся голод. Он начал грызть мягкий бок, распоротый волком; время от времени он глухо ворчал, словно объявляя себя хозяином туши, и это ворчание донеслось до вершины ели.

В ответ раздался шум крыльев, и в лунных лучах мелькнула одна сова, а за ней и другая. Несколько мгновений совы бесшумно парили над Питером, точно серые призраки. Затем с быстротой камня, пущенного из пращи, самец пронизал серебристую дымку и кинулся на Питера. Они перекатились через тушу, и в первое мгновение Питер был совсем оглушен ударами мощных крыльев и острого клюва, долбившего его затылок. Крылатый Гаргантюа промахнулся, не сумел сразу схватить свою жертву когтями и теперь пытался обессилить ее, не поднимаясь в воздух. Он бил и терзал Питера крыльями и клювом. И вдруг его когти впились в тряпицы на шее щенка. Мгновенно ужас и растерянность Питера сменились боевой яростью. Он извернулся и вонзил зубы в перья, такие густые и мягкие, что ему никак не удавалось отыскать под ними уязвимое место. Питер рвал мягкий покров на пушистой груди, рыча и царапаясь передними лапами. Потом острые когти, прорвав ситец, погрузились в его шею, но тут же челюсти Питера сомкнулись на лапе противника. Он сжал зубы — щелкнув, порвалось сухожилие, затрещала кость,— и сова, хрипло зашипев от боли и страха, напрягла все силы, чтобы освободиться. Могучие крылья достигали в размахе пяти футов, и раненый Гаргантюа приподнял было Питера в воздух, но его когти запутались в тряпках, и оба они вновь рухнули на землю, сплетаясь в один клубок. Питер почти не сознавал, что произош-

ло дальше, он чувствовал только одно — ему грозит смерть. Он закрыл глаза и продолжал дробить и выворачивать зажатую в зубах лапу. Крылья оглушительно хлопали над самой его головой, железный клюв рвал его тело, и поляна вокруг уже была забрызгана кровью. Наконец что-то подалось. Раздался жуткий вопль, не похожий на обычные крики зверей и птиц, могучий Гаргантюа взлетел и упал на ель, ломая сухие ветки.

Питер с трудом поднялся на ноги, все еще держа в зубах совиную лапу. Он наполовину ослеп, все его тело было, казалось, изодрано в клочья и кровоточило, но, заглушая боль и страх, пришло упоительное сознание, что он победил. Опасаясь нового нападения, Питер прильнул к земле, напрягая мышцы, готовый ко всему, но нападения не последовало. Было слышно, как его искалеченный враг бьется и шипит среди веток. Питер медленно пятился, не отводя глаз от поля недавнего боя, и повернулся, чтобы отправиться дальше по следу Веселого Роджера Мак-Кея, только когда от роковой поляны его отделила стена мрака.

Недавний хвастливый задор прошел. Поединок с Гаргантюа был достаточным наказанием за самоуверенность, и теперь Питер крался между темными стволами, точно осторожная лиса. Он крепко-накрепко запомнил, что внушает страх вовсе не каждому обитателю леса — ведь щелкающие клювы и бесшумные серые тени, на которые он легкомысленно не обращал внимания, оказались опаснейшими врагами. Жестокий урок был полезным и своевременным. Щенок инстинктивно понимал, что спасся почти случайно, и боль от ран мучила его меньше, чем пережитый ужас неравного боя, хотя он и вышел из него победителем. Но это был разумный страх, а не трусость. Раньше темные силуэты сов были для него простой принадлежностью ночной темноты, и он испытывал к ним только равнодушие, теперь же он возненавидел их и злобно оскаливал зубы, стоило серой тени пролететь у него над головой.

Питер был сильно изранен. По спине и бокам у него тянулись глубокие царапины, а последний удар когтистой лапы разодрал его плечо до кости. Из ран текла кровь, один глаз заплыл, и все вокруг сливалось в единое смутное пятно. Инстинкт, осторожность и жгучая боль во всем теле подсказывали Питеру, что ему следует укрыться в густом кустарнике и подождать утра. Но его подгоняло воспоминание о настойчивом приказе хозяйки, тряпичный ошейник и совсем свежий запах Веселого Роджера, чьи следы уходили вперед и вперед по лунным коридорам и темным пещерам леса.

Уже занимался июльский рассвет, когда Питер, ковыляя, поднялся на обрывистую каменистую гряду и увидел по ту ее сторону небольшую долину. Как раньше Нейда, обессилев, не смогла сделать больше ни шагу, так теперь и он готов был

сдаться. После драки с совой он пробежал несколько миль, его раны запеклись и воспалились, так что каждое движение причиняло ему сильную боль. Поврежденный глаз не открывался, и затылок там, где Гаргантюа бил его клювом, тупо и мучительно ныл. Питеру показалось, что от затянутой утренним туманом долины его отделяет огромное расстояние, и, распластавшись на земле, он принялся вылизывать горячим языком рану на плече. Он устал, был измучен болью, и его угнетало ощущение, что продолжать путь бесполезно. Питер вновь поглядел вниз на долину и жалобно заскулил.

И тут до его ноздрей внезапно донесся запах, не похожий на влажную сырость тумана. Пахло дымом! Сердце Питера забилось быстрее, и, принудив себя встать, он побрел на запах.

На лужке, скрытом двумя скалами, отходившими от кряжа под прямым углом, он нашел Веселого Роджера. Сначала он увидел еле тлеющие угли костра, а потом и своего хозяина. Веселый Роджер спал. Его обветренное, странно осунувшееся лицо было обращено к небу. Появление Питера не разбудило Мак-Кея. Что-то в выражении его лица заставило щенка удержаться от веселого повизгивания. Он тихонько подошел к Роджеру и лег рядом. Как ни осторожно было это движение, спящий пошевелился. Его рука приподнялась и расслабленно легла поперек спины Питера. Словно подчиняясь воле и отчаянному призыву девушки, оставшейся в лесу, так далеко отсюда, пальцы слепо сжали тряпки, повязанные на шее Питера,— весть, которую он нес своему хозяину.

Солнце уже давно поднялось высоко, озарив лесной пейзаж, а Питер и его хозяин продолжали спать.

Глава IX

Веселый Роджер проснулся потому, что Питер заворочался. Еще в полудремоте, не открывая глаз, Роджер вдруг вернулся к действительности, которая на несколько часов была заслонена снами. Все его тело ныло. Шея затекла. Он лежал, как бревно, на жесткой земле. Потом к нему вернулись воспоминания обо всем, что произошло накануне, и он впервые заметил присутствие Питера.

Приподнявшись, Роджер в изумлении уставился на щенка. Собственно говоря, в том, что Питер удрал из хижины миссионера и догнал его, не было ничего особенного. Любой верный пес сделал бы то же. Но Мак-Кей растерялся от неожиданности и в первый момент почувствовал даже что-то вроде досады. Словно Питер сознательно нарушил возложенный на него долг. Когда накануне Мак-Кей шагал под потоками дождя через лес, он думал о Пите-

ре только как о звене, соединяющем его с той, кого он любил. Он как будто поручил ему охранять и беречь ее и напоминать ей о нем. Он находил некоторое утешение в том, что ради Нейды пожертвовал верным другом. А Питер так его предал!

Питер словно отгадал негодование и гнев Мак-Кея, в глазах которого не появилось знакомой улыбки. Он не пошевелился и продолжал лежать, распластавшись на земле, уткнув нос между передними лапами. Эта поза выражала признание своей вины, смиренное ожидание заслуженной кары. И все же в глазах, блестевших за завитками жесткой шерсти, Веселый Роджер прочел мольбу о прощении.

Мак-Кей молча протянул руку — этого было довольно: в одно мгновение Питер очутился у него на груди. Ведь их сердца соединяла настоящая любовь, и Веселый Роджер сказал голосом, прерывавшимся не то от смеха, не то от рыдания:

— Хромуля, чертенок ты эдакий! Ах ты чертенок...

Его пальцы наткнулись на тряпичный ошейник Питера, и он вздрогнул, сообразив, что это лоскутки, оторванные от платья Нейды. Увидев, что хозяин наконец-то понял, какую важную весть он принес, Питер стал внимательно следить за каждым его движением. Мак-Кей развязал узелок, и яркое, словно умытое вчерашней грозой солнце заиграло на каштановой пряди.

Теперь из груди Веселого Роджера вырвалось настоящее рыдание, и Питер увидел, что хозяин прижимает блестящие волосы к лицу, что по его широким плечам пробегает непонятная дрожь, а глаза наполняются влагой, не похожей на дождевую.

— Радость моя! — бормотал Роджер.— Эх, почему я не малый ребенок, Хромуля! Никогда еще... никогда в жизни у меня еще не было такого желания заплакать!

В его глазах стояли слезы, а губы вздрагивали, но Питер прочел на лице хозяина радость. Мак-Кей поднялся на ноги и поглядел на юг — туда, откуда он ушел навстречу ночной буре. В его воображении возникла картина: он видел, как Нейда в хижине отца Джона привязывает на шею Питеру прядь своих волос и открывает перед ним дверь, за которой бушует гроза, зная, какую радость доставит Веселому Роджеру ее прощальный привет. Этот залог вечной любви и верности.

Он отгадал только малую часть правды. И Питер, по какой-то нелепой ошибке природы лишенный дара речи, напрасно отбегал к тропе, стараясь объяснить хозяину, что Нейда тоже пошла за ним, не боясь бури, и ждет его в глубине леса.

Но Мак-Кей видел мысленным взором только тускло освещенную комнату в хижине миссионера — и ничего больше.

Он прижал к губам шелковистую прядь, еще хранившую дождевую влагу, а потом ревнивым движением скупца разгладил ее, перевязал веревочкой и спрятал в сумку из мягкой оленьей

кожи. Он собирал валежник для костра, а сердце его пело — ведь теперь он был не один.

Они поели и пошли дальше. Дни следовали за днями, а они всё шли и шли. Настал август, они были уже далеко на севере и всё продолжали идти по бескрайним дебрям, дремавшим в сонной тишине «месяца первых полетов» — месяца, когда птенцы учатся летать, а дремучие леса погружены в тихий сон.

Дни слагались в недели, и наконец перед нашими путниками открылся бассейн Оленьего озера.

На востоке лежал Гудзонов залив, к западу простирались темные боры и извилистые реки северного Саскачевана, а на севере — еще дальше на севере — их манили пустынные равнины и не нанесенные на карты дебри вокруг озер Атабаска — Невольничьего и Большого Медвежьего. Туда-то они и продвигались медленно, но неуклонно.

Леса и болота на их пути временно обезлюдели. Хижины охотников и трапперов, индейские типи стояли пустые и покинутые. Нигде под деревьями не курились дымки костров, на утренней и на вечерней заре не раздавался собачий лай, охотничьи тропы зарастали травой, топоры трапперов смолкли, и все было охвачено великим безмолвием, которое, казалось, пульсировало и билось, точно огромное сердце — сердце дикой природы, сбросившей на время узы, которые наложил на нее человек.

Для обитателей леса это была пора каникул, летнего праздника. Они растили детенышей, их мех сейчас никуда не годился и мясо тоже. Вот почему люди — мужчины, женщины, дети — вместе с собаками на время ушли из лесов к факториям Компании Гудзонова залива, разбросанным по границам этих северных дебрей. Еще две-три недели — и они вернутся. Снова закурятся дымки над хижинами, смуглые дети будут играть у входов в типи. Десять тысяч лесных жителей — белых, индейцев, метисов — по двое, по трое, целыми семьями вернутся к своим извечным занятиям в диком краю, который раскинулся от Гудзонова залива до западных гор, от Водораздела до Ледовитого океана.

Но пока природа была еще свободна, и этой свободой была насыщена звенящая лесная тишина. Ведь наступили дни, когда волк играл с волчатами и не выл, когда рысь сонно потягивалась и не торопилась на охоту,— дни, занятые заботами о потомстве, ночи дремотных шорохов, красноватой полной луны, журчания обмелевших ручьев, которым снились ливни и весенние разливы. И все это — ленивое жужжание насекомых, шелестящие вздохи древесных вершин, приглушенные голоса зверей и птиц — сливалось в тихий вибрирующий шепот, словно природа обрела новую речь, пока человек временно отсутствовал.

Для Веселого Роджера это была сама жизнь. Ее дыхание поднималось к нему от прохладной земли. Он слышал его и над

собой и повсюду кругом, хотя многие другие люди не услышали бы ничего — только всеохватывающее гнетущее безмолвие.

Как-то вечером Мак-Кей разбил лагерь на берегу озера Бернтвуд. Почти у самых его ног струилась широкая речка, глубиной в иных местах по щиколотку, а в иных и по колено. Она журчала и пела на отмелях и у завалов — там, где в мае и июне бешено неслась, пенясь от ярости. После утомительного дневного перехода по жаркому лесу Питер следил за хозяином сонными глазами. С тех пор как они ушли от цивилизованных мест, он вырос и стал шире в плечах. Тяготы пути, необходимость раздобывать себе пищу и отстаивать свою жизнь в непрерывной борьбе превратили щенка во взрослого пса. В свои полгода он был покрыт рубцами, силен и ловок и в любую минуту готов к нападению и к защите. Глаза, полуприкрытые, как у эрделя, колечками жесткой шерсти, светились бдительной настороженностью и постоянно обращались назад: Питер никак не мог понять, почему тоненькая синеглазая девушка, которую они оба так любят и без которой так скучают, все еще не догнала их. И его все время томило смутное недоумение, почему хозяин не остановится и не подождет ее.

Изменился и Веселый Роджер. В нем было бы трудно узнать розовощекого обитателя хижины на берегу Быстрого ручья, который целыми днями весело распевал, хотя и знал, что ищейки закона идут по его следу. Он похудел от безостановочной ходьбы, его лицо стало серьезным. Но ясные глаза по-прежнему хранили жадное любопытство и любовь к жизни — над этим не могло возобладать даже горе, которое непрерывно точило его сердце, пока они шли вперед, всё приближаясь и приближаясь к Голым Землям.

В оранжевом сиянии закатного солнца Питер увидел, что его хозяин достает свое сокровище.

Он давно привык к этим минутам и ждал их. Несколько раз в течение дня и уж обязательно вечером Веселый Роджер повторял все тот же ритуал. Питер подобрался ближе к хозяину, который сидел, прислонившись к валуну, и замер в предвкушении. Когда Веселый Роджер вынимал ревниво оберегаемый сверточек, до Питера всегда доносился милый, чуть различимый запах — запах его хозяйки. Мак-Кей осторожно развернул тряпочку и несколько секунд держал в руке прядь каштановых волос — прощальный привет Нейды перед вечной разлукой. А Питер снова задумался над тем, почему они не вернутся туда, где осталась сама девушка, которая была ведь лучше своих волос. Веселый Роджер, замечая его тревогу и недоумение, много раз пытался объяснить ему, что произошло. Питер изо всех сил старался понять, но не понимал. А во сне он всегда возвращался к любимой хозяйке — бегал за ней, играл с ней, защищал ее, слышал ее голос, чувство-

вал ласковое прикосновение ее рук. И его собачье сердце тосковало по ней не меньше, чем сердце Веселого Роджера. Однако когда он просыпался, они продолжали свой путь — на север, а не на юг. Питер не мог постичь эту непонятную тайну, как не мог рассказать о тех минутах, когда Нейда в отчаянии и слезах послала его по следу Веселого Роджера, чтобы он привел назад того, кого она любит и будет любить вопреки всем законам мира — нарушенным и соблюденным.

В эту ночь у озера Бернтвуд Питер слышал, как его хозяин во сне звал Нейду. Но на заре они опять пошли на север.

Все эти дни и недели, пока они шли по жарким августовским лесам, Мак-Кей упорно спорил с невидимым собеседником, отстаивая свой кодекс. Правосудие может его настигнуть — и, пожалуй, настигнет. Его могут повесить — и, пожалуй, повесят. Но правосудие так и не узнает, каким был человек, которого оно послало на виселицу. В этом-то и была трагическая ирония. Какое дело закону до его бережной любви к маленьким детям, беспомощным женщинам и старикам? Закон только посмеется над правилами, которым он всегда следовал, и издевательски захихикает, если он посмеет сказать, что он не такой уж плохой человек. Ведь закон считает его преступником, убийцей Джеда Хокинса, и семьсот полицейских разыскивают его, чтобы представить правосудию живым или мертвым.

Но такой ли уж он плохой человек?

Как-то вечером он попробовал обсудить этот вопрос с Питером.

— Если я преступник, Хромуля, так моя ли это вина? — спросил он.— Может, дело тут во всем этом...— Широким жестом он обвел темнеющую стену леса.— Я родился под открытым небом в точно такую же ночь. Мать, когда была жива, не раз говорила мне, что в ту ночь было полнолуние и луна словно смотрела на нее со своей высоты и разговаривала с ней будто живая. С тех пор я полюбил луну, и солнце, и лес, и все прочее. Вот потому-то я не верю в законы, придуманные людьми. Оттого, Хромуля, и вышли у меня неприятности с полицией. Когда я видел, что от их законов толку нет, я все улаживал по-своему. Пожалуй, слишком я любил деревья, цветы, солнечный свет, ветры да бури. И бродил где хотел. А по пути много чего натворил. И очень мне это нравилось, Хромуля... Вот и оказался я преступником!

Питер услышал негромкий смех хозяина, в котором не было ни страха, ни сожалений.

— Все началось с договорных денег[1],— продолжал он, на-

---

[1] Договорные деньги — деньги, которые правительство Канады обязалось выплачивать индейским племенам за отобранные у них земли.

клоняясь к Питеру, словно тот с ним спорил.— Видишь ли, Хромуля, это было племя Желтой Птицы. Я ее знал совсем мальчишкой. Были у нее две длинные черные косы, а лицо почти такое же красивое, как у моей матери. Они были подругами, и я любил Желтую Птицу, точно добрую волшебницу из сказки. И так ее и называл. Знаешь, Питер, детская любовь — это самая верная любовь в мире, и человек хранит ее до конца своих дней. Много лет спустя после смерти матери, когда я уже вырос, побывал в Монреале, Оттаве и Квебеке, я решил навестить племя Желтой Птицы... А они голодали, Хромуля. Слышишь? Умирали с голоду!

Голос Мак-Кея из задумчивого и нежного стал суровым и резким.

— Была зима,— продолжал он.— Самый разгар зимы. И морозы стояли лютые. Даже лисицы и волки попрятались. Осенью рыба ловилась плохо, снегопады разогнали дичь, и индейцы мерли с голоду. Когда я увидел Желтую Птицу, Хромуля, у меня прямо сердце оледенело. Она совсем истаяла. Только глаза остались да косы. Две длинные блестящие косы и глаза — темные, большие, глубокие, точно два озера. Вот ты никогда небось не видел, дружок, чтобы индианка плакала. У них этого не водится. Но когда эта добрая волшебница моего детства увидела меня, она застыла на месте, покачиваясь от слабости, а из ее темных глаз по худым щекам текли слезы. Она вышла замуж за Быстрого Оленя. У них было трое детей, и вот двое умерли в одну неделю. Быстрый Олень лежал при смерти. И Желтая Птица совсем обессилела и хотела только одного: умереть вместе с мужем. И вот тут-то пришел я... Питер! — Веселый Роджер наклонился, чтобы лучше видеть собаку в сгущающемся сумраке, и его глаза блеснули.— Вот, Питер, рассуди, плохо ли я тогда поступил. Они мне рассказали, что произошло. Местный торговец был отпетый негодяй, а новый правительственный агент по делам индейцев оказался того же поля ягода. Они скоро спелись. Агент выслал причитавшиеся племени договорные деньги и тут же тайком закупил несколько ящиков дешевого виски и отправил их торговцу. Через пять дней все деньги перекочевали в карман торговца. А тут наступила зима. И все пошло как нельзя хуже. Когда я добрался до них и разузнал, в чем дело, восемнадцать человек из шестидесяти уже умерло, а остальные еле волочили ноги. Знаешь, Хромуля, какой-нибудь мой прадед наверняка был пиратом! Я ушел и вернулся через три дня с санями, полными продовольствия и теплой одежды — ее на всех хватило. Господи, как бедняги набросились на еду! Я опять ушел и через неделю привез продовольствия еще больше. К Желтой Птице вернулась ее красота. Быстрый Олень окреп и становился сильнее с каждым

днем. Все племя оправилось от беды — смотреть на них было одно удовольствие! Я кормил их так два месяца. А потом холода кончились. Вернулась дичь. Я доставил им еще запасов — и удрал. Вот так я стал разбойником, Хромуля.

Роджер засмеялся, и Питер услышал в темноте, что он весело потирает руки.

— Хочешь знать, как все это вышло? — спросил Мак-Кей.— Видишь ли, я навестил подлеца торговца и по милости судьбы застал его одного. Сперва я оттузил его хорошенько, а потом приставил ему к горлу нож и заставил написать записку, что он, дескать, должен уехать внезапно по срочному делу на юг, а лавку в свое отсутствие поручает мне. После этого я посадил его на цепь в землянке, которую никто, кроме меня, не мог бы отыскать. И стал хозяйничать в лавке, Хромуля. И еще как! Трапперы тогда обходили свои капканы и ко мне редко кто заглядывал. А я кормил и одевал мое племя целых два месяца. Кормил, пока они не растолстели... И глаза Желтой Птицы снова заблестели, как звезды. А потом я привел Таракана — такое у него было прозвище — назад в лавку, которая сильно-таки опустела, отчитал его, оттузил на прощанье еще раз... и убрался восвояси.

Мак-Кей встал. На черном бархате неба зажглись первые звезды. И Питер услышал, как его хозяин глубоко и радостно вдохнул душистый воздух.

Потом он опять заговорил:

— С той зимы, Питер, за мной гоняется конная полиция. И чем больше они за мной гоняются, тем больше я даю им для этого поводов. Я избил до полусмерти Бодена, почтальона, который оскорбил одну женщину, когда ее муж — мой хороший друг — был в отсутствии. А Боден взял да и присвоил деньги, которые вез, и все свалил на меня. Ну, тогда я и в самом деле ограбил почту... а зачем, ты знаешь! И с тех пор я много чего натворил. Но моим оружием всегда были только кулаки, и я ни разу не пускал в ход ни пистолета, ни ножа, если, конечно, не считать того случая с Тараканом. А самое смешное во всем этом, Хромуля, что я и Джеда Хокинса не убивал. Может, я когда-нибудь и расскажу тебе, что случилось тогда на дороге, когда вы с Нейдой ушли. Ну, а пока...

Он умолк, и Питер почувствовал, что его хозяин вздрогнул. Затем Веселый Роджер неожиданно нагнулся к нему.

— Питер, трех женщин мы будем любить до могилы,— прошептал он.— Мою мать — только она давно умерла. Нейду — только ее мы больше никогда не увидим...— Его голос на мгновение прервался.— И... и Желтую Птицу. С тех пор как я накормил ее племя, прошло пять лет! Наверное, родились уже новые дети. Знаешь что, дружок, пойдем и посмотрим!

Глава X

На другой день Веселый Роджер и Питер пошли на северо-запад — туда, где жило племя Желтой Птицы. Они шли медленно, соблюдая величайшую осторожность, и Питер все яснее понимал, что по какой-то неведомой причине им надо постоянно быть начеку. Он заметил, что его хозяин всякий раз настораживается, когда за деревьями раздается какой-нибудь звук — хруст валежника, неясный шелест кустов или стук оленьих копытец. Инстинкт, однако, подсказывал ему, что прячутся они от людей.

Он еще не забыл, как они спаслись от Кассиди и несколько дней скрывались среди лабиринта раскаленных скал, которые Веселый Роджер окрестил Духовкой. Хозяин вел себя теперь так же, как в те дни. Он не смеялся, не пел, не свистел, а разговаривал шепотом. Костры он разводил теперь такие маленькие, что Питер вначале только диву давался. Не стрелял он и дичи, хотя ее немало попадалось на их пути, а ставил с вечера силки и ловил рыбу в ручьях. На ночлег они устраивались, отойдя не меньше чем на полмили от того места, где стряпали ужин на крохотном костре. И Питер спал чутким сном, готовый вскочить при малейшем шорохе. Не раз его тихое предостерегающее ворчание будило Роджера, который сразу просыпался, уже хватаясь за пистолет.

Собственно говоря, Мак-Кей вовсе не был уверен, что пустит пистолет в ход, если при таком пробуждении увидит перед собой красный полицейский мундир. В его душе по-прежнему шла борьба. Он анализировал свое положение со всех точек зрения, но как бы он ни рассуждал, вывод всегда был один и тот же. Если он будет арестован, правосудие не станет утруждать себя, карая его за возвращение индейцам их законных денег, за ограбление почты или за прочие мелкие его преступления. Его повесят за убийство Джеда Хокинса. И служители закона не поверят ему, даже если он скажет правду,— а ее он никогда не скажет. Много раз воображение рисовало ему эту невероятную картину — настолько невероятную, что, несмотря на всю ее мрачность, Роджер находил в ней повод для угрюмой улыбки. Даже Нейда поверила, что он убил ее приемного отца. Хотя на самом деле убила его она. И правосудие повесит Нейду, если правда будет когда-нибудь открыта.

Мысленно он вновь и вновь переживал события той роковой ночи у Гребня Крэгга, когда, казалось, он уже стоял на пороге счастья — когда миссионер должен был обвенчать их с Нейдой. А потом... темная дорога, рыдающая девушка, которая, шатаясь, брела ему навстречу в разорванном платье, ее прерывающийся шепот, когда она рассказывала, как Джед Хокинс тащил ее по лесу к хижине Муни и как ей удалось вырваться, ударив его кам-

нем, попавшимся ей под руку в темноте. Поверила ли бы полиция ему, заведомому преступнику, если бы он рассказал правду о том, что произошло дальше? О том, как он бросился за Джедом Хокинсом, чтобы разделаться с ним, и увидел, что он лежит мертвый там, где его оставила Нейда? Поверила ли бы она ему, если бы в минуту слабодушия он признался, что взял на себя вину девушки, которую любил? Нет, ему не поверили бы! Слишком хорошо он подделал все улики. Если бы он рассказал правду о том, что произошло на дороге между Гребнем Крэгга и хижиной Мун, его бы только назвали подлым лжецом и трусом.

Именно эта мысль и служила главным утешением Веселому Роджеру — мысль о том, что он хорошо подделал все улики против себя, и ни Нейда и никто другой никогда не узнает правды. Его любовь к синеглазой девушке, которая доверилась ему, даже зная, что он разбойник, была вечной и непреходящей, как любовь к покойной матери.

— Умереть за нее будет совсем нетрудно,— сообщил он Питеру результат своих размышлений, не сомневаясь, что конец будет именно таков.

Эта мысль его не пугала. Он твердо решил бороться за свою жизнь и свободу, пока хватит сил. Но, хорошо зная упорство королевской северно-западной конной полиции, он понимал, что исход его поединка с ней может быть только один. Однако Роджер Мак-Кей не отчаивался, несмотря на пережитую трагедию и на мысль о неизбежном, еще более трагическом завершении его жизни. Наяву и во сне его поддерживало и утешало воспоминание о девушке, которая была готова разделить с ним его скитания и в последний час умоляла его взять ее с собой, какие бы невзгоды ни ждали их впереди. Она знала, что он преступник, за которым гонится полиция, но это не оттолкнуло ее. И даже то, что он убил человека — пусть негодяя, не достойного жить, но все же человека,— не уничтожило ее доверия к нему. И в тысячный раз Веселый Роджер с отчаянием думал, не ошибся ли он, оттолкнув Нейду, отказавшись от ее любви и верной дружбы, когда она хотела уйти с ним наперекор всему.

День за днем, пока они шли в те края, где жило племя Желтой Птицы, он боролся с собой и постепенно, подавив гнетущие сомнения, убедил себя, что поступил правильно. Он не дал эгоизму взять верх в своей душе и не позволил Нейде стать женой разбойника. Он ничем не связал ее. Ее ждет новая жизнь и, возможно, новое счастье. Он не погубил ее, и эта мысль послужит ему утешением даже в тот серый предрассветный час, когда закон заставит его поплатиться за не совершенное им преступление.

Порой на смену горю и тоске приходит странное успокоение, знакомое только тем, в чьей душе пожар страстей гаснет, не находя более пищи. И вот теперь, когда наши путники пошли

на северо-запад к берегам озера Уолластон, именно такое успокоение снизошло на Веселого Роджера. Правда, оно больше походило на боль, на тихую, вечно ноющую боль, но зато оно принесло ему новое единение с природой, с солнцем, с деревьями, цветами, плодоносящей землей — со всем тем, что всегда было ему так дорого, а теперь стало вечным источником утешения и поддержки в самые черные часы.

После того как Веселый Роджер решил навестить племя Желтой Птицы, он больше не торопился. Теперь он старался вообразить, будто Нейда идет с ними, и это удавалось ему так хорошо, что Питер был совсем сбит с толку, пытаясь понять, с кем разговаривает его хозяин.

Их неспешное путешествие, постоянная настороженность и общение с хозяином, который держался с ним как с товарищем, с равным, чрезвычайно развили умственные способности Питера, и он старался показать себя достойным такой дружбы и доверия. Благодаря правильному обучению, дополненному инстинктом, он знал теперь лес и лесную жизнь во многих отношениях даже лучше, чем его хозяин. И вместе с тем Веселый Роджер медленно, но верно внушал ему, что существует огромное различие между охотой для пропитания и бессмысленными убийствами ради забавы.

— Все живое, чтобы жить, должно иногда убивать, и тут уж ничего не поделаешь, Питер,— втолковывал ему Веселый Роджер.— Но совсем другое дело, если ты убиваешь без всякой необходимости. Видишь вон то дерево, которое обвил хмель? Хмель душит дерево, и со временем оно засохнет. Но хмель ни в чем не виноват, потому что иначе он жить не может. Правда, я вырву этот хмель с корнем, так как дерево, на мой взгляд, важнее хмеля. В таких случаях поступаешь, как подсказывает тебе совесть. Нам с тобой надо жить, и поэтому сегодня мы ужинаем молодыми куропатками. Видишь ли, Питер, тут все решает необходимость. Тебе это понятно?

Этих объяснений Питер не понимал, но он был наблюдателен и умел быстро соображать. Он скоро зарубил себе на носу, что разорять гнезда — непростительное преступление. Он чувствовал, что его немилосердно стыдят, когда он для забавы нападает на существо слабее себя. Правда, в этом он так и не разобрался и в подобных случаях поглядывал на хозяина, ожидая от него какого-нибудь указания. В августе подрастающие крольчата очень доверчивы, и Питер мог бы душить их десятками, но теперь он кидался за ними в погоню, только когда бывал по-настоящему голоден или же по приказанию Веселого Роджера. Этот этап в воспитании Питера был очень интересен его хозяину. Разбойник не придерживался взгляда тех натуралистов, которые считают себя единственными разумными существами в мире. Он верил, что Питер наделен не только великолепными инстинктами

и смышленостью, но и способностью рассуждать, а он помогает этой способности развиться. Вот это-то и занимало его.

На привале, когда Роджер не спал и не занимался воспитанием Питера, он обычно читал какой-нибудь из красных томиков исторических сочинений, которые позаимствовал, остановив почту у границы Голых Земель. Он уже знал их почти наизусть. Больше всего ему нравились жизнеописания Наполеона, Маргариты Анжуйской и Петра Великого, и, когда он сравнивал свои беды с трудностями, из которых эти люди выходили победителями, он испытывал прилив бодрости и уверенности. Если природа была его богом и священным писанием, а Нейда — путеводной звездой, то эти зачитанные книжечки, написанные человеком, который давно уже умер, были его собеседниками и наставниками. Они рассказывали ему о великих самопожертвованиях, доблести и подвигах, о верности, чести и предательствах и о страшных трагедиях, к которым неизменно приводят неудержимое честолюбие и эгоизм. Он извлекал из прочитанного уроки для себя. И сообщал Питеру свои умозаключения. Особенно ему нравилась неустрашимая Маргарита Анжуйская, и однажды его сердце восторженно забилось, когда голос с печатной страницы шепнул ему, что Нейда — такая же Маргарита, только в сто раз лучше, потому что она не принцесса и не королева.

— Видишь ли, разница в том,— объяснил он Питеру,— что Маргарита жертвовала собой, боролась и готова была умереть ради короля, а наша Нейда — ради бедняка, за которым гонится полиция. Вот почему Нейда куда выше Маргариты,— добавил он.— Маргарита ведь шла на такие жертвы не только для того, чтобы спасти своего мужа, но и чтобы остаться королевой, а Нейде нужны только мы с тобой. И вот тут-то мы последуем примеру Петра Великого,— закончил он с невеселым смешком,— и не позволим ей губить себя.

И так день за днем они шли к речкам Уолластона — в страну, где жила Желтая Птица и ее племя.

В первых числах сентября они перебрались через Гейки и вышли на западный берег Уолластона. Листва берез уже отливала золотом, а в шелесте осин слышались тревожные шепоты осени. Тополя желтели, рябина алела тяжелыми гроздьями, а в прохладных сырых чащобах бархатисто чернели спелые сочные ягоды дикой смородины. Веселый Роджер особенно любил это время года, а Питер впервые в жизни знакомился с сентябрем. Днем еще было жарко, однако по ночам воздух бодряще пощипывал, и Питер уловил новую резкую ноту в голосах обитателей леса. По ночам вновь начали завывать волки. Гагары забыли семейные радости и хрипло кричали под луной. Кролики выросли и утратили детскую доверчивость, а совы словно глубже уходили в ночной мрак и выслеживали добычу особенно хитро.

Веселый Роджер знал, что люди уже возвращаются к своим хижинам и охотничьим участкам, и стал еще осторожнее. Он внимательно смотрел по сторонам, не поднимается ли где-нибудь к небу дымок, прислушивался к каждому звуку, и его начали одолевать тревожные мысли: мало ли что могло случиться с племенем Желтой Птицы за пять долгих лет! Еще одна голодная зима или какая-нибудь повальная болезнь могла погубить почти все племя, а горстка оставшихся в живых разбрелась кто куда... А вдруг Желтая Птица умерла?

Три дня он медленно шел по извилистому берегу озера и наконец набрел на индейские помосты для вяления рыбы. Его с новой силой охватили зловещие предчувствия: люди давно ушли отсюда, земля была испещрена медвежьими следами, а у берега, куда выбрасывались рыбьи внутренности, расхаживали два черных медведя — толстые, разъевшиеся; они нисколько не встревожились, увидев человека и собаку.

Однако на другой день к закату они вышли на песчаную косу, где в белом песке возились индейские ребятишки, которые играли и смеялись, а с ними играла и смеялась высокая худощавая женщина в юбке из мягкой оленьей кожи, с двумя черными глянцевитыми косами, которые, когда она бежала, метались у нее за плечами, точно два толстых каната. Веселый Роджер и Питер увидели ее в ту минуту, когда она убегала от детей в сторону, противоположную той, где они стояли. Но вот она внезапно повернулась, бросилась прямо к ним и с испуганным криком остановилась в двух шагах от Мак-Кея. Питер внимательно следил за происходящим. Он увидел, что испуг в темных глазах женщины сменился удивлением, потом она прерывисто вздохнула, и тут Веселый Роджер крикнул:

— Желтая Птица!

Он медленно подошел к ней, еще не веря, что годы так мало ее изменили, и Желтая Птица радостно протянула к нему руки, а Питер, не понимая, что, собственно, происходит, подозрительно косился на смуглых индейских ребятишек, которые тихонько их окружили. Потом из-за ивняка вышла девочка, и Питер был совсем сбит с толку, потому что он увидел еще одну Желтую Птицу — та же стройная, гибкая фигура, те же сияющие глаза, хотя она и была даже моложе Нейды. Питер не знал, что это Солнечная Тучка, дочь Желтой Птицы. Но он тут же почувствовал к ней симпатию, такую же, какую внушила ему ясноглазая женщина, которая держала его хозяина за руки. Желтая Птица позвала, девочка подошла к матери, и Веселый Роджер расцеловал ее в обе щеки. Затем они пошли по берегу к стойбищу, а дети во главе с Солнечной Тучкой бросились вперед, чтобы первыми сообщить новость, и Питер бежал рядом с Солнечной Тучкой.

Питеру еще не приходилось слышать, чтобы из человеческой груди вырывался такой вопль, какой испустил Быстрый Олень, муж Желтой Птицы и вождь племени, когда он поздоровался с Веселым Роджером. Это был старинный боевой клич индейцев кри, а то, что произошло вечером, и вовсе привело Питера в неистовое возбуждение. Пылали огромные костры, вокруг них пело, плясало, смеялось и пировало все племя под нестройное завывание полусотни сивашских собак. Собаки эти Питеру не понравились, но он не стал затевать драку, потому что ему хотелось лежать с Солнечной Тучкой, сунув нос в ее ласковую смуглую руку.

В этот вечер, сидя у большого костра возле типи Быстрого Оленя, Роджер впервые за много недель чувствовал себя счастливым. То и дело он поглядывал на Желтую Птицу. За пять лет она почти не изменилась. Ее глаза блестели глубоким блеском, зубы были белее молока, а на щеках играл такой же темный румянец, как и на щеках Солнечной Тучки. Все это неопровержимо свидетельствовало о том, что ей жилось хорошо и спокойно. Любовался он и Солнечной Тучкой, которая была в полной мере наделена нежной красотой северных индианок. С не меньшим удовольствием смотрел он и на Быстрого Оленя — их счастье было и его счастьем. То же счастье светилось в глазах всех мужчин, женщин и детей, которых он видел вокруг. Быстрый Олень сообщил ему, что три зимы подряд охота была на редкость удачной, а в это лето они заготовили столько рыбы, что им ее хватит на всю зиму, даже если снова настанут черные дни. Их племя стало теперь богатым: у них есть много теплых одеял, хорошей одежды, типи, ружей и саней да еще несколько редкостных диковинок в придачу. В этот же вечер Желтая Птица и ее муж с гордостью показали Веселому Роджеру два из этих новых сокровищ — швейную машину и граммофон! И на берегу озера Уолластон, в шестистах милях от Гребня Крэгга, он слушал «Матушку Макри», «Четки» и другие грустные и веселые песенки.

А поздно ночью, когда становище уснуло, Роджер еще долго сидел у погасшего костра с Желтой Птицей и Быстрым Оленем, рассказывая им о том, что произошло с ним на границе населенных мест. Он был рад излить сердце, и хотя его слушал и Быстрый Олень, исповедовался он Желтой Птице, зная, что ее чуткое сердце полно сочувствия. Тихим голосом, которому, как голосам всех ее соплеменниц, была присуща особая мелодичность, она расспрашивала его про Нейду, и ее тонкие пальцы нежно поглаживали каштановую прядь, которую доверил ей Роджер. Потом она сказала:

— Я дала имя твоей девушке. Она — У-Ми, Голубка.

Что-то в ее голосе заставило Быстрого Оленя вздрогнуть.

— Голубка,— повторил он.

— Да, У-Ми, Голубка,— кивнула Желтая Птица. Она не смотрела на них. Ее фигура застыла в неподвижности, а в глазах плясали отблески костра. Не попросив у Роджера разрешения, она спрятала волосы Нейды у себя на груди.— У-Ми, Голубка,— повторила она, глядя вдаль.— Так ее зовут, потому что голубка летит быстро, прямо и верно. Через леса, озера и реки летит голубка. Она не устает. Не замедляет полета. Она всегда летит домой.

Быстрый Олень бесшумно поднялся на ноги.

— Пойдем! — шепнул он Веселому Роджеру.

Желтая Птица не оглянулась на них и не сказала ни слова. Быстрый Олень взял Веселого Роджера за локоть и потянул за собой. В его глазах был почтительный испуг.

— Сегодня ночью ее дух навестит У-Ми,— сказал он с благоговением.— Он побывает в тех местах, о которых ты нам рассказывал, побывает в сердце твоей девушки, а завтра утром расскажет тебе через Желтую Птицу, что случилось и что может случиться.

Быстрый Олень уже лег, а Веселый Роджер продолжал стоять у зарослей ивняка, глядя на Желтую Птицу, которая сидела неподвижно, точно каменное изваяние. Ему стало немного не по себе. Он не был суеверен, но зато верил в силу внушения и самовнушения. «Если у тебя хватит убеждения и упорства, то может сбыться все, чего ты захочешь»,— не раз говорил он себе. И он знал, что Желтая Птица обладает именно таким убежденным упорством и передающейся из поколения в поколение неколебимой верой в силу духов. Роджер твердо знал, что сам он не обладает никакими сверхъестественными способностями, но таинственное безмолвие ночи нашептывало ему, что, быть может, мозг Желтой Птицы наделен какими-то таинственными свойствами, которые утратил цивилизованный человек, выйдя из первобытного состояния, и благодаря этим свойствам ей, быть может, удастся и в самом деле совершить то, что ему представляется чудом. Чего не бывает на свете! Опустившись на песок, Роджер продолжал наблюдать за Желтой Птицей, а Питер свернулся у его ног.

Мак-Кей видел, как в тусклом свете звезд чуть блестят ее волосы, но ее лицо и неподвижная фигура были погружены в глубокую тень. Становище спало. Даже собаки затихли и зарылись в песок; тлеющие угли костров погасли. Прошел час, другой, веки Веселого Роджера словно налились свинцом, и он уснул, привалившись спиной к песчаному холмику, насыпанному детьми. Ему снилось, будто он летит по воздуху с Желтой Птицей. Она неслась вперед с быстротой стрелы, а он отставал и, наконец, в испуге закричал, чтобы она подождала — он вот-

вот упадет. Собственный крик разбудил его. Он открыл глаза и увидел, что в сером небе занимается заря. Разбуженный Питер тыкался носом в его руку. Быстрый Олень лежал рядом на песке и крепко спал. Становище было по-прежнему погружено в сонное безмолвие. Вздрогнув, Мак-Кей посмотрел на типи Желтой Птицы.

Индианка все еще сидела на прежнем месте, и казалось, что за всю ночь она так ни разу и не пошевелилась. Роджер с трудом поднялся на ноги. Когда он бесшумно подошел к Желтой Птице, она подняла голову и посмотрела на него. Ее волосы и длинные ресницы поседели от росы. Лицо осунулось и побледнело, а глаза стали такими огромными, что он даже испугался. Желтая Птица казалась очень утомленной. Ее плечи устало поникли.

Она вздохнула и чуть-чуть вздрогнула.

— Садись, Никева,— прошептала она, прижимая косы к груди, словно чтобы согреться.

Она провела тонкой рукой по глазам и поежилась.

— Все хорошо, Никева,— сказала она тихо.— Я летала через облака туда, где живет У-Ми, Голубка. Я увидела, что она плачет на лесной тропе. Я шепнула ей, что придет счастье — долгое счастье для Никевы и для Голубки. Это счастье не может погибнуть. Его нельзя убить. Люди в красной одежде, которые служат Великому Белому Отцу, не смогут его погубить. Вы будете жить — ты и она. И встретитесь. И с вами будет счастье. Вот что я узнала, Никева. Вы встретитесь и будете счастливы.

— Но где, когда? — прошептал Веселый Роджер, невольно поддаваясь волнению.

Желтая Птица опять провела рукой по глазам и наклонила голову так, что Мак-Кей видел только ее влажные от росы волосы.

— В Далеком Краю, Никева,— ответила она.

И снова подняла на него большие таинственные глаза.

— Но где же это, Желтая Птица? — спросил он с внезапным страхом.— Ты думаешь, там? — И он указал на серое небо у них над головами.

— Нет, счастье ждет вас в жизни, а не в смерти,— медленно проговорила индианка.— Не в Надзвездной Стране, а... а в Далеком Краю.— Ее голова снова устало поникла.— Я не знаю, Никева, где это. Большое белое облако закрыло мне путь. Но где-то этот край есть. Я найду его. И скажу тебе... и Голубке.

Желтая Птица поднялась и, пошатываясь от усталости, вошла в типи. Веселый Роджер услышал, как она тяжело опустилась на постель из одеял.

Он смотрел на восток, где в алом свете зари таяли утренние туманы, и старался разобраться в своих чувствах. Позади раз-

дались легкие шаги, и к нему подошел Быстрый Олень. Роджер спросил:

— Ты когда-нибудь слышал про Далекий Край?

Быстрый Олень покачал головой, и оба они продолжали молча смотреть на красный шар восходящего солнца.

Питер очень обрадовался, когда стойбище проснулось. Люди разговаривали, смеялись, разводили костры, а он с нетерпением ждал появления Солнечной Тучки. Наконец она вышла из типи Желтой Птицы, протирая глаза, и вдруг, заметив его, улыбнулась ему белозубой улыбкой. Они побежали к озеру, и Питер, виляя хвостом, смотрел, как Солнечная Тучка умывается, войдя по колени в прохладную воду. Это был для него счастливый день. Питер был совсем не похож на индейских собак, и поэтому Солнечной Тучке и ее товарищам очень нравилось играть с ним. Однако даже в самый разгар веселых забав Питер не забывал поглядывать в ту сторону, где находился его хозяин.

А Веселый Роджер почти забыл про Питера. Он пытался отогнать мысли, которые внушило ему пророчество Желтой Птицы. Он напомнил себе, что верить в ее колдовство нелепо и ничего хорошего из этого не выйдет, однако ему хотелось верить, и он был достаточно честен с собой, чтобы признать это. Против воли он проникся новой надеждой. Но она несла с собой волнения и страх, потому что в нем росло безотчетное убеждение, что слова Желтой Птицы могут сбыться. Он заметил, что Быстрый Олень как-то по-особенному сдержан. Вождь вполголоса объяснял что-то остальным индейцам. Становище затихло, но в нем закипела работа, и солнце еще только-только поднялось, когда на песчаной косе не осталось других типи, кроме жилища Желтой Птицы.

Только когда коса опустела, Желтая Птица наконец вышла из типи. Она увидела еду, поставленную у входа. Она увидела пустоту там, где стояли жилища ее соплеменников, и следы их лодок на влажном песке у воды. Затем она повернула бледное лицо и усталые глаза к солнцу и распустила косы, так что волосы окутали ее, как плащ, и рассыпались по песку, когда она села перед парусиновым типи, ставшим теперь приютом духов.

Племя разбило новое становище в двух милях от прежнего места, но Быстрый Олень и Роджер вернулись в лесок на мысу всего в полумиле от косы. Они видели, как Желтая Птица вышла из типи. Они следили за ней. А потом Быстрый Олень издал гортанный звук и жестом показал, что им следует уйти. Веселый Роджер заспорил — нельзя же оставить Желтую Птицу без всякой защиты. В здешних местах полно медведей. Да и встреча с человеком не всегда бывает безопасной в лесных дебрях. Но

бронзовое лицо Быстрого Оленя было исполнено гордого спокойствия.

— Желтая Птица колдует только с добрыми духами,— заверил он Мак-Кея.— Злых духов она отгоняет. А добрые духи уберегут ее от любой опасности. Вот почему, Никева, с той голодной зимы мы живем так хорошо!

Он сказал это на языке кри, и Мак-Кей ответил ему на том же языке. Они повернулись и зашагали к новому стойбищу. На полпути их встретили Солнечная Тучка и Питер. Ей понравилось, как накануне Роджер поздоровался с ней, и теперь, вложив смуглые пальцы в его руку, она подставила ему щечку, а потом побежала вперед, и Питер кинулся за ней, весело тявкая на ее мокасины.

А Веселый Роджер сказал:

— Эх, почему я не твой брат, Быстрый Олень, а Нейда — не сестра Желтой Птицы! У нас было бы много таких дочерей! — И он тоскливо посмотрел вслед Солнечной Тучке.

Когда он произносил эти слова, Желтая Птица сидела, опустив голову на грудь и закрыв глаза. В ее руке была зажата мягкая прядь каштановых волос. Весь день и всю ночь Желтая Птица прижимала эту прядь к своей груди, веря, что ее душа полетит к У-Ми и отыщет ее. Еду, которую ей оставили, она закопала и плотно утоптала в землю. Два дня она ничего не ела, и два дня Мак-Кей и Быстрый Олень, наблюдавшие за одиноким типи на песчаной косе, не видели там никаких признаков жизни.

Однако на третье утро перед входом поднялся дым от сырых веток, брошенных в огонь.

Быстрый Олень глубоко вздохнул. Это был сигнальный дым.

— Она кончила колдовать,— сказал он, делая знак Роджеру.— Она зовет тебя. Иди!

Сумрачное выражение исчезло с его смуглого лица: он тосковал без Желтой Птицы, а теперь она должна была скоро вернуться к нему. Веселый Роджер быстро шел по песку. Он снова убеждал себя, что все это выдумки и он идет на зов сигнального дыма, только чтобы не обидеть Желтую Птицу и ее мужа. Однако его сердце забилось сильнее, потому что надежда на невозможное заглушала здравый голос разума.

Желтая Птица вышла к нему, только когда он был уже в нескольких шагах от типи. И Роджер, ахнув, остановился как вкопанный. Индианка изменилась почти до неузнаваемости: ее распущенные волосы сохранили прежний темный блеск, но лицо посерело, осунулось и стало почти таким, каким оно было в дни голода. Желтая Птица не ела и не спала двое суток, но в ее темных глазах горел лихорадочный огонь торжества, и Мак-Кей почувствовал, что заражается ее волнением.

Желтая Птица протянула ему обе руки.

— Я видела Голубку, мы были с ней вместе,— сказала она.— Она спала, положив голову мне на грудь. Я узнала много тайн, Никева,— все, кроме одной. Духи не сказали мне, где надо искать Далекий Край. Но он не в Надзвездной Стране. Ты отыщешь его живой, а не мертвый. Вот что они мне сказали. И ты не должен возвращаться туда, где живет Голубка. Там все черно. Нет, ты должен идти все вперед и вперед и искать Далекий Край. Ты его найдешь. И найдешь Голубку, а с ней и счастье. Тебе это удастся, Никева. Но мое сердце упрекает меня за то, что я не могу сказать тебе, где искать эту неизвестную землю. Когда я приблизилась к ней, ее закрыли золотые и серебряные облака, и я слышала только пение птиц и голоса духов, которые говорили, что ты найдешь путь туда, если будешь все время искать его, Никева. Я рада.

Каждое слово, которое произносил музыкальный голос Желтой Птицы, пробуждало в груди Веселого Роджера непонятную надежду. Он знал, что это нелепо, он понимал, что сторонний наблюдатель улыбнулся бы и назвал все это глупостями, но ему хотелось надеяться, и он надеялся.

Лицо его прояснилось и ожило, как и лицо Желтой Птицы. Он посмотрел по сторонам, на озаренные солнцем лес и озеро, и внезапно взмахнул рукой.

— Я отыщу это место, Желтая Птица! — воскликнул он.— Отыщу твой Далекий Край! А потом,— он повернулся и сжал в ладонях тонкую руку индианки,— а потом мы вместе с Нейдой вернемся к тебе, Желтая Птица,— докончил он.

И он почтительно коснулся губами смуглых пальцев, точно рыцарь, приветствующий свою даму.

Глава XI

Мак-Кей гостил у племени Желтой Птицы и был счастлив. Он словно вернулся после долгой разлуки в родную семью. Желтая Птица относилась к нему с материнской нежностью. Быстрый Олень любил его, как брата. Когда Мак-Кей подходил к старикам и заводил с ними разговор, их суровые морщинистые лица смягчались; ребятишки ходили за ним по пятам, а Солнечная Тучка на утренней и на вечерней заре неизменно подставляла ему щечку для поцелуя. Впервые за долгие годы Мак-Кею казалось, что он обрел надежное пристанище. Стояла теплая тихая осень, солнечные дни и звездные ночи завораживали надеждой, убаюкивали тревогу. Роджер откладывал свой уход со дня на день, а Быстрый Олень настойчиво уговаривал его остаться с ними навсегда.

Но Желтая Птица не присоединялась к его просьбам, и

взгляд ее темных глаз оставался непроницаемым. Она как будто чего-то ждала, чего-то опасалась.

И наконец то, чего она ждала и боялась, произошло.

Была темная тихая ночь, но в этой тишине чудилось что-то гнетущее. Она была подобна живому существу, которое то замирало в неподвижности, то бесшумно кралось куда-то между темными облаками и черной землей. Мрак пронизывала смутная тревога, ночная духота казалась порождением скрытых скованных сил, которые тщились вырваться на волю.

Ветра не было, но облака стремительно неслись по небу.

Верхушки деревьев были неподвижны, и все же они шелестели и перешептывались.

Лес окутывала тяжкая, тревожная дремота, и в его безмолвии словно таилось безмолвие смерти.

На белом песке у маслянисто-черных вод Уолластона темнели типи племени Желтой Птицы. Закопченные дымом костров, побуревшие от непогоды, они казались часовыми на берегу огромного озера. За ними в ивняке спали собаки. Оттуда время от времени доносилось тревожное повизгивание, судорожные вздохи, лязганье зубов. Зарывшиеся в песок спящие псы беспокойно перебирали лапами. Так же беспокойно спали и их хозяева в типи. Мужчины, женщины, дети в тяжелом полусне ворочались с боку на бок, просыпались, а когда вновь засыпали, их начинали мучить кошмары.

Желтая Птица лежала на своем одеяле, широко раскрыв глаза, и пристально глядела на серое пятно дымового отверстия. Ее муж спал. Солнечная Тучка разметалась на постели, и ее коса упала на грудь матери. Тонкие пальцы Желтой Птицы машинально поглаживали шелковистые волосы. Она вспоминала — вспоминала те далекие дни, когда еще не встретила Быстрого Оленя, когда белая женщина была ее самой любимой подругой, а маленький сын этой женщины называл ее «моя волшебница».

И хотя ее мучили тяжелые предчувствия, Желтая Птица невольно улыбнулась своим воспоминаниям, потому что это были светлые дни. Но потом ее мысль обратилась к тому времени, когда маленький мальчик, став взрослым, спас ее племя от голодной смерти — спас ее, Солнечную Тучку и Быстрого Оленя. С тех пор им постоянно улыбалась удача. Духи были добры к ним. Они сохранили ей молодость, дали красоту Солнечной Тучке, вернули силу Быстрому Оленю и сделали все племя счастливым. И всем этим они были обязаны человеку, который спит сейчас под открытым небом на берегу, скрывающемуся преступнику, разбойнику, маленькому товарищу дней ее юности — Веселому Роджеру Мак-Кею.

Она продолжала прислушиваться и глядеть на серое пятно

дымохода, но теперь духи нашептывали ей другие мысли, и ее глаза в темноте испуганно расширились. Духи упрекали ее. Они говорили, что это из-за нее в ту голодную зиму Роджер Мак-Кей ограбил и чуть не убил торговца. Он сделал это, чтобы ее племя, ее близкие и она сама могли жить. Но то, что он сделал, зажгло кровь Никевы, ее «маленького белого брата, который вырос», и вот теперь он бродит по лесам один со своей собакой, а хранители закона в красной одежде выслеживают его. Они ищут его потому, что он не раз нарушал их закон, но главное потому, что хотят покарать его за убийство.

Желтая Птица села на постели, стиснув в руке тугую косу Солнечной Тучки. Она вспоминала, как спрашивала духов о том, что ждет в будущем Никеву, ее белого брата. И духи сказали ей, что он убил плохого человека и поступил правильно.

Они обещали ей, что он не будет больше страдать и что в Далеком Краю он найдет белую девушку Нейду, счастье и покой. Желтая Птица верила в духов. И не сомневалась в том, что они говорили с ней. Она твердо знала, что все это должно сбыться — ведь духи не лгут! Тем не менее тягостная духота ночи будила в ней смутную тревогу. Она привстала, вслушиваясь в шепот леса над типи. Но ничего не могла разобрать — казалось, что сразу шепчется много людей. И Желтую Птицу охватил беспричинный страх.

Она хотела было разбудить Быстрого Оленя, но отдернула уже протянутую руку и вместо этого осторожно отодвинула косу Солнечной Тучки. Потом она встала с постели — так тихо, что муж и дочь не очнулись от беспокойной дремоты, вышла из типи и огляделась, стараясь понять причину своей тревоги.

Духота и снаружи была такой же гнетущей. Несколько секунд Желтая Птица всматривалась в небо, ища признаков грозы и не находя их. Облака неслись быстро, но они были светлыми, и там и сям между ними мерцали звезды. Вдали не раздавалось рокотания грома. Не было и ветра. Тут сердце Желтой Птицы вдруг на мгновение перестало биться, и руки ее судорожно прижались к груди — она поняла! Это духи сделали ночь такой тягостной для того, чтобы она проснулась! Это было предостережение! Откуда-то надвигается опасность! И грозит она белому человеку, который спит тут на берегу!

Желтая Птица бросилась искать его, бесшумно ступая смуглыми босыми ногами по мягкому песку. Облака поредели, звезды засверкали ярче, и она сочла это знаком: духи облегчают ей поиски, и, значит, она рассудила верно.

В эту ночь Веселый Роджер расстелил свои одеяла на песке возле плоской плиты отполированного водой песчаника. Он дремал. Но Питер не спал, его глаза бдительно поблескивали

в темноте. Мускулистые лапы были готовы к прыжку. Зевая, он не поскуливал и не лязгал зубами, как индейские собаки.

Постоянное общение с человеком, вынужденным скрываться от других людей, научило Питера осторожности, обострило все его чувства. Гнетущая тишина и неподвижность ночи внушили непонятную тревогу и ему: в них скрывалась какая-то неясная угроза, и Питер следил за каждым движением своего беспокойно ворочающегося хозяина, настораживаясь каждый раз, когда тот произносил во сне знакомое имя.

Но вот Мак-Кей позвал Нейду так, словно девушка стояла совсем рядом, он протянул руку — и она ударилась о камень. Его глаза открылись, и, медленно приподнявшись, он сел на песке. Небо очистилось от облаков, и в бледном свете звезд Веселый Роджер увидел, что около него кто-то стоит. Сначала он решил было, что это Солнечная Тучка, так как Питер весь потянулся к ней. Но, вглядевшись получше, узнал Желтую Птицу. Ее красивые глаза смотрели на него пристальным и странным взглядом. Он вскочил, подошел к ней и взял ее за руку. Рука была холодна как лед. Он почувствовал, что Желтая Птица дрожит всем телом. Внезапно она поглядела мимо него в темноту:

— Слушай, Никева!

Ее пальцы впились в его ладонь. В наступившей тишине он уловил стук ее сердца.

— Я слышу это уже в третий раз! — прошептала индианка.— Никева, тебе надо уходить!

— Но что ты слышишь?

Она покачала головой.

— Я не знаю. Но только опасность близка. Я видела ее тень над нашим типи, и о ней мне говорили ночные голоса. Она близко. Она подбирается осторожно и тихо. Она очень близко. Слушай, Никева! Ты слышал плеск?

— Это утка ударила крылом по воде, Желтая Птица!

— А это? — Ее пальцы сжались еще сильнее.— Слышишь? Точно дерево трется о дерево.

— Гагара закричала где-то вдалеке, Желтая Птица!

Она выпустила его руку.

— Никева, сделай, как я говорю! — умоляюще сказала она на языке кри.— Духи напитали эту ночь тревогой. Я не могла заснуть. Солнечная Тучка стонет и ворочается во сне. Быстрый Олень что-то шепчет. Ты звал Нейду, У-Ми, когда я подошла к тебе. Я знаю: опасность близко. Совсем близко. И грозит она тебе.

— Но ведь раньше ты говорила, что меня теперь ждут счастье и покой, Желтая Птица! — напомнил Роджер.— Ты ска-

зала, что духи обещали, будто полиция меня не поймает и в каком-то Далеком Краю я найду Нейду. Или духи отреклись от своих прежних слов, потому что ночь сегодня выдалась душная?

Желтая Птица вглядывалась в темноту.

— Нет, они говорили правду,— прошептала она.— Только они хотели рассказать мне еще о многом, но почему-то не могли. Когда они хотели показать мне Далекий Край, где ты найдешь Голубку, его всякий раз заслоняло облако. А теперь они говорили мне, что опасность вон там, на озере.— Внезапно она схватила его за локоть.— Никева! Неужели ты и теперь не слышал?

— Рыба выпрыгнула из воды, только и всего, Желтая Птица.

Вдруг Питер глухо заворчал, и, повернувшись к нему, Мак-Кей увидел, что и он вглядывается в темноту, окутывающую озеро.

— В чем дело, Хромуля? — спросил он.

Питер опять заворчал.

Роджер погладил холодные пальцы, лежавшие на его локте.

— Иди ляг, Желтая Птица. У меня только один враг — полицейские в красных мундирах. А они не рыщут по лесам темной ночью.

— Нет, они гонятся за тобой,— возразила она.— Я не вижу их, но я слышала — они совсем близко.— Ее пальцы опять сжали его руку.— Очень близко! — повторила она.

— Просто ты устала, Желтая Птица, и тебе чудится бог весть что! — ответил он, вспомнив, как двое суток она не спала и не ела, чтобы лучше слышать голоса духов.— Никакой опасности нет. Просто в такую душную ночь трудно спать, и ты боишься, сама не зная чего.

— Это духи меня разбудили,— стояла она на своем.— Никева, они ничего не забывают. Они не забыли, как ты нашел нас в ту зиму, когда мы все умирали от голода и болезни, когда я боялась, что Солнечная Тучка закроет глаза, чтобы уснуть, и больше никогда их не откроет. Они не забыли, как в ту зиму ты грабил факторию, чтобы спасти нас от смерти. А раз они помнят всё это, они не могут солгать! Я первая прокляла бы их тогда. Но они не лгут.

Мак-Кей молчал. Убежденность Желтой Птицы снова подействовала на него. А индианка, не глядя ему в лицо, продолжала мелодичным голосом:

— Ты сейчас уйдешь, Никева, и мы свидимся не скоро. Не забывай того, что я тебе говорила. И верь. Где-то есть Далекий Край — так сказали духи. Там ты найдешь У-Ми, Голубку, и счастье. А если ты вернешься туда, где оставил Голубку, когда бежал от полицейских в красных мундирах, то не найдешь

ничего, кроме черноты и опустошения. Верь мне, и все будет хорошо. Но если ты не поверишь...

Она внезапно умолкла.

— Ты слышал, Никева? Это не утка била крылом, не гагара кричала и не рыба плеснула в озере! Это плеснуло весло!

Роджер наклонил голову и прислушался.

— Да, это весло,— согласился он, и собственный голос показался ему чужим.— Наверное, кто-нибудь из твоих соплеменников возвращается в стойбище, Желтая Птица.

Она шагнула вперед и протянула к нему руки. Ее волосы и глаза бархатисто блестели в свете звезд. Полураскрытые губы дрожали.

— Прощай, Никева! — шепнула она.

Вдруг, опустив руки, она стремительно побежала к своему типи и вскоре вышла оттуда в сопровождении Быстрого Оленя. Веселый Роджер молча смотрел, как они подошли к самой воде, прислушиваясь, пройдет ли незнакомая лодка мимо или повернет к берегу. Лодка приближалась медленно и осторожно. Над водой вырисовывался ее смутный силуэт, но с каждой минутой он становился все более четким, и наконец Мак-Кей разглядел, что в ней сидят двое. Быстрый Олень, войдя по колени в воду, окликнул лодку.

Ему ответил голос, при звуке которого Мак-Кей, как подстреленный, упал на песок рядом с Питером, а Питер оскалил зубы и зарычал. Затем, повинуясь прикосновению руки хозяина, он скользнул за ним в тень, и Веселый Роджер достал из-под куска парусины свой заплечный мешок и бесшумно просунул руки в лямки, продолжая наблюдать и слушать.

Когда снова раздался тот же голос, он усмехнулся и шепнул:

— Хромуля, это Кассиди! Он нас таки выследил, рыжий лис!

В его глазах запрыгали веселые огоньки, и Питер решил было, что его хозяин смеется. Веселый Роджер приставил ладони рупором ко рту и крикнул громко и отчетливо:

— Э-эй, Кассиди? Это ты, Кассиди?

Питер, задохнувшись, прислушался. Он чувствовал, что на них надвинулась ужасная опасность. Ни с озера, ни с берега не доносилось ни звука. После оклика Веселого Роджера повсюду воцарилась мертвая тишина.

Затем снова прозвучал тот же голос, и каждое слово прорезало темноту с четкостью ружейного выстрела:

— Да, это Кассиди. Капрал Теренс Кассиди из отряда «М» королевской северо-западной конной полиции. Это ты, Мак-Кей?

— Да, это я,— отозвался Веселый Роджер.— А наш договор еще в силе, Кассиди?

— В силе!

На берегу мелькнула какая-то тень, и снова прозвучал голос:

— Берегись, Мак-Кей! Если ты пошевелишься, я буду стрелять!

С пистолетом в руке Кассиди бросился к тому месту, где только что были Веселый Роджер и Питер, но там валялся лишь кусок парусины. Индеец, проводник Кассиди, подошел к нему, и они долго стояли неподвижно, прислушиваясь, не хрустнет ли где-нибудь ветка. Быстрый Олень остановился возле них, а затем к нему присоединилась и Желтая Птица, чьи глаза горели от волнения, как угли. Кассиди оглянулся на нее: он был поражен ее красотой, но выражение ее лица ему не понравилось. Ирландец бросился назад к воде и внезапно остановился как вкопанный, с растерянным возгласом: его лодка исчезла со всем снаряжением!

Позади него в сумраке звездной ночи раздался звонкий смешок, и Желтая Птица скрылась в своем типи.

А из тумана над водой донесся далекий голос Веселого Роджера Мак-Кея:

— Всего хорошего, Кассиди!

Конец фразы был заглушен вызывающим собачьим лаем.

У себя в типи Желтая Птица притянула к теплой груди темноволосую головку Солнечной Тучки и с сияющей улыбкой взглянула вверх, на отверстие дымохода, через которое к ней пришло предостережение духов. И вновь до нее донесся далекий крик:

— Всего хорошего, Кассиди!

Глава XII

Веселый Роджер скользил в лодке Кассиди по темной, чуть мерцающей воде Уолластона, ритмично работая веслом, и ночной воздух казался ему бодрящим напитком. Здесь не чувствовалась гнетущая духота. Отражения звезд колебала легкая рябь, потому что поднялся ветер. И любовь к приключениям вновь проснулась в крови Мак-Кея. Он смеялся, налегая на весло, и на время забыл о том, что он разбойник, преследуемый полицией, и что, лишившись Нейды, он утратил все, ради чего стоило жить. В его смехе звучала прежняя веселая беззаботность — ему очень нравилась шутка, которую он сыграл с Кассиди. Он словно видел, как Кассиди, охваченный пламенем бешенства, даже еще более огненным, чем его волосы, с руганью мечется по берегу в поисках лодки.

— Мы с ним неразлучны,— объяснял Веселый Роджер Питеру.— Куда я, туда и Кассиди. Видишь ли, дело обстоит так. Давным-давно Кассиди дали, как это у них называется, задание.

А задание было примерно такое: «Изловить Роджера Мак-Кея живым или мертвым!» И с тех пор Кассиди его выполняет. Но ему никак не удается схватить меня, Хромуля. Всегда он на одну минуту опаздывает!

Но хоть Веселый Роджер и смеялся, в его сердце жило одно желание, в котором он не признавался даже самому себе. Ему не раз представлялся случай убить Кассиди, а Кассиди не раз мог убить его. Но ни тот, ни другой не воспользовались подобной возможностью. Они вели честную игру, как подобает настоящим людям, и Веселый Роджер, убедившись в благородстве своего преследователя, начал испытывать к нему что-то вроде дружеского чувства — подчас ему хотелось подойти к Кассиди и крепко пожать ему руку. Тем не менее он всегда помнил, что на земле у него нет врага беспощаднее капрала Кассиди, который долгие месяцы и годы гнался за ним по Голым Землям, за Полярным кругом, вниз по реке Маккензи и вверх по ней — неутомимый преследователь, не раз почти настигавший его на протяжении десяти тысяч миль, которые они проделали по глухим дебрям Севера. Вместе играя в эту захватывающую игру, они преодолевали самые смертоносные опасности, какими грозит эта суровая страна. Они голодали и мерзли, и не раз позади них простиралась тысяча миль пустоты, и даже смерть казалась лучше того, что могло ждать их впереди. Но даже и в этой пустыне, когда тоска одиночества начинала граничить с безумием, ни тот, ни другой не сдавался. Игра не кончалась: Кассиди продолжал погоню, а Веселый Роджер Мак-Кей отстаивал свою свободу.

Теперь, плывя на северо-восток, Веселый Роджер вспоминал о договоре, который они заключили много недель назад у Гребня Крэгга, когда он снова взял над Кассиди верх и тот поклялся выйти в отставку, если опять упустит его при следующей встрече. Кассиди, конечно, сдержит слово, и что-то подсказывало Роджеру, что в эту ночь начался последний акт драмы, разыгрываемой двумя актерами. Он снова усмехнулся, представляя себе, как развиваются дальше события на берегу. Кассиди именем закона требует у Быстрого Оленя лодку и снаряжение, а тот с величавым достоинством вождя всячески тянет время. Роджер не сомневался, что успеет уйти от рыжеволосой ищейки по крайней мере на милю, прежде чем погоня возобновится. А озеро Уолластон, достигавшее шестидесяти миль в длину и тридцати в ширину, предлагало ему немало укромных уголков, которые могли послужить безопасным убежищем.

Поднявшийся юго-западный ветер благоприятствовал намерениям Мак-Кея, и он принялся грести с меньшей осторожностью и большей энергией. В течение двух часов он, руководствуясь звездами, плыл точно на восток, а потом повернул на север. На рассвете показался лес противоположного берега, и

солнце еще не успело взойти, как Мак-Кей вытащил лодку на песок у оконечности мыса, откуда открывался вид на все озеро.

Удобно устроившись в тени густых елей, Веселый Роджер и Питер весь день высматривали своего врага. Но на тихих просторах Уолластона нигде не было видно ни единой лодки. Только в туманный час перед наступлением сумерек Мак-Кей разжег наконец костер и приготовил ужин из запасов Кассиди: он знал, что в ясную погоду дым заметен с гораздо большего расстояния, чем лодка. Но хотя он и принял эту меру предосторожности, он не сомневался, что уже может спокойно возвратиться к племени Желтой Птицы.

— Видишь ли, Хромуля,— объяснил он Питеру, закуривая трубку,— Кассиди думает, что мы во все лопатки улепетываем на Север. Он отправится к верхнему концу озера, а оттуда по Блэк-ривер к озеру Поркьюпайн. Это обширный край — ведь мы с Кассиди никогда не стеснялись расстояниями в наших прежних прогулках. Так вернемся к Желтой Птице, Питер? И к Солнечной Тучке.

Питер в ответ застучал хвостом по земле, но Веселый Рождер уже усомнился в разумности своего решения. Он хотел вернуться назад: вместе с темнотой на него нахлынула тоска одиночества. Только у Желтой Птицы мог он искать сочувствия, только она горевала вместе с ним из-за того, что он потерял Нейду. Когда он был с ней, его не томило отчаяние, ее голос внушал ему надежду, а она, всем сердцем желая ему счастья, обещала, что все его беды кончатся и на смену мраку придет свет. Он уже спустился к воде, где маленькие волны набегали на крупную гальку, но что-то удержало его, и он вернулся туда, где на куче лапника было расстелено его одеяло. Он лег, но еще долго смотрел перед собой в темноту и никак не мог уснуть.

Он забыл о Кассиди и думал теперь только о Желтой Птице. Прежние сомнения, опиравшиеся на доводы рассудка, сменились желанием поверить, с которым он не хотел бороться. За годы, проведенные в лесах, он наслышался всяких рассказов о странных способностях индейских шаманов. Его мать была убеждена в том, что мысль обладает особой силой, и учила этому сына, а ему, поклоннику природы, нетрудно было поверить ей.

«Думай о чем-нибудь, верь, что это сбудется,— и это непременно сбудется»,— повторяла она. То же говорила и Желтая Птица. Так, может быть, это правда? Вдруг и в самом деле ее мысль встретилась с мыслью Нейды и даже проникла в будущее, чтобы указать ему путь? Он ничего не видел и не слышал вокруг — ему уже казалось, что происшествие прошлой ночи служит доказательством необычного дара Желтой Птицы. Ведь она предупредила его о приближении опасности! Не колеблясь и не сомневаясь! Она ничего не видела и не слышала, но пришла к

нему полная уверенности. Она знала, что Кассиди близко!

Роджер сел, сердце его бешено билось. Да, да, конечно, это доказательство! Желтая Птица дала ему это доказательство невольно. Ею двигала только забота о его безопасности, ее любовь к нему. И тут же, как ни соблазнительно было поверить в столь простое объяснение, он вновь усомнился. Если бы Желтая Птица велела ему немедленно вернуться к Нейде, он поверил бы ей неколебимо и тотчас же пустился бы в путь. Но она запретила ему это и предсказала, что его возвращение принесет ему только отчаяние и горе. Она уговаривала его идти неведомо куда и искать фантазию, небылицу — несуществующий Далекий Край, о котором ей сказали несуществующие духи. И вот в этом Далеком Краю, если он до него доберется, он найдет Нейду и вечное счастье. Нет, если поразмыслить трезво, он пытается поверить в какой-то первобытный миф! Быть может, у Желтой Птицы и есть какие-то особые способности, но они очень ограниченны. И верить всему, что она говорит, уноситься на крыльях суеверия и воображения за пределы реального — значило уподобиться невежественному дикарю.

Веселый Роджер вновь растянулся на своем одеяле, еще раз повторяя этот последний неопровержимый довод. Однако, когда он наконец уснул, на сердце у него было непривычно легко. Ему приснилась Нейда. Они опять были вместе, но почему-то Желтая Птица все время следила за ними, и они никак не могли ускользнуть от нее. Они бежали по полянам в ельнике, по землянике и по фиалкам — он бежал позади Нейды и видел, как бьются на ветру ее каштановые кудри.

Но как ни быстро они бежали, где бы ни прятались, Желтая Птица не отставала от них. Всюду они встречали взгляд ее темных глаз, и в конце концов, смеясь над собственным смущением, он остановил Нейду возле пригорка, заросшего белыми, голубыми и желтыми цветами, обнял ее и поцеловал, а Желтая Птица смотрела на них из-за куста шиповника в двадцати ярдах от них. Поцелуй этот был настолько реален, настолько реальным было прикосновение теплых рук Нейды к его шее, что он проснулся с радостным криком... и увидел, что небо порозовело.

Несколько секунд он сидел, не в силах разобраться, где сон, а где явь. Потом подозвал Питера и спустился с ним к озеру.

Весь этот день Питер чувствовал в хозяине какую-то перемену. Веселый Роджер не разговаривал с ним, не свистел и не смеялся, а почти все время сидел неподвижно, и на лице его было непонятное застывшее выражение. Он в последний раз давал бой своему желанию вернуться к Гребню Крэгга. Предсказывания и предостережения Желтой Птицы теперь никак на него не влияли. Он думал только о Нейде. Она ждет его там и с радостью последует за ним в его скитаниях, готовая жить и

умереть с ним, деля его горе и радость. И раз десять он уже собирался было отправиться в обратный путь. Но тут же перед его мысленным взором вставало другое видение: вечное бегство, необходимость прятаться, голод, холод, бесконечные невзгоды, а потом неизбежная, как восход солнца, тюрьма, а может быть, и виселица.

Только к вечеру Питер увидел на лице хозяина прежнее выражение — он снова стал Веселым Роджером, и этот Веселый Роджер сказал:

— Вот мы и решили, Хромуля. Назад возвращаться нам нельзя. Пойдем-ка на Север и перезимуем на краю Голых Земель. Это такие просторы! И если Кассиди явится туда...

Он мрачно пожал плечами.

Через час, когда солнце уже сильно клонилось к западу, они отправились в путь.

Два дня Роджер и Питер неторопливо плыли вдоль восточного берега озера Уолластон. Мак-Кей не сомневался, что правильно угадал, как будет рассуждать Кассиди, строя планы новой погони. Кассиди, конечно, отправится вдоль западного берега, а потом через озеро Хатчет и вверх по Блэк-ривер, так как прежде его противник, когда опасность была близка, всегда уходил прямо на Север. Сам же Веселый Роджер решил не спеша пробираться вдоль восточного берега Уолластона, чтобы потом по рекам Броше и Тивьязе уйти от погони на северо-восток. В таком случае с каждым часом расстояние, отделяющее их от Кассиди, будет увеличиваться, и, выждав необходимое время, они с Питером спокойно доберутся до Голых Земель.

Питер — и только Питер — замечал великолепие окружающей природы, когда под вечер третьего дня они медленно плыли под самым берегом, приближаясь к прозрачному потоку, который зовется ручьем Хромого Лося. До заката оставалось еще два часа. Стояла полная тишь, и воды Уолластона застыли сверкающим зеркалом. И все же тихий воздух чуть покусывал осенним холодком, а лес на холмистых берегах уходил вдаль красными и золотыми волнами, окутанный сентябрьской туманной дымкой, похожей на дымок пудры, слетевшей с пуховки. Этому вечеру было суждено навеки врезаться в память Питера — этого заката он не забыл до конца своих дней.

Но ничто не предвещало опасности: глаза Питера видели только чудеса окружающего мира, уши слышали только дремотные голоса леса, а нос чуял только благоухание смолы и запаха спелых ягод. Прямо перед ними за белой полосой береговых песков тянулась невысокая гряда холмов, где лиловатая зелень хвойных деревьев перемежалась алыми пятнами рябины и полосками огнецвета, пламеневшего в лучах заходящего солнца.

Из этого райского уголка до них по мере приближения

доносились только птичьи голоса да болтовня рыжих белок. Громко кричала сойка, а между первой и второй — более высокой — грядой стая ворон взволнованно кружила над черной медведицей и ее полувзрослыми медвежатами, которые лакомились ягодами рябины. Но запах медведей не доносился до Питера, он не слышал их фырканья, и далекие вороны интересовали его куда меньше, чем тайны приближающегося берега.

Со своего места на носу лодки Питер оглянулся на хозяина. Лицо и глаза Веселого Роджера оставались тусклыми. Береговые леса не манили его, как Питера. Там, как и всюду, его ждала только пустота, неизбежное одиночество, хаос погибших надежд, разбитые мечты. Он утратил любовь к жизни. Он больше не видел красоты. Солнце стало другим. Небо — тоже. Мысль о бескрайности лесных дебрей теперь угнетала его, а не радовала, как прежде.

Питер ясно чувствовал перемену в хозяине, хотя и не понимал ее причины. Как Веселый Роджер больше не видел вокруг себя прежнего мира, так и Питер больше не видел прежнего Веселого Роджера.

Они пристали к косе, где песок был мягче ковра. Питер выскочил из лодки. Пара чибисов стремительно бросилась от него поперек косы. Он насторожил треугольные уши, и тут его нос уловил весьма интересный запах: по песку недавно прошел дикобраз. Хриплый голос сойки звучал теперь совсем близко, как и мелодичное цоканье белки.

Питер почувствовал глубокое удовлетворение. Ведь это было воплощением жизни, а он, в отличие от хозяина, любил жизнь по-прежнему. Питер смело направился туда, где за ивняком, молодыми березками и алыми полосами огнецвета начинался лес. Тут недавно прошел дождь, и все запахи были свежими и приятными.

Он отыскал куст черной смородины, усыпанной сочными глянцевитыми ягодами, и начал их ощипывать. Суслик, считавший этот куст своей собственностью, недовольно пискнул и сердито посмотрел на собаку из-под мохнатого листа папоротника. Питер завилял хвостом — долгое общение с хозяином научило его добродушию. Он дружески тявкнул.

И тут до его ушей донесся звук, от которого напряглись все его мышцы:

— Руки вверх, Мак-Кей!

Питер оглянулся. Между ним и берегом стоял человек. Он сразу узнал его. Это его запах он впервые почуял у хижины индейца Тома, это от него убегал его хозяин, это его голос они слышали три ночи тому назад у типи Желтой Птицы. Теренс Кассиди, капрал королевской северо-западной полиции!

В двадцати шагах от Кассиди стоял Мак-Кей с заплечным

мешком на спине и с веслом в руке. Кассиди с мрачной улыбкой держал его под прицелом. На мгновение все они застыли в незабываемой живой картине. Кассиди был без фуражки, и его рыжие волосы горели на солнце. Он раскраснелся, в голубых ирландских глазах сверкала яростная радость: наконец-то после долгих лет их рискованная игра завершилась. Последний ход сделал он — и выиграл.

Почти минуту после оклика Мак-Кей стоял неподвижно. И Кассиди не повторял приказа: он понял, что его противник оглушен неожиданностью, и готов был дать ему время прийти в себя. Потом Веселый Роджер судорожно вздохнул. Его плечи поникли. Мешок соскользнул на землю. Он выпустил весло и медленно поднял руки над головой. Кассиди негромко засмеялся.

Еще несколько дней назад Мак-Кей спокойно усмехнулся бы ему в ответ, воздавая должное противнику даже в час своего поражения. Но теперь он был другим.

И Кассиди теперь тоже представлялся ему другим. Не храбрецом, свято выполняющим свой долг, не благородным противником, которого он был бы рад назвать другом даже в самый разгар их поединка. Теперь он видел в Кассиди палача. На него ополчился весь мир, и вот, когда он дошел до последнего предела отчаяния, безжалостная судьба поручила Кассиди нанести ему смертельный удар.

Он послушно поднял руки, но его душил слепой гнев. В глазах у него потемнело. В эту минуту он не думал ни о законе, ни о смерти, ни о свободе. Несправедливость всего случившегося привела его в бешенство, заставила жаждать одного — мести. Пистолета Кассиди, наведенного на его грудь, он просто не замечал. Он не заметил бы сейчас и тысячи пистолетов. С воплем ярости он схватился за кобуру.

В последнюю секунду Кассиди разгадал его намерения и крикнул:

— Стой! Ради бога, остановись, а то я выстрелю!

Даже Питер почувствовал, что эти секунды чреваты страшной угрозой — трагедией, смертью. Питеру было знакомо это ощущение — он испытал его, когда вцепился в ногу Джеда Хокинса, чтобы спасти Нейду.

В ту кратчайшую долю секунды, которая понадобилась Питеру для прыжка, палец капрала Кассиди успел лечь на спусковой крючок, так как Мак-Кей уже почти вытащил пистолет из кобуры. Кассиди прицелился ему в плечо — он не хотел его убивать.

Питер ударил его всем телом в тот момент, когда он выстрелил, и Мак-Кей услышал, как пуля просвистела мимо его уха. Он выхватил пистолет. Питер, все крепче сжимавший зубы,

услышал второй выстрел и понял, что стреляет его хозяин. Третьего выстрела не последовало. Кассиди тяжело осел на землю, и у него вырвалось что-то вроде смешка — только это был не смешок. Он перекатился на бок, придавив Питера.

Веселый Роджер продолжал стоять, сжимая пистолет и глядя перед собой застывшим взглядом. Питер кое-как выбрался из-под навалившегося на него тела и теперь недоуменно поглядывал то на хозяина, то на человека, который распростерся на песке, точно гигантский паук. Затем Мак-Кей очнулся. Он бросил пистолет, словно что-то ненужное и страшное, и, с криком подбежав к Кассиди, нагнулся над ним.

— Кассиди... Кассиди...— повторил он.— Господи, да я же не хотел! Кассиди, дружище...

В его голосе было такое страдание, что Питер перестал рычать. Мак-Кей приподнял Кассиди за плечи и откинул рыжие волосы. Он ничего не видел вокруг себя. Он убил Кассиди. Убил! Он стрелял, чтобы убить, и знал свою меткость. Наконец-то он стал тем, чем давно хотел видеть его закон,— убийцей! И жертвой оказался Кассиди — человек, который с начала и до конца играл честно, ни разу не пустил в ход подлого приема и теперь лежит мертвым на белом песке потому, что не воспользовался своим преимуществом и не подстрелил его сразу же. Он хрипло выругал себя и, посмотрев на лицо Кассиди, вдруг увидел чудо: глаза ирландца были открыты, губы кривились от боли, но усмехались.

— Я рад, что ты сделал это сдуру,— сказал он.— Мне не хотелось бы менять о тебе мнение, Мак-Кей. Но вот стрелок ты паршивый!

По его телу прошла судорога, улыбка исчезла, и, сдерживая стон, он сказал:

— Может... ты хочешь помочь мне, Мак-Кей? Если да, то в полумиле отсюда выше по ручью есть хижина. Я слышал стук топора... Видел дым... А тебя я не виню. Ты честный противник... и быстрый... а вот стрелок... паршивый... До чего же... паршивый...

Он попытался ухмыльнуться в лицо Веселому Роджеру и безжизненно повис у него на руках.

Веселый Роджер всхлипывал. Без слез, глухо, как плачут мужчины. Он разорвал рубашку Кассиди и увидел на груди под правым плечом сквозную рану. Он сбегал за водой, попробовал привести раненого в чувство, и все это время Питер слышал те же странные звуки, словно его хозяин задыхался. Потом Мак-Кей, встав на четвереньки, взвалил тело Кассиди себе на спину, выпрямился и, пошатываясь, пошел с ним к ручью. Там он увидел узкую тропку и побрел по ней не останавливаясь, пока не оказался на маленькой вырубке, где Кассиди заметил дымок.

Там стояла хижина, и оттуда к нему навстречу вышел старик в сопровождении девушки.

Питер тихонько взвизгнул, потому что ему показалось, что позади человека с белыми волосами и бородой идет Нейда. Та же стройная тоненькая фигурка, те же каштановые кудри и тот же... Но нет, это была не Нейда. Девушка была постарше. Выше ростом. И ее лицо, когда она увидела окровавленную ношу Роджера, побелело.

— Я застрелил его,— задыхаясь, сказал Мак-Кей.— Бог свидетель, я этого не хотел. Боюсь, что...

Он умолк, страшась высказать вслух свое опасение, что Кассиди умер или умирает. Несколько секунд он ничего не видел, кроме укоризненных глаз девушки. Старик помог ему внести раненого в дом. Только когда ирландец был уложен на койку, Мак-Кей вдруг заметил, что ослабел, точно ребенок, и понял, что ему стоило пройти этот путь с тяжелой ношей на спине. Он устало опустился на стул, а старый траппер хлопотал около Кассиди.

Он услышал, что девушка называет старика дедушкой. Ее страх прошел, и она сновала по хижине, готовя воду, повязки и подушки, а когда ее взгляд падал на белое лицо Кассиди, в нем появлялась нежность. Мак-Кей продолжал сидеть неподвижно, видя, что его помощь пока не нужна. Но когда раненый тихо застонал, Роджер встал и подошел к койке.

— Пуля прошла навылет,— сказал старик.— Хорошо, что ты не пользуешься разрывными пулями, приятель!

Кассиди глубоко вздохнул. Его веки задергались и медленно поднялись. Девушка как раз наклонялась над ним, и Кассиди увидел только ее лицо и каштановые кудри.

— Он не умрет? — робко спросил Веселый Роджер.

Старик молчал. Но Кассиди, чуть-чуть повернув голову, ответил слабым голосом:

— Не беспокойся, Мак-Кей! Не умру...

Веселый Роджер наклонился к Кассиди, заслонив от него девушку. Он осторожно взял раненого за руку.

— Мне жаль, что так вышло, старина,— прошептал он.— Ты победил — по-честному победил. И я не уйду далеко. Я буду тут, когда ты встанешь на ноги. Даю тебе слово.

Кассиди слабо улыбнулся, но тут же застонал и закрыл глаза. Девушка оттолкнула Роджера от койки.

— Да уж не уходите далеко! И подождите, чтобы он выздоровел,— сказала она, и ее горящие мрачным огнем глаза вызвали в его памяти глаза Нейды, когда она в хижине индейца Тома призналась ему, что Джед Хокинс ее ударил.

В этот вечер Веселый Роджер устроился на ночлег возле устья ручья. И в течение трех дней он почти все время проводил в хижине старого Робера Барона и его внучки Жизели. Кассиди

бредил. Он постоянно упоминал Веселого Роджера. И Жизель, которая не отходила от него ни днем ни ночью и почти не спала, в конце концов решила, что Мак-Кей и Кассиди — старые неразлучные друзья. Тем не менее она не соглашалась, чтобы Веселый Роджер сменил ее у постели больного. На третий день она отправила его за бинтами и лекарствами в факторию, до которой было шестьдесят миль.

Веселый Роджер и Питер вернулись через трое суток к вечеру. Окна хижины ярко светились, и Мак-Кей заглянул в одно из них. Кассиди сидел на постели, прислонясь к подушкам. Он совсем не был похож на умирающего, а рядом с ним на ковре из медвежьей шкуры сидела девушка. Что-то сжало горло Веселого Роджера. Он тихонько положил свои покупки на крыльцо и постучал. Когда Жизель открыла дверь, Роджер с Питером уже скрылись в темноте.

На следующее утро Мак-Кей подстерег старого Робера и сказал ему:

— Мне что-то не сидится на одном месте. Я вернусь через две недели. Передайте это Кассиди, ладно?

Десять минут спустя он уже плыл вдоль берега Уолластона и потом семь дней переезжал от устья одного ручья к другому, нигде подолгу не оставаясь. Питер замечал, что с каждым днем хозяин все больше худеет. Голос его совсем утратил былую веселость, он редко улыбался и никогда не смеялся. Питер старался понять, что произошло, и Мак-Кей разговаривал с ним, но не так, как прежде.

— Мы могли бы прикончить его и навсегда от него избавиться,— сказал он однажды, когда они с Питером грелись у костра, потому что вечер был холодный.— Могли-то могли, а не сделали этого — как не взяли с собой Нейду. И мы вернемся к нему. Я сдержу свое слово. Мы вернемся, Питер, и пусть нас потом повесят!

Веселый Роджер мрачно умолк, прикидывая, сколько еще у него осталось времени.

На десятый день он отправился в обратный путь и к вечеру двенадцатого дня вытащил лодку на песок в устье ручья Хромого Лося. Сам не зная почему, он, прежде чем пойти к хижине старика Барона, взглянул на свои часы. Было четыре часа. Он вернулся на два дня раньше, чем обещал, и это было ему приятно. Его сердце странно сжималось. Он верил в Кассиди. Конечно, ирландец объявит, что они сыграли вничью, и отпустит его еще раз попытать счастья в пустынных просторах. Такой человек, если он честно бьется об заклад, не отступает от условий. Ну, а если нет...

Веселый Роджер остановился и разрядил свой пистолет. Он, во всяком случае, больше стрелять не будет.

Неяркие лучи осеннего солнца лились в открытую дверь хижины. Мак-Кей, подходя, услышал смех Жизели. Она что-то говорила. Затем раздался мужской голос, а издали донесся стук топора. Старый Робер занимался обычным делом. Жизель и Кассиди были дома.

Мак-Кей поднялся на крыльцо и кашлянул, чтобы оповестить о своем приходе. Но, заглянув в комнату, он остановился на пороге как вкопанный.

Теренс Кассиди сидел в большом кресле. Жизель стояла позади, обнимая его за шею, и нежно его целовала.

Тут Кассиди увидел их с Питером.

— Входи-ка! — крикнул он так громко, что Жизель вздрогнула.— Да входи же, Мак-Кей!

Веселый Роджер вошел, и Жизель выпрямилась; ее щеки пылали, в глазах отражался закат. Теренс Кассиди, опираясь на ручки кресла, наклонился вперед и широко ухмыльнулся.

— А ты проиграл, Мак-Кей! — воскликнул он.— Выиграл-то я!

С этими словами он взял девушку за руку и вытащил ее из-за кресла.

— Ну-ка, Жизель, сдержи свое обещание: докажи ему, что выиграл я.

Жизель медленно подошла к Веселому Роджеру, ее щеки были алее вечернего неба, глаза смущенно улыбались. Веселый Роджер ждал, ничего не понимая. Внезапно руки Жизели обвили его шею, она чмокнула его в щеку, кинулась к креслу, упала на колени и спрятала лицо на груди Кассиди, который со смехом протянул Роджеру обе руки.

— Роджер Мак-Кей, знакомься: моя супруга, миссис Кассиди,— сказал он, и Жизель подняла на Роджера сияющие глаза.

Он по-прежнему растерянно молчал.

— Здесь вчера побывал миссионер из Броше и обвенчал нас,— услышал он голос Кассиди.— И помог мне написать прошение об отставке. Мы оба выиграли, старина. Я тебе очень благодарен за эту пулю: она принесла мне счастье. И вот тебе на этом моя рука, Мак-Кей.

Полчаса спустя Веселый Роджер возвращался по тропке к лодке; в его глазах стояли слезы, а сердце преисполнилось радостных надежд. Желтая Птица оказалась права. Разве не это пророчила она ему в ту ночь? А если так, то, наверное, сбудется и все остальное.

Он вновь поверил в возможность счастья, вновь почувствовал любовь к жизни, и пока он шел по тропинке в сопровождении Питера, его губы шептали имя Нейды, а мысли обращались к предсказанию Желтой Птицы, что когда-нибудь, где-то в

неизвестном месте они найдут то же счастье, которое уже нашли Жизель и Кассиди.

До ушей Питера доносился отдаленный стук топора, щебет птиц и цоканье белок, но слышал он только голос хозяина, прежний голос, веселый голос — голос, который он научился любить у Гребня Крэгга в дни фиалок и земляники, когда Нейда составляла весь его мир.

Глава XIII

Целью странствий Мак-Кея по-прежнему был лес, вдавшийся на сотню миль в Голые Земли. Три года назад он построил себе там хижину и в течение долгой зимы добывал лисьи шкурки. И теперь его манила не только хижина, но и охота на лисиц. Нужда гналась за ним по пятам. Деньги, которые он захватил с собой, покидая Гребень Крэгга, кончились, припасы тоже, а сапоги и одежда были все в заплатах из оленьей кожи.

У озера Сноуберд, куда он добрался через неделю после того, как расстался со счастливым Кассиди, ему улыбнулась удача. Два траппера как раз вернулись сюда на свой охотничий участок из Форт-Черчилля. Один из них заболел, и его товарищу нужен был помощник, чтобы построить хижину для зимовки. Мак-Кей пробыл с ними десять дней, и когда он пошел дальше на север, его заплечный мешок раздулся от припасов, на ногах у него были новые сапоги, а одежда стала более теплой.

Когда он добрался до своей укромной хижины в тысяче миль от Гребня Крэгга, была уже середина октября. В хижине все оставалось таким же, как три года назад. За это время в нее никто не входил. Чугунная печурка только и ждала, чтобы ее затопили. Позади нее лежали сухие дрова. На столе стояли жестяные тарелки, а к потолку, подальше от мышей и горностаев, были подвешены на сыромятных ремнях свертки с запасными одеялами и одеждой, с той далекой весны, когда он их тут оставил, казалось, прошли века. Он приподнял половицу — капканы, тщательно смазанные жиром карибу, лежали на своем месте. Полчаса Веселый Роджер сновал по хижине, доставая другие спрятанные вещи. Из разных тайников он извлек жестяную лампу, бидон с керосином и свечи, и к тому времени, когда спустилась ночь, в печурке уже весело ревел огонь, посылая в трубу снопы искр, единственное окошко хижины уютно светилось, а старый кофейник булькал и шипел, точно радуясь возвращению хозяина.

На рассвете Роджер начал готовиться к охотничьему сезону. В течение двух дней он убил трех карибу и запасся мясом на всю зиму. Затем он нарубил дров, приготовил отравленную приманку и наметил места для капканов.

Первого ноября по северной стране пронеслось леденящее дыхание зимы. И дальше к югу осень уже умирала. Последние ягоды рябины висели на оголившихся ветках, сморщенные и подмороженные, по ночам мороз сковывал землю, голос леса изменился, и ветры несли грозное предупреждение всем людям и зверям между Гудзоновым заливом и Большим Невольничьим озером, между Водоразделом и Ледовитым океаном. Семь лет назад, как помнил весь этот край, зима наступила со смертоносной внезапностью, сразу начались лютые холода, а с ними такой голод, какого Север не видел уже несколько десятков лет.

Но в этом году зима предупредила о своем приходе. Первую весть о ней сообщили ночные ветры, которые разносили над черными лесами ледяной запах айсбергов. Луна вставала красной и заходила тоже красной, и красным бывало восходящее солнце. Крик гагар смолк на месяц раньше срока. Диким гусям еще полагалось кормиться на Когалуке и по берегам Баффинова залива, а они уже летели на юг; бобры укрепляли стены своих хаток и укладывали молодые осинки и ольху поглубже на дне, чтобы не умереть с голоду, если ледяной покров будет толще обычного. На востоке, на западе, на севере и на юге в охотничьих хижинах и в волчьих логовах знали, что идет зима, и зима тяжелая. Кролики сменили серые шубки на белые. Лоси и карибу начали сбиваться в стада. По ночам заливисто лаяли лисицы, надвигающийся голод побуждал волков собираться в стаи, а в небе, озаренном красной луной, летели и летели на юг косяки гусей.

Весь ноябрь и весь декабрь Веселый Роджер и Питер вставали за два часа до рассвета и трудились, не зная отдыха, целый день напролет. Лисиц было так много, что Мак-Кею не хватало ни капканов, ни приманки. Десятого декабря он отправился в факторию, расположенную на девяносто миль южнее,— он вез с собой двести сорок лисьих шкурок. Веселый Роджер изготовил сани и упряжь для Питера. Сани они тащили вместе и через три дня уже добрались до фактории. А на четвертый день пустились в обратный путь с новыми припасами и тысячью долларов наличными.

Ударили морозы, завыли метели, но Мак-Кей продолжал ставить капканы и в начале февраля снова отправился в факторию.

На обратном пути их застиг Черный буран. Север не скоро его забудет! Это тогда замерзло все племя сарки у озера Дубонт — в живых не осталось никого. Деревья промерзали насквозь и лопались с треском, похожим на пушечный выстрел. Буран уничтожил всех зверей и птиц на границе Голых Земель от озера Абердин до Коппермайна. Реки промерзли до дна, а мужчина, выходя из хижины за дровами и водой, обвязывался веревкой, чтобы не заблудиться в слепящей лавине ветра и сне-

га. И когда он уже не мог противостоять ее ледяной ярости, жена, остававшаяся в хижине, изо всех сил тянула веревку, стараясь помочь ему.

Черный буран застиг Мак-Кея и Питера к западу от озера Артиллери и к югу от реки Телон и вынудил их закопаться. Они находились в области, где самая толстая ветка, торчавшая над снегом, была не толще большого пальца Мак-Кея. Весной на здешних равнинах, заросших сочной травой, паслись карибу, но зимой, когда тут завывала арктическая буря, эти места превращались в сущий ад.

Веселый Роджер увидел большой сугроб, наметенный у огромного валуна. Сугроб этот не уступал по ширине сельской церкви и был почти так же высок, а его поверхность под постоянным воздействием ветра и ледяной крупы стала твердой как камень. Веселый Роджер с помощью ножа прорезал в корке узкую дверь и принялся выгребать через нее более мягкий снег, пока не выкопал пещеру величиной в половину своей хижины. Вскоре его собственное тепло и тепло Питера так нагрело эту уютную комнатку, что он мог сбросить доху.

В эту первую ночь бурана Питеру казалось, что все люди мира вопят и рыдают в черном мраке снаружи. Веселый Роджер время от времени закуривал трубку, хотя курение в темноте не доставляло ему особого удовольствия. Вьюга не внушала ему страха — наоборот, он, как ни странно, чувствовал себя спокойно и уверенно. Ветер завывал и бился об сугроб, но внутрь проникнуть не мог. Он лишь наметал больше снега, который делал убежище еще более теплым и безопасным. Эта дикая ярость была не только устрашающей, в ней чудилось что-то нелепое, и Питер слышал, как его хозяин тихонько посмеивается в темноте. С тех пор как в теплые дни осени они в последний раз повстречали рыжего Кассиди и хозяин застрелил его на белом берегу Уолластона, Питер все чаще слышал этот смех.

— Видишь ли,— начал Мак-Кей, на ощупь отыскивая курчавую шею Питера,— дела у нас идут все лучше и лучше. Я даже начинаю верить, что слова Желтой Птицы сбудутся и мы еще будем счастливы с Нейдой. Что скажешь, Хромуля? Не отправиться ли нам весной к Гребню Крэгга?

Вместо ответа Питер заерзал под ласковой рукой, а на сугроб с визгом обрушился новый порыв ветра.

Пальцы Веселого Роджера стиснули загривок Питера.

— Значит, мы пойдем туда,— объявил он, словно сообщая Питеру неожиданную новость.— Я теперь поверил Желтой Птице. Поверил — и все. Это ведь не было простое гаданье. И она не колдовала, как колдуют индейские шаманы. Ради тебя и меня она закрылась у себя в типи и три дня ничего не ела — это должно было помочь, верно? Как по-твоему?

Питер фыркнул и лязгнул зубами, показывая, что он все понял.

— Ведь многое из того, что она нам говорила, уже сбылось,— убеждал себя Веселый Роджер.— Против этого не поспоришь, Хромуля. Она предупредила, что за нами гонится Кассиди,— так оно и вышло. Она сказала, что духи обещали ей уберечь нас от тюрьмы. Мы уже думали, что все пропало, когда он держал нас под прицелом на берегу, а мы спаслись и подстрелили его, и это была не просто удача. А потом мы отнесли его в хижину, и внучка траппера стала его выхаживать. Кассиди взял да и влюбился в нее... и женился на ней. Получается, что Желтая Птица и тут была права. Ну как ей не поверить? А она говорила, что все у нас кончится хорошо, мы вернемся к Нейде и будем счастливы...

Трубка Роджера светилась в темноте алым пятнышком.

— Вот что! — сказал Мак-Кей.— Зажгу-ка я спиртовую лампочку. Что-то нам не спится. И я хочу покурить в свое удовольствие. А что за радость курить, когда не видишь дыма? Жаль, что собаки не умеют курить, Питер. Ты, бедняга, даже не знаешь, что значит хорошая трубочка в такой вот час.

Порывшись в тюке, Мак-Кей достал спиртовую лампочку — ее резервуар был полон и надежно завинчен. Питер слушал, как хозяин возится в темноте. Затем чиркнула спичка, желтый огонек озарил лицо Веселого Роджера, и Питер радостно взвизгнул — было очень приятно вдруг увидеть хозяина. Через мгновение маленькая лампочка уже отбрасывала на белые стены их убежища голубоватый свет. Зрачки Веселого Роджера от долгого пребывания в темноте расширились, и глаза его казались черными. Колючая щетина покрывала щеки и подбородок. И все же он излучал бодрость, словно назло буре, бушевавшей снаружи. Воткнув лыжу[1] в снежную стену, он, как на столик, поставил на нее лампочку и дружески подмигнул Питеру. А потом со вздохом удовлетворения задымил трубкой и, поднявшись на ноги, оглядел их приют.

— Неплохо, верно? — осведомился он.— Стоит нам захотеть, и мы нароем себе здесь сколько угодно комнат, а, Питер? Будут у нас и гостиные, и спальни, и библиотека — и ни единого полицейского на миллион миль вокруг. Вот что самое приятное во всем этом, Хромуля,— конной полиции мы тут можем не опасаться. Им и в голову не придет разыскивать нас под сугробом в этой богом забытой тундре. Ведь так?

Эта мысль доставила Роджеру большое удовольствие. Он расстелил одеяла на снежном полу, уселся на них лицом к Питеру и продолжал с гордым смешком:

[1] Индейские лыжи гораздо короче и шире европейских и имеют овальную форму. На них по снегу не скользят, а ступают.

— Мы оставили их в дураках, Хромуля. Мир не так уж велик, когда приходится прятаться, но тут нас никто не разыщет, ищи он хоть миллион лет. Вот если бы нам удалось отыскать такой же безопасный уголок, где могла бы жить и женщина... И если бы с нами была Нейда...

За последние недели Питер не раз видел тот огонь, который вспыхнул сейчас в глазах Веселого Роджера. Этот огонь и странная дрожь в голосе хозяина говорили ему больше, чем слова, которые он тщетно пытался понять.

— А она будет с нами! — яростно докончил Мак-Кей и, сжав кулаки, наклонился к Питеру: — Мы, Хромуля, сделали большую ошибку и не скоро догадались об этом. Нам нелегко будет расстаться с нашим Севером, да только придется. Может, добрые духи Желтой Птицы подразумевали как раз это, когда они говорили про Далекий Край, где мы с Нейдой найдем счастье. Далеких Краев на земле полным-полно, Питер, и весной, как только сойдет снег, чтобы можно было идти, не оставляя следов, мы вернемся к Гребню Крэгга, заберем с собой Нейду и отправимся туда, где закон нас никогда не разыщет. Например, в Китай. Там живут люди с желтой кожей... Ну, да нам-то что? Лишь бы она была с нами! И вот еще...

Внезапно он умолк. Насторожился и Питер. Оба они повернулись к узкой дыре, уже наполовину засыпанной снегом, которую Мак-Кей прорезал в ледяной корке сугроба вместо двери.

Они привыкли к вою метели. Питер теперь не вздрагивал от ее пронзительного визга и почти человеческих стенаний. Но тут вдруг раздался звук, не похожий на все прежние. Это был голос. Не призрачный голос ветра, а настоящий человеческий голос, и прозвучал он так близко, что даже Веселый Роджер почувствовал что-то вроде страха. Ему показалось, что у самого их сугроба кто-то громко выкрикнул какое-то имя. Но второго зова не последовало. Ветер затих, и снаружи на мгновение воцарилось безмолвие.

Веселый Роджер засмеялся немного вымученно.

— А хорошо, что мы не верим в привидения, Питер, не то бы мы подумали, что там, за стеной, бродит волк-оборотень! — Он набил трубку и кивнул: — Имеется еще Южная Америка. У них там все есть: и самые большие в мире реки, и самые высокие горы, и такие просторы, что даже волк-оборотень нас там не разыщет. Ей там понравится, Хромуля! Ну, а если она предпочтет Африку или, скажем, Австралию, а может, острова Южных Морей... Это еще что такое?

Питер подпрыгнул словно ужаленный, а Веселый Роджер застыл, как индеец. Потом он вскочил на ноги и недоуменно посмотрел на Питера:

— Что это было, Хромуля? Ветер, каков бы он ни был, не может стрелять из ружья, верно?

Питер тыкался носом в рыхлый снег, засыпавший дверь из убежища. Он глухо ворчал. Глаза за жесткими кудряшками яростно засверкали, и он посмотрел на Роджера, прося разрешения разбросать этот снег и выбраться в воющую тьму. Мак-Кей медленно выбил пепел из трубки и сунул ее в карман.

— Мы пойдем посмотрим,— сказал он странным голосом.— Но это же неразумно, Питер. Ветер — и только. Людей там быть не может. И то, что мы слышали, не было выстрелом... Ветер...

Двумя-тремя движениями Мак-Кей разгреб снег — отверстие находилось с подветренной стороны,— и когда он наполовину высунулся из него, то почти не почувствовал ветра.

Но над сугробом по-прежнему мчалась лавина бури, и он не слышал ничего, кроме ее воя. И ничего не видел — даже собственную вытянутую руку.

— За нами столько гонялись, что мы стали какими-то сверхчувствительными,— заметил он, заползая обратно в голубоватый круг света и кивая Питеру.— Пора и на боковую, дружок. А для сна лучше места не найти: свежего воздуха хоть отбавляй, и ни тебе комаров, ни мух, а уж о полиции и говорить нечего — скоро мы вообще забудем, какой у них вид. Если ты согласен, выпьем холодного чайку, перекусим...

Он не докончил. На мгновение ветер чуть стих, словно собираясь с силами. И то, что Мак-Кей услышал теперь, заставило его вскрикнуть, а Питер залаял. Из черноты ночи до них донесся женский голос! Как ни был Роджер поражен и ошеломлен, он сразу понял, что это не ветер и не обман усталого слуха. Он прозвучал совершенно ясно, этот женский голос, который пронесся над тундрой, призывая на помощь, и тут же замер, слился с воем метели. И тем не менее Мак-Кей усомнился. Женщина — здесь? Он судорожно сглотнул и попробовал усмехнуться. Женщина... в буран, в тысяче миль от ближайшего селения! Нет, это невозможно.

Но смех у него не получился, а сердце сжалось от тревоги. В бледном свете спиртовки было видно, как широко раскрылись его глаза.

Он взглянул на Питера. Пес, весь вытянувшись, стоял у отверстия. Он дрожал.

— Питер!

Питер помахал хвостом и повернул щетинистую морду к хозяину. Веселый Роджер не раз видел этот предостерегающий взгляд своего четвероногого товарища. Снаружи кто-то был! Или Питера, как и его самого, буран свел с ума?

И, вопреки доводам рассудка, Веселый Роджер решил отправиться на поиски. Он надел лыжи и поставил лампочку так,

чтобы ее свет был виден со стороны тундры. Потом он выполз через дыру. Питер последовал за ним.

Словно разъяренный их дерзостью, буран обрушился на них из-за сугроба. Они слышали пронзительный скрип ледяной крупы, проносившейся над их головами мириадами дробинок. Ветер доставал до них даже в их убежище и бросал им в лицо колючую снежную пыль. Перед ними в стонущем мраке простиралась тундра. Питер посмотрел вверх, ничего не увидел, но все же понял, откуда брались жуткие стоны, которые он слышал весь вечер: это ветер хлестал по сугробу.

Веселый Роджер напрягал слух, но слышал только завывания бурана, разыгравшегося над тысячемильными просторами тундры. Потом пришло одно из тех кратких затиший, когда вьюга, казалось, собиралась с силами и вой ее постепенно замирал, точно скрип колес быстро удаляющейся гигантской колесницы. Затем на миг наступила полная тишина, а с севера уже снова послышался могучий рокот, возвещавший новый взрыв.

И в этом затишье опять раздался крик — настолько ясный, что Мак-Кей уже не мог долее сомневаться,— а вслед за ним выстрел. Голос действительно был женский. Насколько Веселый Роджер мог судить, крик доносился из кромешной тьмы прямо перед ним, и он закричал в ответ. А потом в сопровождении Питера бросился туда. Новая лавина ветра ударила им в спину и потащила вперед, точно пену на гребне волны. От неожиданности Веселый Роджер пошатнулся и упал на колени; в эту секунду он заметил еле видный огонек своей лампочки у входа в снежную пещеру и ясно осознал, что ему грозит смерть, если он не сумеет разглядеть в темноте это бледное пятнышко. Он опять закричал... второй раз... третий. И, втянув голову в плечи, пошел дальше в темноту.

Внезапно ему в голову пришла безумная мысль, и он забыл про лампочку, пещеру и грозившую ему гибель. В этой сумасшедшей сумятице ветра и снега он слышал человеческий голос. Больше он в этом не сомневался. И голос был женский! А вдруг кричала Нейда? Вдруг она отправилась следом за ним, решив во что бы то ни стало отыскать его и разделить с ним его судьбу? Его сердце мучительно забилось. Какая еще женщина могла идти по его следу через тысячемильную пустыню тундры? Он начал звать ее:

— Нейда! Нейда! Нейда!..

И рядом с ним залаял невидимый Питер.

Черный буран поглотил их. Свет лампочки растворился во мраке. Но Веселый Роджер не оглядывался. Он брел вперед вслепую, считал шаги и звал Нейду. Дважды ему чудился ответный крик — и каждый раз казалось, что этот призрачный голос совсем близко. Тут ветер ударил ему в спину с особенной

силой, он обо что-то споткнулся и растянулся в снегу. Его рука нащупала предмет, о который он споткнулся. Это был не снег. Его пальцы коснулись чего-то мягкого и пушистого. Мужская шуба! Вот пуговицы, пояс и... бородатое лицо.

Мак-Кей встал и выпрямился во весь рост. Ветер опять несся дальше в тундру, оставив позади себя мгновение тишины. И Роджер крикнул:

— Нейда! Нейда! Нейда!..

Ответ раздался так близко, что он даже вздрогнул, но кричал не один человек, а два... нет, три, и один голос был голосом испуганной, измученной женщины. Мак-Кей продолжал звать, а голоса отвечали всё ближе, и наконец, в нескольких шагах перед ним возникло смутное движущееся пятно. Он прошел к этому пятну, пошатываясь под тяжестью человека, которого подобрал в снегу. Теперь он разглядел двух человек, волочивших сани, за которыми, всхлипывая и задыхаясь, брела третья фигура.

— Я нашел кого-то! — крикнул Веселый Роджер.— Вот он...

Мак-Кей уронил свою ношу, и конец его фразы заглушили вопли метели. Но женщина позади саней услышала его, и он вдруг смутно увидел ее возле себя — она склонялась над человеком у его ног, всем телом заслоняя лежащего от ветра, и называла имя, которое он не мог разобрать в завывании бурана. Но на его сердце легла свинцовая тяжесть: он понял, что это не Нейда. Он положил бесчувственное тело на сани, не сомневаясь, что человек уже мертв. Женщина что-то говорила ему, но ее слабый голос тонул в визге вьюги, и он не разобрал, что ему хрипло крикнул один из мужчин, который пошатывался при каждом шаге, с трудом отвоеванном у ветра, и Веселый Роджер понял, что этот человек совсем обессилел и готов лечь в снег и умереть, лишь бы не идти дальше.

— Тут совсем рядом! — крикнул он.— Доберетесь?

Они расслышали его слова. Женщина уцепилась за его локоть. Мужчины потянули сани, а Веселый Роджер схватил свободную постромку между ними и повернулся навстречу бурану, недоумевая, почему они отправились в такой путь без собак. Казалось, прошла вечность, прежде чем впереди замаячило бледное пятнышко света. Последние пятьдесят шагов они брели как будто навстречу непрерывному пулеметному огню. Но наконец сугроб укрыл их от ветра.

Мак-Кей помог им по очереди пролезть в выкопанное им убежище. На несколько минут он полуослеп и различал землистые лица и закутанные фигуры тех, кого он спас, словно сквозь мутную пелену. Человека, которого он нашел в снегу, он положил на свою постель, и девушка (теперь он разглядел, что она была еще совсем молоденькая) с плачем бросилась к нему.

Тут зрение вернулось к Веселому Роджеру, и в тот же миг он вздрогнул и еле устоял на ногах, словно рядом взорвался динамитный заряд.

Девушка откинула меховой капюшон и с рыданием прижалась к неподвижно лежащему человеку, зовя: «Отец, отец!» Она была совсем не похожа на Нейду. Ее темные волосы были закручены в тугой узел, и она была старше. Она казалась очень некрасивой — во всяком случае, в эту минуту. Ее щеки были обморожены, глаза опухли и заплыли. Но Веселый Роджер не смотрел на нее, он глядел только на ее отца и чувствовал, что вот-вот задохнется. Тот был уже не молод — лысый, с седой бородой и офицерскими усами. И он был жив — его глаза были открыты, а посиневшие губы пытались позвать девушку, которая, совсем ослепнув от снега, все еще думала, что он умер. Но он был одет в форменную меховую шинель королевской северо-западной конной полиции!

Мак-Кей медленно отвернулся, смахнул с глаз тающий снег и посмотрел на остальных двух. Один из них устало скорчился у снежной стены. Ему было на вид не больше тридцати лет, но и он выглядел совершенно измученным. Второй лежал у самой дыры, не в силах подняться. На обоих были шинели и на поясах висели кобуры.

Молодой человек у стены попробовал встать, но не смог и виновато улыбнулся Мак-Кею.

— Огромное спасибо, старина,— пробормотал он, с трудом шевеля растрескавшимися губами.— Я Портер... из отряда «Н»... сопровождал полковника Тэвиша в Форт-Черчилль... Тэвиша и его дочь. Плохим я оказался проводником, верно? — Он приподнялся: — У нас в багаже есть коньяк. Может, дать... им? — И он кивнул в сторону девушки и седобородого мужчины на одеялах.

Глава XIV

Веселый Роджер ничего не ответил. Он молча выполз наружу и ощупью нашел сани. Он услышал, что Питер последовал за ним, и, оглянувшись, в голубоватом свете лампочки увидел бескровное лицо Портера, который ждал у входа, чтобы помочь ему втащить тюк. Мак-Кей попытался взять себя в руки. Всего четверть часа назад он усмехнулся, думая о полиции. Ему казалось, что никогда еще у него не было более надежного убежища и никогда еще он не был так недосягаем для служителей закона. Он никак не мог прийти в себя. Полицейские не гнались за ним. Они его не выследили, даже не наткнулись на него случайно. Нет, он сам бросился в темный хаос вьюги

и притащил их к себе! Кто бы мог подумать, что судьба способна сыграть с ним такую скверную шутку!

Потом его смятение немного улеглось, и он принялся резать ремни, удерживавшие тюки на санях. Участок отряда «Н», говорил он себе,— это область, прилегающая к озеру Атабаска. Он никогда не слышал ни о Портере, ни о полковнике Тэвише, а так как Тэвиш просто ехал в Форт-Черчилль, то и он и его эскорт вряд ли намеревались ловить по пути преступников, и в частности Веселого Роджера Мак-Кея. Вот его шанс. Ведь попытка скрыться от них во время бурана была не просто отчаянным риском — это была верная гибель.

На санях лежало только два тюка, и он передал их Портеру в отверстие. Несколько минут спустя он уже подносил фляжку с коньяком к губам седобородого полковника, а девушка внимательно рассматривала его — опухоль вокруг ее глаз постепенно спадала. Тэвиш сделал судорожный глоток, и его рукавица легла на локоть девушки.

— Я чувствую себя прекрасно, Джо,— пробормотал он.— Прекрасно.

Он посмотрел на Мак-Кея, а потом обвел взглядом снежные пещеры. Его глаза смотрели из-под кустистых бровей проницательно и сурово. Они пристально следили за Мак-Кеем, который дал девушке глотнуть коньяку, а затем передал фляжку Портеру.

— Вы спасли нам жизнь,— сказал Тэвиш более твердым голосом.— Я не понимаю, что произошло. Помню только, что споткнулся и не мог встать. Я шел за санями, Портер и Брео тащили их, а Джозефина, моя дочь, лежала, укрытая одеялами. Что было потом...

Он умолк, и Веселый Роджер объяснил, как было дело. Он кивнул в сторону Питера — вот чья это заслуга. Пес всячески показывал, что снаружи кто-то есть. Ну, они и решили пойти посмотреть. Его зовут Джон Каммингс. Он ставит капканы на лисиц, и буран застиг его в пятидесяти милях от хижины. Он отправился в путь без собак, потому что у него только один тюк.

Брео, второй спутник Тэвиша, уже оправился и внимательно слушал его. Мак-Кею было достаточно одного взгляда на его смуглое худое лицо, чтобы понять, что в этой компании только Брео по-настоящему знает Север. Он глядел на Веселого Роджера как-то странно. А потом, словно спохватившись, мотнул головой и начал растирать снегом обмороженные щеки. Портер сбросил меховую шинель и теперь распаковывал один из тюков. Он и девушка, казалось, были измучены меньше своих спутников. Джозефина смотрела на Портера. Потом она перевела взгляд на Роджера. Опухоль совсем исчезла, и оказалось, что глаза у нее

большие и очень красивые. Она улыбнулась Мак-Кею дружеской, открытой улыбкой. Он подумал, что характер у нее, по-видимому, сильный и трусливой плаксой ее никак не назовешь. Это было сразу видно.

— Нам всем было бы полезно съесть горячего супу,— сказала она.— Как вы думаете?

В ее глазах была благодарность, которую она не пыталась облечь в слова. Роджеру она очень понравилась. А Питер тихонько подошел к ней сзади и смотрел, как она, по примеру Брео, оттирает щеки бородатого человека снегом.

— В другом вьюке есть спиртовая плитка,— сказал Брео, не сводя жесткого, прищуренного взгляда с лица Мак-Кея.— Да, простите, как вас зовут?

— Каммингс... Джон Каммингс.

Брео ничего не ответил. Веселый Роджер почувствовал смутную тревогу, которая продолжала расти. Они выпили бульону и съели по лепешке. В маленькой каморке стало жарко, и девушка сняла меховую шубу. Ее лицо уже не было бледным, глаза блестели, а голос стал счастливым, потому что они нашли жизнь и тепло там, где ждали смерти. Портер держался с Роджером дружески, словно разговаривал со старым товарищем. Он объяснил, что произошло. Негодяи проводники бросили их — сбежали в начале бурана, забрав обе упряжки и одни сани. А они брели вперед, надеясь найти сугроб, чтобы укрыться от вьюги. Но тундра здесь ровная, как стол. Они стреляли, а мисс Тэвиш кричала не потому, что они рассчитывали найти здесь помощь, а потому, что хватились отставшего Тэвиша. Просто смешно, заключил Портер, что подобное могло случиться с полковником Тэвишем, который слывет в конной полиции железным человеком.

Тэвиш сдержанно усмехнулся. Все они были в хорошем настроении, за исключением, пожалуй, Брео. Он ни разу не засмеялся и даже не улыбнулся. Однако Веселый Роджер заметил, что остальные слушают его с особым вниманием. Однако в нем было что-то непонятное и неприятное — во всяком случае, девушка сразу переставала смеяться, услышав его голос, и ее губы сурово сжимались. Мак-Кей скоро понял, почему она и Портер улыбались так счастливо — дважды он замечал, как они украдкой брались за руки. А когда они смотрели друг на друга, их глаза ясно говорили о том, какое чувство ими владеет. Но Брео был непонятен Мак-Кею. Он не знал, что Брео считался лучшей ищейкой отряда «Н» между берегами Атабаски и Ледовитым океаном и что в области Трех Рек, раскинувшейся на две тысячи миль, его называли «Шингус» — «Хорек»...

Первой уснула девушка, прижавшись щекой к плечу отца, Брео-Хорек завернулся в одеяло и задышал глубоко и размеренно. Портер еще курил трубку, нежно поглядывая на спящую

Джозефину Тэвиш. Он с гордостью улыбнулся и шепнул Мак-Кею:

— Она моя невеста. Скоро свадьба.

Веселому Роджеру захотелось крепко пожать ему руку. Он кивнул, и что-то сдавило ему сердце.

— Я вас понимаю,— сказал он.— Когда я услышал в темноте ее голос... я вспомнил про одну девушку... там, на юге.

— На юге? — переспросил Портер.— Но почему? Если вы ее любите, то почему она там, а вы здесь?

Мак-Кей пожал плечами. Он и так уже сказал лишнее. Но они с Портером не знали, что Брео лежит, приоткрыв глаза, и внимательно слушает.

Веселый Роджер поднял руку, словно в вое бури ему почудился какой-то новый звук.

— Буран кончится не раньше чем через два-три дня. Ложитесь-ка спать, Портер. А я пока выкопаю комнату для мисс Тэвиш. Боюсь, она ей понадобится,— мы вряд ли скоро уедем отсюда. Работа это нетрудная, а время проходит незаметнее.

— Я вам помогу,— предложил Портер.

Они работали около часа, орудуя вместо лопат лыжами Мак-Кея. И весь этот час Брео не смыкал глаз. Когда он смотрел на Роджера Мак-Кея, его губы кривила странная улыбка. Наконец Портер улегся спать. Тогда Хорек встал и потянулся. Мак-Кей уже закончил вторую комнату и принялся копать тоннель, который должен был служить другим выходом. Брео подошел к нему и взял лыжу, брошенную Портером.

— Я, пожалуй, тоже поработаю,— сказал он.— Что-то мне не спится, Каммингс.

Он принялся отгребать снег.

— И давно вы живете в этих краях? — спросил он.

— Третью зиму. Тут много рыжих лисиц, а иногда попадаются даже серебристые и черно-бурые.

Брео неопределенно хмыкнул.

— Так, наверное, вы знакомы с Кассиди,— небрежно произнес он, не глядя на Мак-Кея.— С капралом Теренсом Кассиди. Это ведь его округ.

Веселый Роджер продолжал копать.

— Да, я его знаю. Мы встречались прошлой зимой. Такой рыжий. Хороший человек. Мне он нравится. А вы с ним знакомы?

— Мы вместе начинали службу,— ответил Брео.— Но ему не везет. Он три года гоняется за неким Мак-Кеем. Его прозвали Веселым Роджером. Веселый Роджер Мак-Кей... Слышали о нем?

Веселый Роджер кивнул.

— Кассиди рассказывал мне про него, когда ночевал в моей хижине. Он, по-моему, ничего человек.

— Кто? Кассиди или Веселый Роджер?

— Оба.

Впервые Хорек посмотрел прямо на своего собеседника. У него были странные глаза: непроницаемые, вечно прищуренные, словно он тщательно прятал свои мысли. Мак-Кею показалось, что они видят его насквозь. Его пронизала холодная дрожь — предчувствие опасности, более гибельной, чем буран.

— А вы не знаете, где его можно найти, этого Веселого Роджера?

— Нет.

— Дело в том, что он думает, будто убил на юге одного человека. Ну, так он ошибся. Тот выжил. Если вдруг встретитесь с ним, расскажите ему об этом. Ладно?

Веселый Роджер сунул голову и плечи в удлиняющийся тоннель.

— Расскажу.

Он знал, что Брео лжет. И знал, что за узенькими щелочками этих глаз прячется лисья хитрость.

— Скажите ему также, что власти думают простить ему ограбление торговца — ведь с тех пор прошло уже больше пяти лет.

Веселый Роджер выбрался из тоннеля с кучей снега на лыже.

— Ладно, передам ему и это,— сказал он, улыбаясь такой неуклюжей ловушке.— Вы, Брео, никак, думаете, что я держу гостиницу для бездомных разбойников?

Брео улыбнулся. Это была неприятная улыбка, и Веселый Роджер успел заметить ее, оглянувшись. Когда он вернулся, выбросив снег, Брео сказал:

— Видите ли, нам известно, что этот Веселый Роджер зимует где-то в здешних местах. А Кассиди говорит, что на юге есть девушка...

Голова Веселого Роджера исчезла в тоннеле.

— ...которая очень хотела бы повидать его,— докончил Брео.

Когда Мак-Кей вылез из тоннеля, Хорек спокойно закуривал трубку.

— Да, помню... Кассиди рассказывал мне и про девушку,— сказал Веселый Роджер.— Он сказал, что когда-нибудь поймает этого человека, потому что он захочет увидеться со своей девушкой. Значит, если я встречу Веселого Роджера Мак-Кея и пошлю его на юг, я помогу полиции. Верно, Брео? А награда за его поимку назначена? Будет мне от этого какая-нибудь выгода?

Брео глядел на него в тусклом свете спиртовой лампочки, выпускал клубы табачного дыма, и загадочная улыбка кривила его тонкие губы.

— Как воет вьюга! — сказал он.— Мне кажется... Каммингс, что буран усиливается.

Внезапно Брео протянул руку к Питеру, который сидел возле лампочки, не спуская настороженных глаз с незнакомца.

— Хорошая у вас собака, Каммингс. Сюда, Питер! Сюда! Питер! Питер!

У Роджера перехватило дыхание. Он ведь ни разу не произносил вслух кличку Питера с той минуты, как в его убежище появились спасенные им люди.

— Питер... Питер...

Хорек ласково улыбался. Но Питер даже ухом не повел. Он словно не видел протянутой к нему руки. Его взгляд оставался недоверчивым и вызывающим. Роджер еле удержался, чтобы не обнять его. Хорек засмеялся.

— Прекрасная собака, Каммингс, прекрасная! Мне нравятся собаки, которые хранят верность одному человеку, и нравятся люди, которые хранят верность одной собаке. А Веселый Роджер именно таков, как вы сами убедитесь, если когда-нибудь его повстречаете. Странствует с одной собакой. С эрделем по кличке Питер. Странная кличка, верно?

Он повернулся ко входу в соседнюю комнату и потянулся, высоко подняв длинные руки.

— Попробую-ка я опять прилечь, Каммингс. Спокойной ночи. Царица небесная, как воет ветер!

— Да, ночь бурная,— согласился Мак-Кей.

Когда Брео ушел, Веселый Роджер поглядел на Питера, а сердце его бешено стучало в груди. Он прислушивался к вою ветра. Буран несся над тундрой с еще большей яростью, и глаза Мак-Кея блеснули холодно и зло. На этот раз ему не вырваться из хватки закона. Бегство означало верную смерть. И Брео это знал. Да, он оказался в ловушке, которую сам же соорудил. Конечно, если Брео догадался, кто он такой... А Брео несомненно догадался. Оставалось только одно — драться...

Мак-Кей сходил в первую комнату за своим тюком и одеялами. Он не смотрел на Брео, но знал, что прищуренные глаза полицейского следят за каждым его движением. Лампа в первой комнате продолжала гореть, но когда Роджер расстелил одеяла в новой спальне, он задул свою лампочку. Потом бесшумно проковырял дырку в снежной перегородке. Прежде чем проткнуть указательным пальцем оставшуюся ледяную корочку, он выждал десять минут. Прильнув глазом к отверстию, он увидел Брео. Хорек, сидя на своей постели, наклонялся к Портеру, который спал возле него. Он потрогал Портера за плечо.

Веселый Роджер расширил дырочку еще на дюйм и напряг слух. Тэвиш и его дочь продолжали спокойно спать. Портер приподнялся, но Брео предостерегающе сжал его руку и кивнул в сторону второй комнаты. Портер понял и промолчал. Брео наклонился к самому его уху и что-то тихо зашептал. До Мак-Кея до-

носилось только невнятное бормотание. Однако он ясно разглядел, как Портер переменился в лице. Глаза молодого человека расширились, он взглянул в сторону внутренней комнаты и протянул руку, намереваясь разбудить Тэвиша и девушку.

Однако Хорек остановил его:

— Не торопитесь. Пусть себе спят.

Только эти слова и расслышал Мак-Кей. Портер и Брео продолжали шептаться. На красивом лице Портера то же радостное возбуждение, что и на смуглой физиономии Брео. Веселый Роджер продолжал наблюдать за ними, пока Брео не погасил лампу. Тогда он бесшумно залепил дырку снегом и ощупью нашел в темноте голову Питера.

— Они думают, что мы у них в руках, дружок,— прошептал он.— Вот что они думают.

Около часа Веселый Роджер и Питер пролежали не шевелясь. Но они не спали. Когда миновал этот час, Веселый Роджер подполз на четвереньках к дверному отверстию и прислушался. В соседней комнате все четверо дышали спокойно и ровно. Тогда он принялся ощупывать внешние стены, пока не обнаружил сыпучего снега.

— Это-то нам и нужно,— шепнул он не отходившему от него Питеру.— Мы проведем их, дружок. А придется — будем драться.

Он принялся ввинчиваться головой, плечами, торсом в мягкий снег. Постепенно он буравил себе выход, раскачиваясь, чтобы утрамбовать снег по бокам нового отверстия; он уходил в сугроб все глубже, проделывая круглый тоннель фута в два в поперечнике. Через час он добрался до внешней корки с наветренной стороны сугроба. Корку эту, толстую, как зеркальное стекло, он ломать не стал, а несколько минут пролежал, отдыхая и прислушиваясь к свисту ветра снаружи. В узкой норе было тепло и уютно, и Веселый Роджер начал задремывать. С усилием открыв глаза, он выбрался назад в свою комнату. Замаскировав вход в тоннель снежными комьями, он завернулся в одеяло и спокойно уснул.

Теперь в тихой глубине сугроба бодрствовал только Питер. И Питер разбудил Веселого Роджера в час, когда за низкими тучами начинала заниматься заря. В его комнате брезжил какой-то свет, и он привстал. За снежной стенкой снова горела лампа. Оттуда доносились шорохи и тихий неясный шепот. Мак-Кей выковырял затычку из дырочки и, расширив ее, опять приник к ней.

Брео и Тэвиш спали, но Портер сидел на своем одеяле, а рядом с ним примостилась девушка. Волосы ее теперь не были уложены в узел и рассыпались по плечам. Широко открытые глаза были устремлены на отверстие, соединявшее комнаты.

Мак-Кею было видно, что ее рука лежит на локте Портера. Тот что-то шептáл ей, наклонившись к ней так близко, что его губы касались ее волос, и хотя Веселый Роджер не мог расслышать ни слова, он знал, почему глаза Портера блестят так возбужденно: молодой полицейский рассказывал Джозефине Тэвиш, кем оказался их спаситель. Он увидел, как она вдруг нахмурилась, услышал ее возмущенный шепот, но Портер прижал палец к губам девушки и кивнул в сторону ее спящего отца. Потом его рука легла на ее плечи, и Мак-Кей увидел, как их губы слились в долгом поцелуе. Затем девушка быстро отодвинулась и вновь легла рядом с отцом. Портер закутал ее в одеяло и улегся на своей постели возле Брео.

Веселый Роджер догадывался, что произошло. Девушка проснулась и, испугавшись темноты, разбудила Портера, чтобы он зажег лампу. Портер воспользовался этим случаем, чтобы сообщить ей об интересном открытии Брео и чтобы поцеловать ее. Мак-Кей поглаживал жесткую шерсть на загривке Питера и прислушивался. Воя метели не было слышно, и он подумал, что буря, вероятно, стихает.

То и дело он заглядывал в дырочку. Примерно через полчаса после того, как Портер вновь уснул, он увидел, что Джозефина Тэвиш не спит. Она сидела на своей постели. Потом тихонько встала на колени и наконец поднялась на ноги. Наклонившись над Портером и Брео, девушка убедилась, что не разбудила их, и прокралась к отверстию, ведущему в его комнату.

Роджер быстро растянулся на своем одеяле, прижав к себе Питера.

— Тихо, дружок, тихо! — шепнул он.

Светлое пятно отверстия исчезло: девушка стояла там, прислушиваясь, спит ли он. Роджер принялся похрапывать, но, закрывая глаза, успел заметить, что Джозефина Тэвиш идет прямо к нему. Вот она нагнулась над ним. По его лицу и рукам скользнули мягкие пряди волос. Девушка тихо опустилась на колени, поглаживая Питера, и осторожно дернула Роджера за плечо.

— Веселый Роджер! — позвала она шепотом.— Веселый Роджер Мак-Кей!

Он открыл глаза и увидел прямо над собой ее лицо.

— А? — спросил он еле слышно.— Что случилось, мисс Тэвиш?

Она прерывисто вздохнула и судорожно сжала его плечо. Наклонившись почти к самому его лицу, она прошептала чуть слышно:

— Вы... вы не спите?

— Нет.

— Ну так слушайте: если вы Веселый Роджер Мак-Кей,

то уходите, скорее уходите. Когда проснется Брео, вы должны быть уже далеко. По-моему, вьюга улеглась... ветра совсем не слышно... Ведь если утро застанет вас здесь...

Она отпустила его плечо. Веселый Роджер нащупал в полумраке ее руку, и она ответила ему крепким дружеским пожатием.

— Я бесконечно благодарна вам за то, что вы сделали,— прошептала она.— Но закон... и Брео... беспощадны.

Джозефина исчезла так же быстро и бесшумно, как вошла. Мак-Кей следил за ней в дырочку, пока девушка снова не улеглась рядом с отцом.

Он притянул Питера поближе.

— Опять нам придется бежать, Хромуля! — шепнул он.— Попробуем рискнуть.

Мак-Кей быстро и бесшумно взялся за дело. Через четверть часа его вещи были упакованы, а вход в тоннель открыт. Тогда он прошел в соседнюю комнату, где Джозефина Тэвиш лежала, широко открыв глаза. Она приподнялась, и Веселый Роджер знаками показал ей, о чем он хотел бы ее попросить. Можно ему взять кое-что из багажа? Она кивнула. Он порылся в тюке, а когда выпрямился, девушка с изумлением уставилась на пачку старых газет в его руке — ее отец вез их торговцу в Форт-Черчилль. Но его жадный и виноватый взгляд объяснил ей все, и она улыбнулась ему, беззвучно шепча слова благодарности. Возле двери Веселый Роджер оглянулся. И тут Джозефина показалась ему настоящей красавицей — такой свет был в ее глазах, когда она вся потянулась к нему, словно желая ободрить его перед трудной дорогой. Внезапно она прижала ладонь к губам и послала Веселому Роджеру прощальный благодарный поцелуй.

Когда мгновение спустя Мак-Кей полез по тоннелю, слыша позади дыхание Питера, его сердце радостно пело. Ему опять пришлось бежать от представителей власти, но ему помогла, ему желала счастья благородная девушка.

Веселый Роджер проломил ледяную корку в конце тоннеля и выбрался в тундру, над которой занимался хмурый зимний день. Небо было затянуто тяжелыми тучами, но ветер стих. На несколько часов наступило затишье, ознаменовавшее начало второго дня Черного бурана.

Взвесив все их шансы на спасение, Мак-Кей негромко засмеялся.

— Вьюга скоро опять запляшет, Хромуля,— сказал он.— Лучше всего нам будет свернуть на юг, к лесу, благо до него здесь миль двенадцать.

Он обогнул сугроб и зашагал вперед по прямой линии от первого отверстия, которое он выкопал в сугробе. А из комнаты, выкопанной разбойником, который спас им жизнь, Джозефина

Тэвиш смотрела вслед серым силуэтам человека и собаки, пока они не слились с серо-белой землей и серо-белым небом зимней тундры.

Глава XV

Пробиваясь к югу сквозь метель, Мак-Кей прошел миль двадцать на юг от большого сугроба в сердце тундры. Сутки он пережидал буран в низкорослом ельнике, который окаймляет безлесые равнины, простирающиеся до Ледовитого океана. Он был уверен, что тут ему ничто не грозит: ветер и снег сразу же заметали следы. На второй день он отправился к своей хижине, выбирая кратчайшее направление. Буран по-прежнему свирепствовал над тундрой, но среди деревьев его сила уменьшалась. Мак-Кей не сомневался, что стоит метели утихнуть, и полицейский патруль легко разыщет его хижину. Портер и Тэвиш его не беспокоили. Но он знал, что от Брео ему не уйти. Уж Брео учует его хижину! А поэтому он хотел побывать в ней раньше, опередив полицейских.

На вторую ночь он никак не мог уснуть. Его рассудком овладело какое-то лихорадочное безумие: мысли беспорядочно метались, словно сказочный волк-оборотень, рыщущий в поисках добычи. Они не слушались его и не давали ему спать, хотя он изнемогал от усталости. Он вспоминал последние годы своей жизни, вспоминал, сколько раз ему удавалось спастись от полиции и как теперь он едва не попал к ней в руки. Воображение, точно безжалостный следователь, показывало ему, что сеть стягивается все туже и что в следующий раз ему уже не спастись. А потом, точно смягчившись, оно вдруг перенесло его на зеленый луг под синим небом у Гребня Крэгга — к Нейде.

Теперь это казалось сном. Неужели все это действительно было? Спокойные месяцы на границе населенных мест, где он встретил Нейду и она полюбила его, а когда он признался ей, что он разбойник и скрывается от полиции, захотела разделить с ним его жизнь. Он закрыл глаза и перенесся в последний грозовой вечер, который провел у Гребня Крэгга. Он вновь был в хижине старичка миссионера, за окном сверкали молнии, грохотал гром, а он обнимал Нейду, чувствовал прикосновение ее губ, смотрел в глаза, полные отчаяния и мольбы. Потом он увидел, что она, скорчившись, лежит возле стула, и спутанные волосы скрывают от него ее побелевшее лицо — такой он увидел ее в ту последнюю минуту, когда в нерешительности оглянулся, перед тем как распахнуть дверь и скрыться в бурном мраке ночи.

Мак-Кей со стоном вскочил на ноги, отгоняя видения, и подбросил хвороста в костер. Он крикнул Питеру то, что уже столько раз говорил и ему и себе:

— Если бы мы взяли ее с собой, Хромуля, это было бы убийство! Хуже убийства!

Он оглянулся на вихри снега, крутящиеся в свете его костра, и прислушался к плачу ветра среди деревьев. За кругом света во все стороны уходила пелена снега. Мороз достигал сорока градусов. И Мак-Кей тоскливо обрадовался, что сейчас с ним нет Нейды.

Он плотнее закутался в одеяло, уставился на огонь и начал мечтать о несбыточном. Среди языков пламени возникало лицо Нейды — призрачное, очень юное, почти детское лицо, но в ее глазах светилась вся сила ее любви. Веселый Роджер завороженно смотрел на огонь, и ему уже чудилось, что его мечты претворяются в действительность: Нейда была рядом с ним, ее глаза говорили ему о любви, мужестве и верности. Он обнимал ее, чувствовал ласковое прикосновение ее волос и губ, тепло ее рук, обвивающих его шею. Он даже слышал, как бьется ее сердце, но тут посреди костра вдруг возникло лицо Желтой Птицы. Он увидел большие глаза индианки, она что-то говорила ему. Пламя вилось у ее кос, ее губы двигались, а потом она исчезла, но медленно, словно вознеслась вместе с дымом костра к черному небу.

Питер услышал крик своего хозяина. Веселый Роджер вскочил, сбросил одеяла и принялся расхаживать взад и вперед, пока не протоптал в снегу глубокую тропинку. Он понимал, что это сонный бред, что было бы безумием в него поверить,— и все-таки верил, потому что хотел верить. Потому что неизбывное отчаяние вновь сменилось исчезнувшей было надеждой. Черный хаос в его душе рассеялся. В конце концов он присел на корточки и зажал в ладонях колючую морду Питера.

— Хромуля, ведь она говорила, что все кончится хорошо! — воскликнул он совсем другим голосом.— Желтая Птица это говорила, верно? В старые времена ее сожгли бы как колдунью, потому что она говорит, будто может послать свой дух куда захочет и видеть то, чего другие люди не видят. Пусть это не так, а мы с тобой все равно будем в это верить.— Он рассмеялся.— Будем верить, что они обе побывали здесь сегодня,— продолжал он.— И Нейда, и Желтая Птица. Я верю, потому что во всем этом есть свой смысл!

Веселый Роджер выпрямился, и Питер увидел на губах хозяина знакомую улыбку, когда тот, запрокинув голову, стал смотреть на снежные вихри, проносящиеся над темным пологом еловых ветвей. Завывание бури уже не казалось Мак-Кею зловещим и насмешливым — теперь ему чудились в нем ободря-

ющие голоса, которые требовали, чтобы он не отступал от принятого решения.

И он сказал, широко раскинув руки:

— Питер, мы пойдем назад, к Нейде!

Наступил рассвет, но вокруг ничего не переменилось. Только темнота стала не такой густой. Глаз теперь различал закутанные в иней стволы, а в смутной сумятице в вышине вырисовывались острые верхушки елей.

Когда Веселый Роджер отправился дальше к своей хижине, в нем кипело волнение, согревавшее его и разгонявшее усталость после бессонной ночи. Ему казалось, что вьюга начинает стихать и в воздухе потеплело, однако над безжизненной равниной ветер по-прежнему с ревом гнал снежные смерчи, а термометр показывал сорок один градус ниже нуля. Но Веселому Роджеру чудилось, что полный колючей ледяной пыли воздух уже не обжигает так, как прежде, и там, где вчера он видел только кривые приземистые елки, засыпанные снегом, теперь в белесом свете дня вновь возникал пейзаж, исполненный дикой сумрачной красоты, и не хватало только солнца, чтобы все вокруг оделось невообразимым великолепием. Однако солнце так и не показалось. Впрочем, Мак-Кей этого не заметил: его мысли были заняты Нейдой и планами возвращения к ней, домой.

— Вот именно домой! — сказал он Питеру, который трусил за ним по лыжне.— Отсюда до Гребня Крэгга тысяча миль — тысяча миль снега, льда и бог знает чего еще. Но мы доберемся туда.

Теперь Веселый Роджер твердо знал, что́ он будет делать. Ему казалось, что он выздоровел от тяжелой болезни. Он натворил глупостей. Ему давно следовало спокойно обдумать свое положение. Да, конечно, у Гребня Крегга, на границе цивилизованных мест, его может ждать петля, но ведь мрачная тень виселицы всюду следует за ним по пятам. Он всегда убегает от кого-то, будь то Кассиди, Брео, Тэвиш или еще кто-нибудь, облаченный в красный мундир королевской северо-западной конной полиции. И так будет до самого конца. А когда этот конец настанет, когда они все-таки схватят его, то будет лучше, если это случится у Гребня Крэгга, а не здесь, у края Голых Земель.

А кроме того, оставалась безотчетная, нелепая надежда, что вместе с Нейдой он все-таки сумеет отыскать тот таинственный, безопасный и счастливый приют, тот Далекий Край, о котором говорила Желтая Птица, обещая, что там «все кончится хорошо». Мак-Кей не был по-настоящему суеверен и в глубине души относился к колдовству Желтой Птицы весьма скептически, но сейчас он цеплялся за ее слова, как утопающий цепляется за соломинку. Он черпал энергию в этой надежде и наперекор рассудку верил Желтой Птице. Он убеждал себя, что многие

ее предсказания уже сбылись. Разве не Желтая Птица предупредила его в ту душную ночь о приближении Кассиди? И наверное, ее добрым духам он обязан тем чудом, которое произошло у ручья Хромого Лося! И они же предсказали то, что случилось в тундре. Ну, а в таком случае почему бы не предположить, что и все остальное тоже сбудется?

Впрочем, Мак-Кей предпочитал меньше думать на эти темы. Его гнало вперед одно желание, заслоняющее все остальное,— он хотел вновь увидеть Нейду наяву, а не во сне, вновь обнять ее, поцеловать, как в былые дни, почувствовать легкое прикосновение ее волос к лицу и вновь услышать от нее клятву в вечной любви, которую она дала ему в тот далекий вечер в хижине миссионера. Ну, а потом... его не очень тревожило, что будет потом. Пусть приходит Хорек-Брео, или Портер, или кто-нибудь еще в красном мундире конной полиции, которая неутомимо преследует его. Если игра кончится так, он будет доволен.

Когда Веселый Роджер сделал привал, чтобы вскипятить чаю и съесть чего-нибудь горячего, он попытался растолковать Питеру эту новую цель своей жизни.

— Самое главное — благополучно добраться туда...— начал он, а в голове у него роились планы.

И Мак-Кей, завтракая разогретой лепешкой с куском жирной грудинки, продолжал объяснять Питеру, на что он теперь надеется. Веселый и уверенный тон хозяина пробуждал в Питере радостное волнение. Этот тон сулил всякие приключения, и баки Питера грозно топорщились, глаза блестели, а хвост бодро стучал по снегу.

Веселый Роджер даже тихонько засмеялся.

— Сейчас февраль,— сказал он.— К концу марта мы будем там. У Гребня Крэгга, Хромуля!

И они пошли дальше, торопясь добраться до хижины прежде, чем в четыре часа дня ночной мрак окутает их толстым одеялом. Веселым Роджером вдруг овладело странное ощущение: он по-новому осознал, как бесконечно пустынен окружающий мир. Словно повязка спала с его глаз, и он постиг истину: все утратило для него значение, кроме Нейды. Только для нее он жил. Ведь там, далеко-далеко, она простирала к нему руки и умоляла его беречь себя. Единственный человек в мире, которому он нужен! Ему вспомнилась одна из потрепанных книжечек, лежавших в его заплечном мешке,— в ней рассказывалось о Жанне д'Арк. И он подумал, что в синеглазой девушке, которую он оставил у Гребня Крэгга, живет тот же великий дух и несокрушимая верность, которые вели французскую героиню.

— И я иду к ней. Иду!

Это последнее слово он произнес вслух, почти прокричал в знак того, что их ничто не остановит. И Питер залаял в ответ.

Но как они ни торопились, темнота застигла их еще в пути. Когда начало смеркаться, метель заметно утихла — по-видимому, буран истощил свои силы. Веселый Роджер понимал, что́ это означает. Утром небо прояснится, и Хорек-Брео вместе с Портером и Тэвишем покинет гостеприимный сугроб.

Весь опыт и знание лесной жизни Севера подгоняли его. Как ни странно, он всем сердцем желал, чтобы вьюга продолжала бушевать. Ему надо было успеть кое-что сделать, пока она еще длится. И каждый раз, когда затишье кончалось и над тундрой снова принимался свистеть и завывать ветер, а вершины елок — скрипеть и гнуться, его это радовало. В сгущающемся мраке они вышли к невысокому длинному холму, который тянулся наискось через открытую тундру к лесу, где стояла их хижина. Они добрались до нее через час. Веселый Роджер открыл дверь и, пошатываясь, перешагнул порог. На мгновение он прислонился к стене, вдыхая чуть более теплый воздух. Дышал он с присвистом и вдруг с удивлением заметил, что совсем измучен. Он услышал, как Питер тяжело упал на пол.

— Устал, Хромуля?

Он с трудом заставил разомкнуться свои потрескавшиеся губы.

Питер в ответ постучал хвостом по половицам. Этот стук совпал с одним из тех затиший, которые внушали Веселому Роджеру такую тревогу.

— Еще бы два часа метели,— пробормотал он, облизывая губы.— А не то...

Он стянул рукавицы и нащупал спички, думая о Брео. Он боялся только его. Если буран уже кончился, Хорек, конечно, отыщет хижину и его след.

Мак-Кей зажег жестяную лампу на столе и, вспомнив, что экономия ему больше ни к чему, поставил в дальних углах хижины по свече из медвежьего сала. Небольшая комнатушка была теперь ярко освещена. Но свет не озарил ничего особенно интересного — стол, сколоченный им самим, стул, старую железную печурку да одеяло на нарах, которым он накрыл остальное свое имущество. За печкой лежали сухие дрова, и через пять минут рев пламени в жестяной трубе присоединился к вою ветра, опять поднявшегося снаружи.

Не обращая внимания на усталость, Веселый Роджер хлопотал у стола и печки. Едва в комнате потеплело, он сбросил верхнюю одежду и начал готовить настоящий пир.

— Будем считать, что сейчас рождество, Хромуля, и поставим на стол все, что у нас есть. И съедим всю банку маринованных слив, вместо того чтобы взять всего шесть штучек. Сегодня мы можем ни в чем себе не отказывать!

Даже Питер был поражен бездумной расточительностью

хозяина. Через час они пообедали, и Мак-Кей завершил трапезу двумя кружками горячего кофе. Он почувствовал себя отдохнувшим и откинулся на стуле, позволяя себе еще несколько минут покурить трубку. Питер, объевшийся мяса карибу, растянулся на полу, думая вздремнуть. Но ему не спалось. Он никак не мог понять, что происходит с его хозяином. Тот вдруг встал, надел тяжелую доху и шапку, а трубку сунул в карман. Потом всунул руки в ремни заплечного мешка, вскинул его на спину и, к вящему недоумению Питера, вылил полбутылки керосина на сухие дрова позади раскаленной печки и поднес к ним зажженную спичку. Питер растерянно тявкнул: одним пинком хозяин опрокинул печурку на пол!

Полчаса спустя, когда Питер и Веселый Роджер у вершины холма оглянулись назад, над угрюмым хаосом северной пустыни, которую они покидали, поднимался огненный столб. Со стороны тундры налетал бешеный ветер, бросая им в глаза колючую снежную пыль. И все-таки Веселый Роджер продолжал смотреть.

— Хорошо горит! — пробормотал он в меховой воротник.— Через полчаса все выгорит дотла. И если ветер продержится еще два часа, Брео тут ничего не найдет — ни хижины, ни следов, одни сугробы.

Мак-Кей зашагал вниз по склону холма. Он шел прямо на юг, придерживаясь открытой тундры, где снежные вихри сразу же заносили след его лыж. Теперь темнота его не тревожила. Перед ним простирались просторы тундры, но чуть западнее начинался лес. Два раза Мак-Кей сбивался с пути и выходил к опушке ельника, но тут же возвращался в тундру, следя за тем, чтобы ветер дул ему точно в спину. Он не знал, сколько времени шел так. Потом принялся отсчитывать шаги, отмеряя полмили, милю... И опять начинал считать, пока наконец ему не стало казаться, что на какие-нибудь пятьсот шагов он тратит неимоверно много времени и усилий. В ноге точно заныл зуб: это было предвестие лыжной судороги. Мак-Кей ухмыльнулся окружающему мраку. Он знал, что это означает,— предупреждение такое же грозное, как первая судорога, сводящая ногу пловца. Если он попробует идти дальше, то скоро ему придется ползти на четвереньках.

Он быстро повернул к лесу. По его расчетам, с той минуты когда он поджег хижину, прошло около трех часов. Через полчаса (теперь он продвигался медленнее, стараясь шагать не столь размашисто) он добрался до опушки. Удача и здесь его не покинула, о чем он немедленно сообщил Питеру: они оказались в густом ельнике. Мак-Кей снял лыжи, которые здесь только мешали, и углубился в чащу. Там было гораздо теплее, а ветер не проникал туда вовсе.

Веселый Роджер развязал заплечный мешок и вытащил из

него сухой смолистый сук, который захватил из хижины. От первой же спички сук запылал, как факел, и осветил их убежище на десяток шагов. Мак-Кей набрал валежника и срубил елку — брошенная в костер, она будет тлеть до утра. Когда факел догорел, костер уже был разведен. Веселый Роджер разреб снег и, завернувшись в одеяло, залез вместе с Питером в глубину большой кучи лапника, которую он навалил на толстый ковер опавшей хвои.

Елка всю ночь потихоньку горела. В тундре еще долго завывал ветер. Но потом он утих, и мир охватило великое безмолвие. Ни одно живое существо не осмелилось выбраться из своего убежища в первые часы после прекращения бурана. Небо постепенно прояснялось. Между тучами кое-где замелькали звезды. Но Веселый Роджер и Питер, спавшие мертвым сном, ничего не знали об этих переменах.

Глава XVI

Прошло много часов, и наконец Питер разбудил Роджера — сначала он обнюхал еще тлеющие угли костра, а потом встревожился и потыкался носом в лицо хозяина. Мак-Кей сел, сбросив с себя лапник, и увидел, что верхушки елей освещены солнцем. Он протер глаза и посмотрел еще раз. Потом достал часы — было десять часов утра. Он взглянул в сторону тундры и увидел, что она ослепительно сверкает в солнечных лучах. Веселый Роджер уже давно не видел настоящего солнца, и они с Питером побежали к краю тундры, до которого было шагов сто. Веселому Роджеру захотелось кричать во весь голос. Белая равнина перед ним до самого горизонта сияла нестерпимым блеском, а небо над ней было таким же чистым и синим, как над Гребнем Крэгга.

Мак-Кей вернулся к костру, распевая. И Питер вдруг вспомнил то далекое время, когда его хозяин часто так распевал. Это было в хижине индейца Тома, где за ручьем виднелся Гребень Крэгга,— до того, как Теренс Кассиди вынудил их искать другое убежище, в те счастливые дни, когда к ним приходила Нейда и они отправлялись на свидания с ней у Гребня, когда серая мышка-мать счастливо жила со своими мышатами в коробке на их полке. Питер совсем забыл то время, но теперь вдруг все вспомнилось. Его хозяин опять стал прежним Веселым Роджером.

В это тихое ясное утро песня Мак-Кея разносилась на милю вокруг. Но он больше ничего не боялся. Как вьюга словно обновила мир, так солнце рассеяло уныние в его душе. Оно обещало счастье. Удача была на его стороне. Жизнь была на его стороне. Природа, которую он так любил, снова раскрывала ему

свои объятия, и он пел так, словно от Нейды его отделяла всего лишь миля, а не тысяча миль.

Когда после завтрака они снова тронулись в путь, Веселый Роджер расхохотался при мысли о том, как Брео ищет его след, уничтоженный ветром, снегом и огнем. Это было не по силам никакому человеку, даже Хорьку.

Весь первый день их пути на юг солнце сияло в небе с восхода и до заката. Ни единое облачко ни разу не омрачило его блеска. И настолько потеплело, что Веселый Роджер отбросил меховой капюшон и поднял уши своей шапки. А ночью в небе загорелись мириады звезд.

После этих первых суток надежды Веселого Роджера и его собаки переросли в неколебимую уверенность. Питер знал, что они идут на юг, куда ему всегда хотелось вернуться, и каждый вечер у костра Мак-Кей отмечал карандашом на листке бумаги, сколько они прошли за день и сколько еще им остается пройти. Он уже ни в чем не сомневался. Он и не думал о том, что у Гребня Крэгга что-нибудь могло перемениться: Джед Хокинс был убит, а Нейда осталась у старичка миссионера, которому он ее поручил. И он беззаботно предвкушал радость их встречи. Единственной угрозой был Брео и другие ищейки закона. Но если он их перехитрит, то увидится с Нейдой.

Они неуклонно шли на юго-запад, пока не добрались до Телона, а оттуда в метель и лютые морозы направились через дикие леса, не нанесенные ни на одну карту, к замерзшим речкам озера Дубонт. За первые три недели они только один раз приблизились к человеческому жилью — Веселый Роджер свернул к небольшому индейскому стойбищу купить мяса карибу и мокасины для Питера. Потом на пути к озеру Годс они дважды останавливались в хижинах трапперов.

В начале марта они добрались до бассейна Потерянного озера; теперь до Гребня Крэгга оставалось триста миль.

И вот там Питер учуял под мягким снежком мерзлые куски оленьего мяса — отравленную приманку для волков, которую разбросал Буало, траппер-француз. Веселый Роджер уже разложил костер и начал разогревать олений жир, собираясь испечь лепешку, когда к нему подполз Питер, волоча задние ноги, уже парализованные действием стрихнина. В одно мгновение Мак-Кей влил весь теплый растопленный жир в горло Питеру и, поспешно разогрев новую порцию, закатил ему и вторую дозу, так что в конце концов Питер срыгнул отравленное мясо.

Полчаса спустя Буало, который мирно обедал у себя в хижине, удивленно вскочил на ноги: дверь без стука распахнулась и порог перешагнул незнакомец с бледным, перекошенным лицом, держа на руках безжизненное тело собаки.

И долго после этого тень смерти витала над охотничьей

хижиной француза. Для Буало, хотя он горячо сочувствовал собрату-трапперу и жалел, что из-за его приманки случилась такая беда, Питер тем не менее был «всего-навсего собакой». Но когда он увидел, как дрожат широкие плечи незнакомца, склонившегося над парализованным псом, и услышал, какого горя исполнены бессвязные слова, срывающиеся с побелевших губ, он почувствовал даже некоторый страх. Питер лежал как мертвый, и Веселый Роджер вдруг обхватил руками его неподвижное тело и, прижав лицо к жестким кудряшкам на шее, начал просить его открыть глаза, не умирать. Буало перекрестился, ощупал Питера и принялся растолковывать Мак-Кею, что собака жива, что ее сердце бьется ровно и сильно, а паралич, вызванный ядом, как будто начинает проходить. Мак-Кей посмотрел на француза, как на чудотворца. Он выпустил Питера из объятий, отодвинулся и, стоя на коленях возле нар, молча наблюдал, как Буало, заняв его место, вливает Питеру в горло теплое консервированное молоко. Вскоре глаза Питера открылись, и он глубоко вздохнул.

Буало оглянулся и пожал плечами.

— Он хорошо дышит, мосье... Яд уже перестал действовать. Ваша собака не умрет.

Мак-Кей ошеломленно поднялся на ноги. Он пошатнулся и тут только почувствовал, что лицо у него мокро от слез. Из его груди вырвался смех, похожий на рыдания, он отошел к окну и уставился, ничего не видя, на белый лес за окном. Он не раз встречался со смертью лицом к лицу, но никогда еще ее присутствие не наводило на него такого ужаса, как в этот час, когда она совсем близко подступила к Питеру, верному товарищу его скитаний.

Когда он отвернулся от окна, Буало уже укутал Питера в одеяло и укрыл его медвежьей шкурой. Но прошло много дней, прежде чем Питер совсем оправился от изнурительной болезни, которую вызвало у него отравление.

Весна рано пришла на Север в этом году. К югу от Оленьего озера снег начал сходить во второй половине марта, а в первую неделю апреля на реках уже таял лед. Дули юго-западные ветры, и Буало повторял, что такой теплыни в это время года тут еще никогда не бывало. К концу первой недели апреля Питер совсем окреп, и Мак-Кей снова отправился в путь.

Часть зимнего снаряжения он оставил в хижине Буало и теперь путешествовал налегке, рассчитывая добраться до Гребня Крэгга прежде, чем новорожденная «луна гусиного перелета» пойдет на ущерб. Однако Питер в первые дни быстро уставал, и пока краснота по ободку его глаз не исчезла совсем, Веселый

Роджер вынужден был умерять свое нетерпение, так что «луна гусиных перелетов» уже сменилась майской «лягушачьей луной», когда они наконец спустились по последнему склону Водораздела и оказались среди лесов и озер Южной Канады.

Роджер был так рад, что ему уже казалось, будто не беда, а милость судьбы задержала его в пути для того, чтобы он вернулся «домой» в самый разгар весны. Всюду вокруг слышалась таинственная музыка обновления и пробуждения жизни. Ею дышали и небо, и солнце, и благоуханная земля, по которой ступали его ноги, и одетые первой зеленой дымкой деревья, и щебет птиц, вернувшихся с юга. Его приятельницы сойки снова кричали хрипло и весело, ссорясь и хвастая в теплых солнечных лучах; над полянами мелькал черный атлас вороньих крыльев; дятлы, сорокопуты и ореховки летали взад и вперед, хлопотливо занимаясь устройством гнезд; куропатки пировали, склевывая набухшие тополиные почки, а в золотой час заката он услышал песню первой малиновки.

И до Гребня Крэгга оставался один день пути!

Эту последнюю ночь Веселый Роджер просидел у костра, куря трубку и лишь изредка задремывая. Чуть только небо начало сереть, он уже отправился в путь, шагая так быстро, что Питер, против обыкновения, бежал не впереди него, а сбоку, и еще задолго до полудня они увидели впереди горную гряду, за которой лежало болото индейца Тома, луга Нейды и Гребень Крэгга.

В полдень Веселый Роджер вышел к перевалу. Он тяжело дышал, потому что ему не терпелось поскорее увидеть знакомые места, и он взбирался по обрывистому склону почти бегом. Но вот, еле переводя дух, он устремил жадный взгляд на знакомую долину и не сразу понял, что означает открывшийся перед ним вид. А в следующую минуту сердце оборвалось у него в груди.

У его ног всюду, насколько хватало глаз — на восток, на запад и на юг,— простиралась черная пустыня пожарища. Огонь добрался до подножия гряды, на гребне которой стоял Веселый Роджер, и там, где он бушевал, нельзя было заметить ни единого признака весны, развернувшей свое великолепие у него за спиной.

Мак-Кей посмотрел туда, где стояла хижина индейца Тома. На месте лесного болота виднелись теперь только тысячи черных пней и обугленных стволов, оставшихся от дремучей чащи елей, кедров и сосен, где по ночам выли волки.

Он искал глазами лес ниже по течению Быстрого ручья, где прежде стояла хижина старичка миссионера и где в своих мечтах он встречал Нейду. Но вместо леса он увидел черный, унылый пустырь.

Тогда он перевел взгляд на Гребень Крэгга и увидел встаю-

щие из-за его лысой бесплодной вершины обугленные стволы — знаки гибели и опустошения, уродующие весеннюю синеву небес.

У него вырвался крик, полный отчаяния и ужаса,— сбылось пророчество Желтой Птицы! На этот раз он вспомнил, как она говорила, что у Гребня Крэгга его ждет только чернота и что там он не найдет Нейды. В его ушах словно звучал музыкальный голос индианки, вновь и вновь повторяющей эти слова.

Застонав, Мак-Кей как безумный сбежал в долину и, не выбирая пути, торопливо зашагал напрямик через завалы и груды золы. Питер с трудом поспевал за ним. Через полчаса они добрались до того места, где стояла хижина миссионера, и увидели пепелище, на котором валялись черные головни. От тропы не осталось и следа. Прежний райский уголок исчез, погубленный пожаром, мрачное клеймо которого неизгладимо легло на землю.

Питер услышал всхлипывающие звуки в горле своего хозяина. Он и сам понимал, что случилась какая-то беда; он осторожно нюхал воздух, зная, что они вернулись домой,— и все-таки это был не дом! Он инстинктивно поглядел на Гребень Крэгга, и Веселый Роджер, заметив, что Питер пристально смотрит на расселину, за которой стояла хижина Джеда Хокинса, внезапно воспрянул духом. Возможно, пожар туда не добрался, и, значит, Нейда там, а может быть, и отец Джон...

Мак-Кей пошел к расселине. До нее было около мили, и с каждым шагом его надежда угасала, так как он видел вокруг все больше свидетельств того, какой огненный океан захлестывал склоны Гребня. Они пересекли луг, где когда-то в молодом ельнике цвели фиалки и алела земляника. Когда они спустились в неглубокую ложбину, Питер вновь услышал всхлипывающий звук и вдруг узнал это место: прежде здесь была полянка, где они с хозяином встречали Нейду. И тут Питер, забыв про хозяина и про осторожность, опрометью бросился к расселине, разделявшей Гребень Крэгга пополам.

Веселый Роджер тоже побежал, и, когда расселина осталась позади, ноги у него подкашивались от нечеловеческого напряжения и страха. Задохнувшись, он вскрикнул от радости и прислонился к скале. Впереди расстилалась та же черная пустыня, что и позади, но хижина Джеда Хокинса уцелела! Огонь подкрался к самому ее порогу и погас!

Мак-Кей пошел к прежнему жилищу Нейды и у закрытой двери увидел Питера: пес стоял неподвижно, словно чем-то встревоженный. Веселый Роджер толкнул дверь, и в лицо ему пахнуло сыростью. Хижина была пуста. Ее наполнял могильный сумрак.

Мак-Кей заставил себя переступить порог. Топоча лапками, кинулась в щель тощая лесная крыса, зашелестели обрывки

бумаги, и все погрузилось в безмолвие смерти. Дверь комнатушки, где спала Нейда, была открыта, и он прошел туда. Его взгляд упал на голые доски кровати — больше ничего в комнате не было.

Веселый Роджер бродил по хижине точно оглушенный, а Питер бесшумно следовал за своим хозяином. Они вышли наружу, и Веселый Роджер вдруг увидел, что в отдалении над пустыней пожарища что-то угрюмо торчит. Это был крест, наспех сколоченный из двух молодых деревцов,— пламя обуглило их, но крест остался стоять, черный и зловещий.

Он медленно сжал кулаки: под этим крестом покоились останки Джеда Хокинса, гнусного негодяя, погубившего его жизнь.

Мак-Кей вернулся в хижину и вошел в комнату Нейды, затворив за собой дверь. Питер остался снаружи сторожить и очень долго просидел на крыльце, не слыша в хижине ни единого звука.

Когда хозяин вышел к нему, его лицо было бледно и сурово. Веселый Роджер посмотрел в ту сторону, где прежде темнел лес, через который он бежал в грозовую ночь к хижине Муни. Теперь леса не было и в помине, но тропа сохранилась, и Мак-Кей узнал тот поворот, где лежал навзничь мертвый Джед Хокинс. Еще полмили — и они вышли к железной дороге. По-видимому, здесь пожар достигал наибольшей силы — в черных далях, освещенных заходящим солнцем, не было заметно не только признаков жизни, но и ни одного уцелевшего деревца.

И вдруг Веселого Роджера охватил страх, куда более ужасный, чем отчаяние, терзавшее его до этой минуты. Вокруг него простиралось черное кладбище — пожар пожрал тут всё. А что, если Нейде и миссионеру не удалось спастись? Это страх стал еще сильнее, когда солнце зашло и на землю опустилась темнота, принося с собой сырой холод и тяжелый запах гари.

На обратном пути к хижине Мак-Кей не разговаривал с Питером. В первой комнате на подоконнике стояла лампа, а за плитой лежали дрова. Веселый Роджер молча затопил плиту, подрезал фитиль в лампе и зажег ее. А Питер, точно испугавшись призраков минувшего, забился в угол и лежал там без движения. Мак-Кей не стал ужинать и не закурил; он долго сидел не шевелясь, потом взял одеяла, прошел в комнатку Нейды и расстелил их на кровати. Он задул лампу и улегся, глядя в окно, через которое на Нейду столько ночей смотрела луна.

Эта ночь тоже была лунной. Небо на востоке посветлело, а вскоре из-за зубчатого отрога выглянула луна, озарив унылое пожарище и залив комнату мягким сиянием. Небо было ясным, и ни единое облачко не заслоняло круглый диск полной луны,

которая, казалось, улыбалась в окошко, не зная, что Нейды тут больше нет и она напрасно освещает голые стены. Веселый Роджер вдруг понял, почему Нейда любила луну больше солнца. Лунные лучи отгораживали ее от всего мира, и Роджеру почудилось, что он видит тоненькую фигурку сидящей на постели девушки, слышит стук ее сердца, различает ее лицо и тонкие руки, простертые к луне. Сколько раз Нейда рассказывала ему о том, как она здоровается с ночным светилом и ищет взглядом улыбающееся лицо Лунного Человека, ее небесного друга, товарища ее игр!

На мгновение Роджеру стало легче, но тут луна, словно заметив чужого в этой маленькой комнате, скрылась за облако, и все вокруг потемнело. Однако облако пронеслось, и вдруг Веселый Роджер увидел Лунного Человека. Никогда еще он не видел его так ясно, хотя Нейда не раз с очаровательной наивной верой рассказывала ему, как она дружит с Лунным Человеком, и объясняла, какие разные выражения бывают у его лица: иногда он выглядит больным, а иногда — здоровым; порой он счастливо улыбается, а порой смотрит грустно и сурово, мучимый каким-то таинственным горем, о котором она ничего не знает.

«Стоит мне посмотреть на Лунного Человека, и я всегда знаю, будет ли у меня легко на сердце или тяжело,— говорила она.— Он не забудет сказать мне об этом, даже если небо затянуто тучами и ему редко-редко удается выглянуть в щелочку. И он очень много знает про вас, мистер Веселый Роджер, потому что я ведь ему обо всем рассказываю».

Мак-Кей осторожно встал с кровати и вышел в соседнюю комнату, а оттуда на крыльцо, и Питер с недоумением смотрел на фигуру своего хозяина, темную и неподвижную, как обгорелые стволы кругом, и даже взглянул на небо, стараясь понять, что увидел там Веселый Роджер. Но там не было ничего нового — все это он уже видел сотни раз: бесчисленные звезды, плывущую между ними царицу-луну, прозрачные, похожие на паутину облачка и безмолвие — великое тихое безмолвие, точно сладкий сон, когда морда лежит на коленях у хозяина.

Потом Питер услышал, как Веселый Роджер негромко сказал:

— Вот видишь, Желтая Птица говорила правду. Она ведь предупреждала, что тут все будет черно. Так оно и есть. И значит, мы разыщем Нейду там, где она обещала,— в Далеком Краю, в стране, которая лежит за лесами и болотами, там, где мы никогда не бывали, хотя и прошли немало тысяч миль по диким просторам. Там люди по воскресеньям сидят в душных церквах, и они будут смеяться над нами, Хромуля, потому что мы на них не похожи. Там мы разыщем Нейду. Отсюда ее прогнал пожар, и она ждет нас теперь в каком-нибудь поселке.

Он говорил твердо и убежденно, и тоскливое выражение исчезло с его лица, повернутого к светлому небу.

Потом он добавил:

— Сегодня мы не будем спать, Питер. Мы пойдем дальше вместе с луной.

Полчаса спустя две одинокие фигуры — человека и собаки — исчезли в направлении ближайшего поселка, до которого было миль пятнадцать. Луна смотрела им вслед и как будто одобрительно улыбалась.

Глава XVII

Из хижины Мак-Кей сначала пошел к большому утесу неподалеку от расселины, и Питер услышал, как с губ его хозяина сорвался смех, который не был смехом. Но он не поднял курчавую морду, а только тихонько заскулил. Он никак не мог понять, что, собственно, произошло и почему прежний дом так неузнаваемо изменился. Весь день, весь вечер и с тех пор, как взошла луна, он пытался разобраться в этом. Он знал, что вернулся в родные места, но тут не было зеленой травы, а бесчисленные деревья превратились в обугленные пни. Вырубку уже не окружали дремучие леса. А там, где они с Нейдой бегали наперегонки среди цветов, Гребень Крэгга был теперь совсем голым, и от опаленной земли тянуло тяжелым мертвым запахом. Все это по-своему, по-собачьи, он еще мог осмыслить, но одно оставалось совершенно непонятным: почему в хижине не было Нейды, почему она не ждала их здесь, хотя мир и переменился.

Он сел, и Веселый Роджер снова услышал тоскливое поскуливание. В этом собачьем горе человек нашел некоторое утешение: было существо, которое разделяло с ним его отчаяние. И он ласково потрепал своего товарища рукой, почерневшей от сажи.

— Питер, вот с этого утеса, с этого самого места, на котором мы теперь стоим, я в первый раз увидел ее. Давно это было,— сказал он, стараясь придать бодрость охрипшему голосу.— А помнишь ельник вон там? Ты сидел у нее на коленях, маленький такой несмышленыш, запутался лапами в ее волосах и так сердито ворчал, что я тебя услышал еще издали. И тут я наступил на сучок, а она оглянулась, и я опять подумал, какая она красавица — совсем еще девочка, глаза как синие цветы, волосы блестят на солнце, а на щеках следы слез. Она плакала, Хромуля, из-за этого негодяя, который лежит вон там под крестом. Помнишь, как ты затявкал на меня, когда я подошел к вам, Питер?

Питер завилял хвостом.

— То было началом,— сказал Роджер.— А это, кажется, ко-

нец. Но...— Он сжал кулаки, и его тень на скале гневно метнулась.— Но мы найдем ее, прежде чем наступит конец,— продолжал он вызывающе.— Мы найдем ее, Хромуля, даже если нам придется искать по поселкам прямо на глазах у полиции.

Он зашагал по каменистому склону, и стук его сапог гулко отдавался в окружающей мертвенной тишине. Мак-Кей снова пошел по тропе, которая вела к хижине Муни за извилистой железнодорожной линией, уходившей от Форт-Уильяма на восемьдесят миль в леса. Эта железнодорожная линия называлась «П. Д. В.» — «Порт-Артур — Дулут — Вестерн». Но путь так и не был доведен до Дулута, и некоторые остряки расшифровывали эти буквы так: «Путаница. Дикость. Воровство». Не раз Веселый Роджер смеялся над всякими нелепостями, о которых рассказывала ему Нейда. Например, с поездом, проходившим здесь лишь два раза в неделю, всегда ездила ремонтная бригада; летом и осенью машинист и кондукторы собирали ягоды по лесам и ставили капканы, а как-то даже затравили медведя и гнались за ним чуть ли не до самого озера Уайтфиш, а поезд тем временем стоял посреди чистого поля и ждал. Поезд она прозвала Пушечным ядром, потому что он однажды прошел за сутки шестьдесят девять миль. Но когда в эту ночь Веселый Роджер в сопровождении Питера выбрался на железнодорожное полотно, ему не хотелось смеяться. Узкая темная насыпь, словно горестная строка из трагедии, уходила во мрак, теряясь в жутком море черноты.

Снова человек и собака остановились, вспоминая о том, что здесь было прежде. Питер опять заскулил, и что-то толкало его залаять на луну, как он часто лаял на нее, смеша Нейду, в дни, когда был еще беззаботным щенком.

Но хозяин пошел дальше, и Питер покорно поплелся сзади, ступая по неровным шпалам. Кругом тянулся черный хаос, а над головой простиралось озаренное луной небо, и во всем был оттенок какой-то жуткой нереальности. Серебро и золото лунных лучей не могло осветить черного пепелища, и хотя в вышине путники ясно видели даже самые легкие облачка и самые далекие звезды, вокруг них там, где прежде шумели полные жизни леса, была мрачная пустота. Только две стальные полосы поблескивали в лунном сиянии да обугленные стволы угрюмо рисовались на фоне звездного неба.

Питер страдал не из-за того, что ничего не видел вокруг,— его угнетало и мучило отсутствие знакомых звуков и запахов. И, весь насторожившись, он ждал, что вот-вот случится какая-то беда. Много ночей он бежал вот так рядом с хозяином во время их бесконечных скитаний, и бывало, что луна и звезды не светили совсем, так что они находили дорогу ощупью. Но всегда внизу, вокруг и наверху он чувствовал присутствие жизни.

А вот в эту ночь жизни не было нигде — он не ощущал ее запаха, не слышал зова ночных птиц, шелеста совиных крыльев, плеска уток, крика гагар. Он напрасно напрягал слух, надеясь услышать хруст валежника и шепот ветра в ветвях. Его чуткий нос не улавливал ни мускусного запаха норки, ни резкой вони лисицы, ни чуть заметного запаха куропатки, кролика или толстого дикобраза. И ниоткуда не доносилось никаких звуков — ни волчьего воя, ни дробного постукивания тяжелых рогов лося о молодые деревца, ни даже лая собаки какого-нибудь траппера.

Земля молчала, и в ее молчании было что-то жуткое. Питеру даже казалось, что страшное и невидимое существо старается приглушить шаги его хозяина. Мак-Кей, который тоже замечал все, что так смущало Питера, в отличие от него, понимал причину гнетущей тишины, и его постепенно охватывал страх. Полное отсутствие какой-либо жизни вокруг показывало, насколько опустошителен был пожар. Ведь ни люди, ни животные не вернулись сюда, хотя пожар, судя по всему, случился еще прошлой осенью, около полугода назад. Сожженный край превратился в могилу, и глубокая кладбищенская тишина показывала, что пепелище простирается на многие мили.

И с этой мыслью пришла ужасная догадка, что в подобном огненном море неминуемо должно было погибнуть много людей. Ведь огонь обрушивался на них с внезапностью приливной волны, проносился по лесам с быстротой призового скакуна, и только это узенькое железнодорожное полотно было ненадежной спасительной нитью. Во многих местах люди могли избежать гибели только чудом. А в смолистых хвойных лесах, среди которых жила Нейда, пожар, конечно, бушевал с наибольшей силой. И, борясь с ледяным ужасом, сковывавшим его сердце, Мак-Кей вспомнил про седого старичка миссионера, отца Джона, в хижине которого укрылась Нейда в ту далекую грозовую ночь, когда Джед Хокинс лежал мертвый на тропе, уставя единственный невидящий глаз в темное небо, раздираемое вспышками молний. Отец Джон тогда обещал ему позаботиться о Нейде, и теперь Мак-Кей твердил себе, что миссионер, конечно, сумел спасти ее от огненной смерти, которая накатывалась на них, как лавина. Он говорил себе, что иначе быть не может. Он даже выкрикнул эти слова, и Питер, услышав его голос, подбежал и ткнулся мордой в ногу хозяина.

Но страх не исчез. Наоборот, он все больше терзал Веселого Роджера. Мак-Кею дважды в его жизни довелось бежать наперегонки со смертью во время лесного пожара. Но те пожары не шли ни в какое сравнение с этим. Веселому Роджеру вдруг показалось, что он слышит рев огня, что корчащаяся в пламени земля содрогается у него под ногами, что над головой у него,

рассыпая искры, проносятся горящие головни, а все вокруг затянуто смрадным дымом. Всего несколько часов назад он видел место, где прежде стояла хижина отца Джона — и там вокруг были только уголь и зола. Что, если огонь застал их врасплох и им некуда было бежать?..

Он крикнул, не находя сил смириться с неизбежным:

— Этого не может быть, Питер! Не может! Они добрались до железной дороги... или до озера... и мы найдем их в каком-нибудь поселке.

Он остановился и вгляделся в лунный сумрак слева. То, что он там увидел, заставило его спуститься с насыпи, под которой тянулась канава, наполовину заполненная жидкой черной грязью. Это были остатки хижины заготовщика шпал — куча обгоревших бревен, разметенная ветром зола. Даже здесь, у самой железнодорожной насыпи, огонь пожрал все.

Мак-Кей опять перебрался через канаву, утонув по колено в грязи, и пошел дальше. Он напрягал все душевные и физические силы, чтобы отогнать от себя безумие. Вновь и вновь он повторял вслух, что Нейда и миссионер спаслись, что он отыщет их в одном из поселков. Про полицию он и не вспоминал. Какая разница, что случится с ним? Лишь бы ему удалось найти Нейду, убедиться, что она жива, прежде чем его настигнет погоня или он попадет в засаду. Тем не менее он сознавал, что ему следует соблюдать осторожность, хотя он и готов был рисковать чем угодно, только бы увидеть Нейду.

Они шли по путям около часа, а луна, заходившая на западе, словно обернулась, чтобы еще раз посмотреть на них. Позади них, когда они оглядывались, зияла черная бездна, а впереди, там, куда падали лунные лучи, маячили смутные тени и даже можно было что-то рассмотреть. Дважды они замечали за мертвыми стволами серебряный блеск озер и около мили шли вдоль речки, слушая ее дружелюбное журчание. Но даже и здесь, где вода готовилась приветствовать жизнь, жизни не было и следа.

Прошел еще час, и Веселый Роджер с бьющимся сердцем все упорнее напрягал зрение, стараясь рассмотреть, что кроется в сумраке перед ними. До ближайшего поселка оставалось около мили — до поселка с лесопильней, окруженной плоскими горами опилок, с аккуратными деревянными домиками и лавкой, где лес подступал к самым дверям. Конечно же, обитатели поселка отстояли его от огня, и там он найдет Нейду с миссионером. Ведь отец Джон часто посещал этот поселок румяных голубоглазых финнов-переселенцев.

Но они шли и шли, а лая собак по-прежнему не было слышно, и ни один огонек не разрывал непроницаемую стену мрака. Вот наконец они миновали поворот и мост над узенькой речкой. Мак-Кей знал, что отсюда он мог бы добросить камень до

первого дома поселка. Минуту спустя он окаменел на месте, ахнув от ужаса: поселка не было. На фоне лунного неба не вырисовывалось ни единого дома, ни единого живого дерева. Там, где стояла лавка и маленькая церковь, выкрашенная белой краской, глаз не различал ничего, кроме все той же смутной тьмы.

Веселый Роджер опять спустился с насыпи и долго стоял прислушиваясь, так что Питер боялся пошевелиться. Затем, приставив руки рупором ко рту, Веселый Роджер громко закричал, и Питер испуганно вздрогнул. Но на крик не отозвался никто — только глухое эхо прокатилось во мраке. От поселка не осталось и следа. Даже горы опилок огонь сровнял с землей.

Веселый Роджер вновь поднялся на насыпь и зашагал дальше, хрипло и тяжело дыша. Здесь побывала смерть — смерть внезапная и беспощадная. И если такая судьба постигла финский поселок, если эти сильные женщины и еще более сильные мужчины не смогли отстоять от огня свои дома, то что же могло произойти в хижине, где жили старичок миссионер и Нейда?

Мак-Кей забыл, что рядом бежит Питер. Он думал только об одном: найти хоть одного живого человека. То и дело он пускался бегом и замедлял шаг лишь для того, чтобы немного отдышаться и прислушаться. И вот во время одной из таких передышек Питер первым расслышал живой звук: откуда-то издалека доносился собачий лай.

Через полмили они увидели темный силуэт хижины, вокруг которой не вставали вопросительные знаки обгорелых стволов. В окнах не светилось ни единого огонька, но из-за хижины снова донесся собачий лай, и Веселый Роджер бросился туда. Под его подошвами теперь не шуршала зола, и он понял, что наткнулся на первый оазис жизни в этой спаленной пустыне. Он забарабанил кулаками по двери и вскоре услышал, как заскрипела кровать под тяжелым мужским телом, а потом раздался женский голос. Мак-Кей постучал еще раз, и в окне мелькнул огонек зажженной спички. Заскрипел засов, дверь открылась, и Веселый Роджер увидел перед собой мужчину в ночной рубашке, с грубым насупленным лицом и жесткой бородой. В руке он держал лампу.

— Прошу прощения, что разбудил вас,— сказал Веселый Роджер,— но я всю зиму провел на Севере и вот вернулся к друзьям, а тут, кроме гари, ничего нет. Вы первый, кого я могу о них спросить.

— А где они жили-то? — пробурчал бородач.

— У Гребня Крэгга.

— Господи боже ты мой! — донесся из глубины комнаты голос женщины.

— У Гребня Крэгга было самое пекло, да еще поздней ночью,— объяснил мужчина.

Веселый Роджер уцепился за косяк, чтобы устоять на ногах.

— Так, значит...

— Там мало кто спасся,— пробурчал бородач, словно желая поскорее избавиться от непрошеного гостя и снова лечь спать.— Если это вы про Муни, так он сгорел. И Робсон, и швед Джейк, и вся семья Адамсов — никто живым оттуда не выбрался...

— Нет-нет,— перебил Веселый Роджер, в чьем сердце надежда боролась с отчаянием,— я хотел узнать у вас про отца Джона, миссионера, и про Нейду Хокинс... которая жила у него... а может быть, у своей приемной матери, в хижине Хокинса.

Мужчина покачал головой и привернул фитиль лампы.

— Ни про девушку, ни про старую ведьму, ее мамашу, я ничего не знаю,— ответил он.— А вот миссионер — так он спасся и ушел куда-то в поселки.

— Один или с девушкой?

— Никакой девушки с ним не было,— опять донесся женский голос, и кровать заскрипела так, что Питер насторожил уши.— Отец Джон побывал у нас на второй день, как пожар кончился, и сказал, что хоронят мертвых. Нейды Хокинс с ним не было. И он не говорил, кто погиб, а кто спасся, да только...

Муж повернулся к ней, и она умолкла.

— Что вы знаете? — спросил Веселый Роджер, переступая порог.

— Знать-то я не знаю,— ответила женщина,— а только думаю, что она не спаслась. Ведь старуха, жена Хокинса, попала в огонь, когда бежала к озеру.

Бородач взялся за дверь, явно собираясь ее захлопнуть.

— Ради бога, погодите,— умоляюще сказал Веселый Роджер, упираясь в дверь плечом.— Ведь кто-то же спасся с Гребня Крэгга и из окрестностей?

— Половина, а то и меньше,— ответил бородач.— Я же вам говорю, что там было настоящее пекло. И хуже всего то, что огонь добрался туда в глухую ночь. А двигался он побыстрей курьерского поезда. У нас здесь расчищено двадцать акров и хижина стоит в самой середке, а все-таки мне бороду опалило, а ей волосы. И руки мы себе пообожгли. А свиньи все от жара передохли. Может, хотите заночевать здесь, приятель?

— Нет, я пойду дальше,— сказал Роджер, леденея от ужаса.— А далеко еще до конца гари?

— Миль с десять будет. Пожар там и начался, ветер дул со стороны следующего поселка.

Роджер попятился, дверь затворилась. Когда они поднялись на насыпь, он увидел, что свет уже погас, а вскоре и лай собаки замер далеко позади. Теперь Мак-Кей ощущал невероятную

усталость. Надежда больше не поддерживала его, и начинало сказываться утомление двух бессонных ночей: он шел медленно, все чаще спотыкаясь о неровные шпалы. Однако он упорно гнал от себя мысль, что Нейда умерла; он так часто повторял: «Не может быть, не может быть», что эти слова звучали в его ушах, словно припев какой-то песни. А перед его глазами маячило бледное, худое лицо миссионера, который поклялся заботиться о Нейде и заходил в хижину бородатого поселенца один!

Они шли еще два часа и наконец добрались до леса, не пострадавшего от огня. Веселый Роджер расстелил одеяло под густой елью, и там они дождались рассвета. Питер растянулся на земле во всю длину и уснул, но Веселый Роджер долго сидел, прислонясь к стволу, и только когда небо начало бледнеть, ненадолго забылся в беспокойной дремоте. Его разбудило щебетание проснувшихся птиц, и он умылся в холодной воде ручья поблизости. Питер недоумевал: хозяин не развел костра, не покормил его!

Они ночевали неподалеку от поселка и пришли туда на заре. Во всех домах еще спали, и только из одной трубы в ясное утреннее небо подымался дымок. Дверь этой хижины распахнулась, на крыльцо вышел молодой человек, зевнул, потянулся и посмотрел вверх, прикидывая, какой обещает быть погода. Затем он направился в бревенчатую конюшню, и Веселый Роджер пошел за ним туда. В отличие от бородача, молодой человек приветствовал его дружеской улыбкой.

— Доброе утро! — сказал он.— Раненько же вы поднялись...

Тут он заметил сажу на одежде и сапогах Веселого Роджера и землистую бледность его лица.

— Вы только что пришли сюда? — спросил он сочувственно.— Оттуда?

— Да, оттуда. Я давно не был в этих местах и пытаюсь узнать, удалось ли спастись моим друзьям. Вы знаете отца Джона, миссионера, который жил у Гребня Крэгга?

Молодой человек кивнул.

— Знаю,— ответил он.— Он хоронил моего брата три года назад. Если вы ищете его, так он жив и здоров. Через неделю после пожара он перебрался в Форт-Уильям — а было это в сентябре, восемь месяцев назад.

— А с ним не было девушки, Нейды Хокинс? — спросил Веселый Роджер, стараясь не выдать волнения, с каким он ожидал ответа.

Молодой человек покачал головой.

— Нет, он был один. Он ночевал у меня по пути в Форт-Уильям и ничего не говорил про девушку, которую звали бы Нейда Хокинс.

— А о других он говорил?

— Он был очень измучен и совсем убит случившимся несчастьем. По-моему, он вообще никого не упоминал.

Тут молодой человек заметил, что лицо Веселого Роджера посерело еще больше, и увидел отчаяние, которое тому не удалось скрыть.

— Но через наш поселок прошло немало девушек, спасшихся от пожара. И с родными и поодиночке,— сказал он ободряюще.— А как выглядела Нейда Хокинс?

— Она была совсем девочка. Я ее так и называл,— ответил Веселый Роджер холодным, мертвым голосом.— Ей восемнадцать лет, она очень красивая. У нее синие глаза и каштановые волосы, которые вьются и всегда падают ей на лоб. Вы бы ее не забыли, если бы увидели хоть один раз.

Молодой человек ласково положил руку на плечо Мак-Кея.

— Здесь она не проходила,— сказал он.— Но может быть, вы найдете ее где-нибудь еще. Не хотите ли позавтракать со мной? У меня ночует один человек. Он идет как раз в те края, откуда вы сейчас пришли. Он кого-то разыскивает и, может, узнает от вас что-нибудь полезное. Он думает побывать у Гребня Крэгга.

— У Гребня Крэгга? — повторил Веселый Роджер.— А как его зовут?

— Брео,— ответил молодой человек.— Сержант Брео из королевской северо-западной конной полиции.

Веселый Роджер отвернулся и погладил шею лошади, которая терпеливо ждала утренней порции овса. Но когда его ладонь легла на шелковистую шерсть, он ничего не почувствовал. Сердце его налилось свинцом, и он ответил не сразу. Потом он сказал:

— Большое спасибо, но я уже позавтракал, а сейчас я иду в леса на северо-запад, к Рейни-ривер. И лучше не говорите этому Брео про меня, а то он подумает, что я хотел от него что-то утаить. Но... Если вы любили своего умершего брата... вы поймете, что мне сейчас тяжело разговаривать с чужими людьми.

Молодой человек опять дружески положил ему руку на плечо.

— Я все понимаю,— сказал он,— и от души надеюсь, что вам удастся ее отыскать.

Они молча пожали друг другу руки, и Веселый Роджер поспешил уйти подальше от хижины, над трубой которой курился первый дымок.

Три дня спустя в городок Форт-Уильям пришел человек с собакой, который искал спасшихся от пожара миссионера, некоего отца Джона, и молодую красивую девушку по имени Нейда Хокинс. Он зашел сперва в старинную миссию, под защитой крепких стен которой еще в прошлом веке торговцы выменивали

меха у индейских охотников. Отец Августин, глубокий старец, беседовавший с неизвестным, после его ухода сказал, что тот, наверное, болен, а может быть, даже и помешан.

И действительно, Веселого Роджера томило такое отчаяние, что оно граничило с безумием. Он уже не верил, что Нейде удалось спастись от огня, хотя и не нашел никаких прямых доказательств ее смерти. Впрочем, последнее не имело большого значения, так как во время сентябрьского пожара многие пропали без вести и, хотя был уже май, о их судьбе никто ничего не знал. Зато он всюду слышал, что отцу Джону удалось спастись, что его видели здесь, и видели одного.

Отец Августин, кроме того, сказал ему, что в сентябре отец Джон провел несколько дней у них в миссии, намереваясь затем отправиться на север, куда-то к озеру Пошкокаган.

Питеру и его хозяину нельзя было мешкать в Форт-Уильяме. Веселый Роджер Мак-Кей не сомневался, что Брео уже напал на их след и идет по нему с кровожадным упорством хорька — недаром же он получил такую кличку. Поэтому Мак-Кей пополнил свои запасы в маленькой лавчонке, рассчитывая, что Брео не сразу догадается наводить здесь о нем справки, и отправился через лес на север, к Пошкокагану. Он думал, что через пять-шесть дней найдет отца Джона и узнает от него всю правду, какой бы страшной она ни была.

Тягостное отчаяние хозяина сказалось и на Питере. Он не понимал слов, но чувствовал, что случилась непоправимая беда, и теперь в его повадках появилось что-то волчье и он утратил прежнюю веселость. Его зрение и чутье были постоянно настороже, и он подозрительно прислушивался к малейшему шороху. А по ночам, когда они кончали ужинать возле крохотного костра, разведенного где-нибудь в глухой чаще, Питер дремал лишь вполглаза, готовый при малейшей тревоге вскочить на ноги.

После той ночи, когда они зашли в хижину бородатого поселенца, лицо Веселого Роджера осунулось и посерело. Не раз он обдумывал, как он поступит в ту неизбежную минуту, когда его наконец настигнет Брео, охотник за людьми. После того как он покинул Форт-Уильям, он принимал меры предосторожности больше по привычке, подчиняясь смутному инстинкту самосохранения, и встреча с Брео его теперь почти не пугала. Ему вовсе не хотелось оттягивать конец. Игра была долгой, интересной и захватывающей, но теперь он устал, и без Нейды будущее представлялось ему беспросветно унылым. Если она умерла, то и ему больше незачем жить. Эта мысль несла с собой какое-то странное успокоение, и он крепким узлом завязал ремешки своей кобуры. Когда Брео догонит его, этот узел яснее всяких слов скажет, что он сдается добровольно.

Мак-Кей и Питер шли по глухим дебрям к озеру Пошкокаган, а кругом ликовала и цвела прекрасная весна. От холодного дыхания зимы не осталось и помина, и теплое лето вступило в свои права на месяц раньше срока. Но Веселый Роджер впервые в жизни не замечал красоты обновленной земли. Первые цветы не радовали его, как бывало. Он больше не останавливался, чтобы полной грудью вдохнуть сладостный воздух, напоенный ароматом смолы. Он слушал птичье пение, но прежние струны не отзывались в его душе, и музыка разлившихся речек оставляла его холодным. В крике гагар ему чудился вопль неизбывного одиночества, а вокруг его глаза видели только безжизненную пустыню.

Так он в конце концов добрался до речки Беритвуд, впадающей в озеро Пошкокаган. И когда день начал клониться к вечеру, они с Питером услышали доносившийся из лесной чащи стук топора.

Они осторожно и бесшумно пошли на этот стук и вскоре у речной излучины посреди небольшой вырубки увидели хижину. Она была построена совсем недавно, и из трубы шел дым. Топор продолжал стучать немного в стороне, за еловой и березовой порослью. Мак-Кей и Питер свернули туда и почти сразу наткнулись на дровосека. Веселый Роджер вскрикнул — перед ним был отец Джон.

Несмотря на пережитую трагедию, седенький старичок словно помолодел с тех пор, как Веселый Роджер видел его в последний раз. Он уронил топор, и удивление на его лице сменилось радостью, когда он увидел, кто перед ним.

— Мак-Кей! — воскликнул он, протягивая руки.— Друг мой!

Он заметил, как переменился Веселый Роджер, заметил печать отчаяния на его лице, и радость в его взгляде сменилась сочувствием и жалостью. Их руки встретились в крепком пожатии, но они молчали — говорили только взгляды. Наконец миссионер сказал:

— Вы знаете? Вам кто-нибудь сказал?

— Нет,— ответил Веселый Роджер, опуская голову.— Мне никто не говорил.— Он думал о Нейде и о ее смерти.

Отец Джон крепче сжал его руку.

— Неисповедимы пути господни,— произнес он тихо.— Роджер, вы не убили Джеда Хокинса.

Веселый Роджер тупо смотрел на него, не зная, что сказать.

— Да, да, вы его не убивали,— повторил отец Джон.— В ту самую ночь, когда вы думали, что бросили его на тропе мертвым, он благополучно вернулся к себе домой. Но несколько дней спустя он, пьяный, отправился в скалы, оступился и разбился

насмерть. Бедняжка его жена пожелала, чтобы его похоронили неподалеку от хижины...

Но Веселый Роджер думал не о Брео-Хорьке и не о том, что виселица ему больше не грозит. Голос отца Джона доносился словно откуда-то издалека:

— Мы говорили про это всем, кто отправлялся на Север, надеясь, что в конце концов кто-нибудь найдет вас и вы вернетесь. И она ждала, ждала все дни и ночи...

Кто-то шел к ним от хижины — девичий голос звонко пел песню. Лицо Мак-Кея стало серее, чем пепел костра.

— Господи! — прошептал он хрипло.— Я думал... я думал, она погибла в пожаре.

Только теперь отец Джон понял, почему так изменился Веселый Роджер.

— Да нет же, она жива! — воскликнул он.— На другой день после пожара я отправил ее в эти места с проводником-индейцем напрямик через леса. А позже я оставил для вас письмо в комитете помощи погорельцам в Форт-Уильяме. Я думал, что вы первым долгом зайдете туда.

— И вот только туда-то я и не зашел! — воскликнул Веселый Роджер.

Нейда остановилась на краю вырубки, потому что из чащи на звук ее голоса выскочил какой-то странный зверь: собака, курчавая, как эрдель, с лапами гончей и тощим мускулистым телом лесного волка. Питер прыгнул на нее, как прыгал, когда был щенком, и с губ Нейды сорвался рыдающий крик:

— Питер! Питер! Питер!..

Услышав этот крик, Веселый Роджер выпустил руку отца Джона и бросился к вырубке.

Нейда стояла на коленях, обнимая косматую голову Питера, и растерянно смотрела на березовую поросль: оттуда выбежал человек и вдруг замер, словно ослепленный лучами заходящего солнца. И, ощущая ту же непереносимую слабость, она выпустила Питера и протянула руки к серой фигуре на опушке. Ее душили слезы, она хотела что-то сказать и не могла произнести ни слова. Минуту спустя к вырубке подошел отец Джон и осторожно выглянул из-за куста шиповника; он увидел обнявшуюся пару, вокруг которой бешено прыгал Питер, достал носовой платок, вытер глаза и тихонько побрел за топором, который уронил возле свежей поленницы.

Голова Роджера гудела, и в течение нескольких минут он не слышал даже заливистого лая Питера, потому что весь мир слился в судорожные вздохи Нейды и тепло ее прикосновения. Он ничего не видел, кроме повернутого к нему лица и широко открытых глаз. Да и лицо Нейды он видел словно сквозь серебристый туман и словно во сне чувствовал ее руки на своей

шее — сколько раз он видел такие сны у ночных костров далеко на Севере!

Вдруг Нейда вскрикнула, и он очнулся.

— Роджер... ты сейчас... меня задушишь,— прошептала она, с трудом переводя дыхание, но сама не разжала рук.

Только тогда он сообразил, что причиняет ей боль, и немножко отодвинулся, не отводя глаз от ее лица.

Если бы в эту минуту он мог увидеть себя таким, каким увидел его отец Джон, когда он вышел из леса, каким видела его сейчас Нейда, то гордость, радость и мужество бесследно улетучились бы из его сердца. С тех пор как они с Питером вышли к Гребню Крэгга, он ни разу не брился, и теперь его щеки покрывала жесткая щетина, давно не стриженные волосы были взлохмачены, глаза налились кровью от долгой бессонницы и вечного гнетущего отчаяния.

Но Нейда ничего этого не замечала. А может быть, эти свидетельства тоски и горя казались ей прекрасными. Теперь перед Веселым Роджером стояла уже не прежняя маленькая девочка. Нейда повзрослела, очень повзрослела, как показалось Мак-Кею. Она выросла, а непослушные кудри были теперь уложены в прическу. Заметив эти перемены, Мак-Кей ощутил что-то вроде благоговейного ужаса. Да, перед ним была не маленькая девочка с Гребня Крэгга, а незнакомая красавица. Это чудо преображения свершилось всего за один год, и Роджер был испуган; наверное, Джед Хокинс не посмел бы ударить эту новую Нейду, и он боялся снова обнять ее.

Но в тот миг, когда его руки медленно разжались, он увидел то, что одно осталось прежним,— сияние ее глаз, смотревших на него с такой же любовью и доверием, как когда-то в хижине индейца Тома, когда пиратка миссис Кидд шуршала и пищала среди газет на полке, а Питер, весь перебинтованный, смотрел на них с нар, освещенных закатным солнцем. И пока он стоял в нерешительности, Нейда первая опять обняла его и положила голову ему на грудь, смеясь и плача, а подошедший отец Джон ласково погладил ее по плечу, улыбнулся Мак-Кею и побрел к хижине. Некоторое время после его ухода Веселый Роджер стоял, прижимая лицо к волосам Нейды, и оба молчали, слушая, как бьются рядом их сердца. Потом Нейда протянула руку и нежно погладила его по щетинистой щеке.

— Больше я не позволю вам убегать от меня, мистер Веселый Роджер,— сказала она, как говорила когда-то маленькая Нейда, но теперь в ее голосе появилась новая решительность и уверенность.

И когда Мак-Кей поднял голову, он увидел вокруг озаренный солнцем мир, который всегда любил.

Глава XVIII

Все следующие дни Питер замечал, что в хижине на берегу Бернтвуда царит какое-то странное волнение. И даже ничего не происходило, но все равно было такое чувство, словно вот-вот что-то случится. На другой день после того, как они пришли на Бернтвуд, хозяин словно забыл о его существовании. Нейда, правда, замечала его, но и она как-то переменилась, а отец Джон усердно хлопотал по хозяйству вместе с индейцами — мужем и женой, которые жили у него. Бледное худое лицо миссионера освещала загадочная улыбка — она особенно дразнила любопытство Питера и заставляла его быть начеку. Непонятные поступки окружавших его людей приводили беднягу в полное недоумение. На третье утро Нейда не вышла из своей спальни, Веселый Роджер ушел в лес без завтрака, и отец Джон сидел за столом один, с ласковой улыбкой поглядывая на закрытую дверь комнаты Нейды. Даже Усимиска, Молодой Листок, чернокосая индианка, которая убирала дом, была какой-то странной, когда она входила к Нейде, а Мистус, ее муж, пыхтя и отдуваясь, натаскал полный дом еловых веток.

Веселый Роджер расхаживал по лесу один, неистово дымя трубкой. Его била нервная дрожь, и он не мог совладать со своим волнением. Он встал еще на заре, и с тех пор ему никак не удавалось взять себя в руки.

Он чувствовал себя слабым и беспомощным. Но это была слабость и беспомощность неизмеримого счастья. Мечтая о встрече с Нейдой, он рисовал себе прежнюю девочку в рваном платье и худых башмаках, запуганную жестоким обращением приемного отца,— беззащитную маленькую девочку, которую он должен любой ценой охранять и оберегать от зла и бед. Ему и в голову не приходило, что за эти месяцы, проведенные у отца Джона, «девочка, которой пошел восемнадцатый год», станет совсем взрослой.

Он пытался вспомнить, что именно говорил ей накануне вечером: что он остался разбойником, которого преследует закон, и так будет всегда, какую бы образцовую жизнь он ни начал вести теперь; что она находится на попечении отца Джона и ей не следует любить его — пусть она возьмет назад свою клятву, она будет гораздо счастливее, если просто забудет о тех днях у Гребня Крэгга.

«Ты же теперь совсем взрослая,— сказал он, подчеркивая последнее слово.— И самостоятельная. Я тебе больше не нужен».

А Нейда молча посмотрела на него, точно читая у него в душе, потом вдруг рассмеялась, тряхнула головой так, что волосы рассыпались по плечам, и повторила те самые слова, которые сказала ему давным-давно: «Без вас... я умру... мистер...

Веселый Роджер», а потом повернулась и убежала в хижину. С той минуты он ее больше не видел.

И с той минуты его словно била лихорадка, и руки у него дрожали, когда он вынул часы и увидел, как быстро идет время.

А Питер в хижине прижимал нос к щели под дверью Нейды и слушал, как она ходит у себя в комнате, но двери она так и не открыла. Тут случилась новая загадочная вещь: Усимиска, ее муж и отец Джон убрали стены мохнатыми ветками, так что Питеру показалось, будто он опять попал на поляну в ельнике у Гребня Крэгга — тем более, что пол они усыпали травой и цветами.

Отчаявшись понять, что все это означает, Питер улегся под крыльцом и грелся на теплом майском солнышке, пока хозяин не вернулся из леса. А потом началось и вовсе непонятное. Вслед за Веселым Роджером он вошел в хижину и увидел, что Мистус и Молодой Листок чинно сидят на стульях, а отец Джон стоит за маленьким столиком, на котором лежит раскрытая книга; он смотрел на часы, когда они входили, и ласково кивнул им. Тут Питер совершенно ясно разглядел, что его хозяин судорожно сглотнул, словно у него что-то застряло в горле. Его чисто выбритые щеки стали белыми как мел. Впервые в жизни Питер видел, чтобы его хозяин так боялся, и тихонько зарычал из-под еловых веток, ожидая, что в открытой двери вот-вот появится страшный враг.

Отец Джон постучался в дверь Нейды.

Потом он возвратился к своему столику, а когда ручка двери медленно повернулась, его хозяин опять сглотнул и сделал шаг в ту сторону. Наконец дверь открылась, и они увидели Нейду. Веселый Роджер тихо ахнул — так тихо, что Питер еле-еле его услышал,— и протянул к ней руки.

Это была не та Нейда, которая встретила их на вырубке у хижины отца Джона, а прежняя Нейда — девушка с Гребня Крэгга, та, с которой Веселый Роджер расстался в грозовую ночь. Ее волосы были распущены, как в те дни, когда она играла с Питером на лугах и среди скал, ее свадебный наряд был ветхим и выцветшим, потому что она надела старенькое платье, которое было на ней в ту страшную ночь, когда она послала Питера вслед за своим возлюбленным, а маленькие ножки были обуты в разбитые и изорванные башмаки, в которых она бежала за ним по лесной тропе. Отец Джон смотрел на нее с недоумением, но в глазах Веселого Роджера вспыхнула такая радость, что Нейда обняла его и поцеловала.

Потом, вся розовая, она встала рядом с Мак-Кеем перед отцом Джоном, который взял в руки открытую книгу, и, потупив глаза под длинными ресницами, вдруг перехватила растерянный взгляд Питера. Она тихонько поманила его пальцем и положила

руку ему на голову. Отец Джон начал говорить, и Питер, задрав морду, внимательно слушал. Веселый Роджер смотрел прямо перед собой на еловую гирлянду на стене позади миссионера, но его голова была гордо поднята и страх исчез с его лица. А Нейда стояла совсем рядом с ним, так что ее голова касалась его плеча и ее пальчики сжимали его большой палец, как в ту счастливую ночь, когда они вместе шли по лугу у Гребня Крэгга.

Питер так ничего и не понял, но вел себя чинно и достойно. Когда все это кончилось и отец Джон, поцеловав Нейду, тряс руку его хозяина, Питер оскалил зубы и чуть было не зарычал, потому что увидел, как Нейда беззвучно заплакала, точно в те далекие дни, когда он был маленьким щенком. Но теперь ее синие глаза были широко открыты и она не спускала их с Веселого Роджера, щеки разрумянились, а губы чуть-чуть вздрагивали. И вдруг вместе со слезами пришла улыбка, а Веселый Роджер отвернулся от отца Джона и обнял ее. Тогда Питер завилял хвостом и выбежал на залитую солнцем вырубку, потому что там на пеньке сидела рыжая белка и насмешливо цокала.

Потом Нейда и его хозяин вышли из хижины и пошли через вырубку к молодой поросли, в которой они в день своего прихода слышали топор отца Джона.

Нейда села на поваленный ствол, и Мак-Кей сел рядом, не выпуская ее руки. Пока они шли по вырубке, он не сказал ни слова и, казалось, был не в силах разомкнуть губ и теперь.

Не спуская глаз с травы, зеленеющей у них под ногами, Нейда спросила очень тихо:

— Мистер... Веселый Роджер... вы рады?

— Да,— ответил он.

— Рады, что я теперь... ваша жена?

Мак-Кей вместо ответа глубоко вздохнул, и, подняв голову, Нейда увидела, что он смотрит в бездонную синеву над вершинами елей.

— Что я ваша жена,— повторила она и потерлась щекой о его плечо.

— Да, я рад,— ответил он.— Так рад... что мне страшно.

— Ну, если вы рады, то поцелуйте меня еще раз.

Веселый Роджер притянул Нейду к себе, сжал ее лицо в ладонях и крепко поцеловал в губы. Когда он отпустил ее, она посмотрела на него глазами, полными счастья, а потом, отстранившись, сказала требовательно:

— Вы больше не будете убегать от меня?

— Нет!

— Значит, мне больше нечего желать в жизни,— продолжала Нейда, опять прильнув к нему.— Мне ведь, кроме вас, ничего не нужно!

Веселый Роджер ничего не ответил и только чувствовал, как тихо бьется ее сердце рядом с ним, и слушал звонкий птичий щебет. И оба были очень счастливы. Но тут Питер, которому стало скучно, неторопливо отправился исследовать солнечные глубины леса.

И, услышав эти осторожные, крадущиеся шаги, словно говорившие о том, что впереди его ждут опасности, Веселый Роджер переменился в лице. Ладонь Нейды ласково прижалась к его щеке:

— Вы меня очень любите?

— Больше жизни,— ответил он, следя за тем, как Питер принюхивается к легкому южному ветерку.

Ее палец нежно коснулся его губ.

— И я буду с вами... всегда и повсюду?

— Да, всегда и повсюду.— Но его глаза смотрели на уходящий вдаль дремучий лес и видели худое безжалостное лицо человека, который шел по его следу. Лицо Брео-Хорька.

Он обнял Нейду и прижал ее головку к своей груди.

— Только бы ты никогда об этом не пожалела,— сказал он, по-прежнему глядя на лес.

— Нет-нет, я никогда не пожалею! — негромко воскликнула она.— Пусть нам придется скитаться без приюта, и голодать, и отбиваться от полиции... и умереть. Я ни о чем не пожалею, пока буду с вами!

Он молчал, прижимая губы к мягким каштановым волосам, и Нейда начала рассказывать ему то, что он уже слышал от отца Джона: как она бежала за ним по лесу в грозу, когда он ушел из хижины миссионера у Гребня Крэгга. А Веселый Роджер в свою очередь рассказал ей, как Питер разбудил его на рассвете и он нашел ее подарок, который спас его от отчаяния и безумия, и как на берегу Уолластона он отдал этот подарок на хранение Желтой Птице.

Они бродили по душистому весеннему лесу, и целый час Нейда расспрашивала его про Желтую Птицу и Солнечную Тучку. Так она постепенно узнала, что в детстве он называл Желтую Птицу доброй волшебницей, а когда вырос, стал ради нее преступником. Когда он кончил рассказывать, глаза Нейды блестели и она часто дышала.

— Когда-нибудь мы побываем там вместе! — шепнула она.— Я так горжусь тобой, мой Роджер! И я уже люблю Желтую Птицу... и Солнечную Тучку тоже. Когда-нибудь мы навестим их, хорошо?

Веселый Роджер кивнул, и грызущий страх в его сердце исчез — так он был счастлив.

— Да, мы побываем там. Я видел такой сон, и он поддержал меня, когда мне грозила смерть...

Потом он рассказал ей про Кассиди, с которым он расстался на другом берегу Уолластона в хижине старого траппера и его внучки Жизели, где рыжий капрал конной полиции нашел свое счастье.

Время шло незаметно, и только под вечер они вернулись в хижину. Нейда опять заперлась у себя в комнате и вышла, только когда свадебные яства, состряпанные Усимиской, уже стояли на столе.

И Веселый Роджер снова тихо ахнул, когда увидел ее,— так она преобразилась. Опять перед ним была новая, взрослая Нейда — от волос, красиво уложенных на голове, до изящных туфелек на маленьких ножках. Руки, когда-то покрытые синяками, были теперь белоснежными, и вся ее изящная красота настолько поразила Мак-Кея, что он только тупо смотрел на Нейду, пока она не подбежала к нему и не чмокнула его в щеку, так громко, что Питер навострил от неожиданности уши. Потом Нейда поцеловала отца Джона и принялась весело хозяйничать за свадебным столом.

И теперь она уже не смущалась, произнося его имя, много раз смело называла его Роджером, а дважды с застенчивым лукавством сказала даже «мой муж», и во время этого блаженного обеда Роджер Мак-Кей, закаленный невзгодами северный бродяга, не спускал полных обожания глаз со своей жены и не уставал дивиться своему счастью.

Но и в этот безмятежный час где-то в самом дальнем уголке его мозга пряталось тревожное воспоминание о Брео-Хорьке.

Глава XIX

Когда сгустились сумерки и в вышине высыпали звезды, он рассказал о своих опасениях отцу Джону.

Нейда кликнула Питера и ушла к себе, а отец Джон, обратив бледное лицо к бескрайнему великолепию небес, беззвучно шептал слова благодарственной молитвы, и вот тогда-то Веселый Роджер тихо положил руку на его плечо.

— Отец Джон,— сказал он,— какая прекрасная ночь!

— Ночь света и благодати,— ответил миссионер.— Взгляните на звезды. Они словно живые и, ликуя, ниспосылают вам свое благословение.

— И все же... мне страшно.

— Страшно?

Отец Джон взглянул на Мак-Кея и увидел, что его глаза устремлены куда-то за стену леса.

— Да, страшно — за нее.

И Мак-Кей коротко рассказал миссионеру о том, что про-

изошло зимой в тундре, и о том, как он чуть было не попал в руки Брео, когда, вернувшись к Гребню Крэгга, искал там их с Нейдой.

— Он идет по моему следу,— закончил Веселый Роджер.— И, наверное, скоро доберется сюда.

Миссионер ласково положил руку на его локоть.

— Вы не убили Джеда Хокинса, сын мой, и это было главным утешением Нейды — и моим — все эти месяцы. Она думала о вас днем и ночью и верила, что вы снова увидитесь.

— Она мне дороже жизни — тысячи жизней, если бы они у меня были,— прошептал Мак-Кей.— Если что-нибудь случится... теперь...

— Да, если случится то, чего вы опасаетесь, что тогда? — спросил отец Джон проникновенным голосом.— Что произойдет, Роджер? Вы не убивали Джеда Хокинса. И если правосудие заставит вас заплатить за то, что оно считает нарушением закона, так ли уж велика будет цена?

— Тюрьма, отец Джон. Возможно, пять лет тюрьмы.

Миссионер негромко засмеялся и возвел глаза к сияющим звездам.

— Пять лет! — повторил он.— Сын мой, неужели пять лет большая плата за то сокровище, которое вы сегодня поклялись беречь и лелеять? Пять коротеньких лет, всего только пять. А она будет ждать вас, гордиться теми самыми вашими поступками, которые привели вас в тюрьму, и строить планы на те многие светлые годы, которые начнутся, когда кончатся эти пять коротеньких лет. Будет ждать, становясь все лучше и краше. Роджер, неужели это такая уж большая жертва, такая уж непомерная цена? Пять лет... а потом спокойствие, любовь, счастье навек! Скажите сами, Роджер!

Мак-Кей попытался ответить, но его голос прервался:

— Но как же она, отец Джон...

— Д-да, я знаю, что вы хотите сказать,— мягко перебил его миссионер.— Я уговаривал ее, приводил те же доводы, какие привели бы и вы, Роджер. Я взывал к ее рассудительности. Я объяснял, что ваше возвращение грозит вам тюрьмой, и, по странному совпадению, я тоже назвал пять лет. Но она была упряма, Роджер, очень упряма и не хотела ничего слушать. И это она первая задала те вопросы, которые я задавал вам сейчас. «Что такое пять лет? — спрашивала она, опровергая мою логику.— Что такое пять лет, десять, даже двадцать, если я буду знать, что потом мы будем вместе?» Да, она была очень упрямой, Роджер. Так велика ее любовь к вам.

Мак-Кей что-то пробормотал и умолк, глядя на звезды невидящими глазами.

— А после этого, после того, как я уступил ее упрямству,

она стала строить планы, как мы — она и я — поселимся вблизи того места, где будет ваша тюрьма, и как каждый день вы будете получать от нее весточку — о ней и о вашем сыне...

— Сыне, отец Джон?

— Таковы были ее мечты, Роджер.

С придушенным криком Роджер закрыл лицо руками.

Миссионер на мгновение умолк, а потом продолжал почти шепотом:

— Я много лет прожил в лесной глуши, Роджер, и мне открывались сердца многих людей. Но любовь Нейды — самое большое чудо, какое только мне довелось увидеть за всю мою жизнь. А ведь мне уже скоро будет семьдесят лет. Понимаешь ли ты это? И разве не черпаешь ты в этом радость и бесстрашие?

Миссионер не стал дожидаться ответа, а медленно побрел к хижине, оставив Роджера наедине со звездами. И как прежде их сияние озаряло лицо отца Джона, так теперь оно озарило черты Мак-Кея, дышавшие глубокой решимостью. Ради Нейды, ради их будущего сына он не хотел приносить ту жертву, о которой говорил отец Джон. Но теперь, после разговора с миссионером, она уже не казалась такой страшной, как раньше. Теперь это была уже не трагедия, а только недолгая разлука — ведь они будут ждать его, Нейда и их сын... Вдруг он услышал шорох и, оглянувшись, увидел Нейду, которая в свете звезд показалась ему еще более стройной и прекрасной.

— Я сказал ему,— шепнул Нейде отец Джон, возвратившись в хижину.— И теперь мысль о тюрьме не будет его пугать — и из-за него самого и из-за вас.

И Нейда вышла к нему тихая и серьезная, а в ее улыбке, когда она протянула к нему руки, была новая зрелая мудрость и почти материнская нежность.

Роджер решился заговорить, только когда Нейда прильнула к его плечу и он совсем близко увидел ее глаза под длинными ресницами.

— То, что сказал мне отец Джон... это правда? — спросил он.

— Правда,— прошептала она.

Ее пальцы прокрались к его щеке, а Роджер, которому было довольно одного этого слова, прижался губами к ее пушистым волосам, и в этой полной гармонии душ они слушали тихие шепоты ночи.

— Роджер...— сказала наконец Нейда.

— Что, моя Неева?

— А что это слово значит, Роджер?

— Оно значит «возлюбленная», «жена».

— Тогда оно мне нравится. Но больше всего мне нравится, когда ты говоришь...

— Моя жена.

— Да... Я чувствую себя такой счастливой, Роджер! Твоя... жена. Это лучшие в мире слова. Это... и еще...

Она спрятала лицо у него на груди.

— И еще слово «мать»,— докончил он.

— Да,— сказала Нейда дрожащим голосом.— Моя мама, Роджер... я ее не помню. Но она мне часто снилась. И я всегда тосковала по ней. Как, наверное, чудесно, когда у тебя есть мать!

— Но, наверное, еще чудеснее быть матерью, Нейда.

— Послушай! — перебила его Нейда.

— Это поет Усимиска.

— Любовную песню?

— Да, на языке индейцев кри.

Нейда подняла голову и посмотрела на него.

— С тех пор как мы поселились здесь, весь этот чудесный мир вокруг обещал мне песню, Роджер. И когда ты вернулся, он запел и теперь все время поет — каждый час дня и ночи. Ты когда-нибудь думал, Роджер, расстаться со всем этим, уйти в один из больших городов, о которых мне столько рассказывал отец Джон?

— А тебе этого хотелось бы, Нейда?

— Побывать там — да, но не жить. Я хочу всегда жить в лесах, Роджер, где мы познакомились с тобой.

Она привстала на цыпочки и поцеловала его.

— Я хочу жить возле Желтой Птицы и Солнечной Тучки... Ну, пожалуйста... мистер Веселый Роджер! И отец Джон поедет с нами. И мы будем так счастливы там все вместе: Желтая Птица, Солнечная Тучка, Жизель и я... Ай!

Роджер внезапно обнял ее так крепко, что она невольно вскрикнула.

— Но прежде нам, наверное, придется расстаться, Нейда. Правда, ненадолго. Что такое пять лет, когда перед нами вся жизнь? Ничего... И они пройдут быстро...

— Да, они пройдут быстро,— повторила Нейда так тихо, что он с трудом расслышал ее слова.

Но он ясно расслышал рыдание, которого она не сумела сдержать. Правда, она тотчас же попробовала улыбнуться, и Роджер, зная, что так ей будет легче, сделал вид, будто ничего не заметил.

Вот так, пока в хижине их терпеливо ждали отец Джон и Питер, Нейда с Роджером под звездным небом обдумывали свое будущее.

Глава XX

Воскресенье выдалось удивительно ясное и тихое. Над Бернтвудом поднялось золотое теплое солнце, звонко распевали птицы, и когда отец Джон вышел на заре из хижины, воздух показался ему необыкновенно душистым и свежим. Он очень любил эти ранние часы пробуждения природы, сонные шорохи еще сумрачного леса и особую тишину, в которой звуки разносятся удивительно далеко.

В это утро он услышал собачий лай, хотя собака была, по крайней мере, в миле от него, и Питер, который его сопровождал, немедленно поставил уши торчком. Миссионер не в первый раз замечал эту вечную готовность Питера встретить опасность, настороженность, с которой он то и дело нюхал воздух, и постоянную бдительность его глаз и ушей. Мак-Кей объяснил ему, почему Питер стал таким. Но теперь, пока они с Питером спускались к заводи, отец Джон как-то по-новому воспринял все это. Ночь напролет миссионер, забыв о словах надежды и утешения, которые сам же произносил так недавно, раздумывал об угрозе, нависшей над Мак-Кеем,— угрозе страшной и неотвратимой.

И все же... пять лет — это такой короткий срок! Любое пятилетие его собственной жизни теперь, когда он вспоминал их, казалось не длиннее пяти минут. Восемь пятилетий назад он впервые увидел ту девушку с милым лицом, которая стала для него всем миром, как Нейда для Роджера, и хотя с тех пор, как он ее потерял, прошло тридцать лет, время пронеслось так быстро, что ему порой чудилось, будто всего несколько часов назад он держал ее в объятиях и слышал ее голос. Однако будущие пять лет, в отличие от прошедших, были вечностью, и отец Джон думал о них с тоской, глядя в зеркало заводи, в котором отражалось небо, розовевшее над верхушками сосен.

Пять лет! А ведь он уже старик. Для него это время ожидания будет невыносимо долгим и тягостным. Но Роджер и Нейда так молоды! И эти пять лет, когда они будут вспоминать про них потом, покажутся им совсем коротенькими. Отец Джон продолжал размышлять о долгой жизни, которую он прожил, и о том недолгом сроке, который ему еще осталось прожить, и им все сильнее овладевало яростное желание оградить эти пять лет от оскверняющего вторжения закона — и не только ради Нейды и Роджера Мак-Кея, но ради себя. На закате своей печальной жизни он обрел радость и утешение в их любви друг к другу, и мысль о том, как безжалостное и заблуждающееся правосудие расправится с этой любовью, пробуждала в нем гнев и протест, которые более приличествовали бойцу, чем смиренному служителю божьему.

Миссионер тщетно боролся с этим, как он считал, греховным чувством. А когда позднее за завтраком он смотрел на счастливые лица Нейды и Роджера, его томил стыд, словно он в чем-то обманул их. И он никак не мог избавиться от тайного страха и тревоги, которые грызли его сердце.

Миссионеру казалось, что весь этот день любое произнесенное им слово было ложью — например, когда он читал проповедь окрестным жителям, собравшимся в молельне, которую они помогли ему построить. Миссионер говорил на языке кри и по-английски; он говорил о благости надежды и о том, что в каждом несчастье можно найти свою светлую сторону. Мак-Кей слушал его, сжимая руку Нейды, и был преисполнен умиротворения. Если бы в эту минуту в открытую дверь вошел Брео, он встретил бы полицейского спокойно, потому что отец Джон убедил его в необходимости такой жертвы.

Позднее, когда прихожане разошлись и они опять остались одни, отцу Джону пришлось вновь выслушать историю Желтой Птицы, потому что Нейда не уставала расспрашивать про индианку. Однако миссионер впервые узнал, какую нравственную поддержку черпал Веселый Роджер в ее пророчествах.

— Конечно, это было глупо,— с виноватым видом признался Мак-Кей, хотя и видел по глазам Нейды, что она свято уверовала в колдовские способности Желтой Птицы.— Я знал, что обманываю себя, но мне от этого становилось легче.

— Нет, вовсе не глупо! — заспорила Нейда.— Желтая Птица приходила ко мне, теперь я это знаю. И ей все было известно наперед.

— Веру никогда не следует называть глупостью,— мягко сказал отец Джон.— Желтая Птица верила, и это главное. Она ни в чем не сомневалась, она верила, а это, возможно, придает мысли особую силу. Я верую в могущество мысли, дети мои. Я верую, что наступит день, когда она откроет нам даже тайну самой жизни. За сорок с лишним лет, прожитых мною в лесных дебрях, я видел немало странных вещей, и среди них не последнее место занимают замечательные способности людей, еще сохраняющих единство с природой. Мне кажется, Роджер, что Желтая Птица дала тебе много полезных советов. Не приходило ли тебе в голову...

Миссионер умолк, понимая, что говорит все это под влиянием все той же безотчетной тревоги, почти страха.

— Что вы хотели спросить, отец Джон? — сказала Нейда, наклоняясь к нему.

— Это только праздное любопытство, моя дорогая, и вы лишь посмеетесь надо мной. Я подумал, не приходило ли в голову Роджеру, что таинственный Далекий Край, который при-

грезился Желтой Птице,— это просто какая-нибудь страна за пределами Канады. Ну, например, Соединенные Штаты.

Он говорил почти против воли и сразу же заметил, что Нейда уловила скрытый смысл его слов. Ее глаза широко раскрылись. Их синева потемнела, и Роджер, когда она повернулась к нему, увидел, что ее пальцы стиснули оборку платья.

— Или, скажем, Китай, Африка, Южные Моря,— засмеялся он, вспомнив свои мечты.— Да любая страна подальше отсюда.

Губы Нейды полураскрылись, она словно хотела что-то сказать, но промолчала, сжимая руки на коленях, а когда все-таки заговорила, миссионер понял, что она не решилась произнести вслух то, о чем думала ча самом деле.

— Я очень люблю Желтую Птицу и когда-нибудь скажу ей об этом,— сказала Нейда.

Следует упомянуть, что с тех пор как Питер пришел с хозяином к Бернтвуду, ему все время казалось, будто он потерял что-то очень важное: занятый своим счастьем, Мак-Кей почти не обращал на него внимания, да и Нейда теперь не возилась и не играла с ним, как в прошлые дни. Он лежал в стороне, изнывая от одиночества, но тут Нейда вдруг подбежала к нему и позвала за собой в частый ельник. Питер затявкал от восторга, как щенок, а Нейда даже не взглянула ни на мужа, ни на отца Джона. Однако миссионер все же успел заметить выражение ее лица.

— Я был неосторожен,— сказал он, тяжело вздохнув.— Я поступил нехорошо, ибо теперь ей по моей вине захочется бежать с вами туда... на юг. Она поверила Желтой Птице, потому что Желтая Птица помогла вам вернуться к ней. Она верит...

— Я ведь тоже верил,— ответил Роджер, глядя на стену зеленых елок.

— Да... и все же вам лучше остаться. Счастье не приходит без искупления. Такова воля божья.

Веселый Роджер встал и посмотрел на юг.

— Это большое искушение, отец Джон. Я не знаю, хватит ли у меня сил расстаться с ней. Если бы Брео подождал хоть несколько месяцев! Но теперь...

Он медленно пошел туда, где за завесой из еловых ветвей скрылись Нейда и Питер. Отец Джон смотрел ему вслед, и на его губах дрожала улыбка. В глубине души он понимал, что он трус и что эти молодые люди сильнее его духом. Они были счастливы, потому что он ложными доводами внушил им веру в будущее и они смирились с неизбежным, и вот теперь он сам в минуту слабости подверг их искушению. Он глядел им вслед; он не раскаивался в этом — наоборот, с его души спала большая тяжесть.

Несколько минут в сердце миссионера длилась борьба про-

стых человеческих чувств и того отречения от себя, которого требовала проповедуемая им религия. Он никогда еще не испытывал такого состояния. В нем вдруг проснулась надежда. Пять лет были долгим сроком для него. Он снова и снова возвращался к этой мысли, а она привела за собой и другую: инстинкт самосохранения — это первый закон существования и, следовательно, не может быть греховным. Так отец Джон про себя отрекся от всего, что говорил раньше, хотя его спокойное улыбающееся лицо не выдало этого, когда час спустя Нейда и Роджер вернулись в хижину с охапками первых цветов.

Щеки Нейды разрумянились, а глаза были синими, как пучок фиалок, который она приколола у себя на груди.

Отец Джон почувствовал, что Веселого Роджера больше не угнетает сознание своей беспомощности перед лицом неотвратимой опасности — в его глазах, когда он смотрел на Нейду, светилась неколебимая уверенность.

Когда наступил вечер, Питер оказался единственным свидетелем весьма таинственного события. Он сидел у Нейды в комнате. И Нейда была совсем такой, как раньше: она сжимала в ладонях его курчавую морду и болтала с ним. Но тут вдруг Питеру вспомнился некий узел, потому что Нейда очень тихо, словно боясь, что ее подслушивают невидимые уши, сложила на столе всякие вещи и связала их в узел, но уже другой. Этот узел она спрятала у себя под кроватью, как тот, первый,— под кустом шиповника на маленькой прогалине среди густого ельника под Гребнем Крэга.

Отец Джон лег в этот вечер рано. Его мысли были заняты Брео: до ближайшей фактории Компании Гудзонова залива всего двенадцать миль, а полицейский, разумеется, сначала побывает там и уж потом отправится от хижины к хижине в поисках своей жертвы.

И вот вскоре после полуночи миссионер тихонько встал и при свете свечи написал записку Нейде о том, что ему нужно побывать на фактории и он не стал их будить, так как решил уйти еще до рассвета. Нейда прочла эту записку Мак-Кею, когда они сели завтракать.

— Он так часто делает,— объяснила Нейда.— Ему нравится ночной лес в лунном свете.

— Но ведь сейчас новолуние,— заметил Роджер.

— Правда...

— И когда отец Джон уходил, небо затянули тучи и было темно, хоть глаз выколи.

— Ты слышал, как он уходил?

— Да. И видел его лицо, когда он зажег свечу, чтобы написать эту записку. Вид у него был встревоженный.

— Роджер, о чем ты?

Мак-Кей подошел к ней сзади и, перегнувшись через спинку стула, поцеловал мягкие волосы и недоумевающие глаза своей жены.

— Это значит, милая, что отец Джон отправился на факторию, чтобы навести справки о Брео. Это значит, что в глубине души он хотел бы, чтобы мы до конца последовали совету Желтой Птицы. Ведь он, по его мнению, разгадал, что такое Далекий Край. Это мир, лежащий за нашими лесами,— мир, такой огромный, что, если понадобится, мы можем уехать от конной полиции хоть за десять тысяч миль. Вот почему он отправился на факторию в такую ночь.

Нейда обхватила руками его шею и тоненьким, взволнованным голоском сказала:

— Роджер, мой узелок готов. Я собрала его вчера и спрятала под кровать.

Он обнял ее еще крепче.

— И ты готова пойти со мной... куда угодно?

— Да, куда угодно.

— На край света?

Прижатая к его груди взлохмаченная головка попыталась кивнуть.

— И оставить отца Джона?

— Да. Ради тебя. Но я думаю... когда-нибудь потом... он к нам приедет.

Ее пальцы коснулись его щеки.

— Только, Роджер, пусть там, на краю света, тоже будут большие и прекрасные леса.

— Или пустыня, где им и в голову не придет нас искать! — засмеялся он.

— Пустыня мне, наверное, понравится, Роджер.

— А необитаемый остров?

Она снова кивнула:

— Мне всюду понравится, если мы будем вместе.

— В таком случае... мы уедем,— сказал он, стараясь говорить спокойно, хотя его охватила радость, жаркая, как пламя. И почти невозмутимо он продолжал: — Но это означает, Нейда, что тебе придется отказаться почти от всего, о чем ты мечтала. От этих лесов, которые ты любишь, от отца Джона, от Желтой Птицы, Солнечной Тучки...

— Я мечтаю только об одном,— перебила она нежно.

— А ведь пять лет прошли бы очень быстро,— продолжал он.— Да и почему меня обязательно должны приговорить к пяти годам тюрьмы, а не к четырем или даже трем? И тогда мы могли бы спокойно жить в стране, которую так любим. Я с радостью останусь и сам сдамся полиции, если благодаря этому мы сможем быть счастливы.

— Я мечтаю только об одном,— повторила она, поглаживая его щеку.— Всегда быть с тобой, Роджер. И куда бы ты меня ни увез, я все равно буду самой счастливой женщиной в мире.

— Женщиной! — рассмеялся он.— Для меня ты навсегда останешься маленькой девочкой, которую я встретил у Гребня Крэгга.

И внезапно, крепко прижав ее к себе, он крикнул с гневным вызовом:

— Мне легче лишиться жизни, чем потерять ее, Нейду, маленькую девочку с распущенными волосами и земляничным пятном на носу, девочку, которая так свято верила в Лунного Человека! И я буду любить ее до конца моих дней!

Тем не менее весь этот день, пока они ждали возвращения отца Джона, Веселый Роджер вновь и вновь убеждался, насколько с тех пор Нейда переменилась. Однако эта перемена его тоже радовала и приводила в восторг. Нейда уже не была робкой, запуганной сироткой, которая потянулась к нему, пожалуй, только потому, что он был большим и сильным и мог ее защитить. Нет, теперь она любила его как подруга, равная ему во всем, а не потому, что чего-то боялась и чувствовала себя беспомощной. И с не меньшим восторгом он заметил еще одно: теперь он все больше начинал полагаться на нее, и когда они обсуждали свои планы, ее спокойная решимость и обдуманные суждения придавали ему новые силы и уверенность. Поглядев на ее волосы, уложенные в прическу, он сказал:

— Когда ты такая, ты моя Маргарита Анжуйская. А когда ты их распускаешь, ты снова становишься маленькой Нейдой с Гребня Крэгга. И... и я не понимаю, за что судьба дала мне такое счастье!

Весь этот день и Питер пытался по-своему осмыслить, что же произошло с Нейдой за месяцы их разлуки. Прикосновение ее руки по-прежнему радовало его, и все-таки он замечал какую-то перемену. Когда она прижималась щекой к его щеке и начинала с ним разговаривать, ее голос звучал даже нежнее, чем в те дни, но все-таки чего-то не хватало — их прежнего товарищеского равенства, хотя этого Питер понять не мог. Однако к новой Нейде он проникся яростным обожанием, которое было еще сильнее его прежней любви к ней. Теперь ему довольно было лежать, уткнувшись носом в ее туфлю или оборку платья. Но когда под вечер она ушла к себе в комнату и вскоре выбежала оттуда, распустив волосы и подхватив их вылинявшей лентой, привезенной с Гребня Крэгга, он запрыгал вокруг нее, заливаясь радостным лаем, и Нейда в ответ на его вызов пустилась с ним наперегонки через вырубку.

Вся раскрасневшаяся, она подбежала к Веселому Роджеру и упала в его объятия.

И вдруг сквозь облако ее растрепавшихся кудрей Мак-Кей увидел, что из леса кто-то вышел. Это был отец Джон. Он на мгновение остановился, а потом, пошатываясь, побрел к ним — казалось, он вот-вот упадет.

Нейда услышала, как Роджер судорожно вздохнул, почувствовала, как сжались его руки, и, оглянувшись, тоже увидела миссионера. Вскрикнув, она вырвалась от Мак-Кея и бросилась к старику.

Отец Джон тяжело оперся на ее плечо, и тут к ним подбежал Мак-Кей. Лицо миссионера было искажено усталостью, он задыхался, но, держась за сердце, он все-таки попытался улыбнуться им.

— Я торопился,— сказал он, силясь говорить спокойно.— И совсем запыхался.

Он перевел дух и посмотрел на Веселого Роджера.

— Роджер... я торопился... чтобы сказать вам... Брео совсем близко. Я опередил его на полмили или на милю.

Он взял побледневшее лицо Нейды в ладони и посмотрел на нее сквозь сгущающийся сумрак.

— Слишком поздно... я понял, что ошибся... дитя мое,— сказал он совсем спокойно.— Вам нельзя ждать Брео. Уходите! Времени терять нельзя. Если Брео не собьется с пути в темноте, он будет здесь через несколько минут. Быстрее!

Нейда молчала, пока они шли к хижине. Но что-то в ее упрямо вздернутом подбородке и откинутой голове сказало Роджеру, что она готова ко всему и не боится.

В хижине их встретила Усимиска, и Нейда что-то быстро шепнула ей. Было видно, что они обо всем договорились заранее,— Усимиска принесла из кухни набитый заплечный мешок, а Нейда появилась из своей комнаты с узлом в руке.

Она остановилась перед Мак-Кеем и миссионером, тяжело дыша от волнения.

— Больше ничего не надо делать! — воскликнула она.— Здесь все, что нам может понадобиться.

На мгновение она забыла обо всем, кроме отца Джона, и, обняв его, подняла на него глаза, в которых не было слез.

— Вы же приедете к нам? — прошептала она.— Вы обещаете?

Миссионер тоже обнял ее и прижался лицом к ее лицу.

— Молю бога, чтобы это сбылось,— произнес он тихо.

Руки Нейды конвульсивно сжались, и в эту секунду перед дверью хижины раздалось предостерегающее рычание.

— Питер! — вскрикнула Нейда.

Отец Джон задул лампу.

— Бегите, дети мои! — приказал он.— Быстрее! В двадцати шагах ниже заводи спрятан челнок. Вчера по моей просьбе его

оставил там один из приходивших сюда индейцев. Роджер... Нейда...

Он на ощупь нашел в темноте их руки.

— Да будет на вас благословение божье! Отправляйтесь на юг... Прямо на юг... А теперь — скорее! Мне кажется, я слышу шаги...

Он толкнул их к двери. Нейда схватила узел, а Роджер — мешок. Внезапно миссионер заметил, что рядом стоит Питер, и, нагнувшись, крепко схватил его за загривок.

— Прощайте...— прошептал он хрипло.— Прощайте... Нейда... Роджер...

Нейда, всхлипнув, ответила из темноты:

— Прощайте, отец Джон!

Миссионер и Питер напряженно прислушивались, пока шаги тех, кого они любили, не затихли в ночной тьме.

Питер взвизгнул и попытался вырваться, но отец Джон захлопнул дверь.

— Тебе лучше остаться здесь, Питер,— попробовал он объяснить.— Лучше будет, если ты останешься со мной, для тебя же. Ведь они уедут очень далеко и поселятся в стране, где ты можешь зачахнуть и умереть. Да и в челноке для тебя нет места. Будь же умником, Питер, и останься со мной... со мной...

И Усимиска, которая неподвижно стояла в темноте, услышала, как отец Джон, ощупью искавший лампу, засмеялся странным, придушенным смехом.

Глава XXI

Хижина осветилась. Сначала вспыхнул желтоватый огонек спички, а потом загорелась лампа, и как только из темноты возникло восковое лицо отца Джона, Питер завизжал, заскулил и принялся царапать дверь.

Усимиска — Молодой Листок — стояла неподвижно, точно статуя, и, казалось, не дышала, хотя ее большие темные глаза были устремлены на отца Джона.

Прочитав в ее упорном взгляде испуганный вопрос, старичок с торжеством улыбнулся.

— Все хорошо, Усимиска,— сказал он вполголоса на языке кри.— Они ушли, и их не поймают. Занимайся своими делами так, словно ничего не произошло. Брео с минуты на минуту будет здесь.

Миссионер расправил плечи, словно собирая все свои силы и мужество, а потом подозвал Питера и начал утешать собаку, чьи хозяин и хозяйка бежали сейчас в темноте к заводи.

— Они уже добрались до заводи,— сказал он и сел, погла-

живая колючую морду Питера.— Они, наверное, как раз спустились к заводи, а Брео вышел на вырубку с противоположной стороны. Роджер должен легко найти челнок: он ничем не прикрыт и до него точно двадцать шагов. Я думаю, он его уже нашел и еще через минуту они отчалят. А по берегам Бернтвуда растет густой лес, и ночью никто не рискнет пуститься за ними в погоню пешком.

Внезапно он крепче сжал руки, и Усимиска, исподтишка наблюдавшая за ним, заметила, что его лицо просветлело.

— Они уже плывут,— воскликнул он ликующе,— а Брео еще не пересек вырубку!

Миссионер встал и принялся расхаживать по комнате, а Питер опять начал тоскливо обнюхивать дверь. Усимиска, предусмотрительная в минуту опасности, как все ее соплеменники, задернула занавески на окнах, и отец Джон одобрительно улыбнулся. Ему была неприятна мысль, что Брео, человек-ищейка, может тайком подсматривать за ними в окно. Расхаживая по комнате, он продолжал прислушиваться, не раздадутся ли шаги Брео. Питер, вздохнув, перестал царапать дверь и уселся у порога комнаты Нейды.

Отец Джон остановился возле него и положил ладонь ему на голову.

— Может быть, мы еще поедем к ним,— сказал он больше самому себе.— Когда-нибудь, когда они найдут безопасное убежище далеко отсюда.

Миссионер вдруг почувствовал, что Питер у него под рукой весь напрягся, а Усимиска предостерегающе вскрикнула. Потом она негромко запела на кухне, принимаясь чистить кастрюли и сковородки, уже начищенные до блеска, и продолжала петь, когда дверь хижины распахнулась. На пороге стоял Брео-ищейка.

Внезапность его появления удивила даже Питера, который не слышал никаких шагов снаружи. Полицейский стоял так несколько секунд, его худое острое лицо четко рисовалось на фоне ночного мрака, а загадочные глаза, прищуренные и все же острые, как буравчики, обводили хижину проницательным взглядом, от которого ничто не могло ускользнуть.

В его позе чудилась смертельная угроза, и Питер глухо заворчал. Он тотчас узнал этого человека. Он видел его в сугробе посреди тундры и сразу проникся к нему недоверием, а потом они с хозяином убегали от него в самый разгар Черного бурана. Питер соображал быстро — в своем роде так же быстро, как сам Брео. И без каких-либо логических рассуждений он понял, что появление этого человека предвещает беду, и связал с ним непонятное исчезновение Веселого Роджера и Нейды.

Брео молча кивнул. Потом он увидел Питера, и его губы

искривились в улыбке. Улыбка эта была почти дружеской и все же производила неприятное впечатление. Она говорила о характере этого человека, о его беспощадности, упорстве и умении добиваться своего. Он казался воплощением сурового и безжалостного рока.

Брео снова кивнул и протянул руку.

— Питер! — позвал он.— Поди-ка сюда, Питер!

Питер дернул ушами, но не тронулся с места. Однако острый взгляд Брео уловил и это легкое движение.

— Все еще хранит верность одному человеку! — заметил он, входя в хижину и останавливаясь перед миссионером.— Где Мак-Кей, преподобный отец?

Брео не закрыл за собой двери, и Питер не замедлил этим воспользоваться. Усимиска увидела, как он в два прыжка оказался за порогом, но не позвала его, а продолжала внимательно слушать. Брео повторил свой вопрос:

— Где Мак-Кей, преподобный отец?

Питер в темноте снаружи услышал голос полицейского, потому что на мгновение остановился, отыскивая свежий след Нейды и Роджера. Это был очень простой след — прямо к заводи, а оттуда двадцать шагов вниз по течению к маленькой галечной косе. На этой косе была ясно видна борозда от лодки, и тут следы кончались.

Питер заскулил, вглядываясь в черный тоннель между стенами леса, где чуть слышно журчала и булькала вода на пути к еще более темной и густой чаще. Он по брюхо вошел в воду, почти решившись плыть вдогонку за хозяевами, помедлил, прислушиваясь, и не услышал ни голосов, ни плеска весла.

Но ведь он знал, что Нейда и Веселый Роджер должны быть где-то совсем близко!

Питер выбрался на косу и пошел вниз по течению реки, внимательно нюхая воздух и то и дело останавливаясь, чтобы прислушаться. Иногда он ловил в воздухе запах своих хозяев, но он тратил слишком много времени на частые остановки, и потому челнок был все время впереди.

С кормы этого челнока Мак-Кей еле различал в слабом свете звезд, кое-где пробивавшемся сквозь ветки, бледное лицо Нейды.

Он беззвучно засмеялся от радости.

— Наконец-то моя мечта сбылась, Нейда,— прошептал он.— Ты со мной. И мы отправляемся в совсем другой мир. Там нас никто не найдет. Никто, кроме отца Джона, когда мы пошлем ему весточку. Ты не боишься?

Она ответила чуть дрогнувшим голосом:

— Нет, не боюсь. Только тут очень темно...

— Еще две-три ночи, и нам опять будет светить луна — твоя

луна, и Лунный Человек будет нам улыбаться. Я понимаю, каково приходится Лунному Человеку, когда он томится по ту сторону земли и не может тебя увидеть, Нейда!

Она ничего не ответила, и Роджер наклонился вперед, вглядываясь в смутное пятно ее лица.

Тут он услышал вздох, похожий на всхлипывание.

— Я о Питере,— пробормотала она, предупреждая его вопрос.— Роджер, ну почему мы не взяли с собой Питера?

— Наверное, это мы зря,— ответил он и даже на мгновение перестал грести.— Но пожалуй, для Питера так будет лучше. Он вырос в лесах и никакой другой жизни не знает. А там, куда мы попадем...

— Я понимаю. А потом отец Джон привезет его к нам?

— Да. Он обещал. Питер приедет к нам вместе с отцом Джоном.

Нейда обернулась и поглядела в непроницаемый мрак перед ними. Он был таким густым, что казалось, будто челнок вот-вот упрется в стену. И вода, журчавшая у бортов, казалась черной как смола.

— Мы въезжаем в большое болото за кедровником,— объяснил Веселый Роджер.— Тут можно играть в жмурки, не завязывая глаз, верно? Ты хоть что-нибудь видишь?

— Дальше носа челнока ничего, Роджер.

— Ну-ка переберись поближе ко мне, только осторожно,— сказал он.

Нейда послушалась.

— Теперь медленно повернись лицом к носу и прислони голову к моим коленям.

Нейда сделала и это.

— Так уютнее,— прошептала она, устраиваясь поудобнее.— Гораздо уютнее.

Роджер перегнулся, чуть не вывихнув позвоночник, и отыскал в темноте ее щеку, которую и поцеловал.

— Я опасался, что ты не заметишь какой-нибудь ветки над водой,— объяснил он, когда выпрямился.— Ты могла бы больно ушибиться.

Они помолчали, и Роджер вновь начал медленно и ритмично работать веслом. Потом Нейда лукаво спросила:

— Ты ведь думал только про ветки, Роджер, и про то, что они могут меня ушибить?

— Ну конечно,— ответил он со смешком.

— А раз так, то мне сидеть очень неудобно,— пожаловалась она.— Уж лучше я выпрямлюсь, и пусть ветки выколют мне глаза!

Однако она не привстала, а только осторожно, чтобы не помешать ему грести, коснулась его лица.

— Ты тут! — промурлыкала она, словно успокаиваясь.— Я решила на всякий случай проверить: здесь такая темнота!

И в этом непроницаемом мраке, вслепую пробираясь по водному лабиринту, они были счастливы. Мак-Кей внимательно глядел вперед, но ничего не видел, и каждое его движение было легким и точным, словно в танце. То же ощущение охватило и Нейду. Ночь уже не пугала ее. Ведь они были вместе — и вместе, забыв страх, отправлялись навстречу неведомому, таинственному и манящему будущему. А ночь надежно укрывала их. Самая ее тьма была приветливой и дышала надеждой. Роджер еще два раза опускал руку, ища лицо Нейды, и она прижимала ее к губам, спокойная и счастливая.

Они продвигались по болоту очень медленно, потому что из-за темноты Роджер греб еле-еле, осторожно выбирая путь. Он часто въезжал в кусты или упирался в топкий берег, и Нейде не раз приходилось зажигать спички, чтобы помочь ему выбраться из ветвей упавшего дерева. Роджеру очень нравились эти мгновения, когда во мраке вдруг вырисовывалось ее лицо, и дважды он без всякой надобности просил ее зажечь спичку, чтобы подольше ею любоваться.

Но в конце концов Роджер почувствовал, что челнок вошел в течение; вскоре после этого вершины деревьев поредели, стало чуть светлее, и он понял, что они приближаются к концу болота. Полчаса спустя оно осталось позади, над их головами виднелось чистое небо, а за бортом весело журчала быстрая вода.

Нейда выпрямилась; и было уже так светло, что Веселый Роджер увидел даже блики звездного света в ее волосах. Разглядел он и милую гримаску на ее лице, хотя она и пробовала улыбнуться.

— Ой! — воскликнула она.— Нога совсем затекла! Я не могу шевельнуться!

— Мы сейчас подыщем подходящее место и разомнемся,— ответил Мак-Кей, взглянув на часы при свете последней спички.— Мы обогнали Брео по крайней мере на два часа — ведь другого челнока ему взять негде.

Веселый Роджер начал вглядываться в берег и вскоре увидел справа белую полоску песка. Там они полчаса отдыхали.

Потом они отправились дальше, и Мак-Кей уже был готов благословлять болото: ведь теперь оно было преградой на пути Брео!

— Не думаю, что он сумеет пробраться через него без лодки, даже если догадается, куда мы направились,— объяснил он Нейде.— И значит, нам ничто не грозит.

Его голос звенел веселым торжеством, которое сменилось бы ледяным отчаянием, если бы он мог заглянуть в непроницаемую

тьму там, где Бернтвуд петлял по болоту, или в еще более густой мрак, окутывавший трясину по его берегам.

Через трясину, с трудом находя путь между бочагами и гнилыми корягами, которые в темноте казались жуткими чудовищами, бежал Питер.

А по Бернтвуду медленно, но уверенно плыл человек, ловко отталкиваясь от илистого дна длинным шестом, которому послушно подчинялся легкий плот из двух стянутых проволокой кедровых стволов, без труда проходивший там, где еще совсем недавно скользил челнок.

Человеком этим был Брео-ищейка.

— Болота ему не одолеть! — с торжеством повторил Мак-Кей.— Даже если он догадается, что мы поплыли сюда, болота ему не одолеть, Нейда!

— Но он ведь и не догадается! — возразила Нейда с такой же уверенностью.— Отец Джон направит его на ложный след.

А позади них в смоляном мраке болота, порой раздвигая узкие губы в мрачной улыбке и вперяясь в тьму широко открытыми, круглыми, как у совы, глазами, плыл на своем плоту Брео.

Глава XXII

Питер, мокрый, облепленный грязью, упрямо бежал через топь, потому что все время чувствовал где-то поблизости непонятное, беззвучное присутствие Брео.

Порой чуть заметный ветерок, словно поднятый крыльями бабочки, доносил до его ноздрей запах Брео, но чаще теплый воздух оставался совсем неподвижным. Всякий раз этот запах приходил откуда-то спереди, и в конце концов Питер решил, что Брео должен быть там же, где Нейда и Роджер. Однако их запаха он не чувствовал, и это сбивало его с толку. Иногда он оказывался у черной воды протоки, но неизменно опаздывал на несколько секунд и не успевал увидеть во мраке тень Брео или услышать легкий плеск его шеста.

Он бежал вперед среди неясных теней и непонятных всхлипывающих звуков, от которых кровь стыла в его жилах, хотя он давно уже привык ничего не бояться. Теперь его не пугало злобное шипение сов. Он не останавливался и не сворачивал с пути, заслышав зловещее щелканье клювов. Удары когтей по коре и тихий хруст валежника были ему теперь не в новинку, и он не обращал на них внимания, поглощенный одним желанием: поскорее догнать своих хозяев. Совсем другое пугало теперь Питера и зажигало красные огоньки в его глазах: маслянистое чавканье жирной грязи, которая пыталась засосать его, хриплый смешок трясины, вцеплявшейся в него точно живое

существо, кашлявшей и плевавшейся, когда он вырывался из ее хватки.

Грязь залепляла Питеру глаза, и порой он не видел даже темноты, но все-таки продолжал бежать вперед. И наконец, опять оказавшись у протоки, он услышал новый звук — тихий и мерный плеск шеста в руках Брео.

Питер побежал быстрее, потому что земля под его лапами стала тверже, и вскоре догнал человека на плоту. Он слышал его дыхание и даже разглядел на фоне черной стены леса чуть менее темную движущуюся тень.

Но запаха Нейды или Веселого Роджера не было, и поэтому привычная осторожность не позволила Питеру выдать свое присутствие. Он не стал обгонять Брео, а держался вровень с ним или чуть позади, но так, чтобы все время слышать плеск. То и дело он поднимал нос и принюхивался, надеясь вот-вот обнаружить присутствие тех, кого хотел разыскать во что бы то ни стало.

На рассвете они выбрались из болота, а когда Брео причалил к косе, где несколько часов назад отдыхали Нейда и Веселый Роджер, на востоке уже занималась заря.

Брео очень устал, но, увидев следы на песке, он усмехнулся почти добродушно. Он был в хорошем настроении. Однако об этом трудно было бы догадаться постороннему наблюдателю. В лесных дебрях Брео слыл человеком без сердца. Он был наделен охотничьим инстинктом лисы или волка, безжалостным упорством ласки и неуклонно следовал букве закона, не зная сострадания, не делая исключений ни для кого. Во всяком случае, его считали таким, а если в нем и крылось какое-то благородство, то по его холодным, прищуренным глазам, тонким губам и злому, насмешливому лицу догадаться об этом было нельзя. Начальство считало его безотказным автоматом, который настигает преступника, даже если все до него потерпели неудачу.

Но в это утро, испытывая ломоту во всем теле после ночного плавания на плоту, Брео, глядя на предательские следы, усмехался, а потом и громко рассмеялся. Он потянулся так, что хрустнули кости. У него не было привычки разговаривать с самим собой, но думал он следующее:

«Вот здесь, у этого камня, сидел Веселый Роджер Мак-Кей. Отпечаток только один. Значит, его жена сидела у него на коленях: вот следы ее каблуков. На ней туфли, а не мокасины».

Усмехнувшись еще раз, он снял с плота свой казенный рюкзак.

«Можно не торопиться,— думал он.— Теперь они от меня не ускользнут. Они считают, что провели меня,— и ошибаются. А это всегда кончается плохо. Всегда».

Когда Брео бывал совсем один, он порой давал себе немного воли, словно на краткий срок отпуская арестанта. Например, он свистел. И довольно мелодично, точно вспоминал о каких-то былых счастливых минутах. А когда он принялся поджаривать грудинку и бросил в кипящую воду горсть сушеного картофеля, он напевал песню, тоже довольно приятно — даже для таких внимательных ушей, как уши Питера.

Ибо Питер, подкравшись сквозь кусты, лежал теперь всего шагах в двадцати от Брео и жадно вдыхал запах грудинки.

Питер знал повадки волков и лисиц, но Брео он не знал и не мог догадаться, почему тот вдруг засвистел громче и почему его песня стала более звонкой. Несколько минут спустя Брео, не оглянувшись на Питера, позвал спокойно и деловито:

— Сюда, Питер! Завтрак готов!

Питер даже пасть открыл от удивления. А Брео повернулся к нему, ухмыляясь во весь рот, и продолжал звать его самым дружеским образом. Не выдержав, Питер вскочил, готовый драться или бежать.

Брео бросил ему жирный кусок грудинки, который держал в руке. Грудинка упала в двух шагах от носа Питера, а он был ужасно голоден. Восхитительный запах одурманил его, заставил забыть про осторожность. Несколько секунд он боролся с собой, потом стал тихонько продвигаться вперед и вдруг, молниеносно схватив грудинку, сразу ее проглотил.

Брео весело рассмеялся, и его лицо, освещенное солнцем, не показалось Питеру лицом врага.

За первым куском последовал второй, потом третий, и вскоре Брео уже пришлось поджаривать новую порцию.

«Это тебе в счет того, что ты сделал тогда в тундре,— думал он.— Если бы не ты...»

Брео даже не стал додумывать эту мысль до конца. А на Питера он больше не обращал ни малейшего внимания. Он знал собак даже, пожалуй, лучше, чем людей, и ничем не показал Питеру, что на самом деле очень им интересуется. По-прежнему посвистывая и напевая, Брео вымыл посуду, вновь приладил рюкзак на плоту и поплыл дальше по течению.

Питер, так и не вышедший из кустов, был тем не менее не только удивлен, но и почувствовал себя покинутым. Ведь этот человек оказался вовсе не врагом, а теперь он его бросил, как прежде хозяин и хозяйка. Он заскулил, и Брео еще не скрылся из виду, как Питер был уже на косе и сразу учуял запах Нейды и Веселого Роджера. Брео нарочно оставил у воды большой кусок слипшегося сушеного картофеля, и Питер проглотил его с такой же жадностью, как раньше грудинку. А потом, как и рассчитывал Брео, он побежал вслед за плотом.

Брео не торопился, но и не делал остановок. В его неторопливом, неуклонном продвижении вперед было что-то почти механическое, хотя он знал, что челнок может плыть почти втрое быстрее его плота. Он внимательно всматривался в берега. До полудня Брео трижды замечал следы привала и посмеивался, вспоминая сказку про зайца и черепаху. Сам он задерживался возле этих стоянок не больше двух-трех минут и тотчас отправлялся дальше.

Питера приводили в недоумение размеренно-спокойные движения человека из тундры. Он следил за ними, и его все больше и больше завораживало их неизменное однообразие. Вверх-вниз, вверх-вниз поднимался и опускался длинный шест, высокая фигура ритмично покачивалась, от плотика расходились две маленькие волны, да в воздухе плыли колечки дыма из трубки преследователя. Брео не оглядывался. И тем не менее он замечал все. Пять раз за утро он видел Питера, но не позвал его и ничем не выдал, что знает о его присутствии.

В полдень он причалил к берегу, чтобы приготовить обед; разведя костер и достав сковородку, он выпрямился и тем же уверенным тоном позвал:

— Эй, Питер, Питер! Иди-ка сюда, приятель!

И Питер пришел. Борясь с инстинктом, который требовал от него осторожности, он сначала высунул голову из кустов и посмотрел на Брео. Тот, не обращая на него никакого внимания, начал резать грудинку. Когда божественный запах жарящегося мяса достиг ноздрей Питера, он тихонько подобрался ближе и с глубоким вздохом растянулся на земле.

Брео услышал этот вздох.

— Что, опять проголодался, Питер? — спросил он небрежно.

Но у него уже давно была припасена для этой минуты жареная грудинка, оставшаяся от завтрака. Он начал рвать ее на части и бросать кусочки Питеру, а сам думал:

«Зачем я это делаю? Пес мне ни к чему. Он будет только мешать и поедать мои запасы. Но это по-честному. Долги следует платить, а он помогал спасти меня в тундре».

Вот так Брео, человек, не знавший милосердия, ищейка закона, определил положение. И он поджарил для Питера пять ломтиков грудинки.

Теперь Питер бежал за плотом не скрываясь. Под вечер Брео убил косулю, и за ужином они с Питером вволю наелись свежего мяса. Недоверчивость Питера была окончательно побеждена, и он позволил Брео погладить себя. Прикосновение этой руки не особенно понравилось Питеру, но он вежливо терпел, и Брео пробормотал одобрительно, хотя его резкий голос не смягчился:

— Однолюб!

В этот день Питер несколько раз чувствовал запах Нейды и Роджера там, где они выходили на берег, и к вечеру окончательно уверился, что Брео приведет его к ним. Вот почему он и дальше шел за Брео.

На следующий день они увидели брошенный челнок — беглецы пошли на юг пешком через лес. Брео обрадовался, так как ему очень надоело работать шестом. Вечером взошел молодой месяц, и при виде этого узенького серпа Питер почувствовал отчаянное желание кинуться вперед и догнать тех, кого он искал. Однако другой, более могучий инстинкт заставил его остаться с Брео.

В эту ночь Брео спал на своем ложе из кедровых веток как убитый. Но за час до рассвета он уже был на ногах и развел костер, а с первыми лучами зари они отправились в путь. Теперь полицейский не смотрел по сторонам в поисках следов, понимая, что это бесполезно. Но он знал намерения Мак-Кея и шел быстро, прикидывая, что Нейда за то же время пройдет вдвое меньше. В три часа дня он добрался до гряды высоких холмов и на вершине одного из них остановился.

Питера снедало нетерпение, и он утрачивал доверие к Брео. Не то чтобы он начал его опасаться, но в течение всего дня до него ни разу не донесся запах Нейды или Веселого Роджера, и постепенно Питер приходил к выводу, что ему следует заняться их розысками самому.

Брео заметил возбуждение собаки и понял его причину. «А за псом стоит понаблюдать,— подумал он.— У него есть чутье и инстинкт, которых нет у меня. Да, это будет полезно. Мак-Кей и его жена где-то близко. Возможно, они шли даже медленнее, чем я предполагал, и еще не перебрались через эти холмы, а может быть, они уже там, на равнине. В таком случае я рано или поздно увижу дым костра».

В течение часа он глядел на равнину в бинокль, ожидая, что где-нибудь за деревьями поднимется струйка дыма. Не выпускал он из виду и Питера, который рыскал ниже по склону, описывая все более широкие круги. И вдруг ярдах в двухстах от него Питер как-то странно завертелся на краю лужайки. Он принялся обнюхивать землю, ловил носом воздух, бегал взад и вперед. Затем без колебаний направился на юго-запад.

В мгновение ока Брео вскочил на ноги, подхватил рюкзак и бросился к лужайке. Там на мягкой земле он что-то увидел и с угрюмой улыбкой на тонких губах тоже зашагал прямо на юго-запад.

След, найденный Питером, был трех-четырехчасовой давности и в сумерках вывел его к пешеходной тропе, которая на много миль южнее оканчивалась у одной из факторий Компании Гуд-

зонова залива. На этой тропе, протоптанной не одним поколением обитателей лесных дебрей, оставили свои отпечатки и тяжелые сапоги Роджера Мак-Кея. Теперь Питер все яснее чуял знакомый запах, но осторожность, воспитанная лесной жизнью, не позволяла ему бежать быстро, хотя его снедал огонь нетерпения.

Вновь наступила темнота, а потом выплыл месяц, уже более яркий, чем накануне, и осветил им путь.

Глава XXIII

Заря постепенно разгоралась над тихими водами реки Уиллоубед, там, где, покидая дремучие хвойные леса, она вьется среди серебристых березовых рощ в долине Нельсона. Над землей курился легкий душистый туман, поднимаясь к прозрачному небу, которое обещало пробуждающейся природе новый ясный день. В этой легкой дымке защебетала первая пташка, сначала робко и неуверенно, а потом все смелее и громче. Однако только когда туман начал рассеиваться, пушистая певунья совсем очнулась от сна и с березовой ветки, нависавшей над водой, полились звонкие трели.

Пичужка то и дело поглядывала вниз, словно удивляясь, почему такая тишина и неподвижность царят там, где на закате происходило столько удивительных вещей и звенела песня, совсем непохожая на ее собственные. Но теперь на ее песенку никто не ответил. Шалаш из еловых и кедровых веток сверкал от росы, на месте веселого костра чернели остывшие угли, и, взъерошив перья, она излила свое торжество в утреннем гимне.

В шалаше Нейда слушала его сквозь дремоту. Она лежала, уютно пристроив голову на руке Роджера, и ей казалось, что песня звучит где-то в отдалении. Она улыбнулась, и губы ее дрогнули, словно и во сне она была готова вступить в состязание с маленькой певицей. А потом песня унеслась совсем вдаль, Нейда ее уже больше не слышала и снова надолго погрузилась в глубокое забытье, как вдруг ее разбудило что-то непонятное.

Очнулась она не сразу, но наконец открыла глаза. Голова ее уже не лежала на руке Роджера. Он сидел боком к ней и не смотрел на нее. «Наверное, час уже поздний»,— подумала Нейда, увидев, что лицо мужа озарено утренним солнцем. Она улыбнулась, села и со счастливым смехом встряхнула волосами.

— Роджер...— начала она.

И онемела, широко раскрыв глаза: рядом с Роджером был

Питер! Но не поэтому у Нейды перехватило дыхание и в сердце острой иглой вонзился страх.

На бревне, которое Роджер накануне притащил из чащи, сидел, глядя на них, худой человек с острым лицом. На его губах играла странная улыбка, и Нейда сразу поняла, что это Брео.

Несколько секунд он продолжал сидеть неподвижно и молча, и все же ей стало жутко. Нейда решила, что глаза у него нечеловеческие, а губы похожи на сложенные вместе лезвия двух ножей. Его улыбка — вернее, полуулыбка — не была веселой, а только злорадной. При взгляде на Брео никому и в голову не пришло бы, что он любит шутить.

Полицейский кивнул:

— Доброе утро, Веселый Роджер Мак-Кей. И... доброе утро, миссис Мак-Кей. Простите, что я вторгаюсь в ваше уединение, но долг есть долг. Я Брео, сержант королевской северо-западной конной полиции.

Мак-Кей облизнул губы. Брео заметил это, и его улыбка стала шире.

— Я понимаю, что вам сейчас нелегко,— сказал он.— Но скажите спасибо Питеру. Это он привел меня к вам.

Брео встал и небрежно направил на Веселого Роджера свой пистолет.

— Будьте так добры, подойдите поближе, Мак-Кей,— сказал он, побрякивая наручниками, которые держал в левой руке.

Роджер встал, а с ним и Нейда, которая обеими руками вцепилась в его локоть.

— Это лишнее, Брео,— сказал Роджер.— Я не буду сопротивляться.

— Ну все-таки так будет надежнее! — возразил Брео, и его глаза блеснули.— Протяните, пожалуйста, руку...— Браслет щелкнул на запястье Веселого Роджера.— Я ведь Брео, а не Теренс Кассиди,— усмехнулся полицейский.— И никогда напрасно не рискую. Никогда!

Он молниеносно наклонился, и второй браслет щелкнул на руке Нейды. Брео отступил и с той же усмешкой оглядел своих пленников.

— Вот теперь все в порядке,— посмеивался он.— Теперь вам не удастся ускользнуть от меня.— Он спрятал пистолет и отвесил Нейде низкий поклон: — Как вам нравится семейная жизнь, миссис Мак-Кей?

Роджер побледнел; даже Нейда не была так бледна.

— Трус! — сказал он тихо и внятно.— Подлый, жалкий трус! Ты намерен оставить мою жену в кандалах?

— Вот именно,— ответил Брео.— Я не намерен спускать вам

те хлопоты, которые вы мне доставили. Я считаю, что каждый человек должен платить свои долги, будь то мужчина или женщина. Да к тому же вы наверняка наплели ей кучу всяких небылиц.

— Это неправда! — гневно крикнула Нейда.— Вы...

— Ну-ну, договаривайте,— добродушно ободрил ее Брео.— Договаривайте, миссис Мак-Кей. Если не подвертывается подходящее слово, я могу вам подсказать.

Он помолчал, раскуривая трубку.

— Видите ли, я не вполне точно следую служебным инструкциям, когда нахожусь в обществе столь добрых друзей,— насмешливо извинился он.— Другими словами, вы оба закоренелые преступники. Кассиди представил против вас множество самых веских улик. Он говорит, Мак-Кей, что вас надо повесить сразу же, как только вы попадете к нам в руки. Он предупреждал меня, чтобы я был осторожнее: вы ночью перережете мне горло и глазом не моргнете, представься вам только случай. А **я** человек ценный. Начальству без меня никак не обойтись.

Мак-Кей молчал, крепко сжав губы.

— Теперь, когда вы лишены возможности сопротивляться, я собираюсь вам кое-что рассказать,— объявил Брео.— А заодно разведу костер. Надо же нам позавтракать. Мы с Питером голодны как волки. Хороший пес, Мак-Кей. Он спас нас в тундре. Вы рассказывали об этом миссис Мак-Кей?

Брео не стал ждать ответа и, насвистывая, поджег березовую кору, которую он подложил под сухие кедровые ветки, собранные Роджером накануне.

— Там-то и начались мои неприятности, миссис Мак-Кей, в Голых Землях,— продолжал он, не глядя на Роджера.— Видите ли, нам троим — полковнику Тэвишу, Портеру (который стал теперь его зятем) и мне — представилась неповторимая возможность погибнуть мученической смертью и навеки войти в историю конной полиции. Но дело испортили этот тупица, ваш супруг, и Питер. Ну, с Питера взятки гладки, он все-таки только собака. Но злой умысел Мак-Кея сомнению не подлежит. Он самым дерзким образом помешал нам стать мучениками: разыскал нас в темноте и увел к себе в сугроб. Не слишком-то благородный поступок — как по-вашему? Ну, полковник Тэвиш — большая шишка, а Портер — его зять, да и мисс Тэвиш была спасена заодно с нами. Вот они и решили, что так этого дела оставить нельзя.

Брео не смотрел на них — с невыносимой медлительностью он подкладывал хворост в костер.

— А в результате...— Он выпрямился и повернулся к ним.— А в результате на меня был возложен крайне неприятный

долг разыскать вас, Мак-Кей, и вручить вам отпущение всех ваших прошлых грехов на веки вечные, аминь. Вот оно.

Брео вытащил из нагрудного кармана конверт с внушительными печатями и протянул его не Мак-Кею, а Нейде.

Ни Нейда, ни Роджер не взяли конверта. На губах Брео по-прежнему играла насмешливая улыбка, его глаза-буравчики глядели на них холодно и весело, и в первую минуту они не усомнились, что это еще одна его злобная шуточка. Потом Нейда схватила конверт и вскрыла его, а Мак-Кей смотрел на Брео, веря и не веря.

Нейда вскрикнула, и этот крик, в котором слезы мешались с радостью, открыл ему правду. Стиснув в руке драгоценную бумагу, Нейда спрятала лицо на груди мужа, а Брео, улыбаясь во весь рот, подошел к ним сзади, и Мак-Кей услышал, как поворачивается ключ в замке наручников.

— Кроме того, мне поручено передать вам кучу всяких глупостей,— сказал полицейский, вернувшись к костру.— Во-первых, этот рыжий бездельник Кассиди просил сообщить вам, что он строит для вас на вырубке дом в четыре комнаты и что к вашему приезду дом будет уже готов. Во-вторых, скво, по имени Желтая Птица, и краснокожий, который назвался Быстрым Оленем, велели сказать, что вы всегда будете желанными гостями в их типи. А хорошенькая девчонка, которую зовут Солнечная Тучка, посылает вам столько поцелуев, сколько листьев в лесу...

Брео перевел дух и усмехнулся, не поднимая головы. Поэтому он не заметил, какими сияющими глазами смотрит на него Нейда.

— Но самая смешная шутка вышла с младенцем,— продолжал он, готовясь резать грудинку.— Они его ждут в самом скором времени (я говорю про жену Кассиди). И уже подобрали ему имя: Роджер — если родится мальчик, и Нейда — если это будет девочка. Они просили передать вам это. Дураки, правда? Совсем поглупели от счастья...

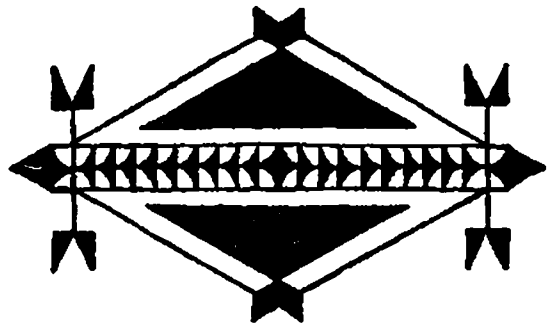
И тут Франсуа Брео, испытавшему за свою жизнь немало самых странных и страшных приключений, довелось узнать нечто совсем для него новое. Без всякого предупреждения его вдруг принялись душить две тонких руки, ему запрокинули голову, и к его узким, сухим губам на мгновение прижались теплые нежные губы.

— Черт возьми! — воскликнул он, уронил грудинку и, вскочив на ноги, пошатнулся точно подстреленный.— Черт... меня... возьми!

Он схватил свой рюкзак и скрылся в молодом ельнике, не сказав больше ни слова и не оглянувшись. Завтрак ждал, ждали

Нейда, Веселый Роджер и Питер, но Франсуа Брео так и не вернулся. Он был странным, загадочным человеком, суровым и безжалостным охотником за людьми, не знающим, что такое страх. Но теперь он трусливо бежал в чащу.

Вот так Брео впервые в жизни явился вестником радости, а не горя, и маленькая певица на вершине березы, словно почувствовав, какое счастье воцарилось внизу, залилась ликующей песней.



Комментарии

Д. Ф. КУПЕР

«ПОСЛЕДНИЙ ИЗ МОГИКАН»

Фенимор Купер не только первый американский романист, получивший еще в середине прошлого века мировое признание, но и один из первых американских писателей, завоевавших славу и признание читателей в нашей стране.

Еще в далекие 20-е и 30-е годы прошлого столетия повести и романы Купера начали переводиться на русский язык. Следует отметить, что английский язык в тот период был менее, чем французский, известен и популярен в русских литературных и издательских кругах. И поэтому первые переводы произведений Купера делались не по оригинальному тексту, а с французских переводов. Так, в 1825 году в переводе с французского И. Крупенникова появилась на русском языке первая книга Купера «Шпион». В том же году в журнале «Московский телеграф» была опубликована и первая рецензия на роман, оценившая его появление как «приятную новость для русского читателя».

Вслед за «Шпионом» в конце 20-х годов были изданы переводы глав из романа «Поселенцы, или Источники Суквеганны» (1828, другое название «Пионеры»), «Американские степи» (1828), статья «Взгляд на состояние литературы и просвещения в Американских Соединенных Штатах» (1829) и другие.

Быстро растущей известности Купера в России немало способствовал и интерес самого писателя к нашей стране, его дружеские русские знакомства. Во время своей поездки по Европе в конце 20-х годов Купер намеревался побывать и в России. Журнал «Московский телеграф» известил об этом своих читателей, приведя слова Купера, сказанные корреспонденту журнала: «Люблю Россию и хочу видеть Россию» («Московский телеграф», 1828). И только по ряду не зависящих от писателя причин ему пришлось отказаться от своих планов. Позже в своих «Европейских заметках американца» Купер прямо пишет о том предпочтении, которое он отдает русским перед другими европейцами.

Русские писатели и критики, современники Купера, проявили живейший интерес к его творчеству и высоко оценили его романы и повести. Сочинения Купера на французском языке имелись в личной библиотеке А. С. Пушкина. В. К. Кюхельбекер с восторгом отзывался о его романе «Лоцман»; чрезвычайно высоко ценил творчество американского писателя М. Ю. Лермонтов. В беседе с В. Г. Белинским он отдал предпочтение произведениям американского писателя перед романами Вальтера Скотта. Сам Белинский так же живейшим образом был заинтересован творчеством Купера и страстно пропагандировал его в своих статьях. Он относил его к числу немногих «исполинов» современной литературы, находил возможным сравнивать талант Купера с гением Шекспира, ставил его в одном ряду с Гомером, Сервантесом, Вальтером Скоттом.

В 40-е годы и особенно во второй половине прошлого века известность книг Купера в России возрастает еще более. Этому немало способствовали более художественные переводы его произведений непосредственно с оригинала.

В 1865 году в издании М. О. Вольфа в Петербурге начало выходить двадцатипятитомное собрание сочинений писателя, закончившееся в 1880 году;

в 1898 году собрание сочинений Купера вышло как бесплатное приложение к журналам для юношества «Вокруг света» и «Природа и люди». В 1913 году журнал «Природа и люди» дал в приложении еще одно издание сочинений Купера, включив в него много новых переводов его произведений.

Одновременно с ростом известности произведений Купера в России и увеличением числа их изданий происходит некоторое возрастное изменение круга его читателей.

В советское время Купер продолжает оставаться одним из любимейших зарубежных писателей для юношества. В конце 20-х — начале 30-х годов издательство «Земля и фабрика» дважды выпускало в свет многотомное собрание его сочинений. В 1961—1963 годах Детгизом было предпринято издание шеститомного собрания сочинений Купера, в котором было опубликовано двенадцать его романов. В период с 1918 по январь 1978 года в нашей стране было опубликовано на пятнадцати языках народов СССР, в том числе и на русском, 123 книги общим тиражом 9520 тыс. экземпляров.

Крупнейшие советские писатели неоднократно в печати подчеркивали большую художественную ценность и воспитательное значение творчества замечательного американского романиста. А. М. Горький в предисловии к роману Купера «Следопыт» писал: «Воспитательное значение книг Купера — несомненно. Они на протяжении почти ста лет были любимым чтением юношества всех стран, и, читая воспоминания, например, русских революционеров, мы нередко встретим указания, что книги Купера служили для них хорошим воспитателем чувства чести, мужества, стремления к деянию».

В статье «Искатели следов», опубликованной в газете «Известия», Всеволод Иванов обратился к советским писателям с призывом развивать в своем творчестве куперовские традиции, воспитывать «в читателях те свойства души, какие стремился воспитывать своими произведениями Фенимор Купер,— мужество, находчивость, преданность долгу, смелость и предприимчивость в борьбе с опасностями».

Публикуемый в данном томе роман «Последний из могикан» — одно из самых прославленных сочинений Купера. Написанный в 1826 году, этот роман уже в 1832 году, правда в отрывке и в переводе с французского, был опубликован в России в журнале «Сын Отечества». В следующем году он вышел уже отдельным изданием. В 1874 году в переводе О. Майковой появился первый полный перевод на русский язык. Это произведение неизменно включалось во все издания сочинений Купера и многократно переиздавалось отдельно. Достаточно сказать, что только в прошлом веке оно вышло более 15 раз. Первое советское издание «Последнего из могикан» было в составе полного собрания сочинений Ф. Купера, предпринятого издательством «Земля и фабрика». Затем последовали неоднократные публикации Детгиза в сокращенном переводе Е. Чистяковой-Вэр и А. П. Репиной, который переиздавался в Минске, Ташкенте, Алма-Ате, Киеве, Кишиневе, в этом же переводе роман вошел в собрание сочинений 1961—1963 годов. Большая впечатляющая сила романа, благородный облик его героя определили долгую жизнь этого произведения, его неизменный успех у читателей различных поколений и высокую оценку таких мастеров слова, как Горький, Фадеев. Так, А. М. Горький пишет о герое «Последнего из могикан», что «Натти

Бумпо всюду возбуждает симпатии читателя честной простотой своей мысли и мужеством деяний своих». А. Фадеев, говоря о своей работе над повестью «Последний из Удэге», пишет, что замысел этого произведения «не мог бы возникнуть в столь молодые годы без романа «Последний из могикан» Купера».

Популярность романа Купера в нашей стране подтверждает и тот факт, что его название давно уже стало «крылатым выражением» и существует в нашем языке самостоятельно, как обозначение последнего представителя какой-либо общественной группировки или умирающего социального явления. Это образное выражение мы встречаем и в работах В. И. Ленина («Английское рабочее движение в 1912 г.» и «Империализм как высшая стадия капитализма»), и в произведениях классиков русской литературы (И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, М. Е. Салтыкова-Щедрина).

Д. О. КЕРВУД

«БРОДЯГИ СЕВЕРА», «В ДЕБРЯХ СЕВЕРА»

Повести и рассказы американского писателя Джеймса Оливера Кервуда давно стали известны в нашей стране. Издания на русском языке романов и повестей Д. Кервуда с 1918 по январь 1978 года составили 47 книг тиражом 944 тыс. экз. Кроме русского, его книги были изданы в СССР еще на грузинском, литовском и украинском языках. Основная часть изданий книг Кервуда в нашей стране относится ко второй половине 20-х годов и была осуществлена ленинградским издательством «Мысль». Примечательной особенностью этих изданий явилось то, что переводчиком произведений Кервуда был Михаил Павлович Чехов, младший брат А. П. Чехова. Им были переведены на русский язык «Бродяги Севера» (1925, 1927), «Гризли» (1927), «Долина молчаливых призраков» (1926, 1927), «Золотая петля» (1926, 1928), «Казан» (1926, 1927), «Погоня» (1926), «Сын Казана» (1926, 1927).

Красочные описания природы, картины охоты, взаимоотношения человека и животных, характеры и повадки зверей, их борьба за существование — вот в основном тематика и содержание произведений Кервуда. Именно эти стороны его творчества не только приводят на ум сопоставления с произведениями Джека Лондона, Э. Сетона-Томпсона, но и вызывают в памяти страницы книг таких русских писателей-охотников, знатоков и ценителей природы, как И. С. Тургенев, С. Т. Аксаков, М. М. Пришвин.

В последние годы в нашей стране возобновился интерес к творчеству Кервуда, в первую очередь у юных читателей. В связи с этим Детгизом было предпринято переиздание лучших из повестей Кервуда в новых переводах. Это, в частности, представленные в данном томе повести «Бродяги Севера», «В дебрях Севера».

Ю. КОНДРАТЬЕВА

СОДЕРЖАНИЕ

Саруханян А. П. Америка Купера и Кервуда 3

КУПЕР Д. Ф.

Последний из могикан, или Повествование о 1757 годе. *Перевод Е. М. Чистяковой-Вэр* 21

КЕРВУД Д. О.

Бродяги Севера. *Перевод И. Г. Гуровой* 291
В дебрях Севера. *Перевод И. Г. Гуровой* 431

Комментарии 601

Эпиграфы к роману Д. Ф. Купера «Последний из могикан» даются в переводе Р. Сефа.

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ДЛЯ ДЕТЕЙ

Литературно-художественное издание

Для среднего и старшего возраста

КУПЕР ДЖЕЙМС ФЕНИМОР

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ МОГИКАН

Роман

КЕРВУД ДЖЕЙМС ОЛИВЕР

БРОДЯГИ СЕВЕРА

В ДЕБРЯХ СЕВЕРА

Повести

Ответственные редакторы
Н. С. Дроздова, Л. П. Серебрякова

Художественный редактор
Н. З. Левинская

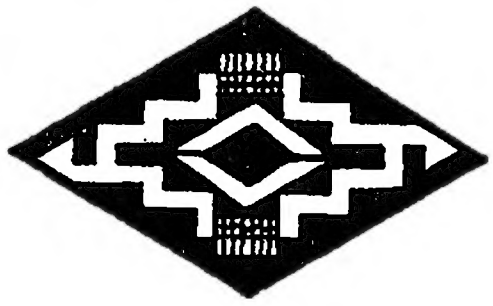
Технический редактор
Е. В. Буташина

Корректоры
И. Н. Мокина, Э. Н. Сизова

ИБ № 12957

Сдано в набор 20.09.89. Подписано к печати 03.04.90. Формат 60×90¹/₁₆. Бум. кн.-журн. имп. Шрифт акад. Печать высокая. Усл. печ. л. 39,13. Усл. кр.-отт. 42,88. Уч.-изд. л. 40,23+9 вкл.=40,84. Тираж 400 000 экз. (4-й завод 300 001—400 000 экз.). Заказ № 3063. С 263. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Министерства печати и массовой информации Российской Федерации. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Минпечати Российской Федерации. 127018, Москва, Сущевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»



Купер Д. Ф.

К 92 Последний из могикан, или Повествование о 1757 годе: Роман/Пер. с англ. Е. М. Чистяковой-Вэр. Кервуд Д. О. Бродяги Севера; В дебрях Севера: Повести/Пер. с англ. И. Г. Гуровой; Предисл. А. Саруханян; Коммент. Ю. Кондратьевой; Оформл. и рис. Л. И. Фалина.— М.: Дет. лит., 1990.— 606 с.+ +9 вкл.— (Б-ка мировой литературы для детей).

ISBN 5—08—002568—9

Рядом с охотником и следопытом Натти Бампо в романе Купера действуют индейцы — мудрый вождь Чингачгук и его сын Ункас — «последний из могикан».

В повести «Бродяги Севера» Д. О. Кервуд рассказал о трогательной дружбе щенка Мики и медвежонка Неевы.

Главный герой повести «В дебрях Севера» Веселый Роджер — друг индейцев, бесстрашный и благородный.

К $\frac{4804040100—263}{M101(03)-92}$ Без объявл.

ББК 84.7 США

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»